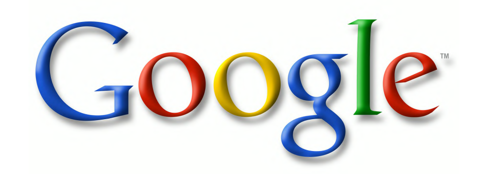

Google

БИБЛІОТЕКА „СѢВЕРА“

C. L. del.

ENGBERG

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

I.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

II.

Борьба съ расколомъ въ Поволжьѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Томъ XXI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 ноября 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб. Фонтанка 95.

Послѣдніе годы Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ.

I.

Въ исторіи самозванцевъ и поволжской понизовой вольницы второй половины XVIII-го вѣка, равно какъ во всѣхъ народныхъ движеніяхъ того времени и начала XIX-го вѣка, извѣстные иргизскіе монастыри, какъ мы неоднократно указывали на это въ нашихъ историческихъ монографіяхъ, играли очень важную роль, подобно тому, какъ русскіе монастыри въ польской Украйнѣ, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, во время гайдамачины и Уманской рѣзни, играли немаловажную роль въ народныхъ движеніяхъ юго-западной или украинской половины Россіи. Интриги Пугачева получили первую организацію и начальную руководящую нить въ раскольничьихъ монастыряхъ, основанныхъ въ XVIII вѣкѣ за Волгой, по рѣкамъ Иргизамъ, и долгое время бывшихъ центромъ тяготѣнія для бродячей массы народа восточной половины Россіи. Интриги Желѣзняка и подготовительныя дѣйствія гайдамачины также вышли изъ монастырей, расположенныхъ на границахъ польской Украйны, по рѣкѣ Тясмину, и также долгое время служившихъ точкою опоры для бродячихъ элементовъ народа западной Украйны. Послѣ Пугачева иргизскіе монастыри давали пріютъ не одному коноводу народныхъ движеній Поволжья.

То же значеніе въ народныхъ движеніяхъ имѣли и тясминскіе монастыри. Вообще монастырская жизнь и скитничество несомнѣнно выявили органическую связь съ исторіей народныхъ движеній, и бытовая исторія русскаго народа не вполнѣ будетъ ясна для историка, если онъ не откроетъ эту связь стихійныхъ движеній народа съ русскимъ скитничествомъ и вліяніе этого послѣдняго на историческую жизнь массы. Въ этомъ великую услугу бытовой исторіи русскаго народа могутъ оказать сохранившіеся провинціальные архивы XVIII-го и XIX-го вѣковъ, разработка которыхъ, съ этой стороны, тѣмъ желательнѣе въ настоящее время, что совершающаяся нынѣ, введеніемъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, судебная реформа, съ одной стороны, приводя въ болѣе стройный порядокъ уцѣлѣвшіе отъ пожаровъ и другихъ разрушительныхъ дѣйствій всесокрушающаго времени остатки памятниковъ бытовой исторіи русскаго народа, съ другой—служитъ невольной причиной ихъ уничтоженія. Предшествовавшее открытію новыхъ судебныхъ установленій упраздненіе магистратовъ, ратушъ и уѣздныхъ судовъ, въ архивахъ кото-

рыхъ хранилась, между прочимъ,—если позволено будетъ такъ выразиться,—вся криминальность нашего бытового прошлаго, и предшествовавшее этому упраздненію старыхъ судовъ распоряженіе правительства (1866 г.) о сосредоточеніи болѣе важныхъ и имѣющихъ историческое значеніе дѣлъ, возникавшихъ до начала девятнадцатаго столѣтія, въ московскомъ центральномъ архивѣ министерства юстиціи и объ уничтоженіи дѣлъ неважныхъ,—имѣли послѣдствіемъ то, что приведеніе въ порядокъ архивныхъ дѣлъ было въ то же время началомъ—конечно, невиннымъ—и уничтоженія ихъ. Съ одной стороны, неопытные чиновники, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія объ исторической важности разбираемыхъ ими остатковъ старины и руководимые такими же неопытными стряпчими въ оцѣнкѣ того, что съ исторической точки зрѣнія драгоцѣнно и что недрагоцѣнно, наблюдавшими за провѣркою архивовъ, нерѣдко уничтожали цѣлыми массами дѣла, казавшіяся имъ неважными, съ канцелярской точки зрѣнія, и несомнѣнно драгоцѣнныя, въ смыслѣ остатковъ бытовой исторіи русскаго народа; съ другой—эти же чиновники и архивные сторожа, тяготясь этимъ, по ихъ мнѣнію, безполезнымъ хламомъ, цѣлыми вязанками уничтожали старыя дѣла на топку архивовъ и своихъ квартиръ или сбывали ихъ за безцѣнокъ, въ обмѣнъ на табакъ, чай и сахаръ, по мелочнымъ лавочкамъ на оберточную бумагу *). Результатомъ всего этого было то, что архивы упраздненныхъ магистратовъ, ратушъ, уѣздныхъ и совѣстныхъ съ словесными судовъ, особенно до начала девятнадцатаго вѣка, или окончательно исчезли съ лица земли и, такимъ образомъ, безвозвратно утрачены для исторіи хранившіеся въ нихъ памятники прошедшей жизни русскаго народа, или же, приведенные въ порядокъ и снабженные красивыми папками для дѣлъ и изящно переплетенными описями, умалились въ своемъ объемѣ до весьма скромныхъ размѣровъ. Но и за всѣмъ тѣмъ то, что еще спаслось отъ всесокрушающихъ рукъ времени и канцелярскихъ чиновниковъ, все, что осталось въ архивахъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, представляетъ безспорно неоцѣненные памятники бытовой исторіи русскаго народа, и на эту-то бытовую исторію мы и желали бы обратить вниманіе историковъ и другихъ изслѣдователей, поставивъ себѣ задачею разработку тѣхъ или другихъ сторонъ исторической жизни русскаго народа, на основаніи уцѣлѣвшихъ въ провинціяхъ архивныхъ памятниковъ. Насколько раскольничьи монастыри и скитничество служили центромъ тяготѣнія для бродячихъ элементовъ народа, а иногда и источникомъ народныхъ движеній, можно отчасти заключить даже изъ того, что не далѣе, какъ тридцать лѣтъ назадъ **) раскольничьи иргизскіе монастыри изображали собою почти самостоятельное и изолированное отъ государства общество, а какіе-нибудь пошехонскіе скиты давали убѣжище весьма важнымъ коноводамъ бродячихъ народныхъ силъ. Такъ, архивныя дѣла тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка

*) Мы не говоримъ собственно объ архиваріусахъ, изъ которыхъ многіе страстно привязываются къ своимъ дѣтищамъ—архивнымъ дѣламъ.

**) Это сказано было авторомъ въ 1869 году. *Прим. ред.*

сохранили для будущей исторіи имя одного „предводителя шайки грабителей, бѣжавшаго изъ Сибири вора, извѣстнаго подъ названіемъ „Алешки Дьячка“. Личность эта, стоявшая во главѣ значительной шайки удалыхъ молодцовъ, особенно ознаменовала себя разбойными дѣлами въ ярославской губерніи, и несмотря на то, что, по особому высочайшему повелѣнію, Алешка Дьячекъ былъ преслѣдуемъ жандармскими командами внутренней стражи и земскою полиціею, несмотря на то, что о розыскѣ его и объ истребленіи предводительствуемой имъ партіи циркулярно сообщалось по всѣмъ губерніямъ имперіи, Алешка Дьячекъ все-таки не былъ ахваченъ правительствомъ, благодаря тому обстоятельству, что его, какъ доходили до правительства слухи, укрывали раскольничьи скиты въ пошехонскихъ лѣсахъ, а можетъ быть, такіе же скиты костромкіе, вологодскіе, наконецъ, иргизскіе *). Послѣдніе годы существованія этихъ-то иргизскихъ монастырей и ихъ значеніе въ исторіи народныхъ движеній и должны составить предметъ настоящаго изслѣдованія.

II.

Весною 1827 года, саратовскій губернаторъ, князь Александръ Борисовичъ Голицынъ, получилъ отъ Иринея, епископа пензенскаго и саратовскаго, оффиціальную бумагу, въ которой Ириней, между прочимъ, писалъ: „Ваше сіятельство, препроводивъ ко мнѣ при почтеннѣйшемъ отношеніи своемъ, отъ 25 минувшаго апрѣля, ставленную грамоту находящагося въ Саратовѣ бѣглаго раскольническаго попа Кирилла, совратившаго многихъ православныхъ христіанъ въ раскольническую ересь, требовать изволили мнѣнія моего по сему предмету, какъ неимѣющему положительнаго закона.

*) Приведемъ здѣсь сохранившіеся два любопытные циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ объ Алешкѣ Дьячкѣ. Первый циркуляръ отъ 7-го мая 1829 г., за № 1334: „Господину гражданскому губернатору. Вслѣдствіе донесенія г. генералъ-адъютанту Бенкендорфу корпуса жандармовъ полковника Шубинскаго о появившейся будто бы въ ярославской губерніи шайкѣ грабителей подъ предводительствомъ бѣжавшаго изъ Сибири вора, извѣстнаго подъ названіемъ Алешки Дьячка, Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы полковникъ Шубинскій старался открыть сію шайку и захватить всѣхъ разбойниковъ, при содѣйствіи жандармскихъ командъ внутренней стражи и земской полиціи. Во исполненіе сей высочайшей воли приняты были г. ярославскимъ гражданскимъ губернаторомъ и полковникомъ Шубинскимъ надлежащія мѣры къ развѣдыванію о мѣстопребываніи вора Алешки Дьячка и его сообщниковъ, но, вопреки всѣмъ стараніямъ, поиски по этому предмету остались донынѣ безуспѣшными. Полагаютъ, что сей воръ, въ августѣ и сентябрѣ прошлаго года, проживалъ въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ; но что повсемѣстное разглашеніе о мѣрахъ, принятыхъ къ поимкѣ его, побудило его, Алешку, оставить ярославскую губернію, тѣмъ болѣе, что онъ на свободное житье въ другихъ губерніяхъ, вѣроятно, имѣетъ поддѣльные паспорты. Впрочемъ, есть слухи, что Алешка ушелъ въ раскольничьи скиты, въ пошехонскихъ

къ пресѣченію тѣхъ способовъ раскольникамъ, которые употребляются ими къ распространенію той ереси, не только въ кругу ихъ жительства, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ, а именно въ городахъ: Астрахани, Тамбовѣ, Нижегородскѣ, между войскомъ донскимъ и въ другихъ мѣстахъ, какъ показалъ о томъ самъ бѣглый попъ Кириллъ". ДалѣеИриней, прежде чѣмъ изложить свое мнѣніе по этому предмету, указываетъ на правила православной церкви относительно поповъ, оставляющихъ свою церковь и „прилѣпляющихся къ расколу". Правила эти онъ находитъ въ Кормчей книгѣ, въ толкованіи этой книги, въ постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ: антіохійскаго, карѳагенскаго и др.

„Изъ правилъ сихъ, коими духовное правительство руководствуется, ваше сіятельство усмотрѣть изволите (продолжаетъ Ириней), что попы, у раскольниковъ укрывающіеся, не говоря уже о совращеніи ими христіанъ, за одно такое оставленіе церкви своей подвергаются лишенію сановъ. За совращеніе же отъ православной церкви простодушныхъ христіанъ подвергаются большему сужденію и истязанію, какъ о томъ изъяснено и въ высочайшемъ указѣ 1722 года, апрѣля 29 дня. На основаніи сихъ узаконеній, бѣглые попы, по суду духовнаго правительства, всегда и непремѣнно подвергаются лишенію сановъ, съ отсылкою въ гражданское вѣдомство, для опредѣленія, куда годными окажутся. Но тѣмъ изъ нихъ, которые въ преступленіяхъ своихъ во время суда изъявляютъ раскаяніе и обязуются пребывать до конца дней своихъ въ нѣдрахъ православной церкви нашей, по исполненію временной монастырской епитеміи и довольномъ усмотрѣніи чистосердечнаго раскаянія ихъ, возвращаемы бываютъ паки должности священническія".

До 1822 года, по словамъ Иринея, когда „измѣна церкви" была преслѣдуема по существующимъ узаконеніямъ, духовенство весьма рѣдко укло-

---

лѣсахъ или еще далѣе, въ вологодскую и костромскую губерніи. Такъ какъ объ отысканіи означеннаго вора Алешки Дьячка послѣдовало особое высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, то я и счелъ долгомъ поручить гг. начальникамъ губерній и областей объ отысканіи вора Алешки сдѣлать немедленно по вѣдомствамъ ихъ нужныя распоряженія и о послѣдующемъ министерство внутреннихъ дѣлъ увѣдомить". Подписалъ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ѳедоръ Гигель.

Второй циркуляръ отъ 13-го августа № 2304: „Циркулярнымъ предписаніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 7 прошлаго мая за № 1334, поручено гг. начальникамъ губерній и областей сдѣлать немедленно по вѣдомствамъ ихъ нужныя распоряженія объ отысканіи вора Дьячка Алешки. Нынѣ г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что на докладной запискѣ, представленной имъ всеподданнѣйше Государю Императору, по дѣлу о бѣжавшихъ изъ Сибири грабителяхъ, подъ предводительствомъ означеннаго вора Алешки Дьячка, Его Императорское Величество высочайше отмѣтить изволилъ: *„продолжать отыскивать"*. О таковомъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи поспѣшаю увѣдомить о семъ ваше сіятельство (князя Голицына, саратовскаго губернатора) для надлежащаго исполненія".

нялось къ раскольникамъ, хотя и находило тамъ „всегда вѣрное убѣжище отъ наказаній за свои преступленія“. По дѣламъ видно, говоритъ онъ, что ни одинъ священникъ не убѣгалъ къ раскольникамъ, не сдѣлавъ прежде какого-либо преступленія. Были у раскольниковъ даже и преступники, которые, послѣ лишенія сановъ, какъ ихъ называли, „попы разстриги“, совершали богослуженіе. Были и такіе, которые, похищая ставленныя грамоты послѣ умершихъ священниковъ, укрывались у раскольниковъ подъ именами, означенными въ похищенномъ документѣ. Но при всемъ томъ, какъ выражается Ириней, „злодѣйство обуздываемо было: будучи презрительнымъ въ своихъ вертепахъ, оно наводило ужасъ и на взирающихъ и никакъ не осмѣливалось возносить главы своея“. Но когда въ 1822 году допущена была свобода открытыхъ сношеній православнаго духовенства съ раскольниками, когда дозволено было священникамъ, не сдѣлавшимъ уголовныхъ преступленій, отлучаться къ раскольникамъ и исправлять у нихъ священническія должности, „какъ такимъ людямъ (прибавляетъ Ириней), коими дорожить не должно“, то такое множество священниковъ, особенно преслѣдуемыхъ за что-либо епархіальнымъ начальствомъ, ушло къ раскольникамъ и преимущественно за Волгу, въ богатые иргизскіе скиты, что эти скиты, „преизобыточествуя сими бѣглецами, начали производить ими торговлю“, посылая ихъ въ такія мѣста, гдѣ ихъ прежде не было и гдѣ въ нихъ не нуждались, и черезъ эту торговлю раскольничьими попами и другими бѣглецами иргизскіе скиты накопили громадныя богатства, о которыхъ мы и скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, массы бѣглыхъ поповъ и самозванцевъ до того увеличились, раскольничье проходимство, бродяжничество духовенства и мірянъ, самозванство и общіе побѣги, какъ въ понизовую вольницу, такъ и въ привольные раскольничьи скиты за Волгу, гдѣ при томъ допускалась всевозможная свобода сношеній между скитами мужскими и женскими, до того усилились, что сами раскольники испугались этого наплыва народа со всѣхъ сторонъ Россіи, и тѣхъ изъ бѣглыхъ поповъ, разстригъ и самозванцевъ, „которые развратными поступками своими содѣлались и тамъ нетерпимыми“, выгоняли изъ скитовъ, а иногда прямо выдавали въ руки полиціи. Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ Ириней говоритъ, что дозволеніемъ свободныхъ сношеній духовенства съ раскольниками „зло воспріяло образованіе и приняло на себя отблески истины, не имѣя существа ея“, что, такимъ образомъ, зло это получило и опору въ умахъ народныхъ массъ, проявляясь въ различныхъ видахъ и развѣтвляясь на безчисленныя секты, согласія и толки. Къ этому Ириней прибавляетъ съ своей стороны, что снисхожденіе правительства при допущеніи священниковъ удаляться къ раскольникамъ имѣло далеко не ту цѣль, чтобы умножать расколъ и, унижая тѣмъ господствующую церковь, „вооружать противъ себя лютыхъ непріятелей, и государству, и государю непрестанно зломыслящихъ“, какъ выражался Петръ I въ своихъ указахъ о раскольникахъ, но чтобы бѣглые священники, являясь между раскольниками, могли, напротивъ, служить какъ бы звеномъ соединенія ихъ съ православными,

Между тѣмъ, раскольничьи коноводы, начетчики и другіе грамотники, будучи „кривотолками священнаго писанія“, по выраженію Иринея, „криво толкуютъ и законы“. Они внушаютъ бѣглымъ попамъ, что если бы ихъ раскольничья вѣра не была права, то не могло бы существовать и дозволенія священникамъ свободно жить между раскольниками, даже послѣ побѣговъ и преступленій, кромѣ уголовныхъ. Обольщая этой казуистикой бѣглыхъ поповъ, раскольничьи коноводы дѣлаютъ ихъ слѣпымъ орудіемъ умноженія раскола, особенно же посредствомъ такъ называемой „исправы“ и проклятій, относимыхъ къ господствующей религіи, какъ въ никоніанской ереси. Вскорѣ, по объясненію пензенскаго епископа, обнаружилось и другое зло, давшее новую силу расколу и вызвавшее въ народѣ волненіе и прямое неповиновеніе властямъ цѣлыми массами. Это умноженіе раскольничьихъ церквей и часовенъ, привлекавшихъ народъ богатою внутреннею обстановкою. Такъ какъ, высочайшими указами 12-го марта 1798 года, 27-го октября 1800 г. и 14-го октября 1807 г., раскольникамъ дозволено былъ строить церкви и имѣть при нихъ священниковъ, только съ разрѣшенія духовнаго начальства, съ тѣмъ, чтобы церкви эти назывались единовѣрческими, какъ это выяснено въ высочайше утвержденномъ мнѣніи московскаго митрополита Платона на извѣстные пункты, поданные ему московскими старообрядцами, то въ силу этого дозволенія во многихъ городахъ и были построены такія церкви съ избранными отъ самихъ раскольниковъ и утвержденными епархіальнымъ начальствомъ священниками. „Но сей снисходительный гласъ правительства,—прибавляетъ епископъ Ириней,—не былъ услышанъ въ главномъ гнѣздилищѣ разврата раскольническаго—иргизскихъ скитахъ и городѣ Вольскѣ. Тамъ устроялись церкви по своевольнымъ и прихотливымъ желаніямъ загрубѣлыхъ въ заблужденіи своемъ изувѣровъ; взирая же и другіе на нихъ, построили молельни и часовни на подобіе грекороссійскихъ церквей въ разныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ“. Подобнымъ образомъ была построена каменная церковь въ Вольскѣ. Когда объ этомъ было донесено синоду и когда вольскихъ раскольниковъ спросили, кто разрѣшалъ имъ строить церковь, тѣ отвѣчали, что церковь построена ими съ разрѣшенія бывшаго саратовскаго губернатора Бѣлякова. Объ этомъ было доложено государю Александру. Тогда-то и послѣдовало высочайшее повелѣніе, объявленное въ указѣ синода отъ 31-го декабря 1817 года, которымъ повсемѣстно подтверждалось, чтобы „начальники губерній отнюдь не давали дозволеній по предметамъ, до духовнаго вѣдомства принадлежащимъ“, и въ то же время повелѣно было наблюдать, чтобы постройка вольской раскольнической церкви не была ими своевольно довершена. Впослѣдствіи оказалось, что вольскіе раскольники не послушались и этого распоряженія. Въ заключеніе своего посланія къ князю Голицыну Ириней предлагаетъ, въ отношеніи раскольниковъ, принять слѣдующія мѣры:

1) „Священниковъ, у раскольниковъ находящихся, впредь до составленія о нихъ положительныхъ правилъ, обязать строжайшими подписками, чтобы

они ни подъ какимъ предлогомъ не присоединяли вновь въ расколъ православныхъ христіанъ, хотя бы они объявили о себѣ, что имѣютъ на то собственное желаніе и ни кѣмъ къ тому побуждаемы не были.

2) „Не совершали бы браковъ между таковыми лицами, гдѣ одно принадлежитъ къ нашей православной грекороссійской церкви.

3) „Не давали бы молитвъ родильницамъ и не крестили бы дѣтей, отъ таковыхъ браковъ рожденныхъ.

4) „Если за всѣмъ тѣмъ кто-либо изъ таковыхъ священниковъ оказался бы нарушившимъ что-либо изъ вышеписанныхъ правилъ, таковаго, какъ преступника высочайшей воли, изъясненной въ мнѣніи комитета гг. министровъ 1825 г., октября 17 дня, отбирая у раскольниковъ, препровождать къ епархіальному начальству для поступленія съ нимъ по законамъ. На семъ основаніи и попа Кирилла, признавшагося въ совращеніи многихъ православныхъ въ расколъ, препроводить для сужденія къ епархіальному начальству.

5) „Усугубить вниманіе со стороны гражданскаго начальства: будутъ ли сверхъ того соотвѣтствовать сіи бѣглецы благодѣтельному снисхожденію къ нимъ правительства, въ обстоятельствахъ, необъясненныхъ въ сказанной подпискѣ, но клонящихся къ той цѣли, чтобы они, бѣглецы, служили орудіемъ къ соединенію заблудшихъ съ нашею православною церковью; въ противномъ случаѣ отправлять ихъ къ тѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, къ коимъ они принадлежали, и такимъ образомъ снисхожденію правительства полагать мало-по-малу предѣлъ, а раскольниковъ возбуждать къ скорѣйшему принятію единовѣрческой церкви и благословенныхъ священниковъ.

6) „Изъ дѣлъ открывается, что не одни бѣглые попы совращаютъ православныхъ въ расколъ, но и наставники и лжеучители раскольническіе, а наипаче монахи и бѣльцы и монахини и бѣлицы иргизскихъ монастырей, то всѣмъ имъ, посредствомъ полиціи, строжайше подтвердить, чтобы они никого къ своей ереси не совращали, въ противномъ случаѣ подвергать ихъ уголовному суду.

7) „Выше сего изложено, что церкви, часовни и молельни, своевольно раскольниками построенныя, служатъ для простодушныхъ христіанъ большою приманкою къ поступленію въ расколъ, то по силѣ вышеписаннаго высочайшаго указа, чтобы раскольники ничего вновь не строили похожаго на церкви, до воспослѣдованія о нихъ особаго постановленія, строжайше воспретить имъ, раскольникамъ, перестраивать и возобновлять оныя, ибо если раскольники будутъ ихъ починивать и передѣлывать, то эти останутся всегда въ одинаковомъ положеніи и при всей своей многочисленности, а высочайшее повелѣніе не достигнетъ своей цѣли; но дабы раскольникамъ пресѣчь къ тому способы, то, исчисливъ секретно таковыя церкви, часовни и молельни и назначивъ нѣкоторыя къ немедленному, а другія къ постепенному уничтоженію, имѣть списки сіи въ виду какъ гражданскому, такъ и духовному начальствамъ, и затѣмъ поручить, съ гражданской стороны,

полиціямъ, а съ духовной благочиннымъ строго наблюдать и, при малѣйшемъ движеніи раскольниковъ къ возобновленію оныхъ, доносить каждому по своему начальству; своевольное же оканчиваніе раскольниками въ городѣ Вольскѣ каменной церкви воспретить, если они не согласятся имѣть оную на правилахъ единовѣрческой церкви, согласно съ высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита московскаго".

Письмо свое, по обычаю того времени, Ириней заканчиваетъ словами: „Съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ, Ириней, епископъ пензенскій и саратовскій.

III.

Это знаменитое посланіе Иринея къ князю Голицыну было началомъ роковыхъ послѣдствій для иргизскихъ раскольничьихъ монастырей и однимъ изъ сильнѣйшихъ нравственныхъ ударовъ, поразившихъ понизовую вольницу за все время ея долгаго историческаго существованія. Мало того, что этимъ ударомъ какъ бы пришиблена была понизовая вольница—онъ рефлективно отразился и на всей исторіи народныхъ движеній.

До 1827 года иргизскіе монастыри представляли какой-то отдѣльный міръ, до того замкнутый отъ вторженія въ него какихъ бы то ни было правительственныхъ властей, что даже мѣстные губернаторы знали о нихъ только по слухамъ. Это была совершенно самостоятельная и богатая община, управляемая своими собственными властями на выборныхъ началахъ. Маленькое государство это, status in statu, руководствовалось въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ чисто-республиканскими пріемами, и президентъ республики, которыхъ было нѣсколько, по числу общинъ, былъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ народомъ, его избравшимъ. Поэтому, когда правительство поняло, насколько опасно и вредно ютившееся въ темномъ углу за Волгой независимое братство, оно не знало даже, съ какой стороны подойти къ нему, чтобы узнать, какая сила заключается въ этой общинѣ. Знали только, по слухамъ, что эти раскольничьи скиты владѣли огромнымъ количествомъ богатыхъ земель, находящихся по рѣкамъ Караману, Иргизамъ, Вертубани, Тишанѣ, Тарлыку, Сазанлеѣ, Еруслану и Березовкѣ, что въ казначействахъ этихъ скитовъ хранятся несмѣтныя сокровища и что президенты и президентши общинъ, иноки и схимники, Тарасіи, Мардаріи и инокини Θеофаніи, Дросиды и другіе распоряжаются своими подданными, какъ настоящіе государи, съ правомъ суда и наказанія по своимъ законамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія уже извѣстнаго намъ письма Иринея, князь Голицынъ потребовалъ отъ вольскаго земскаго исправника, въ вѣдѣніи котораго территоріально, но не юридически находились иргизскія общины, слѣдующихъ свѣдѣній: 1) въ какомъ

употребленіи находятся земли, состоящія во владѣніи иргизскихъ монастырей, въ какихъ угодьяхъ эти земли заключаются и какой приносятъ доходъ; 2) о способахъ содержанія этихъ монастырей, о ихъ имуществѣ, какъ велики ихъ годовые доходы и расходы, „хотя примѣрно, но сколько можно ближе къ истинѣ“; 3) кромѣ иноковъ и бѣльцевъ, сколько проживаетъ въ монастыряхъ людей, изъ какого они званія и чѣмъ занимаются, и вообще всѣ свѣдѣнія, какія только можно собрать о монастыряхъ и ихъ обитателяхъ. Исправникъ Канищевъ, представляя князю Голицыну требуемыя имъ о всѣхъ пяти монастыряхъ свѣдѣнія, добавилъ, что настоятель одного изъ монастырей, Прохоръ, замѣненъ другимъ монахомъ—Саввою. „Но какъ тотъ выборъ происходилъ—свѣдѣнія не имѣю (писалъ Канищевъ). Господину засѣдателю Юрасову тѣ обстоятельства, которыя должны доводить до свѣдѣнія вашего сіятельства, особо передамъ, ибо я, по милостивому вашего сіятельства позволенію, сего числа отъѣзжаю въ отпускъ“. Изъ этихъ свѣдѣній оказалось, что въ трехъ мужскихъ монастыряхъ, Верхне-Спасо-Преображенскомъ, Нижне-Воскресенскомъ и Средне-Никольскомъ, считалось сорокъ священниковъ, изъ которыхъ одни находились при монастыряхъ налицо, а другіе въ отлучкахъ или по разнымъ случаямъ выбывали изъ монастырей. Тутъ были священники, сошедшіеся на Иргизы со всѣхъ мѣстностей Поволжья, а нѣкоторые изъ внутреннихъ губерній Россіи. Тутъ были священники и іеромонахи изъ Казани, Чистополя, Сенгилея, Сызрани, Симбирска, Пензы, Астрахани, Ярославля, Костромы, Тамбова, Вятки, Елабуги, Калуги и другихъ городовъ. Какъ оказалось, иные изъ этихъ священниковъ пришли на Иргизы въ началѣ этого столѣтія и оставались тамъ до послѣднихъ лѣтъ. Въ двухъ женскихъ монастыряхъ, Средне-Успенскомъ и Верхне-Покровскомъ, считалось до восьми сотъ инокинь и бѣлицъ, которыя въ монастырскихъ спискахъ иначе назывались просто „дѣвками“. Въ мужскихъ же монастыряхъ, кромѣ священниковъ, іеромонаховъ и діаконовъ, считалось болѣе трехъ сотъ бѣльцовъ, между которыми были не только юноши, „мальчики“, какъ они значатся въ спискахъ, но и младенцы. Вообще же женское населеніе монастырей было многочисленнѣе мужского, потому что послѣднее не довольствовалось монастырскою жизнію, скитничествомъ и „монастырскими трудами“ и „моленіемъ“, „хожденіемъ на клиросъ“ и прочими подвигами, но искало и внѣшней дѣятельности, начиная отъ торговли и кончая паломничествомъ и бродяжничествомъ и даже участіемъ въ подвигахъ понизовой вольницы. Получивъ эти первоначальныя свѣдѣнія о монастыряхъ и узнавъ объ отрѣшеніи отъ должности настоятеля Нижне-Воскресенскаго монастыря инока Прохора, замѣненнаго монахомъ Саввою, князь Голицынъ потребовалъ отъ Юрасова новыхъ свѣдѣній. Онъ предписалъ Юрасову—„безъ всякой огласки, подъ рукою, тотчасъ развѣдать и донести съ первою почтою: въ какомъ отношеніи находятся иргизскіе монастыри къ удѣльной конторѣ, какой доходъ даютъ они конторѣ, отъ кого зависитъ отрѣшеніе настоятелей и, наконецъ,

какимъ образомъ производится самый ихъ выборъ". На это Юрасовъ донесъ, что основаніе иргизскихъ монастырей положено въ 1762 году, что „заводились" они выходцами изъ-за границы и, по собственному желанію раскольниковъ - выходцевъ, причислены были въ дворцовые крестьяне, что впослѣдствіи они переименованы были въ крестьяне удѣльные и завѣдывались бывшею тамбовскою удѣльною экспедиціею. Съ 1808 года иргизскіе монастыри поступили въ завѣдываніе саратовской удѣльной конторы, такъ какъ заводители монастырей „были прежде дворцовыми". Всѣ имѣющіяся въ монастыряхъ „сокровища" пріобрѣтены не отъ собственнаго труда монастырскихъ обывателей, а „чрезъ подаянія доброхотныхъ дателей, старообрядцевъ, находящихся въ столицахъ, разныхъ губерніяхъ и сибирскихъ краяхъ". Выборъ настоятелей производится слѣдующимъ образомъ: иноки и бѣльцы извѣстнаго монастыря, собравшись на сходку и посовѣтовавшись между собою, избираютъ того, кого считаютъ наиболѣе достойнымъ править ихъ общиною; о результатахъ избранія составляется приговоръ, который и представляется въ удѣльную контору чрезъ мѣстный приказъ. Отрѣшеніе настоятелей также зависитъ „отъ братіи монастырей, если что оная замѣтитъ противное уставамъ". Иноки и бѣльцы вносятъ въ удѣльный приказъ оброкъ — на жалованье головѣ, двумъ засѣдателямъ, на шитье головѣ кафтана, на содержаніе приказа и на другія мірскія надобности. Вообще же оброкъ не превышаетъ одиннадцати рублей съ души. Князь Голицынъ не остановился на этихъ свѣдѣніяхъ. Онъ обратился въ удѣльную контору и просилъ сообщить ему: въ какомъ отношеніи находятся монастыри къ удѣльной конторѣ по всѣмъ предметамъ, сколько въ тѣхъ монастыряхъ считается собственно удѣльныхъ крестьянъ, какой они платятъ оброкъ и черезъ кого онъ собирается, какимъ образомъ устроена хозяйственная часть монастырей, кто составляетъ ихъ сельское начальство, кѣмъ производится выборъ настоятелей, кто утверждаетъ ихъ въ духовномъ званіи и кѣмъ они удаляются отъ должностей. Добытыя посредствомъ удѣльной конторы свѣдѣнія состояли въ слѣдующемъ: иргизскіе монастыри вмѣстѣ со всѣми обитателями этихъ духовныхъ общинъ, на основаніи второго параграфа учрежденія объ императорской фамиліи, и по преобразованіи въ 1808 году положенія объ удѣлахъ, поступили въ управленіе удѣльной конторы, наравнѣ съ прочими дворцовыми крестьянами. Во всѣхъ пяти монастыряхъ, по сказкамъ 7-й ревизіи, считалось въ этихъ монастыряхъ, какъ мы видѣли выше, за удѣломъ 202 души мужского пола и 152 женскаго, тогда какъ только по монастырскимъ спискамъ считалось въ этихъ монастыряхъ, какъ мы видѣли выше, болѣе тысячи-ста иноковъ, инокинь, бѣльцовъ и бѣлицъ. Фактически же цифры эти были еще болѣе. Хозяйственная часть монастырей состоитъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Поземельная собственность ихъ простирается до 12,500 десятинъ. Но главный доходъ монастырей сихъ,—пояснила удѣльная контора,—состоитъ въ подаяніяхъ отъ доброхотныхъ дателей равной имъ секты, пріѣзжающихъ къ нимъ на моленіе, а нѣкоторые таковое по-

сылаютъ и изъ мѣстъ своихъ, и подаяніе сіе дѣлается не однѣми деньгами: Уральскъ снабжаетъ ихъ рыбою, Сибирь — желѣзомъ, а Москва и Санктъ-Петербургъ—церковными утварьми. Относительно утвержденія настоятелей дознано было, что утвержденіе ихъ въ духовномъ званіи зависѣло отъ конторы.

„Что же касается до отправленія монастырскими жителями богослуженія и прочихъ по ихъ сектѣ духовныхъ обрядовъ, равно пріема въ монастыри сіи священниковъ и діаконовъ, то (заключала контора) все сіе, по нахожденію старообрядцевъ въ непосредственномъ завѣдываніи и наблюденіи начальниковъ губерніи, ни до какого другого мѣстнаго начальства не относится, и контора, не имѣвъ на сіе отъ своего начальства никакого постановленія, въ предметъ сей не входитъ.“ Между тѣмъ, какъ оказывается, губернаторы менѣе всего знали, что дѣлается въ монастыряхъ. Гражданская замкнутость этихъ общинъ, особенно передъ великимъ оффиціальнымъ окомъ и противъ всякаго административнаго шага и посягательства, была до того абсолютна, что губернаторы имѣли, въ этомъ отношеніи, на монастыри болѣе ничтожное вліяніе, чѣмъ на шайки понизовой вольницы, противъ которой они могли высылать свои команды, которую они могли преслѣдовать и попадавшихся въ руки удалыхъ добрыхъ молодцевъ сажать въ остроги, наказывать кнутомъ, ссылать въ Сибирь. Иргизскіе монастыри — это была духовная понизовая вольница, болѣе, можетъ быть, страшная для гражданскаго строя, чѣмъ гражданская понизовая вольница. Духовные удалые добрые молодцы—иноки, бѣльцы, инокини, бѣлицы—имѣли сильную руку въ столицахъ, въ Сибири, во всѣхъ концахъ Россіи и на всѣхъ ступеняхъ правительственной лѣстницы.

IV.

Собранныя разными косвенными путями свѣдѣнія о монастыряхъ не удовлетворили князя Голицына. Онъ требовалъ указанія на документы, по которымъ раскольники владѣютъ такими обширными земельными статьями. Мало того,—онъ требовалъ отъ удѣльной конторы того, чего она сама не въ силахъ была дать. Провѣдавъ о „сокровищахъ“, хранящихся въ монастыряхъ, онъ писалъ конторѣ: „Считая нужнымъ знать, въ чемъ именно заключаются находящіяся въ помянутыхъ монастыряхъ сокровища... я посему покорно прошу удѣльную контору доставить мнѣ надлежащія о семъ свѣдѣнія, сколь возможно поспѣшнѣе“: За этими свѣдѣніями пришлось обратиться къ самимъ монастырямъ. И вотъ, въ октябрѣ 1827 года, настоятели монастырей, иноки Савва, Тарасій и Гавріилъ, а равно настоятельницы дѣвичьихъ обителей, инокини Надежда, Θеофанія, вмѣстѣ съ уставщиками, соборными „старцами“, инокинями, бѣльцами и бѣлицами, составили реестры монастырскихъ имуществъ и даже необходимыя объясненія. Такъ, изъ описи Нижне-Воскресенскаго монастыря, напримѣръ, видно, что въ немъ было три церкви. Внутренность одной была вся расписана изобра-

женіями Апокалипсиса. Въ ней находилось до трехъ сотъ образовъ, „съ серебряными ризами, иныя позлащены и унизаны жемчугомъ и разными каменьями“. Были также „разныхъ святителей частицы мощей“ и проч. Келій въ монастырѣ 47, въ томъ числѣ келарня, пекарня и больница. Изъ трехъ лучшихъ келій одна занимаема была настоятелемъ, другая храненіемъ ризъ, утвари и библіотеки изъ 450 книгъ, третья — „неугасимымъ Богу служеніемъ“. При монастырѣ имѣлось два магазина для жизненныхъ припасовъ, три конюшни, два сарая и два колодца. Монастырь обнесенъ оградой съ тремя воротами. На озерѣ двѣ мельницы. Для уборки хлѣба и для скотоводства — хуторъ, съ десятью кельями, двумя магазинами и восемью сараями. При хуторѣ — три мельницы, кузницы и другія хозяйственныя заведенія. Въ лѣсу пчельникъ съ сорока ульями. Воловъ 46, дойныхъ коровъ—25 и много другого мелкаго скота. На озерѣ и на рѣкѣ дощаники и лодки. Для рыболовства неводъ въ 120 саженъ. Затѣмъ пожарный обозъ и проч. Но гораздо большій интересъ представляетъ описаніе церковнаго имущества, утвари, книгъ и другихъ принадлежностей. Утомительно читать перечисленіе иконъ, которыхъ во всѣхъ монастыряхъ насчитывалось болѣе двухъ тысячъ, книгъ, священническихъ ризъ, сосудовъ... Между тѣмъ, все это были предметы цѣнные, все это были дѣйствительно „сокровища“. Просматривая перечни книгъ, мы постоянно встрѣчаемъ поясненія, что изъ нихъ такія-то напрестольныя евангелія — или съ „серебряными кованными и позлащенными досками“ аршинной мѣры, или съ кованными украшеніями по угламъ. Между ними были рукописи, свитки и иная раскольничья святыня. Богатство и цѣнность иконъ еще болѣе бросаются въ глаза. То и дѣло при перечнѣ иконъ попадаются поясненія—или „въ серебряныхъ и позлащенныхъ ризахъ“, или „ризы убраны жемчугомъ“, или „въ серебряныхъ и вызлащенныхъ окладахъ и жемчужныхъ убрусахъ“. Вѣнцы, оплечья на образахъ—все это тоже драгоцѣнно. Не менѣе драгоцѣнны ковчеги, непремѣнно „серебряные и вызлащенные“, драгоцѣнные запрестольные и благословящіе кресты, воздухи—„унизаны жемчугомъ“, „шиты золотомъ“, иконостасы—„рѣзные, вызлащенные червеннымъ золотомъ на полиментъ“, громадныя серебряныя паникадила, изъ коихъ въ нѣкоторыхъ было по 42 и по 48 подсвѣчниковъ. Затѣмъ слѣдуютъ лампады, подсвѣчники, потиры, кадила, блюда, сосуды, рипиды—все это цѣльное кованное серебро, и все это массивно и цѣнно. Ризницы переполнены священническимъ и діаконскимъ облаченіемъ. На ризахъ и діаконскихъ стихаряхъ также блеститъ золото и серебро, а самая матерія говоритъ о ихъ цѣнности: все это, большею частію, парча, бархатъ, атласъ, штофъ. Потомъ богатые діаконскіе орари, поповскіе подрясники, епитрахили, поручи, пояса. Изъ другихъ церковныхъ драгоцѣнностей обращаютъ на себя вниманіе—богатыя плащаницы, блестящія золотомъ и жемчугомъ, церковныя хоругви, одежды на престолахъ и на жертвенникахъ—все это сплошное серебряное и золотое тканье, равнымъ образомъ покрывала—на золотѣ, пелены и прочая утварь и одѣянія. Не даромъ до сихъ

поръ саратовскіе старожилы, которые помнятъ когда и какъ уничтожались иргизскіе скиты, разсказываютъ, что нѣкоторыя изъ мелкихъ оффиціальныхъ лицъ, принимавшія участіе въ фактическомъ уничтоженіи скитовъ, набивали громадные сундуки серебряными ризами отъ ободранныхъ иконъ и другими сокровищами, скопленными раскольниками. Дѣйствительно, существованіе этихъ сокровищъ неудивительно, потому что вся европейская и азіатская Россія, Москва, Петербургъ, и богатѣйшіе города имперіи несли свои дорогіе вклады въ эти обители, а тратить эти сокровища раскольникамъ было некуда, какъ бы роскошно и расточительно ни жили они въ своихъ, сокрытыхъ отъ глазъ нескромныхъ мірянъ, обителяхъ и скитахъ. При томъ для старцевъ и старухъ-инокинь самая роскошь не имѣла смысла, а молодежь — юные бѣльцы и молоденькія бѣлицы, могли роскошничать только тайно отъ постороннихъ глазъ, да и то роскошь эта при тогдашнихъ общественныхъ нравахъ и при простомъ образѣ жизни въ глухомъ Заволжьѣ едва ли могла быть разорительна. Раскольники могли развѣ только въ свое удовольствіе пожить животно—сладко поѣсть и въ волю попить, а для этого они имѣли все подъ рукою, не говоря уже о безпрестанныхъ богатыхъ посылкахъ всякой провизіи съ Волги, Дона, Урала. Эту нескромность и распущенность монастырской жизни изобличаютъ имѣющіеся у насъ подъ руками два современные документа, принадлежащіе, повидимому, одному изъ раскольниковъ. Документы эти мы и приводимъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Въ декабрѣ того же года князь Голицынъ получилъ безыменный доносъ. Доносъ писанъ древнимъ почеркомъ, едва ли не полууставомъ, какимъ въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX писались разныя раскольничьи книги и молитвы.

Вотъ содержаніе перваго доноса:

„Ваше сіятельство, проницательный господинъ саратовскій губернаторъ! По дозволенію доносить вашему сіятельству на каждомъ шагу о законопротивныхъ поступкахъ, которые совершаются со всякою похабностію и необузданостію въ Средне-Никольскомъ старообрядческомъ мужскомъ и дѣвичье-Успенскомъ монастыряхъ, я за необходимое поставилъ по обязанности моей сдѣлать честь вашему сіятельству донесть о разслабленномъ схимникѣ Тарасіи и о надутой настоятельницѣ инокинѣ Ѳеофаньѣ. Между ними двумя лицы единственная есть неразрывность и отверстыя къ противленію его царскаго величества законамъ врата. Нужда, заставляющая ихъ такъ поступать, есть сія: поелику что въ прихотѣ своей предприметъ Ѳеофанья настоятельница, то и Тарасій дѣлаетъ въ угодность ея со всевозможнѣйшею поспѣшностію, боясь дабы ее не прогнѣвать, отчего онъ можетъ (и не диво) лишиться благого ея правленія и распоряженія въ его монастырѣ. Къ исполненію же сему, имѣя подъ собою подобныхъ себѣ

похотопослѣдователей, церкве-управителя инока Павла, у котораго рѣдкія сутки не наполнена бываетъ голова горячихъ напитковъ, и подчиненный ему попъ Иванъ Петровичъ, по прозванію... есть оныхъ вседѣйствующее орудіе указопротивнымъ дѣламъ, чрезъ которое могутъ исполнить все то, что кому требуется, не только въ полдень, но и въ полночь. Причина же его есть та, что были бы ему даны деньги, а кольми паче и паче всего виномъ кто его напоитъ. 1) Понѣже пьяный оный попъ смѣло и безразборчиво преступилъ крестить числомъ пять человѣкъ, какъ-то *): мальчикъ, лѣтъ 15, женщина, лѣтъ 30, и три дѣвицы, лѣтъ по 20, есть инымъ и менѣе. На что, однако, имѣются (и хранятся удивленія достойно) у настоятеля Тарасія данные документы о дозволеніи пяти душъ крестить, а позабывъ его царское величество воспретительные указы, состоящіеся 1826 года, и свою данную господину исправнику подписку, чтобъ впредь ни по какому поводу не пріимать. И убо по вытребованію ваше сіятельство документовъ, можете въ нихъ все видѣть содержащееся. А совершилось сіе тайнодѣйствіе октября 31-го числа поутру 1827 года, поелику въ тотъ день настоятель Тарасій съ согласія Өеофаніи уволилъ попа отъ священныя литургіи и дозволилъ ѣхать въ женскій монастырь, и настоятельница Өеофанья, изготовивъ на рѣкѣ Иргизѣ іордань для совершенія крестинъ, гдѣ и было величайшее позорище, на которое стекалось народу душъ сотъ до четырехъ. Тогда попъ едва - едва на ногахъ стоялъ отъ одуренія горячихъ напитковъ, не взирая на указъ, воспрещающій о поеніи виномъ поповъ, существующій съ 1827 года, да и навсегда. 2) Еще сей Иванъ попъ вновь исправлялъ, то есть миромъ помазывалъ того жъ года, мѣсяца ноября 9-го числа, ночью въ 11 часу, то есть Хвалынскаго уѣзда деревни Грачевъ, двухъ господскихъ человѣкъ..., которыхъ привозилъ оноя жъ деревни и уѣзда Григорій Ивановъ, прозваніемъ Асотовъ, впрочемъ и сихъ по деревенскому документу. Посему извольте видѣть ваше сіятельство сихъ настоятелей дерзопротивность его царскаго величества указамъ и необузданность. Итакъ, просимъ ваше сіятельство исполнить свою должность и поддержать оныхъ монастырей своевольныхъ настоятелей съ ихъ послѣдователями, дабы они впредь болѣе не разразились о камень противленія и невоздержанія своего и дать имъ знать, для чего они суть настоятели и къ чему приставленъ инокъ Павелъ, управитель церковный, и что суть законы, что указы и что значитъ подписка, въ которой обязались впредь нежили крестить крещеныхъ не по силѣ указа, но не пріимать и въ исправу. Впрочемъ, не осмѣливаюсь болѣе утруждать и обезпокоивать васъ, ваше сіятельство.

„Я есмь правдолюбящій гражданинъ и всенижайше повергающійся на вашу дальновидность и проницательность вашего сіятельства, покорный слуга. Аминь“.

---

*) Стахій, Матрона, Настасія, Парасковія, Стефанида.

Прим. доносчика

Одновременно съ этимъ полученъ другой доносъ, писанный тою же рукою. Содержаніе его слѣдующее:

„Ваше сіятельство, господинъ губернаторъ! Не соблаговолите ли милостиво взойти въ расходъ бывшаго казначея, инока Ефрема, того жъ Средне-никольскаго старообрядческаго монастыря, и не благоугодно ли вамъ будетъ потребовать его расходную книгу на 1826 годъ. Предвидится, что для вашей, ваше сіятельство, проницательности будетъ очень любопытно, поелику оный казначей при собраніи всей братіи оказалъ расходу на одинъ годъ подлинно слишкомъ 7,000 рублей, за что уже самое смѣненъ изъ казначеевъ сего ноября 8-го числа 1827 года. Также убо нужно предо-значается вытребовать расходъ сего жъ года и отъ настоятеля Тарасія: убо онъ объявилъ мелькомъ братіи расходу на одинъ годъ 12 тысячъ рублей, а приходу братіи открылъ 11 тысячъ рублей, но исправнику объявлено, кажется, семь тысячъ рублей—подлинно не знаю, право: буде семь исправнику объявлено, то всеподлинно ложь. Надѣемся, ваше сіятельство, сами изволите узнать, по громкому вашему любопытству, все здѣсь совершающееся, но только бъ было вашему сіятельству извѣстно, или уже и извѣстно? что настоятель Тарасій, по предписанію изъ саратовской удѣльной конторы, смѣняется изъ настоятелей. Готовый всегда къ услугамъ вашему сіятельству“.

Почти одновременно съ полученіемъ этихъ доносовъ, въ монастыряхъ, по распоряженію князя Голицына, производились обыски. Въ обществѣ много ходило толковъ о томъ, что въ иргизскихъ монастыряхъ есть подземные тайные ходы. Говорили, что ходы эти представляли возможность тайнаго сношенія между монастырями, а также служили для невидимыхъ міру сообщеній мужскихъ обителей съ женскими. Утверждали также, что въ тайникахъ этихъ сохраняются несмѣтныя богатства раскольниковъ, „сокровища“, не показанныя въ описяхъ. Произведенные полиціею обыски при понятыхъ и въ присутствіи монастырскаго начальства, дѣйствительно, обнаружили тайные подземные ходы въ монастыряхъ; но все это было не то, чего искали. Такъ, въ Средне-Никольскомъ мужскомъ монастырѣ, въ настоятельской жилой связи, по поднятіи во многихъ мѣстахъ половыхъ досокъ, найдено: „въ среднихъ сѣняхъ, подъ глухимъ поломъ, безъ творила, куда по спущеніи лѣстницы и сойденіи въ оный съ огнемъ, усмотрѣно—подъ видомъ, должно быть, давно, какъ будто кельи или выхода, съ стѣнами и потолкомъ, разгорожено на двѣ части, длиною въ 8 аршинъ, шириною въ 6 аршинъ, а вышиною въ 3 аршина красное окошко съ рамою, заваленное, извнутри малаго дворика, землею ровно, направо дверцы на желѣзныхъ петляхъ, а отъ оной прорытъ узкимъ корридоромъ ходъ и сдѣлана лѣсенка съ площадкою о девяти ступеняхъ въ другія сѣни, какъ при томъ утверждалъ казначей, инокъ Ефремъ и уставщикъ Павелъ, что у прежняго покойнаго ихъ настоятеля Амвросія былъ холодный чуланъ, изъ коего ходъ былъ въ упомянутый выходъ и что въ немъ никто не жилъ, а ставилось тамъ настоятелемъ Амвросіемъ нужное для монастыря питье,

въ отгороженной половинѣ, гдѣ окошко, а въ другой половинѣ, гдѣ прежде подымали, въ среднихъ сѣняхъ, полъ, тутъ клался ледъ, но послѣ смерти Амвросія, лѣтъ уже восемь, былъ оставленъ и обвалился". При обыскѣ второй половины этихъ помѣщеній, при обыскѣ въ сѣняхъ и проч. найденъ глубокій погребъ. При обыскѣ келій бывшаго лѣтъ двадцать назадъ настоятелемъ инока Іакова найдено въ разныхъ комнатахъ и чуланахъ шесть „творилъ", которыя подымались и подъ которыми тоже найдены подземныя помѣщенія, изъ коихъ иныя были уже засыпаны. Впрочемъ, въ этихъ подземныхъ помѣщеніяхъ ничего подозрительнаго не отыскано. „Но чтобы былъ гдѣ-нибудь проходъ изъ этихъ связей въ другія связи, не запримѣчено (говорится въ актѣ обыска), и настоятель Тарасій, иноки Ефремъ и Павелъ утверждали, что другихъ ходовъ подъ землею, какъ въ ихъ монастырѣ, равно и въ другихъ, въ Вольскомъ уѣздѣ состоящихъ монастыряхъ, никакихъ не имѣется и они не знаютъ".

VI.

Результаты обысковъ не оправдали, такимъ образомъ, ожиданій администраціи. На нихъ нельзя было построить никакого серьезнаго обвиненія. Зато доносы пригодились какъ нельзя болѣе, и ими ловко воспользовались власти, взявъ указанныя въ доносахъ обстоятельства точкою отправленія для дальнѣйшихъ дѣйствій относительно раскольниковъ. Такъ, опираясь на доносы, князь Голицынъ вносилъ уже въ область фактовъ, что будто бы въ мужскомъ Средне-Никольскомъ и дѣвичьемъ Успенскомъ монастыряхъ „совершаются разныя непотребства съ похабностію и необузданностію", что между схимникомъ Тарасіемъ и настоятельницею инокинею Ѳеофаніею существуетъ „похотливая связь", что Тарасій исполняетъ всѣ „прихотливыя предпріятія" Ѳеофаніи „съ точностію и подобострастіемъ" и что послѣдняя, такъ сказать, „совершенно управляетъ монастыремъ его", что „Тарасій и Ѳеофанія — главнѣйшіе нарушители и противники воли правительства по стремленію ихъ къ поддержанію раскола", что „они имѣютъ послѣдователей, такихъ же прелюбодѣйцевъ и особенно въ инокѣ Павлѣ и подчиненномъ ему Иванѣ Петровѣ", которые „повседневно почти пьяные", что въ недавнее время они окрестили въ особо устроенной на рѣкѣ Иргизѣ іордани пять человѣкъ взрослыхъ, въ числѣ которыхъ находились и пятидесятилѣтніе, что скандальный обрядъ этотъ совершался при огромномъ стеченіи народа и что совершавшій обрядъ попъ былъ до того пьянъ, что едва могъ держаться на ногахъ, и т. д. Возводя всѣ эти обстоятельства на степень несомнѣнныхъ фактовъ, князь Голицынъ искалъ только оффиціальнаго ихъ подтвержденія и требовалъ отъ вольскаго исправника провѣрки ихъ на мѣстѣ, чтобы начать преслѣдованіе виновныхъ судомъ. Онъ предписывалъ исправнику „лично разыскать о истинѣ вышеизложеннаго самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ, основавъ разысканіе сіе на несомнѣнныхъ видахъ и до-

казательствахъ“. Затѣмъ князь Голицынъ добавлялъ въ бумагѣ своей къ вольскому исправнику: „Употребленіе способовъ къ точному исполненію сего я не назначаю. Ихъ укажетъ вамъ долголѣтняя опытность ваша по службѣ и совершенная извѣстность всѣхъ обстоятельствъ, до ввѣреннаго вамъ уѣзда относящихся. Все то, что вами по сему предмету будетъ открыто, донести мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени, которое я, впрочемъ, не назначаю, предполагая, что вы употребите онаго столько, сколько необходимо будетъ къ окончанію дѣла сего съ надлежащимъ успѣхомъ“. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ тянулось слѣдствіе о сказанныхъ скандалахъ, безчинствахъ и своевольныхъ дѣйствіяхъ монастырей и кончилось только къ лѣту 1828 г. Намѣченные въ доносахъ факты подтверждались, только обнаруженіе монастырскихъ скандаловъ пошло глубже и шире. Оказалось, что бѣглый попъ крестилъ четырехъ молдаванокъ и одного русскаго мальчика, что все это, дѣйствительно, дѣлалось съ разрѣшенія настоятеля Тарасія и съ позволенія настоятельницы Θеофаніи и что, наконецъ, окончаніе обряда, надѣлавшаго столько шуму, особенно при крещеніи молдаванокъ, совершено въ кельѣ инокини Александры. Всѣхъ виновныхъ немедленно арестовали и отправили въ Вольскъ для судебнаго разбирательства. Въ это же время князь Голицынъ получилъ изъ Петербурга бумагу, доказывавшую, что иргизскіе монастыри пріобрѣтали все большую и большую популярность, и правительство начинало уразумѣвать ихъ важное и пагубное значеніе въ государственной жизни. Управляющій въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланской писалъ князю Голицыну, что министръ императорскаго двора, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, узнавъ отъ одного чиновника, командированнаго для осмотра саратовскаго удѣльнаго имѣнія, о существованіи иргизскихъ монастырей и о томъ, что монашествующіе въ этихъ монастыряхъ, а особенно въ дѣвичьихъ, „ведутъ жизнь крайне развратную и разнаго рода обманами переманиваютъ въ свое общество другихъ поселянъ“ и что вообще эти раскольничьи скиты, по удобству мѣстоположенія, служатъ притономъ для бѣглыхъ, — просилъ министерство внутреннихъ дѣлъ сообщить ему, имѣется ли со стороны губернскаго начальства полицейскій надзоръ за сими монастырями. Поэтому Ланской и поручилъ князю Голицыну доставить о монастыряхъ подробнѣйшія свѣдѣнія и въ то же время „къ немедленному прекращенію происходящихъ въ оныхъ монастыряхъ безпорядковъ, толико предосудительныхъ и общему благоустройству противныхъ, сдѣлать зависящія отъ губернскаго начальства распоряженія“. Приходилось на иргизскихъ монастыряхъ сосредоточить исключительное вниманіе. Хотя въ существованіи ихъ правительство и видѣло нѣчто „противное общему благоустройству“, но оно видѣло только пока внѣшнія стороны явленія: оно не догадывалось, что явленіе это маскируетъ собой болѣе серьезную болѣзнь государственнаго организма, что за внѣшней оболочкой явленія скрывается политическая сторона дѣла и что все это — историческій продуктъ извѣстныхъ стремленій и общественныхъ движеній всего русскаго народа, недостаточно понятыхъ и едва ли

замѣчаемыхъ правительствомъ. Если бы потрудились глубже изслѣдовать источникъ явленія, то могли бы напасть на слѣдъ того, что народъ давно живетъ отдѣльною отъ государства жизнію и что самые иргизскіе монастыри были не столько выраженіемъ религіознаго сепаратизма раскольниковъ, сколько выраженіемъ общественнаго сепаратизма русскихъ окраинъ, сказывавшагося въ движеніяхъ понизовой вольницы и въ другихъ народныхъ движеніяхъ. Тотчасъ по полученіи бумаги Ланского, князь Голицынъ командировалъ въ иргизскіе монастыри особаго чиновника, Полонскаго, съ секретными порученіями. Въ помощь ему отряженъ былъ изъ Вольска другой чиновникъ, Юрасовъ. Но какъ для этого оказалось необходимымъ имѣть болѣе вліятельное и болѣе опытное лицо, то вскорѣ Юрасова князь Голицынъ замѣнилъ новымъ вольскимъ исправникомъ, которымъ въ это время былъ Христіанъ Шейне. Самъ Голицынъ въ скоромъ времени намѣревался быть въ Вольскѣ, поближе къ иргизскимъ монастырямъ, а можетъ быть, и въ самыхъ монастыряхъ. Вслѣдъ за тѣмъ изъ Петербурга получено было новое требованіе относительно иргизскихъ монастырей. Министръ внутреннихъ дѣлъ, которымъ въ то время былъ Закревскій, писалъ князю Голицыну, что онъ ожидаетъ отъ него доставленія обѣщаннаго „проекта правилъ о прекращеніи производимыхъ раскольниками безпорядковъ“, который долженъ быть изготовленъ по совѣщанію съ епархіальнымъ архіереемъ. Закревскій напоминалъ, что сказанныя правила „въ настоящихъ обстоятельствахъ могли бы быть весьма полезны для положенія преграды дальнѣйшему распространенію ересей и заблужденій раскольниковъ, толико вредныхъ для общаго спокойствія и благоустройства“.

VII.

Между тѣмъ, произведеннымъ объ иргизскихъ монастыряхъ слѣдствіемъ обнаружено было, между прочимъ, слѣдующее: 30-го сентября 1827 года, черезъ иргизскіе монастыри проходилъ уральскій казачій полкъ. Полкъ этотъ возвращался изъ Молдавіи, и нѣкоторые изъ офицеровъ везли съ собой на родину четырехъ молдаванокъ и одного мальчика. Остановясь въ иргизскихъ монастыряхъ, офицеры обратились съ просьбою къ священноиноку Иларію о крещеніи имъ въ женскомъ монастырѣ четырехъ находившихся у нихъ молдаванокъ и одного мальчика, которыхъ они называли своими крѣпостными. Иларій обратился къ настоятелю Тарасію за дозволеніемъ, но тотъ, будто бы, ему отказалъ. Тогда къ Тарасію явились командиръ казачьяго полка, войсковой старшина Михайловъ, и есаулъ Буренинъ, прося его „убѣдительно и неотступно“ позволить священнику окрестить помянутыхъ молдаванокъ и мальчика и называя ихъ крѣпостными своими людьми. Чтобы вывести настоятеля изъ всякаго сомнѣнія, Михайловъ написалъ ему особое письмо съ изложеніемъ просьбы. Тогда Тарасій, какъ онъ самъ о себѣ показывалъ, „руководимый простотою своею, безъ всякихъ стороннихъ видовъ“, дозволилъ священнику исполнить обрядъ кре-

щенія. Есаулъ Буренинъ, съ своей стороны, написалъ крестившему священнику письмо, которое служило какъ бы дозволительнымъ свидѣтельствомъ, называя это письмо такимъ документомъ, „коимъ онъ можетъ оправдаться во всякомъ случаѣ“. Настоятельница Ѳеофанія дала позволеніе, чтобы обрядъ крещенія былъ совершенъ въ ея монастырѣ, что и было исполнено на особо устроенныхъ на Иргизѣ мосткахъ, а потомъ самое празднованіе обряда окончено въ кельѣ монахини Александры, съ которой офицеры и казаки давно были знакомы. Такъ какъ на иргизскіе монастыри начали обращать серьезное вниманіе въ Петербургѣ, то объ этихъ обстоятельствахъ князь Голицынъ немедленно сообщилъ оренбургскому военному губернатору, которымъ въ то время былъ генералъ-отъ-инфантеріи Эссенъ, называя все, происшедшее въ Иргизахъ, „очень важнымъ случаемъ“. Въ Петербургъ объ этомъ „важномъ случаѣ“ также было написано, съ добавленіемъ, что офицеровъ Михайлова и Буренина слѣдовало бы подвергнуть „за вышеписанное дѣйствіе ихъ, какъ служащее сильнымъ поводомъ къ распространенію расколовъ, достойному взысканію“. Наконецъ, въ виду пріобрѣтаемой иргизскими монастырями все большей и большей важности въ глазахъ правительства, самъ Голицынъ посѣтилъ эти скиты, чтобы лично ознакомиться съ ихъ положеніемъ. Войсковой старшина, Михайловъ, провѣдавъ, что о крещеніи имъ въ иргизскихъ монастыряхъ молдаванокъ возбуждена оффиціальная переписка и боясь отвѣтственности за свое рвеніе къ расколу, поспѣшилъ письменно оправдаться передъ княземъ Голицынымъ, надѣясь этимъ заискиваніемъ замять дѣло. „Чувствуя (писалъ Михайловъ весьма безграмотно) благосклоннѣйшее принятіе вашего сіятельства, во время слѣдованія моего съ полкомъ прошлою осенью съ астраханской границы черезъ городъ Саратовъ сюда, въ Уральскъ, ко мнѣ оказанное, почему и пріемлю смѣлость принесть за оное покорнѣйшую мою благодарность. А притомъ честь имѣю доложить вашему сіятельству, что во время того слѣдованія моего съ полкомъ черезъ иргизскіе монастыри, везенныя мною съ той границы двѣ дѣвки, взятыя оттоль по свидѣтельствамъ, даннымъ мнѣ отъ присутственнаго мѣста, не есть сомнительныя, находились тамо не въ сектѣ россійскомъ, а у ксендзовъ въ обливанскомъ, которыя по усердію и по желанію своему къ старообрядческой вѣрѣ, въ Никольскомъ монастырѣ были исправлены. По какому акту, желая жъ за таковыя жъ угодить въ бракосочетаніе, къ коему теперь, по нахожденію своему въ Уральскѣ, себя опредѣляютъ. А какъ я наслышанъ, что будто отъ вольскаго нижняго земскаго суда до того монастыря коснулось во исправленіи сказанныхъ дѣвокъ прикосновеніе, и если въ томъ произошла какая ошибка, то не иначе, какъ отъ неумышленности и незнанія. Я всепокорнѣйше прошу вашего сіятельства, какъ начальника губерніи, оказать справедливую защиту и покровительство невинно страждущему человѣчеству, а мнѣ въ чувствительнѣйшую благодарность и вѣчному прославленію добродѣтельнаго имени особы вашего сіятельства“. Между тѣмъ, пока происходили розыски и другія слѣдственныя распоряженія по дѣлу объ иргиз-

скихъ монастыряхъ, пока князь Голицынъ разсылалъ по этому дѣлу секретныя эстафеты, и самолично являлся въ монастыри, генералъ Эссенъ, съ своей стороны, разслѣдовалъ дѣйствія войскового старшины Михайлова и есаула Буренина и въ концѣ іюля сообщилъ князю Голицыну, что подвергшіяся окрещенію дѣвки, Агаѳья Антонова и Елена Петрова, поступили къ Михайлову—одна, какъ свободная, по собственному желанію, а другая, принадлежавшая одному каменецъ-подольскому помѣщику, Роговскому, была куплена у этого послѣдняго Михайловымъ, обѣ увезены были оттуда и крещены на Иргизахъ по убѣжденіямъ старшины и казаковъ. Находившіеся же у есаула Буренина двѣ женщины и мальчикъ показывали, что одна изъ нихъ, дѣвушка, ночью взята была уральскими казаками у себя въ домѣ, куда мальчикъ былъ посланъ помѣщикомъ за виномъ, и что другая женщина также принадлежала одному подольскому помѣщику, а потомъ поступила къ Буренину въ хозяйки. Всѣ онѣ отзывались незнаніемъ относительно того, по какому праву ихъ увезли съ родины и зачѣмъ ихъ окрестили въ расколъ.

VIII.

Выше мы упомянули, что князь Голицынъ около этого времени лично посѣтилъ иргизскіе монастыри, чтобы ближе ознакомиться съ ихъ положеніемъ и состояніемъ духа раскольниковъ. Обстоятельства и результаты этой поѣздки заключались въ слѣдующемъ. Въ началѣ весны 1828 года князь Голицынъ былъ въ Петербургѣ по дѣламъ службы. Тамъ онъ представилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланскому всеподданнѣйшую просьбу вольскихъ старообрядцевъ о подчиненіи ихъ по дѣламъ не прямо епархіальному архіерею, а непосредственной власти гражданскаго начальника. При этомъ князь Голицынъ передалъ въ министерство подписку вольскихъ раскольниковъ о готовности на обращеніе выстроеннаго ими въ Вольскѣ молитвеннаго храма въ единовѣрческую церковь.

На представленіе это Ланской отозвался, что какъ старообрядцы могутъ быть обращены въ единовѣрцевъ только на основаніи согласительныхъ пунктовъ митрополита Платона, высочайше утвержденныхъ, какъ единственнаго на сей предметъ постановленія, то и слѣдуетъ привести въ исполненіе высочайшее повелѣніе объ обращеніи въ единовѣрческую церковь вольскаго старообрядческаго храма на основаніи сказанныхъ пунктовъ. Возвратясь изъ Петербурга, князь Голицынъ рѣшился исполнить это лично и на мѣстѣ, для чего и отправился въ Вольскъ. „Прибывъ туда (пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ), я нашелъ вольскихъ старообрядцевъ уже не въ той готовности, съ какою они дали подписки свои на обращеніе выстроеннаго храма въ единовѣрческую церковь, представленныя мною въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Они въ продолженіе столь значительнаго времени, сбитые съ пути истины разувѣреніемъ иргизскихъ монастырей, симъ гнѣздилищемъ безразсудныхъ толковъ, мнимой набожности и

избыткомъ въ порокахъ,—уже отклонили прежде объявленную ими готовность на то согласіе, какое объявлено будетъ мнѣ, въ отношеніи къ сему предмету, со стороны тѣхъ старообрядческихъ монастырей. Поставивъ такимъ образомъ себѣ за правило дѣйствовать во всякомъ случаѣ съ сими монастырями единодушно, они приняли оное въ томъ уповаціи, что монастыри, изъ единаго опасенія быть обращенными, подобно всякому молитвенному храму, въ единовѣрческіе, останутся непоколебимыми въ измѣненіи древнихъ своихъ обрядовъ и, тѣмъ отвергнувъ предлагаемое единовѣріе, дадутъ чрезъ то и имъ способъ остаться въ одинаковой съ ними степени; вмѣстѣ съ симъ узналъ я, что иргизскіе монастыри, нарядивъ отъ себя депутацію, состоящую изъ двѣнадцати иноковъ, отправляютъ оную ко мнѣ. Не постигая, для какой цѣли составляется сія депутація, я, однако жъ, имѣлъ въ предметѣ моемъ, что обращеніе вольскихъ монастырей въ единовѣрческія обители не столько трудно, какъ присоединеніе вольскихъ старообрядцевъ къ единовѣрческой церкви по тому обстоятельству, что иргизскіе монастыри, по малому числу и по древности лѣтъ настоящихъ иноковъ, уже весьма близки, съ смертію ихъ, къ самоуничтоженію, между тѣмъ какъ духъ суевѣрія, внѣдрившійся между вольскими старообрядцами, переходя отъ отца къ сыну и такъ далѣе, есть потомственный и, слѣдовательно, продолжаться можетъ на неопредѣленное время. По симъ причинамъ, опасаясь, дабы съ прибытіемъ въ Вольскъ сказанныхъ иноковъ, какъ чиноначалія и источника старообрядческаго заблужденія, не могъ составиться изъ нихъ, такъ сказать, новый соборъ защитниковъ ереси, который, при упорномъ сопротивленіи ихъ на обращеніе въ единовѣріе, могъ бы сдѣлаться гласнымъ и тѣмъ послужить вреднымъ примѣромъ для вольскихъ старообрядцевъ, сего только ожидавшихъ, я приказалъ предварить тѣхъ иноковъ, чтобы они, не переправляясь черезъ Волгу, возвратились въ свои обители, которыя самъ я посѣтить располагаюся“.

Не успѣвъ, повидимому, ничего слѣлать въ Вольскѣ, князь Голицынъ рѣшился переѣхать черезъ Волгу, чтобы лично явиться въ притонѣ духовной понизовой вольницы. „Отправясь въ монастыри (говоритъ князь Голицынъ о своемъ путешествіи въ скиты), я въ ближайшемъ изъ нихъ къ Вольску, такъ называемомъ Нижне-Воскресенскомъ, нашелъ помянутую депутацію, собравшуюся изъ другихъ монастырей и неизвѣстно зачѣмъ тамъ остановившуюся, тогда какъ сіи монахи знали, что я осматривать буду всѣ монастыри ихъ. Окруженъ будучи ими, я услышалъ отъ нихъ первый вопросъ: „А что будетъ съ нашею вольскою церковью?“ Итакъ, мнѣ надлежало разрѣшить оный не изустнымъ объявленіемъ высочайшей объ ней воли, но непремѣннымъ дозволеніемъ моимъ прочесть имъ высочайшее о вольскомъ молитвенномъ домѣ повелѣніе. Къ исполненію сего я подвинутъ былъ болѣе обстоятельствомъ, что не только живущіе въ монастыряхъ иноки, но даже и многіе ихъ вольскихъ старообрядцевъ относили высочайшее о молитвенномъ храмѣ ихъ повелѣніе къ собственному распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго вліянія на оное государя импе-

ратора, и что схимникъ сего Нижне-Воскресенскаго монастыря Прохоръ, бывшій предъ симъ около тридцати лѣтъ настоятелемъ онаго, увѣрялъ меня неоднократно, что если воспослѣдуетъ высочайшая его императорскаго величества воля объ обращеніи иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе, то онъ надѣется, что въ исполненіи ея не встрѣтится никакого препятствія и что онъ самъ будетъ примѣромъ для всей братіи. Но когда дозволилъ я симъ собравшимся инокамъ прочесть предписаніе по сему предмету министерства внутреннихъ дѣлъ, то весьма немногіе изъ нихъ могли понять оное, прочіе же затѣмъ или по простотѣ своей, или по совершенному упрямству, или же по безразсудку своему, не видя въ томъ предписаніи, чтобъ помѣщенное въ немъ высочайшее о молитвенномъ храмѣ повелѣніе объявлялось мнѣ высочайшимъ именемъ его императорскаго величества, то-есть подобно тому, какъ объявляются правительствующимъ сенатомъ именныя его величества повелѣнія, — остались при томъ заблужденіи, что дѣйствіе его происходитъ по единственному направленію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ каковомъ заблужденіи, сверхъ чаянія моего, остался и извѣстный первостатейный вольскій купецъ Петръ Сапожниковъ. Итакъ, видя изъ сего, что всякое настояніе мое обратить сихъ невѣждъ къ прямому понятію означеннаго предписанія не будетъ имѣть желаемаго успѣха, я велѣлъ тѣмъ собравшимся изъ двухъ монастырей монахамъ тотчасъ возвратиться въ оные“.

Такъ неудачно кончились переговоры князя Голицына съ вольскими старообрядцами и съ иргизскою депутаціею. Но онъ, повидимому, не терялъ надежды на успѣхъ, разсчитывая одолѣть непріятеля по частямъ и избѣгая, такъ сказать, генеральнаго сраженія. Распустивъ депутацію, онъ, однако, не двигался далѣе. потому что отъѣздъ изъ монастыря безъ всякаго результата походилъ бы на отступленіе съ поля битвы. „Оставшись въ Нижне-Воскресенскомъ монастырѣ съ одними только живущими тамъ иноками (говоритъ о себѣ князь Голицынъ), я, при благоразуміи помянутаго схимника Прохора, убѣдилъ ихъ изъявить полную готовность и усердіе на присоединеніе ихъ къ единовѣрческой церкви, съ принятіемъ всѣхъ правилъ высокопреосвященнѣйшаго Платона. Сей схимникъ Прохоръ первый вызвался дать мнѣ въ томъ подписку, а съ нимъ вмѣстѣ подписались и нынѣшній настоятель онаго монастыря Андріанъ, уставщикъ Никаноръ и иноки Савва, Ѳеодоритъ, Мардарій, Арсеній и Игнатій. Но при семъ усердномъ присоединеніи сихъ иноковъ къ единовѣрію (ибо они уже знали, что такимъ дѣйствіемъ исполняется августѣйшая воля государя императора) одинъ изъ нихъ, Іосафъ, сущій невѣжда, закоренѣлый въ грубыхъ своихъ предразсудкахъ и суевѣріи, остался къ тому непреклоннымъ. Онъ, въ то время, какъ расположился я въ томъ монастырѣ, до другого дня, не токмо бѣгалъ во всю ночь изъ одной кельи въ другую, убѣждалъ, настаивалъ и устращивалъ гнѣвомъ Божіимъ изъявившихъ желаніе принять единовѣріе— отвергнуть сіе, по мнѣнію его пагубное для нихъ намѣреніе, но даже позволилъ себѣ возмущать подобнымъ образомъ и живущихъ близъ монастыря

старообрядцевъ, удѣльныхъ крестьянъ селенія Криволучья. Сей дерзновенный поступокъ Іосафа тотчасъ доведенъ былъ на другой день до свѣдѣнія моего самимъ настоятелемъ монастыря и иноками. Они, явясь ко мнѣ, убѣждали или дать имъ дозволеніе разстричь сего негодяя, или исторгнуть его навсегда изъ ихъ обители, присовокупляя къ тому, что, по буйному духу его, онъ уже не одинъ разъ находился въ подобныхъ сему дѣйствіяхъ, ссорахъ, враждахъ и всякихъ неистовствахъ. Обуреваемый такимъ духомъ примѣрной дерзости, онъ даже рѣшился объявить и мнѣ, что „къ единовѣрческой церкви онъ не присоединится и тогда, если бы послѣдовало на то высочайшее государя императора повелѣніе, хотя, впрочемъ, знаетъ, что оное должно быть священно“ *).

„По симъ причинамъ, дабы, съ одной стороны, удовлетворить убѣжденіямъ настоятеля и иноковъ, а съ другой — чтобы сіе противузаконное дѣйствіе Іосафа не могло имѣть на другихъ пагубнаго вліянія, я приказалъ тотчасъ отправить его ко мнѣ въ Саратовъ“.

Дальнѣйшее путешествіе князя Голицына по иргизскимъ монастырямъ было еще менѣе удачно. Онъ, какъ видно, и думать уже пересталъ о побѣдѣ надъ раскольниками путемъ убѣжденій и соглашеній, а рѣшился дѣйствовать иными путями—исподволь и тайно, чтобы не уронить авторитета власти. Вотъ какимъ образомъ самъ онъ описываетъ дальнѣйшія свои дѣйствія. „Изъ Нижне-Воскресенскаго монастыря я переѣхалъ въ прочіе старообрядческие монастыри—два мужскіе и два женскіе. Въ монастыряхъ сихъ я уже не дѣлалъ убѣжденій моихъ о присоединеніи къ единовѣрію, ибо изъ вышеписаннаго здѣсь обстоятельства уже довольно ясно видѣлъ, сколько далеки живущіе тамъ отъ онаго и сколько трудно отклонить ихъ отъ упорнаго заблужденія. Причиною сему есть нелѣпое предубѣжденіе ихъ о какой-то пагубѣ, которая будто бы неразлучна съ обращеніемъ ихъ къ единовѣрію; какъ съ слѣдствіемъ расторженія сохраняемыхъ ими древнихъ уставовъ церкви. Укоренившись въ такихъ предразсудкахъ, они поддерживаются въ оныхъ сколько волгскими и округъ живущими нихъ старообрядцами, удѣльными крестьянами, столько же и не менѣе того удѣльными чиновниками, которые, распоряжаясь старообрядческими монастырями непосредственно, по праву принадлежности ихъ къ удѣлу, стараются, подъ рукою, тайными внушеніями своими направлять по своему преднамѣренію, обезсиливать въ понятіяхъ ихъ всѣ распоряженія правительства и тѣмъ удерживать ихъ въ твердыхъ границахъ упорнаго отреченія отъ соединенія съ православною церковью нашею, имѣя, конечно, въ предметѣ своемъ то обстоятельство, что въ противномъ сему случаѣ монастыри иргизскіе должны будутъ перейти уже въ зависимость духовнаго начальства и, слѣдовательно, отторгнуться отъ учета въ доходахъ ихъ и распоряженія ими удѣльной конторы“.

*) По другому варіанту, Іосафъ говорилъ, что „къ единовѣрческой церкви онъ присоединиться не хочетъ, хотя весьма знаетъ, что тѣмъ нарушаетъ священное государя императора повелѣніе“.

IX.

Такъ описываетъ князь Голицынъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ посѣщенія иргизскихъ монастырей. Этотъ драгоцѣнный историческій документъ, изъ котораго мы извлекли выдержки въ предыдущей главѣ, даетъ намъ возможность вполнѣ ознакомиться съ состояніемъ этихъ важныхъ раскольничьихъ скитовъ въ ту эпоху, когда они уже были близки къ уничтоженію одновременно съ окончательнымъ паденіемъ понизовой вольницы. „Они (говоритъ князь Голицынъ объ иргизскихъ монастыряхъ), кромѣ истиннаго пріюта бѣглецамъ, разврата, тунеядства, мнимой набожности и всѣхъ вообще пороковъ, —ничего въ себѣ не заключаютъ. Монастыри мужскіе, обнесенные будучи пристойною оградою, еще представляютъ собою нѣкоторый образъ смиреннаго обитанія, усвоеннаго монастырямъ всероссійскимъ. Что же касается до монастырей женскихъ, Успенскаго и Покровскаго, то они, находясь въ ближайшемъ разстояніи отъ монастырей мужскихъ и въ кругу удѣльныхъ селеній, есть точное обиталище разврата. Не имѣя ничего похожаго на монастырь, не имѣя даже никакой ограды, они состоятъ только изъ простыхъ крестьянскихъ избъ, крытыхъ большею частію соломою. Повсюду видите совершенное безобразіе. Самые молитвенные дома ихъ, или вѣрнѣе назвать часовни, имѣя привлекательный видъ наружности, не обращаютъ на внутреннее устройство свое ни малѣйшаго вниманія. Богослуженіе въ нихъ отправляется тѣми же инокинями и бѣлицами. Въ кельѣ настоятельницы перваго изъ сихъ монастырей Ѳеофаніи я нашелъ святые дары сохраняющимися въ серебряномъ вызолоченномъ ковчегѣ. На вопросъ мой о причинѣ храненія ихъ, настоятельница отвѣчала мнѣ, что святыня сія оставлена приходящими къ нимъ изъ иргизскихъ монастырей священниками будто бы на случай пріобщенія оною больныхъ и умирающихъ. Зная, что храненіе святыхъ даровъ внѣ церкви совершенно противно уставамъ ея, я долгомъ поставилъ обстоятельство сіе отнести на особенное разсмотрѣніе и разрѣшеніе преосвященнаго Иринея, епископа пензенскаго и саратовскаго. Сія настоятельница Ѳеофанія есть та самая, которая во время перехода черезъ иргизскіе монастыри, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1827 года, уральскаго казачьяго полка, дозволила войсковому старшинѣ онаго Михайлову и есаулу Буренину окрестить въ монастырѣ своемъ по старообрядческому расколу одну женщину, трехъ дѣвокъ и мальчика, тѣмъ офицерамъ принадлежащихъ. Засимъ, желая знать о занятіяхъ монастырскихъ, объ образѣ управленія оными и о тѣхъ правилахъ, кои должны быть съ симъ управленіемъ нераздѣльны, я требовалъ отъ настоятельницъ обоихъ монастырей надлежащихъ о томъ свѣдѣній, но онѣ рѣшительно отозвались мнѣ, что никакихъ правилъ онѣ у себя не имѣютъ и что образъ управленія и занятія ихъ происходятъ по собственнымъ отъ нихъ самихъ распоряженіямъ. Въ упомянутыхъ монастыряхъ нынѣ находится: Успенскомъ — 128 инокинь и 174 послушницы и бѣлицы, а въ

Покровскомъ—20 схимницъ, 300 инокинь и 200 бѣлицъ. Слѣдовательно, общество первыхъ состоитъ изъ 302, а послѣднихъ изъ 520 женщинъ. Безпрепятственный доступъ ко всѣмъ вообще келіямъ ясно объясняетъ, до какой степени допущенъ развратъ въ сихъ обиталищахъ, развратъ толико-нетерпимый въ гражданскомъ состояніи и влекущій за собою пагубныя послѣдствія. Изъ сего очевидно, что дальнѣйшее существованіе сихъ монастырей въ настоящемъ ихъ положеніи не можетъ быть допущено ни подъ какимъ предлогомъ. На одной изъ тѣхъ часовенъ я нашелъ еще и колокола, которые тотчасъ приказалъ снять, а по всѣмъ вообще монастырямъ открылъ десять человѣкъ, жившихъ тамъ съ просроченными видами. Они въ то же время отправлены въ тѣ общества, къ коимъ принадлежали". Обращаясь засимъ опять къ вольскимъ раскольникамъ, князь Голицынъ излагаетъ свои предположенія о способахъ болѣе успѣшнаго уничтоженія при помощи естественнаго вымиранія скитниковъ и скитницъ. „Изложивъ здѣсь осмотръ иргизскихъ монастырей (продолжаетъ князь Голицынъ), я долженъ коснуться и до вольскаго молитвеннаго храма. Тамошніе старообрядцы, какъ выше сказано, отлагаютъ соединеніе свое до согласія въ томъ иргизскихъ монастырей, а сіи, кромѣ нѣкоторыхъ изъ иноковъ, совершенно упорствуютъ въ присоединеніи къ единовѣрцамъ. По сей причинѣ тотъ молитвенный храмъ остается донынѣ въ прежнемъ его положеніи. Обратить оный въ православную церковь нашу на точномъ основаніи Высочайшей воли значило бы, по мнѣнію моему, дать способъ вольскимъ старообрядцамъ при терпимомъ отреченіи ихъ отъ прежде даннаго ими согласія на обращеніе храма сего въ единовѣрческую церковь, согласія, имѣющаго, впрочемъ, нѣкоторыя исключенія изъ правилъ преосвященнѣйшаго Платона, отвергнутыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; но отверженіе сіе, какъ объясняютъ старообрядцы, не имѣетъ себѣ основаніемъ Высочайшее повелѣніе. Оно только сильно заставитъ ихъ обратиться въ единовѣрцевъ, и сіе тѣмъ необходимѣе, что они уже близки къ сему соединенію. Примѣру ихъ, конечно, послѣдуютъ и монастыри иргизскіе.

„Но если бы, сверхъ всякаго ожиданія, остались оные упорными въ своемъ заблужденіи, то самое время уничтожитъ сіи обители, безъ всякаго настоянія о томъ со стороны правительства. Надлежитъ поставить непремѣннымъ правиломъ отнюдь не дозволять умножаться въ нихъ числу монашествующихъ и пресѣчь средства принимать въ монастыри пришельцевъ, хотя бы они у себя имѣли узаконенные виды, и совершенно прекратить пріютъ бѣглыхъ поповъ. Послѣднее изъ сихъ правилъ наблюдается мною неослабно. Тогда живущіе въ монастыряхъ написанные тамъ по 7-й ревизіи въ числѣ удѣльныхъ крестьянъ иноки и прислужники, умаляясь мало-по-малу, наконецъ, съ прекращеніемъ бытія своего прекратятъ и самыя правила своихъ обителей. Если такая мѣра уничтоженія иргизскихъ мужскихъ монастырей признается мѣрою благовидною, то существованіе сихъ монастырей, при строгомъ соблюденіи означенныхъ правилъ, продолжится недолгое время. Сему служитъ доказательствомъ то, что изъ числа написан-

ныхъ въ тѣхъ монастыряхъ по нынѣшней 7-й ревизіи 203 душъ мужского пола умерло со дня той ревизіи 139, да и остающіеся затѣмъ 64 человѣка уже большею частію самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Въ числѣ ихъ заключается толька 32 инока, а прочіе суть прислужники монастырскіе. Но сіи прислужники, вопреки всякой монастырской строгости, живутъ тамъ неразлучно съ своими женами къ совершенному соблазну и разврату монашествующихъ, о чемъ теперь по просьбѣ настоятеля Нижне-Воскресенскаго монастыря съ братіею производится изслѣдованіе, ибо одинъ изъ этихъ прислужниковъ, Яковъ Ганичкинъ, имѣющій при себѣ жену, надѣлъ на себя самъ собою монашескую одежду и до того развратился, что поведеніе его превышаетъ всякую мѣру распутства". Представляя министру внутреннихъ дѣлъ эти соображенія, князь Голицынъ присовокупилъ, что такъ какъ „сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ начальника губерніи тамъ, гдѣ старообрядцы имѣютъ главнѣйшіе свои разсадники для многихъ губерній, есть единственный способъ удержать ихъ въ настоящихъ предѣлахъ зависимости", то князь Голицынъ и считалъ необходимымъ монастыри эти, какъ не имѣющіе надъ собой никакой духовной власти, подчинить, во все время ихъ существованія, непосредственному надзору мѣстной полиціи и при томъ въ большей степени, чѣмъ полиція можетъ оказывать этотъ надзоръ за удѣльными имѣніями, чтобы этимъ средствомъ удобнѣе было „преслѣдовать развратъ въ монастырскихъ жителяхъ и разсѣваемые отъ нихъ соблазны". Онъ требовалъ также предоставить ему самому утверждать настоятелей и удалить удѣльную контору отъ всякаго на раскольниковъ вліянія, потому что въ противномъ случаѣ раскольники будутъ всегда находить способы уклоняться отъ исполненія требованій мѣстной полиціи, „считая власть сію до себя непринадлежащею, и по тайному внушенію чиновниковъ конторы, разувѣряющихъ о неподчиненности ихъ иной власти и о противныхъ будто бы дѣйствіяхъ губернскаго начальства приносить жалобы", они рѣшительно откажутся отъ всякаго повиновенія. Что касается арестованнаго и предназначеннаго къ отправленію въ Саратовъ инока Іосафа, то князь Голицынъ не рѣшался предать его суду по разнымъ опасеніямъ. Съ одной стороны, онъ боялся, что составъ суда долженъ будетъ состоять „большею частію изъ собственныхъ лицъ вольскихъ старообрядцевъ", что этимъ судомъ, кромѣ того, можно было, какъ онъ выражался, „породить здѣсь мысли объ открытомъ на иргизскіе монастыри гоненіи. Съ другой стороны, князь Голицынъ опасался суда надъ Іосафомъ и потому, что „инокъ сей есть самый дерзновенный, способный на всѣ роды неистовства"; губернаторъ и боялся „оглашать", потому что съ этимъ оглашеніемъ огласилось бы и „самое происшествіе", а такія происшествія обнаруживать было невыгодно и небезопасно. Вотъ вслѣдствіе-то этого или, какъ выражается князь Голицынъ, „по уваженію къ сему, а равно по совершенной наклонности его, т.-е. Іосафа, произвесть всеобщее въ монастыряхъ возмущеніе, и по настоянію самихъ монастырей объ удаленіи отъ нихъ сего нарушителя спокойствія",—Голицынъ и рѣшился отправить

упрямаго раскольника въ Петербургъ, съ жандармами, прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ. При этомъ онъ просилъ министра о ссылкѣ раскольника какъ можно дальше отъ Саратовской губерніи, „ибо,—прибавлялъ онъ,—средствомъ симъ сколько накажется онъ за содѣянное имъ преступленіе, столько не менѣе того оно послужитъ примѣромъ и для другихъ“. Въ заключеніе князь Голицынъ представлялъ министру, что, „согласуясь съ закоснѣлымъ отъ невѣжества понятіемъ старообрядцевъ“, онъ желалъ бы, чтобы всѣ министерскія предписанія, если только они основаны на высочайшей волѣ, начинались „самыми разительными для нихъ словами—именемъ его императорскаго величества“ и т. д., чтобы чрезъ это избѣжать тѣхъ безразсудныхъ толковъ, которые слышалъ губернаторъ въ Вольскѣ, въ послѣднюю свою поѣздку. Независимо отъ этого, князь Голицынъ сообщилъ Серафиму, митрополиту новгородскому и петербургскому, какъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, касавшихся его поѣздки въ Вольскъ и въ иргизскіе монастыри, такъ и свои предположенія относительно этихъ монастырей, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его непосредственнаго содѣйствія къ утвержденію сказанныхъ предположеній и о высылкѣ изъ Саратовской губерніи фанатика Іосафа. Иринею же пензенскому писалъ о томъ, что въ женскомъ Успенскомъ монастырѣ онъ нашелъ святые дары въ кельѣ настоятельницы, почему и просилъ отзыва архіерея по настоящему предмету. Ириней отвѣчалъ, что „святые дары, по правиламъ святыхъ отецъ и указамъ святѣйшаго синода, не токмо не позволяется хранить въ домахъ простолюдиновъ и особенно женщинъ, но и прикасаться къ онымъ возбранено, кромѣ священнослужителей, начиная съ діакона“, что, „хотя святые дары и выносятся изъ церкви, но токмо въ домы больныхъ для пріобщенія ихъ и сіе чинится чрезъ однихъ священниковъ“, что, „при этомъ требуется величайшее благоговѣніе къ сей святынѣ, какъ со стороны священниковъ, такъ и отъ свѣтскихъ людей, подъ опасеніемъ за противленіе тому строжайшаго сужденія“ и что „священникъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ оставлять святые дары въ домахъ, не токмо постороннихъ, но даже и тѣхъ больныхъ, и кромѣ сихъ послѣднихъ не долженъ заходить съ оными ни въ какіе другіе домы“. Вслѣдъ за этимъ князь Голицынъ сообщилъ Иринею и о тѣхъ предположеніяхъ относительно иргизскихъ монастырей, которыя онъ представилъ министру и митрополиту Серафиму. Въ письмѣ къ Иринею онъ, между прочимъ, объяснялъ, что стремленіе его въ данномъ разѣ состоитъ въ томъ, чтобы доказать правительству, „что всякому злу, отъ сихъ обителей невѣрія и разврата происходящему, есть истинная причина—настоящій образъ управленія ими“, что порядокъ этотъ совершенно стѣсняетъ губернское начальство имѣть должное вліяніе на лица, тамъ пребывающія, что если правительство „уважитъ его настоянію дозволеніемъ ему непосредственнаго вліянія на распорядокъ сими монастырями, съ устраненіемъ власти на оные удѣльнаго начальства“, то онъ „можетъ ручаться, что сей корень раскола самъ собою истребится“. Ириней, благодаря его за это сообщеніе, добавлялъ въ своемъ письмѣ,

что „подвиги“ князя Голицына, „ко славѣ святой церкви предпріемлимые, безъ сомнѣнія, увѣнчаются вожделѣннымъ успѣхомъ“. А мое дѣло,—заключаетъ владыка,—„есть возсылать о томъ моленіе ко Господу“. Таковы были первые подвиги князя Голицына, совершенные имъ къ подавленію раскола въ Поволжьѣ.

X.

Когда Голицынъ понялъ, что сила раскола не въ догматахъ его и не въ фанатизмѣ его послѣдователей, а въ томъ, что явленіе это есть только одно изъ видоизмѣненій или одинъ изъ симптомовъ наслѣдственной исторической болѣзни русскаго народа, высказывавшейся въ теченіе многихъ столѣтій то въ явленіяхъ самозванцевъ, то въ вспышкахъ понизовой вольницы, какъ на Волгѣ, такъ и на Днѣпрѣ, въ пугачевщинѣ и гайдамачинѣ, въ подвигахъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ на обѣихъ окраинахъ Россіи, восточной и западной, тогда онъ повелъ иную тактику противъ иргизскихъ скитниковъ. Онъ понялъ, что и эти отщепенцы общества были не что иное, какъ продукты и въ то же время факторы бродячихъ силъ русскаго народа, которые не могли уложиться въ тѣсныя рамки крѣпостного права и московской централизаціи и проявлялись какъ сила протестующая, сила центробѣжная въ государствѣ. Надо было, слѣдовательно, подавлять проявленіе протестующей силы духовныхъ добрыхъ молодцевъ, понизовой вольницы и украинскихъ гайдамаковъ. Надо было поэтому прекратить притокъ свѣжихъ силъ къ центрамъ раскольничьяго движенія, прекратить притокъ воздуха къ тѣмъ частямъ государства, гдѣ происходило броженіе элементовъ, разложеніе государственныхъ частей, гдѣ, однимъ словомъ, происходилъ процессъ горѣнія и за недостаткомъ пищи, за недостаткомъ воздуха, процессъ горѣнія, и разложенія общественнаго тѣла долженъ былъ самъ собою прекратиться. Князь Голицынъ, можетъ быть, чутьемъ администратора угадывалъ эту историческую истину и дѣйствовалъ, хотя, повидимому, ощупью, нигдѣ не высказывая, что ратуетъ не противъ однихъ раскольниковъ, а противъ всѣхъ бродячихъ силъ русскаго народа, старается подрубить это историческое дерево подъ корень, — однако, дѣйствія его были направлены именно противъ процесса броженія и разложенія этихъ стихійныхъ силъ Россіи. Такъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, въ томъ же 1828 г., князь Голицынъ представлялъ государю императору особую записку „о разныхъ предметахъ до управленія и благоустройства саратовской губерніи относящихся, а также о мѣрахъ къ обращенію раскольниковъ къ единовѣрію и о сооруженіи единовѣрческихъ церквей“. Въ этой запискѣ, какъ и въ вышеупомянутыхъ предположеніяхъ, представленныхъ министру относительно иргизскихъ монастырей, князь Голицынъ настаивалъ на сосредоточеніи въ рукахъ губернатора распорядительной власти по дѣламъ раскола, въ тѣхъ, безъ сомнѣнія, соображеніяхъ, что тутъ дѣло не въ догматахъ, а въ антигосударственныхъ стремленіяхъ сектантовъ, что на сектантовъ

какъ и на понизовую вольницу, нужна одна и та же узда, что тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же процессъ разложенія старой административной системы, только прикрытый „старою вѣрою“. Между тѣмъ, на эту записку князь Голицынъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что государь императоръ, по разсмотрѣніи упомянутой записки, „изволитъ находить, что губернаторъ всегда можетъ употреблять зависящія отъ него средства для благоустройства губерніи, и потому стараться своими внушеніями обращать раскольниковъ къ православной церкви“; но что „дать открытое дозволеніе старообрядцамъ по дѣламъ вѣры относиться съ архіереями чрезъ губернаторовъ его величество не изволилъ признать удобнымъ и примѣнимымъ для православной нашей церкви, ибо старообрядцы давно сего домогаются, дабы имъ представить изъ себя особое общество—одну изъ договаривающихся сторонъ,—и тѣмъ дѣйствовать на простодушныхъ къ привлеченію въ свою ересь“. Выше мы упомянули, что въ бытность князя Голицына въ иргизскихъ монастыряхъ онъ приказалъ арестовать и отправить въ Саратовъ одного изъ раскольничьихъ агитаторовъ, инока Іосафа. 15-го іюня агитаторъ привезенъ былъ въ село Балаково и отданъ въ удѣльный приказъ подъ строгій надзоръ. Его велѣно было держать тамъ до особыхъ объ немъ приказаній. Надлежащимъ властямъ объявлено было, что монахъ этотъ арестованъ „за ослушаніе, сдѣланное имъ противу высочайшей воли“. На другой день агитаторъ, по приказанію губернатора, былъ переправленъ черезъ Волгу и привезенъ въ Вольскъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Вольскъ и князь Голицынъ и, не рѣшившись судить арестанта въ этомъ городѣ, наполненномъ раскольниками, приказалъ отправить его въ Саратовъ „безъ всякой огласки“. Его взяли изъ земскаго суда, гдѣ онъ содержался подъ именемъ „бывшаго инока Іосафа,“ арестованнаго „за грубость и ослушаніе,“ и отправили въ Саратовъ съ однимъ изъ полицейскихъ унтеръ-офицеровъ, при особой подорожной, на которой было написано: „за ослушаніе высочайшей волѣ“. 2-го іюля Іосафъ выѣхалъ изъ Саратова въ Петербургъ, сопровождаемый жандармомъ. Въ письменномъ „наставленіи“, которымъ былъ снабженъ жандармъ отъ князя Голицына, между прочимъ, говорилось: „поручая тебѣ инока старообрядческихъ иргизскихъ монастырей, Іосафа, отправляемаго мною при донесеніи господину министру внутреннихъ дѣлъ, тебѣ же отданномъ,—я предписываю: во время слѣдованія твоего съ симъ инокомъ до С.-Петербурга, имѣть за нимъ бдительный надзоръ, дабы не могъ сдѣлать побѣга, съ тѣмъ при томъ, чтобы ты не торопился прибытіемъ къ мѣсту назначенія, а такъ бы ѣхалъ, сколько дозволятъ престарѣлыя лѣта того инока“. Такъ какъ мѣстное удѣльное начальство, представителемъ котораго въ Саратовѣ въ то время былъ Манассеинъ, не могло не видѣть, что власть надъ иргизскими монастырями мало-по-малу ускользала изъ его рукъ, то путешествіе князя Голицына въ скиты и отправленіе въ Петербургъ монаха не могли не встревожить Манассеина. Этотъ послѣдній спрашивалъ сначала вольскія

власти, за что взятъ монахъ. Оттуда отвѣчали, что по распоряженію губернатора. Манассеинъ спрашивалъ о томъ же губернатора, прибавляя, что онъ ничего не знаетъ „ни о подлинномъ существѣ настоящаго дѣла, ни о самыхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ судебныхъ мѣстъ о упомянутомъ Іосафѣ“ и что ему необходимо все это узнать, чтобы „выполнить въ настоящемъ случаѣ все то, къ чему обязываютъ его и общія государственныя узаконенія, и особенныя постановленія по части удѣльной“. Не отвѣчая ничего Манассеину, князь Голицынъ тотчасъ же потребовалъ отъ вольскаго исправника копіи со всей его переписки съ Манассеинымъ и приказывалъ не входить съ нимъ прямо ни въ какую переписку объ иргизскихъ монастыряхъ. Кромѣ того, когда князь Голицынъ былъ еще на Иргизахъ, то приказалъ выслать оттуда двухъ монаховъ—Антонія и Филарета, „за дерзостные отвѣты и закоснѣлость ихъ въ поддержаніи старообрядчества“. Антоній былъ отставной казакъ гребенского войска, Авраамъ (въ монашествѣ Антоній) Сатваловъ, а Филаретъ—екатеринбургскій заводскій крестьянинъ, Ѳедоръ Сарапуловъ. Перваго изъ нихъ исправникъ тотчасъ же выслалъ въ Саратовъ подъ стражею. Но онъ, какъ видно, въ дорогѣ выдавалъ себя за мученика и много ораторствовалъ. Князь Голицынъ узналъ объ этомъ и запретилъ исправнику имѣть переписку съ Манассеинымъ, сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ за то, что онъ „допустилъ отправленіе инока Антонія въ Саратовъ за присмотромъ подобныхъ ему“, что монахъ этотъ (писалъ Голицынъ) „до явки ко мнѣ имѣлъ возможность бродяжничать по Саратову и разглашать разные толки“ и т. д. Только уже послѣ этого князь Голицынъ отвѣчалъ Манассеину, и при томъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, что инока Іосафа, „оказавшагося виновнымъ въ наклоненіи жителей старообрядческихъ монастырей къ противоборству распоряженіямъ начальства, относящимся до прекращенія расколовъ“, онъ лично приказалъ арестовать и доставить въ Саратовъ. „Обстоятельство это,—писалъ онъ,—обязываетъ меня поставить въ виду вашемъ, что всѣ дѣла, касающіяся до лицъ въ отношеніи вѣры, какого бы вѣдомства сіи лица ни были, подлежатъ непосредственному моему вліянію и распоряженію“, что „я имѣю въ руководство о семъ предметѣ секретныя правила, утвержденныя государемъ императоромъ,“ что „слѣдовательно, засимъ, всякое сношеніе удѣльной конторы съ земскимъ судомъ по дѣламъ подобнаго рода вовсе уже неумѣстно“, что „всѣ случаи, до вѣры относящіеся, должны быть доводимы непосредственно до моего свѣдѣнія, я же, соображая оные съ тѣми высочайшими правилами, обязанъ дать имъ надлежащій ходъ“ и что „все здѣсь сказанное прошу васъ принять къ надлежащему съ вашей стороны исполненію“. Инока Антонія или казака Сатвалова, этого второго послѣ Іосафа агитатора, князь Голицынъ изъ Саратова немедленно отправилъ на Кавказъ, подъ стражею, и при этомъ сообщилъ начальнику кавказской области, генералъ-лейтенанту Эммануэлю, что Сатваловъ „по закоснѣлости въ расколѣ, дерзновенными мнѣніями своими о вѣрѣ въ поддержаніе старообрядства, препятствуетъ въ распоря-

женіяхъ правительства по дѣламъ раскольниковъ", что онъ „весьма много содѣйствуетъ укорененію заблужденія въ невѣждахъ и самому распространенію онаго" и что „за эти вредныя мнѣнія его слѣдуетъ держать подъ строжайшимъ надзоромъ и отнюдь не допускать возвратиться въ Иргизы". Это былъ старый закоренѣлый раскольничій агитаторъ, и потому князь Голицынъ понялъ всю опасность допущенія этой личности въ центръ сектаторскаго движенія. Уже находясь подъ стражей, Антоній не переставалъ проповѣдывать то, что проповѣдывалъ въ монастыряхъ и что, безъ всякой боязни, прямо и дерзко говорилъ въ глаза Голицыну. Другой агитаторъ, вмѣстѣ съ нимъ арестованный, былъ еще молодой человѣкъ, хотя уже давно именовался инокомъ Филаретомъ. Этому отважному раскольнику было всего 28 лѣтъ. Онъ былъ грамотенъ и писалъ довольно бойко. Подъ допросомъ, который снятъ съ него послѣ арестованія, стоитъ его собственная подпись. Инокъ Филаретъ, онъ же крестьянинъ Сарапуловъ, пошелъ въ монахи еще мальчикомъ. Это была, повидимому, безпокойная личность, какихъ не мало встрѣчалось между поволжской понизовой вольницей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ добрыхъ молодцовъ, которые вызывались къ дѣятельности движеніемъ неугомонныхъ бродячихъ силъ русскаго народа. „Проживалъ я въ монастыряхъ единственно для богомолія и спасенія души своей,—говорилъ о себѣ этотъ молодой монахъ,—будучи съ малолѣтства, какъ отцы и прадѣды мои, въ старообрядчествѣ. До прибытія же моего сюда, я еще на прежнемъ жительствѣ моемъ почувствовалъ желаніе посвятить себя монашеской жизни и удалился въ тамошнюю старообрядческую обитель, состоящую въ предѣлахъ заводскихъ, гдѣ находился тогда іеромонахъ Иларій, который и надѣлъ на меня иноческое одѣяніе, съ наименованіемъ Филаретомъ. А по прибытіи моемъ въ верхній монастырь, постриженъ въ монахи священникомъ Меѳодіемъ, скрытнымъ образомъ, безъ свидѣтелей. Меѳодій же назадъ тому лѣтъ шесть померъ". Монахъ этотъ былъ изъ помѣщичьихъ заводскихъ крестьянъ. Когда его спрашивали, извѣстно ли помѣщикамъ объ его монашествѣ, Филаретъ отвѣчалъ: „Позволенія на сіе постриженіе я отъ помѣщиковъ своихъ не имѣлъ и о томъ не спрашивалъ, ибо въ жительствѣ моемъ почти всѣ крестьяне старообрядцы и никому изъ нихъ, по случаю старости и неспособности къ работѣ, не воспрещается принять иноческій санъ. Оброку я плачу господамъ, несмотря на разстроенное здоровье мое, по сту рублей въ годъ, который взносятъ большею частію за меня родственники мои при заводѣ, которымъ я посылаю иногда пособіе отъ великодушія монастыря и доброхотныхъ дателей". Этого третьяго молодого агитатора, „закоснѣлаго въ расколѣ", князь Голицынъ выслалъ въ пермскую губернію, въ Екатеринбургъ. Въ бытность свою въ иргизскихъ монастыряхъ, князь Голицынъ намѣтилъ и четвертаго раскольничьяго агитатора, инока Фирса. Раскольникъ этотъ вышелъ изъ-за границы по манифесту 1816 г. и приписался въ деревню Пузановку, вольскаго уѣзда, подъ именемъ крестьянина Филиппа Тимофеева. Фирсъ жилъ въ иргизскихъ монастыряхъ и обратилъ на себя вниманіе князя Го-

лицына „своимъ буйствомъ,“ „нарушеніемъ общественнаго спокойствія“ и „нелѣпыми толками“. Его также подъ карауломъ привезли въ Саратовъ, подвергли допросамъ, потомъ снова отвезли въ Вольскъ и отдали подъ судъ безъ очереди.

XI.

Этими крутыми мѣрами князь Голицынъ нагналъ такой страхъ на монастыри, особенно послѣ ссылки четырехъ агитаторовъ, что болѣе неподатливые изъ коноводовъ раскола, боясь новыхъ гоненій, тайно скрылись изъ монастырей, не желая уступить требованіямъ губернатора и не рискуя вступить съ нимъ въ открытую борьбу. Такимъ образомъ, разбѣжались десять иноковъ—Филиппъ, Пахомій, Ефремъ, Савватій, Іаковъ *), Германъ, Іоиль, Серапіонъ и Григорій схимникъ и пять бѣльцовъ. Личности эти разсѣялись въ разныя стороны и потому правительственнымъ властямъ предстояла новая забота—ослабить, по возможности, агитацію этихъ опасныхъ вожаковъ, которые должны были разнести пропаганду по всему Поволжью и наэлектризировать населеніе разсказами о гоненіяхъ за вѣру. Они являлись уже бродячими пророками, тѣми каликами перехожими, которымъ всегда безусловно вѣритъ русскій народъ и за которыми онъ шелъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ таинственнѣе обставляли себя эти самозванцы, эти „странники“, эти „люди божіи“ и „невѣдомые“. Они скрылись изъ монастырей въ монашескомъ одѣяніи, со всѣми аттрибутами странничества. Мѣстныя власти тотчасъ же отправились за Волгу, чтобы тайно развѣдать слѣды этихъ странниковъ и бдительно наблюдать за ихъ появленіемъ. Отъ настоятелей монастырей взяты подписки въ томъ, чтобы ихъ ни въ коемъ случаѣ не принимать въ обители, если они возвратятся. Въ то же время за Волгой оставлены были два чиновника, которые, если возможно, съ самымъ строгимъ секретомъ слѣдили бы „за бродяжничествомъ сихъ иноковъ самозванцевъ“ и ловили бы ихъ при первомъ появленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались розыски по всей губерніи, и, кромѣ того, князь Голицынъ предувѣдомлялъ губернаторовъ: тамбовскаго, пензенскаго, симбирскаго, астраханскаго и оренбургскаго, а также войсковыхъ атамановъ донского и уральскаго, что „подобные самозванцы, подъ прикрытіемъ монашескаго платья, бродяжничая по отдаленнымъ мѣстамъ, разсѣиваютъ всюду ересь свою, а равно распространяютъ и другіе не менѣе вредные невѣжественные толки“, что поэтому, „дабы люди сіи не могли бродяжничать въ монашескомъ платьѣ и подъ симъ видомъ, ни мало имъ принадлежащимъ, распространять расколъ“, онъ просилъ сосѣднихъ губернаторовъ „таковыхъ самозванцевъ всюду преслѣдовать“ и ловить и по поимкѣ предавать строгому суду, „не токмо какъ бродягъ, но и какъ самозванцевъ“. Тогда же отъ настоятелей трехъ мужскихъ монастырей, отъ иноковъ Гавріила,

*) Іаковъ „евангельскій сынъ“ Серапіона, какъ сказано въ бумагахъ.

Корнилія и Андріана взяты были подписки въ томъ, что они изъ числа пріѣзжающихъ къ нимъ изъ разныхъ мѣстъ для богомолія людей, какого бы они званія ни были, въ иноческій санъ принимать и постригать никого уже не должны, что даже тѣхъ иноковъ, которые должны быть высланы вслѣдствіе просрочки актовъ, они обязывались не допускать къ себѣ на жительство, „даже кратковременное". Между тѣмъ, выѣзжавшій изъ Саратова 2-го іюля, съ жандармомъ, фанатикъ Іосафъ въ Петербургъ не являлся въ теченіе почти мѣсяца. Не имѣя объ немъ никакихъ вѣстей, генералъ-адъютантъ Закревскій спрашивалъ князя Голицына, высланъ ли къ нему этотъ фанатикъ; а если нѣтъ, то почему. Голицынъ отвѣчалъ, что высланъ, но что сопровождавшему его жандарму приказано щадить старость монаха и не утомлять его быстрой ѣздой. Оказалось, что Іосафъ могъ прибыть въ Петербургъ и явиться къ генералу Закревскому только 24-го іюля. Около этого времени изъ Средне-Никольскаго монастыря бѣжалъ еще одинъ изъ важныхъ раскольниковъ, священноинокъ Иларій. Онъ былъ прежде іеромонахомъ подгорной Макарьевской пустыни, что около Свіяжска. Раскольникъ этотъ бѣжалъ ночью на 27-е іюня, вѣроятно, предувѣдомленный о томъ, что казанскій архіепископъ Филаретъ требовалъ высылки его въ Казань.

Слухи ходили, что онъ пробрался на Уралъ и скрывается въ Сергіевскомъ скиту. На основаніи этихъ слуховъ, князь Голицынъ сообщалъ оренбургскому военному губернатору Эссену о необходимости произведенія обыска въ помянутомъ скитѣ. Тогда атаманъ уральскаго войска Бородинъ командировалъ разъѣздного комиссара Поликарпова и чиновника Буренина изъ Уральска для производства обыска, и оказалось, что ни Иларія, ни другихъ агитаторовъ, бѣжавшихъ съ Иргизовъ, не могли тамъ отыскать, а схватили изъ нихъ только одного инока Пахомія, бѣжавшаго съ Иргизовъ въ числѣ пятнадцати коноводовъ, и тотчасъ же за крѣпкимъ карауломъ отправили въ Симбирскъ, на мѣсто его родины. Розыски въ другихъ мѣстностяхъ оказались безуспѣшными: народъ, какъ видно, умѣлъ скрывать своихъ героевъ и мучениковъ, кто бы они ни были—понизовые ли удалые добрые молодцы, или старцы страннички. Только астраханскій губернаторъ попалъ на слѣдъ какихъ-то подозрительныхъ личностей. Когда производились розыски по каспійскому взморью, гдѣ обыкновенно укрывались шайки понизовой вольницы, начиная отъ Заметаева, Петьки Казанскаго, Беркута и кончая новѣйшими атаманами, ниже Астрахани въ 60 верстахъ, „въ крѣпяхъ камыша" открыты неизвѣстныя личности, числомъ одиннадцать, изъ коихъ четверо было мужчинъ и семь женщинъ. Маленькая эта община, удалившаяся отъ міра и прятавшаяся въ камышахъ, составляла какъ бы отдѣльное поселеніе, расположенное въ трехъ землянкахъ. Старшій изъ мужчинъ, которому было болѣе пятидесяти лѣтъ, считался чѣмъ-то въ родѣ начальника общины или настоятеля. Другому мужчинѣ было лѣтъ за сорокъ, третьему подъ сорокъ и четвертый былъ еще юноша, лѣтъ восемнадцати. Настоятель былъ мужчина высокаго роста, черный, сѣдоватый:

Юноша казался болѣзненнымъ. Женщины были большею частію старухи, семидесяти и шестидесяти лѣтъ, и только двѣ изъ нихъ были молодыя. Когда эту общину взяли, привезли на „Василистовъ промыслъ" и стали допрашивать каждаго, они упорно отказывались объявить о своемъ званіи. Когда ихъ спрашивали, давно ли они поселились въ своей уединенной колоніи, они отвѣчали, что другой годъ живутъ въ камышахъ; когда же потребовали отъ нихъ указанія о мѣстѣ ихъ первоначальнаго жительства, бродяги упорно молчали. Они утаили также и свои имена, назвавшись только такими именами, „которыя они получили при второмъ крещеніи". Когда же ихъ спросили, кѣмъ они крещены во второй разъ, арестованные молчали. Утаили также и мѣсто своего второго крещенія. Настоятель называлъ себя Семеномъ Максимовымъ, а двухъ женщинъ—своими сестрами. Это были Мавра и Ирина, первая 56, а вторая 43 лѣтъ. Онъ говорилъ, что пришелъ на взморье Каспія съ этими двумя сестрами и пятью другими женщинами. Поэтому онъ и былъ основателемъ и главою общины, чѣмъ-то въ родѣ пророка мормоновъ Брайгама Юнга, окруженнаго однѣми женщинами. Трое мужчинъ присоединились къ его общинѣ уже впослѣдствіи. При дальнѣйшемъ ознакомленіи съ этой любопытной общиной оказалось, что всѣ ея члены, и мужчины, и женщины, грамотны. Они говорили только о себѣ, что они раскольники. Когда ихъ спросили, чѣмъ они питаются, бродяги отвѣчали, что пищу получали они изъ Астрахани, что привозили имъ эту пищу отъ доброхотныхъ дателей. „Предметъ ихъ отлучки,—говорилось въ бумагѣ астраханскаго губернатора,—по ихъ умствованію есть тотъ, чтобы удалиться отъ міра и послѣдовать Христу Спасителю, т.-е. жить въ уединеніи и молиться Богу по старымъ церковнымъ книгамъ". Сколько потомъ ни пытались узнать отъ нихъ еще что-либо, фанатики твердо и непоколебимо стояли на своемъ, отдѣлываясь отъ всѣхъ вопросовъ упорнымъ молчаніемъ. Астраханскій губернаторъ, арестовавъ всю эту таинственную общину, спрашивалъ князя Голицына, не принадлежатъ ли эти бродяги къ числу тѣхъ, которые разбѣжались изъ иргизскихъ монастырей. Князь Голицынъ далъ знать объ этомъ исправнику въ Вольскѣ. Исправникъ немедленно сдѣлалъ розыскъ по всѣмъ иргизскимъ монастырямъ, допрашивалъ обо всѣхъ, тайно и явно ушедшихъ съ Иргизовъ, какъ въ послѣдній разгромъ скитовъ, такъ и въ прежніе годы, и ничего не добился; о таинственныхъ бродягахъ, найденныхъ въ камышахъ, никто не зналъ. Такъ дѣло о нихъ и заглохло въ Астрахани.

XII.

Когда князь Голицынъ былъ въ иргизскихъ монастыряхъ и разсматривалъ тамошнія церкви, онъ особенно заинтересовался тамошними антиминсами. Онъ просилъ настоятеля показать ему эти церковныя принадлежности. „И хотя старообрядцы (говоритъ князь Голицынъ въ письмѣ къ епископу Иринею) выискивали всѣ средства препятствовать мнѣ о томъ,

но, однако, несмотря на то, я ихъ видѣлъ". Мало того, онъ снялъ съ нихъ копіи. „Видя ихъ въ натурѣ (продолжаетъ Голицынъ), нельзя не имѣть сомнѣнія о подлинности. Матерія, изъ коей они изображены, заключается въ самомъ простомъ и толстомъ холстѣ; нѣтъ ни малѣйшихъ украшеній; одно простое письмо блѣдными чернилами, которое съ трудомъ можно разобрать". Снимки съ этихъ антиминсовъ князь Голицынъ послалъ къ Иринею. По разсмотрѣніи этихъ антиминсовъ, Ириней находилъ, что всѣ они „по несправедливому объясненію нѣкоторыхъ изъ нихъ времени существованія великихъ государей, патріарховъ и преосвященныхъ архіереевъ и по другимъ замѣчаніямъ, есть совершенно подложные". Кромѣ того, „фальшивость" ихъ Ириней обнаруживалъ еще и тѣмъ, что ни на одномъ антиминсѣ не значится, кѣмъ они освящены, что никѣмъ не подписаны, что четвертый и пятый показаны освященными при патріархѣ Никонѣ, тогда какъ раскольники не пріемлютъ не только антиминсовъ, но даже и книгъ, которыя изданы со времени патріаршества Никона, и что, наконецъ, самое существованіе древнихъ антиминсовъ въ иргизскихъ монастыряхъ, возникшихъ по прошествіи болѣе столѣтія послѣ Никона, подвержено „величайшему сомнѣнію", такъ какъ раскольники не могли имѣть ихъ тогда въ запасѣ, потому что антиминсы выдаются на извѣстныя только, существующія уже церкви. Ириней замѣчалъ, что первый антиминсъ означенъ 7109, т.-е. 1607, годомъ и пріуроченъ къ царствованію Димитрія Іоанновича, тогда какъ этотъ послѣдній царствовалъ съ 1359 по 1388 г., когда еще патріарховъ въ Россіи не было, да при немъ и не могло быть патріарха Ермогена: въ 1601 году царствовалъ Борисъ Годуновъ, а при немъ былъ патріархъ Іовъ. На второмъ антиминсѣ сказано, что 3-го іюня 7160 или 1652 года былъ митрополитъ Макарій, тогда какъ онъ посвященъ только 8-го августа, слѣдовательно, въ іюнѣ митрополитомъ еще не былъ. На третьемъ антиминсѣ тоже ложь: архіепископъ Ефимій именовался тверскимъ и старицкимъ, а не кашинскимъ. На четвертомъ новая ложь: епископъ Александръ посвященъ при Никонѣ. Та же и на пятомъ: архіепископа Іосифа не было, а былъ Іосафъ, тоже при Никонѣ; Іосифомъ онъ названъ уже при схимѣ; титулъ его былъ тоже тверской и старицкій, а не кашинскій. Фальшъ и на шестомъ: въ 1629 г. Алексѣй Михайловичъ не царствовалъ, а царствовалъ Михаилъ Ѳедоровичъ (1612—1645 г.) и притомъ тогда былъ патріархъ Филаретъ Никитичъ и ростовскій митрополитъ Варлаамъ, а не Іосифъ и не Іона. Впрочемъ, всѣ эти замѣчанія Иринея могутъ не имѣть и никакого значенія, такъ какъ князь Голицынъ самъ говорилъ, что онъ съ трудомъ разобралъ надписи на антиминсахъ. А кто ручается, что онъ правильно разбиралъ ихъ? Реставрируя старинныя буквы, онъ могъ прочитать одни годы за другіе, особенно когда они писались славянскими буквами, и вмѣсто 7157 годъ царствованія Алексѣя Михайловича, могъ прочитать 7137 годъ царствованія Михаила Ѳедоровича и для этого стоило только вмѣсто стершагося и полинявшаго „м" или „н" прочитать „л". Какъ бы то ни было, рас-

кольники берегли эти антиминсы, какъ драгоцѣнную святыню, и впослѣдствіи энергически ихъ отстаивали, несмотря на то, что раскольниковъ въ трескучій морозъ обливали водой изъ пожарныхъ трубъ, о чемъ нами будетъ сказано въ свое время.

XIII.

Страхъ, внушенный иргизскимъ монастырямъ и всѣмъ поволжскимъ раскольникамъ княземъ Голицынымъ, не ограничился тѣмъ, что коноводы раскола, не покоряясь административной опекѣ и ненавистной для нихъ регламентаціи, предпочли лучше скитаться по Россіи бродягами, чѣмъ жить спокойно и молиться по старымъ книгамъ въ своихъ кельяхъ подъ протекціей губернатора и исправника. Страхъ былъ до того силенъ, особенно между женщинами, что онѣ не только уходили тайно изъ монастырей на время гоненія, до болѣе счастливой поры, но многія изъ нихъ рѣшились и окончательно порвать всѣ связи съ излюбленными ими обителями, текущими молокомъ и медомъ (у нихъ были и свои стада, и пчелиныя пасѣки съ обиліемъ меду). Оказалось, что многія монахини тайно увозили изъ монастырей свое имущество. Узнавъ объ этомъ, Голицынъ снова поднялъ тревогу. Онъ требовалъ, чтобы исправникъ силою прекратилъ этотъ вывозъ изъ монастырей имущества, требовалъ отобранія подписокъ у настоятелей. Тѣхъ же самыхъ распоряженій онъ требовалъ и отъ Манассеина. Исправникъ пригрозилъ кому слѣдуетъ, отобралъ подписки, напугалъ монахинь и настоятельницъ. Тѣ увѣряли, что монахини увозили изъ монастырей свое собственное имущество, что онѣ отдавали его на храненіе своимъ родственникамъ въ ближайшія селенія, что все это дѣлалось „изъ опасенія въ непрочномъ пребываніи ихъ въ настоящемъ мѣстѣ“. Но нѣсколько раньше этого погрома, обрушившагося на иргизскіе монастыри, возникло было новое, весьма сильное движеніе въ этой мѣстности Поволжья въ пользу раскола. Народныя движенія заразительны—и вотъ цѣлыя селенія поднялись съ намѣреніемъ присоединиться къ иргизскимъ общинамъ. Это движеніе обнаружилось въ селѣ Сухомъ Острогѣ, въ Кормяжкѣ, въ слободѣ Криволучьѣ и въ деревнѣ Большомъ Кушумѣ. Въ обществахъ этихъ селеній составились приговоры. Составился потомъ общій мірской совѣтъ изъ всѣхъ селеній. Выборные отъ обществъ просили настоятелей иргизскихъ монастырей принять ихъ селенія въ свою соединенную общину. Настоятели, напуганные княземъ Голицынымъ, конечно отказали имъ въ этомъ. Тогда крестьяне рѣшились на болѣе смѣлую попытку. Нашлись совѣтники, которые указали имъ путь—прямо обратиться въ Петербургъ. Крестьяне сошлись и сочинили коллективную просьбу князю Петру Михайловичу Волконскому, генералъ-адъютанту, министру двора и удѣловъ. „Обширныя пространства земли, въ вольскомъ уѣздѣ, по луговой сторонѣ рѣки Волги лежащія и простирающіяся по рѣкѣ Иргизу, въ древнее время весьма малое имѣли народонаселеніе (писалось въ этой коллективной просьбѣ). Оно усилилось,

когда по всемилостивѣйшимъ манифестамъ начали водворяться въ сихъ мѣстахъ разнаго рода сходцы, отлучившіеся изъ жилищъ своихъ безъ дозволенія правительства люди и выходцы изъ-за границы. Таково было начало нынѣшняго многочисленнаго народонаселенія по Иргизу. Впослѣдствіи времени, когда всемилостивѣйшіе манифесты великія Екатерины сдѣлались гласны и въ отдаленныхъ странахъ внѣ государства русскаго и когда милости чадолюбивой матери проникли сердца людей, повелительницу сѣвера обожавшихъ, тогда-то изъ-за польской границы явились монахи, старообрядческіе иноки, люди честнаго поведенія и доброй нравственности, большею частью въ лѣтахъ преклонныхъ. Поселившись по Иргизу, въ избранныхъ ими мѣстахъ, они, съ дозволенія правительства, завели скиты и молитвенные домы. Въ нихъ началось отправляться богослуженіе христіанское и требы, до священныхъ таинствъ относящіяся, по книгамъ старопечатнымъ и по установленіямъ, въ оныхъ изложеннымъ. Такимъ образомъ, положено основаніе старообрядческихъ по Иргизу монастырей, и прибѣгшіе прежде въ скиты и молитвенные домы для отправленія богослуженія христіане получили наименованіе старообрядцевъ. Таковое отправленіе богослуженія, сперва начавшееся въ скитахъ и домахъ молитвенныхъ, а съ продолженіемъ времени глубоко проникло и тронуло сердце народа, приверженнаго къ онымъ, и какъ при началѣ старообрядческихъ скитовъ по селеніямъ иргизскимъ церквей грекороссійскихъ совсѣмъ почти не было, то старообрядческіе скиты и молитвенные домы сами собой непримѣтно усилили дѣйствія свои, и оттого нынѣ большая часть народа, по Иргизу поселявшагося,—старообрядцы, несмотря, что во многихъ селеніяхъ устроены церкви“. Видно, что просьба составлена была людьми грамотными, читавшими и знавшими не только исторію заселенія поволжскаго края, но и исторію законодательствъ, касавшихся этой мѣстности, вообще, и раскольниковъ, въ особенности. Вотъ почему эта любопытная и замѣчательная просьба крестьянъ представляетъ собою подобіе адреса, съ которымъ нѣсколько крестьянскихъ обществъ, какъ государственная фракція, обращаются къ правительству съ изложеніемъ своихъ нуждъ и требованій, обусловливаемыхъ историческимъ ходомъ жизни Поволжья. Вотъ почему просьба имѣетъ не только вообще, историческое значеніе, но и, въ тѣсномъ смыслѣ, политическое. Далѣе раскольники объясняютъ послѣдующее развитіе жизни въ среднемъ Заволжьѣ и перипетіи ихъ собственной жизни. „Благотворное правительство (говорятъ они), при всѣхъ своихъ осторожностяхъ, дабы старообрядчество не могло породить худыхъ послѣдствій и душевнаго вреда для христіанства, взирало на всѣ дѣйствія старообрядцевъ съ человѣколюбіемъ, и, наконецъ, старообрядцамъ высочайшими указами дозволено торжественное отправленіе по ихъ обрядамъ богослуженія. Народъ, особенно родившійся въ нѣдрахъ старообрядческаго исповѣданія, тѣмъ болѣе привлекся и прилѣпился къ принятымъ ими обрядамъ, отправляя и совершая всѣ священныя таинства и требы чрезъ священниковъ старообрядческихъ, однако же, рукоположенныхъ епархі-

альными преосвященными. Предки наши, дѣды и отцы, совершаясь примѣромъ ихъ и внявъ движеніямъ собственнаго сердца и внушеніямъ совѣсти, завѣщали и намъ исповѣдывать и отправлять христіанскую религію по обряду отцовъ нашихъ". Затѣмъ они объясняютъ, что въ 1811 г., по распоряженію правительства, происходило повсемѣстное обозрѣніе христіанскихъ исповѣданій и сектъ и что иргизскимъ раскольникамъ производима была перепись, но что селенія и слободы Сухой Острогъ, Кормяжка, Криволучье и Большой Кушумъ будто бы въ раскольничьи вѣдомости не записались, „предполагая,—какъ выражались теперь раскольники,—по ограниченнымъ понятіямъ нашимъ, дабы не могло послѣдовать откуда-либо намъ стѣсненія", что при всемъ томъ они практически исповѣдывали расколъ, отправляя свои требы чрезъ иргизскихъ священниковъ, безъ всякаго препятствія со стороны гражданскихъ властей, а что теперь именно,—продолжаютъ раскольники,—„по обряду христіанскому для спасенія души, по слову Спасителя Христа, когда намѣрены были принести Ему душевную жертву съ сокрушеннымъ сердцемъ чрезъ покаяніе во грѣхахъ нашихъ и тѣмъ очистить совѣсть, то, къ прискорбію и душевному соболѣзнованію нашему, священники тѣхъ монастырей въ томъ намъ отказали, и мы остались теперь отвергнуты и не можемъ рѣшиться обратиться въ нѣдра грекороссійской церкви приходской". Вотъ почему селенія эти и рѣшились обратиться къ князу Волконскому. Они откровенно объяснили ему, что имъ строго запрещено подавать просьбы высшему начальству помимо мѣстныхъ властей, что на этотъ предметъ у нихъ отобраны подписки, но что они все-таки рѣшились на этотъ послѣдній шагъ, какъ на необходимость. Они просили дозволенія примкнуть къ иргизскимъ общинамъ, а если этого нельзя, то хоть къ той раскольничьей общинѣ, которая имѣетъ свою церковь въ Вольскѣ.

Князь Волконскій по этой просьбѣ потребовалъ отзыва мѣстнаго архіерея и удѣльнаго начальства. Князь Голицынъ, узнавъ изъ разговора съ Манассеинымъ объ этихъ притязаніяхъ крестьянъ, требовалъ объясненія отъ удѣльной конторы и въ то же время спрашивалъ Иринея пензенскаго о томъ, какъ онъ намѣренъ поступить въ данномъ случаѣ. Манассеинъ, давно имѣвшій основанія негодовать на князя Голицына, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и довелъ обо всемъ до свѣдѣнія князя Волконскаго. Послѣдній считалъ себя обиженнымъ, такъ какъ губернаторъ врывался въ область его владѣній, и князь Голицынъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ внушеніе. „Ваше сіятельство,—писалъ Закревскій согласно отзыву князя Волконскаго,—не въ правѣ были требовать отъ конторы (удѣльной) предписаній ея начальства, а тѣмъ менѣе давать ей предложенія, какъ мѣсту, вамъ неподчиненному, вслѣдствіе чего, по таковому отзыву князя Петра Михайловича, поручаю вашему сіятельству доставить мнѣ надлежащее объясненіе немедленно". Князь Голицынъ, твердо рѣшившись забрать въ свои руки иргизскіе монастыри и парализировать всѣ дѣйствія этой новой понизовой вольницы и зная, что только сосредоточен-

ными ударами можно добить эту вольницу, а сосредоточеніе силы ударовъ онъ понималъ только въ рукѣ, добивавшей Заметаевыхъ, Беркутовъ и другихъ атамановъ Поволжья, горячо отстаивалъ передъ министромъ свои права на этотъ молотъ, который онъ держалъ своею рукой надъ головами раскольниковъ и которымъ уже удачно началъ бить по горячему желѣзу. Онъ защищался передъ Закревскимъ тѣмъ, что „на дѣла о раскольникахъ, вообще, гражданскіе губернаторы имѣютъ непосредственное вліяніе, къ какому бы состоянію жителей въ губерніи раскольники ни принадлежали"; что „всѣ касающіяся ихъ распоряженія правительства приводятся въ исполненіе черезъ губернаторовъ, будучи означаемы въ секретныхъ и другихъ предписаніяхъ, на имя ихъ присылаемыхъ"; что поэтому онъ „счелъ себя въ правѣ имѣть сношеніе съ удѣльною конторою по симъ дѣламъ, непосредственно до вѣдомства его принадлежащимъ"; что „она сама (контора) сіе хорошо знала и потому исполнила требованіе его"; что „другое бы дѣло, если бы требованія его относились къ предмету хозяйственнаго управленія удѣльными имѣніями"; что „въ такомъ случаѣ ближе бы нѣкоторымъ образомъ почесть ихъ неумѣстными, хотя, впрочемъ, едва ли надлежитъ считать излишнимъ доставленіе свѣдѣній губернатору отдѣльными начальствами въ губерніи, по какимъ бы предметамъ онъ ихъ ни требовалъ"; что въ XII статьѣ наставленія губернаторамъ 1764 года, подтвержденнаго 102 статьею высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, сказано, что губернаторъ, „яко хозяинъ въ губерніи, о всемъ долженъ имѣть прямыя извѣстія и незнаніемъ отговариваться не можетъ"; что въ XI статьѣ упомянуто, что „хозяйственное вліяніе его распространяется и на всѣ тѣ мѣста, которыя не входятъ въ составъ общаго управленія губерніею, но подчинены особымъ правительствамъ"; что, поэтому, „нѣтъ мѣста въ губерніи, для котораго бы губернаторъ могъ быть лицомъ вовсе постороннимъ", и что онъ въ правѣ былъ дѣлать то, что сдѣлалъ. Однимъ словомъ, у такого административнаго Вулкана Гефеста, какимъ былъ князь Голицынъ, не легко было вырвать изъ рукъ молотъ, когда онъ занесъ его надъ наковальнею, чтобы ковать желѣзо, хотя и неподатливое, но достаточно подогрѣтое. Онъ тѣмъ самоувѣреннѣе билъ по одному мѣсту, что сознавалъ, какъ бродячія силы Поволжья все болѣе и болѣе чувствовали себя пришибленными съ каждымъ ударомъ и что правительство само было убѣждено въ пользѣ той кузницы, въ которой ковались желѣзныя путы для бродячихъ силъ русскаго народа.

XIV.

Не прошло полгода, какъ настойчивыя стремленія князя Голицына къ задуманной имъ цѣли увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Народнымъ бродячимъ силамъ нанесенъ былъ роковой ударь, и фактъ этотъ оказался безповоротнымъ въ исторіи внутреннихъ политическихъ движеній русскаго народа. Въ началѣ сентября 1828 года состоялось высочайшее повелѣніе,

въ силу котораго иргизскіе монастыри „передавались въ вѣдомство губернскаго начальства, съ надлежащимъ замѣномъ удѣльному изъ экономическихъ имѣній“. Торжество князя Голицына было полное. Предположенія его были одобрены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; мало того, князь Волконскій, при всемъ пониманіи того, что князь Голицынъ врывался въ его область, долженъ былъ тоже одобрить и доложить государю его предположенія. Иргизскіе монастыри, такимъ образомъ, утрачивали свою независимость и навсегда должны были проститься съ тою республиканскою свободою, на которую до князя Голицына никто не смѣлъ посягать. Государственность этихъ коммунъ прекращалась, и бродячіе элементы русскаго народа всего юга-востока Россіи теряли свой политическій, матеріальный и нравственный центръ. Чтобы окончательно добить въ иргизской коммунѣ всякую возможность снова подняться на ноги, велѣно было всю молодежь, годную къ военной службѣ, отдать въ солдаты, негодныхъ сослать на поселеніе, а дѣтей и мальчиковъ — записать въ военные кантонисты. Въ сентябрѣ же князь Голицынъ приступилъ къ пріему монастырей въ свое непосредственное завѣдываніе. На Иргизы онъ командировалъ чиновника особыхъ порученій Полонскаго, который долженъ былъ объявить монастырямъ, при чиновникѣ удѣльной конторы и исправникѣ, о послѣдовавшей передачѣ ихъ въ вѣдомство губернскаго начальства, произвести самую аккуратную повѣрку „всему монастырскому имуществу, изъ предосторожности“, чтобы „при такомъ переворотѣ“ не могло послѣдовать какой-либо растраты этому имуществу, и, наконецъ, по особому списку лицамъ, предназначеннымъ къ отдачѣ изъ монастырей въ солдаты, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и къ написанію въ военные кантонисты собрать свѣдѣнія о каждомъ лицѣ, о принадлежности къ инокамъ ли, къ бѣльцамъ ли, но такъ, „чтобы не произвести въ нихъ ни малѣйшаго безпокойства, и вовсе не давая имъ того замѣтить“. Въ теченіе мѣсяца этотъ „переворотъ“, о которомъ говорилъ князь Голицынъ, совершился благополучно. По крайней мѣрѣ, въ имѣющихся у насъ подъ руками дѣлахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы при этомъ были какіе-либо протесты со стороны монастырей, неудовольствія, вспышки, неповиновенія, бунты. Подавленные силою и неотразимою необходимостію, монастыри, повидимому, безропотно покорились тому, что рано или поздно должно было ихъ постигнуть. Въ октябрѣ Полонскій доносилъ князю Голицыну, что онъ исполнилъ его порученіе. Онъ добавлялъ, что общая сложность всѣхъ описей по монастырскимъ имуществамъ, съ копіями, составляла 752 листа. При этомъ онъ сообщалъ и свѣдѣнія о лицахъ, предназначенныхъ къ отдачѣ въ солдаты или къ ссылкѣ въ Сибирь. Противъ многихъ изъ нихъ помѣчено: или—„бѣлецъ холостой, обѣ ноги сведены съ самаго младенчества“, или—„холостъ, бѣлецъ съ упавшимъ носомъ отъ венерической болѣзни, худо видитъ“, или—„бѣлецъ, уставщикъ въ монастырѣ, женатъ на такой-то, дѣти такія-то, весьма сухощавъ, но не боленъ“, или — уставщикъ въ Самарѣ, бѣлецъ, женатъ, или—„разбитъ параличемъ и одержимъ частыми припадками падучей бо-

лѣзни“, или—„бѣлецъ, холостъ, весьма глупъ и больной“, или—„бѣлецъ, весьма гнуситъ, женатъ“, или — „бѣлецъ, разбитъ параличемъ, храмлетъ“, или — „мельникъ, здоровый, развратной жизни“ и т. д. Въ октябрѣ же князь Голицынъ доносилъ уже государю, что иргизскіе монастыри приняты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ объ этомъ и министру, подробно объясняя всѣ свои распоряженія по этому предмету, а также представилъ новыя соображенія относительно управленія монастырями и пресѣченія всякой возможности раскольнической пропаганды въ Поволжьѣ. Князь Голицынъ и въ настоящихъ своихъ предположеніяхъ преслѣдуетъ одну и ту же мысль, съ пользою примѣнявшуюся еще въ прошломъ столѣтіи къ понизовой вольницѣ на Волгѣ, къ Запорожской Сѣчи и гайдамачинѣ на Днѣпрѣ и, вообще, ко всѣмъ народнымъ движеніямъ,—это, выражаясь словами запорожцевъ,— „покрѣпче завязать мѣшокъ“, въ которой должны быть собраны всѣ бродячія силы русскаго народа. Вотъ какимъ образомъ князь Голицынъ думалъ „покрѣпче завязать“ этотъ административный „мѣшокъ“ въ иргизскихъ монастыряхъ. По отношенію къ „бѣглымъ попамъ“: всѣ живущіе въ Иргизахъ бѣглые попы никуда изъ монастырей не отлучаются „ни подъ какимъ предлогомъ“, что равносильно вѣчному заключенію въ монастырѣ; дозволившіе себѣ отлучку преслѣдуются и предаются суду какъ бродяги; вновь явившіеся бѣглые попы въ монастыри не принимаются, но тотчасъ же задерживаются и передаются исправнику, а исправникъ, взявъ задержаннаго подъ стражу, отбираетъ отъ него допросъ и вмѣстѣ съ ставленною грамотою на санъ представляетъ губернатору. По отношенію къ инокамъ и бѣльцамъ: ни одинъ изъ иноковъ и бѣльцовъ не отлучается изъ монастырей безъ разрѣшенія губернатора. На это нужно его личное дозволеніе. Въ иноки никто вновь не постригается и никто не принимается въ бѣльцы, кто бы онъ ни былъ и къ какому бы званію ни принадлежалъ. Все это въ равной мѣрѣ относится и къ женщинамъ—къ инокинямъ и бѣлицамъ. По отношенію къ прочимъ лицамъ: всѣ крестьяне, приписанные къ монастырямъ, не смѣютъ отлучаться по своимъ надобностямъ безъ вѣдома монастырскаго начальства, которое непремѣнно должно знать, за какимъ именно дѣломъ каждый изъ нихъ отлучается. Живущіе въ монастыряхъ собственными домами, но не приписанные къ монастырямъ, должны имѣть срочные виды; безъ видовъ же—тотчасъ должны быть высылаемы. Временно пребывающіе въ монастыряхъ ни мало не должны быть терпимы безъ узаконенныхъ видовъ; иначе—поступать съ ними какъ съ бродягами. Никто положительно не можетъ ни въѣхать въ монастырь, ни выѣхать изъ него безъ вѣдома монастырскаго начальства. По отношенію охраненія нравственности: „всякаго рода распутство и особенно пьянство и любодѣйство отвращать предварительными мѣрами. Пороки сіи нигдѣ не могутъ быть терпимы, а тѣмъ болѣе въ монастыряхъ. Здѣсь надо преслѣдовать ихъ со всею строгостію“. „Не допущать никакихъ посѣщеній постороннихъ лицъ, ежели таковыя съ какой-либо стороны будутъ имѣть видъ подозрительный. Живущіе въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ не должны безъ дѣйстви-

тельной надобности быть одни у другихъ". По отношенію къ монастырскому начальству: „Въ мужскихъ монастыряхъ—три настоятеля, они же и сельскіе старосты. Надъ ними главный настоятель въ родѣ волостного головы. Онъ глава всѣхъ монастырей, въ томъ числѣ и женскихъ. Каждый мѣсяцъ онъ доноситъ губернатору о состояніи монастырей и о малѣйшихъ происшествіяхъ. Выборъ, утвержденіе и смѣна монастырскаго начальства непосредственно зависятъ отъ губернатора. Наконецъ, надъ всѣми монастырскими общинами, надъ лицами и ихъ дѣйствіями, надъ имуществомъ, надъ всѣмъ происходящимъ въ монастыряхъ долженъ былъ господствовать строжайшій полицейскій надзоръ". Таковы были тѣ „крѣпкія заставы", которыя перегораживали всякій путь, какъ для движеній понизовой вольницы, такъ и для пропаганды раскола, исходившихъ изъ одного и того же источника—изъ неудачно прилаженныхъ къ обстоятельствамъ и условіямъ быта формъ государственной жизни старой Руси, переданныхъ по наслѣдству Россіи XIX вѣка и только въ настоящее время передѣлываемыхъ заново. Дальнѣйшія событія доказали, что это закрѣпощеніе монастырей было непрочно и являлось какъ бы нарушеніемъ общей гармоніи въ поступательномъ ходѣ государственной жизни русскаго народа.

XV.

Обращаясь къ участи одного изъ главныхъ агитаторовъ раскола въ Поволжьѣ, извѣстнаго уже намъ инока Іосафа, мы видимъ, что во время вышеобъясненнаго „переворота", постигшаго иргизскіе монастыри, онъ продолжалъ оставаться въ Петербургѣ. Только уже въ октябрѣ послѣ этого „переворота" генералъ-адъютантъ Закревскій призналъ необходимымъ обратно выслать Іосафа въ Саратовъ, подъ надзоромъ одного изъ воинскихъ чиновъ, на почтовыхъ. По случаю холоднаго времени старику куплена была шуба за 15 рублей и дано 25 рублей на продовольствіе. Генералъ Закревскій сообщилъ князю Голицыну, что, „буде Іосафъ не обратится къ православію и останется непреклоннымъ въ заблужденіяхъ содержимой имъ ереси, въ такомъ случаѣ его, какъ нарушителя общественнаго спокойствія и благоустройства, предать суду по законамъ, и какой послѣдуетъ объ немъ судебный приговоръ, оный, не приводя въ исполненіе, представить по порядку въ министерство внутреннихъ дѣлъ для дальнѣйшаго распоряженія". Около полугода высидѣлъ старикъ подъ стражею, по прибытіи въ Саратовъ. Наконецъ, князь Голицынъ призвалъ его къ себѣ для убѣжденій. Сначала онъ объявилъ ему волю высшаго правительства, „съ приличнымъ гражданской власти внушеніемъ". Затѣмъ онъ убѣждалъ монаха, чтобы онъ, „оставя заблужденія" свои по содержимой имъ сектѣ, „обратился къ православію". Старикъ стоялъ на своемъ: „онъ остался непреклоннымъ". Тогда князь Голицынъ рѣшился подѣйствовать на него при помощи убѣжденій со стороны духовнаго лица. „Я нахожу за необходимое,—писалъ онъ Моисею, назначенному епископомъ въ Саратовъ,—предварительное увѣщаніе ему, Іосафу, отъ ду-

ховной власти, ибо внушенія оной по заблужденію въ вѣрѣ скорѣе и сильнѣе, можетъ, подѣйствуютъ на совѣсть сего раскольника чрезъ обнаруженіе источниковъ заблужденія". Онъ просилъ назначить для этого особое лицо, которому онъ могъ бы передать фанатика. Моисей назначилъ ключаря каѳедральнаго собора протоіерея Ѳедора Вязовскаго. Болѣе мѣсяца Вязовскій препирался съ Іосафомъ въ вѣрѣ. Всѣ доводы ученаго священника были безсильны противъ стойкости раскольничьяго агитатора, и, наконецъ, Вязовскій доносилъ Моисею, что „онъ всемѣрно старался доказать означенному иноку заблужденія его и святость православной церкви, но онъ, ничему не внемля, рѣшительно отвѣтствовалъ, что не можетъ согласиться на присоединеніе къ православію". Тогда „непреклонный и закоснѣлый инокъ Іосафъ" былъ переданъ въ руки гражданской власти. Надъ нимъ назначенъ былъ судъ. Одновременно съ этимъ въ Оренбургѣ шелъ судъ надъ подполковникомъ, бывшимъ войсковымъ старшиною Михайловымъ и есауломъ Бурениным за окрещеніе ими въ иргизскихъ монастыряхъ молдаванокъ. Надъ ними судъ назначенъ былъ въ составѣ военно-судной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ генерала Лукьянова. Михайловъ показывалъ, что молдаванскую шляхтянку Антонову и дѣвку Петрову онъ просилъ окрестить въ православіе, а не въ расколъ. Потребовались доказательства. Искали его подлиннаго письма, которое найдено было уже въ слѣдующемъ году и послано въ Оренбургъ. Шла процедура отдачи въ солдаты, ссылка въ Сибирь и написанія въ военные кантонисты молодыхъ раскольниковъ. Шло измѣреніе земель, оцѣнка угодій, исчисленіе выгодъ отъ монастырскихъ имуществъ, приведеніе въ извѣстность суммы платимыхъ ими податей, безпрестанно командировались чиновники то отъ князя Голицына, то отъ вице-губернатора Сырнева, отъ казенной палаты, отъ Манассеина, посылались землемѣры, асессоры, счетчики, пріемщики, сдатчики. Возникали споры между чиновниками, пререканія между высшими властями, улаживались и снова возникали. Начинались перевѣрки описей, учетъ суммъ, свидѣтельствованіе и пересвидѣтельствованіе людей. Въ монастыряхъ шла безпокойная, тревожная жизнь: покой скитовъ нарушенъ, „переворотъ" тяжко отозвался не только на дряхлыхъ старцахъ, но и на молодежи. Слѣдятъ за поведеніемъ старыхъ и молоденькихъ бѣличекъ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ. У старыхъ настоятелей руки опускаются. Настоятель, инокъ Андріанъ, захворалъ и слагаетъ съ себя званіе. Соборные старцы увольняютъ его и избираютъ на его мѣсто настоятелемъ достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ инока Никанора, который „по отличному поведенію своему и прежде занималъ по выбору сіе мѣсто въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ похвалою исполняя еще обязанность уставщика почти безсмѣнно". Но избиратели уже строже относятся къ правамъ и обязанностямъ настоятеля. „Мы (говорится въ избирательномъ актѣ), иноки, бѣльцы и всѣ живущіе въ монастырѣ, повиноваться ему (Никанору) должны безъ всякаго и малѣйшаго ослушанія". На настоятеля же возлагается: „все принадлежащее нашему монастырю имѣніе и сокровища принять отъ бывшаго на-

стоятеля Андріана по описи, а по принятіи въ свое завѣдываніе, сберегать оное какъ собственное свое, не чиня оному ни малѣйшей растраты и ни за какія надобности безъ совѣту жителей нашихъ не употреблять". Какихъ-либо постановленій по монастырю, пріемъ на проживаніе въ ономъ разныхъ людей и все, что будетъ по должности до него относиться, безъ совѣту нашего ничего не дѣлать". Если имъ замѣчено будетъ дѣланное кѣмъ-либо по монастырю неблагочиніе, нарушеніе тишины и спокойствія, оный инокъ Никаноръ, какъ избранный достойнѣйшій въ званіе начальника монастыря, обязанъ все прекращать". „Жителей нашихъ за дѣлаемыя какія-нибудь по монастырю неблагопристойности, ослушаніе приказаній его, Никанора, и за всякія дѣянія противныя монастырскимъ правиламъ, съ общаго нашего согласія наказывать по мѣрѣ виновности, по монастырскому обыкновенію". Началось нагнетеніе на монастыри съ другой стороны. Приводились въ извѣстность недоимки, и начались взысканія оброчныхъ денегъ, мірскихъ, на починку „приказныхъ домовъ", на общественную запашку, на запасные магазины. Взыскивали чиновники новаго управленія монастырями, продолжали взыскивать и удѣльныя власти. Князь Голицынъ пишетъ Манассеину, что балаковскій приказъ не долженъ посылать своихъ нарочныхъ въ монастыри за взысканіемъ разныхъ сборовъ. Манассеинъ отвѣчаетъ, что никто нарочныхъ въ монастыри не посылаетъ, а сами монастыри шлютъ своихъ нарочныхъ, то инока Ѳеодорита, то бѣльцовъ съ деньгами въ уплату разныхъ сборовъ. Начинаются новыя пререканія изъ-за денегъ, изъ-за штрафовъ, изъ-за того, кто долженъ принимать эти деньги—удѣлъ или казна. Каждый ссылается на свои права—тотъ на „существующія правила", другой на „сепаративныя распоряженія", на совершившійся фактъ „переворота", вслѣдствіе котораго долженъ совершиться „переворотъ" и въ фискальныхъ отношеніяхъ властей къ монастырямъ. Князь Голицынъ требуетъ „основаній расчета", по которому взыскивается та или другая сумма съ монастырей. Ему отвѣчаютъ общими мѣстами и жалуются на пріостановленіе платежей. Князь Голицынъ положительно отказывается дѣлать фискальныя распоряженія въ пользу удѣла, пока ему не выяснены будутъ основанія тѣхъ или другихъ сборовъ. Манассеинъ жалуется князю Волконскому на князя Голицына въ томъ, что этотъ послѣдній ничего даже не отвѣчаетъ на его отношенія. Князь Волконскій сносится съ генералъ-адъютантомъ Закревскимъ. Идутъ запросы, подтвержденія, внушенія. Князь Голицынъ, конечно, отражаетъ нападенія, заручившись такими же неисполненіями его требованій со стороны Манассеина. При всей этой упорной борьбѣ, то съ раскольниками и ихъ коноводами, въ родѣ инока Іосафа, то съ удѣломъ, князю Голицыну, безъ сомнѣнія, пріятно было получить увѣреніе въ томъ, что духовенство оцѣнило его подвиги къ подавленію сектаторской понизовой вольницы въ Поволжьѣ. Въ концѣ ноября онъ получилъ отъ епископа Иринея письмо, въ которомъ, между прочимъ, къ лицу князя Голицына относились такія похвалы: „Благосклонное вниманіе вашего сіятельства къ мнѣнію моему,

сообщенному саратовскимъ городскимъ благочиннымъ, протоіереемъ Чернышевскимъ, обязываетъ меня изъявить вамъ, милостивый государь, искреннѣйшую благодарность. Во все время управленія моего церквами Саратовской губерніи я имѣлъ душевную радость видѣть, сколько ваше сіятельство озабочивались умирить святую церковь съ отпадшими, и безъ сомнѣнія сіе святое предначертаніе ваше вскорѣ, при благодатной помощи свыше, достигнетъ своей цѣли. Не имѣвъ свиданія съ вами, милостивый государь, въ домѣ г. Кологривова, я могъ бы воспользоваться онымъ въ Саратовѣ; но слухъ, разнесшійся о раздѣленіи пензенской епархіи, остановилъ меня. Впрочемъ, никакое раздѣленіе не отдѣлитъ меня отъ искренней любви, съ коею я по гробъ останусь, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга и богомолецъ, Ириній, епископъ пензенскій и саратовскій". Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого состоялось отдѣленіе саратовской епархіи отъ пензенской, и въ Саратовъ назначенъ былъ Моисей, о которомъ мы упомянули выше.

XVI.

Время шло, а окончательное умиротвореніе иргизскихъ монастырей было еще далеко до конца. Вѣковые наросты на государственномъ тѣлѣ не легко излѣчиваются, особливо когда предстоитъ ампутація, которую, впрочемъ, желали произвести безъ шума, безъ крика со стороны больного. Нужно было забрать въ монастыряхъ всѣхъ людей, предназначенныхъ къ отдачѣ въ солдаты, къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и къ написанію въ кантонисты. Пріѣхалъ въ монастырь Шейне для того, чтобы изслѣдовать, такъ сказать, почву, наблюсти за состояніемъ умовъ монастырскаго населенія, выискать удобный моментъ для приступа къ рискованному дѣлу. Дѣло было дѣйствительно рискованное, потому что власти боялись не только шума и огласки, но открытаго возмущенія населенія и рѣшимости на самые отчаянные поступки.

Шейне, по прибытіи въ монастыри, „не давъ замѣтить настоящей цѣли своего прибытія", прежде всего осмотрѣлъ предназначенныхъ къ высылкѣ людей и разузналъ о каждомъ изъ нихъ, сколько было можно: большая часть изъ нихъ были чтецы, пѣвчіе и служки церковные, другіе—рабочіе, а „увѣчные и разслабленные" содержались въ больницахъ и кельяхъ; молодежь, назначенная въ кантонисты, большею частію уже вышла изъ возраста; иные женаты и имѣютъ маленькихъ дѣтей. Вотъ что узналъ Шейне. Но главныя опасенія Шейне заключались въ томъ, что онъ ожидалъ бунта. „Имѣлъ я случай замѣтить (говоритъ Шейне), что, по нравственности здѣшнихъ раскольниковъ, высылка въ одно время назначенныхъ въ спискѣ людей къ отдачѣ въ рекруты или къ ссылкѣ на поселеніе, за надлежащею стражею, можетъ произвести въ умахъ оставшихся въ монастыряхъ необразованныхъ и загрубѣлыхъ въ старообрядческой ереси монаховъ весьма непріятное впечатлѣніе и даже самое возму-

щеніе и побѣгъ всѣхъ налицо находящихся людей, съ чѣмъ самымъ легко можетъ случиться, что они, въ заблужденіи своемъ и недовѣріи къ мѣстному своему начальству, покусятся на опустошеніе своей обители и расхищеніе довольно значащихъ монастырскихъ сокровищъ, что самое должно ожидать и отъ окольныхъ жителей, закоснѣвшихъ въ тѣхъ же правилахъ". Поэтому Шейне рѣшительно остановился, не смѣя двинуться дальше. Но въ то же время онъ не смѣлъ не исполнить и того, что ему приказано было. Надо было, такъ или иначе, взять людей. Вотъ почему онъ писалъ князю Голицыну, что, „сообразивъ всѣ сіи обстоятельства и важность сего предмета съ послѣдствіями, кои могутъ произойти", онъ не осмѣлился обнаружить того, зачѣмъ пріѣхалъ. Онъ просилъ указаній князя Голицына, поддержки, точнаго и категорическаго приказа, какъ ему дѣйствовать. Тутъ и князь Голицынъ не зналъ уже, на что рѣшиться. Пойти напроломъ — это значило принять на себя отвѣтственность за бунтъ, который могъ вспыхнуть за Волгой, за расхищеніе монастырскихъ сокровищъ, которое неминуемо послѣдовало бы при бунтѣ, за пожары и всѣ ужасы возмущенія. При томъ же Шейне сообщалъ, что бо́льшая часть назначенныхъ къ высылкѣ—все это калѣки, уроды, слабоумные, негодные къ военной службѣ, а слѣдовательно, долженствующіе угодить въ Сибирь. Подобно чиновнику Полонскому, онъ такъ описывалъ эти личности: одинъ—„грамотѣ знаетъ, поетъ на клиросахъ, ногами хромъ", другой — „грамотѣ умѣетъ, на клиросахъ поетъ, разслабленъ, съ упавшимъ носомъ"; третій—„грамотѣ знаетъ, на клиросахъ голосильщикомъ", четвертый — „при часовнѣ уставщикомъ, правая рука не подымается", этотъ—„разслабленъ, косноязыченъ, подверженъ припадкамъ", тотъ — „малоуменъ, при конномъ дворѣ", далѣе — „слабоуменъ, при пекарнѣ помогаетъ", или — „занимался пьянствомъ", или „временно бываетъ пьянъ", слѣдующій — „подъ судомъ за соблазнительную жизнь съ женою своею", потомъ еще—„поетъ на клиросахъ, употребляется на письмоводство по монастырю, правая рука съ малолѣтства не подымается", затѣмъ—слабоуменъ, повидимому, имѣетъ расположеніе къ венерической болѣзни". Что касается до молодежи, то все это пѣвчіе, голосильщики и т. п. Въ этихъ затрудненіяхъ князь Голицынъ вынужденъ былъ обратиться къ генералъ-адъютанту Закревскому. Онъ писалъ, что, по высочайшему государя императора повелѣнію, онъ обязанъ былъ принять монастыри такъ, чтобы при этомъ „не были допускаемы никакія дѣйствія, которыя могли бы имѣть хотя малѣйшій видъ какого-либо притѣсненія", что поэтому онъ, при всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ раскольниками, „старался удалять все то, что могло дать понятіе о какомъ-либо притѣсненіи", но что въ данномъ случаѣ онъ поставленъ въ величайшее затрудненіе, что назначенные къ высылкѣ оказались большею частію „калѣки, одержимые жестокими болѣзнями", что за всѣмъ этимъ „натуральнымъ слѣдствіемъ сказаннаго удаленія неминуемо будетъ во всѣхъ монастыряхъ страхъ и уныніе, которые дадутъ обитателямъ ихъ неизгладимое понятіе о невыгодѣ перехода ихъ въ казенное вѣдомство, хотя воля государя императора состоитъ

въ томъ, чтобы отстранить отъ нихъ и малѣйшій видъ притѣсненія". Князь Голицынъ просилъ помочь ему выпутаться изъ этой дилеммы. Тогда повелѣно было: тѣхъ изъ раскольниковъ, которые назначены были въ кантонисты, но вышли уже изъ лѣтъ, отдать въ военную службу, неспособныхъ къ оной калѣкъ сослать на поселеніе, одержимыхъ тяжкими болѣзнями оставить на нынѣшнемъ ихъ жительствѣ подъ присмотромъ мѣстнаго губернскаго начальства, а дѣтей, кои по лѣтамъ своимъ уже годны въ кантонисты, сдать начальству военно-саратовскаго отдѣленія. Съ другой стороны, возникали затрудненія отъ тайныхъ интригъ и подкоповъ, которые такъ и сквозятъ въ этомъ дѣлѣ, полномъ драматизма, хотя драматизму этому трудно было пробиться сквозь сухую, мертвую, канцелярскую форму. Этотъ драматизмъ слышится въ тѣхъ устныхъ разсказахъ, которые еще сохранились объ этомъ любопытномъ историческомъ эпизодѣ Поволжья, но которыми, въ данномъ историческомъ трудѣ, мы не считаемъ себя въ правѣ воспользоваться, дабы не лишить настоящее изслѣдованіе вполнѣ документальной достовѣрности. Мы уклоняемся даже отъ истолкованія тѣхъ или другихъ данныхъ, которыя оставилъ намъ канцеляризмъ того времени въ сыромъ матеріалѣ и которыя, безъ поясненія ихъ другими, остаются неполными выразителями извѣстнаго историческаго событія. Интриги и подкопы шли то со стороны удѣла, то со стороны раскольниковъ, не принадлежащихъ къ иргизскимъ скитникамъ, но затронутыхъ за живое общимъ дѣломъ раскола. Всполошились капиталисты и именитыя личности не только по Поволжью, Поуралью и Подонью, но и далеко внѣ районовъ этихъ мѣстностей. Посылались на Волгу эмиссары издалека — вывѣдать о положеніи дѣлъ. Велась война подпольная, поддерживаемая подкупомъ, застращиваньемъ. Золото и таинственныя посланія передавались изъ рукъ въ руки, порученія и донесенія нашептывались на ухо, съ глазу на глазъ. Въ дѣлѣ попадаются, напримѣръ, такія письма, какъ лежащее передъ нами отъ 24-го января 1829 года письмо изъ Вольска отъ Егора Курсакова (извѣстный тамошній богатый купецъ) къ какому-то Лаврентію Яковлевичу, повидимому, лицу близкому къ князю Голицыну. Можетъ быть, это былъ довѣренный его чиновникъ Полонскій, имени котораго мы не знаемъ. „Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 22 генваря имѣлъ честь получить, на которое спѣшу моимъ отвѣтомъ (пишетъ Курсаковъ). Проѣздъ г. полковника Ю. чрезъ Вольскъ ничего любопытнаго не доставляетъ, только спросилъ меня, былъ ли я въ Саратовѣ, на что отвѣчалъ, что былъ, и будто бы много насказалъ его сіятельству, но я ему отвѣчалъ: „Я то донесъ, какъ начальнику губерніи, что вы говорили мнѣ, а болѣе ничего". Но только къ симъ словамъ сказано: „Вижу я, что вамъ запрещено говорить. Если такъ, то и не добиваюсь ничего". „Сказалъ и то, что я знаю все болѣе васъ,—тѣмъ и кончилъ съ нимъ разговоръ о дѣлахъ извѣстныхъ". Кто былъ этотъ полковникъ Ю., отъ кого и зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Вольскъ, что именно выпытывалъ онъ у Курсакова—этого не объясняютъ намъ вдавленныя въ узкую рамку канцеляризма оффиціальныя бумаги

той эпохи. Полагаемъ, однако, что это былъ полковникъ Юреневъ, о которомъ будетъ сказано ниже и на безтактныя дѣйствія котораго указывалъ князь Голицынъ.

XVII.

Между тѣмъ, раскольники, уступая необходимости въ однихъ пунктахъ, стали сдаваться и на другихъ пунктахъ своей позиціи. Передъ нами лежитъ весьма любопытное письмо одного изъ настоятелей иргизскихъ монастырей, Никанора, недавно избраннаго, писанное имъ князю Голицыну. Въ этомъ письмѣ мы видимъ уже попытки къ компромиссу, но въ то же время представителямъ раскола хочется выгородить себя, чтобы хотя внѣшность совершающихся фактовъ не слишкомъ рѣзко говорила противъ нихъ. Свое пораженіе имъ хочется, по крайней мѣрѣ, маскировать приличнымъ отступленіемъ въ глазахъ людей древняго благочестія, обращенныхъ на нихъ со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы. Съ другой стороны, можно понимать и такъ, что раскольники тайно думали: „мы, повидимому, все имъ уступимъ, всему покоримся, но пусть они, забирая насъ въ плѣненіе и работу египетскую, оставятъ намъ наши корабли, на которыхъ мы впослѣдствіи, въ болѣе благопріятное время, могли бы возвратиться въ обѣтованную землю“. Такъ, Никаноръ писалъ, 1-го марта, князю Голицыну: „Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, отецъ и покровитель нашъ Александръ Борисовичъ! Десница Всевышняго да сохранитъ драгоцѣннѣйшее здоровье ваше. Я прошу и молю Бога, дабы продолжалъ оное на множество лѣтъ во всякомъ благоденствіи. Страшуся и съ опасностію дерзаю повергнуть себя передъ стопы вашего сіятельства. Въ обязанность себѣ и за необходимо нужное поставляю вашему сіятельству доложить, когда у насъ возстановится полная при трехъ чинахъ единовѣрческая церковь и дадутся законные попы, которые обрядовъ нашихъ и пѣнія слыхали, а у насъ коренныхъ пѣвцовъ не остается и церковнаго чиноположенія содержать на будущее время некому, а какъ сей мой несчастный Гаврило Филипповъ *) читать, пѣть и писать достаточенъ и мальчиковъ всему этому научать можетъ, того ради прошу слезно, сіятельнѣйшій князь, по вашему неограниченному великодушію и для установленія церковнаго порядка, оставить его быть при оной на пунктахъ митрополита Платона. Въ Москвѣ и Питерѣ, въ Нижнемъ, въ Казани и костромской епархіи, въ Высоковской пустынѣ, монахи были согласны съ нами, и они, видя,

---

*) Гаврило Филипповъ былъ самый грамотный и способный человѣкъ въ монастырѣ; онъ былъ и письмоводителемъ. Шейне его аттестуетъ: „27 лѣтъ, грамотѣ знаетъ, поетъ на крилосахъ и употребляется на письмоводство по монастырю, поведенія хорошаго, правая рука съ малолѣтства не поднимается“ (?). Какъ же онъ могъ быть посьмоводителемъ? Полонскій же аттестуетъ его „человѣкомъ здоровымъ“. Этотъ Гаврило Филипповъ долженъ былъ по послѣднему распоряженію или идти въ солдаты, или въ Сибирь.

что попы отлучаются къ намъ безъ воли епархіальнаго епископа, того ради и отдалилися отъ насъ. А пѣніе и обрядъ неизмѣнно во всѣхъ показанныхъ церквахъ производится, и окрестные прихожане видя—различности нѣтъ ни въ чемъ, и узнать не могутъ и охотно могутъ послѣдовать намъ, и будетъ выгоднѣе и пріятнѣй вашему сіятельству и намъ веселѣе. Но паки повторяю всенижайшую мою сердечную просьбу и надѣюсь на ваше ко мнѣ убогому отеческое благоволеніе, одного и возможнаго прошу—освободить несчастнаго и вѣрнаго моего служителя и сироту Гаврила Филиппова, оставить его въ нашемъ монастырѣ въ вашемъ распоряженіи. Онъ законно уволенъ обществомъ отъ своего жительства села Кормежки, въ седьмую ревизію прописанъ въ монастырѣ съ престарѣлымъ своимъ родителемъ, рекрутская очередь отправлена и квитанцію у себя имѣетъ, и повинностей за нимъ никакихъ не состояло. Явите, сіятельнѣйшій князь, мнѣ и несчастному ваше отеческое благоволеніе. Если же съ такой непереносной печали лишусь жизни или здраваго разсудка, кто можетъ возстановить порядокъ, когда намъ опредѣлится церковь? Я вашему сіятельству у себя въ монастырѣ сначала не противился. Ваше сіятельство, осмѣливаюсь донести вамъ: мужики криволуцкіе приходили 24-го февраля, у Прохора *) списали съ указа копію, какъ сложенъ съ монастырей рекрутскій наборъ ста шестидесяти пяти душъ, и хотѣли въ Саратовъ просьбу писать, а мой несчастный Гаврило Филипповъ не участвуетъ въ семъ дѣлѣ, только со слезами ожидаетъ отъ твоего сіятельства избавленія, а моего обрадованія. Арсеній на Прохора, въ небытность мою, 16-го февраля, подалъ мнѣ объявленіе, что Прохоръ на клиросѣ во время утренняго пѣнія мальчика билъ. Арсенію хочется, чтобъ не стоялъ Прохоръ на прежнемъ настоятельскомъ мѣстѣ. Ваше сіятельльство! простите меня великодушно за дерзость мою: хоша и съ вашего позволенія я писалъ, достатку въ слогѣ и подчеркѣ не имѣю и паки дерзаю на сіятельныя стопы ваши—осчастливить меня своими отеческими словами хотя чрезъ Крестьяна Крестьянина, чего нетерпѣливо ожидать буду, и остаюсь подъ вашимъ сіятельнымъ покровительствомъ Нижняго монастыря настоятель, знаемый вамъ инокъ Никаноръ“.

Таковы были вліятельные представители раскола въ Поволжьѣ. Вышеприведенное письмо все написано Никаноромъ собственноручно и представляетъ образецъ невѣроятной безграмотности. Правда, онъ самъ это понимаетъ, когда говоритъ: „достатку въ слогѣ и подчеркѣ не

*) Схимникъ Прохоръ прежде былъ настоятелемъ Нижне-Воскресенскаго монастыря, исполняя эту обязанность еще съ 1795 года, а потомъ былъ настоятелемъ и въ 1828 году, во время посѣщенія Иргизовъ княземъ Голицынымъ. Это была одна изъ популярнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ личностей между раскольниками. Объ немъ такъ отзывается и князь Голицынъ въ представленіи генералъ-адъютанту Закревскому, говоря, что за Прохоромъ всѣ монастыри охотно пойдутъ, куда онъ ихъ поведетъ.

имѣю". Онъ самъ сознается, что безъ уставщика „несчастнаго" Гаврилы Филиппова монастырь ихъ останется какъ безъ рукъ и что на одной личности держатся истинные порядки монастырскіе, что „сей мой несчастный Гаврило Филипповъ (и только онъ одинъ) читать, пѣть и писать достаточенъ". При всемъ томъ на этихъ невѣжественныхъ личностяхъ опиралися массы народныя, какъ вѣрили онѣ безграмотнымъ манифестамъ Пугачева. Значитъ, было что-то такое, что скорѣе привязывало народъ къ инокамъ Прохорамъ, Мордаріямъ и „несчастнымъ Гаврииламъ", скорѣе тянуло къ Пугачеву, чѣмъ привязывало къ законнымъ и образованнымъ епископамъ и тянуло къ правительству. Съ одной стороны довѣріе, съ другой—недовѣріе и страхъ. Къ первымъ охотно неслось все достояніе грубыхъ массъ, сыпались сокровища со всей Россіи по доброй волѣ и радостно, къ послѣднимъ—съ трудомъ доходила жалкая копѣйка законныхъ сборовъ, да и ту взыскивали мѣрами напоминаній, угрозъ, строгости, потому что иначе ничего бы не получили. Народъ слѣпо шелъ за этими Прохорами, Никанорами и „несчастными" Гаврилами. Такъ, когда „переворотъ" въ иргизскихъ монастыряхъ уже почти окончательно совершился, князь Голицынъ продолжалъ высказывать опасеніе, что сосѣдніе крестьяне помѣшаютъ ему мирно кончить такъ удачно начатое дѣло, которымъ онъ завоевывалъ себѣ мѣсто на страницахъ русской исторіи. Онъ говорилъ, что еще во время обозрѣнія имъ монастырей „въ стекшемся народѣ изъ сосѣдственныхъ удѣльныхъ селеній, Мечетнаго и Криволучья, примѣтенъ былъ духъ къ безпокойству и даже буйству, по случаю тому, что имъ было извѣстно соглашеніе иргизскихъ настоятелей къ принятію единовѣрческой церкви"; что когда иноки Нижне-Воскресенскаго монастыря дали подписку о принятіи ими единовѣрія, то эта „готовность возбудила къ нимъ ненависть удѣльныхъ крестьянъ до расположенія къ личному оскорбленію"; что такъ какъ иноки эти продолжаютъ изъявлять желаніе поддержать свое согласіе, уже высказанное въ подпискѣ, то „легко можетъ быть, что сіе намѣреніе обитателей Нижне-Воскресенскаго монастыря не скрыто отъ удѣльныхъ крестьянъ" и что „даже есть поводъ заключить, что оно имъ извѣстно, и они ненависть свою къ нимъ довели до высочайшей степени". Побуждаемый этимъ опасеніемъ, князь Голицынъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1829 года, вскорѣ послѣ полученія вышеприведеннаго письма настоятеля Никанора, предупреждалъ Манассеина, что затаенная ненависть крестьянъ можетъ повести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Онъ, повидимому, узналъ хорошо инстинкты массъ и былъ на-сторожѣ. „Извѣстно,—говорилъ онъ,—на что можетъ рѣшиться иногда озлобленное невѣжество. Та склонность къ буйству удѣльныхъ крестьянъ по сему предмету, которую я примѣтилъ, можетъ теперь явиться во всей силѣ, безъ должныхъ мѣръ учрежденія.—Конечно,—писалъ онъ дальше,—земская полиція не оставитъ, съ своей стороны, безъ внимательнаго наблюденія настоящее положеніе обитателей Нижне-Воскресенскаго монастыря; но дабы предосторожность была въ полномъ дѣйствіи, неизлишнимъ считаю отнестись къ вамъ, дабы

вы со всею поспѣшностію приняли безъ огласки такія мѣры, какія отъ васъ зависятъ по хозяйственному управленію вашему удѣльными крестьянами, къ предупрежденію всякаго со стороны жителей Мечетнаго и Криволучья покушенія оказать ненависть инокамъ ощутительнымъ образомъ, при томъ внушить имъ, что какъ они не имѣютъ никакой связи съ монастырями, то и дѣйствія сихъ послѣднихъ не могутъ подлежать ихъ сужденію". При этомъ князь Голицынъ сообщилъ Манассеину, что „особенно состоятъ на замѣчаніи" крестьяне села Криволучья Починковъ и Демихинъ, у которыхъ тайно собирались сходбища для того, чтобы возмутить прочихъ удѣльныхъ крестьянъ. Для этого возмущенья, конечно, пускались въ ходъ „разныя ложныя внушенія и понятія о дѣлахъ вѣры". Князь Голицынъ предупреждалъ объ этомъ Манассеина и спрашивалъ, что такъ какъ все относится „совершенно до спокойствія и тишины губерніи", то извѣстно ли ему объ этихъ „предпріятіяхъ" удѣльныхъ крестьянъ. „А если извѣстно (заключилъ онъ), то почему я отъ васъ не извѣщенъ? Впрочемъ, дальнѣйшія послѣдствія, если будутъ, я отношу на личную отвѣтственность вашего высокоблагородія". Одновременно съ опасеніемъ за спокойствіе крестьянъ возникали опасенія и относительно начинавшаго господствовать безпокойства и внутри самихъ монастырей. Неладица возставала между „согласниками" и „несогласниками", между „покорными" и „непокорными". На покорныхъ не могли не смотрѣть какъ на измѣнниковъ общему народному дѣлу, и потому началась подпольная война въ стѣнахъ монастырей. Самая популярная личность, схимникъ Прохоръ, который уже въ 1795 году былъ настоятелемъ, на котораго князь Голицынъ на перваго обратилъ вниманіе, какъ на такую личность, которая можетъ стать въ головѣ ли движенія въ пользу видовъ правительства, въ головѣ ли движенія безпокойнаго, антиправительственнаго, и совѣтами котораго руководствовался князь Голицынъ въ своихъ сообщеніяхъ генералъ-адъютанту Закревскому,—этотъ самый Прохоръ сталъ не безопасенъ. Его боялся настоящій настоятель монастыря, инокъ Никаноръ выражая, опасенія тѣмъ, что онъ „становится въ настоятельскомъ мѣстѣ", и, какъ мы видѣли, косвенно жаловался на него губернатору. Письмо Никанора, которымъ онъ ходатайствуетъ о своемъ „несчастномъ" и „вѣрномъ служителѣ и сиротѣ" Гаврилѣ Филипповѣ, „безъ коего онъ, съ такой непереносной печали, можетъ лишиться жизни или здраваго разсудка", — обнаруживаетъ возникновеніе смуты какъ въ стѣнахъ монастырей, такъ и внѣ стѣнъ, между крестьянами, приходившими совѣтоваться къ схимнику Прохору. Вслѣдствіе этого письма, князь Голицынъ писалъ въ Вольскъ, исправнику Шейне: „Объявите настоятелю монастыря Никанору, что ходатайство его объ оставленіи въ монастырѣ Гаврилы Филиппова, какъ человѣка необходимаго для исправленія обрядовъ ихъ, и особенно если будетъ у нихъ единовѣрческая церковь, я тогда токмо могу принять въ уваженіе, когда всѣ живущіе въ тѣхъ монастыряхъ единодушно изъявятъ желаніе быть единовѣрцами. Равнымъ образомъ,

объявите бывшему настоятелю Прохору дошедшія до меня свѣдѣнія, что онъ непокойно живетъ и дѣлаетъ по монастырю безпорядки, а потому, если онъ не уймется, то я переведу его въ другой монастырь или совсѣмъ изъ оныхъ устраню". Вотъ гдѣ, наконецъ, высказались послѣдиія цѣли князя Голицына. Онъ согласенъ оставить раскольникамъ „несчастнаго сироту" Гаврилу Филиппова, если только всѣ живущіе въ монастыряхъ единодушно ему покорятся. Такою дорогою цѣною монастыри должны были купить свободу своему уставщику и такъ дорого запрашивалъ князь Голицынъ за калѣку! Дальнѣйшія обстоятельства покажутъ намъ, сошлись ли въ цѣнѣ покупщики и продавецъ.

XVIII.

Съ этого момента начинается второй актъ того „переворота", который долженъ былъ послѣдовать въ исторической жизни раскольничьихъ общинъ средняго Поволжья. Первая побѣда, которую одержалъ князь Голицынъ, была только приступомъ. Все, что могла сдѣлать власть губернатора, она сдѣлала, и все, что могла взять сила,—было взято: иргизскіе монастыри подчинены общему надзору власти и все, что выдавалось въ ихъ обособленномъ положеніи, было нивеллировано подъ общій уровень государственныхъ формъ. Оставалось взять то, чего не могла взять ни власть, ни сила: надо было, чтобъ раскольники и руководимые ими крестьяне поступились своими убѣжденіями, какъ ни были нелѣпы эти убѣжденія. Тутъ недостаточно было одной силы, одного приказа, приходилось имѣть дѣло съ человѣческою совѣстью, съ человѣческою мыслію—это было еще, впрочемъ, ничего; но приходилось начать борьбу противъ предразсудковъ, противъ религіозныхъ заблужденій, даже болѣе — противъ фанатизма. А исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ доказала, что самая упорная борьба въ человѣчествѣ — это борьба однихъ предразсудковъ противъ другихъ или даже борьба истины противъ заблужденій. Морями крови, милліонами погибшихъ человѣческихъ жизней исторія доказала, что самыя кровопролитныя человѣческія распри—это распри изъ-за вѣры, изъ-за предразсудковъ, заблужденій, борьба мрака со свѣтомъ. Эта борьба должна была и здѣсь повториться. Правда, тутъ крови не было пролито; но, вѣдь, и побѣда осталась сомнительною, если только уничтоженіе монастырей можно назвать побѣдою. Побѣда эта еще впереди: она будетъ только тогда полною, когда свѣтъ осилитъ тьму. Когда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ сдѣлались извѣстными попытки князя Голицына къ подавленію раскола въ Поволжьѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ его составить правила, „какія бы можно было употреблять для надежнѣйшаго отвращенія раскольниковъ отъ расколовъ". Князь Голицынъ, не рѣшаясь, безъ обсужденія этого вопроса совмѣстно съ архіереемъ, составить эти правила, медлилъ, ожидая, пока, съ раздѣленіемъ епархій пензенской и саратовской, не прибудетъ въ Саратовъ вновь назначенный епископъ, которымъ былъ, какъ

извѣстно, Моисей. Когда онъ ожидалъ его прибытія, генералъ-адъютантъ Закревскій выслалъ ему полное собраніе установленій правительства о раскольникахъ для руководства при разрѣшеніи возбужденнаго о нихъ вопроса. „Вникая въ содержаніе сихъ установленій,— говорилъ впослѣдствіи Голицынъ,— я нахожу, что достаточно одного строгаго наблюденія за исполненіемъ ихъ, дабы пресѣчь пути раскольникамъ къ безпорядкамъ“. Поэтому онъ находилъ совсѣмъ излишнимъ составленіе особыхъ правилъ о раскольникахъ, а полагалъ постановить только воспрещеніе раскольникамъ-старообрядцамъ принимать бѣглыхъ поповъ и производить имъ, какъ онъ выражался, богослуженіе чрезъ самихъ себя въ ихъ молитвенныхъ заведеніяхъ. Однимъ словомъ, нужно было запретить публичное обнаруженіе раскола, чтобы онъ потерялъ силу гласной пропаганды. Соображенія свои князь Голицынъ подкрѣплялъ тѣмъ, что бѣглецы нигдѣ терпимы быть не могутъ, что, слѣдовательно, бѣглые попы, какъ нарушители общественнаго благоустройства, достойны преслѣдованія, и тѣмъ справедливѣе, что побѣгъ ихъ служитъ къ укорененію раскола, и что если старообрядцамъ воспрещено будетъ чрезъ себя производить богослуженіе, то, не имѣя бѣглыхъ поповъ, они склонны будутъ къ обращенію въ господствующую церковь или, по крайней мѣрѣ, къ принятію единовѣрія — „цѣль, которой желаетъ достигнуть правительство“. „Не на умственныхъ соображеніяхъ, но на опытѣ я основалъ сіе мое заключеніе (говоритъ Голицынъ). Когда я принялъ надежныя мѣры къ пресѣченію бродяжества бѣглыхъ священниковъ въ Вольскѣ и въ иргизскихъ монастыряхъ, такъ что они теперь постоянно пребываютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, то весьма сдѣлалось ощутительно согласіе многихъ старообрядцевъ къ принятію единовѣрія, и я даже бы видѣлъ достойные усилій моихъ плоды, если бы оное не разрушилось нескромнымъ отъ бывшаго здѣсь полковника Юренева вопросомъ вольскихъ старообрядцевъ: не чувствуютъ ли они отъ мѣстнаго начальства стѣсненія“. Это, надо полагать, тотъ самый полковникъ Ю., о которомъ пишетъ Курсаковъ и который, повидимому, своею безтактностью повредилъ князю Голицыну въ сношеніяхъ его съ вольскими раскольниками. Какъ на доказательство того, что на раскольниковъ слѣдуетъ дѣйствовать репрессивными мѣрами, князь Голицынъ указываетъ на слѣдующее обстоятельство. „Когда я,—говоритъ онъ,—объявилъ въ Вольскѣ и въ монастыряхъ, что попы за погребеніе съ процессіею купца Сапожникова могутъ быть преданы суду, какъ и сынъ его, съ удаленіемъ первыхъ отъ служенія, и что за крещеніе въ одномъ изъ монастырей нѣсколькихъ людей, принадлежащихъ офицерамъ уральскаго казачьяго войска, ожидаетъ участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ судъ строгій, и когда, наконецъ, совершавшаго крещеніе попа изъ монастырей я удалилъ, какъ подсудимаго, то снова старообрядцы явили самые несомнѣнные знаки къ принятію единовѣрія, особенно иноки Нижне-Воскресенскаго иргизскаго монастыря. Настоятель ихъ являлся ко мнѣ и къ епархіальному архіерею и обѣщалъ явиться еще

съ довѣріемъ отъ братіи просить рукоположеннаго священника и освященія церквей. Должно сказать (прибавляетъ Голицынъ), что много дѣйствовала къ утвержденію въ нихъ расположенія принять единовѣріе отдача нѣкоторыхъ людей въ рекруты, по высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, я даже близокъ къ надеждѣ, что, если нѣсколько усиленныя мѣры, принятыя въ разсужденіи раскольниковъ, являющія имъ начальство въ постоянной твердости, продолжатся, то весьма скоро совершиться можетъ обращеніе къ единовѣрію нѣкоторой ихъ части". Таковъ взглядъ на это дѣло князя Голицына. Безошибочность своего мнѣнія въ данномъ случаѣ онъ подтверждаетъ примѣромъ. Одинъ изъ иргизскихъ раскольничьихъ поповъ, Александръ, бѣжалъ въ пермскую губернію. Пермскій губернаторъ, по поимкѣ этого попа, спрашивалъ министра, какъ съ нимъ поступить. Изъ Петербурга дали знать въ Пермь, что Александръ, согласно своему желанію, долженъ отправиться въ Иргизы. „Если бы,—говоритъ по этому поводу Голицынъ,—сдѣлалось гласно въ монастыряхъ это распоряженіе, если бы попъ прибылъ вмѣстѣ съ нимъ, то весь планъ обращенія рушился бы до основанія. Старообрядцы, видѣвъ, что къ нимъ бѣглецы возвращаются, какъ въ мѣсто законнаго жительства, тотчасъ бы получили понятіе, что правительство покровительствуетъ ихъ, и тогда ничто бы не могло поколебать ихъ привязанности къ содержимой вѣрѣ". По такимъ соображеніямъ, онъ съ первою почтою отправилъ въ Петербургъ представленіе о томъ, чтобы польскіе раскольническіе священники за погребеніе съ процессіею купца Сапожникова были удалены отъ богослуженія и преданы суду, равно какъ и сынъ Сапожникова, „первый виновникъ сего соблазнительнаго дѣйствія"; „это много (заключаетъ онъ) поможетъ обращенію старообрядцевъ, ибо сказанный Сапожниковъ, имѣя, по богатству своему, сильное вліяніе въ Вольскѣ, есть одинъ изъ самыхъ твердыхъ столповъ раскола". Князь Голицынъ, повидимому, очень хорошо зналъ почву, на которой онъ стоялъ, иначе бы онъ не дѣйствовалъ такъ рѣшительно. Посылая въ Петербургъ свое послѣднее представленіе, онъ успѣлъ уже тайно переговорить съ настоятелемъ Никаноромъ, который пріѣзжалъ къ нему въ Саратовъ и являлся также къ архіерею. Это тотъ Никаноръ, который недавно упрашивалъ князя Голицына оставить ему „несчастнаго сироту" Гаврилу Филиппова и жаловался на схимника Прохора, тайно сносившагося съ крестьянами. Князь Голицынъ былъ увѣренъ, что подведенная имъ подъ иргизскіе монастыри махинація дѣйствуетъ успѣшно. Надо было только имѣть письменную заруку. Зарука не замедлила явиться. Старый Никаноръ, возвратившись изъ Саратова, 4-го апрѣля, при помощи „несчастнаго сироты" Гаврилы Филиппова, написалъ къ князю Голицыну слѣдующее, важное для дѣла, письмо: „Ваше сіятельство, милостивый государь, общій нашъ отецъ и покровитель, Александръ Борисовичъ! Осмѣливаюсь всеподданнѣйше поздравить ваше сіятельство уже съ наступившею, пріятною для всей природы и прекраснѣйшею весною, и душевно желаю вамъ здравствовать во всякомъ благоденствіи. При семъ всепокорнѣйше и обще просимъ васъ

исполнить волю вышняго правительства, ибо мы душевно желаемъ принять христопреданную и утвержденную на камени единовѣрческую церковь съ ея обрядами въ непродолжительномъ времени, несмотря на невѣжествующихъ и незнающихъ закона. А теперь препятствуетъ распутица: я, пріѣхавши отъ вашего сіятельства, едва спасся отъ смерти, лошади и повозка были въ Волгѣ, однако, все сохранилось въ цѣлости. Также и господинъ исправникъ весь пріѣхалъ мокрый; и теперь пріѣхать къ намъ и объявить ваше предписаніе нѣтъ возможности до открытія воды. Ваше сіятельство! мы, убозіи, надѣемся только на ваше отеческое покровительство. Впрочемъ, всѣ насъ оставили. Употребите, сіятельнѣйшій князь, всѣ средства о переименованіи монастыря и церквей нашихъ единовѣрческими, на пунктахъ Платона, митрополита московскаго, по примѣру Высоковской пустыни, и съ тѣмъ вмѣстѣ всеусерднѣйше и слезно просимъ ваше сіятельство—обрадуйте насъ на первый случай своею отеческою милостью: отпустите несчастныхъ нашихъ жителей, обритыхъ и въ острогѣ держащихся, восемь человѣкъ, ради приходящаго пресвѣтлаго и всерадостнѣйшаго праздника. Еще же мы имѣемъ хлѣбопашество и скотоводство, а управлять оное некому, для чего и необходимо нужно просить и молить ваше сіятельство объ освобожденіи нашихъ (sic!) трудниковъ на всегдашнее жительство въ нашъ монастырь. Во время моей отлучки балаковскій голова Гаврило Ивановъ Золотовскій въ слободѣ Криволуцкой увѣщевалъ и приказывалъ жителямъ: „если вы оставите церковь и не будете послѣдовать старцамъ Нижняго монастыря, то съ вами можетъ послѣдовать весьма худое послѣдствіе“. Отчего и было у насъ на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы большое стеченіе народа. При семъ честь имѣю донести вашему сіятельству, что у насъ въ обители по сіе число, благодареніе Господу Богу, все состоитъ благополучно. Итакъ, донося вашему сіятельству о нашихъ обстоятельствахъ, затѣмъ и остаемся, въ ожиданіи вашей отеческой и щедрой милости, ваши, сіятельнѣйшій князь, всепокорнѣйшіе слуги, Нижне-Воздвиженскаго старообрядческаго монастыря настоятель инокъ Никаноръ съ братіею“. Къ этому письму, на особомъ клочкѣ бумаги, приложена записка, писанная рукою Никанора: „Извени, батюшка, ваше сіятельство, что я довѣрилъ переписать моему келейнику Гаврилу Филиппову. Еще доношу: не позволите ли писать о духовныхъ нуждахъ пастырю, его преосвященству. Пожалуйте, научите, какъ писать титулъ ему, а матерію можемъ знать сами“.

XIX.

Съ той минуты, когда самъ собою намѣтился путь къ уничтоженію иргизскихъ монастырей, шаги князя Голицына на этомъ пути съ каждымъ днемъ становятся все рѣшительнѣе. Обставивъ монастыри, какъ выражались раскольники, „тенетами неупустительнаго уловленія“, онъ уже смѣло думалъ о неизбѣжномъ и скоромъ самоуничтоженіи иргизскихъ общинъ.

Разсчетъ его былъ вѣренъ. „Дабы,—говоритъ онъ,—съ одной стороны избавить старообрядческое общество отъ вреда, наносимаго развратомъ и соблазномъ старообрядцевъ иргизскихъ монастырей, а съ другой—избѣжать, сколько то возможно, рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію сего общества, могущихъ принять видъ открытаго гоненія“, онъ настаивалъ на мысли считать монастыри существующими только въ продолженіе жизни иноковъ, означенныхъ въ реестрѣ, составленномъ еще въ 1797 году, слѣдовательно, тридцать два года назадъ. Понятно, что тѣ монахи, которые могли попасть въ реестръ въ концѣ прошлаго вѣка, въ 1829 году были уже очень стары и дряхлы и положительно, что называется, смотрѣли въ могилу. Отъ этихъ полумертвецовъ трудно было ожидать энергическаго и упорнаго, а главное — продолжительнаго сопротивленія и раскольничьей пропаганды. Опасна была молодежь, а еще опаснѣе тридцати и сорокалѣтніе здоровые сектанты, но изъ нихъ одни взяты были уже въ солдаты, другіе пошли въ Сибирь. Оставались старцы въ родѣ Никанора, слѣдовательно, обломки прежней силы да женщины и дѣвушки, которыя едва ли были не опаснѣе всѣхъ, и старыхъ и молодыхъ сектантовъ, но безъ нихъ онѣ должны были разбрестить куда попало, не имѣя центра тяготѣнія, которымъ до сихъ поръ служили мужскія общины. Такъ вотъ, по смерти этихъ-то древнихъ старцевъ, раскольничьи монастыри должны были считаться уничтоженными. Такъ какъ князь Голицынъ добился уже того, что монастыри и принадлежащіе имъ крестьяне со всѣми угодьями и землями поступили въ его непосредственное завѣдываніе, а затѣмъ крестьяне собственно, получивъ другія земли, взамѣнъ тѣхъ, которыми они владѣли, какъ бы совсѣмъ отрѣзаны были отъ монастырей, то въ монастыряхъ и остались одни только старики-иноки да пришельцы, жившіе по паспортамъ „въ видѣ временныхъ посѣтителей“. „Древность многихъ изъ иноковъ,—писалъ князь Голицынъ въ Петербургъ,—приближаетъ ихъ къ скорому переселенію въ вѣчность. Убавляясь мало-по-малу, число ихъ уменьшилось уже до того, что одинъ изъ этихъ монастырей, Средне-Никольскій, имѣетъ у себя нынѣ только пять человѣкъ престарѣлыхъ иноковъ, написанныхъ по ревизіи; прочіе же затѣмъ, находящіеся въ ономъ, суть живущіе по паспортамъ и, слѣдовательно, совершенно чуждыя лица для монастырской собственности. Итакъ, изъ сего явствуетъ,—заключалъ онъ,—что означенный монастырь уже близокъ, за смертію тѣхъ иноковъ, къ самоуничтоженію“. Но тутъ являлось новое опасеніе. Что дѣлать потомъ, когда всѣ монахи перемрутъ, съ монастырями, землями, церковными богатствами и другими „сокровищами“? Не оставлять же ихъ у пришельцевъ, не отдавать же ихъ другимъ монастырямъ. Поэтому онъ спрашиваетъ министра, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Ему кажется немыслимымъ отдать всѣ эти богатства пришельцамъ, хотя живущимъ тамъ и цѣлые десятки лѣтъ, но все же числящимся за другими обществами. Сдѣлать ихъ наслѣдниками старцевъ, служившихъ ядромъ для иргизскаго раскольничьяго населенія, значило бы поддерживать вѣчное существованіе

разсадниковъ раскола и центровъ тяготѣнія поволжской понизовой вольницы. Поэтому князь Голицынъ, видимо, волновался и торопился окончательнымъ секуляризированіемъ раскольничьихъ общинъ. Преподавъ нѣкоторыя секретныя наставленія бывшему у него въ концѣ марта вольскому исправнику, онъ нетерпѣливо ожидалъ результатовъ его дипломатическихъ уловокъ и, не видя этихъ результатовъ до самаго мая, писалъ ему: „Напоминаю вамъ объ окончаніи дѣла насчетъ обращенія къ единовѣрію Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря, чего я давно уже ожидаю, ибо весьма достаточно было время на изъявленіе ими формальнаго согласія, вмѣсто словеснаго, давно даннаго настоятелемъ Никаноромъ отъ лица всѣхъ тамо живущихъ. Впрочемъ, если бы встрѣтились какія-либо неожиданныя по сему предмету препятствія, то и тогда вы обязаны были поставить меня о нихъ въ свѣдѣніе“. Черезъ нѣсколько дней князь Голицынъ имѣлъ удовольствіе видѣть исполненіе своихъ желаній. Съ Иргизовъ снова пріѣхалъ въ Саратовъ настоятель Нижне-Воскресенскаго монастыря Никаноръ и явился къ нему, уже какъ формально-довѣренное лицо отъ всей своей обители, съ изъявленіемъ согласія на принятіе единовѣрія. Никаноръ имѣлъ при себѣ и просьбу, которую долженъ былъ подать по начальству. Князь Голицынъ немедленно препроводилъ его къ архіерею и въ тотъ же день писалъ ему о томъ, какими усиліями онъ достигъ этого счастливаго исхода дѣла. Онъ говорилъ, что еще въ бытность свою въ монастыряхъ въ прошломъ году онъ видѣлъ, что на одинъ изъ нихъ подѣйствовали его внушенія и онъ готовъ былъ склониться къ соединенію съ православіемъ. Прошеніе дѣйствительно было подано въ тотъ же день. Князь Голицынъ зналъ это, потому что слѣдилъ за каждымъ движеніемъ раскольниковъ, и тогда же просилъ Моисея сообщить ему о распоряженіяхъ по поданной просьбѣ для всеподданнѣйшаго о томъ донесенія. Тутъ же онъ препроводилъ къ архіерею инвентарь монастырскаго имущества и высказывалъ мысль, что монастырь за принятіе единовѣрія долженъ быть избавленъ отъ платежа повинности, которую онъ исправлялъ наравнѣ съ удѣльными кресгьянами. Въ тотъ же день Моисей извѣщалъ князя Голицына, что онъ принялъ отъ раскольниковъ просьбу, въ которой они „ходатайствуютъ какъ объ освященіи ихъ церквей, такъ и о рукоположеніи для нихъ священниковъ, и что какъ изъ всѣхъ старообрядческихъ монастырей на Иргизѣ они только одни по сіе время соглашаются принять единовѣріе и, слѣдовательно, не могутъ уже пользоваться тѣми монастырскими доходами, какіе приносимы были отъ доброхотства старообрядцевъ разныхъ сословій и окружающихъ ихъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, пока они не будутъ слѣдовать ихъ примѣру, и такимъ образомъ, будучи въ престарѣлыхъ лѣтахъ, останутся вовсе безъ пропитанія“, то и просили, чтобы тѣ, которые назначены къ высылкѣ изъ монастыря, были въ немъ оставлены, „ибо (прибавляли раскольники) они необходимы для церкви, какъ знающіе вполнѣ уставъ ея, существовавшій до временъ Никона патріарха, и что одни они могутъ поддерживать бытіе престарѣлыхъ иноковъ работами хозяйственными“. Че-

резъ нѣсколько дней состоялось опредѣленіе объ обращеніи Нижне-Воскресенскаго монастыря въ единовѣрческій. Основанія, на которыхъ должно было послѣдовать это обращеніе, заключались въ слѣдующемъ.

1) Монастырь долженъ быть „общежительнымъ“ и именоваться не раскольническимъ и не старообрядческимъ, а единовѣрческимъ Воскресенскимъ; а „дабы отличить и возвысить оный предъ прочими иргизскими монастырями и тѣмъ возбудить въ сихъ послѣднихъ таковое же соревнованіе къ единовѣрію, учредить его класснымъ“ и оставить за нимъ неотъемлемо всѣ земли и другія угодья, какими владѣлъ монастырь.

2) Настоятеля Никанора оставить въ этомъ званіи и, если пожелаетъ, рукоположить его въ іеромонахи по старопечатнымъ книгамъ.

3) Постричь въ монашество и тѣхъ, которые будутъ освобождены отъ податного состоянія и сами пожелаютъ постричься.

4) Священниковъ и дьяконовъ, которые согласятся быть у нихъ, опредѣлить или вновь посвятить по избранію монастырской братіи; находившихся же въ монастырѣ священниковъ и дьяконовъ отослать по принадлежности къ тѣмъ епархіальнымъ начальствамъ, откуда они сдѣлали побѣгъ, для поступленія съ ними по законамъ.

5) Церкви освятить по старопечатнымъ книгамъ.

6) Во всемъ прочемъ къ монастырю примѣнить правила митрополита Платона.

7) Благочинному, въ вѣдомствѣ котораго будетъ состоять монастырь, „имѣть надзираніе“—все ли предписанное означенными правилами будетъ соблюдаться монастыремъ, и обо всемъ доносить архіерею пополугодно, „въ случаѣ же какихъ-либо замѣчаній—въ то же самое время.

XX.

Торжество главнаго въ этомъ дѣлѣ дѣятеля князя Голицына было полное. Ему оставалось только „убрать въ мѣшокъ“ остальные монастыри, разослать непокорныхъ то въ Сибирь, то въ другія отдаленныя мѣста, молодежь сдать въ рекруты или въ кантонисты и спокойно ожидать, когда „древность остальныхъ старцевъ приблизитъ ихъ къ скорому переселенію въ вѣчность“. О торжествѣ своемъ князь Голицынъ писалъ въ Петербургъ, называя послѣдній совершившійся фактъ „событіемъ важнымъ“. Онъ уже думалъ объ успокоеніи послѣ двухлѣтнихъ хлопотъ съ раскольниками и потому писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: „Если ваше превосходительство объ обращеніи одного раскольничьяго монастыря въ единовѣрческій изволите довести до высочайшаго свѣдѣнія, то я покорнѣйше прошу присовокупить во всеподданнѣйшемъ донесеніи вашемъ, что занятія мои по настоящему предмету, требовавшія особеннаго вниманія и попеченія, а равно и смерть вице-губернатора отклонили меня воспользоваться всемилостивѣйше дозволеннымъ отпускомъ въ сибирскія губерніи, несмотря на то, что положеніе дѣлъ содер-

жимаго мною тамъ откупа требуетъ непремѣнно присутствія моего на нѣкоторое время“. Всѣ эти административные подвиги князя Голицына были отличены въ Петербургѣ и на раскольниковъ и на всѣ бродячіе элементы Поволжья нагнали страхъ. О понизовой вольницѣ стало меньше слышно. Князя Голицына хвалили со всѣхъ сторонъ, кромѣ той стороны, которой онъ наносилъ значительное пораженіе. Петербургскій митрополитъ Серафимъ слалъ ему свои архипастырскія благословенія. Вотъ что, между прочимъ, князь Голицынъ писалъ по этому поводу Серафиму: „Василій Сергѣевичъ Ланской извѣщалъ меня, что ваше высокопреосвященство удостоивать изволите меня вашего благословенія. Я нахожу здѣсь доказательство, что я не чуждъ памяти вашей, и пріятнѣйшимъ долгомъ поставлю принести вашему высокопреосвященству искреннѣйшую благодарность за благосклонность ко мнѣ.

„Попеченіе мое въ разсужденіи уменьшенія раскола въ Саратовской губерніи безпрерывно. Весьма трудно дѣйствовать на закоренѣлое упорство. Доказательствомъ тому служитъ, что, при постоянныхъ усиліяхъ въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, едва могъ склонить къ единовѣрію нѣкоторое число братіи одного монастыря старообрядческаго на Иргизѣ“. При этомъ онъ пользуется случаемъ высказать свой взглядъ на средства подавленія раскола. „Я, съ своей стороны, могу сказать только то (говоритъ онъ), что если правительство желаетъ видѣть расколъ пресѣкаемымъ, то необходимо наблюдать такое поведеніе, которое бы могло разувѣрить раскольниковъ въ продолженіи безпредѣльнаго снисхожденія къ нимъ. Примѣромъ можетъ служить дѣло о волжскомъ молитвенномъ домѣ. Раскольники, свободно построивъ его, никакъ не хотятъ отступить отъ мнѣнія, что имъ позволено будетъ перенести туда богослуженіе, и нынѣ утруждаютъ о томъ государя императора, несмотря на объявленное имъ высочайшее повелѣніе объ обращеніи сего дома въ церковь единовѣрческую или православную. Такимъ образомъ, для успѣха въ дѣлѣ обращенія нужно особенное вниманіе къ представленіямъ губернскаго начальства и даже согласія на заключенія его, хотя бы они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ казались не вполнѣ соотвѣтствующими общимъ правиламъ терпимости“. Поэтому онъ надѣется, что „благое содѣйствіе“ митрополита „упрочитъ ему свободу располагать дальнѣйшія свои дѣйствія относительно раскольниковъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ“. Но въ это время, когда въ Саратовѣ торжествовали первую побѣду надъ раскольниками, съ Иргизовъ получено было печальное извѣстіе. Оттуда сообщали, что одинъ изъ монастырей, именно Верхне-Преображенскій, истребленъ пожаромъ. Бѣдствіе это постигло монастырь 10-го мая, въ тотъ самый день, когда въ Саратовѣ одна партія раскольниковъ, съ монахомъ и настоятелемъ Никаноромъ во главѣ, завершила дѣло, столь упорно отталкиваемое другими раскольниками и другими монастырями. Въ Саратовъ сообщали, что пожаръ начался въ одной изъ церквей монастыря, въ деревянной, внутри алтаря. Церковь и колокольня сгорѣли. У другой церкви, у каменной, сгорѣлъ и обрушился

„осмерикъ“ церковный. Келій монастырскихъ уцѣлѣла меньшая половина. Погорѣло множество образовъ драгоцѣнныхъ и такихъ же книгъ и прочей утвари. Говорили, что жертвою пожара былъ также какой-то крестьянинъ или монахъ. Тотчасъ наряжено было слѣдствіе по этому дѣлу. Разслѣдованіемъ обнаружено, что 10-го мая, по окончаніи въ церкви обѣдни и едва только монахи успѣли пообѣдать и выйти изъ трапезной, какъ увидѣли, что изъ церковнаго алтаря выбивается огромными клубами дымъ. Немедленно ударили въ набатъ. Настоятель Гавріилъ, всѣ бывшіе въ монастырѣ иноки и посторонніе посѣтители бросились въ церковъ, которая уже вся была наполнена дымомъ. Замѣтили, что дымъ выходитъ изъ алтаря, гдѣ, повидимому, и начался пожаръ. Тогда съ наружной стороны алтаря выбиты были всѣ окна, чтобы освободить церковь отъ невыносимаго дыма и тѣмъ дать возможность сбѣжавшемуся народу дѣйствовать для спасенія церковныхъ сокровищъ. Прежде всего старались спасти богатые мѣстные образа, въ дорогихъ ризахъ и съ драгоцѣнными украшеніями; но изъ алтаря нельзя уже было много вынести, такъ какъ онъ весь былъ объятъ пламенемъ. Пожаръ между тѣмъ усиливался. Зарево его и дымъ видны были въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ, и потому на пожаръ сбѣжались толпы народа изъ Пузановки, Давыдовки и Мечетной. Народъ дружно дѣйствовалъ, чтобы спасти монастырь, высоко имъ цѣнимый, отъ конечнаго истребленія пламенемъ. Привезены были пожарныя трубы и другіе гасительные снаряды; но пламя быстро перекинулось на сосѣднія кельи и настоятельскіе покои, охватило всѣ стоявшія подъ вѣтеръ строенія, монастырскую, ограду и затѣмъ вспыхнула и другая церковь, каменная, деревянный „осмерикъ“ которой и крыша сдѣлались жертвою огня, хотя внутреннія богатства церкви, ризницы и алтари были спасены отъ пламени. Сгорѣвшій человѣкъ оказался кузнецъ монастыря. Передъ пожаромъ онъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ находился на рѣкѣ, гдѣ они бреднемъ ловили въ Иргизѣ рыбу. Услышавъ „всплохъ“, кузнецъ бросился спасать монастырское добро, таскалъ вмѣстѣ съ прочими изъ церкви образа и драгоцѣнныя вещи, а потомъ вмѣстѣ съ другими влѣзъ на колокольню, чтобы обрубить колокола. Пламя охватило колокольню, и когда всѣ бывшіе съ нимъ на колокольнѣ успѣли спастись, онъ остался въ пламени, гдѣ и погибъ. По пожару раздавался только голосъ его: „батюшки! спасите меня Христа ради!“ — но помощи ему уже нельзя было подать. Пожаръ, какъ оказалось, начался изъ алтаря. Тамъ всегда горѣла неугасимая лампада передъ образомъ Чудотворца Николая съ мощами, и, вѣроятно, отъ стоявшей въ лампадѣ свѣчи загорѣлась стѣна. Уронъ, понесенный монастыремъ, былъ весьма значителенъ. Кромѣ стоимости церкви, построенной въ началѣ этого столѣтія и оцѣненной въ 50,000 рублей, кромѣ колоколовъ, множества цѣнныхъ образовъ съ золотыми и серебряными ризами, украшенными жемчугомъ, кромѣ богатыхъ и старинныхъ книгъ, погорѣло флигелей—гостиныхъ одинъ, священническихъ и дьяконскихъ два, настоятельскій одинъ, монашескихъ отдѣль-

ныхъ покоевъ 13 и шесть простыхъ келій. Одной монастырской ограды выгорѣло протяженіемъ до 160 саженъ. Цѣнность погорѣвшихъ или не оказавшихся сокровищъ—серебряныхъ и золотыхъ окладовъ, драгоцѣнныхъ камней, богатыхъ иконъ до 120 и другой церковной утвари — не могла быть даже приведена въ извѣстность, такъ какъ оцѣнки этимъ драгоцѣнностямъ въ монастырѣ не имѣлось.

XXI.

Прошло около трехъ лѣтъ со времени послѣднихъ событій, и объ иргизскихъ монастыряхъ какъ будто забыли. Главное, чего искали власти, было достигнуто, а остальное должно было совершиться само собой. Главные дѣятели послѣднихъ событій сходятъ со сцены. Князя Голицына уже нѣтъ въ Поволжьѣ, и раскольникамъ свободнѣе дышится. Со всѣхъ сторонъ снова начинаютъ стекаться къ центрамъ разсѣянныя бродячія силы, и центры эти все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ силу притяженія тяготѣющихъ къ нимъ элементовъ. Разсѣянныя стихійныя силы и ихъ факторы, какъ, напримѣръ, знаменитый ссыльный инокъ Мельхиседекъ *), притягиваются къ центрамъ тяготѣнія изъ самыхъ далекихъ концовъ Россіи—изъ Сибири, съ Урала, съ Дона, съ Кубани и Терека. Монастыри мало-по-малу начинаютъ вновь наполняться пришельцами—бѣглыми попами и дьячками, каликами перехожими, странниками, чиновными людьми и купцами, казаками и крестьянами, солдатами и мѣщанами. Старыя и молодыя женщины, безутѣшныя вдовы, осиротѣвшія матери, безнадежныя или потерявшія жениховъ невѣсты, больные и здоровые—все это тянулось на Иргизы то ради души спасенія, то для забвенія своего жизненнаго горя, то для оплакиванія своихъ незамѣнимыхъ потерь. Кельи, особенно въ женскихъ обителяхъ, переполнялись пришельцами. На Иргизахъ снова оживаетъ „древлее благочестіе“, снова воскресаетъ приволье жизни, а вмѣстѣ съ нимъ и броженье народныхъ элементовъ. Но вотъ въ 1832 году власти снова вспоминаютъ объ Иргизахъ. Отголоски вольной жизни въ Поволжьѣ доносятся до Петербурга, и оттуда на Поволжье обращается неусыпное око административной власти... Саратовскій губернаторъ, которымъ въ то время былъ уже Ѳедоръ Лукичъ Переверзевъ, получаетъ отъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря Новосильцова, требованіе о доставленіи свѣдѣній о томъ, сколько „теперь“ состоитъ на-лицо при иргизскихъ монастыряхъ иноковъ, съ показаніемъ ихъ лѣтъ, и собственно тѣхъ, которые значились поименованными въ реестрѣ 1797 года. При этомъ Переверзеву поручено было обратить вниманіе на то, нѣтъ ли между наличными монахами и такихъ, которые приняли имена умершихъ иноковъ, поименованныхъ въ сказанномъ реестрѣ. За этой бумагой стало вновь по-

*) Объ интересныхъ похожденіяхъ Мельхиседека будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

вторяться посѣщеніе монастырей полиціею. Опять началась перепись монаховъ, провѣрка ихъ личностей, спросы о лѣтахъ, спросы о поведеніи и пр. При этихъ переписяхъ и спросахъ оказалось, что „переворотъ“ для иргизскихъ монастырей не прошелъ безслѣдно. Въ численномъ составѣ коренного населенія монастырей, такъ сказать, въ аборигенахъ этихъ раскольничьихъ общинъ, „переворотъ“ этотъ произвелъ страшное опустошеніе. По реестру 1797 года значилось записанными 108 монаховъ—это ядро, около котораго, какъ около матокъ въ пчелиныхъ ульяхъ, группировалось все раскольничье населеніе Иргизовъ, и мужское, и женское. Теперь оказывалось, что только въ одномъ Верхне-Спасопреображенскомъ монастырѣ осталось въ живыхъ всего три престарѣлыхъ инока. Все остальное или перемерло, или разбрелось по Россіи искать или покоя отъ „гонителей--никоніанъ“, или мѣста и почвы для новой пропаганды. Взамѣнъ этихъ старыхъ дѣятелей раскола, монастыри оказались буквально набитыми наплывомъ новаго населенія. Тутъ были казаки войска оренбургскаго, уральскаго, донского, моздокскаго, гребенского, купцы, мѣщане, заводскіе крестьяне, солдаты и скитающееся духовенство всѣхъ видовъ. Эти казаки, солдаты и всякіе пришельцы носили „ангельскія имена“—все это были иноки Іосафы, Савватіи, Іоны, Іоили, Авели, Ермогены, Паисіи, Виталіи, Филареты. Подъ этими иноками подъ монашескими рясами полиція находила или храбрыхъ и отчаянныхъ казацкихъ бойцовъ, или солдатъ, еще недавно рѣзавшихъ турокъ подъ Браиловымъ, или же натыкалась на невѣдомую личность, которая въ низовьяхъ Волги была атаманомъ шайки и ушла отъ кнута и рудниковъ. Между этими пришельцами, рядомъ съ семидесяти и осмидесятилѣтними иноками, стоятъ иноки и двадцатипятилѣтніе — „ангельское имя“ и ангельское одѣяніе все прикрывали. Переверзевъ, сообщая въ Петербургъ о результатахъ этихъ розысковъ въ иргизскихъ общинахъ, добавлялъ, что онъ намѣренъ лично осмотрѣть эти общины и особенно вывѣдать объ укрывающихся тамъ бродягахъ и всякихъ безпаспортныхъ подозрительныхъ личностяхъ. Прошло еще болѣе года. Въ теченіе этого времени Переверзевъ дѣйствительно былъ на Иргизахъ, и вынесенное имъ оттуда впечатлѣніе было не вполнѣ благопріятное въ видахъ раскола. Съ иноками, подъ которыми скрывались бывшіе воины и удалые казацкіе служаки, онъ намѣренно вступалъ въ разговоръ о походахъ, о битвахъ, и такимъ образомъ провѣрялъ предварительно собранныя о нихъ свѣдѣнія. Такъ какъ Переверзевъ былъ на Иргизахъ въ началѣ августа, то онъ нашелъ тамъ множество офицеровъ донского и уральскаго казачьихъ войскъ, „по старообрядчеству своему прибывшихъ туда цѣлыми семействами для говѣнія и пріобщенія святыхъ тайнъ“. Женскія общины произвели на него странное впечатлѣніе: это были просто селенія, наполненныя однѣми женщинами, „напоминали онѣ тѣ скиты, которые во множествѣ находятся въ семеновскомъ уѣздѣ, нижегородской губерніи, или въ ветлужскомъ и варнавинскомъ—костромской.“ Многихъ изъ раскольниковъ онъ тотчасъ же выслалъ изъ монастырей, а мѣстную полицію подвергъ

строгому выговору за недостатокъ наблюденія надъ скитами. Такъ какъ нельзя было не видѣть, что пришибленныя, такъ сказать, княземъ Голицынымъ четыре года тому назадъ иргизскія общины вновь поднялись на ноги и окрѣпли едва ли не больше прежняго, то явились новыя заботы о необходимости остановить ростъ этого опаснаго раскольничьяго дерева. Опять понадобились самыя подробныя свѣдѣнія объ общинахъ, объ ихъ владѣніяхъ, населеніи, о богатствахъ и о порядкѣ управленія. Снова нужно было поднимать старину, допрашивать настоятелей и настоятельницъ о началѣ ихъ общинъ, рыться въ ихъ книгохранилищахъ для розыска документовъ и составлять новые инвентари. Раскольники видѣли, что гроза опять надвигается надъ ними. Явилась полиція. Все, что имѣло причину опасаться начальническаго ока, снова ударилось въ бродяжничество, пошло отыскивать новыхъ безопасныхъ мѣстечекъ, скитовъ, притоновъ или простого гостепріимства. Страхъ обуялъ и мужское, и женское населеніе общинъ. Монахи и бѣлички на спросы чиновниковъ отзывались, что „упражненія“ ихъ состоятъ то въ „занятіи пряденьемъ льна и хожденіемъ въ часовню для моленья“, то „въ сажаньи разнаго овоща и поливаньи онаго“, то „въ продажѣ онаго за деньги“, то „въ обмѣниваньи на пшеницу“, то, наконецъ, „въ жнитвѣ хлѣба“. На спросы о причинахъ проживанья въ скитахъ, скитницы отвѣчали, что живутъ тутъ „по ревности къ Богу“, „для спасенія души“, „для душевной пользы“. Изъ Петербурга, между тѣмъ, приходили такія распоряженія, которыми снова подрѣзывались крылья у пропаганды сектантовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сжимались въ тѣсныя рамки вообще бродячія народныя силы. Не расколъ, повидимому, безпокоилъ власти, а эти стихійныя, неугомонныя бродячія силы. На нихъ-то и направлены были всѣ административные удары. Требовалась тщательнѣйшая перепись всѣхъ раскольниковъ, населявшихъ общины: это была перепись именная, съ примѣтами каждаго лица, чтобы нельзя было одно лицо прикрыть другимъ и подъ ангельскимъ именемъ прятать имя мірское, съ его грѣхами гражданскими, съ проступками, а иногда и крупными преступленіями. Положительно запрещено вновь селиться въ монастыряхъ и такимъ образомъ окончательно закрывался бродячимъ силамъ доступъ къ центрамъ раскола. Та же строгость принята была и въ отношеніи къ женскому населенію. Мало того, „женщинъ, кои изобличены будутъ въ распутствѣ“, велѣно было „отсылать на фабрики или въ Сибирь на поселеніе“.

Для наблюденія надъ скитами велѣно было организовать цѣлый штатъ полицейскаго управленія, кромѣ секретныхъ чиновниковъ, которые должны были вывѣдывать всѣ тайны раскольничьихъ общинъ. Для образованія наблюдательнаго полицейскаго штата велѣно было руководствоваться тѣмъ штатомъ, который утвержденъ былъ „для обузданія раскольниковъ въ заштатномъ городѣ Судиславѣ костромской губерніи“. Какъ ни было, повидимому, строго наблюденіе за скитами, однако, дальнозоркіе чиновники не могли всего видѣть, что тамъ происходило. Такъ, въ этомъ же 1833 году

Переверзевъ получилъ изъ Петербурга замѣчаніе за небрежность наблюденія надъ раскольниками. Лѣтомъ этого года членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Арсеньевъ, пріѣзжалъ въ Саратовъ и посѣтилъ Иргизы. Возвратившись въ Петербургъ, онъ донесъ министру, что въ скитахъ „проживаютъ въ довольно значительномъ числѣ иноки, инокини и разныхъ сословій лица безъ всякихъ видовъ и о коихъ даже неизвѣстно, какого они званія или происхожденія *). Это-то и были тѣ бродячіе элементы, которые съ такимъ тщаніемъ, хотя не всегда успѣшно, преслѣдовались властями. Выговоры, полученные изъ Петербурга, отражались еще болѣе рѣзкими выговорами, передаваемыми внизъ по ступенямъ іерархической лѣстницы всѣмъ „безпечнымъ начальникамъ, могущимъ примѣромъ своимъ служить прочимъ членамъ вредною для службы копировкою“, какъ выражался Переверзевъ въ минуты гнѣва. Порывы начальственнаго гнѣва, въ свою очередь, рефлективно доходили по назначенію, и раскольникамъ приходилось тяжело.

XXII.

Около этого времени внутренній разладъ, внесенный въ скитскую жизнь отчасти раздѣленіемъ раскольниковъ на партіи, отчасти проникновеніемъ въ эту жизнь чуждыхъ ей элементовъ, и раздраженіе умовъ, проявлявшееся уже внѣ монастырей, среди крестьянскаго населенія окольныхъ мѣстностей, послужили началомъ новыхъ невзгодъ, надолго парализировавшихъ бродячія силы русскаго народа. Иргизскіе монастыри чаще и чаще стали заявлять о себѣ то тѣмъ, то другимъ громкимъ скандаломъ, навлекавшимъ на скиты необходимость болѣе тяжелой правительственной опеки, а съ другой стороны, безпокойство, овладѣвшее населеніемъ сосѣднихъ мѣстностей и возбуждавшее тотъ или другой неблаговидный протестъ противъ правительственной опеки, вынуждало власти къ принятію болѣе крупныхъ мѣръ какъ въ отношеніи сектантовъ, такъ и относительно возмущавшагося населенія. Къ этому времени относится надѣлавшая не мало шума исторія съ инокомъ Мельхиседекомъ, а также волненія, вспыхивавшія между удѣльными и казенными крестьянами средняго Поволжья. Въ 1831 году въ иргизскіе монастыри воротился изъ Сибири одинъ изъ старыхъ монаховъ, Мельхиседекъ, находившійся въ ссылкѣ за разныя, далеко не монашескія, преступленія. Много въ этой личности было страннаго и загадочнаго. Мельхиседекъ показывалъ, что онъ изъ Сибири приходилъ въ Петербургъ, былъ на аудіенціи у государя, получилъ дорогіе подарки изъ собственныхъ рукъ

*) Впрочемъ, Переверзевъ, защищаясь передъ министерствомъ, отвѣчалъ Блудову, что донесеніе Арсеньева онъ „не признаетъ справедливымъ, что самъ онъ лично ѣздилъ въ скиты и провѣрилъ тамошнее населеніе по спискамъ, всѣхъ разспрашивалъ о мѣстѣ родины и „подставныхъ“, даже „подозрительныхъ“, никого не нашелъ, хотя и отыскалъ безпаспортныхъ, преимущественно калѣкъ и стариковъ.

императора Николая и проч., и проч. Въ монастырѣ онъ отличался буйствомъ и непослушаніемъ властямъ; собирался идти въ Кіевъ, въ Соловки и т. д. 21-го марта 1832 года Мельхиседека видѣли въ Саратовѣ. Утромъ онъ явился въ почтовую контору и подалъ, для отсылки въ Петербургъ, пакетъ съ просьбой на имя государя. Какой результатъ имѣла эта просьба—неизвѣстно. Между тѣмъ по монастырямъ ходили слухи, что Мельхиседекъ дѣйствительно былъ у государя во дворцѣ, милостиво былъ принятъ императорскою фамиліею, получилъ царскіе подарки и т. п. Мельхиседекъ подтверждалъ эти слухи и даже показывалъ всѣмъ драгоцѣнные, пожалованные ему въ Петербургѣ, подарки. Слухи эти переходили изъ монастыря въ монастырь, изъ села въ село. Мѣстныя власти должны были удостовѣриться, насколько справедливы были эти разглашенія, чтобы такъ или иначе положить конецъ толкамъ, потому что молва о похожденіяхъ Мельхиседека не умолкала въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ Никольскій монастырь, гдѣ жилъ Мельхиседекъ, пріѣхалъ исправникъ Безобразовъ и остановился въ „гостинныхъ кельяхъ“. Мельхиседекъ самъ явился къ нему, чтобы познакомиться съ новымъ представителемъ мѣстной полиціи.

Рѣчь, конечно, зашла о царскихъ подаркахъ, о которыхъ такъ много говорили въ окрестностяхъ. Безобразовъ просилъ Мельхиседека показать ему эти драгоцѣнности. Монахъ исполнилъ его желаніе.

— Продайте мнѣ ихъ,—сказалъ Безобразовъ:—я вамъ дамъ двадцать золотыхъ полуимперіаловъ.—Мельхиседекъ не хотѣлъ разстаться съ вещами, которыя надѣлали такъ много шуму въ окрестностяхъ.

— Я не согласенъ,—говорилъ онъ:—онѣ у меня не продажны.—Безобразовъ настаивалъ на своемъ.

— Дайте мнѣ ихъ хоть на подержаніе—поносить,—просилъ онъ. Чѣмъ больше настаивалъ Безобразовъ, тѣмъ болѣе упрямился монахъ.

— Я хощу й паки быть предъ лицомъ ихъ величествъ,—сказалъ упрямый инокъ.

Безобразовъ, не добившись ничего, уѣхалъ въ другой монастырь. По возвращеніи въ Никольскій, онъ снова призвалъ къ себѣ Мельхиседека и уже сталъ обращаться съ нимъ круто, какъ съ человѣкомъ, котораго слѣдовало припугнуть. „Ты бѣглый,—говорилъ онъ монаху, — и вещи у тебя краденныя. Ты не былъ въ Петербургѣ, а на разбоѣ былъ. Тебя плетьми наказывали. Не инокъ ты, а казенный крестьянинъ“. Безобразовъ, безъ сомнѣнія, узналъ прежнюю жизнь Мельхиседека, которая была не безупречна, и потому принялъ со старикомъ такой безцеремонный тонъ. Но Мельхиседека трудно было запугать.—„Вы не имѣете права меня такъ порочить,—говорилъ онъ.—Я не бѣглый и не разбойникъ, и вещи у меня не краденныя, а получены въ подарокъ въ Петербургѣ, во дворцѣ, изъ рукъ ихъ императорскихъ величествъ“. Безобразовъ назвалъ ему его прежнюю фамилію, мірскую, и его мірское имя.

— Вы говорите, что я плетьми наказанъ и чужимъ именемъ—Михайлою Михайловымъ—подходилъ къ ихъ императорскимъ величествамъ,

такъ мнѣ сіе имя дано при крещеніи, а по иноческому названію я—инокъ Мельхиседекъ,—возражалъ монахъ.

Безобразовъ напомнилъ ему о Сибири. Монахъ отвѣчалъ, что изъ ссылки онъ возвращенъ сенатомъ. „Сенатъ требовалъ мое дѣло изъ саратовской уголовной палаты, разсмотрѣлъ мою невинность и возвратилъ меня съ тѣмъ, чтобы меня не обзывать и не порочить, и водворилъ меня инокомъ, а не казеннымъ крестьяниномъ,—продолжалъ онъ.—Также и подарками императорскими не подозрѣвайте и не ругайтесь ими: я отвѣчалъ лично самому государю, что я буду его прославлять по всему лицу земли и по всей Азіи“. Безобразовъ неотступно требовалъ выдачи вещей.—„Я здѣсь хозяинъ—подай вещи, говорилъ онъ. Упрямый старикъ не повиновался.—„Я разобью сундуки“,—кричалъ Безобразовъ. Упорство монаха вызвало насиліе со стороны Безобразова. Онъ его арестовалъ и приступилъ къ формальному допросу. Смѣлый старикъ самъ разскалъ все, что отъ него требовали, и разсказъ его представляетъ много занимательности.—„Мельхиседекъ меня зовутъ—инокъ, отъ роду имѣю 72 года,—говорилъ онъ.—Не помню, въ которомъ году я былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе, и проживалъ я въ Сибири, Томскаго уѣзда, въ деревнѣ Батуринѣ. Оттуда я ходилъ въ С.-Петербургъ. Шелъ именемъ Михайлою Толкачевымъ. Прошелъ я до Петербурга безъ всякаго письменнаго вида, съ одною молитвою Іисуса, и прибылъ туда, въ 1829 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, остановился въ квартирѣ, Тверской-Ямской, противъ церкви Предтечи, а въ чьемъ домѣ—не помню. Въ третій день по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, пришелъ къ графу Бенкендорфу, въ домъ его, въ Малой Морской, и, чрезъ посредство сдѣланнаго мною знакомства съ его камердинеромъ Егоромъ Кузьмичемъ, я былъ представленъ самому графу, которому я и объявилъ, что я бывшій монахъ старообрядческаго Никольскаго монастыря, Саратовской губерніи, Вольскаго уѣзда, а теперь сосланный въ Сибирь на поселеніе, и пришелъ просить государя императора, чтобы онъ просьбу мою, посланную изъ Томска, на имя графа, разсмотрѣлъ и меня изъ Сибири возвратилъ. Затѣмъ я былъ представленъ государю и получилъ отъ него подарки. Изъ Петербурга я отправился, Томскаго уѣзда, въ деревню Батурину. Не доѣзжая до Томска, въ лѣсу, я былъ ограбленъ, о чемъ, по пріѣздѣ въ городъ Томскъ, я подалъ объявленіе губернатору Фролову, и по оному вещи, жалованныя мнѣ, найдены, и изъ томскаго губернскаго правленія мнѣ возвращены“.

XXIII.

Послѣ допроса подарки, которые Мельхиседекъ называлъ царскими, были отобраны у него и отданы настоятелю монастыря иноку Корнилію на храненіе. Равнымъ образомъ у него отобранъ былъ видъ, по которому онъ хотѣлъ отправиться вновь странствовать по Россіи, намѣреваясь посѣтить Кіевъ и соловецкія обители, и, кромѣ того, взята съ него подписка

о невыѣздѣ изъ монастыря. Монастырскому начальству поручено было строгое наблюденіе за этою безпокойною личностью. Мельхиседекъ жаловался Переверзеву на это притѣсненіе свободы и на допущенное Безобразовымъ насиліе. Онъ просилъ выпустить его изъ монастыря, чтобы исполнить обѣщаніе относительно путешествія ко святымъ мѣстамъ. Переверзевъ ничего не отвѣчалъ на это. Такъ прошелъ годъ. Черезъ годъ Мельхиседекъ снова пытался возвратить себѣ свободу. Какъ ловкій раскольничій проповѣдникъ, онъ разсчитывалъ подѣйствовать на Переверзева своимъ краснорѣчіемъ. Съ свойственною сектантамъ витіеватостью Мельхиседекъ объясняетъ, что не рѣшился отвлекать Переверзева „отъ полезнѣйшихъ занятій, посвященныхъ на благо службы и на защиту невинныхъ"; но что „молва,—продолжаетъ онъ,—распространившаяся во всѣ концы, достигла за предѣлы Волги, даже до жилища монастыря нашего, о безпредѣльной добродѣтели особы вашей и побудила меня припасть къ стопамъ вашимъ и яко щедролюбивому отцу объяснить" и т. д. Витіеватая просьба старика опять-таки выражала желаніе скорѣе вырваться на свободу и получить царскіе подарки. Но тутъ уже онъ, кромѣ того, является прямымъ противникомъ монастырскихъ властей, наговариваетъ на Корнилія, изобличаетъ власти въ злоупотребленіяхъ и утайкѣ преступленій и проч. Корнилія онъ называетъ своимъ непримиримымъ врагомъ и ненавистникомъ, обвиняетъ его въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ исправникомъ. Видно, что внутренній разладъ окончательно подрывалъ уже и безъ того шаткое существованіе общинъ. До тѣхъ поръ небывалые доносы все чаще и чаще стали исходить изъ монастырскихъ стѣнъ. Мельхиседекъ, напримѣръ, доноситъ о подозрительной смерти пьяницы инока Іоиля, трупъ котораго найденъ „въ квасномъ выходѣ", о томъ, какъ его хоронили, какъ потомъ вырывали изъ земли, какъ скрылся изъ монастыря инокъ Варсанофій и проч. Съ другой стороны, монастырь вошелъ къ Переверзеву съ коллективной жалобой на безпокойнаго и буйнаго старика Мельхиседека, прося освободить монастырь отъ этого бунтовщика. Припоминаются прежнія темныя дѣла Мельхиседека, за которыя онъ сосланъ былъ въ Сибирь съ наказаніемъ плетьми. Припоминается и его „развратная жизнь", и „угрâживаніе бывшему настоятелю Сергію лишить его жизни", и „присвоеніе принадлежащаго монастырю образа". Объясняется, что „ссылка въ Сибирь и отлученіе не исправили этого старика въ дурной жизни и не обратили къ миролюбію, но что, напротивъ, онъ не только не укротился, а еще болѣе впалъ въ развратъ, началъ посѣвать между мирныхъ жителей раздоры къ нарушенію тишины, спокойствія и содержимаго порядка", что „онъ не оказываетъ повиновенія мѣстному начальству, не усмиряетъ себя предъ настоятелемъ монастыря, инокомъ Корниліемъ съ братіею" и т. д. Мельхиседекъ снова отдается подъ судъ. Переверзевъ спрашиваетъ объ нёмъ Бенкендорфа и томскаго губернатора, дѣйствительно ли имѣютъ какое-либо основаніе разсказы Мельхиседека, которыми онъ волнуетъ населеніе и вооружаетъ противъ властей довѣрчивыя массы. Между тѣмъ, населеніе дѣй-

ствительно, возбуждено и въ этомъ возбужденномъ состояніи внушаетъ серьезныя опасенія властямъ. Такія личности, какъ Мельхиседекъ, служатъ только какъ бы прибавкою къ тому горючему матеріалу, который готовъ вспыхнуть во всемъ среднемъ Поволжьѣ. Возбужденіе въ массахъ растетъ годами, постоянно накопляя горючій матеріалъ, и нужна только искра, чтобы пожаръ охватилъ Поволжье. Мы не говоримъ о крестьянскихъ волненіяхъ, вызываемыхъ неумѣреннымъ нагнетеніемъ на народъ крѣпостнической несдержанности — народнымъ движеніямъ подобнаго рода въ разсматриваемое нами время мы намѣрены посвятить особое изслѣдованіе. Мы говоримъ единственно лишь о тѣхъ движеніяхъ этой эпохи, въ основу которыхъ, такъ сказать, положены раскольничьи мотивы,—о движеніяхъ, которыя на лицевой сторонѣ своего знамени имѣли все-таки осьмиконечный раскольничій крестъ, тогда какъ подкладка знамени носила совсѣмъ другія изображенія—общія броженія понизовой вольницы и броженія не уложившихся народныхъ силъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возбужденіе умовъ въ населеніи вызывалось мыслію, что, ихъ свободныхъ (конечно, относительно) удѣльныхъ и экономическихъ крестьянъ, ожидаетъ то же нагнетеніе власти, какое испытывали на себѣ помѣщичьи крестьяне, и отсюда являлось раздраженіе противъ представителей и факторовъ нагнетенія, противъ мѣстныхъ властей и православнаго духовенства. Раскольничье населеніе Поволжья вообще отличалось сравнительнымъ богатствомъ, матеріальнымъ довольствомъ и относительною свободою, чего оно не видѣло въ населеніи православномъ, преимущественно въ помѣщичьихъ вотчинахъ. У раскольниковъ и земли, и воды, и даже свободы было достаточно. Они боялись, конечно, что съ новыми порядками у нихъ урѣжутъ не только земли и воды, но и волю. Отсюда является раздраженіе противъ чиновниковъ и поповъ, противъ „іерихонцевъ“, какъ ихъ называли раскольники *). Особенное раздраженіе замѣчается въ богатыхъ раскольничьихъ селахъ и слободахъ Заволжья—въ Мечетной, Кормяжкѣ, Пузановкѣ, Криволучьѣ, Кушумѣ. Такъ, напримѣръ, священникъ села Каменки, Державинъ, обратившій въ православіе одного раскольничьяго дьякона, Иванова, тайкомъ увозитъ его въ Саратовъ, чтобы представить къ архіерею. Озлобленные мечетенскіе мужики-раскольники скачутъ за ними по слѣдамъ, чтобы отнять жертву „іерихонскихъ“ происковъ, дьякона Иванова и возвратить опять въ монастырь или убить Державина, а можетъ быть и „отпавшую силу“ (Иванова). Но имъ этого не удается сдѣлать—они ихъ не успѣваютъ настичь. Тогда, встрѣчаясь „съ отпавшей силой“ уже въ Саратовѣ, въ лавкѣ, гдѣ Ивановъ покупалъ деревянное масло для церкви, мечетенскій раскольникъ, Широкій, говоритъ ему:

— Зачѣмъ оставилъ ты старую вѣру? По Кирилловой книгѣ ты —іерихонецъ, отпавшая сила.

*) Попы и чиновники—это „по Кирилловой книгѣ—іерохонцы или отпавшая сила“, какъ говорилъ мужикъ изъ слободы Мечетной одному раскольнику, измѣнившему своей вѣрѣ.

Когда Ивановъ старается уйти отъ преслѣдованія, Широкій не отстаетъ отъ него и на улицѣ, говоря, что они, мечетинскіе мужики, гнались за отщепенцами, когда они ѣхали въ Саратовъ.—„Мы считали слѣды ваши... Счастливы вы, что мы не догнали васъ одною упряжкою!“—сказалъ Широкій съ угрозою.—„Что жъ, опять бы въ монастырь меня взяли?“—спросилъ Ивановъ.—„Да, счастливы вы, что мы васъ не догнали“,—Священника Державина озлобленные раскольники осаждали по ночамъ въ его собственномъ домѣ. Такъ, онъ часто, запершись у себя, слышалъ возгласы подъ окнами: „Счастливъ ты, попъ, что у тебя свѣтится долго огонь. Не пора ли тебѣ спать?“—Иногда озлобленные мужики, съѣзжавшіеся изъ сосѣднихъ раскольничьихъ селеній, кричали на улицѣ: „Живи помирнѣе съ старообрядцами, какъ жили старые попы, а если будешь увозить поповъ и дьяконовъ (т.-е. раскольничьихъ), то скоро твой домъ обратимъ въ пепелъ или самъ скоро будешь въ Иргизѣ“.—„Ты не попъ, а антихристъ!“—кричали другіе. На Державина окрестные раскольники злобились за обращеніе имъ въ православіе раскольничьяго дьякона Иванова, а равно за обличеніе старой вѣры. Часто мужики наѣзжали къ нему по ночамъ и подъ разными предлогами вызывали изъ дому; но Державинъ не давался въ обманъ. Ему грозили, ломились прямо въ домъ, кричали: „Дайте попа! А если не выйдетъ онъ, то разобьемъ окошки и сожжемъ домъ!“—Тутъ же мужики разбили и разграбили домъ дьячка Покровскаго и его самого схватили.—„Пойдемъ-ка на улицу-та! — кричали они.—Мы тебѣ докажемъ дворянство и научимъ, какъ здѣсь жить за Волгою! Такъ-то скоро доберемся и до попа—недолго надышитъ и онъ!“—кричали разгулявшіеся крестьяне. Архіерей пишетъ объ этихъ волненіяхъ Переверзеву, сообщаетъ оберъ-прокурору синода. Начинаются розыски, слѣдствіе, аресты. Къ духовенству, осаждаемому раскольниками, по ночамъ ставится караулъ изъ сельской стражи, „изъ крестьянъ православнаго вѣроисповѣданія“. Начинаются обоюдныя обвиненія — поповъ раскольниками, раскольниковъ попами. Идетъ переписка съ министерствами, виновные судятся. Судебное дѣло „о буйственныхъ поступкахъ“ раскольниковъ приводится къ окончанію ровно черезъ девять лѣтъ. Въ другихъ селеніяхъ идетъ открытая пропаганда раскола уже не черезъ иноковъ иргизскихъ общинъ, а пропагандистами являются простые мужики, какъ, напримѣръ, Лоскутовъ и Ширяевъ въ селѣ Порубежкѣ.

Мужики уже не нуждаются въ бѣглыхъ попахъ, а сами заправляютъ богослуженіемъ, отправляютъ требы, крестятъ, исповѣдуютъ, пріобщаютъ и хоронятъ мертвыхъ, никого не спрашивая и никому не давая отчета. Мало того, въ праздничные дни они собираются толпами „всякаго возраста люди и съ подобными себѣ дѣвицами безъ всякаго опасенія производятъ богослуженіе“. Для привлеченія къ расколу допускается и насиліе: „отъ правовѣрныхъ женокъ рожденныхъ младенцевъ, не по желанію матерей, но по смѣлости оныхъ развратниковъ, отъ больныхъ по рожденію усильственно уносятъ, имена нарекаютъ и таинство крещенія совершаютъ“.

Начинается рознь между самими раскольниками. „Отпавшія силы“, т.-е. перешедшіе въ православіе, начинаютъ врываться, такъ сказать, въ міръ раскольничій и производятъ тамъ опустошенія; такъ, изъ дѣла видно, что раскольничьи попы „исторгаются“ обманомъ и разными происками изъ иргизскихъ общинъ, и эти удары общинамъ наносятъ бывшіе раскольники, „отпавшая сила“, единовѣрцы. Въ виду такихъ явленій, которыя стали повторяться чаще и чаще, по доведенію до свѣдѣнія государя объ одномъ подобномъ „исторгнутіи“ раскольничьяго священника изъ иргизскихъ общинъ и по изъявленіи „исторгнутымъ“ полнаго раскаянія въ своихъ заблужденіяхъ, высочайше повелѣно—„сообщить о томъ всѣмъ начальникамъ губерніи, дабы они сдѣлали сіе извѣстнымъ находящимся у раскольниковъ попамъ, не оффиціальнымъ порядкомъ, но по ихъ усмотрѣнію, черезъ посредство довѣренныхъ лицъ, и буде сіи попы изъявятъ наклонность предстать къ своему начальству съ искреннимъ раскаяніемъ въ ихъ проступкахъ, то таковымъ оказывать всевозможное пособіе къ исполненію ихъ намѣренія“.

XXIV.

Несмотря на всѣ эти невзгоды, иргизскіе монастыри продолжали держаться. Большою нравственною поддержкою служило для нихъ то обстоятельство, что со всѣхъ сторонъ къ нимъ доходили вѣсти не о паденіи, а объ усиленіи раскола въ Поволжьѣ. Саратовскіе, вольскіе, хвалынскіе и дубовскіе раскольники крѣпко отстаивали свою независимость въ этомъ отношеніи. Являющіеся со всѣхъ мѣстъ странники разсказывали о „непреоборимости“ своихъ сподвижниковъ, бродившихъ по Поволжью. Когда, въ 1835 году, велѣно было сдѣлать перепись всѣмъ раскольникамъ, находившимся въ Саратовской губерніи, то оказалось, что цифра ихъ была весьма замѣтная. Однихъ помѣщичьихъ крестьянъ-раскольниковъ насчитывалось 12,070 душъ, а прочихъ сословій и состояній 51,405 душъ, всего 63,475 раскольниковъ. Раскольничьихъ богослужебныхъ зданій и общинъ насчитано:

Монастырей	4
Церквей	4
Часовенъ	10
Молитвенныхъ домовъ	19
Моленнъ	10

Кромѣ того, во всѣхъ раскольничьихъ селеніяхъ были частные молитвенные дома, гдѣ богослуженіе и всѣ обряды совершались или явно, или тайно. Чувствуя свою силу, раскольники не всегда подчинялись велѣніямъ властей, а въ необходимыхъ случаяхъ даже сами міряне держали своихъ поповъ въ строгой подчиненности раскольничьему обществу, которое всегда

было сильно своею нравственною сплоченностію и безусловнымъ подчиненіемъ законамъ ассоціаціи *).

Въ то время, когда въ иргизскихъ общинахъ замѣчена была неладица между „отпадавшими силами“ и „столпами правой вѣры“, власти прибѣгли къ новому опыту поколебанія „столповъ“. Епископъ Іаковъ, смѣнившій Моисея, препроводилъ къ Переверзеву записку о древней плащаницѣ, хранившейся въ Астрахани, на которой изображеніе „въ благословляющей рукѣ Христа Спасителя сложеніе перстовъ не по мнѣнію старообрядцевъ, но согласно постановленія грекороссійской церкви, сильнѣйшимъ было убѣжденіемъ къ обращенію въ православіе настоятеля иргизской Успенской пустыни Сергія“, и просилъ Переверзева записку эту передать иргизскимъ коноводамъ, въ надеждѣ, что эта записка на нихъ подѣйствуетъ.

Изъ записки этой видно, что плащаница принадлежитъ къ половинѣ XV вѣка. „Кромѣ своей древности (сказано въ запискѣ), она можетъ быть примѣчательною и по слѣдующему обстоятельству: „въ 1791 году, при преосвященномъ астраханскомъ Никифорѣ, пріѣзжалъ сюда настоятель иргизской Успенской пустыни Сергій. Пастырь сей, извѣстный своими увѣщаніями къ раскольникамъ, видя передъ собою главу и начальника старообрядцевъ, увлеченъ былъ духомъ евангельской ревности поборника заблужденія побороть истиною православія и спасенія. Сверхъ другихъ предметовъ пренія, важный составляло перстное сложеніе. Въ семъ случаѣ, ни глубокая ученость Никифора, ни его краснорѣчіе, ни самое рожденіе въ Греціи, долженствующее преклонять къ убѣжденію, потому что оно могли познакомить его ближе съ постановленіями древней греческой церкви, ни мало не убѣждали Сергія. Истину надлежало рѣшить древними памятниками, и для сего употреблена была плащаница сія. Это такъ подѣйствовало на Сергія, что онъ не только обратился къ православной церкви нашей, но и запечатлѣлъ сіе своимъ увѣщаніемъ къ раскольникамъ, въ книгѣ, имъ изданной, подъ названіемъ: „Зеркало для старообрядцевъ“. Достовѣрность сего происшествія засвидѣтельствуютъ и современники, и очевидцы“.

---

*) Такъ, напримѣръ, саратовскіе расколчничьи попы дали отзывъ властямъ, что они ничего не смѣютъ дѣлать безъ воли „попечителей“, избираемыхъ всѣмъ раскольничьимъ обществомъ. „Попечители“, которыми въ 1835 году были саратовскій почетный гражданинъ 2-й гильдіи купецъ Иванъ Аѳанасьевъ Уфинцевъ и 1-й гильдіи купецъ Мартынъ Ѳедоровъ Ситниковъ, отвѣчали властямъ: „Священниками, какъ теперь у насъ находящимися, такъ и до нихъ бывшими, никогда мы самовластно не управляли и управлять ими состоитъ не въ нашей волѣ, ибо мы въ отношеніи къ нимъ все то же, какъ и прочіе нашего сословія старообрядцы; но только отъ насъ зависитъ одно наблюденіе по молитвенному храму за тишиною и спокойствіемъ, что мы, какъ вѣрные сыны отечеству и престолу, и исполняемъ съ надлежащимъ тщаніемъ, не входя отнюдь въ непринадлежащее до насъ и смирясь всегда противъ властей, мы совсѣмъ чужды принимать на себя чего-либо недолжнаго, тѣмъ паче самовластія, о которомъ у насъ даже и помышленія нѣтъ“.

Іаковъ получилъ эту записку отъ оберъ-прокурора синода, Нечаева, и сообщилъ Переверзеву. Переверзевъ переслалъ ее иноку Корнилію. Но и эта попытка не удалась. Иргизскіе „столпы" стояли на своемъ. Тогда рѣшились прибѣгнуть къ новымъ, еще неиспытаннымъ средствамъ. Противъ иргизскихъ „столповъ" нужно было выставить равносильныхъ бойцовъ со стороны православія, съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе силою своего убѣжденія подорвали въ народѣ авторитетъ первыхъ. Оставалось такимъ образомъ учредить въ Поволжьѣ миссіи, и уже миссіонеровъ пустить на тайную и явную борьбу съ сектантами и ихъ нравственными вожаками. Епископъ Іаковъ, между прочимъ, писалъ Переверзеву, что расколъ „при всѣхъ распоряженіяхъ правительства къ удержанію порывовъ своеволія и при возможныхъ усиліяхъ и попеченіяхъ приходскихъ священнослужителей, не токмо не ослабѣваетъ, но, по обольщенію закоренѣлыхъ въ томъ, видимымъ образомъ увеличивается"; что въ особенности ростъ раскола замѣчается около города Вольска; что „тамъ простодушные христіане, болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, увлекаясь суетнымъ понятіемъ о вѣроисповѣданіи, принятомъ и содержимомъ въ монастыряхъ старообрядческихъ, расположенныхъ на берегахъ Иргиза, слѣпо принимаютъ нелѣпое заблужденіе за такую истину, одни по собственному недоумѣнію, а другіе большею частію по лжеученію обольстителей, скрывающихся въ тѣхъ скитахъ, почитаемыхъ соревнователями ихъ, живущими даже въ отдаленныхъ краяхъ Россіи, за мѣста святыя"; что въ недавнее время одинъ изъ этихъ монастырей „угодно было всемогущему Богу озарить свѣтомъ истины"; что въ монастырѣ этомъ, по обращеніи его въ единовѣрческій, „обитающей братіи оставалось хотя немного", но что „нынѣ, при благоразумномъ управленіи настоятелемъ архимандритомъ Платономъ, число сыновъ церкви постоянно увеличивается"; что убѣжденія Платона дѣйствуютъ на окрестное населеніе весьма благотворно; что за Платономъ послѣдовали и многіе жители Вольска, но что „таковаго намѣренія не открываютъ явно изъ опасенія, что находящіеся при тамошней часовнѣ бѣглые попы не будутъ исправлять требъ ихъ", между тѣмъ какъ единовѣрческій монастырь на Иргизѣ находится отъ нихъ слишкомъ далеко. Въ виду этихъ соображеній, въ виду, наконецъ, „строгой и примѣрной жизни Платона, имѣющаго большое вліяніе даже на закоренѣлыхъ старообрядцевъ" и хорошо знакомаго „съ обычаями и уставами старообрядческими", Іаковъ назначилъ его миссіонеромъ тамошнихъ мѣстностей и просилъ содѣйствія Переверзева въ томъ именно, чтобы иргизскіе раскольники, по прибытіи къ нимъ Платона, „не уклонялись отъ него, но принимали бы его къ себѣ въ видѣ миссіонера для собесѣдованія" и т. д. Затѣмъ въ другіе уѣзды посланы были миссіонеры—іеромонахъ Моисей изъ Саратова, протоіерей Ястребовъ изъ Аткарска, протоіерей Бибиковъ изъ Вольска. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прибавлено было къ этимъ еще два миссіонера — изъ Саратова Атаевскій и изъ Вольска Дьяконовъ. При этомъ статсъ-секретарь Блудовъ поручилъ Переверзеву вмѣнить въ непремѣнную обязанность полиціямъ, чтобы, по прибытіи миссіонеровъ въ

какую-либо мѣстность, немедленно объявляемо было раскольникамъ объ этомъ прибытіи, а полиція должна была имѣть „внимательное наблюденіе, чтобы отъ сильныхъ и упорныхъ раскольниковъ не было прочимъ дѣлаемо препятствій“ въ сношеніяхъ ихъ съ миссіонерами.

Изъ этого распоряженія, между прочимъ, вышло то, что рекомендованное мѣстнымъ властямъ „содѣйствіе“ миссіонерамъ и „внимательное наблюденіе“ не всѣми полиціями и не всѣми миссіонерами было достаточно понято, и отъ этого рождались новыя смуты, новые странные толки, которые и миссіонеровъ, и власти ставили въ какомъ-то невыгодномъ свѣтѣ передъ населеніемъ и передъ раскольниками въ особенности. Вмѣсто „содѣйствія“, ожидался какой-то загонъ раскольниковъ силой въ православныя церкви, а „внимательное наблюденіе“ превращалось въ угрозу острогомъ и Сибирью. Такъ, въ посадѣ Дубовкѣ, гдѣ коренился весьма старый расколъ, оставленный тамъ бывшими вольскими казаками, имѣвшими до Пугачева свою столицу въ Дубовкѣ и за присоединеніе своего войска къ полчищамъ Пугачева переселенными на Терекъ, мѣстный благочинный требовалъ отъ полиціи, чтобы она „вызвала“ всѣхъ дубовскихъ раскольниковъ въ тамошнюю церковь, для „внушенія имъ догматовъ православной церкви“. Полиція слово „внушеніе“ поняла буквально въ полицейскомъ смыслѣ, такъ какъ по полиціи „внушеніе“ граничило съ сѣченіемъ розгами, и потому пришла въ недоумѣніе, какимъ образомъ въ церкви можетъ быть исполненъ самый актъ внушенія. За разрѣшеніемъ своего недоумѣнія она немедленно обратилась къ Переверзеву. „Дабы (писала она) вызовомъ людей, коимъ не обозначены ни имена, ни фамиліи, ниже числа противодѣйствующихъ господствующей религіи, но, впрочемъ, предположенныхъ собрать въ здѣшнюю соборную церковь, не возродить въ сердцахъ сыновъ православной вѣры смущенія и самого оскорбленія, и чтобы отъ того или другого не родилось въ слабыхъ умахъ неожиданныхъ случаевъ, видѣвши въ церкви своей людей, отвратившихся отъ оной, и дабы сіи сектанты не возмечтали въ ложной гордости своей изобрѣтать своими ухищреніями способъ, утверждающій ихъ въ теперешнемъ заблужденіи, а тѣмъ еще болѣе, когда сія полиція приступитъ къ сему безъ воли и особеннаго предписанія господина начальника губерніи, а потому изъ опасенія, дабы не подвергнуться впослѣдствіи отвѣтственности, то съ прописаніемъ сего отношенія представить (и почтеннѣйше представляется) вашему превосходительству на зависимое благоусмотрѣніе, какъ начальнику, коротко извѣстному образъ мыслей и самая предпріимчивость сихъ людей, блуждающихъ въ ложныхъ своихъ преданіяхъ“.

Такимъ образцовымъ канцелярскимъ наборомъ словъ отвѣчалъ дубовскій полицеймейстеръ Бардовскій на требованіе о „внушеніи“ раскольникамъ истинъ вѣры. Въ Вольскѣ, напротивъ, въ центрѣ раскольничьяго движенія, мѣстныя власти положительно ничего не дѣлали ни въ пользу содѣйствія, ни въ пользу внушеній, и Іаковъ жаловался на это Переверзеву. Переверзевъ, съ своей стороны, спрашивалъ Іакова, въ чемъ же,

наконецъ, должно заключаться содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, ожидаемое отъ полиціи. Ему отвѣчали, что полиція опять-таки должна „имѣть внимательное наблюденіе, чтобы отъ сильныхъ и упорныхъ раскольниковъ не было прочимъ поставляемо преградъ касательно сношеній ихъ съ миссіонерами“. Но такъ какъ „внимательное наблюденіе“ для полиціи, а „убѣжденія“ для миссіонеровъ казались понятіями весьма эластическими, то и не могло не быть увлеченій то съ той, то съ другой стороны. Увлеченія эти были замѣчены въ Петербургѣ, и оберъ-прокурорь Нечаевъ писалъ Іакову, что, по всеподданнѣйшему его докладу государю императору о результатахъ дѣятельности миссіонеровъ въ Поволжьѣ, изъявлена была высочайшая воля, „чтобъ продолжать дѣйствія оной миссіи, не торопясь, и отнюдь не показывать намѣренія къ насильному дѣйствію“.

XXV.

Усилія миссіонеровъ сдѣлали, впрочемъ, то, что „сильные и упорные раскольники“, т.-е. самые злѣйшіе и опаснѣйшіе враги миссіи, еще крѣпче заперлись въ своей непроницаемой скорлупѣ и повели тайные подкопы противъ своихъ „супротивниковъ“. Въ народѣ появились фальшивые высочайшіе указы (пріуроченные къ 23-му января 1831 года) о дозволеніи будто бы построекъ раскольничьихъ часовенъ и безпрепятственномъ отправленіи въ нихъ богослуженія.

На этомъ фальшивомъ указѣ раскольники построили цѣлую систему пропаганды и противодѣйствія миссіонерамъ. Одна изъ захваченныхъ на такихъ „соблазнительныхъ дѣйствіяхъ“ раскольническая дѣвка Акулина Ѳедорова на допросахъ отзывалась, что указъ, съ помощью котораго она пропагандировала, „получила она, якобы по невѣденію, въ книгѣ, взятой для чтенія въ деревнѣ Натальиной, въ домѣ отпущеннаго отъ г. Сатина на волю крестьянина Ивана Калинина Сергѣева“, что Сергѣевъ съ своей стороны получилъ его изъ слободы Мечетной (знаменитаго раскольничьяго центра, недалеко отъ иргизскихъ общинъ) отъ солдата Иванова, что Иванову писалъ его крестьянинъ Савельевъ, что способствовала этому сестра его, инокиня иргизскихъ общинъ дѣвка Авдотья и т. д. Акулина Ѳедорова упорно защищала свое дѣло передъ судомъ, никого не выдавала, а только говорила, что она—раскольница и начетчица, ничего противозаконнаго не дѣлала, а что только къ ней часто ея единомышленники ходили, въ ея кельѣ „сбирывались“, а она имъ „читывала божественныя книги и пѣвала стихи“. Пропагандистовъ сѣкли розгами, сажали въ острогъ, ссылали, а вмѣсто нихъ поднимались новые ревнители, и Поволжье мутилось непереставаемыми смутами. Въ Балаковѣ, въ одномъ изъ богатыхъ селъ Поволжья, расположенныхъ въ окрестностяхъ иргизскихъ общинъ, приведены были въ приказъ два молодые парня, одинъ родомъ изъ Балакова, другой—изъ Криволучья, которые назывались иноками Паисіемъ и Корниліемъ.

Взяты они были за бродяжничество „въ неприличномъ видѣ“, т.-е. въ монашескомъ одѣяніи.

Когда ихъ спрашивали о причинахъ бродяжничества, Корнилій отвѣчалъ:

— Мы странники, люди Божіи называемся, а не бродяги.— Паисій къ этому прибавилъ: — Почитали бы вы священныя книги, то по вашему и святые апостолы вышли бы бродяги, поелику ходили они по Азіи и Греціи безъ пачпортовъ.—На вопросъ старшины, гдѣ они были и у кого укрывались, Паисій отвѣчалъ:

— Ходили мы по всему лицу земли, были въ Астрахани и на Дону, ходили вверхъ до Керженца, и ни отъ кого мы не укрывались.—Старшина требовалъ непремѣнно указать пристанодержателей, а въ противномъ случаѣ грозилъ отправить иноковъ въ острогъ.

— Имена нашихъ пристанодержателей помѣщены въ святцахъ: нѣтъ того имени въ святцахъ, который бы нашимъ пристанодержателемъ не былъ,—отвѣчалъ Паисій.

— Все уральское и донское войско есть наши пристанодержатели — вѣдайтесь съ оными, тако жъ и съ цѣлою приволжскою страною,—добавилъ Корнилій. Старшина, въ виду „непреклончивости и озорничества“ молодыхъ бродягъ-иноковъ, напомнилъ имъ о власти губернатора, о необходимости „представить ихъ, бродягъ, предъ лице его превосходительства и кавалера“.

— У насъ есть свои губернаторы и кавалеры,—отвѣчалъ съ продерзостью Паисій:—только наши будутъ познатнѣе вашихъ и посильнѣе. — Теперь они молчатъ, а придетъ время — заговорятъ на всю нечестивую Россію,—хвастался Корнилій.

Молодые иноки-бродяги были пьяны, и оттого такъ дерзка была ихъ рѣчь: „оные иноки были въ хмельномъ состояніи“, — сообщалъ въ своей бумагѣ балаковскій приказъ. — Когда дерзкихъ бродягъ стали запирать въ „секретную“, они продолжали шумѣть.—„За насъ мужики-ста и солдаты всѣ, равно святители и угодники: наше войско сильнѣе вашего“,—буянилъ Паисій. Чрезъ нѣсколько дней буйные странники отправлены были въ судъ, и о дальнѣйшей судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно. Одна раскольничья дѣвка, инокиня Гавделла, проповѣдывала, что „молитвами праведныхъ иргизскихъ мужей вся русская держава стоитъ“ и что когда они перестанутъ молиться за Россію, то „оную посѣтитъ гладъ, моръ и кровопролитная война“. Понятно, что народъ, охотно внимающій всему „священному“, не могъ быть спокойнымъ, слушая нелѣпыя разглагольствованія мнимыхъ людей божіихъ.

XXVI.

Всѣ эти глухія волненія народныхъ массъ сказывались во все продолженіе годовъ 1834, 1835 и 1836. Время это само по себѣ было тяжелою порою для народа: 34—36 годы слѣдовали за „голоднымъ годомъ“

(1833 г.), тяжко отразившимся на всемъ населеніи Россіи, когда правительство не знало, чѣмъ прокормить голодающія массы, а помѣщики отказывались отъ своихъ собственныхъ крестьянъ, ставшихъ на это время не рабочими силами, а голодными ртами, просившими куска хлѣба. Въ началѣ 1836 года посланъ былъ въ Саратовъ, послѣ Переверзева, новый губернаторъ, имя котораго связано съ окончательныхъ уничтоженіемъ иргизскихъ раскольничьихъ общинъ. Это былъ Александръ Петровичъ Степановъ. Первую свою служебную дѣятельность Степановъ началъ еще при Суворовѣ, адъютантомъ котораго онъ былъ во время итальянской кампаніи и вмѣстѣ съ Суворовымъ переходилъ знаменитый „Чортовъ мостъ". До Саратова Степановъ служилъ въ Сибири, гдѣ управлялъ Енисейскою губерніею, и уже извѣстенъ былъ, какъ авторъ нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдованій о Сибири и романистъ.

Пріѣхавъ въ Саратовъ, Степановъ круто повернулъ дѣло о раскольникахъ, повидимому, нѣсколько залежавшееся послѣ князя Голицына, и повернулъ его чисто механическимъ образомъ, силою, натискомъ, совершенно „по-Суворовски". На раскольниковъ взглянулъ онъ, какъ взглянулъ бы на польскихъ повстанцевъ или, скорѣе, на шайки понизовой вольницы. При первомъ обозрѣніи губерніи и по ознакомленіи съ положеніемъ дѣлъ на Иргизахъ, онъ тотчасъ же составилъ себѣ планъ дѣйствій. Еще до пріѣзда Степанова, 18-го декабря 1835 года, послѣдовало повелѣніе объ учрежденіи въ заволжскихъ равнинахъ, примыкающихъ къ Иргизу и расходящихся далеко въ открытую степь, между Ураломъ, Волгою и ордынскими степями, большею частію заселенныхъ раскольниками, трехъ новыхъ уѣздовъ: Николаевскаго, Царевскаго и Новоузенскаго. Въ началѣ 1836 года послѣдовало торжественное открытіе самихъ городовъ: Николаева, Новоузенска и Царева. Въ черту Николаева введенъ былъ одинъ изъ бывшихъ иргизскихъ раскольничьихъ монастырей, Средне-Никольскій, принявшій единовѣріе еще при князѣ Голицынѣ. Съ остальными монастырями пришлось вѣдаться Степанову. Познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Степановъ сообщилъ въ Петербургъ, что настало время дѣйствовать. Ему отвѣчали, что онъ имѣетъ употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, не прибѣгая къ насилію: какъ и всегда, Степанову указывали одинъ путь — убѣжденіе.

Для приведенія своихъ плановъ въ исполненіе, Степановъ командировалъ на Иргизы лицъ, на которыхъ онъ могъ положиться, и ожидалъ благополучнаго исхода дѣла. Между тѣмъ, эстафеты принесли ему извѣстіе, что до 27 тысячъ раскольничьяго населенія, всѣ окрестные села, слободы, хутора и уметы готовы грудью стать за иргизскія общины. Степановъ вызвалъ обратно своихъ чиновниковъ. Насколько были правы чиновники, сообщившіе Степанову, что до 27 тысячъ народу готовятся къ бунту, неизвѣстно; но только въ такомъ видѣ дѣло представлено было въ Петербургъ. Это было въ мартѣ 1837 года. Черезъ нѣсколько дней изъ Петербурга, съ фельдъегеремъ, получено было распоряженіе „дѣйствовать силой

съ употребленіемъ воинскихъ командъ“. Степановъ немедленно вытребовалъ двѣ артиллерійскія батарейныя команды, квартировавшія въ Хвалынскѣ и Вольскѣ. Батареи, подъ начальствомъ командировъ барона Розена и Соколовскаго, съ орудіями и полнымъ вооруженіемъ, переправились черезъ Волгу и стали въ Мечетной слободѣ, уже считавшейся въ то время городомъ Николаевымъ. Изъ Саратова Степановъ приказалъ отправить двѣ вооруженныя роты мѣстныхъ войскъ съ достаточнымъ запасомъ патроновъ. Роты должны были слѣдовать въ Николаевъ экстренно на подводахъ, заблаговременно выставленныхъ на станціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полицеймейстеръ Демостико, по приказанію Степанова, отправилъ въ Николаевъ, также экстренно, пожарную команду отъ всѣхъ частей Саратова, съ пожарными трубами и достаточнымъ числомъ пожарныхъ солдатъ подъ начальствомъ брантмейстера штабсъ-капитана Акимова. Самъ Степановъ выѣхалъ изъ Саратова вслѣдъ затѣмъ, въ сопровожденіи чиновниковъ и духовенства. Вся эта экспедиція направилась въ Николаевъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ иргизскихъ общинъ. Въ Николаевѣ власти освѣдомились, что монастыри обложены массами собравшагося изъ окрестностей населенія, готоваго защищать „святыя обители“; сошлось болѣе двадцати тысячъ народу, женщинъ и дѣтей. Въ виду такого положенія дѣлъ, власти совѣщались относительно образа дѣйствій противъ собравшихся массъ. Положено было идти на монастыри немедленно. 10-го марта, утромъ, военныя силы выступили изъ Николаева. Впереди шла артиллерія, готовая дѣйствовать по первому сигналу командировъ. За артиллеріею и прикрываемая артиллеристами двигалась пожарная команда съ своими бочками, наполненными водой. Затѣмъ шли двѣ роты солдатъ. Степановъ и окружающіе его чиновники на время превратились въ кавалеристовъ и слѣдовали вмѣстѣ съ командой. Народъ стоялъ спокойно, завидя это угрожающее шествіе войска. Женщины-раскольницы держали въ рукахъ дѣтей, ясно показывая этимъ, что не бунтовать онѣ вышли, а просить, разжалобить начальство. Что касается самихъ иноковъ и инокинь, то они ждали приближенія войска въ своихъ кельяхъ, по монастырямъ. Еще въ Николаевѣ власти условились, что, когда батареи приблизятся къ народу и когда народъ не разойдется самъ собою и не откроетъ монастырей, то должна была послѣдовать обыкновенная артиллерійская команда передъ открытіемъ артиллерійскаго огня, но только мнимая: вмѣсто пушекъ, по гигналу, должны были дѣйствовать пожарныя трубы водою. Такъ и было сдѣлано. Когда послѣдовала команда: „заряжай!“—„пли!“, пожарныя трубы пустили воду въ народъ, сдѣлалось общее смятеніе, крики ужаса; женщины бросились бѣжать, полагая, что въ нихъ стрѣляютъ, и спасая себя и своихъ дѣтей; мужчины были поражены неожиданностью и ужасомъ. Все смѣшалось. Большинство народа обратилось въ бѣгство, и только зачинщики и подстрекатели были упорнѣе другихъ. Во время общей суматохи солдаты бросились въ народъ и болѣе 1,700 человѣкъ связали. Этихъ плѣнныхъ тотчасъ же отправили въ Николаевъ. Къ четыремъ часамъ пополудни все

было кончено. Власти вступили въ монастыри, и раскольники должны были покориться, признавъ совершившійся фактъ. Такъ покончили самостоятельное существованіе иргизскія раскольничьи общины, съ тѣхъ поръ превратившіяся въ единовѣрческіе монастыри. Большая часть монаховъ и бѣльцовъ, особенно же монахини и бѣлицы, которымъ велѣно было въ теченіе 1837 года непремѣнно продать свои дома и кельи, разбрелись по всей Россіи, разнося въ самые отдаленныя края чудесныя сказанія о святомъ житіи въ уничтоженныхъ обителяхъ и о послѣднихъ дняхъ этихъ прославленныхъ въ памяти народа „вертоградовъ". Степановъ вскорѣ былъ уволенъ; какъ онъ добилъ историческіе остатки поволжской понизовой вольницы, таившейся еще въ стѣнахъ иргизскихъ общинъ, такъ его самого добило это же иргизское дѣло. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тридцать пять лѣтъ назадъ подвизались раскольничьи угодники и гдѣ раздавался въ поляхъ, во время полевыхъ работъ, голосъ молодыхъ бѣличекъ, распѣвавшихъ стихъ о „пустынѣ прекрасной", растетъ теперь великолѣпная пшеница, составившая среднему Поволжью репутацію на хлѣбныхъ рынкахъ Западной Европы, а у стѣнъ самихъ обителей нерѣдко слышатся подмывающіе мотивы изъ Оффенбаха. Историку остается только освѣщать и очищать отъ постороннихъ примѣсей факты и, бросая ихъ на вѣсы историческсой критики, выводить сравнительныя заключенія, насколько одни факты остонавливали поступательный ходъ человѣческихъ обществъ къ искомому ими счастью и насколько другіе ускоряли ходъ. Кто знаетъ, можетъ быть пшеница и Оффенбахъ не хуже Голицына и Степанова повліяли бы на уничтоженіе иргизскихъ общинъ, и при томъ безъ насилія, отъ котораго почти никогда не бываютъ чужды дѣйствія человѣческія.

XXVII.

Обращаясь теперь къ другой сторонѣ разсматриваемаго нами историческаго процесса развитія общественной жизни въ Поволжьѣ и сопоставленіемъ послѣдовательнаго ряда фактовъ и явленій съ результатами, въ концѣ концовъ возникавшими изъ этихъ фактовъ и явленій, освѣщая, такъ сказать, этотъ историческій процессъ, мы не можемъ не видѣть того неотразимаго значенія, какое оказывали иргизскія раскольничьи общины, во все время своего существованія, какъ на самый ходъ народныхъ движеній въ восточной половинѣ Россіи, такъ и на развитіе соціальной жизни русскаго востока. Нѣтъ сомнѣнія, что развитію этому помогла борьба двухъ силъ, изъ которыхъ всегда слагается жизнь народовъ и государствъ—силы центробѣжной и центростремительной. Иргизскія раскольничьи общины, какъ извѣстно, были ядромъ и центромъ нравственнаго тяготѣнія тѣхъ именно элементовъ, изъ которыхъ, начиная съ XVI вѣка, исходили народныя движенія, вступавшія въ борьбу съ существовавшими въ свое время государственными порядками и нерѣдко помогавшія ихъ упроченію. Къ иргизскимъ общинамъ, такъ сказать, притекали живые соки

изъ всего Поволжья, Подонья и Поуралья, т.-е. изъ тѣхъ именно мѣстностей России, которыя, въ разное время существованія нашего отечества, успѣли выставить Ермака, покорителя Сибири, Стеньку Разина, затѣмъ Булавина и Некрасова, потомъ Пугачева и цѣлый рядъ самозванцевъ, преслѣдовавшихъ одинаковую съ Разинымъ идею народной общественности, наконецъ, безчисленный контингентъ понизовой вольницы, во главѣ которой стояли атаманы — Заметаевъ, Кулага, Брагинъ, Дегтяренко, поповичъ Данило Ильинъ, неудачно подражавшій Разину, поповичъ Петька Казанскій, взбунтовавшій не только волжское войско, но и калмыцкую орду, Беркутъ и другіе. Посмотримъ теперь, какъ основались и при какихъ обстоятельствахъ развивались иргизскія общины. Императрица Екатерина II, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по принятіи державы, въ изданномъ 4-го декабря 1762 года манифестѣ, между прочимъ, объявляла: „По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ, главнымъ правиломъ мы себѣ постановили, чтобы навсегда имѣть наше матернее попеченіе и трудъ о тишинѣ и благоденствіи всей намъ ввѣренной отъ Бога пространной имперіи и о умноженіи въ оной обитателей“. Далѣе говорилось: „а какъ намъ многіе иностранные, равнымъ образомъ и отлучившіеся изъ Россіи наши подданные бьютъ челомъ, чтобы мы имъ позволили въ имперіи нашей поселиться, то мы всемилостивѣйше симъ объявляемъ, что не только иностранныхъ націй, кромѣ жидовъ, благосклонно съ нашею обыкновенною императорскою милостію, на поселеніе въ Россіи пріемлемъ и наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ приходящимъ къ поселенію въ Россію наша монаршая милость и благоволеніе оказывано будетъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ, съ обнадеживаніемъ, что имъ хотя бы по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но, однако жъ, всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, восчувствовавъ къ нимъ сіи наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества“ *). Затѣмъ, 14-го декабря, сенатъ, ссылаясь на этотъ манифестъ, публиковалъ во всеобщую извѣстность о тѣхъ мѣстностяхъ, которыя предназначались для поселенія выходцевъ изъ-за границы. „Усматривая изъ дѣлъ (говоритъ сенатъ), что между прочими до сего бѣжавшими изъ своего отечества въ Польшѣ и въ другихъ за границею мѣстахъ немалое число находится раскольниковъ, которые, не имѣя понятія о силѣ законовъ, страшась притѣсненія или истязанія, опасаются выходить“ и что „потому, имѣя съ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ конференцію“, сенатъ „за благо опредѣлилъ симъ ея императорскаго величества указомъ всѣмъ живущимъ за границей россійскимъ раскольникамъ объявить, что имъ позволяется выходить и селиться особыми слободами не только въ Сибири, на Барабинской степи и другихъ порожнихъ отдаленныхъ мѣстахъ, но и въ

*) Указы Екат. II, 1763—1779, стр. 161—162.

воронежской, бѣлогородской и казанской губерніяхъ, на порожнихъ же и выгодныхъ земляхъ, гдѣ полезнѣе быть можетъ“. Къ этому сенатъ присовокуплялъ, въ видахъ пріохоченія раскольниковъ возвращаться въ Россію, что, во 1-хъ, „они въ разсужденіи добровольнаго имъ выходу, нетокмо за побѣги въ винахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ прощаются и отнюдь ничѣмъ истязуемы не будутъ“, во 2-хъ, что „какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указнаго платья никакого принужденія имъ чинено не будетъ, но оное употреблять имѣютъ по ихъ обыкновенію безпрепятственно; въ 3-хъ, что „дается каждому на волю, къ помѣщикамъ ли своимъ кто идти пожелаетъ, или государственными крестьянами и въ купечество записаться пожелаетъ, а противъ желанія никто инако приневоленъ быть не имѣетъ“; въ 4-хъ, что „съ начала выхода ихъ, раскольниковъ, при поселеніи, каждому дается отъ всякихъ податей и работъ льготы на шесть лѣтъ“, но что всѣ эти милости относятся только до тѣхъ раскольниковъ, которые вышли изъ Россіи до манифеста 4-го декабря 1762 года и доселѣ „за границею странствуютъ“, а что новые бѣглецы будутъ жестоко наказаны, и что, наконецъ, въ 5-хъ, раскольники могутъ свободно являться, для перехода въ Россію, во всѣ пограничные города и крѣпости, а равно въ форпосты. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторамъ велѣно было принимать ихъ безъ задержекъ, давать вспоможенія, квартиры, отводить мѣста и проч. Для поселенія этихъ выходцевъ отведены были громадныя пространства земель: близъ Тобольска, въ Барабинской степи нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ богатыхъ и плодоносныхъ земель; потомъ по рѣкамъ: Убѣ, Ульбѣ, Березовкѣ, Глубокой и другимъ, впадающимъ въ Иртышъ, и въ Вятской губерніи; наконецъ, за Волгой— болѣе 70,000 десятинъ, начиная отъ Саратова вверхъ по Волгѣ, въ урочищѣ Раздорахъ, по рѣкамъ Караману и Теляузику, при урочищѣ Зауморскомъ Рвойкѣ, при рѣчкахъ Тишанѣ, Вертубани, Иргизѣ, отъ Саратова внизъ по Волгѣ — у рѣчекъ Мукаръ-Тарлыкъ, Безымянной, Маломъ Тарлыкѣ, Большомъ Тарлыкѣ, у Камышева Буерака, по Еруслану и при Яблонномъ Буеракѣ, наконецъ, по рѣкѣ Сакмарѣ, по Самарѣ и Капели *). Такимъ образомъ, все Заволжье, всѣ богатыя земли, раскинувшіяся между Волгой и Ураломъ, тѣ равнины, которыя, будучи орошены рѣками, наиболѣе плодородны, все это предоставлено было выходцамъ изъ-за границы и другимъ бродячимъ элементамъ. Такими выходцами являлись сначала русскіе раскольники, потомъ нѣмецкіе колонисты. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ они заняли все Заволжье. Это были такіе же новонасельники въ необитаемыхъ равнинахъ Заволжья, какими раньше ихъ являлись въ Сѣверной Америкѣ новонасельники изъ старой Англіи, создавшіе потомъ сильнѣйшую и богатѣйшую въ мірѣ державу—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Пустынное Поволжье, по которому въ теченіе многихъ столѣтій бродили только кочующія орды киргизовъ и калмыковъ да

*) Указы Екат. II, стр. 165—171.

рыскали сайгаки, покрылось богатыми селами, слободами, хуторами, уметами, поселками и, наконецъ, нѣмецкими колоніями. Раскольники создали села и слободы — Мечетную, Криволучье, Кормяжку, Пузановку, Сухой Острогъ, Большой и Малый Кушумы, Балаково, громадпая хлѣбная торговля котораго отражается повышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ на хлѣбныхъ рынкахъ Англіи, Франціи и другихъ государствъ Европы; вообще было бы трудно перечислять здѣсь всѣ тѣ села и слободы, которыя выросли за Волгой съ появленіемъ вышедшихъ изъ-за-границы раскольниковъ. Рядомъ съ ними нѣмцы создали свое нѣмецкое царство за Волгой, перенося въ пустынныя дотолѣ степи цѣликомъ почти всю Швейцарію, имена кантоновъ которой они дали своимъ колоніямъ. Такъ, рядомъ съ раскольничьими слободами за Волгой явились колоніи: Базель, Гларусъ, Золотурнъ, Люцернъ, Цюрихъ, Цугъ, Унтервальденъ, Шафгаузенъ, Брокгаузенъ, Гогонбергъ, Сузаненталь, Нидермонжъ, Екатериненштадтъ (знаменитый Баронкъ, въ которомъ благодарные нѣмцы поставили памятникъ Екатеринѣ II) и т. д. Все это выросло какъ изъ земли и во всемъ этомъ закипѣла жизнь, развитіе которой шло быстрыми шагами. Вотъ среди этого-то новаго міра, среди, такъ сказать, русскаго **Н о в а г о С в ѣ т а** возникали и иргизскія общины, подобно общинѣ мормоновъ въ Утахѣ, и стали центромъ нравственнаго тяготѣнія не только всего новаго заволжскаго, исключительно раскольническаго населенія, но и цѣлаго Поволжья, Подонья и Поуралья, какъ мы говорили выше.

XXVIII.

Посмотримъ теперь, среди какихъ условій развивалась эта жизнь, нравственнымъ средоточіемъ которой стали иргизскія раскольничьи общины, изъ какихъ элементовъ возникла эта жизнь и какія главныя историческія явленія сопровождали ея развитіе. Все среднее и нижнее Поволжье, начиная отъ Сенгилея и Самарской Луки до Астрахани, можно по справедливости назвать „колоніею бѣглыхъ“. Послѣ паденія царствъ казанскаго и астраханскаго Волга стала большою открытою дорогою для всякой вольницы. Все, что не уживалось въ центральныхъ губерніяхъ, шло на Волгу или для разбоя, или для поселенія. „Юрьевъ день“, лишившій русскій народъ свободы передвиженія съ мѣста на мѣсто, заставилъ его цѣлыми массами, разрывая всякія связи съ помѣщичьимъ закрѣпленіемъ, идти на Волгу, куда еще не проникла ни власть бояръ и помѣщиковъ, ни созданная крѣпостнымъ правомъ администрація. Первая вольница и первые новонасельники Поволжья начали осаживаться около Самарской Луки, а оттуда все подвигались ниже до Саратова. Покрытыя высокими лѣсами Жигули, съ естественными пещерами и другими удобствами, были первоначальными становищами для поволжской вольницы. Съ своихъ сторожевыхъ пикетовъ вольница слѣдила за всѣмъ, что дѣлалось на Волгѣ, и почти ни одно судно, везшее товары изъ Персіи, не проходило, чтобы не быть атакованнымъ съ

крикомъ: „сарынь на кичку!“. Убѣгавшее судно, спасаясь по одну сторону Луки, было перехватываемо по другую ея сторону, ибо вольница, потерявъ его изъ виду, входила на своихъ лодкахъ въ рѣчку Усу, перерѣзывающую Луку въ поперечномъ направленіи, и настигала спасшееся судно въ другомъ концѣ Луки. Тамъ были въ свое время становища и покорителя Сибири—Ермака и его сподвижника Ивана Кольцо. Тамъ же было укрѣпленное окопами становище атамана Герасима. Кромѣ бѣглецовъ, бездомниковъ и вольницы, эту часть Поволжья начали заселять и другого сорта люди, привлеченные туда естественными богатствами, удобствами рыбной ловли, мѣсторожденіями горючей сѣры и соляными ключами. Такъ, торговый человѣкъ Надѣй Свѣтешниковъ и его сынъ Иванъ, еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, завели близъ разбойничьей рѣчки Усы соляныя варницы, получившія названіе „Надѣинскаго усолья“, а позднѣе, близъ нынѣшняго села Ширяева Бурака, началась разработка сѣры, вслѣдствіе чего это село и теперь называется „Сѣрнымъ Городкомъ“, хотя разработка сѣры давнымъ-давно оставлена. Надѣйскія соляныя варницы впослѣдствіи перешли въ вотчину Саввину-Сторожевскому монастырю, старцы котораго, въ качествѣ управителей вотчины, особенно келарь Леонтій Моренцовъ, сумѣли захватить до нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ свободной, привольной земли и заселили ее мордвой, чувашами и бѣглыми отъ помѣщиковъ крестьянами и холопами. Вотъ гдѣ начало великой „колоніи бѣглыхъ“, ставшей впослѣдствіи богатымъ Поволжьемъ. Вмѣстѣ съ бѣглыми и вольницей пробиралось сюда и осѣдлое, но недовольное населеніе. Сюда же тянулись и раскольники, которымъ послѣ Никона не жилось въ центральныхъ губерніяхъ и которые искали укрыться отъ новыхъ порядковъ на украинахъ—сѣверной поморской и поволжской. Въ Поволжьѣ закипѣла жизнь, безпорядочная, разгульная, которая вызывала смиряющую руку правительства и установленіе формъ государственности. Явилось царское „недреманное око“ на Волгѣ. Изъ Казани были отправлены стрѣлецкіе головы Гордѣй Пальчиковъ и Сунгуръ Соковнинъ, изъ которыхъ первому приказано было поставить „острогъ“ на устьѣ разбойничьей Усы и отъ этого острога Волгою внизъ до Самары, а Усою вверхъ „посылати на легкихъ стругахъ почасту“; Соковнину указывалось—„ѣхать до переволоки, гдѣ переволочаться съ Волги на Усу рѣку и разсмотря крѣпкаго мѣста, поставить острожекъ и въ острожкѣ укрѣпиться, а укрѣпясь стояти съ великимъ береженіемъ, чтобы воровскіе люди безвѣстно откуда не пришли и дурна котораго не учинили, да и рыбныхъ ловцовъ оберегати, чтобъ ихъ воровскіе люди не погромили“. Съ каждымъ годомъ „колонія бѣглыхъ“ ширилась и крѣпла, и „недреманное око“ должно было доглядать все дальше и дальше. Тогда боярину Хитрово поручено было построить новый городъ, именно „Синбирскъ“, который и укрѣпленъ былъ по всѣмъ правиламъ тогдашней русской фортификаціи. Отъ него пошла „черта“—земляной валъ со рвомъ, увѣнчанный деревяннымъ тыномъ и защищенный по мѣстамъ засѣками, башнями и острогами. Отчасти подъ прикрытіемъ этой

„черты“, еще болѣе ширилась „колонія бѣглыхъ“, такъ что къ концу XVII вѣка „недреманное око“ пришлось перенести еще ниже по Волгѣ и основать городъ Сызрань. Смѣлые бродники переходили за черту, вдаль отъ формъ государственности, такъ что, чѣмъ ниже, тѣмъ смѣшаннѣе и разгульнѣе становилось населеніе „бѣглой колоніи“: все это было, какъ и теперь выражаются крестьяне,—„всякій сбродъ да наволока“. Преслѣдуемые помѣщиками и другимъ начальствомъ, новонасельники прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ уклониться отъ исполненія земскихъ повинностей, которыя и тамъ уже заводились, и потому записывались въ одни дворы съ другими семействами, подъ именами „сосѣдовъ“, „подсосѣдниковъ“, „захребетниковъ“, такъ что этотъ сбродъ и наволока, по ихъ же выраженію, „въ одни ворота ѣздили по десяти дворовъ“. Непосѣдность, такимъ образомъ, была главнымъ характеромъ новаго поволжскаго населенія. Такъ, въ селѣ Рожественномъ, у Самарской Луки, жители жаловались, что они обижены самарцами, захватившими у нихъ островъ, и пренаивно угрожали властямъ, что если имъ не возвратятъ острова, то они всѣ „разбѣгутся розно“. И дѣйствительно, въ 1706 году у пензенскаго помѣщика, впослѣдствіи извѣстнаго дипломата графа Головкина, отобрано 700 бѣглыхъ мужиковъ и возвращены въ Самарскую Луку *). Почти одновременно съ этимъ бѣглые и воровскіе люди, а за ними и отшельники, раскольники стали появляться и основывать свои становища и скиты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ основались города Самара и Саратовъ. Тогда признано было необходимымъ перенести туда и „недреманное око“—построеніемъ городовъ и остроговъ, т.-е. внесеніемъ административныхъ началъ для устрашенія какъ нашихъ воровскихъ людей, такъ и ногаевъ, которые сочли это для себя обидою и требовали срытія Самары, какъ писалъ астраханскій воевода, князь Лобановъ-Ростовскій, царю Ѳедору Ивановичу. Въ смутное всемя Самара была уже опаснымъ пунктомъ для бродячихъ элементовъ, все болѣе и болѣе укрѣплявшихся на Волгѣ, такъ что Заруцкій похвалялся взять ее, надѣясь именно на эти бродячія силы, которыя пристали къ нему: „покамѣста-деи люди съ Москвы пойдутъ, а я-деи до тѣхъ мѣстъ Самару возьму, да и надъ Казанью промыслъ учиню“ **); а бродячая молодежь прямо хвасталась: „намъ-деи все едино, гдѣ бы ни добыть зипуновъ, и подъ Самарской можно идти съ Заруцкимъ“ ***). Совершенно ту же роль „недреманнаго ока“ долженъ былъ играть и Саратовъ, спеціально для этого построенный, когда воровскіе люди и отшельники угнѣздились въ этихъ мѣстахъ Поволжья, а равно такимъ же наблюдательнымъ постомъ сталъ Царицынъ. Уже акты XVII вѣка постоянно

*) Сборникъ историч. и статистич. матеріаловъ о Симбирской губ., 1868 г., Симбирскъ, стр. 5—9.

**) Акты истор., III, № 250—253.

***) Городскія поселенія въ Россійской имперіи, т. IV. Спб. 1864 года, стр. 362—369.

предостерегають саратовскихъ и царицынскихъ воеводъ отъ лихихъ людей: „изъ Царицына, смотря по вѣстямъ, идти на Саратовъ съ великимъ береженіемъ... и идти степью, и на станѣхъ становится съ великимъ береженіемъ и около конскихъ табуновъ, для береженья, посылати въ разъѣзды почасту и самимъ разъѣзжати въ день и въ ночь, а на станѣхъ, на караулѣхъ стояти бережно и усторожливо и во всемъ держати береженье великое, чтобы въ дорогѣ—и на станѣхъ... воры казаки или иные какіе воинскіе люди безвѣстно не пришли и никакого дурна не учили“ *). Эти воинскіе люди—собственно „воровскіе казаки“, а вмѣстѣ съ ними бѣглые холопы, потому особенно любили Волгу, что, кромѣ вольнаго раздолья и безподатнаго житья, она представляла легкую добычу: торговые люди, водившіе свои дѣла съ восточными купцами, и царскіе караваны съ царскою казною были обдираемы вольницею безпощадно. Кромѣ Ермака съ его подручниками и кромѣ Разина, историческіе акты указывають на атамановъ Андрюшку Голощапа, ютившагося съ своими шайками по Волгѣ, Курдюму, Чардыму и Терешкѣ, и на Треню Щеголева, дѣйствовавшаго ниже. Около этихъ же мѣстъ были становища Кудеяра и Кувыкана, а около нынѣшней „Дѣвичьей горки“, на самой Волгѣ, страшное становище атамана-женщины „дѣвушки Пелагеюшки“ **). Къ довершенію зла, въ этой столь расширившейся и окрѣпшей колоніи бѣглыхъ и самое „недреманное око“ вело себя небезукоризненно. Такъ, изъ актовъ видно, что „по сыскнымъ дѣламъ вѣдомо учинилось, будто астраханскій воевода князь Хаванскій съ дьякомъ Поздѣевымъ не только смѣлою рукою захватывали казенное имущество, многія дѣла дѣлали не по указамъ, медвѣдями людей травили“ и т. п., но и подговаривали ордынцевъ нападать на казаковъ, и наоборотъ, и тѣмъ вызывали набѣги, разоренье... Другіе царскіе слуги управляли не лучше и „государеву дѣлу чинили поруху“ ***). Понятно, что при такихъ порядкахъ сюда быстро стекались бродячіе и безпокойные элементы Россіи, и все, что имѣло силу гулять,—гуляло, кромѣ, разумѣется, старцевъ-раскольниковъ, которые ютились по своимъ уединеннымъ хуторкамъ, уметамъ и скитамъ, давая въ то же время пріютъ гуляющей вольницѣ. Преслѣдованіе раскольниковъ гнало ихъ цѣлыми массами то въ Польшу, то на Волгу, подъ прикрытіе удалыхъ добрыхъ молодцовъ. Сюда же потянулись въ свое время и стрѣльцы, которыхъ вольности были подрѣзаны, а съ собою эти люди могли принести сюда, конечно, и свои завѣтныя бороды, и старое перстное сложеніе, и неуказное платье. За ними опять-таки тянулись бѣглые холопы, которымъ все равно было какое платье ни носить, какими бы перстами ни молиться, лишь бы избавиться отъ боярской тяготы.

*) Акты историч., IV, № 13, о сторожевой службѣ, стр. 426.

**) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, XXXVIII. Саратовская губенія, 1862, XXVIII—XXIX.

***) Акты историч., IV, №№ 32, 42. Дополн. къ актамъ истор., №№ 62, 63, т. II и т. VII, 47.

XXIX.

Вотъ въ какомъ состояніи было среднее Поволжье, когда въ Польшу и въ другія далекія заграничныя мѣста пришла вѣсть о томъ, что скрывавшіеся тамъ отъ царскаго и боярскаго гоненья раскольники, бѣглые холопы и все, что ушло за границу отъ давленія извѣстныхъ порядковъ,— могутъ безбоязненно возвращаться въ Россію, что не только въ Россіи не встрѣтитъ ихъ наказаніе за побѣгъ и прежнія преступленія, но ожидаютъ разныя льготы и богатыя земли на придачу. Явившіеся изъ Польши выходцы — раскольники и другія личности, не уживавшіеся прежде съ русскими порядками, скитавшіеся за границей въ качествѣ первыхъ русскихъ эмигрантовъ, прямо направились къ Иргизу, тогда еще пустынному, никѣмъ не населенному, но уже получившему извѣстность въ Польшѣ и въ другихъ мѣстахъ за границей. Извѣстность эта обусловливалась разными обстоятельствами. Между проживавшими въ Польшѣ русскими эмигрантами, не только раскольниками, но и политическими отщепенцами, были такіе, которые или лично знали удобства Иргиза, или слышали объ этихъ удобствахъ отъ тѣхъ, которымъ Иргизъ былъ извѣстенъ, какъ очевидцамъ. Въ бездомной тогда, дикой заволжской степи Иргизъ представлялъ дѣйствительно исключительное явленіе: извилистый, многоводный, протекая по пустынной степи, онъ привлекалъ уже тѣмъ, что берега его были покрыты богатыми рощами разнообразнаго лѣса. Уже кочевыя орды, изъ столѣтія въ столѣтіе бродившія по безводнымъ и безлѣснымъ заволжскимъ равнинамъ, часто были привлекаемы его удобствами, и слѣды ихъ становищъ оставались долго замѣтными. Тамъ имѣли свои жилища й татары, — такъ что вышедшіе изъ Польши раскольники нашли тамъ еще остатки разрушенныхъ татарскихъ мечетей. Русскимъ эмигрантамъ, бродившимъ за границей, и раскольникамъ, бѣжавшимъ за польскую границу, было не безызвѣстно, что и въ старину на Иргизахъ жизнь была привольная; что удаль молодецкая, тѣснимая на Волгѣ, особенно со второй половины прошлаго вѣка, разъѣздными командами, уходила отъ „недреманнаго ока“ начальства въ степь, именно на Иргизы, гдѣ и прежде удалымъ добрымъ молодцамъ было раздолье и куда не досягали ни разъѣздныя лодки, ни ненавистныя пушки казенныхъ баркасовъ. Иргизы, какъ это доказываютъ и историческіе акты, уже прославлены были знаменитыми подвигами атамановъ, отдѣлившихся отъ волжской понизовой вольницы и перенесшихъ свою удалую практику вглубь степей, именно атамановъ Трени, Уса и Максима Дутой Ноги *). Сюда именно, на старыя и заброшенныя становища Трени Уса и Максима Дутой Ноги, и пришли польскіе раскольники и русскіе вольнодумцы прошлаго вѣка, эмигрировавшіе за границу во время бироновщины и другихъ смутъ, изобличавшихъ политическія броженія русскаго общества первой

*) Городскія посел., IV, 386.

половины XVIII столѣтія. И тѣхъ, и другихъ связывала общность политическихъ интересовъ: и тѣ, и другіе не были сторонниками существовавшаго порядка; и тѣ и другіе не были ни „покорными“, ни „согласниками“ — оттого они и шли не въ центральную старую Россію, порядки которой имъ были нелюбы, а на пустынную окраину, гдѣ они, находясь въ Россіи, были какъ бы внѣ Россіи, составляли какъ бы отдѣльное государство. Повторяемъ, это были своего рода мормоны, которые искали основать свое государство, котораго они не могли основать за границей по тѣснотѣ тамошняго населенія и по прочности уже окристаллизовавшихся тамъ извѣстныхъ гражданскихъи и политическихъ порядковъ. Цѣлая непрерывная цѣпь тайныхъ союзниковъ связывала этихъ пришельцевъ съ ихъ единомышленниками въ Польшѣ и за границей: эта тайная цѣпь шла черезъ Донъ, черезъ уединенные хутора тамошнихъ раскольниковъ и черезъ Малороссію, доходя до форпоста Добрянки у русской границы. Эта тайная цѣпь искусно связала всю хитрую интригу, которая подготовляла взрывъ пугачевщины, и иргизскія общины были первыми руководителями этого крупнаго народнаго движенія. Когда Пугачевъ, еще не помышлявшій о самозванствѣ, первый разъ принужденъ былъ бѣжать изъ своей станицы и не зналъ, гдѣ голову приклонить, то раскольникъ Худяковъ вывезъ его въ малороссійскую степь и далъ возможность пробраться къ Изюму, къ раскольнику Коровкѣ. Коровка направилъ его въ Польшу. На пути туда онъ зашелъ въ Стародубъ, въ тамошній монастырь, „гдѣ живутъ всѣ раскольники и бѣглыхъ великій притонъ“, говорилъ о себѣ впослѣдствіи Пугачевъ на допросахъ. Тамъ онъ жилъ пятнадцать недѣль у старца Вавилы. Оттуда пробрался въ Польшу. Изъ Польши вышелъ на Добрянку, на пограничный форпостъ, уже въ качествѣ выходца. Тутъ онъ, въ Карятинѣ, объявилъ намѣреніе поселиться на Иргизѣ. Тутъ же познакомился онъ съ раскольникомъ Кожевниковымъ и тутъ въ первый разъ услышалъ соблазнительное слово отъ этого раскольника: „Слушай, мой другъ! если ты хочешь бѣжать за Кубань, то бѣжать одному не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди здѣсь, которое находятъ въ тебѣ подобіе государя Петра Ѳедоровича. Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собою. Обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе, по 12 рублей на человѣка: деньги жъ, если будетъ нужда, я вамъ дамъ, и прочіе помогутъ, съ тѣмъ только, чтобъ вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собою, ибо намъ здѣсь жить, старовѣрамъ, стало трудно и гоненіе намъ дѣлаютъ непрестанное“. Затѣмъ Пугачева направили на Иргизъ, въ слободу Мечетную, къ игумену Филарету *). Дальнѣйшія обстоятельства этого дѣла всѣмъ извѣстны: старецъ Филаретъ поднялъ на ноги всю Россію, благословилъ своимъ раскольничьимъ крестомъ Пугачева, его простыя посконныя знамена, его ма-

*) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1858, кн. 2, стр. 1—52.

лую дружину, ставшую через нѣсколько мѣсяцевъ стотысячною арміею. На Иргизахъ же, какъ извѣстно, шли совѣщанія донскихъ и яицкихъ казаковъ о томъ, какъ бы имъ „Россійскую державу вверхъ дномъ поставить.“ Въ этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе и гайдамаки (Дудаpенко), и на этотъ подвигъ благословлялъ ихъ старецъ Питиримъ. Наконецъ, иргизскія общины связаны съ именемъ Лжеконстантина, явившагося вскорѣ послѣ скорбныхъ событій 1825 года. Народъ вѣрилъ, что иргизскіе старцы въ состояніи были поднять на ноги всѣ безпокойные элементы, представителемъ которыхъ выставилъ себя Лжеконстантинъ, производившій смуты въ Ошмятовкѣ, Романовкѣ и другихъ мѣстностяхъ. Эти три крупные факта въ исторіи народныхъ движеній, по внутренней связи ихъ съ иргизскими раскольничьими общинами, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ того громаднаго вліянія, какое имѣли на всю народную исторію послѣдняго вѣка нравственные рычаги, опиравшіеся на пяти невѣдомыхъ, укрывавшихся въ красивой зелени иргизскихъ рощъ „древлеотеческихъ обителяхъ“. Слово старцевъ, которымъ вѣрилъ народъ, могло поднять на ноги тысячи жаждавшихъ измѣненія къ лучшему своего экономическаго и моральнаго положенія, и только 19-е февраля 1861 года поворотило народъ на ту дорогу, съ которой уже безсильно своротить его слово всѣхъ „старцевъ“ вмѣстѣ взятыхъ. Великую силу имѣло также въ глазахъ народа и слово женщины, воспитанной въ иргизскихъ скитахъ, а воспитаніе въ нихъ получили, если не непосредственно, то рефлективно, почти всѣ женщины цѣлаго юго-востока Россіи, именно тѣхъ классовъ, въ которыхъ постоянно жили бродячіе, безпокойные элементы. Эти женщины были жены, сестры и въ особенности матери тѣхъ, которыхъ такъ легко электризировали слова старцевъ-скитниковъ, и эти матери, вскормившія и воспитавшія въ своихъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ всю молодежъ богатаго и обширнаго Поволжья, а равно Подонья и Поуралья, могли заставить и заставляли эту молодежъ, дѣтей, своихъ и стариковъ-мужьевъ своихъ идти туда, куда указывали онѣ, женщины, и старцы скитники, „люди божіи“. Выше мы видѣли, что на Иргизахъ перебывали тысячи женщинъ съ Дона, Урала и Волги, и эти женщины живали тамъ долго, напитываясь духомъ тамошнихъ вѣрованій, и женщинъ было въ скитахъ на 500 — 600 проц. болѣе, чѣмъ мужчинъ.

Однако, указывая на три вышеупомянутые крупные факта въ исторіи народныхъ движеній, историкъ обязанъ пояснить, что тотъ сдѣлалъ бы грубую ошибку противъ исторической правды, кто на основаніи вышеупомянутыхъ историческихъ фактовъ сталъ бы дѣлать заключеніе о томъ, что иргизскія раскольничьи общины были ядромъ народныхъ смутъ, неповиновенія, безурядицы, непризнанія законной власти, источникомъ бунтовъ, самозванствъ, разбоевъ и всѣхъ ужасовъ, въ которыхъ повинна вся исторія понизовой вольницы и которыхъ кровавая память несправедливо лежитъ темнымъ, еще доселѣ несмытымъ пятномъ на страницахъ исторіи всего русскаго народа. Иргизскія общины были русскимъ

наслѣдіемъ старыхъ историческихъ вѣрованій всего русскаго народа, освященныхъ этою самою исторіею и санктированныхъ прежними верховными властями, которыя когда-то заодно вѣровали съ народомъ, однимъ съ нимъ перстнымъ сложеніемъ крестились и одинаковою съ нимъ любовью любили Россію, за которую охотно умирали подъ непріятельскими пушками, подъ татарскими ятаганами, подъ саблями поляковъ, подъ бердышами шведовъ, въ застѣнкахъ, на дыбахъ, въ крѣпостяхъ и холодной Сибири. Иргизскія общины, какъ и всѣ старообрядцы,— это все тотъ же русскій народъ, съ его историческими капитальными достоинствами и съ его историческими, такими же капитальными недостатками: вся ихъ бѣда и вся ихъ положительно простительная вина состоитъ въ томъ, что они отстали отъ общаго хода русскаго общества, и въ то время, когда правительство и болѣе образованные и достаточные классы русскаго народа, узнавъ нѣчто новое и усвоивъ себѣ это новое, отметнулись отъ ненужныхъ, чисто обрядовыхъ вѣрованій старины, народъ, продолжая оставаться историческимъ младенцемъ, продолжалъ попрежнему мыслить и вѣровать и могъ о себѣ сказать: „егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ смышляхъ, егда же бы мужъ быхъ — отвергохъ бы младенческая“. Чувствуя иногда на себѣ непосильную тяжесть, взваленную на его плечи неудачно сложившимся ходомъ всей его исторической жизни, ощущая острыя боли, вызываемыя въ немъ то неумѣреннымъ наказаніемъ его за маловажные, чисто дѣтскіе проступки, то голодомъ и холодомъ, которому, какъ онъ ни былъ переносливъ, не могъ все-таки безропотно и съ охотою поддаться, тяготясь своею бѣдностью, при которой онъ все же долженъ былъ нести оброкъ то помѣщику, то „ярыжкѣ-приказному“,—онъ прибѣгалъ къ единственнымъ своимъ утѣшеніямъ—или къ религіи, а съ нею и къ „святому человѣку“, къ старцу, рѣчь котораго и всѣ вѣрованія ближе гармонировали со всѣмъ его внутреннимъ міромъ, слѣдовательно, въ иргизскіе или пошехонскіе скиты, или, если это утѣшеніе не помогало, къ цареву кабаку, къ зелену вину, а затѣмъ—къ дубинѣ, къ ножу, къ легкой лодочкѣ и проч. Старообрядцы и народъ одинаково чувствовали, что имъ тяжело, что они чѣмъ-то и кѣмъ-то тѣснимы, какъ говоритъ Кожевниковъ Пугачеву, что на нихъ постоянно обращено чье-то „гоненіе“—и вотъ они всѣ вмѣстѣ, соединенными силами, хотятъ уйти куда-то на Волгу, за Волгу, на Яикъ, на Терекъ, на какую-то Лабу-рѣку, на Дарью-рѣку, въ Анапу, на Амуръ, наконецъ, пошли бы даже въ Америку и Австралію, если бъ знали о существованіи этихъ странъ. А не пускаютъ ихъ—и они встаютъ поголовно, потому что такъ жить нельзя, невмоготу. Кто же тутъ виноватъ? Виноватъ ли тутъ русскій народъ, виноваты ли тутъ „старцы“, ищущіе спасенія то въ „трегубой аллилуіи“, то въ „хожденіи посолонь“, то въ пѣніи стиха „о пустынѣ прекрасной“, о „грѣшной душѣ“? Русскій народъ не виноватъ въ томъ, въ чемъ его винятъ прежніе историки — не виноватъ онъ ни въ пугачевщинѣ, ни въ понизовой вольницѣ, ни въ пожарахъ, ни даже картофельныхъ бунтахъ.

Виновато его несчастное прошлое, съ которымъ онъ доселѣ не можетъ вполнѣ покончить своихъ счетовъ. Вотъ почему, обозрѣвая все это прошлое, историкъ можетъ съ увѣренностью и съ глубокимъ нравственнымъ утѣшеніемъ сказать, что едва ли не ошибались тѣ, которые жестокими мѣрами нарушали тишину и спокойствіе скитской жизни, заключали старцевъ въ остроги, ссылали въ Сибирь, обливали народъ изъ пожарныхъ трубъ водою на мартовскомъ морозѣ, что едва ли эти мѣры были необходимы и исторически логичны: судъ исторіи никогда не оправдываетъ тѣхъ спѣшныхъ и въ свое время казавшихся настоятельно необходимыми мѣръ давленія, насилія и проч., въ коимъ люди, въ порывѣ понятнаго нетерпѣнія, всегда прибѣгаютъ вопреки неизмѣннымъ законамъ жизни, которая сама въ себѣ отрицаетъ насиліе и всякіе скачки, и можно сказать съ отрадной увѣренностью, что если бы спокойное существованіе скитовъ и подобныхъ имъ государственныхъ и общественныхъ аномалій оставлено было до 19-го февраля 1861 года, то едва ли нужно было бы прибѣгать къ пожарнымъ трубамъ — никакіе скиты и никакіе старцы не были бы страшны на томъ пути, на который съ той поры вступило наше отечество.

Конецъ.

Главными источниками при составленіи этого очерка служили архивныя дѣла, извлеченныя нами изъ губернскихъ архивовъ Саратова (изъ дѣлъ бывшихъ военныхъ губернаторовъ этого города и гражданскихъ губернаторовъ): 1) о иргизскихъ старообрядческихъ монастыряхъ и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе губернскаго начальства (дѣло 1827 года, по описи № 909—935); 2) о иргизскихъ старообрядческихъ монастыряхъ и о проживающихъ въ нихъ людяхъ (1832 г., № 1—7); 3) по отношенію Амвросія, о развратномъ священникѣ Ивановѣ и о высылкѣ его въ пензенскую духовную консисторію изъ иргизскихъ монастырей (1820 года, № 608); 4) по отношенію преосвященнаго епископа саратовскаго о экономическомъ крестьянинѣ слободы Порубежки Дмитріи Лоскутовѣ, дозволившемъ себѣ хоронить раскольниковъ въ первый день смерти (1832 г., № 1 — 6); 5) по донесенію инока Средне-Никольскаго иргизскаго старообрядческаго монастыря Мельхиседека о подаренныхъ ему государемъ императоромъ часахъ и перстнѣ (1831 г., № 22, 63 — 17); 6) о буйственныхъ поступкахъ казенныхъ крестьянъ Петра Севастьянова съ прочими противу приходскаго священника Іоанна Державина (1835 г., № 7 — 1); 7) по отношенію епископа саратовскаго и миссіи, учрежденной въ Саратовской губерніи по высочайшему повелѣнію къ приведенію раскольниковъ въ православіе (1833 г., № 78—23); 8) о старообрядцахъ и раскольникахъ разныхъ наименованій и сектъ, находящихся въ Саратовской губерніи (1835 г., № 113—133); 9) по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ относительно появляющихся у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ и о высылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, проживающихъ въ иргизскихъ монастыряхъ, къ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ (1835 г., № 21); 10) по отношенію епископа саратовскаго, о снабженіи иргизскихъ старообрядческихъ монастырей описаніемъ древней плащаницы, изображающей

перстное сложеніе креста по мнѣнію православныхъ (1833 г., № 65—26); 11) по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, о соблазнительныхъ дѣйствіяхъ старообрядческой дѣвки, Балашовскаго уѣзда деревни Натальиной, Акулины Өедоровой, и о найденномъ у нея подложномъ указѣ относительно въ оныхъ по раскольническимъ обрядамъ служенія (1836 г., № 48 — 91); 12) о передачѣ ограды, принадлежащей женскому Нижне-Успенскому старообрядческому монастырю и келій, въ вѣдѣніе единовѣрческаго мужского монастыря (1873 г., № 59—60), и многія другія.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

БОРЬБА СЪ РАСКОЛОМЪ

ВЪ ПОВОЛЖЬѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 ноября 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К⁰." Спб., Фонтанка 95.

Борьба съ расколомъ въ Поволжьѣ.

Болѣе двухсотъ лѣтъ ведется упорная борьба съ расколомъ, а между тѣмъ силы его едва ли ослабѣваютъ. По крайней мѣрѣ, до настоящаго времени не представляется такихъ вѣскихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ достаточною положительностью утверждать, что расколъ падаетъ, хотя, быть можетъ, силы его и не крѣпнутъ качественно въ той же прогрессіи, въ какой растутъ онѣ количественно: за послѣднее стоитъ рядъ весьма доказательныхъ цифръ, первое же слабо опирается лишь на весьма шаткія гаданія. Все это напоминаетъ такую же, повидимому, безрезультатность ведущейся около девятнадцати столѣтій борьбы всѣхъ въ совокупности христіанскихъ націй, всѣхъ іафетидовъ противъ осязательнаго нравственнаго преобладанія семитовъ или народа еврейскаго, который, повинуясь воздѣйствію на него двухъ силъ — силы христіанскаго давленія и силы реализаціи исторически вложенной въ него идеи мессіанизма, превращеннаго имъ въ мессіанизмъ практическій, избралъ себѣ, повидимому, самый надежный историческій ходъ—по діагонали, превративъ въ то же время обѣ эти силы для себя въ силы служебныя.

Ясно, что или борьба ведется не такъ, какъ бы слѣдовало, неумѣло, непрактично, или же силы, противъ которыхъ ведется безрезультатная война, непобѣдимы въ самой своей идеѣ, или же, наконецъ, не слѣдовало бы вовсе вступать въ борьбу съ явленіями, которыя въ этой самой борьбѣ не только почерпаютъ свою силу, но—что всего важнѣе—становятся идеей, пріобрѣтаютъ живучесть, которая ни въ расколѣ, ни въ еврейскомъ мессіанизмѣ, какъ въ обыкновенныхъ историческихъ, слѣдовательно, преходящихъ, функціяхъ не должна бы и существовать столь долго и послѣдовательно.

Которое изъ этихъ трехъ предположеній имѣетъ неоспоримую историческую цѣну—сказать трудно, но едва ли не болѣе основательныя изъ нихъ первое и третье.

Вотъ почему выясненіе всѣхъ фазисовъ этой безконечной войны, съ одной стороны, съ еврейскимъ практическимъ мессіанизмомъ, съ другой—

съ русскимъ расколомъ, какъ съ историческими функціями, дожно пріобрѣсти въ первомъ случаѣ капитальную важность для исторіи всего человѣчества, въ послѣднемъ случаѣ — не менѣе капитальную важность для исторіи поступательнаго хода всего русскаго народа въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій.

Главными условіями для успѣшнаго изученія историческаго развитія и подъема русскаго раскола должны быть, на первый разъ, добросовѣстный и всесторонній подборъ, сводъ и оцѣнка фактовъ, спокойное и вполнѣ безпристрастное къ нимъ отношеніе какъ къ математическимъ даннымъ и холодная историческая критика, свободная отъ всякаго внѣшняго давленія партій, отъ всякой окраски явленій въ цвѣта pro и contra, отъ ревности обличителей и ревности адвокатской, потому что исторія не должна быть ни прокуроромъ, ни адвокатомъ, ни даже присяжнымъ, котораго призваніе—сказать „да“ или „нѣтъ“, „виновенъ“ или „невиновенъ“: исторія всегда должна оставаться просто зеркаломъ, первымъ служебнымъ орудіемъ въ великой нравственно-человѣческой оптикѣ, видоизмѣняющимся, въ подлежащихъ случаяхъ, то въ микроскопъ — для явленій мелкихъ, не видимыхъ не вооруженному глазу, то въ телескопъ—для явленій крупныхъ, но отдаленныхъ, то въ рефракторъ — для явленій, обратно воздѣйствующихъ на поступательный ходъ человѣчества, то, наконецъ, въ призму и исландскій шпатъ — для разложенія явленій на составные цвѣта, на первичныя явленія. Изъ всѣхъ этихъ оптическихъ орудій исторія не должна только превращаться въ зажигательное стекло, въ которое по преимуществу и принято превращать ее, какъ орудіе извѣстныхъ политическихъ направленій и требованій данной минуты, а по отношенію къ изученію раскола наша исторія всегда дѣлалась именно этимъ зажигательнымъ стекломъ, посредствомъ котораго собирали въ одинъ фокусъ всѣ лучи свѣта, всѣ однородные факты, и перемѣшанные со всякимъ мусоромъ, для того, чтобъ освѣтить раскольническій вопросъ извѣстнымъ свѣтомъ, пристрастно - обличительно, и такъ сказать, поджечь и ту, и другую сторону.

I.

Русскій расколъ переживалъ нѣсколько періодовъ особенно усиленныхъ движеній, вслѣдствіе причинъ, которыя отчасти крылись въ самомъ расколѣ и его историческомъ ростѣ, отчасти же являлись какъ силы извнѣ дѣйствующія и вызывающія то или другое движеніе. Такія движенія приходилось переживатъ расколу въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Движенія сказались особенно въ Поволжьѣ, гдѣ расколъ, опираясь на свою многочисленность, окрѣпъ почти до несокрушимости и гдѣ сектанты, занявъ болѣе ста тысячъ лучшей и плодороднѣйшей поволжской земли, образовали громадныя раскольничьи общины съ богатыми монастырями и гдѣ потомъ расколъ цѣлое столѣтіе могъ не только

свободно дышать и развиваться, но и стать средоточіемъ духовныхъ силъ всего русскаго старообрядчества, опираясь на торжественныя слова манифеста императрицы Екатерины II, которая, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ, 4-го и 14-го декабря, провозласила, что „возвращающимся изъ-за границы раскольникамъ и ихъ дѣтямъ и съ дѣтьми ихъ никому ни отъ кого никакого притѣсненія чинено не будетъ"; что они, „въ разсужденіи добровольнаго ихъ выходу, не токмо за побѣги въ винахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ прощаются и отнюдь никѣмъ истязаны не будутъ"; что, „какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указнаго платья никакого принужденія имъ чинено не будетъ, но оное употреблять имѣютъ по ихъ обыкновенію безпрепятственно"; что „дается каждому на волю, къ помѣщикамъ ли своимъ кто идти пожелаетъ, или государственными крестьянами и въ купечество записаться, а противъ желанія никто инако приневоленъ быть не имѣетъ" *) и т. д. Въ среднемъ Поволжьѣ на отведенныхъ выходцамъ и переселенцамъ-раскольникамъ богатѣйшихъ земляхъ скоро выросли огромныя земледѣльческія и промысловыя села; закипѣла торговля, захватившая въ свои руки всѣ коммерческія и производительныя силы Поволжья, Подонья и Поуралья; образовалось пять могущественнѣйшихъ раскольничьихъ монастырей на Иргизахъ, въ казну и ризницы которыхъ полились сокровища со всѣхъ концовъ Россіи, съ Волги, съ Дона, съ Урала, изъ Сибири, Москвы, Петербурга и „изъ-за рубежа", изъ-за границъ: польской, турецкой и австрійской; возникло множество скитовъ съ знаменитыми сектаторами-отшельниками, схимниками, скитниками, пророками и учителями; тысячи монаховъ, монахинь, бѣльцовъ и бѣлицъ, популярнѣйшіе коноводы раскола, именитое купечество, бѣглые православные попы, распопы, молодежь и старики—все это потянулось на Волгу, на Иргизы, къ святымъ мѣстамъ старообрядства; лучшіе города Поволжья: Казань, Симбирскъ, Саратовъ, Вольскъ, Дубовка, Хвалынскъ, Астрахань—стали какъ бы духовными колоніями раскола, такъ высоко поставившаго свое знамя на Иргизахъ и на Волгѣ. Все очутилось въ рукахъ у раскольниковъ—и богатыя земли Поволжья, и богатые его города, и богатая его торговля, и даже власти: все было или взято ими силою, вліяніемъ, или куплено на золото, или подкуплено золотомъ.

Такой нравственный и матеріальный подъемъ раскола въ Поволжьѣ казался уже опаснымъ для государства, а потому въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія начата была систематическая борьба противъ него, обнаружившая всю неистощимость силы, которую носило въ себѣ органически сплотившееся сектаторство и противъ которой, поэтому, надо было дѣйствовать осторожно, чтобы не вызвать наружу таившіяся въ расколѣ страсти: страсти эти могли сообщиться народу, массамъ, потому что именно въ народѣ расколъ пустилъ глубокіе корни, ставъ дѣломъ общимъ,

*) Указы импер. Екатер. II, изд. 1779 г., Москва, стр. 165—171.

народнымъ. Такъ какъ центромъ сектаторскаго тяготѣнія становилась въ послѣднее время средняя Волга, и именно раскольничьи общины на Иргизахъ, казавшіяся новымъ раскольничьимъ Кіевомъ или Соловками, куда со всей Россіи постоянно приливали новыя силы сектантовъ, то правительство, главнымъ образомъ, и обратило вниманіе на Иргизы: надо было ударить на этотъ пунктъ, чтобы нанести расколу ударъ по возможности непоправимый.

Извѣстно, какими опасными движеніями въ Поволжьѣ сопровождалось уничтоженіе въ 1837 году нѣсколькихъ раскольничьихъ монастырей на Иргизахъ. Подробности этого перваго удара, нанесеннаго расколу въ Поволжьѣ, выяснены мною въ отдѣльной монографіи „Послѣдніе годы иргизскихъ раскольничьихъ общинъ“ *).

Какъ ни былъ тяжелъ этотъ неожиданный ударъ для раскола, однако силы сектантовъ не были имъ подавлены: ударъ едва ли не придалъ еще большую упругость тѣмъ силамъ, которыя не были тронуты, потому что ударъ этотъ непосредственно отразился на сектантахъ всей Россіи и заставилъ ихъ сплотиться еще крѣпче, поставивъ чувство самозащиты общимъ знаменемъ для раскола. Сектанты видѣли, что въ Поволжьѣ оставаться не безопасно, что у нихъ на Иргизахъ хотя и остались еще не тронутыми двѣ могущественнѣйшія духовныя общины, два монастыря, мужской и женскій, однако нельзя было не видѣть, что и до нихъ, рано ли, поздно ли, дойдетъ очередь и что они также рухнутъ подъ тяжестью правительственной регламентаціи. Пораженіе раскола на Иргизахъ нагнало паническій страхъ на тѣхъ особенно сектантовъ Поволжья, которые принадлежали къ такъ называемымъ вреднымъ ересямъ духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и скопцовъ,—а ихъ въ среднемъ Поволжьѣ было не мало. Между раскольниками пронеслась молва, что ихъ всѣхъ истребятъ, что, начавъ гоненіе на Иргизахъ, никоніанцы перенесутъ это гоненіе на всю Волгу, а потомъ на всю Россію. Какъ семьдесятъ лѣтъ назадъ, они на зовъ Екатерины II толпами потянулись изъ-за рубежей польскаго, австрійскаго и турецкаго, такъ теперь снова приходилось имъ искать спасенья за рубежемъ, внѣ предѣловъ Россіи, и дѣти, внуки тѣхъ, которые при Екатеринѣ вышли изъ-за границы, должны были теперь вести за границу своихъ престарѣлыхъ отцовъ и одряхлѣвшихъ въ Россіи дѣдовъ.

Среднее Поволжье зашевелилось. Но это было пока только тайное движеніе, попытки найти исходъ изъ безвыходнаго положенія. Жизнь за границей уже не тянула раскольниковъ: дѣды и отцы ихъ уже испытали всю горечь житья на чужбинѣ, особенно тамъ, гдѣ вызванныя цивилизаціею своеобразныя условія жизни давили раскольниковъ, гдѣ не было поволж-

---

*) „Дѣло,“ 1872 г., кн. 1, 2 и 4.—Нынѣ эта статья вошла въ настоящее изданіе.

скаго простора и раздолья, гдѣ не было свободныхъ и жирныхъ земель, которыхъ нельзя глазомъ окинуть, какъ это было на Волгѣ и за Волгой. Надо было искать новыхъ мѣстъ, посылать соглядатаевъ для отысканія новой обѣтованной земли, новаго Іерусалима. Странники, люди Божіи, бродячіе раскольничьи попы и соглядатаи приносили, между тѣмъ, вѣсти, что есть одна страна, невѣдомая сектантамъ, гдѣ земли глазомъ не окинешь, куда еще почти не проникло „страховитое око никоніанцевъ“ и куда уже пробралось нѣсколько гонимыхъ изъ глубины Россіи. Это былъ Кавказъ и Закавказье. Это были дѣйствительно новыя мѣста, „новый свѣтъ“. Не даромъ еще Пугачевъ обѣщалъ яицкимъ казакамъ-раскольникамъ, тѣснимымъ русскими порядками и сдавливаемымъ желѣзнымъ кольцомъ государственности, что онъ выведетъ ихъ за границу, на Лабу-рѣку. Лаба-рѣка—это было Закубанье, куда еще въ прошломъ вѣкѣ начали пробираться донскіе раскольники. На Кубань, въ Черноморье, давно уже перебрались остатки распуганнаго Запорожья и создали тамъ свой „новый свѣтъ“, напоминавшій имъ о далекой метрополіи, о невозвратно-погибшей Сѣчи запорожской. На Кубани, за Кубанью, по Лабѣ-рѣкѣ, по такъ называемой „линіи“, тянулись необозримыя степи, не перегороженныя ни казенными заставами, ни казацкими форпостами, гдѣ жизнь еще не вдавлена въ рамки государственности: этотъ-то просторъ и любилъ всегда русскій человѣкъ, а на Волгѣ простора уже казалось мало, на Волгѣ становилось тѣсно, особенно когда завелись всепригнетающіе порядки. Нужно было найти дичь и глушь, чтобъ былъ просторъ необъятный.

Раскольникъ — это вполнѣ русскій человѣкъ, страстно любящій или степное раздолье, „мать пустыню прекрасную“, гдѣ бы торчали только курганы да землянки для ночлега, или лѣсъ дремучій, гдѣ бы можно было устроить скитъ, жить около звѣря и пчелы, не видать ни капитана-исправника, ни строки приказной. Такую дикую дѣвственность жизни представляло Закавказье—и туда-то поволжскій расколъ, нагнетаемый правительственною регламентаціею, задумалъ направить свою колонизацію, послѣ перваго разгрома иргизскихъ монастырей. Его еще и потому тянуло туда, что уже съ тридцатыхъ годовъ на Кавказъ потянулись всѣ бродячіе элементы—бѣглые помѣщичьи крестьяне и дворовые, Иваны непомнящіе родства и проч. безпокойный людъ.

Около этого времени вышелъ новый законъ о раскольникахъ, которымъ, между прочимъ, постановлено: „людямъ разнаго званія изъ духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ и другихъ ересей, признанныхъ особенно вредными, дозволять приписываться только въ закавказскихъ городахъ: Нухѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Шушѣ, Ленкорани, Нахичевани и Урдубату“.

Законъ этотъ, повидимому, исходилъ изъ того же побужденія, какимъ руководствовалось правительство, рѣшившись положить предѣлы быстрому и повсемѣстному развитію раскола. Секты, считавшіяся невредными, положено было привлечь къ единовѣрію: эта-то мѣра и была примѣнена къ

иргизскимъ монастырямъ. Но для такъ называемыхъ вредныхъ сектъ этой мѣры было недостаточно, съ ними нельзя было помириться на извѣстныхъ пунктахъ митрополита Платона. Вредные сектанты, эти „духовные христіане“, какъ они себя называли, не нуждались ни въ церквахъ, ни въ священникахъ; привлечь къ единовѣрію ихъ было невозможно; между „духовными христіанами“ и православными не существовало такихъ нравственныхъ точекъ соприкосновенія, которыя послужили бы хотя для внѣшняго, механическаго сплоченія той и другой стороны. Ни та, ни другая сторона, взаимно расходясь въ главныхъ принципахъ, не заключали въ себѣ того амальгамирующаго начала, на основаніи котораго возможны были бы хотя полусближенія, такъ какъ ни для правой, ни для лѣвой стороны всякій православный и даже гражданскій компромиссъ былъ немыслимъ. Нужно было, слѣдовательно, „исторгнуть сію вредную примѣсь“ изъ среды русскаго общества, а исторгнуть изъ государства цѣлыя массы народа — это нелегко, тутъ ни ссылка, ни наказаніе немыслимы. Возможно было только удаленіе сектантовъ цѣлыми обществами, слѣдовательно, поголовное переселеніе ихъ въ такія отдаленныя страны, гдѣ они были бы по возможности менѣе вредны въ общихъ интересахъ государственности.

Вышеприведенный законъ отвѣчалъ именно этимъ цѣлямъ. Но систематическое, мелкое, повседневное тѣсненіе сектантовъ началось еще раньше этого закона. Тѣсненіе это примѣнялось практически, въ ежедневномъ житейскомъ и гражданскомъ обиходѣ. Полиція и приходское духовенство начали зорче смотрѣть за сектантами, за ихъ отношеніями къ православнымъ; даже ихъ торговыя и промысловыя дѣйствія взяты были подъ полицейскій надзоръ. Сектантамъ не дозволялось имѣть прислугу и рабочихъ изъ православныхъ. Сотни дѣлъ возникали по этому поводу, и сектанты увидѣли себя окончательно какъ бы отрѣзанными отъ всего общества, оторванными отъ почвы. Сектанты не могли даже получать паспортовъ для отлучекъ изъ мѣста жительства. Чиновники, пользуясь общимъ настроеніемъ правительственнаго духа, повели свое давленіе на раскольниковъ съ самымъ похвальнымъ рвеніемъ. Ни частная, ни общественная жизнь, ни даже семейныя дѣла сектанта не могли быть оставлены въ покоѣ, и сектантъ долженъ былъ отъ всего откупаться деньгами или расплачиваться тюрьмой, ссылкой или какимъ-либо другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ.

Вотъ почему, когда раскольничьи соглядатаи принесли въ Поволжье вѣсть изъ Закавказья, объ относительныхъ удобствахъ и привольѣ тамошнихъ „вольныхъ поселеній“, когда нѣкоторые изъ сектантовъ, раньше пробравшіеся туда, оповѣстили тайными грамотками и „благословеніями“ своихъ поволжскихъ единомышленниковъ, что въ Закавказскій край еще не успѣлъ проникнуть „гонительный мечъ Діоклетіана“ и „поповское несытое око“, какъ они выражались, то ко всѣмъ мѣстнымъ губернаторамъ и къ министру внутреннихъ дѣлъ потянулись раскольничьи ходоки съ просьбами о дозволеніи имъ переселяться въ закавказскіе города и на свободныя земли для хлѣбопашества. Движеніе началось поголовное. Раскольники въ

своихъ ходатайствахъ подкрѣплялись новымъ закономъ о вредныхъ ересяхъ, не называя себя, впрочемъ, принадлежащими къ вреднымъ сектамъ. Въ просьбахъ и на словахъ они обыкновенно называли себя такъ: „находящіеся съ давнихъ временъ въ вѣрѣ духовныхъ христіанъ евангельскаго (или евангелическаго) исповѣданія“.

„Имѣемъ мы желаніе съ семействами нашими переселиться изъ настоящаго мѣстожительства въ Закавказскій край, въ города Ленкорань, Шемаху, Шушу, Кубу, Нахичевань и Урдубатъ, въ настоящемъ званіи гражданства, а нѣкоторые изъ числа насъ въ хлѣбопашцы онаго жъ края, гдѣ кому нравиться будетъ, по усмотрѣнію нашему“,—писали обыкновенно раскольники въ своихъ просьбахъ къ министру, ссылаясь на законъ 11-го ноября 1835 года. Такъ, въ концѣ 1836 года поднялась почти вся Дубовка, посадъ на Волгѣ въ Саратовской губерніи, гдѣ „евангельское исповѣданіе“ проникло почти во всѣ купеческіе и мѣщанскіе дома, отчасти потому, что Дубовка, бывшая столица казаковъ волжскаго войска, наказанная за измѣну въ пользу Пугачева поголовнымъ почти переселеніемъ на Терекъ, издавна имѣла въ населеніи своемъ весьма значительный процентъ „духовныхъ христіанъ“, а отчасти потому, что въ этотъ посадъ, какъ въ торговый приволжскій пунктъ, расколъ приливалъ со всѣхъ сторонъ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Въ числѣ изъявившихъ желаніе эмигрировать на Кавказъ были купеческіе дома Жабиныхъ, Грушенковыхъ, Захарочкиныхъ, Крючковыхъ, Самодуровыхъ, Хлюпиныхъ, Артамоновыхъ, Миняевыхъ и проч.— все коренныя русскія фамиліи, а между тѣмъ они считались или „обрѣтающимися въ молоканизмѣ“, или „іудействующими“. Первая партія, вызвавшаяся промѣнять Поволжье на Закавказье, состояла болѣе чѣмъ изъ 130 духовныхъ христіанъ одного посада Дубовки. Къ нимъ примкнули,— какъ они называли,—„единомысленники“ и изъ другихъ мѣстностей, которые уже раньше „имѣли о томъ хожденіе“—искали правительственнаго одобренія на безобидную со стороны мѣстныхъ властей эмиграцію.

„Хожденіе“ это, состоявшее въ подаваніи просьбъ по присутственнымъ мѣстамъ, въ буквальномъ „хожденіи“ каждодневно за справками и нерѣдко въ годичныхъ выжиданіяхъ отвѣтовъ, тянулось годъ за годомъ, хотя, повидимому, разрѣшеніе ходатайства раскольниковъ должно было исходить изъ непосредственнаго примѣненія закона къ данному случаю. Поэтому „хожденіе“ свое раскольники сравнивали съ извѣстнымъ „хожденіемъ Богородицы по мукамъ“ и унесли съ собой на новыя земли недобрую память о Поволжьѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имъ приходилось повторять жалостливыя фразы, ставшія эпическими выраженіями—„припадать къ особѣ вашего превосходительства“, „ласкать себя надеждою“, жаловаться на „великіе убытки“, понесенные отъ несвоевременной продажи имуществъ въ виду ожидаемой эмиграціи и отъ другихъ неудобствъ, связанныхъ съ ихъ положеніемъ; многіе изъ нихъ дѣйствительно разорились; иные, пока тянулось дѣло, перемерли; съ другой стороны, они видѣли притѣсненіе

отъ „христіанъ правовѣрныхъ“, какъ они называли не-раскольниковъ, и въ этомъ отношеніи имъ трудно было искать защиты у мѣстныхъ властей, враждебно на нихъ смотрѣвшихъ. Это заставляло ихъ съ новыми силами браться за начатое дѣло, но дѣло двигалось медленно, иногда съ придирками, съ желаніемъ вырвать у богатаго сектанта „поклонъ“, „посулу“, „взятку“. Думая, что дѣло ихъ забыто, раскольники силились напомнить начальству о своемъ твердомъ намѣреніи разстаться съ „несостерпимымъ“ Поволжьемъ: „мы не перестаемъ простирать стремленія свои къ переселенію въ закавказскіе краи“,—повторяли они въ своихъ почти ежедневныхъ напоминаніяхъ властямъ. Мѣстныя власти, съ своей стороны понуждаемыя высшими властями, начинаютъ относиться къ раскольникамъ-переселенцамъ не въ мѣру круто. Въ Дубовкѣ, напр., полицеймейстеръ Розенмейеръ согналъ всѣхъ „духовныхъ христіанъ“ въ полицію въ ночное время, производилъ имъ всѣмъ пристрастные допросы, „громко кричалъ“ на допрашиваемыхъ, добиваясь получить отъ нихъ показанія, которыя отдали бы ему въ руки сектантовъ: „по каковомъ кричаніи его на насъ мы всѣ пришли въ страхъ и робость и вышесказанный образцовый (т.-е. пристрастно измышленный) допросъ подписали“. Мало того, главнаго ходока ихъ, снабженнаго общественною довѣренностью, отдали подъ судъ, а многихъ посажали въ острогъ.

Притѣсненія, вызывавшіяся не всегда безкорыстными побужденіями выдавить изъ притѣсненнаго лихоимственное взятіе деньгами или же попросту „харчоми“, доходили иногда до мелочей, которыя, однако, не могли быть легко выносимы тѣмъ, кто подпадалъ подъ это „лиховынудительное притѣсненіе“, какъ выражались грамотные молокане. „Будучи посаженъ я въ тюремный секретный замокъ,—писалъ одинъ изъ купцовъ-молоканъ Миняевъ,—и гдѣ я находился семнадцать дней, что могло привесть столь немощное мое семейство въ испугъ и великое смятеніе и страхъ, лишась своей надежды въ дневномъ пропитаніи и покоя, въ 28-го іюля подъ 29 число ночью, родитель мой съ малыми дѣтьми толь утомленный отъ печали чрезвычайнымъ сномъ, и неизвѣстно по какому распоряженію полицейскій сотникъ Шалатовъ пришелъ съ пятью человѣками въ квартиру отца моего и сдѣлалъ тревогу и стукъ въ окнахъ, и пробудилъ отца моего спящаго, и вызвалъ на дворъ, требуя отъ него родного его брата Леона Миняева, котораго полиція держала болѣе двухъ недѣлъ въ полиціи, въ каменномъ темномъ выходѣ, и неоднократно, не отдавши никому на поручительство, выпущала и чинила искъ по посаду Дубовкѣ въ разныхъ домахъ, почему отецъ мой, увидя ихъ вышепомянутыхъ людей нечаянное пришествіе въ квартиру, пришелъ въ великое смятеніе и страхъ, и во отчаянности жизни сдѣлавшись внѣ себя, и отъ чего сдѣлался чрезвычайно боленъ, такъ что я уже не имѣю надежды, чтобы остался въ живыхъ, и дѣти мои вынуждены терпѣть гладъ и жажду и скитаться по міру, равно и несчастный отецъ мой лежатъ безъ всякаго призору, и я безъ всякой вины испорченъ и лишенъ довѣренности, стѣсненъ и разоренъ до край-

ности“ и т. д. Конечно, всѣ эти разглагольствованія грамотея-молокона могутъ показаться смѣшными, особенно когда онъ, обращаясь къ защитѣ губернатора, пишетъ: „благоволите воззрѣть милосерднѣйшимъ окомъ на меня несчастнѣйшаго, бѣднаго и разореннаго и обидимаго отъ сильнѣйшихъ меня стѣснителей, кои называютъ правду неправдою“,—однако все это остается историческимъ фактомъ, констатируя который, историкъ видитъ, что эти, мелочныя, повидимому, испытанія раскольники-переселенцы несли на себѣ въ теченіе шести лѣтъ и по мелочамъ дошли до крайняго разоренія, несмотря на то, что со стороны высшихъ властей давно уже все было сдѣлано къ пріему переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Такъ, раньше чѣмъ черезъ три года послѣ того, какъ Дубовка заявила о своемъ желаніи перебраться на Кавказъ, главноуправляющій Грузіею увѣдомлялъ саратовскаго губернатора, что „несогласія на переселеніе духовныхъ христіанъ со стороны главнаго начальства встрѣчено быть не можетъ“. Но при этотъ тифлисскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Брантъ, съ своей стороны сообщалъ, что, по отзыву управляющаго мусульманскими провинціями и Талышинскимъ ханствомъ, генералъ-майора Тараканова, для поселенія такого огромнаго числа людей, какъ дубовскіе раскольники, могутъ быть отведены мѣста только въ Талышинсковъ ханствѣ, что тѣ изъ переселенцевъ, которые намѣрены поселиться собственно въ городахъ ханства, могутъ отправляться теперь же *), а располагающіе переселиться съ деревенскими жителями „должны нѣсколько обождать, пока не будутъ отведены имъ удобныя для хлѣбопашества земли“. „Но какъ при всемъ стараніи и поспѣшности для исполненія сего потребно время, въ теченіе коего въ перепискѣ этой наступитъ и зима (писалъ Брантъ), раннею же весною переѣздъ черезъ Кавказскія горы людямъ, отправляющимся съ значительнѣйшими тяжестями и малыми средствами, при совершенномъ неимѣніи подножнаго корма и недоступной дороговизнѣ сухого фуража, весьма неудобенъ, а прибывшіе изъ внутреннихъ губерній переселенцы въ лѣтнюю пору подвергаются жестокому вліянію перемѣны климата,—то я полагаю весьма полезнымъ предварить вышепомянутыхъ людей, изъявившихъ желаніе къ переходу на Кавказъ, что лучшимъ для этого временемъ есть конецъ лѣта: тогда они, окончивъ уборку полей своихъ, могутъ прибыть сюда безопасно къ половинѣ августа мѣсяца и успѣть еще заняться озимыми посѣвами и устройствомъ домовъ для себя и быть обезпеченными существенными потребностями здѣшняго поселянскаго быта, такъ какъ въ заготовленіи сѣна, по умѣреннымъ цѣнамъ южныхъ провинцій здѣшнихъ, по крайней мѣрѣ на первый случай, не настоитъ особенной необходимости“.

Восемъ лѣтъ тянулось дѣло, и только въ 1844 году духовные христіане могли сказать, что они избавились отъ плѣненія египетскаго и увидали обѣтованную землю: изъ числа тѣхъ изъ своихъ „единомысленниковъ“,

*) Это было осенью 1839 года.

которые вмѣстѣ съ ними вынесли „гоненіе немилостивыхъ фараоновъ“ (такъ они называли царицынскаго полицеймейстера Розенмейера и какого-то полицейскаго чиновника Лобарскаго), многихъ не досчитывались на мѣстѣ новаго поселенія—одни перемерли еще въ Дубовкѣ, другихъ пришлось хоронить въ дорогѣ.

Одновременно съ этими и другими поволжскими сектантами поднялись раскольники въ разныхъ мѣстностяхъ. Особенно сильное движеніе въ пользу переселенія оказалось по рѣкѣ Хопру. Духовные христіане этой мѣстности, носившіе названіе, какъ и дубовскіе раскольники, то просто молоканъ, то іудействующихъ, съ подраздѣленіемъ на субботниковъ и воскресенниковъ, то, наконецъ, оффиціально называвшіеся „жидовскою сектою“, разсѣяны были во множествѣ прихоперскихъ селеній. Молокане находились также и въ городѣ Балашовѣ, въ средѣ купеческаго и мѣщанскаго сословій. Прихоперскіе раскольники задумали оставить эти мѣста также въ 1836 году по общему уговору и вслѣдствіе предварительныхъ тайныхъ сношеній. Такимъ образомъ одновременно началось раскольническое движеніе въ Балашовѣ и въ селеніяхъ: Меликѣ, Свинухѣ, Дурникинѣ, Кислое тожъ, Инясевѣ и Туркахъ. И здѣсь, какъ и въ Дубовкѣ, раскольники должны были вынести не мало испытаній: по цѣлымъ годамъ тянулись справки, выправки, допросы, запугиванія; все, что имѣли раскольники, было ими прожито, потому что каждый годъ, надѣясь на выпускъ изъ „Египта“ въ слѣдующую весну, они принуждены были переживать „между египтянами“ и весну, и лѣто, и слѣдующую затѣмъ зиму, а потомъ снова весну, лѣто и т. д.; а между тѣмъ, въ ожиданіи этой весны, они не рѣшались засѣвать поля, продавали свое имущество и въ конецъ разорялись. „Хожденіе“ похоперскихъ молоканъ тянулось такимъ образомъ тринадцать лѣтъ; въ это время „главы семействъ“, задумавшихъ переселиться, почти всѣ перемерли; не мало перемерло раскольниковъ и отъ нужды, отъ невозможности найти себѣ пропитаніе при полномъ разстройствѣ хозяйствъ. Раскольники дошли, наконецъ, до того, что многія семейства, начавъ „хожденіе“ о переселеніи еще въ 1836 году и не видя конца этой волокитѣ, уже въ 1849 году „тайно, въ ночное время“, ушли изъ своихъ селеній. Всѣ ли они увидѣли свою обѣтованную землю,—неизвѣстно; извѣстно только то, что они шли туда цѣлыми сотнями и не всегда переносили трудности дороги, безкормицу и убійственный для нихъ климатъ земли, которую они въ невѣдѣніи считали обѣтованною.

II.

Въ связи съ общими мѣрами, принятыми въ тридцатыхъ годахъ относительно противодѣйствія распространенію раскола, послѣдовало особое распоряженіе о часовняхъ и молитвенныхъ домахъ раскольниковъ, какъ мѣра косвенная, пальятивная, повидимому, не имѣвшая внѣшнихъ при-

знаковъ открытаго преслѣдованія сектантовъ, но понятая раскольниками какъ преслѣдованіе.

Мѣра эта вызвана была тѣмъ, что расколъ, усиленный ростъ котораго замѣчался съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе искалъ публичнаго обнаруженія и какъ бы вступалъ въ открытую борьбу съ существующими государственными порядками. Раскольники домогались, чтобы церкви ихъ и часовни строились открыто и имѣли право на законное существованіе, какъ и православныя церкви; такимъ образомъ, обнаруженіемъ раскола въ часовняхъ, гдѣ совершалось богослуженіе „невѣждами-служаками", сектанты какъ бы мѣрялись силами съ православными, мечтая этимъ показать превосходство своей вѣры. Отъ этого происходилъ соблазнъ; нерѣдко стычки раскольниковъ съ православными вызывали вмѣшательство властей, и при этомъ всегда обнаруживалось, что раскольничьи часовни и ихъ священнодѣйствующіе „мужики-невѣжды" не могли не оказывать нравственнаго вліянія на простой народъ, не всегда отличавшій правую сторону отъ неправой и нерѣдко отдававшій свои симпатіи такимъ же, какъ и самъ онъ, „мужикамъ-невѣждамъ", исполнявшимъ обязанности священниковъ, особенно тамъ, гдѣ населеніе было смѣшанное, нравственно „мотающееся", какъ тогда выражались.

Такъ, напр., до свѣдѣнія правительственныхъ учрежденій нерѣдко доводимы были случаи, что въ какомъ-нибудь селеніи съ смѣшаннымъ населеніемъ, въ раскольнической часовнѣ, куда заходили и православные, „невѣжда-мужикъ" Михаилъ Мокѣевъ дѣлалъ возгласы, крестьянскіе же мальчики попеременно читали часы, сынъ крестьянина Андреева Ефремъ челъ апостолъ, во время чтенія коего Моисей Степановъ кадилъ всѣ иконы, а Иванъ Купріяновъ прочиталъ евангеліе съ произношеніемъ словъ: „отъ Матѳея святаго Евангелія чтеніе", а пѣвцы пѣли какъ предъ началомъ, такъ и по окончаніи онаго: „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ", и т. д.

Подобныя обнаруженія раскола, все болѣе и болѣе ширившагося въ Поволжьѣ и охватывавшаго города и деревни даже не смѣшаннаго населенія, заставили примѣнить къ часовнямъ болѣе строгія мѣры, чѣмъ тѣ, которыя существовали до тридцатыхъ годовъ. До этого времени относительно раскольническихъ молитвенныхъ зданій существовало правило, что тѣ раскольническія церкви, часовни и молитвенные дома, которые построены до 17-го сентября 1826 года, оставляются въ томъ положеніи, въ какомъ они въ то время были, послѣ же того не только вновь строить что-либо похожее на церкви, но и передѣлка или возобновленіе старыхъ подобныхъ зданій ни по какому случаю не должны быть дозволяемы. Поэтому въ 1839 году, 5-го мая, повелѣно было: противозаконно построенную или возобновленную часовню или моленную раскольническую губернское начальство, по дознанію, запечатываетъ и съ точнымъ изложеніемъ обстоятельствъ доноситъ министерству внутреннихъ дѣлъ, присовокупляя и мнѣніе, какъ полагало бы поступить далѣе: если часовня, оставленная запечатанною, будетъ распечатана своевольно или, съ употребленіемъ подлога,

откроются въ ней раскольническія собранія, то за это вторичное противозаконное дѣйствіе она подлежитъ уничтоженію; въ случаѣ необходимости уничтожить часовню, губернское начальство, получивъ на то разрѣшеніе министерства, должно произвести это, по избраніи удобнѣйшаго времени, со всевозможною осмотрительностію и безъ предварительной огласки, могущей подать поводъ къ народнымъ скопищамъ.

Насколько расколъ успѣлъ въ это время захватить собой все Поволжье, видно изъ того, что не только число раскольниковъ множилось съ каждымъ годомъ, православныя села передавались на сторону сектантовъ, являлись по захолустьямъ пророки и пророчицы, но и настала какая-то общая сектаторская разнузданность: секты смѣшивались между собою, простые сектанты шли въ молокане, начиналось въ Поволжьѣ іудейское обрѣзаніе младенцевъ, православное духовенство нерѣдко изгонялось изъ селеній. Мало того, Поволжье стало поддаваться обаянію скопчества, и эта ужасная секта все болѣе и болѣе забирала въ свои руки увлеченныхъ ею прозелитовъ въ городахъ и селахъ. Такъ, около этого времени открыты были скопческія общества въ Саратовѣ, а равно въ селахъ Широкомъ Уступѣ и Дальнемъ Переѣздѣ аткарскаго уѣзда, Малиновкѣ Балашовскаго и Вязовомъ Гаѣ Хвалынскаго. Конечно, скопцы не оглашали, подобно другимъ раскольникамъ, своихъ дѣйствій, но тайныя нити этой секты растянуты уже были по всему Поволжью. Въ Саратовѣ захваченъ былъ скопческій пророкъ Данила Степановъ, бѣглый крестьянинъ графа Разумовскаго, по фальшивому паспорту приписавшійся въ саратовскіе мѣщане. Степановъ между саратовскими скопцами, кромѣ званія пророка, игралъ роль первосвященника, занимая первенствующее мѣсто при совершеніи скопческихъ богослуженій. Вмѣстѣ съ пророкомъ захвачены были другіе скопцы: цеховой Петръ Бочаевъ, все семейство саратовскаго купца Агаѳона Бекетова—его сыновья, невѣстки, дѣти, помѣщичьи и экономическіе крестьяне и крестьянки, однодворцы, мѣщане, солдаты — всего болѣе шестидесяти человѣкъ. Скопческая пропаганда разошлась въ это время на такое далекое пространство, что нити ея изъ Саратова проведены были до Рязани, до Бѣлева, Тулы, Москвы и Петербурга. Ближайшія разслѣдованія открыли, конечно, разныя мелкія подробности, интересныя развѣ только съ физіологической точки зрѣнія—у мужчинъ „безжизненность" извѣстныхъ частей, отвращеніе отъ мяса и вина, строгое воздержаніе отъ закалыванія животныхъ и птицъ, а у женщинъ и дѣвушекъ —„разслабленіе, изнуреніе, лишеніе натуральной живости и цвѣта въ лицѣ, плоскость и вялость грудей" и т. д.

Между тѣмъ самое противодѣйствіе расколу вызывало неумѣренныя его проявленія, особенно тамъ, гдѣ успѣвшіе бѣжать изъ уничтоженныхъ иргизскихъ монастырей коноводы раскола распускали слухъ, что насталъ конецъ старой вѣрѣ. Въ селѣ Каменкѣ, напримѣръ, запечатали раскольничью часовню за то, что тамъ продавались свѣчи въ ущербъ дохода православныхъ церквей, а на другой день около часовни собралась толпа

народу, крестьянинъ Мокѣевъ, оплакивая мнимое гоненіе церквей, громко читалъ къ народу изъ какой-то раскольнической книжки духовные стихи и плакалъ, „неистово гнусоватымъ образомъ,—какъ доносилъ благочинный,— оглашалъ“:

„Охъ, увы, увы, благочестіе,
Увы, древлее правовѣріе.
Кто лучи твоя скоро потемни,
Кто блистанія тако измѣни?
Десятрожный звѣрь сіе сотвори,
Седмиглавный змій тако учини,
Весь церковный чинъ звѣрски преврати,
Вся преданія злобно истреби:
Церкви Божія истребишася,
Тайнодѣйствія вси лишишася,
А и пастыри поплѣнилися,
Жаломъ дьявола умертвилися.
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы, бѣдніи сокрушаемся,
Что вси пастыри посмрадилися,
Въ еретичествѣ потопилися“, и т. д.

При этомъ чтеніи декламировавшаго и плакавшаго раскольника собравшійся около часовни народъ пришелъ въ такое волненіе, что готовъ былъ силою распечатать часовню, если бы не былъ остановленъ благочиннымъ. Надъ Мокѣевымъ назначено было слѣдствіе, и рукописная книжка, „полууставная“, по которой онъ декламировалъ приведенные стихи, была отобрана и представлена мѣстному архіерею.

Бродячіе раскольничьи пророки дошли до того, что распустили слухъ о появленіи антихриста, который разрушаетъ церкви и всѣхъ обращаетъ въ свою вѣру. Явились даже проповѣдники самосожигательства, которые увѣряли, что единственное спасеніе отъ общей гибели, посланной на земмлю, это—сожженіе своихъ тѣлесъ на кострахъ. Такъ, въ селѣ Копенахъ, на Медвѣдицѣ, взятъ былъ старикъ, который въ домѣ крестьянской дѣвки Ирины Игнатьевой, „при собраніи нарочитаго числа крестьянскихъ женокъ и дѣвокъ, читалъ имъ еретическую сказку о хожденіи нѣкоего старца и о встрѣчѣ того старца яко бы со Христомъ“, какъ доносилъ копенскій староста мѣстному исправнику. Старикъ оказался добринскимъ крестьяниномъ Маркомъ Самоткинымъ, а „еретическая сказка“—однимъ изъ раскольническихъ духовныхъ стиховъ, писаннымъ на свиткѣ, длиною въ полъ-аршина, скорописью XVIII вѣка, и приложеннымъ при рапортѣ старосты. Въ стихѣ этомъ положительно проповѣдывалось самосожиганіе, что, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго мѣста стихотворенія:

„Народися духъ нечистый,
Народися злой антихристъ:
Распусти онъ свою прелесть

По городамъ и по весямъ,
Людей многихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Судей злыихъ насылаетъ,
Злы словеса разглашаетъ
И по городамъ и по весямъ,
По прекраснымъ по пустынямъ.
А вы, свѣты, не сдавайтесь
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горвертепы,
Поставьте костры большіе,
Положите сѣръ-горючей,
Тѣлеса свои сожгите,
Пострадайте за меня вы,
За мою вѣру за праву,
Я за то вамъ, мои свѣты,
Отворю свѣтлицы райски,
Во небесно введу въ царство“.

Ученіе о самосожженіи, повидимому, и прежде имѣло своихъ послѣдователей въ Копенахъ, такъ какъ намъ извѣстно, что лѣтъ за десять до описываемаго нами случая въ этомъ селѣ было нѣсколько самосожигателей, которые и погибли ужасною смертью самосожженія *). Что же касается до проповѣди Самоткина, то возможныя отъ нея послѣдствія были предупреждены своевременнымъ арестованіемъ проповѣдника-фанатика и преданіемъ суду всѣхъ его послѣдователей, захваченныхъ въ избѣ крестьянки Игнатьевой.

Вообще раскольники обѣихъ сторонъ Поволжья, и нагорной и луговой, находились въ сильномъ возбужденіи, особенно когда, послѣ оказавшагося между ними общаго движенія, въ которомъ высказывалась мысль о поголовномъ выселеніи изъ Поволжья и раскольниковъ и не-раскольниковъ крестьянъ, послѣдовало распоряженіе правительства о пріостановленіи, впредь до особаго распоряженія, переселеній на Кавказъ и въ закавказскія провинціи. Крайнее броженіе умовъ преимущественно проявилось около нравственныхъ центровъ поволжскаго раскола, въ крестьянскомъ населеніи за Волгой, около иргизскихъ монастырей, а равно въ поволжскихъ городахъ Хвалынскѣ, Вольскѣ, Саратовѣ и Дубовкѣ, гдѣ, несмотря на поголовное почти переселеніе „духовныхъ христіанъ“ на Кавказъ, оставались еще коноводы раскола, какъ Кобызевъ, которые и мутили остальное населеніе. На Иргизахъ такое броженіе сказалось разными манифестаціями молоканъ въ деревняхъ Яблонномъ Врагѣ и Тягломъ Озерѣ.

---

*) Подлиннаго дѣла двадцатыхъ годовъ о копенскихъ самосожигателяхъ мы не могли найти въ мѣстныхъ архивахъ, хотя оно, повидимому, и значится въ описи саратовскаго губернскаго архива за 1828 годъ, подъ № 1106.

Симптомы броженія умовъ въ раскольникахъ и повсемѣстное обнаруженіе какого-то раздраженія въ крестьянскомъ населеніи были такого рода, что вызвали правительство на принятіе болѣе энергическихъ мѣръ въ отношеніи къ сектантамъ.

Нужно было поколебать „столпы“ раскола—послѣдніе иргизскіе монастыри: на нихъ-то и обрушился первый ударъ, которымъ думали „подавить и уничтожить гидру суевѣрія и разврата“, какъ выражался саратовскій губернаторъ Ѳадѣевъ.

III.

Въ концѣ 1840 года, саратовскій губернаторъ, представляя управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графу Строганову, свѣдѣніе объ исполненіи имъ предписанія министерства объ удѣльныхъ крестьянахъ николаевскаго уѣзда, деревень Яблоннаго Врага и Тяглаго Озера, судимыхъ за публичное отправленіе богослуженія по молоканской сектѣ, сообщилъ и свои соображенія относительно необходимости уничтоженія послѣднихъ раскольничьихъ монастырей на Иргизахъ.

Губернаторъ писалъ графу Строганову, что, находясь въ Николаевскомъ уѣздѣ для обревизованія тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на иргизскіе монастыри и, посѣщая ихъ, старался по возможности узнать образъ мыслей монастырскихъ настоятелей и братіи, входилъ съ ними въ продолжительные разговоры, тщательно осмотрѣлъ всѣ постройки монастырей, познакомился съ ихъ расположеніемъ и мѣстностью и нашелъ слѣдующее: два монастыря, Воскресенскій и Средне-Николаевскій, отстоящіе отъ города Николаева — первый въ 50 верстахъ, а послѣдній въ 7, по присоединеніи, въ 1837 году, къ единовѣрію, „потеряли довѣренность раскольниковъ“; въ настоящее время,—писалъ губернаторъ,—оба эти монастыря „по крайней мѣрѣ безвредны, и есть надежда, по мнѣнію моему, довольно вѣрная, что единовѣрцы въ непродолжительномъ времени озарятся свѣтомъ истины и возвратятся въ нѣдры церкви православныя; два другіе монастыря, Верхне-Николаевскіе, мужской и женскій, въ разстояніи отъ города — первый въ 12 верстахъ, а послѣдній 16, а другъ отъ друга — дорогою пять верстъ, а мѣстными тропинками около трехъ, будучи гнѣздилищемъ заблужденій и разврата, поддерживаютъ въ заволгскомъ краѣ расколъ и вредны во всѣхъ отношеніяхъ“; поэтому, — полагалъ губернаторъ,—„было бы весьма полезно уничтожить эти монастыри, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше“. Къ этому губернаторъ присовокуплялъ, что одинъ изъ этихъ монастырей, мужской, имѣетъ сношенія съ молоканами удѣльнаго вѣдомства, находящимися въ деревняхъ Яблонномъ Врагѣ и Тягломъ Озерѣ, гдѣ и были произведены раскольниками немалыя смуты. „Крестьяне деревень Яблоннаго Врага и Тяглаго Озера суть раскольники молокане, самые злые, упорные и погруженные въ невѣжествѣ, развратѣ

и пороках (писал губернатор графу Строганову); они стараются всемѣрно поддержать в том краѣ раскол; исполненіе означеннаго выше приговора над собраніями их сильно над ними подѣйствует и во всѣх случаях весьма полезно, в особенности же облегчит средства к достиженію цѣли правительства—искорененія раскола".

Менѣе чѣм через полгода (27-го апрѣля 1841 года) послѣдовало высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

1. Старообрядческій Верхне-Спасопреображенскій на Иргизѣ монастырь, за смертью послѣдних иноков, получивших в 1797 году привилегію монастырских жителей и по прекратившемуся в нем священнослуженію, обратив в единовѣрческій монастырь, перевесть в этот монастырь, если окажется нужным, нѣсколько иноков из других единовѣрческих монастырей и опредѣлить от епархіальнаго начальства священника для отправленія там службы Божіей и таинств церковных по древнему обычаю и старопечатным книгам.

2. Начальствующих в монастырѣ и имѣющих разныя монастырскія должности лиц, если присоединятся к единовѣрію, оставить при их мѣстах и должностях и взносить за них в общества их подати и повинности, до новой ревизіи, из монастырских доходов; в случаѣ же, если они останутся в расколѣ, дать этому монастырю единовѣрческаго настоятеля и замѣстить прочія должности единовѣрными иноками, по распоряженію епархіальнаго начальства.

3. Равномѣрно оставить в монастырѣ и прочих по паспортам и видам проживающих, если они присоединятся к единовѣрію, с платежем за них, если принадлежат к городским или сельским обществам, податей и повинностей, до новой ревизіи, из монастырских доходов.

4. Из тѣх же доходов уплачивать подати и повинности за приписанных к этому монастырю государственных крестьян, с тѣм, чтобы тѣ из них, кои не пожелают обратиться к единовѣрію, помѣщены были при монастырѣ в богадѣльню, равно как и тѣ „из коснѣющих в расколѣ" посторонних лиц, которыя, не принадлежа к городским или к сельским обществам, проживают там по разным видам и в других мѣстах не могут имѣть себѣ пріюта.

5. Женскій старообрядческій Покровскій монастырь, состоящій на землях мужского Спасопреображенскаго монастыря и пользующійся нераздѣльно с ним монастырскими угодьями, обратить в женскую единовѣрческую обител, в которой отправленіе службы и священных треб по старопечатным книгам возложить на священника Спасопреображенскаго монастыря.

6. В женской обители оставить тѣх из живущих там отшельниц, которыя присоединятся к единовѣрію; прочих же обратить в их семейства, а неимѣющих пріюта престарѣлых и немощных содержать в особой женской богадѣльнѣ на счет монастырских доходов.

7. Земли съ находящимся на нихъ лѣсомъ и другими угодьями, отмежеванныя въ 1801 году къ Верхне-Спасопреображенскому монастырю, оставить при немъ на общемъ положеніи монастырскихъ земель.

8. Приведеніе всѣхъ этихъ распоряженій въ немедленное и точное исполненіе предоставить по принадлежности саратовскому гражданскому губернатору и мѣстному епархіальному архіерею, при содѣйствіи управляющаго палатою государственныхъ имуществъ и мѣстнаго окружнаго начальника.

Графъ Строгановъ, объявляя это высочайшее повелѣніе Ѳадѣеву, съ своей стороны прибавлялъ, что, такъ какъ въ 1837 году, при обращеніи Средне-Никольскаго иргизскаго монастыря въ единовѣрческій, „огласка сего и несвоевременныя распоряженія были поводомъ происходившихъ тамъ безпорядковъ", то онъ и просилъ Ѳаддѣева, для исполненія этой послѣдней высочайшей воли, „принять удобнѣйшія мѣры по ближайшему усмотрѣнію и извѣстности всѣхъ обстоятельствъ", съ тѣмъ, чтобы „дѣло сіе приведено было къ окончанію со всевозможною осторожностью и съ предупрежденіемъ всякихъ неблагопріятныхъ послѣдствій". Считая это весьма серьезнымъ и подверженнымъ риску, особенно при томъ броженіи умовъ, какое сказывалось въ раскольникахъ всего Поволжья, графъ Строгановъ присовокуплялъ ко всему этому: „я отношусь къ в—му пр—ву по сему предмету въ томъ предположеніи, что вы вступили уже въ управленіе губерніею; въ противномъ же случаѣ я прошу васъ оставить сіе мое предписаніе безъ исполненія до времени вступленія вашего въ должность, *такъ какъ, согласно высочайшей воли, дѣло сіе поручается вамъ подъ личную вашу отвѣтственность*".

21-го мая Ѳаддѣевъ получилъ это предписаніе, а 26-го онъ былъ уже въ Вольскѣ, по дорогѣ къ Иргизамъ.

Передъ отъѣздомъ онъ сдѣлалъ слѣдующія секретныя распоряженія: желая по возможности, чтобы тайна его намѣреніи не была обнаружена и не оглашена между раскольниками, Ѳаддѣевъ, чтобъ замаскировать свой отъѣздъ, написалъ не николаевскому окружному начальнику, въ округѣ котораго находились раскольничьи монастыри, а новоузенскому, чтобы онъ въ тотъ же вечеръ отправился черезъ городъ Вольскъ въ городъ Николаевскъ и ожидалъ бы тамъ его прибытія для принятія порученій лично отъ губернатора, такъ какъ николаевскій окружный начальникъ боленъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ этому начальнику распорядиться при проѣздѣ по тракту отъ Саратова о немедленномъ заготовленіи на станціяхъ по двѣнадцати обывательскихъ лошадей сверхъ почтовыхъ. Съ нимъ вмѣстѣ онъ послалъ предписанія николаевскому городничему и исправляющему должность окружнаго начальника, съ извѣщеніемъ о своемъ выѣздѣ. Первому онъ писалъ, что, предполагая прибыть 26-го числа, въ Николаевскъ и имѣть тамъ ночлегъ, онъ желаетъ, чтобъ, при проѣздѣ его чрезъ городъ, „чиновники никакихъ встрѣчъ и приготовленій не дѣлали", а что онъ находитъ только нужнымъ имѣть при себѣ земскаго исправника, для со-

провожденія по тракту къ селенію Пестравкѣ, и кого-нибудь изъ становыхъ въ селѣ Балаковѣ. Окружному же начальнику, между тѣмъ, Ѳаддѣевъ писалъ, что онъ располагаетъ прибыть въ Николаевскъ и въ округъ этого города для совѣщаній, будто бы, съ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, на границѣ оренбургской и саратовской губерній, по дѣламъ, касающимся башкирскихъ земель, что поэтому онъ долженъ распорядиться къ тому времени заготовленіемъ по тракту черезъ село Пестравку до двѣнадцати лошадей съ проводниками, какъ для проѣзда его самого, такъ и начальника съемки „свободныхъ земель". Чтобы еще больше обмануть населеніе и распустить слухъ о башкирскихъ земляхъ для отвлеченія любопытства народа совершенно въ противоположную сторону, Ѳаддѣевъ приказывалъ окружному начальнику возложить на кого-либо изъ членовъ пестравскаго волостного правленія дознать подъ рукою, не появились ли въ сосѣдствѣ ихъ сборища башкирцевъ и не разглашали ли какихъ-либо предположеній насчетъ земель, ими оспариваемыхъ,—чтобъ донесеніе объ этомъ было представлено Ѳаддѣеву тотчасъ по пріѣздѣ его въ Пестравку. чтобы къ его пріѣзду въ Николаевскъ собрались волостные головы малокопаевскій и тагетовскій и чтобы самъ начальникъ никуда не отлучался.

Кромѣ того, передъ отъѣздомъ Ѳаддѣевъ призывалъ къ себѣ жандармскаго начальника Есипова и объявилъ ему секретно высочайшую волю о раскольническихъ монастыряхъ, а потомъ написалъ, чтобы Есиповъ тоже выѣзжалъ въ Вольскъ къ утру 26-го мая и взялъ бы съ собою нѣсколько благонадежныхъ жандармовъ. Онъ просилъ Есипова — „сохранить насчетъ отъѣзда вашего по вольскому тракту совершенную безгласность, объявивъ, если то необходимо будетъ, или давъ видъ, что отправляетесь со мною въ кузнецкій уѣздъ, по случаю возникавшихъ тамъ между крестьянами безпокойствъ". Между тѣмъ, саратовскому земскому исправнику написалъ, что онъ отмѣняетъ распоряженіе свое относительно предполагаемой поѣздки въ кузнецкій уѣздъ, и велѣлъ распустить лошадей, приготовленныхъ на станціяхъ отъ села Клещовки. Мало того, вольскому почтмейстеру онъ приказалъ остановить на этотъ день всю почтовую корреспонденцію, а равно всѣ посылаемые съ нарочнымъ отъ кого-либо частные и казенные пакеты по пути отъ Саратова къ Николаевску.

Съ своей стороны саратовскій преосвященный Іаковъ, по тайному совѣщанію съ Ѳаддѣевымъ, послалъ на Иргизы, одновременно съ губернаторомъ, двухъ довѣренныхъ протоіереевъ, Ѳедора Вязовскаго и Гавріила Чернышевскаго, давъ имъ особыя секретныя инструкціи. Кромѣ того, Іаковъ предписалъ благочинному архимандриту Платону, настоятелю Нижне-Воскресенскаго единовѣрческаго монастыря (обращеннаго изъ раскольническаго въ 1837 году), а равно настоятелю другого единовѣрческаго монастыря, Никольскаго, іеромонаху Арсенію, исполнять всѣ требованія, съ какими можетъ къ нимъ отнестись Ѳаддѣевъ въ данномъ случаѣ. Затѣмъ, предварительныя распоряженія Іакова заключались въ слѣдующемъ: архимандритъ Платонъ посылаетъ въ старообрядческій Спасопреображенскій мона-

стырь священника Никольскаго единовѣрческаго монастыря Лебедева или надежнаго іеромонаха, по своему усмотрѣнію, для отправленія тамъ богослуженія и церковныхъ таинствъ по древнему обычаю и старопечатнымъ книгамъ, если иноки старообрядческаго монастыря примутъ единовѣріе; если же они не пожелаютъ присоединиться къ единовѣрію, то принять начальство, временно, надъ этимъ монастыремъ самому Платону, а управленіе Нижне-Воскресенскимъ монастыремъ поручить надежному іеромонаху; архимандритъ Платонъ долженъ взять съ собой изъ Воскресенскаго монастыря, смотря по надобности, нѣсколько иночествующихъ для порученія имъ монастырскихъ должностей и послушаній по старообрядческому монастырю; архимандритъ Платонъ, принявъ начальство надъ старообрядческимъ монастыремъ, долженъ совершить въ монастырской церкви молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и царской фамиліи, равно и святѣйшему синоду; архимандриту Платону предоставляется освятить монастырскую церковь въ старообрядческомъ монастырѣ по обращеніи его въ единовѣріе, для чего и посланъ Платону антиминсъ древней формы; потомъ архимандритъ Платонъ долженъ немедленно составить опись монастырскому движимому и недвижимому имуществу, затѣмъ принять въ свое завѣдываніе и женскую старообрядческую обитель, находящуюся отъ мужской въ трехъ верстахъ, составить вѣдомости монастырскому населенію и имуществу при іеромонахѣ Арсеніи, а если онъ боленъ, то при протоіереѣ Элпидинскомъ.

Наконецъ, когда Ѳаддѣевъ уже выѣзжалъ изъ Саратова, его нѣсколько разъ догоняли посланные отъ Іакова съ записками, совершенно секретно вручаемыми, изъ коихъ въ одной, напримѣръ, говорилось: „Книги и зловредные тетрадки у жильцовъ (раскольниковъ) монастыря полезно отобрать и представить куда слѣдуетъ на разсмотрѣніе. Богъ да благословитъ путь вашъ!“ Въ другой: „Если на озерѣ Калачѣ принять лодку, на которой монастырскія бабы переѣзжаютъ въ мужской монастырь, если поставить штыка три-четыре на мосту монастырской мельницы, то доступъ къ мужскому Спасопреображенскому монастырю для постороннихъ людей совершенно будетъ невозможенъ. Жандармъ можетъ при лодкѣ на Калачѣ покупаться. Нужно обратить вниманіе на Толстовку, село, изобилующее раскольниками и недалекое отъ Давыдовки. Благословеніе Господне да будетъ на васъ!“

При этомъ слѣдуетъ указать на одно, весьма немаловажное обстоятельство, доказывающее, что для раскольниковъ ничто не было тайной изъ того, что дѣлалось не только въ кабинетахъ губернаторовъ, но и въ кабинетахъ министровъ, даже болѣе — въ кабинетахъ государей. Око ихъ агентовъ всюду проникало, и запертыя двери, какъ они сами выражались, „отмыкались золотыми ключами“. Такъ, безъ сомнѣнія, иргизскіе раскольники провѣдали, что въ Петербургѣ готовится на нихъ гроза, раньше, чѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе 27-го апрѣля. По крайней мѣрѣ 16-го апрѣля на Иргизахъ уже знали, что для поднесенія госу-

дарю готовится докладъ объ обращеніи ихъ монастырей въ единовѣріе, что докладъ этотъ не въ ихъ пользу. 16-го апрѣля въ Петербургъ, на имя графа Строганова, съ Иргизовъ полетѣла просьба раскольниковъ, въ которой раскольники просили имъ дать священниковъ.

Вотъ эта любопытная просьба (послѣдняя попытка раскольниковъ удержать свою автономію), подписанная настоятелемъ инокомъ Силуаномъ:

„Духовное начальство давно уже передало гражданскому начальству мысль о иргизскихъ монастыряхъ, что будто бы они были главой и разсадникомъ старообрядческаго вѣроисповѣданія и прочихъ сектъ: если-де монастыри сіи и находящееся въ оныхъ священство не будутъ уничтожены, то и старообрядцы обратиться не могутъ. Потому правительство и обратило на монастыри сіи особенное дѣйствіе: два монастыря преобразованы изъ старообрядческихъ въ единовѣрческіе—первый, Нижне-Воскресенскій, по доброволному немногихъ людей согласію, второй, Средне-Никольскій, безъ согласія жителей, силою воинскою, которые жители и наказаны ссылкою въ закавказскія провинціи, признанные преступниками высочайшей воли. Послѣдній же, сей Верхне-Спасопреображенскій, хотя и состоитъ старообрядческимъ, но священства во ономъ, съ 1836 года, по распоряженію начальства, не имѣется, и, гдѣ таковые священники находятся, отлучаться намъ туда для исполненія духовныхъ своихъ требъ строго воспрещается, да и всякая изъ монастыря отлучка тожъ воспрещена. За исполненіемъ же таковыхъ дѣйствій, положеннаго напротивъ евангельскаго Христова изреченія—„никто же можетъ пріити ко мнѣ, аще не Отецъ небесный привлечетъ его“ и напротивъ нынѣ существующаго гражданскаго закона (т. XIV, ст. 73), не дозволяющаго господствующей церкви имѣть ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи иновѣрныхъ и отнюдь ничѣмъ не угрожать, поступать же по образу проповѣди апостольской,—старообрядцы, имѣющіе свое вѣроисповѣданіе, основанное на ученіи Христа Спасителя, апостольской проповѣди и на церковномъ святыхъ отецъ преданіи, изложенномъ въ старопечатныхъ книгахъ, существовавшихъ при пяти первыхъ россійскихъ патріархахъ, а не на предразсудкахъ человѣческихъ, и понынѣ все остаются старообрядцами: духовное же начальство, не удовлетворяясь таковыми вышеприписанными дѣйствіями, продолжаетъ и теперь порицательныя къ стѣсненію старообрядцевъ передавать къ гражданскому начальству свои мнѣнія и, по частному неимѣнію священства, смѣшивается старообрядческое вѣроисповѣданіе съ прочими богопротивными сектами“.

Вслѣдствіе этого раскольники, подкрѣпляясь еще ст. 45, т. I, просили дать имъ священниковъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія 26-го марта 1822 года, а если этого нельзя сдѣлать, то дозволить по крайней мѣрѣ пріѣзжать имъ на Иргизы временно изъ столицъ и другихъ городовъ, гдѣ есть старообрядческіе священники, для исправленія между иргизскими раскольниками требъ и богослуженія въ монастырскихъ церквахъ. „Мы усугубимъ славить всемогущаго Бога по закону и исповѣданію

праотцевъ нашихъ (прибавляли раскольники), благословляя царствованіе россійскаго монарха отца нашего и моля Творца вселенной объ умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы имперіи".

Но просьба эта не успѣла дойти до Петербурга во-время, запоздавъ въ дорогѣ всего только четыре дня: высочайшее повелѣніе объ обращеніи иргизскихъ монастырей послѣдовало 27-го апрѣля, а просьба раскольниковъ получена 1 мая.

Когда Ѳадѣевъ уже отъѣзжалъ въ Вольскъ, то ему принесли съ почты пакетъ, въ которомъ онъ нашелъ бумагу графа Строганова и при ней это прошеніе раскольниковъ. Рукою Ѳадѣева на прошеніи сдѣлана помѣта: „за уничтоженімъ монастырей взять къ дѣлу". Такъ неудачно кончилась послѣдняя попытка раскольниковъ отстоять свою независимость.

IV.

Прискакавъ, 26 мая, въ Вольскъ, Ѳаддѣевъ тотчасъ же распорядился командировать оттуда военную команду за Волгу въ село Подъемъ, Николаевскаго уѣзда, приказавъ „снарядить ее всѣмъ нужнымъ по походному положенію" и продовольствіемъ на двое сутокъ. Команда должна была остаться въ Подъемѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній губернатора. Въ самомъ Вольскѣ должны были остаться караулы при тюремномъ замкѣ, казначействѣ и на другихъ постахъ, и отправка пересыльныхъ арестантовъ должна была на время пріостановиться. Команда отправлена на подводахъ, съ тѣмъ, чтобы растахъ она имѣла въ Николаевскѣ. Находившемуся въ Вольскѣ депутату отъ удѣльнаго вѣдомства Ѳаддѣевъ также не сообщилъ о цѣли своей поѣздки, боясь, вѣроятно, огласки, такъ какъ чиновники удѣльнаго вѣдомства всегда навлекали на себя подозрѣніе въ не совсѣмъ безкорыстныхъ отношеніяхъ къ раскольникамъ, состоявшимъ большею частью въ удѣльномъ владѣніи, а предлогомъ поѣздки своей опять-таки выставилъ „свободныя земли" и споръ изъ-за нихъ съ башкирами. Онъ приказалъ этому депутату (Краснову) немедленно распорядиться заготовленіемъ по тракту отъ Балакова до Подъема по двѣнадцати лошадей и по шести троекъ, особо, съ телѣгами во всѣхъ селеніяхъ удѣльнаго вѣдомства. Эти тридцать лошадей не должны были быть никому отпускаемы, кромѣ чиновниковъ, нарочныхъ и командъ, которыя будутъ посылаемы лично Ѳаддѣевымъ. Наконецъ, губернаторъ поручилъ Краснову распорядиться, чтобы отправленіе частныхъ писемъ и всякихъ посылокъ посредствомъ обывательскихъ лошадей было непремѣнно пріостановлено. Этимъ способомъ Ѳаддѣевъ желалъ прервать всякое сообщеніе съ иргизскими монастырями, чтобы кто-либо тайно не предувѣдомилъ ихъ о грозящей раскольникамъ опасности, ибо раскольники вездѣ имѣли своихъ сторонниковъ, соглядатаевъ и подкупщиковъ. Тутъ же онъ приказалъ Крас-

нову безотлучно находиться въ Балаковѣ или назначить кого-либо изъ благонадежнѣйшихъ служебныхъ лицъ для безотлучнаго нахожденія при балаковскомъ перевозѣ черезъ Волгу: это лицо должно было наблюдать, чтобы день и ночь были въ готовности одинъ дощаникъ и двѣ лодки, которыхъ ни подъ какимъ видомъ никому не давать, кромѣ тѣхъ нарочныхъ, чиновниковъ и командъ, которые будутъ снабжены личными приказаніями губернатора. Наконецъ, вольскому земскому исправнику Ѳадѣевъ велѣлъ, кромѣ заготовленія подводъ по всѣмъ трактамъ — на Иргизы и обратно въ Саратовъ, наблюдать строжайше, чтобы въ теченіе этого времени положительно никому не были даваемы обывательскія подводы подъ свозъ партикулярныхъ проѣзжающихъ, равно нарочныхъ, посылокъ и писемъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ. Самъ исправникъ долженъ былъ безотлучно находиться на правомъ берегу Волги, противъ Балакова, и имѣть при себѣ лодки и дощаникъ для экстренныхъ посылокъ.

28-го мая всѣ чиновныя лица какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства, губернаторъ, жандармскій начальникъ и прочіе съѣхались въ городѣ Николаевскѣ. Въ тайномъ совѣщаніи обсуждены были всѣ мѣры, которыя могли привести къ наиболѣе успѣшному и возможно безгласному исполненію распоряженія правительства. Положено было захватить раскольническую обитель въ тотъ именно моментъ, когда все монастырское населеніе будетъ находиться въ церкви. Это было мнѣніе архимандрита Платона, который заявилъ въ совѣщаніи. что въ монастырѣ утреня начинается въ три часа, оканчивается въ шесть; часы начинаются въ девять, а оканчиваются въ одиннадцать: всѣ монашествующіе, даже тѣ, которые заняты нѣкоторыми монастырскими послушаніями, къ десяти часамъ непремѣнно соберутся въ церковь. Этотъ моментъ Платонъ находилъ „удобнѣйшимъ къ дѣйствію“. Въ совѣщаніи положено, что въ началѣ одиннадцатаго часу архимандритъ Платонъ и прочее духовенство будутъ находиться близъ монастыря, именно у плотины, на дорогѣ, ведущей въ самую обитель; эти лица должны были находиться въ двухъ закрытыхъ повозкахъ и по первому зову тотчасъ явиться въ монастырь. Такъ какъ изъ мужского монастыря въ женскій ведутъ двѣ дороги—сухопутная, около озера Калача, черезъ лѣсъ, и другая — черезъ озеро на лодкахъ, то въ этихъ двухъ мѣстахъ поставить караулъ, который долженъ преградить всякое сообщеніе между обителями. Приняты были во вниманіе еще слѣдующія обстоятельства: раскольники сосѣднихъ селъ Давыдовки и Пузановки, а равно изъ города Николаевска, такъ какъ „не почитаются особенно склонными къ противленію“, то они и признаны неопасными. Относительно чиновниковъ удѣльнаго вѣдомства въ тайномъ совѣщаніи заявлено было, что, „сколько извѣстно по слухамъ, надежнымъ признается окружный г. Воробьевъ; впрочемъ и о другихъ ничего противнаго неизвѣстно“. Настоятель монастыря Силуанъ, четыре его помощника или старшіе изъ братіи, „а по формѣ монастырской старообрядческой—уставщики“— Аѳанасій, Платонъ, Веніаминъ и Трифиллій, „изъ коихъ менѣе упор-

ными признаются Веніаминъ и Трифиллій, а прочіе одного духа противнаго“.

Нѣсколько часовъ достаточно было, чтобы „сіи послѣднія твердыни древляго правовѣрія пали предъ смраднымъ дыханіемъ звѣря десятарожнаго“—таковъ отзывъ раскольниковъ о паденіи послѣднихъ двухъ раскольническихъ оплотовъ на Иргизахъ.

А вотъ въ какой формѣ Ѳаддѣевъ доносилъ графу Строганову объ окончательномъ исполненіи имъ высочайшей воли относительно иргизскихъ монастырей.

„По предварительномъ соображеніи существа дѣла, я нашелъ, что для достовѣрности успѣха, сообразно видамъ и указаніямъ, необходимы были два условія: 1) внезапность и нечаянность исполненія въ отношеніи къ обитателямъ монастырей и отвращеніе всякаго препятствія къ исполненію во время самаго приведенія въ дѣйствіе; 2) уничтоженіе моральной причины покушенія окрестныхъ старообрядцевъ къ возвращенію монастырей въ старообрядчество и отвращеніе какихъ-либо со стороны ихъ безпокойствъ послѣ обращенія.

„Для достиженія перваго условія потребна была совершенная неизвѣстность предпріятія до самаго времени исполненія; почему всѣмъ моимъ предварительнымъ распоряженіямъ и дана была совершенная безгласность, отъѣзду же изъ Саратова—другой благовидный предлогъ.

„Для уничтоженія моральной причины къ покушенію старообрядцевъ возвратить монастыри и произвести безпокойства послѣ обращенія, необходимо было скорѣйшее вступленіе единовѣрческаго духовенства въ церкви и окропленіе оныхъ святою водою, съ каковымъ дѣйствіемъ соединяется нелѣпое, но не менѣе того сильное убѣжденіе старообрядцевъ и увѣренность, что завѣтная святыня ихъ храма послѣ сего уничтожается. Извѣстно, что старообрядцы дорожатъ своими церквами токмо дотолѣ, пока не послѣдуетъ освященіе ихъ по уставамъ единовѣрія, послѣ чего они содѣлываются уже совершенно къ обладанію ими равнодушны“.

Вотъ на этихъ-то соображеніяхъ и основаны были всѣ дѣйствія Ѳаддѣева.

Рано утромъ, 28-го мая, въ сопровожденіи духовенства, чиновниковъ, жандармовъ и солдатъ, Ѳаддѣевъ выѣхалъ изъ Николаевска. Въ тотъ же часъ, одновременно съ выѣздомъ, онъ распорядился—удалить изъ всѣхъ смежныхъ селеній, не далѣе двухъ верстъ разстоянія отъ монастырей, тѣхъ изъ обывателей раскольниковъ, которые, по вліянію на умы мѣстнаго крестьянскаго населенія, могли быть не безопасны и могли поднять крестьянъ на бунтъ, что и было въ 1837 году,—прекратить на время всякое сообщеніе между монастырями, обложить всѣ окрестныя дороги народомъ изъ православнаго населенія Николаевска и ближайшихъ селъ, отнять у монаховъ всѣ средства запереть монастырь, церковь, ризницу и покуситься на воззваніе къ поголовному ополченію сосѣднихъ крестьянъ посредствомъ набатныхъ колоколовъ или какимъ-либо другимъ условнымъ знакомъ съ

колокольни, для чего пущены были въ дѣло солдаты, которые и заняли караулы разомъ во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ и именно въ то самое время, когда Ѳаддѣевъ со свитою чиновниковъ неожиданно вступилъ въ монастырскую церковь.

Внезапность появленія властей въ монастырской оградѣ, штыки, по мановенію невидимой руки разомъ заблестѣвшіе у монастырскихъ воротъ, у церкви, ризницы и колокольни, зловѣщая тишина и одновременность, съ которою все это сдѣлалось, такъ поразили раскольниковъ, неожиданно очутившихся въ засадѣ, что монастырь сдался безъ признака даже сопротивленія. Монахи не знали даже, что дѣлается за воротами—кто тамъ, не окружены ли они со всѣхъ сторонъ войскомъ, не направлены ли на ихъ теплое гнѣздо жерла пушекъ. Помощи ждать было, повидимому, неоткуда: ихъ защитники, крестьяне, или предали ихъ, или уступили силѣ. Все было потеряно.

Собравшимся въ церкви монахамъ Ѳаддѣевъ тотчасъ же объявилъ высочайшую волю. Затѣмъ, по прочтеніи высочайшаго повелѣнія, „я,—говоритъ губернаторъ,—потребовалъ отъ нихъ отзыва, отъ каждаго порознь, о согласіи или несогласіи на обращеніе въ единовѣріе; они приняли таковое повелѣніе, по крайней мѣрѣ наружно, съ покорностію и смиреніемъ; но присоединиться къ единовѣрію въ то же время не согласились“.

Вслѣдъ затѣмъ въ церковь вступилъ архимандритъ Платонъ съ единовѣрческимъ и инымъ духовенствомъ въ полномъ церковномъ облаченіи. Губернаторъ вновь прочиталъ высочайшее повелѣніе. Тогда Платонъ, „испытавъ средства религіознаго убѣжденія и, наконецъ, видя безплодность увѣщаній, немедленно, въ полномъ облаченіи, произвелъ окропленіе церкви святою водою съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему августѣйшему дому“. Затѣмъ архимандритъ „счелъ необходимымъ поставить инокамъ на видъ суетность ихъ святыни и воображаемой древности церкви, раскрытіемъ, что антиминсъ на престолѣ былъ безъ святыхъ мощей и подписи древнихъ архіереевъ“.

Послѣ всего этого, сдѣлавъ подтвержденіе бывшимъ монастырскимъ настоятелю иноку Силуану и прочимъ властямъ, уставщикамъ и инокамъ о сохраненіи между обитателями монастыря спокойствія, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій и оставивъ во всѣхъ мѣстахъ военные караулы, губернаторъ вмѣстѣ съ архимандритомъ и прочимъ духовенствомъ отправились въ женскій монастырь, гдѣ, по объявленіи высочайшаго повелѣнія, также произведено было окропленіе часовни, молебствіе, провозглашеніе многолѣтія и т. д.

Такъ совершилось, по выраженію раскольниковъ, „посрамленіе святыни древляго благочестія десяторожнымъ звѣремъ“.

Архимандритъ Платонъ немедленно приступилъ къ пріему монастырскаго имущества отъ прежнихъ монастырскихъ властей, а такъ какъ раскольники продолжали упорно отказываться отъ принятія единовѣрія, то, для отправленія тамъ богослуженія и церковныхъ таинствъ по древнему обычаю и

старопечатнымъ книгамъ, остался самъ въ монастырѣ съ нѣсколькими единовѣрческими монахами, въ ожиданіи распоряженія архіерея объ опредѣленіи туда постоянныхъ священно и церковнослужителей.

Ѳаддѣевъ и другіе чиновники выѣхали изъ монастыря обратно въ Николаевскъ, и въ тотъ же день николаевскимъ старообрядцамъ и раскольникамъ сосѣднихъ селеній было объявлено о приведеніи въ исполненіе сказаннаго высочайшаго повелѣнія относительно иргизскихъ монастырей. „Крестьянамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушено, въ отвращеніе всякихъ ложныхъ толковъ, возникнуть могущихъ, якобы вслѣдъ затѣмъ послѣдуетъ и насильственное ихъ обращеніе къ единовѣрію, —чего, по ихъ невѣжеству и склонности къ превратнымъ истолкованіямъ, ожидать было возможно,—что обращеніе монастырей къ нимъ, крестьянамъ-старообрядцамъ, въ ихъ религіозномъ положеніи и въ ограниченіяхъ, законами постановленныхъ, никакого отношенія не имѣетъ и что потому они должны оставаться совершенно спокойными, въ чемъ и оказано ими полное послушаніе", какъ доносилъ Ѳаддѣевъ потомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Трое сутокъ губернаторъ пробылъ въ Николаевскѣ, и въ это время ни въ городѣ, ни въ монастыряхъ, ни въ окрестныхъ селеніяхъ „спокойствіе и тишина ни малѣйше не были нарушены".

Впрочемъ, для предупрежденія могущихъ возникнуть въ монастырѣ безпокойствъ и смутъ со стороны разжалованныхъ старообрядческихъ властей, Ѳаддѣевъ потребовалъ отъ архимандрита Платона отзыва относительно степени благонадежности или неблагонадежности бывшихъ раскольничьихъ иноковъ и насколько могутъ быть опасны коноводы раскола, если ихъ оставить въ монастырѣ или просто на свободѣ. Платонъ отозвался, что пребываніе бывшихъ монаховъ въ монастырѣ онъ „считаетъ не только возможнымъ, но даже полезнымъ, въ видахъ ожидаемаго съ протеченіемъ времени и по благодати Божіей присоединенія ихъ къ единовѣрію"; что только трехъ главныхъ столповъ раскола—настоятеля Силуана, а также иноковъ Аѳанасія и Платона — „положительно нельзя оставлять въ монастырѣ, изъ опасенія возможнаго отъ нихъ какого-либо покушенія на обольщеніе умовъ простого народа и нарушеніе спокойствія"; что изъ бѣльцовъ никто не опасенъ, и потому они могли бы остаться въ монастырѣ; но что бывшихъ инокинь и бѣлицъ женскаго монастыря, которыхъ тамъ было больше ста старухъ, молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и даже дѣтей, онъ рѣшительно не знаетъ, почему и не можетъ сказать насколько это женское населеніе опасно, при всемъ томъ полагалъ бы полезнымъ немедленно удалить изъ обители настоятельницу и уставщицъ.

Во время пребыванія въ Николаевскѣ Ѳаддѣевъ призналъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія мѣры по отношенію къ вновь обращеннымъ монастырямъ: для огражденія спокойствія какъ внутри монастырей, такъ и въ окрестномъ крестьянскомъ населеніи, оставлена въ монастыряхъ небольшая военная команда изъ солдатъ городовъ Вольска и Николаевска; солдаты должны были помѣщаться въ особыхъ монастырскихъ кельяхъ и доволь-

ствоваться отъ монастырской трапезы улучшенною пищею; бывшихъ иноковъ Силуана, Аѳанасія и Платона велѣлъ понудить чрез исправника самымъ настоятельнымъ образомъ о передачѣ ими архимандриту Платону всѣхъ хранившихся у нихъ книгъ, реестровъ, счетовъ и другихъ документовъ, относящихся до церковныхъ и монастырскихъ имуществъ; велѣлъ объявить имъ, что за уничтоженіемъ монастыря, имъ неприлично носить иноческую одежду „къ соблазну простодушныхъ людей", а что они должны избрать какую-либо свѣтскую одежду по своему желанію, всѣ же иноческіе знаки отдать для храненія въ судъ; затѣмъ этихъ трехъ монаховъ, по разоблаченіи отъ монашескаго платья, приказалъ отправить въ Саратовъ подъ надзоромъ чиновника Сазонова и подъ конвоемъ жандармовъ; прочихъ монаховъ, „не почитаемыхъ опасными для тишины и спокойствія обители", оставить въ монастырѣ, учредить надъ ними строгій надзоръ, чтобы пресѣчь всякое сообщеніе съ ними постороннихъ людей, особенно раскольниковъ; бѣльцовъ и всѣхъ принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ другихъ губерній оставить на время въ монастырѣ; тѣхъ же, которые принадлежатъ къ крестьянскимъ обществамъ саратовской губерніи, немедленно выслать въ подлежащія общества подъ строгій надзоръ мѣстныхъ властей, съ тѣмъ, чтобы они никуда не отлучались и не носили монашескаго платья; престарѣлыхъ и безпріютныхъ поручить призрѣнію обществъ или оставить въ монастырской богадѣльнѣ; горожанъ оставить въ монастырѣ.

„Столпы благочестія", Силуанъ, Аѳанасій и Платонъ имѣли слѣдовать черезъ Вольскъ прямо въ Саратовъ, гдѣ и долженъ былъ принять ихъ вице-губернаторъ Одедессіонъ. По дорогѣ, для избѣжанія огласки и изъ опасенія возбудить въ народѣ толки, велѣно было на станціяхъ перемѣнять лошадей немедленно, не допускать у экипажей ни стеченія народа, ни разговоровъ съ арестантами; при малѣйшемъ же съ чьей-либо стороны покушеніи освободить или укрыть монаховъ—немедленно и тѣхъ, и другихъ арестовать и сажать въ острогъ, особенно если покушеніе это возникнетъ въ Вольскѣ, гдѣ все раскольническое населеніе могло быть взволновано появленіемъ ихъ прежнихъ коноводовъ. Но въ то время, когда уже все было готово къ отъѣзду, новый настоятель монастыря архимандритъ Платонъ заявилъ губернатору, что Силуанъ занемогъ и не можетъ ѣхать, и потому просилъ оставить его въ монастырѣ подъ строжайшимъ надзоромъ и удаленно отъ остальнаго насенія монастыря. Ѳаддѣевъ согласился на это.

Затѣмъ отъ всѣхъ монаховъ, монахинь, бѣльцовъ и бѣлицъ отобраны были книги, тетрадки, духовные стихи, рукописи и все, о чемъ просилъ Ѳаддѣева Іаковъ. Что же касается другого имущества, не вошедшаго въ монастырскія описи, то его велѣно продавать по желанію каждаго владѣльца, и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше, чтобы впослѣдствіи, когда бы предстояла необходимость всѣхъ монастырскихъ обывателей разсылать на мѣсто родины каждаго, эти не поконченныя имущественныя дѣла не затянули разсылку монастырскаго населенія. Изъ женскаго монастыря настоятельницу инокиню Надежду и помощницу ея, уставщицу Асенефу, на другой же день

отправили съ особыми чиновниками и съ жандармами—первую въ Вольскъ, послѣднюю—въ Хвалынскъ, къ роднымъ, подъ строжайшій надзоръ мѣстной полиціи, съ тѣмъ, чтобы ни та, ни другая не носили монашескаго платья и ни съ кѣмъ не входили въ сношенія; всѣхъ прочихъ инокинь и бѣлицъ—выслать изъ монастыря въ подлежащія губерніи съ особыми видами и съ обозначеніемъ въ нихъ причины изгнанія изъ монастыря; всѣ онѣ отдавались подъ надзоръ полиціи, которая должна была наблюдать, чтобъ раскольницы ходили въ свѣтскомъ одѣяніи и не заводили для себя особыхъ келій, скитовъ и прочихъ пустынно-жительскихъ обителей.

Наконецъ, отъѣзжая уже въ Саратовъ, Ѳаддѣевъ призвалъ къ себѣ мѣстнаго земскаго исправника Ансіева и приказалъ ему, поручивъ кому-либо изъ членовъ земской полиціи надзоръ за сохраненіемъ спокойствія и порядка въ монастыряхъ и окрестныхъ селеніяхъ, наполненныхъ приверженцами раскола, немедленно отправиться, совмѣстно съ членомъ управленія государственныхъ имуществъ и чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства, въ тѣ села и деревни, гдѣ находятся въ значительномъ числѣ послѣдователи раскола, и, созвавъ вездѣ сельскіе сходы, объявить крестьянамъ: объ обращеніи, по высочайшему повелѣнію, помянутыхъ монастырей въ единовѣріе „безъ всякаго со стороны кого-либо упорства или затрудненія“; о предоставленномъ монаршимъ снисхожденіемъ правѣ бывшимъ обитателямъ монастырей присоединиться къ единовѣрію или же остаться при прежнихъ ихъ убѣжденіяхъ, „безъ всякаго принужденія“; о милостивомъ дозволеніи оставить престарѣлыхъ, немощныхъ и безпріютныхъ въ богадѣльняхъ при монастыряхъ, съ оплатою за нихъ податей изъ монастырскихъ доходовъ; объ оставленномъ монастырямъ пользованіи землями и угодьями, дарованными монастырямъ въ прежнія времени; объ обращеніи, наконецъ, всѣхъ не присоединившихся къ единовѣрію и по лѣтамъ и здоровью не оставленныхъ въ богадѣльняхъ въ ихъ семейства или ихъ прежнія сословія. На сельскихъ сходахъ чиновники должны были „предостеречь крестьянъ и внушить имъ“, что, послѣ этого формальнаго объявленія имъ, „о происшедшемъ не должны они давать какое-либо вѣроятіе могущимъ произойти отъ неблагонамѣренныхъ людей разглашеніямъ о совершившихся какихъ-нибудь насильственныхъ мѣрахъ съ бывшими обитателями монастырей и что они сами должны оставаться совершенно спокойными насчетъ непреслѣдованія ихъ за религіозныя ихъ убѣжденія, есть ли только поступки ихъ и дѣйствія будутъ согласоваться съ существующими на сей конецъ законными постановленіями“. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ приказалъ Ансіеву, по окончаніи этого оглашенія по селамъ и деревнямъ, донести „о впечатлѣніи, которое произведетъ на крестьянъ таковое объявленіе“.

При отъѣздѣ Ѳаддѣева изъ Николаевска, бывшій съ нимъ жандармскій штабъ-офицеръ Есиповъ получилъ особое порученіе. Ѳаддѣевъ, благодаря Есипова „за благонамѣренное и полезное содѣйствіе“ на Иргизахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его тотчасъ же отправиться прямо въ Хвалынскъ,—городъ, особенно изобилующій раскольниками, и при содѣйствіи тамошняго город-

ничаго объявить имъ („безъ большой гласности и призвавъ ихъ къ себѣ“) объ обращеніи иргизскихъ монастырей и при этомъ „успокоить насчетъ, можетъ быть, распростроняемыхъ слуховъ о какихъ-либо мѣропріятіяхъ правительства относительно ихъ вѣроисповѣданія“, а напротивъ, поставивъ имъ на видъ „дарованныя монаршимъ снисхожденіемъ бывшимъ обитателемъ старообрядчесскихъ монастырей свободу послѣдованія ихъ религіознымъ убѣжденіямъ и права гражданства“, внушить, что они „не должны опасаться никакихъ преслѣдованій и стѣсненій“, если только съ ихъ стороны не будутъ нарушаемы постановленныя правительствомъ правила и формы. „Мнѣ кажется,—прибавлялъ Ѳаддѣевъ,—что ваши внушенія должны будутъ произвесть глубокое на сихъ людей впечатлѣніе, и въ семъ-то преднамѣреніи я обращаюсь къ вамъ съ моею просьбою принять на себя дѣло столь большой важности“. Онъ просилъ его также, по возвращеніи въ Саратовъ, сообщить, какъ будутъ приняты хвалынскими раскольниками его убѣжденія, въ какомъ состояніи онъ найдетъ умы тамошняго населенія и не признается ли необходимымъ принять какія-либо особенныя мѣры для предотвращенія могущихъ встрѣтиться недоразумѣній и затрудненій.

Проѣзжая черезъ Вольскъ, губернаторъ объявилъ вольскимъ старообрядцамъ о томъ, о чемъ они уже знали—сначала какъ бы по предчувствію, а потомъ отъ разнесшейся по Поволжью съ быстротою молнія народной молвы. Вольскіе старообрядцы-милліонеры, какъ Сапожниковы, Курсаковы и пр., не могли не чувствовать, что и до нихъ доходитъ очередь.

V.

„Поздравляю съ благополучнымъ исполненіемъ важной порученности по обращенію монастырей! (такимъ письмомъ встрѣтилъ Ѳадѣева преосвященный Іаковъ по возвращеніи губернатора въ Саратовъ). Это прекрасное начало вашего новаго служенія престолу и отечеству. Это брилліантъ въ вѣнцѣ вашего губернаторства. Это твердое основаніе новаго вашего поста и вмѣстѣ доказательство Божія къ вамъ благоволенія. Святая саратовская церковь будетъ васъ помнить и молиться о васъ Богу.

„Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за скорое увѣдомленіе меня о обращеніи монастырей. Это меня успокоило. Заготовивъ репортъ въ Петербургъ о успѣхѣ вашемъ по дѣлу обращенія монастырей, я отправляюсь въ путь, гдѣ меня давно ожидаютъ“.

Тотчасъ по возвращеніи въ Саратовъ Ѳаддѣевъ донесъ государю императору „о приведеніи въ дѣйствительное исполненіе“ высочайшаго повелѣнія отъ 27-го апрѣля. Въ донесеніи этомъ никакихъ подробностей положительно не заключалось.

Графу Строганову губернаторъ донесъ обо всемъ подробно. Подробности эти болѣе или менѣе извѣстны намъ изъ предыдущей главы. Въ заключеніе же своего донесенія министерству Ѳаддѣевъ присовокуплялъ: „Совер-

шенная и полная безгласность сего дѣла, по высочайшей волѣ непосредственно на меня возложеннаго, кромѣ совершенія онаго безъ всякихъ безпокойствъ и смутъ, принесло еще пользу въ томъ отношеніи, что всѣ находившіяся въ церкви, монастырѣ и принадлежащемъ оному хуторѣ имущества, заключавшіяся въ утвари, запасахъ хлѣба и проч., скотѣ, лошадяхъ и земледѣльческихъ орудіяхъ, не могли быть сокрыты или расхищены и поступаютъ нынѣ въ завѣдываніе новаго монастырскаго начальства. Церковныя вещи въ храмѣ и ризницѣ не только оказались всѣ налицо по описи, на даже въ значительномъ излишкѣ противу оной. Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ страннаго, можетъ быть преднамѣреннаго, но не менѣе того неожиданнаго поступка бывшаго настоятеля Силуана. Человѣкъ этотъ, обладающій замѣчательнымъ по происхожденію его *) природнымъ умомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ производившій сильное вліяніе на приверженцевъ старообрядчества, по окончаніи почти уже описи, обратился ко мнѣ и архимандриту съ убѣдительною просьбою принять въ казну церкви сохранившіяся у него пожертвованныя въ разныя времена деньги 7,800 руб., сохранившіеся въ билетахъ сохранной казны на имя неизвѣстнаго. Онъ присовокупилъ, что къ сему не обязывала его никакая формальность, но единственно по желанію очистить совѣсть и показать, что онъ вполнѣ чувствуетъ, какъ и всѣ его единомышленники, всю кротость и умѣренность мѣръ, которыми приведена въ исправность неизмѣнная высочайшая воля государя".

Привезенные въ Саратовъ иноки Аѳанасій и Платонъ помѣщены были подъ караулъ „не въ видѣ арестантовъ", въ зданіи полицейскаго управленія, во второмъ этажѣ и притомъ въ тѣхъ комнатахъ, окна которыхъ обращены не на улицу, а на дворъ, къ Волгѣ, чтобъ съ улицы никто не могъ ихъ видѣть въ окна, разговаривать съ ними или тайно что-либо передать имъ черезъ окно. При этомъ полицеймейстеру приказано было— „грубаго обращенія, упрековъ или насмѣшекъ надъ ними никому изъ приставленныхъ къ нимъ для надзора строжайше не дозволять, а напротивъ, вмѣнить въ обязанность всѣ ихъ просьбы, непротивныя установленному порядку, исполнять по мѣрѣ возможности"—это относительно доставленія имъ нѣкоторыхъ удобствъ въ помѣщеніи, одеждѣ и пищѣ. Но зато велѣно было строжайше смотрѣть, чтобы ни отъ нихъ, ни къ нимъ не было передаваемо какихъ-либо книгъ, писемъ и записокъ. Наконецъ, велѣно было снабдить ихъ особою посудою тарелками, ложками и проч., а также и хлѣбъ доставлять имъ цѣлымъ, „ибо, по предразсудству ихъ, они не любятъ тѣхъ вещей, до которыхъ касались руки людей, къ ихъ

*) Силуанъ въ мірѣ назывался Семеномъ Никифоровымъ (хвалынскій мѣщанинъ). Ему въ то время было 51 годъ. Два другіе вліятельнѣйшіе раскольника, высланные изъ монастыря въ Саратовъ, Аѳанасій—тоже хвалынскій мѣщанинъ Абрамъ Абрамовъ, 37 лѣтъ, и Платонъ—симбирскій купеческій братъ Петръ Вандышевъ, 30 лѣтъ.

вѣроисповѣданію не принадлежащихъ“, сказано было въ предписаніи губернатора полицеймейстеру.

Какъ ни было мирно и, повидимому, безропотно повиновеніе обоихъ монастырей объявленной имъ высочайшей волѣ, однако изъ всѣхъ монастырскихъ обитателей ни одна душа не отказалась отъ своего стараго вѣрованія, а черезъ нѣсколько дней оба монастыря опустѣли. Особенно же кипѣвшій жизнью многолюдный женскій монастырь былъ оставленъ положительно всѣми, такъ что, когда исправникъ Ансіевъ, по возвращеніи изъ объѣзда окрестныхъ селеній, гдѣ онъ объявлялъ крестьянамъ о мирномъ обращеніи старообрядческихъ монастырей въ единовѣрческіе, пріѣхалъ въ эти монастыри, то въ женскомъ онъ нашелъ только трехъ старухъ-калѣкъ, брошенныхъ тамъ остальными жилицами монастыря за неимѣніемъ права взять съ собою и отправить ихъ въ Николаевскъ, куда старухи сами просились. Брошенный всѣми монастырь былъ охраняемъ только солдатами, а потому архимандритъ Платонъ долженъ былъ вывести оттуда всю церковную утварь въ мужской монастырь, а женскую обитель запереть, словно это былъ мертвый городъ. Дѣйствительно, вмѣсто кипѣвшаго жизнью монастыря осталось одно кладбище, гдѣ покоились кости прежде умершихъ обитательницъ этой опустѣвшей обители.

Такой исходъ дѣла не могъ не привести въ смущеніе мѣстныя губернскія власти, особенно Ѳадѣева и преосвященнаго Іакова, по мысли которыхъ сдѣлано было все нами выше разсказанное, и потому, когда Іаковъ воротился изъ своей поѣздки по епархіи, Ѳаддѣевъ, благодаря его за поздравленіе, высказанное въ вышеприведенномъ письмѣ, между прочимъ писалъ: „Если вы мнѣ дозволите откровенно сказать мнѣніе мое, то я полагалъ бы, что скорая бытность ваша во вновь обращенныхъ монастыряхъ необходима. Она нужна, во-первыхъ, для испытанія еще средствъ убѣжденія склонить оставшихся иноковъ и бѣльцовъ принять единовѣріе, ибо безъ этого и мужской монастырь можетъ опустѣть; а отецъ Платонъ одинъ въ этомъ успѣть не можетъ, по замѣченному мною недоброходству къ нему жильцовъ монастырскихъ; во-вторыхъ, для скорѣйшаго освященія церкви, и въ-третьихъ, для какихъ-либо рѣшительныхъ распоряженій съ женскимъ монастыремъ, вовсе опустѣвшимъ“.

Распуганные раскольники, нѣсколько одумавшись и сообразивъ свое положеніе, повели тайную борьбу противъ того самаго дѣла, которымъ убивали ихъ силу, разъединяя ее и отнимая у нея точку нравственной опоры. Эта борьба повелась, можно сказать, подземною силою, окольными путями, со стороны второстепенныхъ послѣ иргизскихъ раскольничьихъ центровъ— со стороны городовъ Хвалынска, Вольска, Саратова.

Въ Хвалынскѣ находился богатый раскольничій домъ купцовъ Козьминыхъ. Двѣ сестры дѣвицы Козьмины имѣли въ иргизскихъ монастыряхъ, какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ, свои собственные дома, которые отчасти служили для монастырей страннопріимными домами, отчасти же были занимаемы самими Козьмиными, когда сестры наѣзжали въ монастыри

для богомолья, для говѣнья и просто для отдохновенія въ „прекрасной пустынѣ“. Когда монастыри перешли въ руки единовѣрія, тогда Козьмины, не имѣя права проживать въ монастыряхъ и пользуясь дозволеніемъ властей, которыми разрѣшено было раскольникамъ, удалившимся изъ обителей, брать съ собой свое имущество, не вошедшее въ монастырскія описи, или продавать его, одинъ изъ принадлежавшихъ имъ домовъ, находившійся въ женскомъ монастырѣ, продали, а когда хотѣли продать и тотъ домъ, который находился въ мужскомъ монастырѣ, то архимандритъ Платонъ запретилъ имъ это. Козьмины пожаловались губернатору. Губернаторъ снесся съ архіереемъ, и уже отъ него получилъ разъясненіе интриги, которая крылась въ помянутомъ намѣреніи Козьминыхъ. Оказалось, что помянутыя зданія построены были Козьмиными „не на временное существованіе“, не для пріѣзда ихъ въ монастыри на богомолье, а собственно въ пользу монастырей, для проживанія въ этихъ зданіяхъ инокамъ; что устройство и приспособленіе домовъ совершалось подъ руководствомъ монастырскаго начальства, которое и расположеніемъ комнатъ, и всѣми удобствами, необходимыми для монастырскихъ цѣлей, распоряжалось по своему усмотрѣнію; что поэтому въ одномъ изъ этихъ зданій были настоятельскіе покои, а потомъ зданіе обращено подъ монастырское казначейство; что затѣмъ зданія эти, при обращеніи монастырей въ единовѣрческіе перешедшія во владѣніе начальства со всѣми прочими монастырскими зданіями, должны и оставаться въ вѣчномъ владѣніи монастырей; что опасная сторона этого дѣла заключается въ томъ, что если дозволить Козьминымъ продать помянутыя зданія, какъ свои собственныя, то примѣру Козьминыхъ послѣдуютъ и другіе раскольники—потребуютъ назадъ всѣ свои прежнія пожертвованія и вклады, и тогда не останется въ монастырѣ болѣе четырехъ или пяти келій, такъ какъ все въ монастыряхъ строилось и сооружалось на доброхотныя пожертвованія дателей. Все это, по мнѣнію Іакова, „дастъ поводъ раскольникамъ приступить къ расхищенію священническихъ ризъ, церковныхъ сосудовъ, святыхъ иконъ и книгъ, и обнажена будетъ святая церковь отъ всякаго имѣющагося въ ней благолѣпія и украшенія, чего они, раскольники, весьма желаютъ“, что поэтому Козьминыхъ слѣдуетъ отклонить отъ ихъ намѣренія, „какъ отъ вреднаго раскольническаго злоумысла“.

Съ другой стороны, въ Саратовѣ шла тайная агитація въ пользу коноводовъ раскола Аѳанасія и Платона, содержавшихся подъ тайнымъ присмотромъ. Ихъ сторону держало вліятельное купечество, къ которому пристали и нѣкоторые чиновники. Въ Вольскѣ всѣ крупные капиталисты были глубоко потрясены совершившимися фактами и еще глуше замкнулись въ своихъ палатахъ, обративъ ихъ чуть ли не въ монастыри, гдѣ моленные покои были залиты золотомъ и жемчугомъ и гдѣ шла тайная служба и тайная раскольничья пропаганда.

Іаковъ, посѣтивъ монастыри и лично познакомившись съ главными силами, на которыхъ держится расколъ въ иргизскихъ скитахъ, пришелъ къ убѣжденію, что именно этихъ-то нравственныхъ силъ и не слѣдуетъ

выпускать на волю, а всѣми способами стараться, если не побѣдить ихъ стойкость, то всѣми мѣрами попытаться удержать въ монастыряхъ; что въ монастыряхъ, подъ неослабнымъ надзоромъ, онѣ будутъ менѣе опасны, чѣмъ тогда, когда свободно будутъ бродить по Поволжью и по всей Россіи, какъ мученики своихъ убѣжденій. Руководимый этими справедливыми опасеніями, Іаковъ нашелъ даже, что одинъ изъ видѣнныхъ имъ вліятельныхъ руководителей раскола, инокъ Трифиллій (родомъ изъ симбирской губерніи), человѣкъ съ отличными природными способностями и съ замѣтною доброю нравственностью, „что онъ положительно будетъ полезенъ для монастыря, особенно если присоединится къ единовѣрію“. Того же мнѣнія онъ былъ и относительно самыхъ самостоятельныхъ характеровъ между иргизскими столпами—относительно иноковъ Силуана, Аѳанасія, Платона, Веніамина, Филарета, Всеволода и Сергія. Онъ рѣшительно доказывалъ, что ихъ не слѣдуетъ выпускать на свободу, а что они должны вѣчно остаться въ монастырѣ—„частію (какъ полагалъ Іаковъ) въ надеждѣ на обращеніе ихъ въ единовѣріе, отъ чего они, судя по ихъ мягкости обращенія и сговорчивости, повидимому, не далеки, частію для предотвращенія вредныхъ послѣдствій, какія могутъ произойти отъ опытности сихъ иноковъ поддерживать и распространять въ народѣ расколъ и отъ авторитета ихъ между раскольниками“. Не менѣе опасными—„какъ съ большими способностями и склонныхъ поддерживать расколъ“—онъ находилъ двухъ неподатливыхъ и умныхъ бѣльцовъ, одного московскаго—Степана Яковлева, другого николаевскаго—Степана Васильева, и не совѣтовалъ выпускать ихъ за монастырскую ограду, чтобы не сдѣлать ихъ непримиримыми пропагандистами своего ученія.

Все же остальное населеніе монастырей немедленно разбрелось не только по среднему Поволжью, но по губерніямъ всей Россіи, преимущественно по московской, тамбовской, тверской, вятской, владимірской, нижегородской, смоленской, оренбургской и др. Такъ велико было нравственное притяженіе иргизскихъ общинъ, что къ нимъ притекали разнородныя и едва ли не самыя крѣпкія силы раскола изъ всѣхъ концовъ Россіи.

Объ этихъ „смиренныхъ воинахъ“ разбитаго изгизскаго полчища, которые, какъ они сами выражались, не положивъ оружія вѣры, разбрелись по всѣмъ концамъ Россіи, тотчасъ же сообщено было секретно всѣмъ губернаторамъ, что вышедшіе изъ иргизскихъ монастырей монахи и монахини, бѣльцы и бѣлицы должны быть подвергнуты строгому полицейскому надзору, что имъ безусловно запрещено ношеніе монашескаго платья и заведеніе гдѣ бы то ни было скитовъ моленныхъ тайныхъ обителей и раскольничьяго богослуженія, съ предупрежденіемъ, что „нарушившіе сіе запрещеніе возвращаются въ монастырь подъ строгій надзоръ и навсегда“.

Около же самихъ монастырей оставлена была военная команда, которая должна была, съ одной стороны, охранять монастырскія сокровища отъ расхищенія, съ другой — защищать монастыри отъ нападенія окрестнаго населенія, державшаго сторону раскола. Власти опасались,

что раскольники, руководимые бродячими иноками, за которыми положительно услѣдить было невозможно, могли нечаянно напасть на монастыри, какъ на отнятую у нихъ непріятелемъ крѣпость, и разграбить собранныя годами церковныя богатства и драгоцѣнности, оскверненныя, по ихъ мнѣнію, табачниками. Команда эта мало-по-малу уменьшалась, потому что расколъ, повидимому, присмирѣлъ. Но онъ присмирѣлъ только на время и только наружно. Въ Поволжьѣ шла тайная работа поборниковъ старообрядчества, а въ Петербургѣ агенты ихъ тайно изслѣдовали почву и мѣстность, на которой расколъ думалъ выступить въ защиту своего, какъ намъ кажется, капитальнаго историческаго заблужденія.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXI ТОМА.

СТР

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

I.

Послѣдній историческій „шпынь"

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

II.

УЧАСТІЕ СЕМИНАРИСТОВЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ ДВИЖЕНІЯХЪ XVIII ВѢКА.

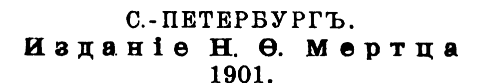
ИСТОРИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛЪ.

III.

ДВИЖЕНІЕ ВЪ РАСКОЛѢ въ 30—40-хъ годахъ XIX вѣка.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ТОМЪ XXII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 октября 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°.“ Спб., Фонтанка 95.

Послѣдній историческій „шпынь“.

I.

Есть историческія личности, которыя всего менѣе могутъ подходить подъ широкое опредѣленіе „историческихъ дѣятелей“, но которыя, выражая собою болѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя стороны и стремленія данной эпохи, всею своею жизнью представляютъ живой примѣръ примиренія этихъ крайностей эпохи, такъ сказать, нравственный балансъ историческаго актива и пассива своего времени. Характеры, по самой природѣ своей отрицательные, они являются живою сатирою своего вѣка въ извѣстной средѣ, но не тою жесткою и безпощадною сатирою, доходившею иногда до фанатизма и изувѣрства, рельефные примѣры которой представляютъ намъ юродивые въ нашей древней исторической жизни, и не тою, факты которой впослѣдствіи являются намъ въ лицѣ сатириковъ-писателей, а сатирою самой жизни, сатирою, стирающею шероховатости извѣстныхъ историческихъ явленій и примиряющею насъ до нѣкоторой степени съ ихъ грубымъ реализмомъ.

Къ такимъ личностямъ въ русской исторіи XVIII вѣка принадлежитъ знаменитый оберъ-шталмейстеръ двора императрицы Екатерины II, Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

Около сорока пяти лѣтъ онъ находился при этой государынѣ, находился буквально безотлучно. Екатерина II славилась умѣньемъ узнавать людей и давать имъ вѣрную, всегда практически-приложимую оцѣнку. Вся слава ея продолжительнаго царствованія отчасти покоится на плечахъ сотрудниковъ ея государственной дѣятельности и ея поклонниковъ въ Россіи и внѣ Россіи, которыхъ она умѣла находить съ такою рѣдкою безошибочностью. И эта-то даровитая женщина, всю свою жизнь изучавшая людей во всѣхъ сферахъ ихъ разнообразной дѣятельности, понимавшая Вольтера и Дидро, отводившая соотвѣтственное мѣсто Бибикову и Суво-

рову, Потемкину и Дашковой, уже на старости лѣтъ такъ характеризуетъ своего приближеннаго, своего неразлучнаго спутника, собесѣдника и товарища во всѣхъ ея путешествiяхъ, Льва Александровича Нарышкина, которому тогда тоже уже было за 50 лѣтъ. „Это былъ человѣкъ самый странный, какого когда-либо я знала",— говоритъ императрица, вспоминая молодость и всю жизнь Нарышкина. „Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался,—но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденiяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ какъ ему вздумается, употреблялъ техническiе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣе, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла какъ по маслу, и обыкновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество разражалось смѣхомъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ про исторiю, что не любитъ исторiи, въ которой есть исторiи, и что для того, чтобы исторiя была хороша, надо, чтобы въ ней не было исторiй, но что, впрочемъ, исторiя произошла отъ Феба. Онъ также бывалъ неподражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ: самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣха. Онъ говорилъ еще, что хорошо написанныя комедiи большею частiю скучны".

Это говорилось послѣ 1783 года, когда способности Нарышкина, какъ дѣятеля, и наклонности, какъ человѣка, въ теченiе пятидесятилѣтней жизни должны были высказаться всесторонне. Слѣдовательно, въ словахъ Екатерины читается полная характеристика человѣка, воспитавшагося въ знаменитой „стаѣ Екатерининскихъ орловъ" и сохранившаго въ себѣ врожденныя качества птицы иной породы.

Левъ Нарышкинъ принадлежалъ къ тому знатному русскому роду, который считался не только историческимъ, но и кровнымъ родствомъ съ царями и котораго члены всегда имѣли возможность проявить свои государственныя дарованiя, идя рука-объ-руку съ властителями Русской земли. Родился онъ въ 1733 году, 26-го февраля, когда петровскiя традицiи переживали ломку въ умахъ и рукахъ людей новой школы и когда руководящая нить государственной жизни, выскользнувшая изъ мертвыхъ, мозолистыхъ рукъ Петра, повидимому, перервалась. Отецъ Льва Нарышкина былъ Александръ Львовичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

Придворная карьера молодого Льва Нарышкина начинается съ сентября 1751 года, когда онъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ къ Екатеринѣ, тогда еще великой княгинѣ. Нарышкину въ это время было всего только восемнадцать лѣтъ. Какъ мальчикъ, онъ такимъ и проявляется въ новой придворной обстановкѣ: это мальчикъ живой, остроумный и при томъ большой оригиналъ. Такимъ рисуетъ его и Екатерина въ первые дни знакомства съ нимъ, такимъ онъ дожилъ и до гробовой доски, по пословицѣ: „какой въ колыбелькѣ, такой въ могилкѣ". Самая прекрасная черта, за-

мѣчаемая въ Нарышкинѣ,—черта, которая является какимъ-то анахронизмомъ въ придворной атмосферѣ того вѣка, которая, если можно такъ выразиться, составляетъ отрадный диссонансъ въ общемъ гамѣ жизни,—это отсутствіе въ немъ интриги. Онъ ни у кого не становится на дорогѣ, никому не копаетъ яму, ни у кого не вырываетъ изъ рукъ ни лакомаго куска, ни лакомой власти, хотя могъ бы захватить самый большой кусокъ, утопить многихъ, по головамъ другихъ взобраться очень высоко. Онъ доволенъ своей ролью и никому не завидуетъ—его шутка скользитъ надъ всѣми шероховатостями и никому не дѣлаетъ зла. Съ этой стороны Нарышкинъ является положительно симпатичною личностью среди повальнаго, до циничности доходящаго эгоизма.

Императрица сама является біографомъ молодой жизни Нарышкина; она же не забываетъ его и въ пожилыхъ лѣтахъ, и въ старости. Воспользуемся же указаніями такого компетентнаго біографа и такого опытнаго историка, какъ Екатерина, для опредѣленія нравственной и общественной физіономіи Нарышкина. Мѣтко очертивъ своего юнаго камеръ-юнкера тѣми немногими штрихами, которые мы привели выше, Екатерина, въ другомъ мѣстѣ, объясняетъ то положеніе, которое занималъ молоденькій Нарышкинъ у нея при дворѣ и какъ онъ держалъ себя въ придворной обстановкѣ. Описывая жизнь такъ называемаго „малаго двора“ и знакомя съ личностями, составлявшими этотъ „малый дворъ“, Екатерина особенно часто останавливается на Чоглоковыхъ, состоявшихъ въ качествѣ попечителей и регуляторовъ жизни „малаго двора“, на камергерѣ Сергѣѣ Салтыковѣ и на другѣ его, молодомъ Нарышкинѣ. „Салтыкова,—говоритъ Екатерина,—всегда можно было встрѣтить съ Львомъ Нарышкинымъ, всѣхъ забавлявшимъ своими странностями, о которыхъ я выше говорила подробно“... Нарышкинъ слылъ просто чудакомъ, и ему не придавали никакого значенія. Такъ какъ жизнь „малаго двора“ отличалась однообразіемъ, то придворная молодежь, въ родѣ Салтыкова и Нарышкина, изыскивала всѣ средства, чтобы повеселиться, и, несмотря на бдительность Чоглокова, успѣшно, разными хитростями, достигала своихъ невинныхъ цѣлей. Салтыковъ и Нарышкинъ умѣли усыпить бдительность суроваго аргуса слѣдующимъ образомъ: чтобы отвлечь Чоглокова, Салтыковъ успѣлъ возбудить въ немъ страсть къ стихотворству, и хотя стихи его, по свидѣтельству самой императрицы, „лишены были всякаго человѣческаго смысла“, однако, молодежь показывала видъ, что восхищается ими, а Нарышкинъ клалъ эту поэзію на музыку и распѣвалъ созидаемыя Чоглоковымъ пѣсни вмѣстѣ съ самимъ ихъ авторомъ. Молодежи такимъ образомъ было весело, и каждый занимался тѣмъ, что ему нравилось. Конечно, повѣсамъ иногда доставалось за это, отъ кого слѣдуетъ, но молодость брала свое—и шалости повторялись. Такъ, однажды отъ „большого двора“ былъ сдѣланъ небольшой выговоръ, въ лицѣ г-жи Чоглоковой, отнесенный къ „малому двору“, за то, что молодежь ведетъ себя не совсѣмъ прилично; при этомъ самъ Чоглоковъ названъ былъ „ночнымъ

колпакомъ", который позволяетъ собою распоряжаться „соплякамъ"—этотъ нелестный эпитетъ относился, главнымъ образомъ, къ Нарышкину и къ Салтыкову. „Не прошло сутокъ (замѣчаетъ по этому случаю Екатерина), какъ все это было пересказано довѣреннымъ лицамъ; по поводу выраженій „сопляки", сопляки утерлись и держали между собою тайный совѣтъ, на которомъ было положено, чтобы точнѣйшимъ образомъ была исполнена воля ея величества (императрицы Елизаветы Петровны), чтобы Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ притворились, будто получили строгій нагоняй отъ Чоглокова (тотъ, по всему вѣроятію,—добавляетъ Екатерина,—даже и не зналъ объ этомъ), и чтобы они оба, для прекращенія ходившихъ слуховъ, недѣли на три или на мѣсяцъ удалились къ своимъ родственникамъ, съ цѣлью будто бы навѣстить ихъ во время болѣзни. Такъ и было сдѣлано; и на другой день Салтыковъ съ Нарышкинымъ отправились въ изгнаніе къ своимъ семьямъ на цѣлый мѣсяцъ".

Слѣдя за замѣтками Екатерины относительно Льва Нарышкина, мы еще болѣе убѣждаемся, что нарисованная ею характеристика этого человѣка чрезвычайно мѣтка. Шутка, шалость, легкая иронія, дурачество — вотъ та сфера, которою окружена была вся жизнь Нарышкина, особенно въ молодости. Нерѣдко ему доставалось за эти дурачества, но онъ снова возвращался къ нимъ, мѣняя только ихъ форму. Екатерина разсказываетъ, какъ она однажды собственноручно наказала за шалость своего молодого камеръ-юнкера. „Однажды,—говоритъ она,—я застала его въ своемъ кабинетѣ: онъ разлегся на диванѣ и распѣвалъ какую-то пѣсню, въ которой не было человѣческаго смысла; видя такую невѣжливость, я тотчасъ вышла изъ кабинета, заперла за собою дверь и отправилась къ его невѣсткѣ (Аннѣ Никитичнѣ, урожд. Румянцевой, надо полагать), которой сказала, что непремѣнно слѣдуетъ достать порядочный пучокъ крапивы, высѣчь этого человѣка за его сумасбродное поведеніе и внучить его уважать насъ. Нарышкина охотно согласилась; мы велѣли принести розогъ, обвязанныхъ крапивою, взяли съ собою одну изъ моихъ женщинъ, вдову Татьяну Юрьевну, и всѣ три пошли въ мой кабинетъ. Нарышкинъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ и во все горло распѣвалъ свою пѣсню. Увидѣвъ насъ, онъ хотѣлъ убѣжать, но мы успѣли настрекать ему руки и лицо, такъ что онъ дня два или три долженъ былъ оставаться въ своей комнатѣ, не смѣя даже никому сказывать, что съ нимъ случилось, потому что мы его увѣрили, что при малѣйшей его невѣжливости, при малѣйшей непріятности, которую онъ намъ сдѣлаетъ, мы возобновимъ наше наказаніе, такъ какъ иначе съ нимъ не было никакихъ средствъ. Мы все это дѣлали какъ будто шутя и вовсе безъ злобы; но тѣмъ не менѣе проучили Нарышкина, по крайней мѣрѣ онъ сдѣлался тише прежняго".

Едва ли, впрочемъ, подобные уроки могли быть внушительны для такой личности, какъ Нарышкинъ. Это значило бы перевоспитывать человѣка въ основныхъ чертахъ его характера, а подобное перевоспитаніе менѣе чѣмъ полудостижимо: Нарышкина не могли перевоспитывать никакія обстоя-

тельства; въ продолженіе трехъ царствованій, въ трехъ разныхъ придворныхъ сферахъ, онъ оставался все тѣмъ же, какимъ первый разъ попалъ ко двору. Это былъ своего рода цѣльный характеръ, и надѣемся, что весь послѣдующій очеркъ его жизни подтвердитъ это положеніе, а равно заключеніе самой Екатерины относительно характера этой личности. Упоминая о немъ по поводу концертовъ, бывшихъ при дворѣ великаго князя Петра Ѳедоровича, и о лицахъ, постоянно присутствовавшихъ на этихъ концертахъ, Екатерина замѣчаетъ: „Левъ Нарышкинъ съ каждымъ днемъ больше дурачился. Всѣ считали его пустымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ“. По обыкновенію, онъ безпрестанно перебѣгалъ изъ комнатъ великаго князя на половину его супруги и нигдѣ не оставался подолгу. Но и тутъ онъ прибѣгалъ къ разнымъ выходкамъ. Подходя къ дверямъ кабинета великой княгини, онъ обыкновенно начиналъ мяукать по-кошачьи, и если ему отвѣчали, то это значило, что онъ могъ входить въ кабинетъ. Но эти дурачества не всегда были безцѣльны. Съ помощью ихъ онъ иногда оказывалъ услуги тамъ, гдѣ въ этихъ услугахъ нуждались, и эти услуги не всегда были шаловливаго свойства, а доказывали его тактъ и искреннюю преданность своей будущей императрицѣ. Такъ, Екатерина разсказываетъ, что въ концѣ 1755 года Нарышкинъ помогъ ей составить интимный кружокъ изъ близкихъ ей лицъ, и въ этомъ кружкѣ время проводилось очень весело и назидательно. Вечеромъ 17-го декабря,—разсказываетъ Екатерина,—она услыхала у своихъ дверей мяуканье и, догадавшись, что это—Нарышкинъ, впустила его къ себѣ. Оказалось, что онъ пришелъ съ поклономъ отъ своей невѣстки Анны Никитичны, которая была не совсѣмъ здорова.

— Но вамъ слѣдуетъ провѣдать ее,—сказалъ онъ великой княгинѣ.

— Мнѣ самой хотѣлось бы этого, — отвѣчала Екатерина, — но вы знаете, что я не могу выйти изъ дому безъ позволенія, и мнѣ ни за что не позволятъ навѣстить ее.

— Я васъ проведу,—сказалъ Нарышкинъ.

— Съ ума вы сошли! — возразила Екатерина. — Какъ мнѣ идти съ вами! Васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности.

Но Нарышкинъ настаивалъ на своемъ.

— И!—сказалъ онъ:—никто не узнаетъ.

— Какъ такъ?—спросила великая княгиня.

— Я приду за вами черезъ часъ или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать и просидитъ за столомъ до полуночи, а потомъ уйдетъ спать. Для большей предосторожности одѣньтесь по-мужски, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ Аннѣ Никитишнѣ.

„Его предложеніе начало соблазнять меня (говоритъ по этому случаю Екатерина). — Я цѣлые дни просиживала у себя въ комнатѣ за книгами, безъ всякаго общества. Наконецъ, чѣмъ дальше спорила я съ нимъ объ этомъ похожденіи, въ сущности, нелѣпомъ, и на которое сначала я не хо-

тѣла согласиться, тѣмъ болѣе оно казалось мнѣ возможнымъ. Отчего, рѣшила я, не доставить себѣ нѣсколько часовъ развлеченія и удовольствія. Нарышкинъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка-парикмахера и приказала принести мужское платье и все, что нужно для мужского наряда, сказавши, что кому-то хочу подарить его. Калмыкъ этотъ не отличался разговорчивостью; съ нимъ гораздо труднѣе было завести рѣчь, чѣмъ другихъ заставить молчать. Онъ въ ту же минуту исполнилъ мое приказаніе и принесъ все, что было мнѣ нужно. Я притворилась, что у меня болитъ голова, и сказала, что поэтому раньше лягу спать; только что Владиславова уложила меня и ушла, какъ я встала, одѣлась съ ногъ до головы по-мужски и подобрала какъ можно лучше волосы (къ чему мнѣ было не привыкать и что я ловко умѣла дѣлать). Въ назначенный часъ Левъ Нарышкинъ прошелъ комнатами великаго князя къ дверямъ моимъ и замяукалъ. Я отворила ему; мы прошли черезъ небольшую прихожую комнату въ сѣни и сѣли въ его карету, никѣмъ не замѣченные и помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ своимъ. Мы застали дома Анну Никитишну, которая никакъ не ожидала насъ. Тамъ же былъ и графъ Понятовскій. Левъ Нарышкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ друзей своихъ, просилъ принять въ расположеніе, и мы провели полтора часа самымъ веселымъ и забавнымъ образомъ. Я преблагополучно возвратилась домой, попрежнему никѣмъ незамѣченная. На другой день было императрицыно рожденіе; поутру при дворѣ и вечеромъ на балу мы, участвовавшіе въ секретѣ, не могли смотрѣть другъ на друга, чтобы не разразиться смѣхомъ при воспоминаніи о вчерашнемъ похожденіи. Черезъ нѣсколько дней Левъ Нарышкинъ предложилъ отдачу визита, т.-е. чтобы гости собрались ко мнѣ; онъ точно также привелъ ихъ въ мою комнату и потомъ благополучно вывелъ. Такъ начался 1756 годъ. Намъ чрезвычайно полюбились эти секретныя свиданія: мы стали еженедѣльно собираться по одному, по два и даже по три раза то у того, то у другого; если же кто изъ нашего общества занемогалъ,—то непремѣнно у больного. Случалось, что, сидя въ комедіи по разнымъ ложамъ и иные въ партерѣ, мы, не говоря ни слова, подавали другъ другу извѣстные условные знаки, куда собираться, и никогда не путались. Два раза только мнѣ пришлось возвращаться домой пѣшкомъ; но это было вмѣсто прогулки“.

Вообще Нарышкинъ входилъ, повидимому, оживляющимъ началомъ въ общество „малаго двора“ и потому занимаетъ не послѣднее мѣсто въ молодыхъ воспоминаніяхъ будущей „Фелицы“. Эта „богоподобная Фелица“ не забыла бывшаго юнаго шалуна и тогда, какъ находилась уже наверху земного величія. Но объ этомъ—въ свое время. Нарышкинъ, дѣйствительно, былъ на своемъ мѣстѣ. Его любили всѣ, составлявшіе замкнутый кружокъ будущей императрицы. Онъ вносилъ въ этотъ кружокъ веселость, въ которой всѣ нуждались, до нѣкоторой степени стѣсняемые приличіями придворнаго этикета, и если веселость эта вносилась туда въ видѣ дурачествъ, то это обусловливалось общими основаніями жизни: эта форма веселости,

какъ намъ извѣстно, сложилась историческимъ путемъ, переходя отъ юродивыхъ Грознаго къ шутамъ, дуракамъ и „дуркамъ" Петра и его преемниковъ и изъ Нарышкиныхъ перерождаясь въ Третьяковскихъ, Кантемировъ, а потомъ кристаллизуясь въ болѣе опредѣленной формѣ—въ формѣ Фонвизина.

Въ 1758 году въ жизни молодого придворнаго совершилась важная перемѣна: Нарышкинъ женился. Екатерина подробно и обстоятельно излагаетъ ходъ самаго сватовства, въ которомъ она сама принимала косвенное участіе и которое повело къ довольно важнымъ послѣдствіямъ.

На исходѣ масляницы этого года при дворѣ великаго князя былъ балъ. Въ числѣ танцующихъ былъ, конечно, и Левъ Нарышкинъ. Великая княгиня находилась съ гостями, въ кругу придворныхъ дамъ, и сидѣла между невѣсткой Льва Нарышкина, часто упоминаемою Анною Никитичною, и сестрою его, бывшею замужемъ за Сенявинымъ. Нарышкинъ танцовалъ менуетъ съ фрейлиною императрицы и племянницею графовъ Разумовскихъ—Мариною Осиповною Закревскою. Марина была „ловка и легка". Великая княгиня и придворныя дамы находили, что она „довольно мила и танцуетъ хорошо". При этомъ невѣстка и сестра Нарышкина сообщили Екатеринѣ, что старуха Нарышкина, мать Льва, собирается женить его на дѣвицѣ Хитровой, племянницѣ Шуваловыхъ, сестра которыхъ была за Хитровымъ. Такъ какъ Хитровъ часто бывалъ въ домѣ Нарышкиныхъ, то мать Льва и задумала женить его на Хитровой. Но ни Сенявина, ни невѣстка Льва не любили Шуваловыхъ, равно какъ не жаловала ихъ и великая княгиня, а потому эти три женщины и рѣшились помѣшать браку Льва Нарышкина на Хитровой, тѣмъ болѣе, что самъ женихъ и не подозрѣвалъ, что затѣваетъ его мать. Мало того, онъ былъ влюбленъ въ другую фрейлину императрицы, въ графиню Марью Романовну Воронцову. Узнавъ всѣ эти подробности, Екатерина тотчасъ же сказала Сенявиной и Нарышкиной, что надо, во что бы то ни стало, разстроить бракъ ихъ веселаго собесѣдника на Хитровой, тѣмъ болѣе, что, по отзыву Екатерины, Хитрову „никто терпѣть не могъ", потому что она была „интриганка и вздорная сплетница", что надо дѣйствовать въ этомъ случаѣ рѣшительно и дать веселому Льву такую жену, которая принадлежала бы къ партіи „малаго двора" (по словамъ Екатерины—„была бы заодно съ нами"), и для этого непремѣнно женить его на хорошенькой племянницѣ Разумовскихъ, на Маринѣ Закревской, которую любили и Сенявина, и Нарышкина и которая постоянно бывала у нихъ въ домѣ. И Сенявина, и Нарышкина, конечно, согласились съ великою княгинею. На другой день, во время придворнаго маскарада, великая княгиня подошла къ фельдмаршалу Разумовскому, въ то время малороссійскому гетману, и сказала ему напрямикъ, „какъ ему не стыдно не хлопотать для своей племянницы" о такой прекрасной партіи, какъ Левъ Нарышкинъ. Великая княгиня добавила, что мать хочетъ женить его на Хитровой, но что сестра его, невѣстка и сама она, великая княгиня, находятъ, что ему гораздо лучше жениться

на Закревской и что онъ, гетманъ, долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Разумовскій одобрилъ этотъ проектъ, сообщилъ его своему фактотуму Теплову, который тотчасъ же передалъ объ этомъ старшему графу Разумовскому и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправился къ петербургскому архіепископу „купить за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ“ (едва ли это разрѣшеніе нужно было „покупать“, потому что брачущіеся не находились, кажется, въ родствѣ, а если и считались родственниками по Разумовскимъ, то родственниками очень отдаленными), и какъ скоро разрѣшеніе было получено, фельдмаршалъ съ женою явилися къ старухѣ Нарышкиной, матери Льва, и такъ ловко умѣли взяться за дѣло, что старуха противъ воли согласилась. А не успѣй они уговорить ее въ этотъ день—дѣло было бы проиграно: въ этотъ день Нарышкина должна была дать слово отцу Хитровой. Послѣ матери Разумовскій, Сенявина и Анна Нарышкина принялись за сына—за веселаго повѣсу Льва, и убѣдили его жениться на дѣвушкѣ, „о которой онъ даже не помышлялъ“. Волей-неволей, онъ далъ согласіе, хотя любилъ другую: объ немъ можно было буквально сказать, что онъ „прошутилъ“ свою любовь. Впрочемъ, молодая графиня Воронцова, которую онъ любилъ, была уже почти сговорена за графа Бутурлина, и онъ все равно могъ ее потерять. О Хитровой же, конечно, онъ не жалѣлъ. Когда согласіе Льва была получено, хотя помимо его воли, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ племянницу, объявилъ ей о своемъ рѣшеніи, и дѣвушка нашла бракъ съ Нарышкинымъ слишкомъ выгоднымъ, чтобы отказаться отъ него. Затѣмъ на слѣдующій день оба Разумовскіе явились къ императрицѣ и исходатайствовали у нея соизволеніе на бракъ племянницы съ Нарышкинымъ. „Шуваловы (замѣчаетъ по этому случаю Екатерина) узнали обо всемъ этомъ, когда императрица уже дала соизволеніе, и не мало удивлялись, какъ мы провели ихъ и Хитровыхъ. Дѣло сдѣлано—назадъ идти было нельзя, и Левъ, который влюбленъ былъ въ одну дѣвушку, котораго мать прочила для другой, женился на третьей, о которой никто, ни онъ самъ, три дня тому назадъ, вовсе не думалъ. Этотъ бракъ Льва Нарышкина еще болѣе сдружилъ меня съ графами Разумовскими, которые очень привязались ко мнѣ за то, что я устроила для ихъ племянницы такую прекрасную и значительную партію, сверхъ того были довольны, одержавъ верхъ надъ Шуваловыми. Сіи послѣдніе даже не могли жаловаться и должны были скрывать свою досаду. Это я имъ еще разъ насолила“.

Постоянныя дурачества и напускное шутовство не отнимали, однако, у Нарышкина такта, съ которымъ онъ умѣлъ относиться къ дѣламъ болѣе серьезнымъ. Смѣясь надъ другими и прежде всего надъ собой, онъ въ то же время входилъ въ разнообразное и разъединенное интригами общество примиряющимъ и объединяющимъ началомъ. Великій князь, тогдашній наслѣдникъ престола, какъ извѣстно, жилъ совершенно своеобразною жизнью и, не имѣя точекъ соприкосновенія ни съ однимъ изъ тогдашнихъ вліятельныхъ кружковъ, оставался какъ бы въ сторонѣ отъ общественной

жизни. Нарышкинъ и здѣсь пустилъ въ ходъ свое искусство, чтобы вывести великаго князя изъ его заколдованнаго круга. Онъ убѣдилъ фельдмаршала графа Разумовскаго приглашать къ себѣ великаго князя на вечера, разъ или два раза въ недѣлю. Собранія эти дѣлались секретно и составляли почти замкнутый кружокъ, въ который входили только самъ фельдмаршалъ, великій князь, Марія Павловна Нарышкина, жена знаменитаго Теплова и неизмѣнный примиритель и объединитель Левъ Нарышкинъ. Собранія эти происходили Великимъ постомъ 1758 года, и общество великой княгини при посредствѣ того же Нарышкина воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы тамъ же, у Разумовскихъ, устроить и свои интимныя собранія. Разумовскій, фельдмаршалъ, жилъ тогда въ деревянномъ домѣ; наверху, въ отдѣленіи фельдмаршальши, собирались обыкновенно гости перваго кружка, и такъ какъ хозяинъ и хозяйка дома любили играть, то на этой половинѣ и происходила постоянная игра. Фельдмаршалъ приходилъ къ играющимъ и уходилъ; на его половинѣ, когда на вечерѣ не присутствовалъ великій князь, также собиралась своя бесѣда. Но тутъ устроилось и третье отдѣленіе бесѣды: графъ Разумовскій бывалъ иногда у великой княгини на интимныхъ вечеринкахъ, выдуманныхъ и устроенныхъ Львомъ Нарышкинымъ, слѣдовательно, онъ какъ бы обязанъ былъ просить и великую княгиню въ свою очередь пріѣзжать къ нему на вечеринки. Этой третьей фракціи собраній графъ Разумовскій отвелъ двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ своего дома и называлъ это своимъ „эрмитажемъ“. „Гости,—замѣчаетъ по этому случаю Екатерина,—должны были прятаться другъ отъ друга, потому что мы не смѣли выѣзжать безъ позволенія“. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же домѣ, сравнительно небольшомъ, занимаемомъ однимъ хозяиномъ, собиралось по три и по четыре разныхъ обществъ, и Разумовскій, какъ любезный хозяинъ, переходилъ изъ одного собранія въ другое. „Мы,—поясняетъ Екатерина, — все знали, что происходило въ домѣ (конечно, благодаря Льву Нарышкину, который тоже, какъ Разумовскій, сновалъ изъ одного кружка въ другой); тогда какъ объ насъ никто не подозрѣвалъ.“

Свадьба Нарышкина послѣдовала 22-го февраля 1759 года. Наканунѣ свадьбы сама государыня была у невѣсты на дѣвичникѣ. Свадьба была веселая и торжественная. А между тѣмъ и въ день дѣвичника, и въ день вѣнчанья Нарышкина и Закревской по народу ходили зловѣщіе слухи, и не одно сердце у веселыхъ придворныхъ трепетало отъ ужаса: арестованъ былъ великій канцлеръ, знаменитый графъ Бестужевъ-Рюминъ. Какъ? за что?—никто не зналъ.

II.

Характеристика личности, которой посвященъ настоящій очеркъ, была бы не полна, если бы мы не обратили вниманія еще на одну черту въ характерѣ Нарышкина, которой доселѣ не касались.

Мы знаемъ уже ту оцѣнку, какую прилагала къ нему такая проницательная особа, какъ императрица Екатерина II. Она могла изучить Нарышкина до тонкостей, сначала какъ своего шаловливаго камеръ-юнкера, умѣвшаго выпутываться изъ самыхъ тонкихъ ловушекъ окружавшей его жизни, потомъ какъ веселаго оберъ-шталмейстера и неразлучнаго своего спутника. Но проницательная императрица не вполнѣ очертила своего камеръ-юнкера и оберъ-шталмейстера. Мы видѣли, что, будучи юнымъ шалуномъ, онъ былъ въ милости у великой княгини и, повидимому, всецѣло принадлежалъ къ ея маленькому интимному кружку, а не къ кружку великаго князя, который создалъ около себя совсѣмъ иную придворную атмосферу. Великій князь не долженъ бы былъ благоволить къ Нарышкину по многимъ причинамъ, тѣмъ болѣе, что иногда онъ исполнялъ такія порученія великой княгини, которыя не могли быть пріятны великому князю. А между тѣмъ, когда нужно было, Нарышкинъ быстро сумѣлъ войти въ милость къ великому князю, особенно когда онъ сдѣлался императоромъ. Такъ, посолъ римскаго императора и королевы венгерской и богемской, находившійся при русскомъ дворѣ, графъ Мерси-Аржанто, на пятый или на шестой день по восшествіи на престолъ императора Петра III, сообщая графу Кауницу о производствахъ, сдѣланныхъ русскимъ императоромъ въ первые дни своего царствованія, между прочимъ, говоритъ: „Левъ Нарышкинъ, котораго нынѣшній русскій императоръ *особенно жаловалъ*, будучи великимъ княземъ, получилъ мѣсто шталмейстера“ („Сборн. Истор. Общ.“, т. 18, стр. 18). Ясно, что веселый камеръ-юнкеръ, игравшій часто роль шута въ кружкѣ Екатерины и снискавшій ея милость, какъ человѣкъ вѣрный и безобидный, умѣлъ снискать ту же милость и у стороны совершенно противной: это уже говоритъ въ пользу нравственной эластичности и покладчивости молодого придворнаго. Мало того, онъ идетъ еще далѣе, если только можно вполнѣ довѣрить свидѣтельству гража Аржанто, а не довѣрять ему нельзя, потому что всѣ его депеши, нынѣ обнародованныя, обнаруживаютъ полную историческую достовѣрность. Всѣмъ извѣстна горячая привязанность Петра III къ прусскому королю Фридриху II,—привязанность, доходившая до обожанія. Изъ депешъ графа Аржанто обнаруживается, что Левъ Нарышкинъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого только и знавшій что дурачиться да мяукать кошкой, теперь уже не чуждъ извѣстнаго рода политическихъ тенденцій и поддерживаетъ въ Петрѣ то восторженное удивленіе, которое онъ питалъ къ прусскому королю. „Я давно уже началъ замѣчать (сообщалъ графъ Мерси графу Кауницу отъ 14-го апрѣля),

что нѣкоторые приближенные императора, для того ли, чтобы польстить крайнему пристрастію государя къ королю прусскому и такимъ образомъ пріобрѣсть большую милость своего государя, или, можетъ быть, они подкуплены поименованнымъ королемъ, только я замѣтилъ, что они часто внушаютъ государю дѣлать дальнѣйшія, наиболѣе выгодныя для нашего врага уступки. Между прочимъ, два наибольшихъ фаворита, а именно: гофъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и генералъ Мельгуновъ нѣсколько дней тому назадъ передъ ужиномъ имѣли съ его величествомъ особенно интимный разговоръ, и, казалось, настоятельно говорили въ пользу чего-то. То лицо, отъ котораго я узналъ все это, правда, не могло разслышать ихъ рѣчей, но слышало ясно отвѣтъ императора, который имѣетъ обыкновеніе всегда говорить громко, и при этомъ случаѣ высказался такъ: „Онъ сдѣлалъ уже очень много на пользу короля прусскаго; теперь ему, государю русскому, нужно подумать о себѣ и позаботиться о томъ, какъ ему подвинуть собственныя свои дѣла и намѣренія; теперь онъ не можетъ выпустить изъ рукъ королевства Пруссіи, развѣ только если король прусскій поможетъ ему деньгами“. Изъ этого графъ Мерси дѣлаетъ такое заключеніе: „Это ясное заявленіе достаточно показало поименованному слушателю, что Нарышкинъ и Мельгуновъ говорили въ пользу короля прусскаго, и вопросъ, вѣроятно, касался ранней или поздней уступки королевства Пруссіи“ (тамъ же, стр. 267—268).

Всѣ эти обстоятельства достаточно, кажется, обнаруживаютъ, что въ веселомъ потѣшникѣ бывшаго „малаго двора“ произошла крутая перемѣна, когда „малый дворъ“ самъ превратился въ „большой дворъ“. Однако, перемѣна эта не могла значительно измѣнить мнѣнія объ немъ лицъ, знавшихъ его прежде. Такъ, въ первый мѣсяцъ правленія Петра III, когда только обозначались будущія роли придворныхъ новаго императора, графъ Аржанто, между прочимъ, замѣчаетъ, что, кромѣ графа Романа Воронцова и генералъ-прокурора Глѣбова, къ которымъ новый государь особенно благоволитъ, „не мало царской милости падетъ, вѣроятно, генералу Мельгунову, большому интригану, и Льву Нарышкину... хотя (прибавляетъ онъ) эти оба лица, вѣроятно, будутъ больше заниматься придворными интригами, чѣмъ внѣшними великими вопросами“ (29). Въ другомъ мѣстѣ графъ Аржанто прямо называетъ Нарышкина „любимцемъ“ государя (75). А что касается того, какою неограниченною довѣренностью молодого императора сталъ пользоваться Нарышкинъ, то это видно изъ слѣдующаго факта, приводимаго австрійскимъ посломъ въ депешѣ отъ 14-го апрѣля. Графъ Мерси сообщаетъ своему двору, что 1-го апрѣля императоръ „въ сопровожденіи Нарышкина, Мельгунова, Волкова (секретаря личныхъ дѣлъ) и только двухъ придворныхъ служителей съ разсвѣтомъ уѣзжалъ куда-то изъ Петербурга и вернулся только около полуночи“. „Чѣмъ неожиданнѣе (говорилъ австрійскій посолъ) было это секретное путешествіе и чѣмъ труднѣе было угадать, куда оно предпринималось, тѣмъ усерднѣе, хотя и безуспѣшно, старались, преимущественно иностранные министры, доискаться

сущности дѣла. Мнѣ, однако, къ счастію, удалось допытаться истины и узнать съ достовѣрностью, что императоръ предпринималъ сухимъ путемъ поѣздку въ Шлиссельбургъ, куда за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ перевезенъ принцъ Иванъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что государь передъ тѣмъ нѣсколько разъ говорилъ объ немъ и высказалъ, что имѣетъ намѣреніе относительно этого принца, нисколько не заботясь о его мнимыхъ правахъ на русскій престолъ, потому что онъ, императоръ, сумѣетъ заставить его выбросить всѣ подобныя вещи изъ головы; если же найдетъ въ поименованномъ принцѣ природныя способности, то употребитъ его съ пользою на военную службу. Итакъ, вслѣдствіе этого-то намѣренія и подобнаго образа мыслей случилось, что государь отправился въ Шлиссельбургъ, и, чтобы не быть узнаннымъ, не отдѣлялся отъ трехъ поименованныхъ лицъ своей маленькой свиты; когда имъ подвели несчастнаго принца, то они нашли его весьма статнымъ, крѣпкаго тѣлосложенія и, несмотря на его 22-лѣтній возрастъ, съ большою бородою: его заставляютъ носить бороду, которая придаетъ ему дикій и грубый видъ. Въ этотъ разъ Нарышкинъ спросилъ его, какое понятіе онъ имѣетъ о своемъ званіи и слышалъ ли онъ когда-либо про принца Ивана? На это онъ отвѣчалъ, что его зовутъ Григоріемъ, что принца Ивана нѣтъ болѣе въ живыхъ; ему же извѣстно объ этомъ принцѣ, что если бы этотъ принцъ снова явился на свѣтъ, то онъ прежде всего велѣлъ бы отрубить голову императрицѣ—себя же считаетъ ея первымъ подданнымъ — и великаго князя съ его семействомъ выгналъ бы изъ государства“ (271—273).

Нарышкинъ быстро поднимался по лѣстницѣ почестей. Мы видѣли, что въ сентябрѣ 1751 г. восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ поступилъ камеръ-юнкеромъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Почти черезъ пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ дурачествахъ, по свидѣтельству самой великой княгини, онъ назначается при ея же дворѣ камергеромъ (2-го іюня 1756 г.). Черезъ годъ—двадцати-четырехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ получаетъ чинъ генералъ-поручика и орденъ св. Анны 1-й степени (25-го декабря 1757 г.). Въ 1761 году, 10-го февраля, получаетъ орденъ св. Александра Невскаго. 1-го января 1762 года назначается шталмейстеромъ съ рангомъ и жалованьемъ дѣйствительнаго генералъ-поручика. 10-го февраля этого же года получаетъ въ подарокъ каменный домъ. 9-го іюня этого же года, по случаю заключенія мирнаго трактата съ Пруссіею, жалуется орденомъ св. Андрея Первозваннаго—не достигши 30 лѣтъ отъ роду! Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, будто онъ получилъ этотъ орденъ, старѣйшій изъ всѣхъ орденовъ, съ помощью одной продѣлки, на которыя онъ былъ такой мастеръ. 9-го іюня, находясь у государя, когда онъ надѣвалъ мундиръ къ выходу, Нарышкинъ воспользовался веселымъ расположеніемъ духа императора и попросилъ позволенія примѣрить къ себѣ лежавшую на столѣ Андреевскую ленту и посмотрѣться въ зеркало— идетъ ли де къ нему. Петръ III позволилъ. Нарышкинъ, надѣвъ ленту, вышелъ изъ уборной въ другую комнату, говоря: „тамъ удобнѣе можно

видѣть—къ лицу голубая или нѣтъ". Изъ второй комнаты онъ вышелъ въ третью, а черезъ нѣсколько минутъ возвращается къ императору въ большомъ будто бы смущеніи и начинаетъ умолять его:

— Не погубите, государь, не выдайте на посмѣяніе!

— Что съ тобою сдѣлалось?—спрашиваетъ императоръ.

— Ахъ, государь! погибъ я да и только, если не спасете...

— Но говори же, чего ты отъ меня хочешь? почему ты такъ встревоженъ.

— Вообразите, государь, мое изумленіе, стыдъ мой: выхожу я съ поспѣшностію въ третью комнату отъ уборной, въ ту самую, гдѣ находятся большія зеркала; вдругъ—откуда взялись, проклятые—окружаютъ меня и военные, и придворные, и статскіе, и Богъ знаетъ кто! Одинъ жметъ мнѣ руку, другой душитъ въ своихъ объятіяхъ, третій заикается отъ досады, обращаясь съ поздравленіями; четвертый, кланяясь въ поясъ, стряхиваетъ на меня всю пудру съ своего парика... Съ большимъ трудомъ вырвался я изъ шумной толпы, гдѣ множество голосовъ какъ будто нарочно слились въ одинъ, привѣтствуя меня съ монаршею милостію. Что мнѣ дѣлать теперь? Какъ показаться? Пропалъ да и только!

Насмѣявшись досыта (прибавляетъ Бантышъ-Каменскій), государь возложилъ тогда же на встревоженнаго царедворца Андреевскую ленту („Слов. дост. люд." 481—482).

До самой кончины Петра III Нарышкинъ былъ при немъ неотлучно. Это отдалило его отъ кружка Екатерины, но, съ восшествіемъ ея на престолъ, веселый царедворецъ снова занялъ прежнее мѣсто.

Какъ бы то ни было, но, при вступленіи Екатерины II на престолъ, Левъ Нарышкинъ вмѣстѣ съ нѣсколькими приверженцами Петра III былъ арестованъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ находился при своемъ императорѣ. Такъ, графъ Аржанто, 12-го іюля н. с. 1762 г., сообщаетъ, между прочимъ, графу Кауницу, что, кромѣ голштинцевъ, въ Ораніенбаумѣ были арестованы: генералъ-поручикъ, шталмейстеръ Нарышкинъ, графъ Воронцовъ, генералъ Мельгуновъ и тайный совѣтникъ Волковъ („Сборн. Истор. Общ." т. 18, стр. 422).

III.

Но арестъ Нарышкина былъ непродолжителенъ. Напротивъ, новая императрица не замедлила осыпать милостями своего прежняго баловня. Такъ, 22-го сентября 1762 г., въ день своей коронаціи, Екатерина пожаловала его въ оберъ-шталмейстеры.

Жизнь Нарышкина потекла попрежнему. Бантышъ-Каменскій говоритъ относительно положенія, которое занималъ Нарышкинъ при дворѣ, въ такихъ лирическихъ выраженіяхъ: „Находясь безпрестанно при государынѣ, сопутствуя ей во всѣхъ путешествіяхъ, въ которыхъ, равно какъ и въ

торжественные выѣзды, сидѣлъ въ каретѣ императрицы, Нарышкинъ веселостью своею, забавными шутками, непринужденною любезностью изгонялъ тягостный этикетъ придворный или, лучше сказать, оживлялъ собою дворъ. Появлялась ли печаль на величественномъ челѣ обладательницы нѣсколькихъ царствъ, онъ тотчасъ умѣлъ прояснить сумрачное облако, возстановлялъ улыбку, ни съ чѣмъ несравненную. На одномъ придворномъ балѣ императрица сдѣлала ему строгій выговоръ—и Нарышкинъ тотчасъ удалился. Черезъ нѣсколько минутъ Екатерина велѣла его отыскать; дежурный камергеръ донесъ государынѣ, что оберъ-шталмейстеръ на хорахъ съ музыкантами и рѣшительно отказывается явиться въ залу. Камергеръ былъ отправленъ съ вторичнымъ приказаніемъ, чтобъ Нарышкинъ немедленно исполнилъ волю государыни.—„Скажите ея величеству, — отвѣчалъ Нарышкинъ,—какъ мнѣ показаться въ такомъ многолюдствѣ съ *вымытою головою*?“ („Слов. дост. люд.“, 482—483).

Во всѣхъ памятникахъ царствованія Екатерины имя Нарышкина иначе не упоминается, какъ вмѣстѣ съ шуткою, съ каламбуромъ, съ анекдотомъ. Подъ 1764-мъ годомъ (7-го ноября) Порошинъ въ своихъ „Запискахъ“, говоря о времяпровожденіи своего юнаго воспитанника, великаго князя Павла Петровича, и о томъ, чѣмъ вообще они занимались, поясняетъ: „Потомъ сказывалъ я его высочеству о вчерашнихъ шуткахъ Л. А. Нарышкина: въ то время какъ великій князь вчера былъ у государыни, были всѣ мы въ билліардной, и Левъ Александровичъ передражнивалъ тутъ турецкаго посланника, также графа Ржевускаго, какъ онъ государынѣ рѣчь на аудіенціи говорилъ по-польски, и еще комедіанта Рено, который въ оперѣ, называемой „Молошница“, наряжался медвѣдемъ“. („Зап. Порошина“, Спб. 1844, 125).

Ни годы, ни обстоятельства не измѣняли Нарышкина. Графъ Сегюръ зналъ его уже немолодымъ, когда у него были уже дочери невѣсты, и онъ продолжалъ оставаться тѣмъ же нестарѣющимъ повѣсой. Домъ Нарышкина — это былъ единственный домъ въ Петербургѣ, подобнаго которому не было, какъ не было другого и владѣльца дома, похожаго на Нарышкина. „Это былъ,—говоритъ Сегюръ,—человѣкъ богатый, съ именемъ, прославленнымъ родствомъ съ царскимъ домомъ. Онъ былъ довольно уменъ, очень веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. *Онъ и не пользовался довѣріемъ императрицы,* но былъ у ней въ большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его разсѣянная жизнь. Онъ никому не мѣшалъ, оттого ему все прощалось, и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что инымъ не прошло бы даромъ. Съ утра до вечера въ его домѣ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пира; тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и, можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, скорѣе можно было тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обще-

ствахъ, связанныхъ этикетомъ. Въ другихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ; у Нарышкина же за шумомъ нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ". Сегюръ говоритъ, что вмѣстѣ съ другими дипломатами онъ часто ходилъ къ Нарышкину—„смотрѣть на эту забавную картину". Даже Потемкинъ, который почти никуда не выѣзжалъ, часто бывалъ въ веселомъ домѣ Нарышкина. Только тамъ онъ чувствовалъ себя свободнымъ, ничѣмъ нестѣсняемымъ, и самъ никого не стѣснялъ своимъ подавляющимъ присутствіемъ; мало того—онъ ухаживалъ за одной изъ дочерей Нарышкина, за Марьей: „онъ былъ влюбленъ въ нее". („Запис. гр. Сегюра", Спб. 1865, 56, 57). Эта дочка Нарышкина, которую любилъ „великолѣпный князь Тавриды" и съ которою онъ „всегда сидѣлъ вдвоемъ и въ отдаленіи отъ другихъ", пѣла и играла на арфѣ. Державинъ посвятилъ ей оду въ „Евтерпѣ". Впослѣдствіи эта дочка веселаго Нарышкина была замужемъ за княземъ Любомірскимъ.

До какой степени Нарышкинъ велъ себя непринужденно даже въ присутствіи императрицы, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, передаваемаго принцемъ де-Линь въ одномъ изъ его писемъ. Однажды, говоритъ онъ, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, „самый любезный и вмѣстѣ рѣзвый человѣкъ", пустилъ волчокъ въ присутствіи императрицы и иностранныхъ пословъ. У волчка голова была больше, чѣмъ у самого Нарышкина. „Послѣ жужжанія и высокихъ скачковъ, которые довольно насъ позабавили (продолжаетъ де-Линь), онъ, т.-е. волчокъ, разлетѣлся съ ужаснымъ свистомъ на три или четыре куска, прошелъ между ея императорскимъ величествомъ и мною, поразилъ двухъ нашихъ сосѣдей и ударилъ въ голову принца Нассау, который два раза велѣлъ пустить себѣ кровь" („Письма" и проч. принца де-Линя. М., 1809, ч. I, 49)! Вотъ какіе волчки пускалъ знаменитый оберъ-шталмейстеръ. Безъ сомнѣнія, этотъ „волчокъ" разумѣетъ Державинъ, воспѣвая Нарышкина въ одѣ „На рожденіе царицы Гремиславы":

Что нужды мнѣ, что по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ?
. . . .
Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился какъ дитя!
. . . .
Хвалю тебя: ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ!

Тотъ же де-Линь упоминаетъ о Нарышкинѣ уже не по поводу „волчка", а по поводу его остроумія. Екатерина разъ сказала окружавшимъ ее посламъ и другимъ знатнымъ особамъ:

— Для меня кажется странно, отчего *вы*, означающее множественное число, вошло въ употребленіе,—и для чего изгнали *ты?*

— Оно еще не совсѣмъ изгнано, ваше величество, — отвѣчалъ де-Линь,—и можетъ быть употреблено между великими особами, потому что Ж. Ж. Руссо говоритъ къ Богу: *Господи, въ божественной славѣ Твоей,* и Богу во всѣхъ молитвахъ также говорятъ, напримѣръ: nunc demittis servum Tuum, Domine *).

— Скажите, для чего жъ вы обходитесь со мною съ большею церемоніею?

— Посмотримъ, я вамъ тѣмъ же буду отвѣчать.

— Будешь ли *ты* со мною такъ говорить? — сказала императрица, обращаясь къ Нарышкину.

— Для чего же не такъ,—отвѣчалъ онъ,—если только *ты сама* будешь со мною учтивѣй?

„Тутъ (говоритъ де-Линь) полились цѣлыя тысячи *ты*, одни смѣшнѣе другихъ. Я свои мѣшалъ съ именемъ величества и *твоего величества* было уже для меня довольно. Другіе не знали, что сказать, и величество, осыпанное грубыми *ты*, возвращая оное обратно, несмотря на сіе, имѣла видъ владычицы всероссійской и почти всѣхъ частей свѣта“ (I, 49—50).

Хорошій каламбуристъ и острякъ, Нарышкинъ извѣстенъ былъ, конечно, болѣе при дворѣ, чѣмъ въ публикѣ и литературѣ, какъ сочинитель стиховъ на случай, водевилей и пѣсенокъ. Такъ, ему приписываютъ извѣстную пѣсню: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ“, хотя нѣкоторые писатели (г. Мельниковъ) утверждаютъ, что пѣсню эту сочинила императрица Елизавета Петровна, когда была еще великою княжною. Глинка, въ „Русскомъ Чтеніи“ приводитъ слѣдующій разговоръ свой съ княгинею Дашковою, которая была того мнѣнія, что помянутая пѣсня сочинена Львомъ Нарышкинымъ:

— Я прочитала, — сказала княгиня Дашкова Глинкѣ, — вашу поэму или повѣсть о царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, и она пробудила во мнѣ чрезвычайно пріятное воспоминаніе. Левъ Александровичъ Нарышкинъ назначилъ у себя маскарадъ. Узнавъ объ этомъ, государыня прислала за мной и сказала мнѣ: „Намъ надобно неожиданно порадовать Левушку (такъ она называла иногда Нарышкина): я наряжусь царицею Натальею Кириловной, а ты—подмосковною крестьянкой, съ тѣмъ, что пройдешь въ хороводѣ и пропоешь пѣсню его сочиненія:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица-душа.

— Нарядясь, какъ было сказано, мы, незванные гости, поспѣшили къ Нарышкину. Нечаянно, неожиданно, увидя Екатерину, черезъ многочислен-

*) Нынѣ отпущаеши раба твоего, Господи.

ный рядъ посѣтителей, Левъ Александровичъ съ быстротою молніи бросился къ императрицѣ, упалъ на колѣни, схватилъ ея руку, поцѣловалъ и въ радостныхъ слезахъ воскликнулъ: „Матушка! матушка! умру отъ радости!“—„Не хорошо же,— возразила Екатерина,—заплатилъ ты мнѣ за родственный мой къ тебѣ пріѣздъ“... Не нужно говорить, что и я сдѣлала свое дѣло. А хозяинъ! Онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія и повторялъ нѣсколько разъ Екатеринѣ: „Матушка! ты сто лѣтъ прибавила мнѣ жизни!“ („Рус. Чтеніе“, Глинки. Спб. 1845, ч. 2, 306).

Утверждаютъ также, что Нарышкинъ былъ отчасти косвенною причиною тогдашней моды на „меценатство“. Такъ, въ извѣстномъ „Дневникѣ чиновника“ разсказывается, что Екатерина, которая почти до конца своего царствованія покровительствовала словесности, наукамъ и художествамъ, замѣтивъ въ одномъ вельможѣ закоренѣлое презрѣніе къ произведеніямъ ума и художествъ, обратилась къ Нарышкину съ такимъ вопросомъ:

— Отчего N. N. не любитъ живописи и ненавидитъ стихотворство до такой степени, что, по словамъ княгини Дашковой, онъ всѣхъ ни къ чему негодныхъ людей своихъ называетъ „живописцами“ и „стихотворцами“?

— Оттого, матушка,—отвѣчалъ Нарышкинъ,—что онъ голова глубокомысленная и мелочами не занимается.

— Правда твоя, Левъ Александровичъ, — сказала императрица,— только и то правда, что головы, слывущія за глубокомысленныя, часто бываютъ пустыя головы.

„Замѣчаніе императрицы (поясняетъ авторъ „Дневника“) огласилось, и съ тѣхъ поръ придворные другъ передъ другомъ стали покровительствовать стихотворцамъ и живописцамъ, заводить домашніе театры и составлять картинныя галлереи. Съ той поры и „меценатство попало въ моду“ („Дневн. чинов.“, „Отеч. Записки“, 1855 г., № 7, стр. 156).

Выше было замѣчено, что Нарышкинъ постоянно сопутствовалъ Екатеринѣ во время ея путешествій по Россіи. Чѣмъ же онъ проявлялъ себя во время этихъ путешествій? Отчасти мы уже видѣли это. Своего „волчка“, поранившаго принца Нассау, онъ пускалъ во время поѣздки въ Крымъ. Онъ развлекалъ императрицу, шутилъ, острилъ и постоянно находился въ ея каретѣ во время пути, вмѣстѣ съ любимою статсъ-дамою Екатерины, г-жею Протасовою, какъ упоминаетъ объ этомъ и графъ Сегюръ (стр. 138). Тотъ же Сегюръ замѣчаетъ, почему Нарышкинъ всегда былъ нуженъ: находясь съ вельможами, послами, иностранными путешественниками и проч., императрица любила говорить обо всемъ, „исключая политики“; она охотно слушала разсказы, и сама охотно разсказывала. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты (Сегюръ, 79). Глинка разсказываетъ, что въ 1781 году, на пути изъ Бѣлоруссіи, императрица пожелала заѣхать на родину князя Потемкина, въ село Чижово. Оттуда, проѣзжая на Порховъ, заѣхала въ имѣніе капитана-исправника Глинки, отца извѣстнаго писателя С. Н. Глинки. Императрицу сопровождали Нарышкинъ и графъ

Румянцевъ, который прежде зналъ отца Глинки по службѣ его въ дунайской арміи. Румянцевъ разговорился съ Глинкой. Императрица замѣтила это и спросила, гдѣ они познакомились. Графъ объяснилъ. Тогда капитанъ-исправникъ воскликнулъ:

— Матушка-государыня! Я за все обязанъ его сіятельству, даже и за дѣтей, которыхъ готовлю на службу вашего императорскаго величества!

Въ это время Нарышкинъ, подскочивъ къ императрицѣ, съ свойственнымъ дурачествомъ прибавилъ:

— Слышите, матушка! Капитанъ-исправникъ говоритъ, что онъ и за дѣтей своихъ обязанъ Петру Александровичу...

Капитанъ-исправникъ спохватился, но за словомъ въ карманъ не полѣзъ.

— Я правду говорю, ваше величество, — отпарировалъ онъ Нарышкина:—однажды съ видомъ унылымъ явился я въ Молдавію къ графу на ординарцы. Его сіятельство съ отеческою заботливостію спросилъ, отчего я такъ грустенъ. Я отвѣчалъ, что помолвленъ, и получилъ вѣсть, что къ невѣстѣ моей присватывается другой женихъ. Графъ немедленно далъ мнѣ домовый отпускъ. Итакъ, по милости его сіятельства, представляю вашему величеству мое семейство" („Рус. Вѣстн." 1841 г., кн. 8, „Екатерина II на родинѣ моихъ отцовъ", С. Глинки, 431).

Во время путешествія Екатерины въ Крымъ въ 1787 году, когда она останавливалась въ Кіевѣ, то предводителемъ дворянства, Андреемъ Полетикою, составленъ былъ дневникъ объ обстоятельствахъ этого пребыванія государыни въ Кіевѣ. Въ дневникѣ неоднократно упоминается и имя Нарышкина. Такъ, 31-го января говорится, что Нарышкинъ открылъ балъ польскимъ танцемъ. 20-го февраля Екатерина посѣтила Нарышкина, который въ тотъ день былъ именинникъ. Это событіе такъ передается въ дневникѣ: „Въ день тезоименитства господина оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина, поутру всѣ здѣшніе и многіе придворные ѣздили его поздравлять, а въ часу осьмомъ пополудни императрица осчастливила его прибытіемъ въ квартиру его, бывшую въ домѣ господина совѣтника Вишневскаго. На счетъ Л. А. Нарышкина освѣщена была вся улица въ два ряда по обѣимъ сторонамъ плошками, а передъ домомъ играла духовая музыка. По прибытіи императрицы открыли балъ, и придворные танцовали" и т. д. Подъ 4-мъ апрѣля значится, что Нарышкинъ выѣхалъ въ городъ Каневъ къ польскому королю, а 9-го апрѣля говорится, что онъ возвратился и получилъ отъ короля „богатую табакерку" („Сынъ Отечества", 1843 г., стр. 4, 9, 20). Да, этотъ король польскій, бывшій графъ Понятовскій, секретарь Нарышкина, писавшій подъ его диктовку веселыя письма молодой великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и просившій у нея „варенья" и другихъ „бездѣлицъ" и потомъ получавшій отъ нея польскую корону — этотъ графъ-король даритъ теперь Нарышкина табакеркой, какъ бы задобривая его, чтобы у него не отнимали польской короны... А давно ли, кажется, они всѣ дурачились? И оказывается, что не переставалъ

дурачиться одинъ только „Левушка“ — все же остальное такъ страшно измѣнилось!

Но остроумныя дурачества „Левушки“ не всегда были невиннаго свойства. Впрочемъ—объ этомъ послѣ, когда мы будемъ говорить о возвращеніи Екатерины изъ Крыма.

Въ апрѣлѣ Екатерина выѣхала изъ Кіева на галерѣ „Днѣпръ“ въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которую когда-либо видѣлъ Днѣпръ „славутичъ“. Флотилія состояла изъ 80 судовъ съ 3.000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, со множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фицъ-Герберту; другая де-Линю и Сегюру; прочія—Потемкину и его племянницамъ, Мамонову, Нарышкину, министрамъ и т. д. Кабинеты, диваны, штофныя занавѣски, письменные столы изъ краснаго дерева, музыка на каждой галерѣ—и все это тамъ, гдѣ плавали только казацкіе „човны“ да развѣвались чубы запорожскіе... На галерахъ разыгрываются пьесы, сыплятся остроты, дурачится „Левушка“...

Но вотъ „Левушка“ начинаетъ зло дурачиться...

Екатерина возвращается изъ Крыма. Проѣздомъ она останавливается въ Тулѣ. Тульскій намѣстникъ генералъ Кречетниковъ, который, бывши астраханскимъ губернаторомъ, совершенно растерялся, когда Пугачевъ полонилъ всю его губернію вмѣстѣ съ Саратовомъ, принадлежавшимъ къ Астраханской губерніи, и который раньше такъ храбро дѣйствовалъ противъ гайдамаковъ, когда они были разбиты,—этотъ Кречетниковъ донесъ государынѣ, что въ Тульскомъ краѣ „все обстоитъ благополучно“ и народъ благоденствуетъ. „Но, къ сожалѣнію, — говоритъ г. Андреевъ въ „Изустной хроникѣ“, — Михаилъ Никитичъ (Кречетниковъ) находился не совсѣмъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, оберъ-шталмейстеромъ государыни, вельможею тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ подъ видомъ шутки, всегда острой и часто язвительной, умѣлъ легко и кстати высказывать самую горькую правду. Его эпиграмма кололась „больнѣе иглы“. Дѣло въ томъ, что Кречетниковъ въ проѣздъ государыни черезъ его намѣстничество желалъ показать „товаръ лицомъ“—дабы видѣла императрица, какъ подъ его мудрымъ управленіемъ благоденствуетъ край. Для этого онъ приказалъ поселянамъ деревень, мимо которыхъ должна была проѣзжать государыня, побѣлить, вычистить и изукрасить свои избы, нагнать по дорогѣ скота всякаго и табуны лошадей, а самимъ крестьянамъ нарядиться въ праздничное платье и встрѣчать государыню съ веселымъ видомъ. Сказано—сдѣлано. Екатерина видитъ повсюду многочисленныя стада, окрашенныя избы, чистоту, довольство, веселыя лица, хлѣбъ-соль—и ея сердцу пріятно. Еще пріятнѣе видѣть, какое впечатлѣніе производитъ это довольство края на иностранныхъ пословъ. Императрица изъявляетъ свое удовольствіе Кречетникову. Кречетниковъ рапор-

туетъ, что все обстоитъ благополучно, народъ не нуждается ни въ чемъ, жизненные припасы баснословно дешевы, урожай хорошъ. Что же больше желать государынѣ!

Но тутъ подвертывается шутникъ „Левушка“. Рано утромъ изъ окна своего кабинета государыня видитъ, что идетъ Нарышкинъ—на плечѣ у него огромная коврига ржаного хлѣба, въ ковригу воткнута трость, а въ рукахъ двѣ кряковыя утки. Екатерина, изумленная этой картиной, приказываетъ позвать къ себѣ шутника. Шутникъ входитъ съ своею оригинальною ношею...

— Что все это значитъ, Левъ Александровичъ?—спрашиваетъ императрица.

Нарышкинъ, преспокойно положивъ на столъ свою покупку (онъ возвращался съ рынка), отвѣчаетъ:

— Я принесъ вашему величеству тульскій ржаной хлѣбъ, да двухъ утокъ, которыхъ вы жалуете...

„Утки“—едва ли не намекъ на Кречетникова (намѣстника) и Заборовскаго (губернатора).

Подозрѣвая во всемъ этомъ одну изъ обыкновенныхъ выходокъ „Левушки“, императрица вторично спрашиваетъ:

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы этотъ хлѣбъ?

Нарышкинъ докладываетъ, что за каждый фунтъ печенаго черного хлѣба онъ заплатилъ по четыре копѣйки. Екатерина не вѣритъ—въ рапортѣ Кречетникова совсѣмъ не тѣ цѣны.

— Быть не можетъ! Это цѣна неслыханная,—говоритъ она.—Напротивъ, мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью...

— Нѣтъ, государыня,—это неправда: вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу хлѣбъ и знаю ему цѣну,—отвѣчаетъ „Левушка“, низко кланяясь.

— Удивляюсь!—какъ же меня увѣрили, что въ здѣшней губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году!!

— Нынѣшняя жатва, можетъ, будетъ удовлетворительна, ваше величество; а теперь пока голодно,—продолжаетъ „Левушка“, насмѣшливо улыбаясь.

Государыня беретъ рапортъ Кречетникова и подаетъ Нарышкину. „Левушка“ пробѣгаетъ рапортъ и почтительно докладываетъ.

— Можетъ быть, это ошибка... Впрочемъ, иногда рапорты бываютъ не достовѣрнѣе газетъ...

Екатерина поняла, въ чемъ дѣло.

— Михайло Никитичъ меня обманулъ.

Но она простила старому Михайлѣ Никитичу. Только когда онъ явился къ ней, она слегка замѣтила ему о цѣнахъ на хлѣбъ. Кречетниковъ смутился. Но государыня ласково сказала, успокоивая старика:

— Надобно поскорѣе помочь этому горю, чтобы не случилось большой бѣды.

Но вотъ Тула даетъ балъ императрицѣ. Все, что было лучшаго, богатаго, красиваго—все пущено въ ходъ, лишь бы балъ вышелъ на славу. Говорятъ, что туляки превзошли себя—эффектъ былъ поразительный. „И мы,—разсказываетъ старикъ-очевидецъ, тульскій дворянинъ,—съ нетерпѣніемъ ждали прибытія августѣйшей путешественницы, которая уже изъявила свое согласіе на приглашеніе тульскихъ дворянъ. Въ восемь часовъ вечера придворная карета скоро ѣхала по направленію къ дому собранія. Кречетниковъ и Заборовскій поспѣшили сойти къ подъѣзду, чтобы встрѣтить государыню... Но вмѣсто матушки-царицы изъ кареты вышла штатсъ-дама графиня Скавронская и увѣдомила намѣстника, что императрица, по случаю нездоровья, лишается удовольствія быть на балѣ и прислала ее благодарить отъ своего лица всѣхъ дворянъ тульской губерніи. Послѣ мы узнали, что матушка-царица отвѣчала камеръ-фрейлинѣ Протасовой и фрейлинѣ графинѣ Чернышевой, напомнившимъ ей о балѣ: „Могу ли я принять въ немъ участіе, когда, можетъ быть, многіе здѣшніе жители терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ?“ Вѣсть, привезенная графинею Скавронскою, разлила уныніе по залѣ съ быстротою молніи. Мы не смѣли роптать, не смѣли и сѣтовать, но—признаться ли вамъ!—это насъ глубоко опечалило... Безумные! если бы каждый изъ насъ могъ знать то, что извѣстно сдѣлалось послѣ, мы должны бы были всѣ упасть на колѣни предъ мраморнымъ бюстомъ, благоговѣйно произнести ея великое имя и безмолвно удалиться изъ залы. Государыня поняла бы насъ вполнѣ, а потомство сказало бы объ насъ доброе слово... Но мы предались печали, тоскѣ, скукѣ“. („Изустная хроника“. Пребываніе императрицы Екатерины II въ Тулѣ. П. Андреева. „Москвитянинъ“, 1842, кн. 2, 483—488).

И все это надѣлалъ „Левушка“ съ своимъ чернымъ хлѣбомъ и утками.

IV.

Итакъ, намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго личность Нарышкина обрисовывается довольно ясно. Онъ не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ: съ одной стороны, это была не его сфера, съ другой—едва ли Екатерина и довѣрила бы „Левушкѣ“ что-либо серьезное. Къ государственнымъ, какъ и общественнымъ дѣламъ онъ могъ прикасаться только жезломъ арлекина, и его шутка подчасъ дѣлала свое дѣло.

Но въ чемъ онъ, по свойству своего ума и характера, могъ принимать дѣятельное участіе, такъ это въ литературныхъ—не говоримъ занятіяхъ, — а въ литературныхъ забавахъ Екатерины. Тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Эти литературныя забавы происходили большею частью въ Эрмитажѣ. Онѣ такъ и назывались литературными играми. „Послѣ пріятной, разнообразной бесѣды (говоритъ Свиньинъ) въ кругу ученыхъ, пріятныхъ, остроумныхъ людей и вельможъ, каковы: Дидротъ, Гриммъ, Шуваловы, Панины, Потемкинъ, Нарышкинъ (Нарышкинъ ужъ непремѣнно!),

Сегюръ, Кобенцель, Сентъ-Эленсъ, принцъ де-Линь, Строгановъ, Безбородко и прочіе, Екатерина подходила къ письменному столику, которыхъ было по нѣскольку въ каждой комнатѣ, и, взявъ лоскутокъ бумаги, чертила нѣсколько строкъ или подавала его которому-нибудь изъ собесѣдниковъ для предложенія вопроса или текста. Послѣ сего всякій изъ присутствовавшихъ обязанъ былъ, не приготовляясь и прочитавъ только послѣднія слова предыдущей фразы, продолжать ее или опровергать. Можно посудить, какая остроумная галиматья рождалась отъ того, сколько высокихъ, геніальныхъ мыслей перемѣшивалось съ обыкновенными, сколько нравоученія съ колкостями и личностями!“ Какъ бы то ни было, но Нарышкинъ принималъ тутъ дѣятельное участіе, ибо былъ, по отзыву современниковъ, „душою блестящаго двора“, и онъ же сохранилъ для потомства слѣды этихъ литературныхъ придворныхъ забавъ. Послѣ вечеровъ онъ собиралъ исписанные листки, и изъ нихъ впослѣдствіи составился порядочный портфель. Портфель этотъ по наслѣдству перешелъ въ руки Кирилла Александровича Нарышкина, отъ котораго Свиньинъ и позаимствовалъ отрывки изъ того, что содержали помянутые листки.

Вотъ для примѣра содержаніе листка 6-го:

„*Что заставляетъ меня смѣяться?*

„Спесь.

„Острое словцо.

„Г. оберъ-шталмейстеръ (это отвѣтъ самой Екатерины, указывающій на весельчака „Левушку“),

„Ея высочество, когда говоритъ по-нѣмецки, и великій князь—когда поетъ.

„Чему я смѣюсь?—Часто самому себѣ“, и т. д.

Но какіе изъ этихъ отвѣтовъ принадлежатъ самому Нарышкину—изъ листковъ этого не видно („Сынъ Отечества“. 1836, кн. I. Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ, П. Свиньина, 83, 85, 89) *).

Нельзя при этомъ обойти молчаніемъ одного важнаго эпизода въ исторіи нашей литературы—собственно литературной полемики Екатерины съ княгинею Дашковою и съ знаменитымъ авторомъ „Недоросля“, безсмертнымъ Фонвизинымъ,—полемики, возникшей изъ-за Нарышкина и его остротъ. Эпизодъ этотъ обстоятельно изслѣдованъ покойнымъ академикомъ Пекарскимъ въ его сочиненіи—„Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“ (Прилож. къ III т. „Запис. Император. Академіи Наукъ“, № 6, 1863).

Въ 1783 г. княгиня Дашкова, назначенная директоромъ Академіи Наукъ, начала издавать журналъ „Собесѣдникъ“. Въ немъ принимали участіе Екатерина, Державинъ, Фонвизинъ, Капнистъ и другія литературныя знаменитости того времени. Въ этомъ журналѣ Екатерина напечатала

---

*) Ср. „Маякъ“, 1842, кн. 4, 101—102.

свои „Были и небылицы". Но война загорѣлась собственно изъ-за того, что въ третьей книжкѣ „Собесѣдника" Фонвизинъ напечаталъ сатирическіе вопросы, на которые Екатерина и отвѣчала, но невпопадъ—не угадавъ автора вопросовъ. Одинъ изъ вопросовъ ей не понравился. Вотъ онъ: *отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?* Вопросъ намекалъ на Нарышкина. На этотъ вопросъ Екатерина отвѣчала, что онъ родился отъ „свободоязычія". Мало того, въ продолженіи къ „Былямъ и небылицамъ", въ четвертой книжкѣ „Собесѣдника", она говоритъ о нѣкоемъ „дѣдушкѣ", который разворчался по поводу вопроса о „шпыняхъ" и „шутахъ". Вотъ что она говоритъ объ этомъ „дѣдушкѣ": „Отецъ его при домѣ князя цесаря съ ребячества находился, и въ ономъ вмѣстѣ съ сыномъ князя Өедора Юрьевича Ромодановскаго, сказываютъ, будто воспитанъ былъ, гдѣ случаи имѣлъ много о старинѣ слышать. Онъ помнилъ маскерадъ, гдѣ Бахусъ, сидящій на бочкѣ, въ провожаніи семидесяти кардиналовъ, переѣхалъ чрезъ Неву; зналъ также наизусть похожденія неусыпаемой обители. Дѣдушка часто и много самъ разсказываетъ о свадьбѣ въ ледовомъ домѣ и о присутствовавшихъ при оной, и какъ весна свистала. Все сіе безъ хемъ-хема никогда не говорится, понеже у дѣдушки много мокроты на груди, которую не всегда свободно откашливаетъ. Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, то разворчался необычайно и крупно говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ—въ шпынствѣ есть острота" и т. д.

Фонвизинъ понялъ, что его вопросомъ обидѣлись, и написалъ повинную. Возвращая къ Дашковой повинную, Екатерина пишетъ: „Такъ какъ я возвращаю жалкое произведеніе, которое очевидно вышло изъ-подъ пера автора „Вопросовъ", то вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь приложить готовый къ напечатанію листъ. Я присоединила только примѣчаніе, которое, можетъ быть, не имѣетъ никакого достоинства"... А въ этомъ примѣчаніи сказано: „ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло—мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!" На самую повинную Фонвизина отвѣчали, что каяться—дѣло христіанское; но что разрѣшеніе зависитъ отъ „многоголовной публики".—Но обида, какъ видно, засѣла въ Екатеринѣ, и она уже не хочетъ печатать своихъ „Былей и небылицъ". Понятно, что такое намѣреніе императрицы встревожило редакцію „Собесѣдника". Еще бы! Дашкова печатаетъ, что читатели уже плачутъ, узнавъ о прекращеніи „Былей и небылицъ". Екатерина зло отвѣчаетъ ей, прося не расточать похвалъ. Смущенная Дашкова посылаетъ ей другую похвальную статью, но уже не отъ себя, а какъ бы отъ посторонняго лица, и пишетъ: „Сію минуту я получила статью, которая написана къ автору „Былей и небылицъ". По прочтеніи вашимъ величествомъ, умоляю васъ возвратить мнѣ, чтобы я могла распорядиться о помѣщеніи ея въ той части, которая нынѣ печатается. Вы видите, государыня, что мое мнѣніе о „Быляхъ и небылицахъ" не принадлежитъ мнѣ одной и что нашъ журналъ падетъ безъ нихъ. Скажу даже болѣе: насъ покинутъ со-

всѣмъ; и тѣ, которые мѣшаютъ писателямъ быть нашими сотрудниками, будутъ считать себя болѣе чѣмъ когда-либо въ правѣ преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся имѣть умъ и наклонность къ литературѣ. При полной довѣрчивости, подъ скипетромъ добродѣтельнаго государя и философа, пользуясь при томъ счастіемъ быть въ такихъ отношеніяхъ, какъ я, надобно имѣть очень пресмыкающуюся душу, чтобы бояться, кого бы то ни было, но я боюсь сдѣлаться невиннымъ орудіемъ неудовольствій, навлекаемыхъ на честныхъ людей отъ ихъ начальниковъ. Если бы авторъ „Былей и небылицъ“ захотѣлъ быть столь благосклоннымъ и сказалъ бы нѣсколько словъ въ ободреніе писателей, то оказалъ бы тѣмъ услугу покорному издателю и въ то же время публикѣ“.

Въ статьѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, авторъ восторгается „Былями и небылицами“ и увѣряетъ, что всѣ другія статьи журнала—статьи Фонвизина, Державина, Капниста—возбуждаютъ только скуку и дремоту. Но и это не смягчило Екатерину. Она пустила въ ходъ самого обиженнаго „Левушку“ съ его „шпыньствомъ“, и въ журналѣ Дашковой явилась насмѣшливая замѣтка за подписью: „Каноникъ, извѣстный покровитель „Былей и небылицъ“, членъ общества незнающихъ, котораго принятая подпись есть ignorante bambinelli... обыкновенная же надпись текущимъ дѣламъ слово *мимо*“. Въ ядовитой замѣткѣ „Левушки“, между прочимъ, говорится: „Мнѣ кажется, для читателей и писателей равно опасна прививка стужи, происходящая отъ жидкости частицъ, либо отъ естественнаго хлада. Сей столь прилипчивъ, что посредствомъ бумаги и пера сообщается отъ писателя къ читателю гораздо скорѣе, нежели разобрать можно чтеніемъ намѣреніе писателя; къ сему роду холодной лихорадки соединяются обыкновенно всѣ примѣты: нѣкоторое нетерпѣніе, чесаніе глазъ, неспокойное пребываніе на одномъ и томъ же мѣстѣ, ломаніе палецъ, топтаніе ногой, сжиманіе плечъ и тому подобное“...

Чѣмъ далѣе, тѣмъ вражда разгорается болѣе. „Левушка“, поддерживаемый Екатериною, которая всегда недолюбливала Дашкову, становится неумолимъ, точно въ Тулѣ съ ржанымъ хлѣбомъ противъ Кречетникова. Онъ написалъ еще одно сочиненіе для журнала, и Дашкова, желая смягчить „Левушку“, пишетъ Екатеринѣ: „Я еще не получала послѣдняго сочиненія Льва Александровича—оно хорошо; и жаль будетъ его опустить“. Императрица отвѣчаетъ: „Произведеніе оберъ-шталмейстера великолѣпно и всеобъемлюще“. Но „Левушка“ жестокъ. Онъ уже начинаетъ бить не только Дашкову и ея журналъ, но и Академію Наукъ, россійскую академію, которую Дашкова только что начинала открывать. „Левушка“ въ союзѣ съ Екатериною написалъ статью—„Общества *незнающихъ*, невѣждъ, ignoranti bambinelli, ежедневная записка“. Это—злая пародія на засѣданія академіи. Всѣ вопросы тамъ будто бы идутъ „мимо“. Съ каждымъ засѣданіемъ число членовъ умаляется—всѣ бѣгутъ. Собраніе общества раздѣлилось на двѣ палаты: *палата съ чутьемъ* и *палата безъ чутья*. „Палата съ чутьемъ“ постановила: „по воздуху не летать съ крыльями

или безъ крыльевъ—развѣ крылья сами вырастутъ, или кто предарiялъ или предприметъ летать, самъ собою оперится“... и т. д. Неумолимый „Левушка“ не останавливается и на этомъ — вѣрно ужъ больно доѣхалъ его вопросъ Фонвизина о чиновныхъ „шутахъ, шпыняхъ и балагурахъ“. Онъ, въ „палатѣ съ чутьемъ“, т.-е. при императрицѣ, подражая голосу и ухваткамъ Дашковой, сказалъ рѣчь, которую княгиня произнесла при открытiи россiйской академiи. Княгиня обидѣлась—да и было чѣмъ. Тогда, за эту обидчивость, Екатерина лишила ее права участвовать въ шутливомъ обществѣ, а чтобы утѣшить—подарила 25.000 рублей для постройки дачи. Съ этихъ поръ вражда между Дашковой и „Левушкой“ превратилась въ открытую войну. „Дашкова съ Львомъ Александровичемъ,—говорила императрица Храповицкому,—въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла — ссора за пять саженъ земли“ *).

Ясно, что „Левушка“ былъ очень самолюбивъ, а въ настоящей литературной полемикѣ, превращенной имъ въ придворную интригу, „Левушка“ былъ положительно неправъ—видно, что онъ болѣе обладалъ придворнымъ тактомъ, чѣмъ литературнымъ. Такъ, онъ написалъ еще кое-что для журнала, и въ томъ числѣ продолженiе „Записки общества незнающихъ“. Повидимому, Дашкова дала ему литературный совѣтъ, какъ человѣку, незнакомому съ требованiями печати. И „Левушка“ вновь обиженъ. Императрица снова въ неудовольствiи на Дашкову. Она пишетъ княгинѣ: „Я прошу васъ, милостивая государыня, прислать мнѣ переписку такъ называемаго портного (это продолженiе „Былей и небылицъ“—у Пекарскаго) и все, что я къ вамъ посылала и что еще не напечатано“.

Дашкова въ отчаянiи, но должна повиноваться. „Имѣю честь возвратить вашему величеству,—пишетъ она,—требуемыя вами бумаги. Какъ мнѣ кажется, что ваше величество намѣреваетесь не помѣщать ихъ болѣе въ нашемъ журналѣ, то умоляю васъ, государыня, не дѣлать этого и прислать мнѣ сочиненiя Каноника—я напечатаю ихъ съ величайшимъ удовольствiемъ. Я въ отчаянiи, если дурно, какъ видно, выразилась, потому что, увѣряю васъ, только послѣ двухкратнаго разговора самого г. Каноника я не могла удержаться отъ совѣта ему что долженъ знать авторъ, вступающiй на литературное поприще. Умоляю васъ вѣрить мнѣ, что я не могу быть спокойна, пока буду считать себя малѣйшею помѣхою вашихъ развлеченiй. Ваше величество окажете мнѣ милость приславъ ко мнѣ протоколъ г. Каноника (это все „Левушка“). Заклинаю въ томъ ваше величество. Я бы

---

*) Академикъ Пекарскiй ошибочно полагалъ, что знаменитая вражда между Дашковою и Нарышкинымъ изъ-за побитыхъ княгинею свиней относится къ той же враждѣ Дашковой съ „Левушкой“; нѣтъ, Дашкова побила свиней не Льва Александровича Нарышкина, а Александра Александровича, оберъ-шенка, съ которымъ и тягалась по судамъ. См. записки Храповицкаго, изд. Барсуковымъ.

сама явилась умолять васъ о томъ, если бы не удерживала меня въ постели боль въ горлѣ и сильная лихорадка. Удостойте, государыня, соизволить на мое прошеніе и доказать тѣмъ, что я, невинная въ этой распрѣ, вовсе не имѣла возможности сдѣлать вамъ неугодное".

Но дѣло уже потеряно—его исправить нельзя. Вопросъ Фонвизина непоправимъ—онъ сталъ историческимъ вопросомъ, и „Левушка" чувствуетъ, что вопросъ этотъ уже написанъ на страницахъ русской исторіи. Императрица тоже неумолима. „Между присланными вами, милостивая государыня, бумагами,—отвѣчаетъ Екатерина Дашковой,—я старалась отыскать одну, которой не нашла; она кончается словами: le ris tenta le rat etc., поэтому прошу васъ отыскать ее и прислать мнѣ въ возможной скорости. Что касается опыта моего друга Каноника, то я ничего не могу сдѣлать, не посовѣтовавшись съ нимъ. Такъ какъ ему никогда не приходило въ голову мысли обидѣть какое-либо человѣческое существо, что довольно ясно видно изъ его шутливаго тона, то онъ, конечно, не нарушитъ правила, которое вы ему преподали; искренно сожалѣю, узнавъ, что вы не совсѣмъ здоровы".

Отъ такого холоднаго тона Дашковой, конечно, не стало легче. Все это происходило 16-го ноября. Въ тотъ же день она вновь пишетъ императрицѣ, косвенно извиняясь передъ обидчивымъ „Левушкой": „Еще разъ умоляю васъ, государыня, успокоить меня, оправдать меня. Повѣрьте, что только послѣ двухкратнаго разговора я не могла, не будучи лживою, — что не въ моемъ характерѣ,—удержаться и не высказать того, что я высказала. Заклинаю ваше величество возвратить мнѣ бумаги, которыя взяли вы сегодня утромъ, и *приказать* о продолженіи протокола Каноника. Я никогда не считала этого серьезнымъ: ваше величество можете припомнить, что въ продолженіе трехъ недѣль, когда доходили до меня слухи о мнѣніи въ публикѣ, *что надсмѣхаются надъ возникающею академіею*, я, далекая отъ того, чтобы обращать на это вниманіе, сама шутила и часто диктовала Канонику... Такъ какъ я никогда не была равнодушна ко всему, что бы ни касалось васъ, то ваше величество въ состояніи легко понять, какъ должна я огорчаться тѣмъ, что навлекла на себя неудовольствіе ваше въ дѣлѣ, котораго я не могла ни предвидѣть, ни предотвратить и въ которомъ, напротивъ, думала показать простосердечіе. Дѣло это, впрочемъ, при разсмотрѣніи его окажется ничтожнѣе производимыхъ имъ послѣдствій. Ради Бога забавляйтесь и не думайте, чтобы у меня было когда-либо въ мысляхъ препятствовать тому, что можетъ васъ развлекать. Напротивъ, заклинаю ваше величество велѣть продолжать засѣданія и протоколъ (общества незнающихъ). Это докажетъ, что шутка не могла и не должна была имѣть серьезныя послѣдствія. Что могу я сдѣлать, государыня, чтобы доказать вашему величеству одинъ разъ навсегда, что вы всегда есть и были для меня первымъ предметомъ? Тогда, государыня, не могло бы возникать недоразумѣній между вашимъ величествомъ и мною, и никакое внушеніе или обманчи-

вая наружность не подали бы повода огорчать совершенно вамъ преданное сердце".

Все напрасно. Екатерина не возвратила своихъ бумагъ—и онѣ доселѣ хранятся въ Государственномъ архивѣ.

Такъ кончилось сотрудничество Екатерины въ „Собесѣдникѣ"—и все изъ-за Нарышкина. Послѣдній, такимъ образомъ, оказалъ непохвальную услугу русской литературѣ, потому только, что не могъ снести одной насмѣшки, тогда какъ самъ любилъ разсыпать ихъ направо и налѣво.

V.

Разсматривая въ общемъ своеобразную историческую фигуру—фигуру „Левушки", нельзя не видѣть, что она вполнѣ цѣльно и рельефно вырисовывается на историческомъ фонѣ своей эпохи. И дѣйствительно, рѣдко кто изъ тогдашнихъ историческихъ дѣятелей и не дѣятелей, а, такъ сказать, аксессуаровъ исторической жизни, выступаетъ такъ колоритно, какъ этотъ аксессуаръ своей исторической эпохи—Нарышкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ очень характерный аксессуаръ. Екатерина написала въ честь его цѣлую шуточную эпопею, и даже двѣ, гдѣ героемъ является „Левушка" или sir Leon, какъ она его называетъ. Эта комическая Одиссея носитъ названіе „Левушка"—*Leoniana* или Dits et faits de sir Leon Grand Ecuyer, recueillis par ses amis", „Леоніана" цѣликомъ напечатана въ сочиненіяхъ Пекарскаго, при запискахъ Императорской Академіи Наукъ. Въ ней изображена вся жизнь „Левушки"—его рожденіе на берегу Фонтанки, его дѣтство, поступленіе ко двору и т. д. Другое сочиненіе Екатерины о „Левушкѣ" носитъ заглавіе: „Relation veridique d'un voyage d'outre mer que sir Leon Grand Ecuyer pourrait entreprendre par l'avis de ses amis". Это его фантастическое (отчасти не фантастическое) путешествіе въ Крымъ, затѣмъ къ султану въ Константинополь, посѣщеніе сераля, потомъ плаваніе по Средиземному морю, по океану и т. д. до самаго Кронштадта. Все это пересыпано остротами, шутками, намеками, которые въ свое время имѣли цѣну для извѣстнаго кружка. „Левушка" испытываетъ тысячи приключеній—и вездѣ остается цѣлъ, даже въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ въ концѣ своего плаванія не попадаетъ въ шлюпку, а прямо въ море, откуда его вытаскиваютъ собаки за икры. Въ похожденіяхъ „Левушки" столько же истиннаго и фантастическаго, сколько и въ похожденіяхъ капитана Копѣйкина; но зато въ нихъ есть историческая основа—есть не мало историческихъ чертъ, есть много историческихъ фактовъ, только замаскированныхъ довольно прозрачно, и такіе мастерскіе штрихи, которые живописуютъ весь строй жизни извѣстнаго общества, для насъ превратившагося въ историческое воспоминаніе.

Что Нарышкинъ стоялъ вдали отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, что въ общемъ ходѣ политической жизни Россіи онъ является какъ нѣчто при-

даточное, какъ историческій аксессуаръ, видно также и изъ того, что Храповицкій, довольно чутко прислушивавшійся къ біенію государственнаго пульса и замѣчавшій патологическія проявленія въ государственномъ организмѣ, почти совсѣмъ не занимается неинтересною для него личностью оберъ-шталмейстера, а Гарновскій, человѣкъ обладавшій очень хорошимъ зрѣніемъ для того, чтобы отличать всѣ малѣйшіе оттѣнки придворной жизни, даже ни разу, кажется, не упоминаетъ о Нарышкинѣ. Храповицкій отмѣчаетъ, напр., въ своемъ дневникѣ, когда его собака укусила собаку императрицы, когда онъ потѣлъ или купался, чтобы не потѣть, — и вдругъ, видя Нарышкина каждый день, слыша его постоянныя остроты, упоминаетъ объ немъ всего разъ пять, и то совершенно вскользь. Такъ, 24-го іюля 1785 года, онъ заноситъ въ свой дневникъ: „На слова Л. А. Н. (это иниціалы „Левушки"), что у попугаевъ и пераклитовъ „языкъ подобнаго сложенія человѣческому", Екатерина замѣчаетъ: „Je ne savais pas cela; je donnerais à la perruche la survivance de votre charge". 26-го іюня 1786 года у Храповицкаго отмѣчено: „За туалетомъ Завадовскій сказывалъ, что видѣлъ рѣдкость: „Л. А. Н. верхомъ". На это Екатерина замѣчаетъ: „Il falloit le faire monter sur un âne".

Извѣстно, что Екатерина, кромѣ комической эпопеи въ честь Нарышкина — „Леоніаны", — сочинила еще комедію, подъ названіемъ „L'insouciant", гдѣ цѣликомъ изображается „Левушка". По этому поводу у Храповицкаго подъ 29-е сентября 1788 года записано: „Отдано мнѣ для переписки „L'insouciant", comédie en trois actes. Она изображаетъ всего Л. А. Нар.". А подъ 15-е октября значится, между прочимъ: „Въ вечеру играли при маломъ собраніи въ Эрмитажѣ „L'insouciant" и какъ самъ Л. А. Нар., такъ и всѣ зрители много смѣялись". Затѣмъ 26-го января 1789 г. у Храповицкаго записано: „При туалетѣ былъ похвальный разговоръ объ оперѣ со Л. А. Нар-мъ". Подъ 14-е февраля: „Ея в-о изв. быть въ маскерадѣ у Л. А. Нарышкина до $11^1/_2$ часовъ". Потомъ 29-го октября отмѣчено: „Лев. Нар. сказалъ при туалетѣ о нововышедшихъ книгахъ: „Vie privée d'Antoinette de France et de l'histoire de la Bastille" — Ce sont des libelles et je ne les souffre jamais" (это, конечно, отзывъ императрицы). Наконецъ, уже 11-го апрѣля 1793 г. снова мимоходомъ замѣчается о Нарышкинѣ, да и не о Нарышкинѣ собственно, а о „золотой шпагѣ со всаженнымъ солитеромъ въ 10.000 рублей", подаренной графу д'Артуа, который съ этой шпагою былъ на вечеринкѣ у Нарышкина. Вотъ и все. Ясно, что и тутъ Храповицкій не Нарышкинымъ интересовался, а или императрицей и ея словами, или золотою шпагою.

Поэтому мы не съ особенною вѣрою принимаемъ свидѣтельство Глинки, который увѣряетъ, будто Екатерина поручала Нарышкину наблюдать за народнымъ мнѣніемъ о тѣхъ указахъ, которые она предполагала издавать („Русск. Чтеніе". Спб., 1845, ч. 2.312). Другое дѣло, когда Глинка примѣшиваетъ Нарышкина къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Тутъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Мы уже знаемъ, какъ Нарышкинъ острилъ на-

счетъ отца Глинки, капитанъ-исправника, который будто бы обязанъ былъ Румянцеву даже своими дѣтьми. Въ своихъ „Запискахъ“ Глинка увѣряетъ, что Нарышкинъ вообще покровительствовалъ семейству Глинокъ, и по этому случаю разсказываетъ слѣдующія обстоятельства своей жизни, гдѣ имѣетъ мѣсто и Нарышкинъ. С. Н. Глинка, только что выпущенный изъ корпуса поручикомъ, сочинилъ „Пѣснь Великой Екатеринѣ“ и представилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отправилъ автора къ тогдашнему фавориту, князю П. А. Зубову, съ майоромъ Петровымъ, служившимъ въ дворцовой конюшнѣ. Въ пріемной Зубова толпилось уже множество лицъ и въ мундирахъ, и во фракахъ. Нисколько не робѣя, говоритъ Глинка, но только укрываясь отъ любопытныхъ взглядовъ, онъ прижался въ углу пріемной и прикрылъ шляпой свое сочиненіе; а его услужливый путеводитель, какъ опытный знатокъ барскихъ переднихъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому съ поклонами, привѣтствіями и разспросами. „Я много уже читалъ,—замѣчаетъ Глинка,—о переднихъ временщиковъ и думалъ: чего отъ нихъ добиваются (а самъ-то Глинка чего же добивался въ передней?). Сегодня они все, а завтра, вмѣстѣ съ ихъ случайностью, все исчезнетъ, и тѣ самые раболѣпные поклонники, которые съ такою жадностью ловили каждый ихъ взглядъ, первые забудутъ ихъ“. Послѣ философскаго размышленія, Глинка нечаянно оглянулся и увидѣлъ знаменитаго (особенно впослѣдствіи) Кутузова, который тоже „смиренно прижался въ углу“, недалеко отъ дверей. Въ это время изъ кабинета Зубова вышелъ лакей съ подносомъ и пустою чашкою. Кутузовъ поспѣшно подошелъ къ нему и спросилъ по-французски: „Скоро ли выйдетъ князь?“—„Часа черезъ два“,—съ важностью отвѣчалъ лакей. Кутузовъ,—замѣчаетъ при этомъ Глинка,—не отступавшій отъ стѣнъ Очакова, ни отъ стѣнъ Измаила, смиренно сталъ на прежнее мѣсто. Мнѣ стало невыносимо досадно; я подошелъ къ Петрову и сказалъ: „Я не стану болѣе ждать“. Оторопѣвъ отъ этихъ словъ, Петровъ спросилъ: „Что же я доложу Льву Александровичу?“—„Что вамъ угодно,—отвѣчалъ раздосадованный Глинка:—Кутузовъ, герой мачинскій и измаильскій, ждетъ здѣсь и не дождется; а я что такое?“ И юный храбрецъ ушелъ. Вечеромъ онъ явился къ Нарышкину. У него сидѣлъ старикъ Державинъ. Увидѣвъ Глинку, Нарышкинъ захохоталъ и сказалъ:

— Гавріилъ Романовичъ! Посмотрите—вотъ Вольтеровъ Гуронъ,—убѣжалъ изъ пріемной князя; онъ затѣялъ вычитывать тамъ послужной списокъ Кутузова.—Понатрется въ свѣтѣ, перестанетъ балагурить. Однако, въ пѣснѣ его къ Екатеринѣ есть хорошіе стихи.

И Нарышкинъ, будто бы, прочиталъ наизусть:

Ты отрокомъ меня пріяла,
Ты разумъ мой образовала,
Ты въ сердце чувствія влила,
Благотворительной рукою
Ты правила моей душою!
Ты жизнь мнѣ новую дала.

Державинъ якобы похвалилъ эти стихи. Глинка былъ очень радъ похвалѣ и съ восторгомъ началъ наизусть декламировать „Фелицу". Нарышкинъ при этомъ приговаривалъ: „Продолжай, братецъ!"

Лицо Державина оживилось, онъ поцѣловалъ Глинку и сказалъ:

— Питайте всегда чувства благодарности къ государынѣ, это дѣлаетъ честь вамъ и вашему сердцу; но, — прибавилъ онъ: — передалъ ли вамъ В. А. Озеровъ мнѣніе мое о вашей элегіи?

— А что?—не дождавшись отвѣта, спросилъ Нарышкинъ:—онъ, видно, и тамъ что-нибудь напроказилъ? Ужъ не ударился ли онъ въ политику?

Державинъ отвѣчалъ, что въ элегіи нѣтъ ничего предосудительнаго, но что авторъ слишкомъ часто и слишкомъ неосторожно увлекается порывами воображенія.

— То-то, братъ,—сказалъ, Нарышкинъ:—воображеніе бредъ; а до политики не касайся; наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать да веселиться!

„Подлинно ли былъ въ этомъ убѣжденъ Левъ Александровичъ — не знаю" (замѣчаетъ Глинка) *)...

Можемъ увѣрить почтеннаго ветерана, что—сколько мы могли изучить „Левушку"—онъ подлинно былъ убѣжденъ, что вся политика сосредоточена въ кабинетѣ Екатерины, поэтому онъ туда и не заглядывалъ, а предпочиталъ острить въ уборной, а пировать и веселиться—у себя дома. Что же касается любимаго занятія—„шпыньства", какъ выражается Фонвизинъ, то „шпыньствомъ" почтенный „Левушка" любилъ заниматься вездѣ, на всякомъ мѣстѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, что однажды онъ немилосердно „шпынялъ одного заслуженнаго генерала, Пассека, въ присутствіи императрицы". Пассекъ долго молчалъ, хотя внутренно выходилъ изъ себя. Но, наконецъ, досада пересилила сдержанность, и онъ потребовалъ у „шпыня" удовлетворенія.

— Согласенъ,—отвѣчалъ Нарышкинъ:—съ тѣмъ только, чтобы одинъ изъ насъ остался на мѣстѣ.

Пассекъ одобрилъ это предложеніе, сѣлъ въ карету Нарышкина, который захватилъ съ собою пару пистолетовъ, и противники поѣхали за городъ. Экипажъ остановился у рощи. Лакей отворилъ дверцу со стороны обиженнаго—и вспыльчивый генералъ тотчасъ выпрыгнулъ. Дверца захлопнулась. „Левушка" высунулъ изъ окна кареты голову и закричалъ:

— Я сдержалъ свое слово: *оставилъ тебя на мѣстѣ.*

Кучеръ ударилъ по лошадямъ, пыль поднялась столбомъ, и экипажъ исчезъ. Взбѣшенный Пассекъ долженъ былъ пѣшкомъ воротиться въ городъ и поклялся отомстить жесточайшимъ образомъ такую дерзкую, непростительную шутку „Левушки". Но тотъ зналъ, къ кому прибѣгнуть— и императрица помирила непримиримыхъ враговъ (Бант. Кам., 483—484).

---

*) „Записки С. Н. Глинки". „Рус. Вѣстн.", 1866, № 2, 684 и др.

Нарышкинъ нѣсколькими годами пережилъ свою высокую покровительницу.

При императорѣ Павлѣ I Нарышкинъ также продолжалъ оставаться въ милости: какъ человѣкъ, не мѣшавшійся въ политику, онъ дѣйствительно былъ безвреденъ и продолжалъ оживлять собою дворъ. Мало того, „Левушка" иногда ходатайствовалъ передъ императоромъ за невинно пострадавшихъ. Болотовъ, со словъ А. С. Брянчанинова, бывшаго при Павлѣ пажомъ, разсказываетъ, что однажды, къ концу царскаго обѣда, является престарѣлый офиціантъ, лишь только что прибывшій изъ Сибири, откуда онъ былъ возвращенъ по ходатайству Нарышкина. При входѣ старика Павелъ сказалъ, обращаясь къ Нарышкину:

— Вамъ обязанъ я этимъ прекраснымъ дессертомъ... („Руск. Арх". М. 1864, стр. 472).

Подъ конецъ жизни на долю Нарышкина выпала-было необходимость приняться за дѣло. Но и тутъ онъ отшутился.

Императоромъ Павломъ издано было повелѣніе, чтобы президенты всѣхъ присутственныхъ мѣстъ непремѣнно засѣдали тамъ, гдѣ состоятъ на службѣ. Пришлось и „Левушкѣ" первый разъ въ жизни явиться въ то мѣсто, гдѣ онъ былъ президентомъ около сорока лѣтъ—въ придворную конюшенную контору по должности оберъ-шталмейстера.

— Гдѣ мое мѣсто?— спрашиваетъ онъ членовъ.

— Здѣсь, ваше высокопревосходительство, — отвѣчаютъ они съ низкимъ поклономъ, указывая на огромное готическое кресло.

— Но къ этимъ кресламъ нельзя подойти,—замѣчаетъ Нарышкинъ:— они покрыты пылью.

— Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ,—отвѣчаютъ члены,—никто въ нихъ не сидѣлъ, кромѣ кота, который всегда тутъ покоится.

— Такъ мнѣ нечего здѣсь дѣлать—мѣсто мое занято.

И съ этими словами „Левушка" вышелъ изъ присутствія.

Едва ли послѣ всего сказаннаго стоитъ приводить мелкія подробности и черты изъ жизни Нарышкина, разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ — въ „Сѣверномъ Архивѣ" (1827 г. ч. 27, № 11, стр. 261 — описаніе даннаго Нарышкинымъ маскарада), въ „Отечественныхъ Запискахъ" Свиньина (1828 г., ч. 33, стр. 14—описаніе колонны на дачѣ Нарышкина), въ „Дневникѣ Студента" Жихарева (ч. I, стр. 250), въ „Русскомъ Архивѣ" (1863 г., стр. 99, 1866 г.—58, 1871 г.—1487, 2039 и др.), въ „Примѣчаніяхъ Грота къ сочиненіямъ Державина", и проч. Нарышкинъ выразилъ собою и своею жизнью слишкомъ слабую и одностороннюю историческую функцію, и потому сказаннаго объ немъ въ настоящемъ очеркѣ мы считаемъ болѣе чѣмъ достаточно.

Нарышкинъ умеръ 9-го ноября 1799 г., на 67-мъ году жизни—менѣе двухъ мѣсяцевъ не дожилъ до XIX вѣка: да едва ли въ XIX вѣкѣ онъ и былъ бы на мѣстѣ; едва ли былъ бы и нуженъ при иномъ строѣ жизни и иныхъ требованіяхъ.

Подобно тому римскому императору, который, умирая, спрашивалъ придворныхъ: „хорошо ли я сыгралъ свою роль?“—Левъ Александровичъ Нарышкинъ тоже могъ спросить своихъ близкихъ, умирая на рубежѣ новаго вѣка: „Хорошо ли я прошутилъ болѣе полувѣка?“

Фонвизинъ былъ правъ: Нарышкинъ былъ историческій *шпынь*,—и, кажется, послѣдній.

Конецъ.

Участіе семинаристовъ въ народныхъ движеніяхъ XVIII вѣка.

„Элементъ движенія и порывистой дѣятельности (русскіе бѣглые и гулящіе люди, самозванцы, воры-разбойники, понизовая вольница, бродяги непомнящіе родства и бѣгуны) такъ же присущъ народу русскому, какъ и строго-консервативный элементъ, выражаемый осѣдлою общиною — деревнею и селомъ, ихъ крѣпостью быта, необыкновенною привязанностью къ старинѣ. Сліяніе этихъ двухъ силъ нашей народности, силы центробѣжной и центростремительной, необыкновенно развитыхъ въ народѣ русскомъ и проходящихъ черезъ всю нашу исторію,—служитъ самымъ вѣрнымъ залогомъ дальнѣйшаго могущества нашего отечества“.

Владиміръ Ламанскій.

I.

При сравненіи народныхъ движеній XVIII вѣка, какъ пугачевщина и гайдамачина, съ народными движеніями XIX вѣка какъ картофельные бунты, появленіе лже-Константиновъ и мнимые крестьянскіе бунты, вызванные недоразумѣніями при введеніи крестьянской реформы (напримѣръ, бездниское дѣло), — нельзя не видѣть громадной разницы между этими движеніями, какъ по объему ихъ, такъ и по характеру. При этомъ сравненіи отрадное преимущество выпадаетъ на долю XIX вѣка.

Въ XVIII вѣкѣ всякое недоразумѣніе въ народѣ вызывало вспышку въ массахъ, и народное движеніе становилось крупнымъ, серьезнымъ. Въ народѣ проявлялось разомъ упорное единомысліе, и стойкость не покидала волнующіяся массы даже въ то время, когда вооруженныя войска стояли уже лицомъ къ лицу съ народомъ. Въ XIX вѣкѣ, особенно въ послѣднее время, мнимые народные бунты являются просто крупнымъ, повальнымъ недоразумѣніемъ, и въ этихъ бунтахъ народъ является рѣшительно непо-

виннымъ. Нестройныя толпы крестьянъ, какъ испуганныя овцы, обращаются въ бѣгство при видѣ штыковъ и при первомъ грохотѣ не пушекъ, а просто барабановъ, какъ это весьма наглядно изображено г-номъ Демертомъ въ „Новой волѣ“ *). Въ XVIII вѣкѣ всякая вспышка становилась дѣйствительнымъ народнымъ движеніемъ, активнымъ заявленіемъ какихъ-либо прямыхъ требованій или смутно сознаваемыхъ чаяній чего-то лучшаго, и движенія эти, изъ отдѣльныхъ вспышекъ, превращались въ сплошныя, въ массовыя. Въ XIX вѣкѣ народъ не волнуется, а пассивно не повинуется какому-либо распоряженію, пассивно недоумѣваетъ, и самыя проявленія этого неповиновенія и недоумѣнія идутъ не полосами, какъ въ XVIII вѣкѣ, а какъ-то спорадически, разбросанно, безъ всякаго активнаго заявленія какихъ-либо прямо поставленныхъ требованій.

Явленіе это заставляетъ предполагать, что или въ народѣ съ того времени нѣсколько сложился и нѣсколько окрѣпъ политическій смыслъ и тактъ, такъ какъ невѣдѣніе всегда обладаетъ безсмысленной отвагой въ болѣе значительной степени, чѣмъ опытность, или народу теперь несравненно лучше живется, и онъ не видитъ необходимости ставить на карту свою жизнь, какъ онъ иногда ставилъ ее въ XVIII вѣкѣ, когда жить было слишкомъ тяжело, и пожертвовать жизнью для него ничего не стоило, потому что самая жизнь эта, при ея безвыходности, стоила слишкомъ дешево. А дешева она была потому, что на нее, какъ на всякій ненужный товаръ, запросу не было—не стоило жить, чтобы маяться. Теперь не то: теперь у народа есть и настоящее, и будущее.

Но народныя движенія, какъ XVIII, такъ и XIX вѣка, вызывались, большею частью, аналогическими явленіями въ государственной жизни Россіи. Въ этомъ—точка соприкосновеній народныхъ движеній. И тѣ, и другія движенія получали силу, главнымъ образомъ, сколько въ недовольствѣ правительственною регламентаціею, которая въ извѣстные періоды оказывала наибольшее давленіе на массы, столько же и въ недовольствѣ существующимъ порядкомъ вещей. Если мы замѣчаемъ, что народныя движенія нашего времени слабы и неединодушны въ сравненіи съ движеніями XVIII вѣка, если въ заявленіи народныхъ требованій, тогда, можетъ быть, нелѣпыхъ съ государственной точки зрѣнія, видно менѣе стойкости, то нѣтъ основанія отрицать, что въ наше время народу несравненно легче живется, ибо нельзя предполагать, чтобы массы въ XVIII вѣкѣ дѣйствовали дружнѣе и осмысленнѣе потому, что были болѣе, чѣмъ теперь, развиты политически и граждански.

Въ основѣ пугачевщины и гайдамачины лежала та безвыходность положенія, въ которую былъ поставленъ какъ великорусскій, такъ и малорусскій народъ обидно сложившимся для него государственнымъ строемъ и тою историческою несправедливостью въ отношеніи къ нему, которая хотя и была закрѣплена, такъ сказать, и освящена юридически, но съ которою

*) „Отечеств. Записки“ за 1869 г.

все-таки не могло помириться ни нравственное чувство народа, ни его гражданскій смыслъ. Но и пугачевщина, и гайдамачина, имѣя точкою отправленія эту историческую неправду, источникъ для своей силы нашли въ протестѣ народа—въ протестѣ опять-таки, можетъ быть, безсмысленномъ съ государственной точки зрѣнія—противъ правительственной регламентаціи, которой давленіе казалось народу столько же невыносимымъ, сколько и несправедливымъ. Ядро пугачевщины составляло русское казачество всѣхъ наименованій, которое сознавало, что казацкія вольности отживали свой вѣкъ и что государственная регламентація скоро нивеллируетъ всѣ эти неровности подъ одинъ уровень, сгладитъ всѣ гражданскія неровности и шероховатости казачества. Самымъ прочнымъ ядромъ гайдамачины тоже является казачество запорожское, которое также не могло не сознавать, что казацкія вольности приходится хоронить, что московскіе порядки скоро „уберутъ въ мѣшокъ“ все казачество, какъ они убрали въ этотъ мѣшокъ Малороссію, и что скоро „завяжутъ этотъ мѣшокъ“, какъ выражались сами запорожцы.

Для народныхъ движеній новѣйшаго времени точкою отправленія тоже служило стремленіе народа возстановить исторически нарушенную экономическую и нравственную правду; но какъ время уже само собой возстановило часть нарушенной правды и народу, сравнительно, жилось легче, то и протесты его противъ помянутой исторической неправды становились все слабѣе и слабѣе.

Слѣдующіе за симъ факты достаточно обнаружатъ, какія ничтожныя, повидимому, обстоятельства могли служить въ XVIII вѣкѣ почином для народныхъ движеній.

II.

Болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, какъ пугачевщина улеглась уже окончательно и юго-востокъ Россіи успокоился, именно въ маѣ 1776 года, въ Астрахань, какъ въ главный административный пунктъ средняго и нижняго Поволжья, пришло изъ калмыцкихъ степей извѣстіе отъ „пристава“ калмыцкаго народа „коллежскаго комиссара“ Везелева, что, „по развѣдыванію его, чрезъ объявленіе ему по знакомству, секретно отъ калмыкъ, произносится въ Дербетьевомъ улусѣ слухъ, яко бы оказался такой же какъ прежде былъ, злодѣй; о чѣмъ-де подтвердили ему, Везелеву, зайсангъ Чидангъ-Убаши и калмыцкой попъ Баахан-гелюнгъ и находящіеся въ услуженіи у него калмыки, и толмачъ Степанъ Горійковъ, что и они таковыя разглашенія отъ знакомыхъ имъ калмыкъ, а оные отъ россійскихъ людей, слышали“.

Какъ ни нелѣпо было извѣстіе о томъ, что Пугачевъ, котораго самый пепелъ былъ развѣянъ по воздуху, вновь „оказался“, однако, въ виду страшнаго призрака пугачевщины, стоявшаго тогда еще у всѣхъ за спиною, такую опасную народную молву нельзя было оставлять безъ вниманія.

Въ то же время отъ границъ донского войска доходили слухи, что кочевавшіе тамъ калмыки, „на коняхъ и пѣшки въ великомъ количествѣ собравшись, и расположились въ нѣкоемъ урочищѣ съ такою продерзостію, чтобъ устремиться на грабежъ въ россійскія селенія". Мало того, эта странная молва мгновенно разошлась по среднему Поволжью, и волненіе въ умахъ разомъ сказалось тѣмъ, что по деревнямъ въ ожиданіи того, что „вскорѣ окажется Пугачевъ", уже „чинились немалыя шалости".

Эти грозные симптомы возрождающейся народной смуты требовали, разумѣется, прежде всего выслѣдить источникъ слуховъ о появленіи второго Пугачева. Когда до Астрахани дошло это извѣстіе отъ комиссара Везелева, астраханская губернская канцелярія въ тотъ же день послала въ Царицынъ съ нарочнымъ указъ, „коимъ велѣно вышепоказанныхъ разгласителей зайсанга Чидангъ-Убаши и калмыцкаго попа Баахань-гелюнга пристойнымъ образомъ секретно спросить: отъ кого именно изъ русскихъ людей они такое ложное разглашеніе слышали, и, если покажутъ на кого изъ находящихся въ Дербетовомъ улусѣ или вблизости онаго, таковыхъ переловя и заклепавъ въ твердые ручные и ножные кандалы, за крѣпкимъ карауломъ для пересылки сюда отослать при рапортѣ его къ вамъ. А буде таковые злоумышленники по доказательству калмыкъ находиться будутъ въ Царицынѣ, или въ окрестности онаго, то о поступленіи съ ними таковымъ же образомъ чрезъ рапортъ его далъ знать вамъ. Въ случаѣ же ихъ зайсанга и гелюнга о разгласителяхъ закрывательства, самихъ ихъ за карауломъ въ Астрахань прислать, и если по ихъ иногда упрямству и непослушанію не будетъ онъ, Везелевъ, въ силахъ оное съ ними учинить, то для сего сколько надобно будетъ истребовать пристойную команду отъ васъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Цыплетеву предписывалось, что, „если вышеписанные злодѣи окажутся въ другихъ отдаленныхъ отъ Царицына мѣстахъ, то о искорененіи оныхъ и о принятіи въ томъ въ силѣ указовъ предосторожности сообщить въ тамошнія ближайшія команды и къ пребывающему въ Саратовѣ г. генералъ-майору Пилю".

Между тѣмъ, пока нарочный изъ Астрахани скакалъ въ Царицынъ, а изъ Царицына дѣлались распоряженія объ опросѣ разгласителей опасныхъ слуховъ, зайсанга и гелюнга, волненіе не замедлило перенестись въ предѣлы волжскаго войска, которое и во время Пугачева весьма легко отшатнулось отъ правительства.

2-го іюня, въ резиденціи атамановъ волжскаго войска, въ Дубовкѣ, рано утромъ ударили въ набатные колокола на колокольнѣ. Какъ казацкое начальство, такъ и обыватели приняли набатный звонъ за извѣщеніе о пожарѣ и выбѣжали изъ домовъ на улицы. Но такъ какъ признаковъ пожара нигдѣ не было видно, то всѣ бросились къ церкви, откуда раздавался набатный колоколъ; оказалось, что всю эту тревогу затѣяли казаки, возвратившіеся изъ-за Волги, гдѣ были расположены казацкіе зимовники. Войсковой старшина Савельевъ, который въ это самое время возвращался съ своего хутора въ станицу, прискакалъ на площадь, гдѣ

уже толпилось въ безпорядкѣ почти все населеніе Дубовки —„старый и малый обоего пола станичные люди и изъ россійскихъ людей, тако жъ бурлаковъ и ватажанъ великое сборище“.

— Кто и съ какого поводу сію тревогу учинилъ?—спрашивалъ старшина.

— Орда идетъ!—кричали въ толпѣ.

— Давай пушки и казеннаго пороху!—возвышали голосъ казаки.

Казачій сынъ Мечниковъ, подбѣжавъ къ старшинѣ, который былъ на лошади, и ухватившись за „чумбуръ“, говорилъ „съ азартомъ и съ великою наглостію“:

— Моего отца въ предшедшее злодѣйское нападеніе убили и достатки наши, тако жъ и достатки всего войска отняли. А нынѣ все войско въ разоръ разорятъ.

— Кто насъ разорить можетъ?—спрашивалъ старшина.

— Батюшкины разорятъ,—отвѣчали одни.

— Оказался такой же батюшка, какъ былъ прежде, — отвѣчали другіе.

— Съ нимъ и киргизъ-кайсаки наступаютъ, и наши зимовники грабятъ,—раздавались голоса, пока старшина напрасно усиливался возстановить порядокъ.

Когда ему удалось, наконецъ, возстановить нѣкоторую тишину на площади, казаки, бывшіе за Волгою, и въ томъ числѣ Мечниковъ, объяснили ему причину тревоги.

Причина эта, какъ оказалось, подготовлялась съ самаго начала весны 1770 года. Верховые бурлаки, плывшіе на судахъ въ Астрахань, передавали казакамъ, что въ Петербургѣ уже „отпечатанъ всемилостивѣйшій манифестъ о дарованіи всему россійскому царству вольности“, но что указъ этотъ дворяне утаиваютъ. Бурлаки говорили, что Пугачевъ казненъ въ угоду дворянамъ и что государыня, „боясь новаго кровопролитія и всѣмъ людямъ конечнаго разоренія, по совѣту съ митрополитомъ“, рѣшилась „отпустить своихъ подданныхъ и раздѣлить все россійское государство, землю и воду, между дворянами и купцами, тако жъ и подлыми людьми поровну“. Или казаки не обращали никакого вниманія на толки бурлаковъ, или же боялись заявлять о томъ подлежащимъ властямъ, только начальство не принимало никакихъ мѣръ къ подавленію слуховъ и перешептываній (что, впрочемъ, было бы физически невозможно), а можетъ быть, даже ничего и не знало о томъ, о чемъ перешептывались оборванные и разоренные бывшею смутою бурлаки съ такими же разоренными казаками.

Въ маѣ нѣкоторые дубовскіе казаки, въ томъ числѣ и Мечниковъ, находились по своимъ дѣламъ въ калмыцкой ордѣ, и отъ знакомыхъ калмыковъ въ Дербетевыхъ улусахъ слышали, что въ русскихъ селеніяхъ народъ снова ожидаетъ появленія „батюшки“. Этимъ именемъ народъ величалъ иногда Пугачева.

— У насъ батюшки нѣтъ,—говорилъ Мечниковъ калмыкамъ, переда-

вавшимъ ему этотъ слухъ:—оный названный батюшкою получилъ въ Москвѣ достойную казнь; у насъ же на престолѣ всемилостивѣйшая государыня Екатерина Алексѣевна.

— Каковъ былъ батюшка, таковъ и впредь будетъ,— отвѣчали ему калмыки.

Возвратившись изъ орды въ волжское войско, Мечниковъ никому не говорилъ о толкахъ, слышанныхъ имъ въ Дербетевыхъ улусахъ, тѣмъ болѣе, что скоро долженъ былъ отправиться за Волгу, гдѣ у волжскихъ казаковъ, имѣвшихъ тамъ зимовники, паслись стада и имѣлось другое хозяйство. Вечеромъ 1-го іюня, когда Мечниковъ и другіе казаки оканчивали уже свои дневныя работы на своихъ зимовникахъ, прискакалъ къ нимъ изъ степи наемный пастухъ, малороссіянинъ Лавриненко, и объявилъ, что на земли волжскаго войска „орда идетъ“ и что всѣ казацкія стада рогатаго и мелкаго скота, а равно табуны лошадей „несомнѣнно“ будутъ киргизами угнаны, а зимовники ихъ разорены. Лавриненко добавлялъ, что, по слухамъ, которые ему передавали другіе пастухи, движеніемъ орды заправляетъ „именующій себя царемъ, а доподлинно кто онъ — никто не знаетъ“. Орда остановилась на роздыхъ въ нѣсколькихъ „гонахъ“ отъ владѣній волжскаго войска и на другой день должна овладѣть русскими форпостами, расположенными на луговой сторонѣ Волги.

Слухи эти вынудили Мечникова и другихъ казаковъ бѣжать изъ-за Волги и оповѣстить войску объ угрожавшей опасности. Это оповѣщеніе они и произвели посредствомъ набатнаго колокола.

III.

Нѣтъ никакого основанія заключать, чтобы смутные слухи, которые тайно передавались калмыками Дербетевыхъ улусовъ, о томъ, что „оказался такой же, какъ прежде былъ, злодѣй“, имѣли какое-либо соотношеніе и связь съ принесенною изъ-за Волги вѣстью о какомъ-то царѣ, который идетъ во главѣ киргизъ-кайсацкаго ополченія. При всемъ томъ эти разнородные слухи взаимно одинъ другимъ подкрѣплялись, и когда народъ уже готовъ былъ вѣрить всему необычайному, слухи эти не могли не поколебать народнаго спокойствія. Съ одной стороны, вооруженные и приготовившіеся въ походъ калмыки готовы были, при первомъ поводѣ, оставить свои степи и броситься на русскія селенія или на беззащитныя донскія станицы; съ другой стороны, ожидалось нападеніе киргизъ-кайсацкой орды, и волжское войско, почти все находившееся въ командировкахъ, не могло защищать своихъ земель и станицъ, которыя со всѣхъ сторонъ были обнажены.

Вотъ почему такая тревога мгновенно охватила все населеніе Дубовки, когда раздался набатный колоколъ и когда станица узнала причину тревоги.

Войсковой старшина тотчасъ же приказалъ составить казачій „кругъ", или военный совѣтъ, призывая стариковъ и служилыхъ казаковъ на „майданъ",гдѣ происходили станичныя совѣщанія.

— Зачѣмъ на майданъ? — кричалъ Мечниковъ, окруженный „малолѣтками".

— На майданѣ всей станицей не уставиться!—кричали другіе.

— Гдѣ стоимъ, тутъ и кругъ сдѣлаемъ, — говорили малолѣтки, приступая къ старшинѣ:—и мы хотимъ войсковое дѣло вѣдать.

Старшина грозилъ арестовать безпокойныхъ малолѣтковъ, а Мечникова „строжайше штрафовать по силѣ воинскихъ артикуловъ". Но ни Мечниковъ, ни малолѣтки никого слушать не хотѣли.

— Наши головы за все войско подъ азіатскіе арканы стать должны; нашимъ головамъ и думать совокупно съ войскомъ слѣдуетъ, — говорилъ Мечниковъ.

— Мечниковъ говоритъ дѣло,—замѣтилъ старый казакъ Сакминъ.

— Дѣло! дѣло!—кричали малолѣтки.

— И молодымъ, и старымъ головамъ думать воедино, — кричали изъ толпы.

— Не ходи на майданъ!

— Казаки и казачьи дѣти, въ кругъ!—Разступитесь, господа казаки!

Волненіе было такъ велико, что старшина увидѣлъ положительную невозможность противодѣйствовать общему настроенію, и казачій кругъ состоялся около церкви.

На общемъ совѣтѣ порѣшили—немедленно отправиться всею станицею за Волгу, для встрѣчи непріятеля. Казаки, старые и молодые, а равно малолѣтки, едва способные носить оружіе и никогда „въ полѣ не бывшіе", всѣ вооружились чѣмъ кто могъ. И ружей и пороху было недостаточно, потому что станичный цейхгаузъ давно не наполнялся боевыми припасами, и потому безружейнымъ казакамъ и малолѣткамъ приходилось вооружаться „дратовищами", саблями, ножами и рогатинами. Всѣ веревки изъ конскаго волоса обращены были въ арканы, которыми можно было бы равносильно противодѣйствовать киргизскимъ арканамъ. Всѣ станичныя и рыбацкія лодки немедленно были собраны на пристани и нѣкоторыя изъ нихъ осмолены и законопачены.

Черезъ нѣсколько часовъ казаки были уже за Волгою. Въ то же время въ Царицынъ поскакалъ нарочный съ просьбою о немедленномъ „сикурсѣ". Но пока въ Царицынѣ дѣлалось распоряженіе о командированіи въ помощь казакамъ подкрѣпленія, дубовцы вынуждены были встрѣтиться лицомъ къ лицу съ киргизами и собственными слабыми силами отражать въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля.

За Волгой въ то время устроены были наблюдательные пикеты, или форпосты, нѣчто въ родѣ жалкихъ укрѣпленій. На форпостахъ было иногда по нѣскольку сторожевыхъ казаковъ, а иногда и никого не было. На форпостахъ же полагалось имѣть и артиллерію, но артиллерія эта состояла

иногда изъ одной или двухъ старыхъ негодныхъ пушекъ, а на иномъ форпостѣ ни одной пушки, и вся защита могла состоять только въ томъ, что форпостные казаки, въ виду приближенія непріятеля, запирали ворота форпоста и ждали, пока киргизы выбьютъ эти ворота или подожгутъ ихъ при помощи соломы.

Такимъ образомъ, дубовскіе казаки немедленно заняли форпосты, а часть станичниковъ отрядили въ степь, отчасти для пригона къ Волгѣ или къ форпостамъ войсковыхъ табуновъ и стадъ, отчасти же для развѣдыванія о движеніи и силахъ непріятеля.

Разъѣздные казаки къ вечеру того же дня столкнулись съ такимъ же разъѣздомъ киргизовъ. Казаки, открывъ по нимъ огонь, ранили у одного киргиза лошадь и, настигнувъ его, взяли въ плѣнъ. Послѣ допроса „съ жестокимъ пристрастіемъ“, плѣнный объявилъ, что отрядъ киргизовъ, „въ знатномъ количествѣ“, вышелъ изъ степей и направляется къ Волгѣ, „для поимки россійскихъ людей, а равно для загону стадъ и табуновъ, что не позже, какъ въ наступающую ночь или раннимъ утромъ слѣдующаго дня, они намѣрены сдѣлать нападеніе на форпосты“. Казаки приготовились къ оборонѣ. Настала ночь — киргизовъ нѣтъ. Наступилъ день, казаки все напрасно выжидаютъ появленія непріятеля. Скотъ и лошади, изъ предосторожности согнанные къ форпостамъ, напрасно голодали. Выжидательное положеніе становилось тягостнымъ, и казаки рѣшились отогнать скотъ въ поле, только подъ прикрытіемъ разъѣздовъ.

Такъ прошелъ день—киргизы не появлялись. Снаряженные въ походъ на скорую руку, казаки не запаслись хлѣбомъ, и потому должны были питаться молокомъ. И здѣсь малолѣтки, съ Мечниковымъ во главѣ, начали роптать на стариковъ. Малолѣтки доказывали, что слѣдуетъ бросить форпосты, на которыхъ нечего было оберегать, кромѣ „пушекъ съ раковинами“, и углубиться въ степь.

— Долой старшину!—кричалъ „выростокъ“ Юдинъ.

— Долой стариковъ!—говорили вслѣдъ за нимъ другіе малолѣтки:— мы сами себѣ старшина.

— Выберемъ сами походнаго атамана.

— Мечникова выберемъ!

Старшина грозилъ малолѣткамъ, что онъ тотчасъ пошлетъ въ Царицынъ за гренадерами и съ непокорными поступитъ по всей строгости законовъ. Тогда „выростокъ“ Юдинъ, бросившись къ старшинѣ, силою вырвалъ у него „насѣку“ *), говоря съ азартомъ:

— Ты что насъ гренадерами стращаешь—мы не злодѣи!

— Малолѣтки, на конь!—кричала молодежь.

— На конь! въ поле! — скомандовалъ Мечниковъ, которому Юдинъ передалъ булаву.

Отрядъ малолѣтковъ отправился въ степь, захвативъ съ собой плѣн-

*) Родъ булавы—атрибутъ власти.

наго киргиза, который бы служилъ имъ вмѣсто языка. Всю ночь малолѣтки блуждали по степи, но, какъ оказалось, не встрѣчали непріятеля. На утро они воротились на форпосты. Старшина сталъ ихъ упрекать за вчерашній бунтъ и за безцѣльное и безполезное блужданіе по степи. Онъ добавлялъ при томъ, что о „возмущеніи" малолѣтковъ, по возвращеніи въ станицу, донесетъ начальству.

— У насъ нѣтъ начальства,— отвѣчали малолѣтки: — мы сами себѣ начальство.

— За таковыя гнусныя рѣчи отъ ея императорскаго величества всѣмъ вамъ послѣдуетъ такая же казнь, каковая постигла злодѣя Пугачева и его злоклевретовъ,—сказалъ старшина.

— Ея императорскому величеству теперь не до насъ, — возразилъ Мечниковъ.

Что хотѣлъ сказать этимъ Мечниковъ — неизвѣстно: намекалъ ли онъ на слухи о вторичномъ появленіи тѣни покойнаго императора Петра III, или разумѣлъ что-либо другое, — изъ рапорта войскового старшины не видно. Есть только извѣстіе, что во время этихъ споровъ молодыхъ казаковъ съ стариками вдали показались киргизы, которые старались отогнать казацкія стада.

IV.

Въ XVIII вѣкѣ, собственно въ описываемую нами эпоху, заволжская степь почти не имѣла постоянныхъ обитателей. По ней попеременно кочевали то калмыки, то киргизъ-кайсаки. Во всю первую половину XVIII столѣтія, почти до самой пугачевщины, обладателями степей были преимущественно калмыки, которые, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кибитокъ, кочевали за Волгой. Но когда русское правительство черезъ своихъ приставовъ стало ихъ стѣснять, не только вмѣшиваясь въ ихъ сношенія съ русскими, но и дозволяя себѣ нескромное наблюденіе за ихъ почти домашнею жизнью,—калмыки оставили заволжскія степи и ушли въ Китай. Съ тѣхъ поръ на бывшія кочевья калмыковъ стали наѣзжать киргизъ-кайсаки, которые тоже не любили привязанности къ мѣсту и постоянно передвигались съ мѣста на мѣсто. Хищники по призванію, они были довольно безпокойными сосѣдями Россіи, и если бы Волга не отдѣляла отъ нагорнаго населенія средняго Поволжья, то населеніе это находилось бы въ ежечасной опасности отъ полудикихъ союзниковъ.

Волга, такъ сказать, отрѣзывавшая Россію отъ заволжскихъ степей, служила какъ бы стѣною, черезъ которую трудно было перебраться киргизамъ. Черезъ Волгу лѣтомъ можно было перебраться только на лодкахъ, а киргизы ничего не имѣли, кромѣ лошадей и аркановъ. Зато зимой киргизы любили пробираться на нагорную сторону. Крѣпкій ледъ позволялъ имъ переходить по Волгѣ съ лошадьми, и хищники, награбивъ добычи, сколько могли нести ихъ вьючныя лошади, безслѣдно исчезали въ степи: часто, когда проходила по нагорному берегу Волги молва, что киргизы на-

мѣрены ворваться въ Россію, русское населеніе, имѣвшее жилье и зимовники за Волгою, гдѣ нагуливались стада овецъ и лошадей и гдѣ готовилось сѣно для стадъ,—мгновенно перегоняло скотъ на нагорную сторону, и само укрывалось въ нагорныхъ городахъ,—Саратовѣ, Дмитріевскѣ, Царицынѣ и въ станицахъ волжскаго войска.

Иногда же киргизы дѣлали и лѣтнія экскурсіи на русскія селенія, зимовники и форпосты, находившіеся за Волгою. Такая экскурсія была предпринята ими и въ описываемое нами время, когда по нагорной сторонѣ начали ходить тревожные слухи объ „оказательствѣ батюшки".

Когда казаки увидѣли, что небольшой отрядъ киргизовъ, показавшійся вдали, стремительно понесся къ одному изъ казацкихъ стадъ и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, погналъ по направленію къ Широкому ерику, — войсковой старшина немедленно скомандовалъ къ атакѣ, и казаки погнались за хищниками. Хищники вмѣстѣ съ захваченнымъ ими стадомъ перебрались черезъ ерикъ, котораго берега были довольно пологи, и, замѣтивъ приближеніе казаковъ, остановились въ оборонительномъ положеніи. Они, повидимому, разсчитывали на то, что, имѣя передъ собою довольно глубокій, хотя и пологій ерикъ, они легко могутъ отразить нападеніе, и не дадутъ казакамъ выйти изъ ерика.

Передъ самымъ ерикомъ казаки по командѣ остановились, и такъ какъ они скакали вразсыпную, то, „незамедлительно построившись въ боевую лаву", сдѣлали по хищникамъ залпъ изъ ружей. Залпъ этотъ произвелъ „въ злодѣйскомъ толпищѣ немалое замѣшательство", такъ что многіе изъ нихъ, „оборотя къ намъ хвосты своихъ коней", какъ выразился войсковой старшина въ своей бумагѣ къ Цыплетеву, царицынскому коменданту,—погнали захваченное стадо въ степь. Другіе же киргизы, ожидавшіе этого залпа, съ своей стороны отвѣчали казакамъ „ружейною пальбою и метаніемъ стрѣлъ" и ранили нѣсколько казацкихъ лошадей, хотя изъ казаковъ никого не ранили.

„Видя таковую оныхъ злодѣевъ продерзость", казаки понеслись черезъ ерикъ съ намѣреніемъ принять хищниковъ на пики. Надо полагать, что киргизы боялись рукопашной схватки на пикахъ, такъ какъ казаки отлично владѣли этимъ послѣднимъ оружіемъ, и потому съ дикими криками понеслись въ степь вслѣдъ за отогнаннымъ ими стадомъ. Казаки удачно преслѣдовали бѣглецовъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ покололи пиками и уже окончательно настигали весь хищническій отрядъ, который, бросивъ отогнанное отъ форпостовъ стадо, искалъ спасенья въ открытой степи, какъ изъ-за Широкаго ерика показались новыя толпы киргизовъ, которыя направлялись прямо къ форпостамъ.

Казаки должны были прекратить преслѣдованіе перваго хищническаго отряда. Они видѣли болѣе серьезную опасность и должны были немедленно рѣшить, что имъ предпринять. Мечниковъ и здѣсь завелъ смуту. Къ нему примкнули малолѣтки. Войсковой старшина требовалъ, чтобы всѣ казаки шли наперерѣзъ хищникамъ, пока они не завладѣли форпостомъ.

— Братцы малолѣтки!—говоритъ Мечниковъ:—не слушайте старшинскаго приказу.

— Мы не слушаемъ,—кричали малолѣтки.

— Войсковой старшина говоритъ дѣло,—возражали старики.

— Не дѣло: онъ говоритъ съ трусости,—отвѣчали малолѣтки.

Между тѣмъ, опасность приближалась. Раздоръ могъ окончательно погубить казаковъ. Старшина скомандовалъ въ атаку, и самъ поскакалъ впереди отряда, „осѣнясь крестнымъ знаменіемъ, яко знаменіемъ побѣды“.

— За мной, други, съ Богомъ! — говорилъ старшина, видя, что не всѣ за нимъ слѣдуютъ.

„Бунтовникъ и всей станицы поперечникъ“, Мечниковъ съ своей стороны взывалъ къ малолѣткамъ:

— Стойте, малолѣтки! съ стариками мы всѣ пропадемъ.

Малолѣтки шумѣли „неистовно“.

— Кто хочетъ вязать киргизовъ—за мной!—кричалъ Мечниковъ.

Всѣ малолѣтки примкнули къ Мечникову и, образовавъ особый отрядъ, направились черезъ ерикъ, въ объѣздъ киргизамъ. Старшинская партія, „атаковавъ злодѣевъ, ружейною пальбою отъ форпоста отбила“. Киргизы, повидимому, напирали на казаковъ упорно, несмотря на ружейную пальбу, нѣкоторые изъ казаковъ были ранены, но въ это время въ заднемъ отрядѣ киргизовъ произошло „замѣшательство“, и передніе, стоявшіе лицомъ къ лицу съ казаками, „перемѣня позицію, отъ казацкихъ пуль уклонились“.

По всѣмъ видимостямъ, замѣшательство въ киргизскихъ отрядахъ произведено было партіею казаковъ-малолѣтковъ, подъ предводительствомъ Мечникова. Малолѣтки заскакали въ тылъ киргизамъ, которыхъ все вниманіе было сосредоточено на перестрѣлкѣ, завязавшейся въ переднихъ рядахъ, и дружно ударили на хищниковъ, когда они этого не ожидали, такъ какъ степь, имъ казалось, была вполнѣ безопасна отъ нападенія казаковъ. Киргизы могли опасаться, что съ тыла на нихъ идутъ большіе отряды, что непріятель, котораго они не предполагали видѣть у себя за плечами, отрѣзалъ имъ отступленіе. Вотъ почему киргизы такъ быстро перемѣнили позицію и всѣми своими силами опрокинулись на ничтожный отрядъ малолѣтковъ. Отрядъ этотъ былъ смятъ и разсѣянъ, несмотря на то, что нѣсколько киргизовъ было „поколото пиками“. Тѣла ихъ валялись по степи въ разныхъ мѣстахъ. Въ степи же, на значительномъ разстояніи отъ мѣста схватки, найденъ былъ и раненый Мечниковъ. Казаки захватили нѣсколько киргизскихъ лошадей, собрали стада, распуганныя хищниками, и, усиливъ по форпостной линіи караулы, съ торжествомъ возвратились въ Дубовку.

V.

Хотя вышедшіе изъ Дербетевскихъ улусовъ слухи о появленіи „такого же, какъ прежде былъ, злодѣя“, не могли имѣть никакой основательной связи съ нападеніемъ на русскія поселенія киргизовъ, однако, казаки связывали

эти нелѣпые слухи съ тѣми явленіями, которыя совершались у нихъ на глазахъ, и, повидимому, ожидали новыхъ смутъ въ государствѣ.

Ожиданія эти начали подтверждаться въ разныхъ мѣстахъ. Народныя вспышки имѣли непосредственную связь съ слухами о какомъ-то „батюшкѣ“ и, какъ оказалось впослѣдствіи, источникъ этихъ вспышекъ былъ одинъ и тотъ же, именно — таинственные толки въ Царицынѣ и въ калмыцкихъ улусахъ.

Почти одновременно съ волненіемъ въ Дубовкѣ, повторилось почти такое же волненіе въ Караваинкѣ, тоже въ станицѣ волжскаго войска, и причиною волненія были бурлаки, которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, разжигалъ къ бунту одинъ изъ малороссійскихъ выходцевъ, участвовавшій въ знаменитой „Уманской рѣзнѣ“ подъ предводительствомъ Желѣзняка и Гонты.

„Уманская рѣзня“, какъ извѣстно, совершилась въ 1768 году. Жестокія казни, постигшія Желѣзняка и Гонту съ прочими гайдамаками, заставили этихъ послѣднихъ разбрестись по всей Россіи. Болѣе безпокойныя головы перебрались въ восточную половину Россіи и умножили собой шайки понизовой вольницы. Для запорожцевъ и, въ особенности, для гайдамаковъ, рѣзня была призваніемъ, цѣлью жизни. Лишенные воли на родинѣ, тѣснимые съ одной стороны поляками, съ другой—русскими, запорожцы уходили на Донъ и вступали иногда въ казачество. Болѣе безпокойныя головы прерывали всякую связь съ Россіей и Украйной, уходили за границу, въ Молдавію, въ Турцію, являлись, такимъ образомъ, первыми русскими эмигрантами, для которыхъ новые государственные порядки были ненавистны.

Русскій народъ обѣихъ половинъ Россіи всегда сознавалъ кровность своего родства, тѣмъ болѣе, что въ той и въ другой половинѣ ему не легко жилось и государственные порядки не давали ему дышать свободно, а главное — не давали ему обезпеченнаго куска хлѣба и тамъ, и здѣсь. Одинаково приниженный въ обѣихъ половинахъ, онъ сознавалъ братство между великорусскою „голытьбой“ и малорусскою „голотою“, и голытьба помогала голотѣ въ случаѣ нужды не только трудомъ, но и кровью, а голота точно такимъ же образомъ помогала голытьбѣ. Спасшіеся отъ казни запорожцы и гайдамаки, ускользнувшіе изъ-подъ Умани, перебрались въ Поволжье изъ далекаго Заднѣпровья, и принесли съ собою „свяченые ножи“, которыми въ польской Украйнѣ рѣзали пановъ-ляховъ, пановъ-ксендзовъ и полупанковъ-евреевъ. Запорожцы и гайдамаки участвуютъ въ „шалостяхъ“ понизовой вольницы и въ пугачевщинѣ. Они грозятся даже поставить Россію „вверхъ дномъ“ или, какъ они выражались, „до горы ногами“. Жестокія казни, положившія конецъ гайдамачинѣ и пугачевщинѣ, не пугаютъ ихъ, и „добрые молодцы“ при первой возможности поднимаютъ голову.

Такъ и въ описываемое нами время, возбужденію смутъ на Волгѣ были не чужды участники заднѣпровскихъ смутъ.

Въ то время, когда изъ Дербетевыхъ улусовъ и изъ Царицына стали выходить слухи, предвѣщавшіе повтореніе пугачевщины, отъ царицынской

пристани отошла „расшива“, судно, принадлежавшее астраханскому купцу Гребенщикову. Судно шло вверхъ съ кладью. Экипажъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ бурлаковъ, которые лямкою тащили вверхъ грузовую посудину. Въ Царицынѣ же въ число бурлаковъ на это судно поступилъ одинъ малороссіянинъ, по фамиліи Толока. Ему было лѣтъ за сорокъ. Паспорта у него не было; однако это обстоятельство не затруднило хозяина судна принять его въ число рабочихъ.

До Антиповки бурлаки были покойны и исполняли всѣ приказанія хозяина. Въ числѣ прочихъ работалъ и Толока. Но около Антиповки между рабочими начались смуты, и приказанія хозяина не всегда исполнялись. Причиною „смущенія“, какъ догадывался хозяинъ, былъ Толока. Едва судно остановилось у Антиповки, какъ всѣ бурлаки оставили его и отказались окончательно повиноваться. Многими изъ рабочихъ деньги были забраны впередъ, и потому хозяинъ обратился за содѣйствіемъ къ станичному начальству. Онъ положительно уже заявлялъ, что бурлаки „учинили бунтъ“, что, не доѣзжая до станицы за нѣсколько верстъ, они хотѣли его сбросить въ Волгу и съ судномъ возвратиться въ Астрахань. Въ станицѣ, на пристани, бурлаки во всеуслышаніе грозили хозяину всеобщей рѣзней, говоря: „скоро и на нашей улицѣ праздникъ будетъ: мы-де васъ, богатыхъ да толстыхъ, всѣхъ въ колесо протащимъ“. При этомъ Толока, похваляясь, что онъ и „за границею господамъ тако жъ и богатымъ купцамъ шеи свертывалъ“, прибавлялъ: что „то же-де будетъ и здѣсь, что было въ Польшѣ“, что „начнемъ-де снизу, дойдемъ и до верху“. Такъ передавалъ Гребенщиковъ угрозы Толоки, „а что подъ тѣми словами онъ малороссіянинъ Толока, разумѣетъ, того онъ, Гребенщиковъ, доподлинно не знаетъ“. Когда Гребенщиковъ требовалъ отъ рабочихъ возвращенія забранныхъ впередъ денегъ, бурлаки отвѣчали: „это не плата-де, а только задатокъ: плата будетъ послѣ, на глазахъ у самаго батюшки. Мы-де вамъ всѣмъ шкуры сдеремъ, да нашимъ дѣтямъ сапоги изъ вашей шкуры выгадаемъ“.

Бурлаки, какъ и дубовскіе казаки, тоже говорили о какомъ-то „батюшкѣ“, какъ видно изъ этого заявленія Гребенщикова. Всѣ они, конечно, понимали, что такое значитъ „батюшка“.

У Антиповской пристани стояло въ это время нѣсколько другихъ судовъ. Когда по пристани прошелъ слухъ, что на суднѣ, пришедшемъ изъ Астрахани, взбунтовались рабочіе, бурлаки сбѣжались со всѣхъ судовъ, и смятеніе сдѣлалось всеобщее. Всѣ отказывались работать, требуя или разсчета у хозяевъ, или просто „награды“. Толока былъ центромъ, около котораго группировалось все волненіе. „У насъ, въ малороссійской сторонѣ, еще не то было“,—говорилъ онъ громко:—„слуги-де стали господами, и богатые-де бѣднымъ въ ноги кланялись“.

На шумъ сбѣжалось почти все населеніе станицы. Явилось и станичное начальство, съ требованіемъ о возстановленіи порядка и повиновенія. Бунтовщики не слушались. „Кто васъ сдѣлалъ надъ нами начальниками?“—спрашивалъ Толока.

— Ея императорское величество Екатерина Вторая, всероссійская,— отвѣчалъ станичный атаманъ.

— Была всероссійскою, а теперь стала черницею,—возразилъ Толока.

— Лжешь, злодѣй!...—крикнулъ на него атаманъ:—за изблеваніе такой клеветы на священную особу быть тебѣ безъ языка.

— А тебѣ быть безъ головы, — въ свою очередь рѣзко отозвался Толока.

Между тѣмъ, нѣкоторые бурлаки, завладѣвъ стоявшими на берегу лодками, поплыли на одно судно, стоявшее якоремъ. Судно принадлежало саратовскому купцу Рябову. Бурлаки намѣревались ограбить это судно, такъ какъ, по показанію нѣкоторыхъ бунтовщиковъ, въ хозяйской „казенкѣ“ было много золота и мѣди.

Когда Толока также хотѣлъ сѣсть въ лодку, казаки бросились на него и стали вязать ему руки назадъ. „Братцы, православный народъ, не выдайте!“—кричалъ онъ къ бурлакамъ:—„за меня самому государю отвѣтъ дадите“.

Бурлаки въ свою очередъ бросились на казаковъ, и между ними завязалась свалка. Бурлаки одолѣвали. Толока былъ вырванъ изъ рукъ казаковъ и, схвативъ одного изъ вязавшихъ его, бросилъ въ Волгу, такъ что несчастный едва не утонулъ.

Судно Рябова было атаковано бурлаками и, послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны хозяина и приказчика, взято бунтовщиками. Бунтовщики требовали отъ Рябова денегъ и паспартовъ, грозя бросить его въ Волгу, если онъ не покажетъ имъ, гдѣ у него спрятаны деньги. Рябовъ не хотѣлъ исполнить требованія бунтовщиковъ, и тогда эти послѣдніе стали таскать изъ трюма кули съ хлѣбомъ и бросать въ Волгу.

— Кидай въ воду — само до Астрахани доплыветъ, — кричалъ одинъ бурлакъ.

— Это не царское, а грабленное у бѣдныхъ людей,—кричали другіе.

Казаки, видя невозможность одолѣть бунтовщиковъ голыми руками, послали въ станицу за подмогой, „дабы помощію вооруженной руки оному бунту конецъ положить“. Дѣйствительно, скоро является вооруженная помощь. Казаки стали наступать рѣшительнѣе и, грозя „стрѣлять по ногамъ“, требовали отъ бунтовщиковъ повиновенія.

— Мы не воры, чтобы насъ по ногамъ стрѣлять,—говорилъ Толока.

— Вы разбойники и бунтовщики,—возражалъ на это станичный атаманъ, приказывая взять Толоку, какъ зачинщика.

— Насъ стрѣлять нельзя—мы царскіе,—говорили бурлаки.

Для устрашенія бунтовщиковъ („ради пристрастія“), атаманъ велѣлъ стрѣлять. Первые выстрѣлы, которыми былъ раненъ одинъ бурлакъ, такъ испугали бунтовщиковъ, что нѣкоторые изъ нихъ упали на колѣни и просили прощенья. Не сдавался одинъ Толока. Когда солдаты стали вязать покорившихся бунтовщиковъ, Толока, боясь быть арестованнымъ, бросился въ Волгу и поплылъ къ стоявшему на якорѣ судну Рябова. Въ свою очередь,

четверо казаковъ бросились въ стоявшую у берега рыболовную лодку и стали преслѣдовать бѣглеца. Толока и въ водѣ защищался мужественно, но одинъ изъ казаковъ пикой прокололъ ему руку, а другой ударилъ весломъ по головѣ, и Толока сталъ тонуть. Его вытащили изъ воды, привезли на берегъ и связали.

Когда раненый Толока былъ взятъ и отведенъ подъ арестъ, всѣ бунтовавшіе бурлаки покорились начальству. Когда Толоку вели въ арестантскую, онъ говорилъ казакамъ: „не долго-де вамъ держать меня связаннымъ; скоро-де придутъ н а ш и и васъ всѣхъ перевяжутъ“.

VI.

Изъ допросовъ, которые отобраны были отъ Толоки, оказалось, что онъ нѣкогда былъ запорожцемъ и, дѣйствительно, вмѣстѣ съ прочими гайдамаками, участвовалъ въ Уманской рѣзнѣ или, какъ онъ самъ выражался, „при взятіи польскаго города Умани въ запорожскомъ войскѣ находился, и въ наказаніи смертью жителей того города отъ Желѣзняка и другихъ запорожскихъ старшинъ участвовалъ“. Но когда „бывшія тамъ россійскія команды, по тайному уговору съ поляками, онымъ запорожцамъ злоумышленно измѣнили и съ польскими войсками соединились“,—Толока ушелъ въ Запорожье, а оттуда на Донъ, „гдѣ, малое время побывъ, на Волгу вышелъ“.

Это мѣсто изъ показаній запорожца Толоки, разглашавшаго на Волгѣ о пришествіи второго Пугачева, имѣетъ большую историческую важность.

Толока говорилъ, что, при взятіи польскаго города Умани, онъ находился въ запорожскомъ войскѣ. Гайдамачина, слѣдовательно, даже послѣ жестокаго разгрома ея соединенными силами Россіи и Польши, представляется ему не народнымъ бунтомъ, а войною, государственною распрею одного народа съ другимъ, и на гайдамаковъ, къ которымъ Толока самъ принадлежалъ, онъ смотритъ не какъ на разбойниковъ, а какъ на поборниковъ святого, народнаго дѣла, и толпы гайдамаковъ называетъ запорожскимъ „войскомъ“.

Этотъ взглядъ на Уманскую рѣзню и на всю гайдамачину служилъ точкою отправленія и для коноводовъ украинскаго народнаго движенія, для Желѣзняка и Гонты. Они говорили, что императрица сама дала имъ „золотую грамоту“, разрѣшавшую имъ рѣзать поляковъ и евреевъ „до ноги“. На основаніи этого мнимаго разрѣшенія русской императрицы, гайдамаки запаслись „свячеными ножами“. На основаніи этого упорнаго вѣрованія, гайдамаки, а съ ними и Толока, считали свои нестройныя толпы запорожскимъ войскомъ, а Желѣзнякъ, бывшій монастырскимъ послушникомъ и гайдамакомъ, мечталъ воскресить собой времена Хмельницкаго и въ одной своей особѣ соединить громкіе титулы „гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра“, а въ казацкомъ сотникѣ Гонтѣ видѣть князя земель уманскихъ и смилянскихъ.

Вотъ почему Толока говоритъ, что онъ участвовалъ не въ грабежѣ и не въ разореніи Умани, не въ Уманской рѣзнѣ, а въ „наказаніи смертью“ жителей польскаго города, который какъ бы не хотѣлъ повиноваться запорожскимъ и русскимъ войскамъ, а слѣдовательно, и волѣ русской императрицы. Въ украинскомъ народѣ, такимъ образомъ, глубоко засѣло убѣжденіе, что гайдамаки рѣзали пановъ-ляховъ и пановъ-ксендзовъ съ евреями—въ угоду Россіи и по тайнымъ внушеніямъ „матушки“. Это убѣжденіе украинской народъ, въ лицѣ такихъ своихъ выходцевъ, какъ Толока, Шагала, Дегтяренко и другіе дѣятели понизовой вольницы, перенесъ и въ Великую Россію, на Волгу, и съ такимъ убѣжденіемъ онъ участвовалъ въ самой пугачевщикѣ, съ тою только разницею, что тамъ, на Украйнѣ, рѣзать пановъ велѣла сама „матушка“, а здѣсь, въ россійской землѣ, истреблять „проклятый родъ дворянъ“ приказалъ самъ „батюшка“.

Изъ признаній Толоки видны также его дальнѣйшія убѣжденія, а слѣдовательно, и убѣжденія украинскаго народа, относительно бывшихъ тогда народныхъ движеній въ западной и малороссійской половинѣ русскаго царства. Убѣжденіе это заставляетъ говорить запорожца, бунтовавшаго русскій народъ на Волгѣ уже послѣ пугачевщины, что русскіе военные начальники тайно договорились съ поляками объ измѣнѣ русскому народному дѣлу и злоумышленно соединились съ поляками: другими словами, русскіе господа подали руку польскимъ панамъ и отдали этимъ послѣднимъ въ жертву обманутый ими народъ. Генералъ Кречетниковъ, командовавшій въ Польшѣ русскими войсками, посланными туда императрицею, какъ противъ конфедератовъ, такъ потомъ и противъ гайдамаковъ, и во время пугачевщины управлявшій всѣмъ нижнимъ и среднимъ Поволжьемъ въ качествѣ астраханскаго губернатора, измѣнилъ, слѣдовательно, русскому народу, явившись на помощь графу Потоцкому, матеріальные и нравственные интересы котораго въ западной и польской Украйнѣ окончательно подрывались гайдамачиною. Таковы были нелѣпые слухи, которые гайдамаки разносили по Россіи.

Такимъ образомъ, всѣ эти мелкія, повидимому, но въ сущности чрезвычайно важныя для историка разоблаченія изъ прошлой исторіи русскаго народа ясно и положительно свидѣтельствуютъ въ пользу того, что оба великія народныя движенія XVIII вѣка, и пугачевщина, и гайдамачина, были только какъ бы видоизмѣненіями одного и того же общаго народнаго движенія, которымъ выразился народный протестъ противъ излишнихъ посягательствъ на народную свободу и народное благосостояніе силъ, исторически съ нимъ разъединенныхъ противоположностью духовныхъ и экономическихъ интересовъ.

Вотъ почему Толока, какъ выразитель народныхъ чаяній и той, и другой половины русскаго народа, дерзко говорилъ въ глаза Гребенщикову, что „скоро-де и на нашей улицѣ праздникъ будетъ“, что „мы-де васъ, богатыхъ да толстыхъ, всѣхъ въ колесо протащимъ“. Въ этихъ словахъ сказывалась давно накипѣвшая на сердцѣ горечь противъ извѣстныхъ по-

рядковъ, которые такъ же были нехороши на западѣ, какъ и на востокѣ, и хотя, казалось бы, нехорошее чувство противъ этихъ порядковъ, исторически, такъ сказать, воспитанное въ сердцѣ русскаго народа, могло бы достаточно удовлетвориться на западѣ гайдамачиною и Уманскою рѣзнею, когда такіе, какъ Толока, проходимцы „за границею господамъ, тако жъ и богатымъ купцамъ шеи свертывали“, на востокѣ—пугачевщиною; однако, и гайдамачины, и пугачевщины народу казалось мало. И на западѣ, и на востокѣ Россіи, послѣ страшныхъ взрывовъ народной исторической мстительности, положеніе народа мало улучшилось, и народъ требовалъ новой перекройки того, что неудачно вырабатывалось цѣлыми столѣтіями и всею тяжестью лежало на народѣ. Отсюда эта угроза: „начнемъ-де снизу, дойдемъ и до верху“. Къ тому же, въ это время вновь является тотъ призракъ, именемъ котораго народъ думалъ перерѣшить историческое дѣло — улучшеніе своего положенія. За Днѣпромъ, гдѣ Толока дѣйствовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ призракъ олицетворился „золотою грамотою“ въ рукахъ Желѣзняка, на Волгѣ—призракомъ этимъ былъ самъ Пугачевъ. Теперь опять на Волгѣ заговорили, что „оказался такой же, какъ былъ прежде, злодѣй“. Но „злодѣемъ“ его назвали противники народа, а народу онъ представлялся „батюшкой“, и народъ вѣрилъ, что теперь настанетъ расплата съ притѣснителями за старыя историческія обиды. Вотъ почему Толока говоритъ Гребенщикову: „Плата будетъ послѣ, на глазахъ у самого батюшки. Мы-де вамъ всѣмъ шкуру сдеремъ, да нашимъ дѣтямъ сапоги изъ вашей шкуры выгадаемъ“.

Изъ показаній Толоки оказалось также, что онъ участвовалъ въ пугачевщинѣ, хотя самъ и отрицаетъ личное въ ней участіе. „Въ бывшее возмущеніе онъ, Толока, убійствъ и грабежей не чинилъ, токмо у самого-де злодѣя на бурлацкой степи лошадь отняли“. До пугачевщины жилъ онъ „промысломъ“—рыбною ловлею на Волгѣ. Когда же пугачевщина разорила не его одного, то перебивался онъ наемными работами и жилъ „гдѣ день, гдѣ ночь“. Зиму 1775—76 года провелъ онъ на Дону въ работникахъ, и одно время былъ табунщикомъ у полковника Себрякова. На весну вышелъ въ Дербетевы улусы, гдѣ и слышалъ отъ одного „калмыченина о томъ эхо, яко бы въ россійскихъ селеніяхъ оказался оный варваръ и душамъ нашимъ пагубникъ Пугачевъ“.

Такимъ образомъ, и здѣсь оказывается, что „эхо“ о вторичномъ появленіи самозванца вышло изъ калмыцкихъ улусовъ и, какъ оказывается, съ быстротою молніи разнеслось по всему среднему Поволжью.

VII.

Въ то время, когда смуты уже волновали волжское войско, а войско донское, по дошедшимъ до него слухамъ о намѣреніи калмыковъ напасть на донскія владѣнія, уже готовилось отразить нападенія, — въ Астрахани

и Царицынѣ мѣстныя власти озабочены были розыскомъ лицъ, отъ которыхъ вышелъ слухъ о появленіи новаго Пугачева.

Царицынскій комендантъ Цыплетевъ, получивъ изъ астраханской губернской канцеляріи указъ „о принятіи отъ учиненнаго въ калмыцкомъ Дербетевомъ улусѣ, о таковомъ же злодѣѣ, какъ и прежде былъ, зайсангомъ Чидангомъ-Убаши и калмыцкимъ попомъ Баахань-гелюнгомъ и прочими находящимися у него во услуженіи калмыками, разглашенія крѣпчайшей въ силѣ указовъ предосторожности“, тотчасъ же отправилъ прискакавшаго изъ Астрахани курьера къ калмыцкому приставу и коллежскому комиссару Везелеву, съ приказаніемъ—„пристойнымъ образомъ и секретно черезъ нихъ, зайсанга и попа, отъ кого они именно такое ложное разглашеніе слышали, развѣдать, и оныхъ переловя, переслать въ Царицынъ“.

Курьеръ пробылъ въ Дербетевомъ улусѣ недѣлю, но, возвратясь въ Царицынъ, не привезъ къ Цыплетеву никакихъ извѣстій о томъ, что тамъ дѣлается. Цыплетевъ узналъ только отъ курьера, что онъ везетъ съ собою въ Астрахань бумагу, но какого содержанія—неизвѣстно. Въ этой неизвѣстности Цыплетевъ писалъ въ Астрахань, что, если случится что-либо важное, то онъ „о томъ по извѣстіямъ доносить и къ пресѣченію таковаго зла въ повелѣнныя мѣста давать знать не преминетъ“.

Только черезъ три недѣли Цыплетевъ получилъ отъ Везелева бумагу слѣдующаго содержанія:

„По рапортамъ моимъ, приказами изъ астраханской губернской канцеляріи, по происшедшему слуху въ Дербетевомъ улусѣ, что якобы явился такой же злодѣй, какой прежде былъ, — велѣно мнѣ доносителей того улуса, калмыкъ, для изслѣдованія отослать къ вашему высокоблагородію, а если въ разглашеніи сего, по показанію калмыкъ, и русскіе люди окажутся, то и объ оныхъ къ вашему жъ высокоблагородію отрапортовать. Почему я нынѣ для привозу подлежащихъ калмыкъ послалъ нарочныхъ казаковъ, а какъ скоро оныхъ привезутъ и что жъ по сему окажется,— при оныхъ калмыкахъ вашему высокоблагородію представить долженъ“.

Въ то-же время астраханскій оберъ-комендантъ, генералъ-майоръ Левинъ, получивъ изъ губернской канцеляріи извѣстіе „о произнесшемся“,— какъ онъ выражался,—„въ Дербетевомъ улусѣ весьма важномъ ложномъ разглашеніи“, писалъ Цыплетеву: „оной комиссаръ Везелевъ, на посланной къ нему по сему дѣлу приказъ, репортомъ представляетъ, что объявители о семъ: калмыцкой попъ Бааханъ-гелюнгъ и зайсангъ Чидангъ-Убаша, на вопросъ его, Везелева, секретно отвѣтствовали: что яко бы о томъ эхѣ отъ русскихъ людей ничего не слыхали, а происходитъ оно въ Дербетевомъ улусѣ между подлыми людьми, а съ чего точно—познать невозможно, кромѣ, что одинъ калмычанинъ, возвратясь изъ Царицына, объявлялъ: въ бытность-де его тамъ у знакомаго русскаго человѣка въ домѣ, вдругъ пришли въ избу четыре человѣка при шпагахъ, весьма съ суровомъ образомъ, коихъ хозяинъ съ женою весьма испужавшись, не знали что дѣлать, да и онъ, калмычанинъ, будучи въ такомъ же страхѣ, вышедъ вонъ, въ

улусы уѣхалъ, въ чемъ якобы и взялъ о вышеописанномъ произносимомъ эхѣ сумнѣніе. Кто жъ именно тотъ калмычанинъ, да и русской человѣкъ, у кого онъ былъ въ домѣ, объявленной Баахань-гелюнгъ обѣщалъ, развѣдавъ, ему, Везелеву, объявить. А понеже-де нынѣшнее ихъ оправданіе явно видное, по худому ихъ состоянію, въ закрывательство, да и ему, Везелеву, не подлежало бъ ихъ отговорки принимать, а получа приказъ, кто объявилъ, слѣдовало отослать къ вашему высокоблагородію, который бы, усмотря, что они спрашиваются, скорѣе бъ тѣхъ, кои худые и несправедливые толки чинили, сыскалъ; но онъ, Везелевъ, еще на то повелѣнія требуетъ, изъ чего видно и его къ нимъ закрывательство, и сего ему чинить не надлежало бъ, а тѣмъ себя не только подвергаетъ не малому отвѣту, но и заслуживаетъ неизбѣжной штрафъ. Чего ради, въ астраханской губернской канцеляріи опредѣлено: къ нему, комиссару Везелеву, послать— и посланъ приказъ и, объясня въ ономъ вышеписанное разсужденіе, велѣть: если упоминаемые калмыцкой попъ Баахань-гелюнгъ и зайсангъ Чидангъ-Убаша о разгласителяхъ русскихъ людяхъ въ самомъ дѣлѣ не знаютъ, то по крайней мѣрѣ домощись отъ нихъ вывѣдать: кто именно калмыки о показанномъ произносимомъ въ Дербетевомъ улусѣ эхѣ имъ сказывали, и когда на кого изъ русскихъ людей покажутъ, то о таковыхъ немедленно онъ, Везелевъ, репортомъ вашему высокоблагородію представилъ, а при томъ и доносителей калмыкъ, въ томъ числѣ по объявленію Баахань-гелюнга и бывшаго въ Царицынѣ у знакомаго человѣка, въ дому коего при палашахъ приходили люди, и чрезъ то ему, калмыку, къ разглашенію о томъ эхѣ поводъ подали, къ доказательству для изслѣдованія отослалъ подъ карауломъ къ вашему высокоблагородію. А чтобъ онъ, комиссаръ Везелевъ, впредь увѣдавъ о такихъ важныхъ дѣлахъ, въ развѣдываніи дальнѣйшаго обстоятельства и въ репортованіи къ командѣ поступалъ со всякимъ основаніемъ и осторожностію,—о томъ ему подтвердить“.

Это строгое замѣчаніе оберъ-коменданта Левина должно было вызвать энергическія усилія со стороны мѣстныхъ властей къ разслѣдованію причинъ разглашенія ложныхъ слуховъ; но усилія и въ этомъ случаѣ оказались малоуспѣшными. Какъ во всѣхъ вообще народныхъ смутахъ, возникавшихъ вслѣдствіе тайныхъ разглашеній и перешептываній, такъ сказать съ уха на ухо,—отысканіе разгласителей всегда представляетъ непобѣдимыя затрудненія. При первой попыткѣ властей добраться до источника слуховъ, особенно же когда начинаются аресты и допросы,—народъ становится въ высшей степени осторожнымъ и неподатливымъ на какія бы то ни было признанія и указанія. Отвѣты на допросахъ становятся слишкомъ краткими, неопредѣленными, чтобъ на нихъ можно было что-либо основать и добраться до истины. Попавшіеся въ руки властей большею частью отзываются невѣдѣніемъ, запамятованіемъ или стараются отдѣлаться общими фразами. Что говорилось на базарѣ и въ кабакѣ, о томъ упорно умалчивается. Вмѣсто лицъ, на которыя ожидается указаніе, большею частью являются „невѣдомые люди“. При томъ, какъ вообще это бываетъ

при распространеніи какой бы то ни было молвы въ народѣ, указаніе на лица бываетъ иногда положительно невозможно. Молва идетъ какою-то полосою, какъ волна, и разносится, повидимому, не лицами, а цѣлыми массами, такъ что и указать не на кого, кто первый шепнулъ роковое слово, чьими, именно, устами разнесена молва по торжкамъ и базарамъ. Оттого въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени эта молва и названа „эхомъ". Такое эхо ходило въ народѣ не только въ смутное время пугачевщины, но до пугачевщины и послѣ, когда то тамъ, то здѣсь говорили, что „проявится" такой-то, и проявлялись: или Богомоловъ, или Кремлевъ, или Пугачевъ, Мосякинъ, Ханинъ, Степанъ Малый въ Черногоріи и т. п. Такое же эхо ходило въ народѣ по польской и по русской Украйнѣ передъ Уманской рѣзней, и въ этомъ эхѣ слышались отголоски о „матушкѣ-царицѣ". о „золотой грамотѣ", о „свяченыхъ ножахъ". Смутные слухи являются въ народѣ, какъ признаки эпидеміи, одновременно въ разныхъ мѣстахъ и разомъ охватываютъ собой огромные районы.

Такими же невѣдомыми путями разносилось въ народѣ и это смутное „эхо" о воскресеніи Пугачева; а между тѣмъ, правительство требовало „по крайней мѣрѣ домощись вывѣдать" отъ какого-нибудь калмыка о томъ, о чемъ весь народъ не могъ дать отвѣта.

Какъ бы то ни было, въ Дербетевомъ улусѣ нѣкоторые калмыки были арестованы. Препровождая ихъ для допросовъ въ Царицынъ, къ тамошнему коменданту Цыплетеву, коллежскій комиссаръ Везелевъ писалъ: „Въ силу посланнаго мнѣ повелѣнія отъ астраханской губернской канцеляріи о происшедшемъ въ Дербетевомъ улусѣ эхѣ, доносителя калмыка, по объявленіи зайсанга Чидангъ-Убаши и попа калмыцкаго Баахань-гелюнга, при семъ для изслѣдованія къ вашему высокоблагородію мною посланы. Сверхъ же оныхъ къ посылкѣ принадлежащіе калмыки, два человѣка, по справкѣ моей оказались отлучившимися въ Астрахань, одинъ доноситель мнѣ, а другой, по объявленію Баахань-гелюнга, который былъ нынѣшнею весною въ Царицынѣ у знакомаго русскаго человѣка, гдѣ, по приходѣ четырехъ русскихъ человѣкъ въ палашахъ, взявъ пустое сумнѣніе, и объ ономъ разглашеніе чинилъ, о таковыхъ мною астраханской губернской канцеляріи представлено".

Изъ этого видно, что невозможность добраться до источника слуховъ объ „оказаніи злодѣя" заставляетъ уже мѣстныя власти относиться къ самому факту и къ причинѣ народной смуты, какъ къ „пустому сумнѣнію" („взявъ пустое сумнѣніе"). Но это было не пустое сомнѣніе, когда народъ волновался.

Цыплетевъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не успѣлъ добиться отъ присланныхъ къ нему арестантовъ, или, какъ онъ выражался, „изслѣдованіе находящихся въ Дербетевомъ улусѣ по важному и ложному разглашенію описуемыхъ калмыкъ и о протчемъ" не привело ни къ чему. Цыплетевъ писалъ оберъ-коменданту Левину: „по присылкѣ отъ коллежскаго комиссара Везелева, принадлежащіе къ тому дѣлу калмыки, хотя и были

мною тайно спрашиваны, но, по показательству ихъ, отъ кого они подлинно слышали то произношеніе, требуются ко изслѣдованію другіе, и какъ скоро присланы будутъ, то по отобраніи отъ нихъ слѣдуемаго обстоятельства, вашему превосходительству особо донесть не премину".

Между тѣмъ, событія не ждали результатовъ поисковъ и допросовъ. Волненіе вспыхивало въ народѣ то тамъ, то здѣсь и грозило опять разрастись во вторую пугачевщину.

VIII.

Калмыки, кочевавшіе въ обширныхъ степяхъ ниже Дербетевыхъ улусовъ, возбужденные слухами объ ожидаемыхъ Россіею новыхъ внутреннихъ смутахъ и предчувствуя возможность и легкость грабежей, оставили свои кочевья. Конные отряды ихъ разсѣялись по всѣмъ направленіямъ, хотя никто не зналъ, гдѣ они перейдутъ русскія границы: бросятся-ли на Донъ, или на Царицынскую линію, чтобъ прорваться въ среднее Поволжье, гдѣ настроеніе умовъ было уже тревожно и ничего не предвѣщало хорошаго.

Надо было немедленно принять наблюдательное положеніе и готовиться къ встрѣчѣ не только хищниковъ, но и поволжскихъ крестьянъ, обезпокоенныхъ тревожными слухами. За недостаткомъ войска, донскія и медвѣдицкія станицы были открыты, а оттуда былъ открытъ свободный путь въ глубь Россіи.

Изъ Астрахани и изъ Новочеркасска прискакали нарочные съ этими вѣстями о движеніи хищниковъ. „Но какъ они, т.-е. калмыки (писалось въ ордерахъ Цыплетеву), въ прежнія времена не малыя шалости чинили не токмо по россійскимъ рубежамъ, но внутри страны, распространяя свои впаденія до Дмитріевска и Борисоглѣбска, то, чтобъ они и нынѣ не успѣли своего хищничества перенести въ пострадавшія отъ бывшаго возмущенія и уже не мало напоенныя кровію земли наши", предписывалось „взять всѣ предосторожности, и открывая себя всему гораздо дальновиднѣе, быть въ готовности каждый разъ къ скорому защищенію государственной цѣлости".

Объ этомъ тотчасъ же дано было знать въ форпосты и начальникамъ пикетовъ и разъѣздныхъ командъ, какъ по военной линіи, такъ и на границы земель медвѣдицкихъ станицъ.

Между тѣмъ, одна разъѣздная команда, оберегавшая медвѣдицкія станицы, получивъ увѣдомленіе „о предпринятомъ калмыками намѣреніи учинить вторженіе въ россійскія границы", представляла въ Царицынъ, что хотя ею и взяты мѣры къ предохраненію станицъ отъ нечаяннаго нападенія хищниковъ, „но поелику военной команды въ здѣшнихъ мѣстахъ самое малое число имѣется, и таковой не можетъ быть достаточно къ воспрепятствованію въ ихъ злодѣйскихъ покушеніяхъ, тѣмъ паче, что сіе самое увѣдомленіе должно содержать въ тайности отъ простого народу, дабы безвременнымъ предувѣдомленіемъ опасности не сдѣлать смятенія и без-

покойства жителямъ, и слѣдственно, учинить разъѣзды изъ крестьянъ совмѣстно съ казаками, что было бы возможно при всякомъ другомъ случаѣ, не требующемъ тайности, въ семъ случаѣ почитается неприличнымъ, то и испрашивалось подкрѣпленіе разъѣзднымъ командамъ, но такъ, чтобы все это дѣлалось тайно отъ крестьянъ, въ которыхъ даже разъѣздныя команды замѣчали „умственное шатаніе и мятежный духъ".

Малочисленность наблюдательныхъ разъѣздовъ была причиною того, что калмыки прорвались въ одномъ мѣстѣ и напали на донскія станицы. Казаки Талькинъ и Замаровъ, въ видѣ сторожевого патруля проѣзжавшіе по линіи вдоль берега Дона и отдѣлившіеся отъ команды, попали на арканъ и сдѣлались добычею хищниковъ. Пока разъѣздъ давалъ знать о появленіи толпы калмыковъ ближайшему походному атаману съ командою, толпа прошла опустошеніемъ по беззащитнымъ хуторамъ и зимовникамъ, скотъ былъ захваченъ, нѣкоторые изъ пастуховъ убиты, запасы сѣна сожжены и луга вытоптаны.

Между тѣмъ, „умственное шатаніе и мятежный духъ" самого населенія, которому не довѣряли власти, начали проявляться явственнѣе то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Разъѣзды замѣтили „неспокойство" по иловлинскимъ селеніямъ. Неспокойство это въ Добринкѣ выразилось положительнымъ бунтомъ крестьянъ.

Неизвѣстно, откуда дошли до Добринки слухи, которые волновали калмыковъ; только слухи эти, повидимому, имѣли одинъ и тотъ же источникъ. Все шло отъ Волги, на которой сталкивалось населеніе всѣхъ мѣстностей Россіи и по которой вѣсти разносились изъ конца въ конецъ, отъ Астрахани и Саратова до Казани и Рыбинска то бурлаками, то купцами, то отставными солдатами и шатавшимися по Поволжью бродягами.

Слухи эти привезъ въ Добринку одинъ поповичъ, пріѣхавшій изъ Дмитріевска къ своимъ роднымъ, хотя впослѣдствіи на допросѣ онъ и не признавался въ перенесеніи мятежныхъ вѣстей съ Поволжья въ русскія селенія, отстоявшія отъ Волги на довольно значительное разстояніе. Какъ бы то ни было, добринскіе крестьяне собрались къ кабаку и стали открыто говорить о томъ, что „Богъ имъ посылаетъ спасеніе". Когда кабацкій староста, наблюдавшій за продажею казеннаго вина, сталъ ихъ спрашивать, „о какомъ спасеніи они въ пьянственномъ видѣ пустуютъ",— поповичъ, который былъ тутъ же, отвѣчалъ:

— Когда придетъ спасеніе, тогда и увидишь.

— А въ чемъ оное спасеніе состоитъ? — спросилъ снова кабацкій староста.

— Кому въ добромъ и богатомъ впредь житіи, а кому въ висѣлицѣ,— отвѣчалъ поповичъ.

При этомъ крестьяне пояснили, что „было бъ и намъ давно спасеніе, есть ли бъ дворяне и генералы царямъ глаза не отводили, а теперь-де не отведутъ".

Хотя кабацкій староста и объявилъ объ этомъ по начальству, однако,

мѣры не были приняты, и крестьяне, подстрекаемые, какъ видно, поповичемъ, рѣшились требовать отъ начальства возврата внесенныхъ ими въ уплату податей денегъ. Когда имъ отвѣчали, что деньги не могутъ быть возвращены, крестьяне, по совѣту поповича, прибѣгли къ насилію. Они связали писаря Ламзакина и грозили голодомъ выморить у него согласіе. Но поповичъ нашелъ, что эта мѣра не будетъ дѣйствительною.

— Онъ-де не скоро проголодается, — говорилъ поповичъ, разжигая крестьянъ:—на вашемъ хлѣбѣ отъѣлся.

— Ты на нашемъ хлѣбѣ отъѣлся,—кричали крестьяне:— подавай деньги!

Писарь упорствовалъ; онъ грозилъ имъ, что за бунтъ они навлекутъ на себя „жесточайше плетьми наказаніе подъ висѣлицею". Тогда поповичъ, обращаясь къ нѣкоторымъ изъ крестьянъ, у которыхъ за участіе въ пугачевщинѣ были вырваны ноздри или отрѣзаны уши, говорилъ:

— Вы-де уже были подъ висѣлицею: у насъ ноздри мѣчены и уши рѣзаны, а онъ цѣлъ.

— Такъ его самого на рели!—кричали крестьяне, особенно тѣ, „кои были съ мѣтою".

— У васъ же рели готовыя есть, казенныя,—говорилъ поповичъ.

Писарь, увидя опасность, сталъ умолять крестьянъ о пощадѣ жизни.

— Отдавай деньги, — кричали крестьяне: — мы ихъ отнесемъ нашему батюшкѣ государю Петру Ѳеодоровичу.

— Петръ Ѳеодоровичъ обносился,—слышались крики.

Тогда поповичъ, схвативъ за конецъ поясъ, которымъ былъ связанъ писарь, и усиливаясь вытащить его за ворота, закричалъ неистово: „что съ нимъ говорить долго! на казенную его висѣлицу ведите".

Извѣстно, что во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, принимавшихъ участіе въ пугачевщинѣ, по усмиреніи мятежа поставлены были висѣлицы, подъ которыми, по распоряженію правительства, были сѣчены и клеймены всѣ, уличенные и даже заподозрѣнные въ бунтѣ. Болѣе виновныхъ изъ нихъ вѣшали на этихъ висѣлицахъ, которыя долгое время стояли по селамъ, какъ бы въ воспоминаніе страшнаго времени и въ назиданіе потомству. Безъ сомнѣнія, такая висѣлица оставалась и въ Добринкѣ, и ее-то поповичъ называлъ „казенною".

Ламзакина такимъ образомъ повели къ висѣлицѣ. Дорогой толпа крестьянъ ворвалась въ кабакъ и, „нацѣдивши въ ведра и въ кувшины казеннаго вина не мало безденежно, пили, а вырученныя допрежь того отъ продажи казеннаго вина деньги всѣ взяли безъ остатку". При этомъ поповичъ, который, какъ видно, вездѣ былъ коноводомъ, говорилъ, что теперь вино будетъ „вольное".

Противъ пьяной толпы, которая, конечно, могла устрашить всякаго, и противъ страха висѣлицы Ламзакинъ не устоялъ и обѣщалъ выдать крестьянамъ требуемыя ими деньги. Тогда его обратно повели къ правленской избѣ, гдѣ въ подпольѣ были спрятаны деньги. При дѣлежѣ денегъ поповичу досталось рублей пятнадцать.

Въ тотъ же день поповичъ скрылся изъ Добринки, и его арестовали уже въ Дмитріевскѣ. Оказалось, что это былъ сынъ тамошней попадьи, по фамиліи Казанскій. Онъ давно занимался составленіемъ фальшивыхъ паспортовъ подозрительнымъ людямъ и вообще поволжскимъ добрымъ молодцамъ. Своимъ личнымъ характеромъ, своею жизнью и своею дѣятельностью онъ принадлежалъ къ понизовой вольницѣ: лѣтомъ, по показанію матери, онъ, большею частью, пропадалъ и на вопросы матери о причинахъ его безвѣстныхъ отлучекъ отвѣчалъ, что или жилъ на Волгѣ, „питаясь отъ ловли рыбы", или же ходилъ съ бурлаками въ Астрахань, проживалъ иногда за Волгой, между тамошними малороссіянами. Весной 1776 года онъ былъ въ Царицынѣ и, безъ сомнѣнія, оттуда вынесъ вѣсти о готовящихся народныхъ смутахъ. Когда его брали подъ арестъ, онъ говорилъ солдатамъ: „отпустите меня, а не отпустите добромъ, и вамъ будетъ плохо: у меня-де товарищей много, да и полки гвардейскіе скоро сюда прибудутъ".

Поповича уличилъ казенный сборщикъ Кауровъ, который видѣлъ его въ Добринкѣ, когда поповичъ подбивалъ крестьянъ къ бунту. Вмѣстѣ съ отобранными отъ Каурова показаніями, Казанскій былъ немедленно отправленъ въ Царицынъ подъ крѣпкимъ карауломъ.

IX.

Поповичъ Казанскій представляетъ собою одно изъ замѣчательныхъ явленій XVIII вѣка. Онъ принадлежитъ къ тому типу семинаристовъ, большею частью выгнанныхъ изъ училища за проявленіе неподатливой воли. которые играли весьма замѣтную роль во всѣхъ народныхъ движеніяхъ и часто являлись въ главѣ понизовой вольницы. Нѣкоторыя личности изъ семинаристовъ весьма рельефно выдаются къ пугачевщинѣ. Знаменитый атаманъ Заметаевъ, одинъ изъ послѣднихъ коноводовъ понизовой вольницы. имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ и котораго Суворовъ называлъ „чудовищемъ" и не стыдился какъ бы считать своимъ противникомъ,—былъ поповичъ.

Семинаристы и поповичи оставили замѣтный слѣдъ и въ исторіи народныхъ движеній въ западной половинѣ Россіи, въ Малороссіи и въ Польской Украйнѣ. Поповичи принимали участіе въ гайдамачинѣ. Одинъ гайдамакъ изъ поповичей прославился своею жестокостью, и вслѣдствіе того, что съ помощью этой жестокости онъ умѣлъ все выпытывать у своихъ жертвъ, онъ названъ былъ „Исповѣдникомъ".

Вообще, замѣтимъ кстати, извѣстный типъ поповичей проходитъ черезъ всю русскую народную исторію, и изъ нихъ выдѣляются весьма замѣтныя личности. Даже народная поэзія не обошла этого типа. Она ставитъ его на весьма видное мѣсто между могучими и сильными богатырями былинъ цикла Владиміра. Алеша Поповичъ является третьею крупною личностью

между богатырями, и этому поповичу народная поэзія придаетъ весьма рѣзкій, весьма характерный оттѣнокъ, отличающій его отъ прочихъ богатырей: Алеша Поповичъ, если не умнѣе прочихъ богатырей, то хитрѣе, изворотливѣе. Онъ отрицаетъ то, что признаютъ другіе богатыри. Позднѣйшій типъ этихъ поповичей является въ поповичахъ-изгояхъ, о которыхъ есть намеки въ древнихъ памятникахъ. Все это личности, порвавшія всякую связь съ средою, въ которой онѣ родились и воспитались, и вынесшія изъ этой среды самую непримиримую къ ней ненависть и отрицаніе того, что признается этой средой. Такіе поповичи, порвавшіе всякую связь съ средою, въ которой выросли, являются и въ XVIII вѣкѣ. Гдѣ бы они ни появлялись: на Волгѣ или на Днѣпрѣ, они не проходятъ даромъ, и явленіе ихъ весьма замѣтно между всѣми другими личностями. Этотъ типъ поповичей, порвавшихъ связь съ родною средою, переходитъ и въ XIX столѣтіе. Въ XIX вѣкѣ этотъ типъ поповичей выдѣляетъ изъ себя также весьма замѣтныя, весьма рельефныя личности; но тысячи лѣтъ не даромъ прошли надъ русскою землею, и историческій типъ поповичей даетъ намъ уже не Заметаевыхъ, не Исповѣдниковъ и не Казанскихъ, а замѣчательныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, потому что времена Заметаевыхъ и Исповѣдниковъ прошли для насъ навсегда. Замѣтимъ только, что Волга, какъ бы по законамъ исторической преемственности и наслѣдственности, и въ XVIII вѣкѣ давала намъ поповичей съ извѣстнымъ характеромъ дѣятельности, и въ XIX вѣкѣ даетъ ихъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая мѣстность въ Россіи, только характеръ этой дѣятельности измѣнился сообразно требованіямъ времени.

Казанскій принадлежалъ, повидимому, къ типу безпокойныхъ поповичей *) XVIII вѣка, которыхъ среда не могла заѣсть, встрѣчая характеръ упругій и неподатливый, а только вытѣсняла ихъ изъ общества, закрывала для нихъ дорогу для общественной дѣятельности и такимъ образомъ какъ бы насильно толкала на дѣло предосудительное. На предварительномъ допросѣ въ Царицынѣ Казанскій сознавался, что онъ бросилъ училище, въ которомъ готовился въ „причетники“, „не стерпя гоненія“, и потомъ жилъ у матери, иногда отлучаясь для работы. Но въ то же время онъ упорно стоялъ на своемъ показаніи, что ни воровствомъ, ни убійствомъ не занимался, „съ воровскими людьми не знавался“ и фальшивыхъ паспортовъ „не писывалъ“, а только иногда, по просьбѣ людей неграмотныхъ, сочинялъ письма „безъ всякаго худова умыслу или совѣту“. Починъ возмущенія въ Добринкѣ онъ также отклонялъ отъ себя, говоря, что крестьяне „шумѣли по глупости“ и что доставшіяся ему при дѣлежѣ деньги онъ не считаетъ грабленными, а взятыми за долгъ у писаря Ламзакина, котораго дѣтей

*) Казанскій самъ называетъ себя поповичемъ. Такъ, на допросѣ онъ говоритъ о себѣ: „Петромъ меня зовутъ, Андреевъ сынъ, Казанскаго, отъ роду мнѣ 27 лѣтъ, *изъ поповичей*, грамотѣ читать и писать умѣю, въ церковь Божію ходилъ, на исповѣди у священниковъ и у святого причастія бывалъ“.

онъ училъ грамотѣ, когда въ прошломъ году жилъ въ Добринкѣ у своихъ родственниковъ.

Изъ отрывочныхъ показаній Казанскаго нельзя не видѣть, что въ нѣсколько лѣтъ онъ успѣлъ исколесить все Поволжье и почти всю восточную Россію. Въ Астрахань онъ ходилъ на судахъ, повидимому въ качествѣ простого рабочаго. Былъ въ Персіи и „Трухменской землѣ съ купеческимъ сыномъ Лукинымъ, изъ города Астрахани, для торговыхъ предпріятіевъ". Ходилъ въ „Рыбное" (Рыбинскъ), бывалъ въ Казани, Нижнемъ и Саратовѣ. Одну зиму прожилъ на Дону въ Курмоярскрй станицѣ. Былъ въ Качалинѣ, гдѣ занимался носкою кулей.

Показанія Казанскаго обличаютъ еще одну черту, характеризующую подобныхъ ему народныхъ дѣятелей XVIII вѣка. Онъ ходилъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ Кіевъ, подобно тому, какъ подвизались когда-то въ благочестіи всѣ коноводы народныхъ движеній того времени—Пугачевъ, Желѣзнякъ и Найда. Свое участіе въ пугачевщинѣ онъ положительно отрицаетъ, говоря, что находился въ то время Персіи.

На вопросы, о какомъ „спасеніи" говорилъ онъ крестьянамъ въ Добринкѣ, что разумѣлъ онъ подъ гвардейскими полками, которые должны скоро прибыть, и какими товарищами грозилъ арестовавшимъ его солдатамъ,—Казанскій отвѣчалъ, что все это выдумано на него напрасно, по злобѣ, и что ничего подобнаго онъ не говорилъ ни въ Добринкѣ, ни въ Дмитріевскѣ. Онъ былъ только свидѣтелемъ, какъ добринскіе крестьяне, изъ коихъ нѣкоторые ѣздили за лѣсомъ въ Дмитріевскъ, толковали въ питейномъ домѣ о вывезенныхъ ими изъ города толкахъ, будто бы опять ожидаются „великія смуты въ крестьянствѣ", но онъ ихъ „въ таковомъ заблужденіи не утверждалъ", а напротивъ, говорилъ, что „изъ того всѣмъ токмо всеконечное разореніе произойти можетъ". Онъ показывалъ также, что бунта въ Добринкѣ не было и что крестьяне, перепившись въ кабакѣ, грозили писарю висѣлицей единственно для острастки, чтобъ онъ „взятками и инымъ лихоимствомъ не корыстовался и лакомство бы бросилъ".

Казанскій сдѣлалъ также показаніе, что послѣднюю зиму онъ прожилъ въ Астрахани у какого-то „распопа Іакова", у котораго ему приходилось слышать отъ разныхъ людей, что въ Россіи будетъ опять „великій бунтъ", что ожидаютъ „другова злодѣя", но что самъ онъ этимъ „бабьимъ вракамъ не вѣрилъ и никого толками о новомъ злодѣѣ не смущалъ".

Хотя всѣ эти отрывочныя показанія и могли считаться удовлетворительными, однако нельзя было не видѣть, что въ отвѣтахъ Казанскаго оставалось много недосказаннаго. Безъ очной ставки съ лицами, съ которыми онъ сталкивался, нельзя было повѣрить чистосердечности его признаній. Какъ бы въ подтвержденіе того, что въ поповичѣ этомъ скрывается личность болѣе крупная, чѣмъ та, за какую онъ самъ себя выдавалъ, въ комендантской канцеляріи, въ Царицынѣ, нашлось лицо, которое видѣло Казанскаго въ другой обстановкѣ. Это былъ солдатъ царицынскаго батальона Исѣевъ. Исѣевъ показалъ, что, годъ тому назадъ, онъ видѣлъ Ка-

занскаго въ Царицынѣ, въ проѣздъ его через этотъ городъ, и теперь „опознаетъ именующаго себя поповичемъ Петромъ Казансковымъ". Казанскій, по словамъ Исѣева, прошлымъ лѣтомъ проѣзжалъ черезъ Царицынъ въ „желтомъ берлинѣ", въ какихъ едва ли могли ѣздить въ XVIII вѣкѣ бѣдные семинаристы, занимающіеся то рыбною ловлею, то поденною работою, а иногда и носкою кулей, вмѣстѣ съ бурлаками. Кромѣ того, по показанію Исѣева, Казанскій былъ въ то время въ богатомъ, по тому времени, одѣяніи, далеко не соотвѣтствующемъ положенію семинариста: на Казанскомъ Исѣевъ видѣлъ „алый съ прозументами камзолъ" и замѣтилъ на немъ также золотые часы съ цѣпью. Въ проѣздъ черезъ Царицынъ, Казанскій останавливался на подворьѣ „записаннаго въ польской окладъ" поляка Яцека, и находившіеся съ нимъ, „именовавшіе себя онаго проѣзжаго гайдуками", говорили, что господинъ ихъ — „а какъ по имени не упомнитъ",—ѣдетъ съ ними изъ кабардинскихъ странъ въ вотчину свою, Сызранскаго уѣзда, а какъ та его вотчина прозывается, онъ, Исѣевъ, запамятовалъ за давнимъ временемъ". Исѣевъ прибавлялъ, что онъ узналъ въ Казанскомъ ту именно личность, которая, въ прошломъ году, проѣздомъ черезъ Царицынъ, останавливалась у поляка Яцека, потому что у проѣзжаго были совершенно тѣ же примѣты, что и у Казанскаго, тотъ же ростъ, „лицо шадровитое съ родимымъ пятномъ на лѣвой скулѣ и таковымъ же надъ правой бровью" и „нарочито рыжые волосы".

Казанскій положительно отрицалъ свое пребываніе въ Царицынѣ прошлымъ лѣтомъ и говорилъ, что у него никогда не было „желтаго берлина". Лѣто 1775 года проживалъ онъ „для торгу" въ „Трухменской землѣ" съ купеческимъ сыномъ Лукинымъ и Исѣева никогда не знавалъ и не видывалъ.

Показаніе Исѣева не могло не вызвать сильнаго подозрѣнія въ слѣдователяхъ относительно загадочной личности и загадочности похожденій Казанскаго. Онъ могъ быть дѣйствительно поповичемъ изъ Дмитріевска, и это обстоятельство, кажется, не возбуждало въ слѣдователяхъ сомнѣнія, но что этотъ поповичъ скрывалъ много тайнъ изъ своей, можетъ быть, полной преступленій жизни, это также казалось весьма вѣроятнымъ и возможнымъ. Безъ сомнѣнія, пропаганда его въ Добринкѣ была не безцѣльная и, можетъ быть, это былъ не единственный актъ производимыхъ имъ по Поволжью агитацій въ народѣ, подобно другому такому же поповичу Заметаеву, „преемнику Пугачева" *). Казанскій могъ быть и простымъ поповичемъ-семинаристомъ, и бурлакомъ, и домашнимъ учителемъ, и въ то же время разъѣзжать съ гайдуками въ берлинахъ и предводительствовать шайками понизовой вольницы.

---

*) «Un successeur de Pugatschew (какъ называетъ Заметаева одинъ изъ историковъ Суворова)... avait exercé divers brigandages contre les Turcs, s'était emparé de quelques vaisseaux marchands avec 4 canons, faisait de incursions par eau et par terre» и т. д. (Fr. Anthing).

Поэтому надо было провѣрить показанія Исѣева другими фактами, которые могли бы или уличить арестанта, или доказать его alibi по отношенію къ данному факту. Надо было спросить поляка Яцека, дѣйствительно ли у него на подворьѣ прошлымъ лѣтомъ останавливался проѣзжій, котораго Исѣевъ узнавалъ въ личности поповича Казанскаго.

Для этого полякъ Яцекъ вызывался къ допросу на слѣдующій день.

Но въ эту же ночь поповичъ исчезъ изъ гауптвахты. Онъ бѣжалъ по оплошности часовыхъ, и всѣ розыски оказались безполезными. Оставалось привлечь къ отвѣту бунтовавщихъ крестьянъ села Добринки, главную и руководящую нить которой власти такъ неожиданно выпустили изъ рукъ.

X.

Общее положеніе дѣлъ, между тѣмъ, становилось все менѣе и менѣе утѣшительнымъ, и волненіе умовъ, проявлявшееся въ отдѣльныхъ вспышкахъ, могло угрожать общимъ взрывомъ.

Хотя Пугачева уже давно не существовало на свѣтѣ и оставшіеся въ живыхъ сподвижники его давно работали на каторгѣ; хотя не существовало уже и „преемника" его, поповича Заметаева, о которомъ Суворовъ, преслѣдовавшій его и интересовавшійся имъ, писалъ собственноручно Цыплетеву, что „паче ежелибъ возможно было развѣдать о его *дальновидномъ политическомъ злонамѣреніи, ибо онъ оглашаемъ былъ во многихъ странахъ*", и о которомъ, по словамъ графа Панина, „во многихъ мѣстахъ въ народѣ наполнился слухъ и будто какого чудовища ожидали", однако, ни память о Пугачевѣ, ни память „о чудовищѣ" Заметаевѣ, котораго за 8 или 9 мѣсяцевъ до этого возили по всѣмъ городамъ средняго и нижняго Поволжья и наказывали кнутомъ, пока онъ не испустилъ духъ на кобылѣ, не могла такъ скоро исчезнуть въ народѣ. То тамъ, то здѣсь появлялись отважные атаманы шаекъ понизовой вольницы, между которыми, какъ оказывается, поповичи играли замѣтную роль, и такой поповичъ, какъ Казанскій, вырвавшійся изъ-подъ ареста, могъ снова если не разъѣзжать въ берлинахъ, въ видѣ крупной особы, то, во всякомъ случаѣ, въ видѣ оборвыша-пропагандиста, бродить изъ одного села въ другое и волновать народъ, если не своимъ имсемъ, то призракомъ какого-то „спасенія".

Съ другой стороны, киргизъ-кайсаки, удачно отбитые дубовскими казаками въ одномъ мѣстѣ, могли неожиданно появиться въ другомъ и произвести тревогу въ населеніи, которое и безъ того было тревожно то подъ вліяніемъ слуховъ о второмъ Пугачевѣ, то подъ возбужденіемъ со стороны бродячихъ агитаторовъ.

Извѣстія о новыхъ нападеніяхъ киргизовъ, дѣйствительно, подтверждались, и мѣстныя власти должны были ждать этихъ нападеній, хотя не знали, съ какой стороны ожидать хищниковъ. Въ виду такой неопредѣленности извѣстій о киргизахъ, нельзя было принять и опредѣленныхъ

мѣръ предосторожности. Но, при всемъ томъ, надо же было принять какія бы то ни было мѣры, хотя мѣстныя средства обороны были весьма плохи. Такъ, одинъ изъ форпостныхъ начальниковъ, донской походный сотникъ Кусковъ доносилъ Цыплетеву, что, хотя „состоящимъ команды моей на форпостахъ казакамъ приказаніе отдано, чтобы они всегда имѣли не довольно на форпостѣ, но и со всякимъ проѣзжающимъ, будучи въ подводахъ, каждой ружье въ чистотѣ и опрятности, которое они и до сего по званію своему имѣютъ“, однако, „чтожъ по предписанію въ ордерѣ (какъ онъ выражается), дабы команды моей казаки *открывали по луговой сторонѣ дальновидѣніе*, то не безызвѣстно царицынской комендантской канцеляріи, что уже казачьи лошади пришли въ изнуреніе“.

Въ ожиданіи новыхъ нападеній со стороны киргизъ-кайсаковъ, въ волжское войско также сообщалось изъ Царицына, какъ изъ главнаго оборонительнаго пункта этой мѣстности, чтобъ казаки этого войска ни въ какомъ случаѣ не перегоняли за Волгу свой скотъ, а пасшіяся тамъ стада непремѣнно переправить на нагорную сторону Волги, чтобъ всѣ находившіеся тамъ казаки переправились тоже „на горы“ и за Волгой бы никто не показывался.

Заволжье, такимъ образомъ, съ его форпостами и разными заведеніями, бросалось на произволъ судьбы вся заволжская степь отдавалась въ руки киргизамъ.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій, дубовскія казацкія власти сообщали въ Царицынъ:

1. „Находящіеся до сего повелѣнія въ луговой сторонѣ для ловли рыбы и другихъ надобностей противъ Дубовки и выше — всѣ до одного собраны въ горы.

2. „Просившимся со скотомъ въ правую сторону ради пастьбы, волжскаго войска чинамъ и казакамъ всѣмъ, кто оной имѣетъ, о неперегонѣ его туда запрещеніе учинено, а содержать оной на горахъ, равно за травой и за дровами ѣздили бъ большимъ собраніемъ, приказано“.

3. „По берегу рѣки Волги и вокругъ жительствъ опредѣлено производить ночной разъѣздъ коннымъ казакамъ, а пѣшій караулъ содержится вообще съ ними жъ, отъ стороны экономическихъ здѣшнихъ крестьянъ“.

Кромѣ того, въ верховыя станицы посланъ былъ съ нарочнымъ приказъ, и станичнымъ атаманамъ предписано, „чтобъ по полученіи онаго, того жъ часу послалъ каждой своей станицы въ луговую сторону нарочныхъ, и всѣхъ тамо, ежели есть вѣдомства здѣшняго людей, согнать въ городокъ, не оставляя ни одного, и имѣть всегда наикрѣпчайшую предосторожность и содержать въ пристойномъ числѣ людей ночной караулъ, а на случай необходимости, и лошадей, сколько есть, въ сѣдлахъ“.

Такимъ образомъ, все, что могло перебраться изъ беззащитнаго Заволжья на нагорную сторону Волги, уходило „въ горы“, подъ защиту русскихъ и казацкихъ войскъ. Однако, все Заволжье не могло же перебраться на правый берегъ: лѣвое Поволжье имѣло уже постоянныя поселенія, ко-

торыя, за переходомъ казаковъ въ горы, оставались совершенно открытыми для набѣга хищниковъ. За Волгой находилась въ это время слобода Николаевская, лежащая противъ Дмитріевска, заселенная малороссіянами, которые вызваны были туда изъ Украйны, для возки елтонской соли. Кромѣ того, на Ахтубѣ находились шелковичныя плантаціи или такъ называемый ахтубинскій шелковичный заводъ и „ахтубинскія селенія", какъ „дальнія", такъ и „ближнія". Средства защиты, какъ Николаевска, такъ и ахтубинскихъ селеній, были ничтожны и, во всякомъ случаѣ, не обезопашивали этихъ селеній отъ грабительствъ киргизъ-кайсаковъ.

Въ виду тревожныхъ извѣстій о появленіи въ степи киргизовъ, смотритель Николаевской слободы писалъ въ Царицынъ, что, такъ какъ „Дмитріевской Николаевской слободы малороссіяне имѣютъ возку съ Елтонскаго озера соли, и необходимо надобно въ ходовыхъ транспортахъ каждому человѣку имѣть ружье и порохъ, а въ оной Николаевской слободѣ ни за какую цѣну купить, ниже одного фунта отыскать не можно, да и продажи не имѣется",—то смотритель и просилъ царицынскую комендантскую канцелярію выслать въ Николаевскъ изъ царицынской артиллерійской команды достаточное количество пороху для отраженія хищниковъ. Смотритель ахтубинскаго шелковаго завода Рычковъ просилъ изъ Царицына присылки въ помощь казаковъ, „которымъ безпрестанными разъѣздами (писалъ онъ къ Цыплетеву) могу я удобнѣе занять здѣшнія мѣста, а въ случаѣ какого-либо вторженія оныхъ злодѣевъ, присовокупя къ оныхъ отборныхъ людей конницею изъ крестьянъ, сколько по обстоятельствамъ потребно будетъ, могу воспрепятствовать ихъ предпріятію, а ежели нужда востребуетъ, то и преслѣдовать".

По этимъ требованіямъ порохъ былъ высланъ въ Николаевку, но помощь людьми не была послана въ ахтубинскія селенія, и, такимъ образомъ, большая часть Заволжья была совершенно обнажена.

Правая сторона Заволжья, хотя и считалась обезопашенною отъ нападеній киргизъ-кайсаковъ, потому что, взамѣнъ укрѣпленій и войскъ, правое Поволжье прикрывалось широкою рѣкою, — однако, внутренніе хищники, водившіеся въ каждомъ селѣ, и всѣ бродячіе элементы страны были едва ли не опаснѣе азіатскихъ хищниковъ. Когда изъ Царицына была послана команда съ казацкимъ хорунжимъ Сурновымъ для усмиренія Добринки, добринскіе крестьяне отказались выдать зачинщиковъ возмущенія. Команда вошла въ село тайно, ночью, такъ что крестьяне не были подготовлены къ защитѣ. Но утромъ они узнали цѣль прибытія команды и „бунтностно" выступили противъ казаковъ. Крестьяне вооружены были дрекольями, рогатинами и ружьями. Многіе изъ нихъ „наглостно" кричали.

— По указу царицынской комендантской канцеляріи я къ вамъ присланъ съ командою,—сказалъ Сурновъ къ крестьянамъ.

— Мы твоимъ рѣчамъ не вѣримъ,—отвѣчали бунтующіе крестьяне:— покажи указъ.

Сурновъ показалъ имъ ордеръ, полученный отъ Цыплетева.

— Покажи печать,—кричали крестьяне.

На ордерѣ не было печати, а была только комендантская подпись, и крестьяне не повѣрили подлинности ордера.

— У тебя указъ фальшивый,—говорили они.

— Это не указъ, а ордеръ,—отвѣчалъ Сурновъ:—ордеръ печатію не знаменуется.

Крестьяне еще болѣе взволновались.

— У него нѣтъ указу,—кричали они:—онъ самъ написалъ указъ.

Положеніе Сурнова становилось критическимъ. Шумъ возросталъ. Слышались голоса: „Долой изъ нашего поселка!“ Сурновъ скомандовалъ къ атакѣ.

— Выдайте мнѣ воровъ и злодѣевъ безъ сопротивленія, и тѣмъ отъ напраснаго кровопролитія избавлены будете,—сказалъ Сурновъ, все еще не приступая къ „атакованію“.

— У насъ воровъ и злодѣевъ не бывало, — отвѣчали крестьяне:—и выдавать тебѣ некого.

Сурновъ старался объяснить непокорной массѣ, что виновныхъ онъ найдетъ и закуетъ въ ножные и ручные кандалы, а за укрывательство виновныхъ со всего селенія „выти взыщутся“.

Крестьяне и на это отвѣчали „съ продерзостью“: „ищи вытей, гдѣ хочешь, а отъ насъ тебѣ вытей не видать“.

Тогда казаки, „съ великою стремительностью атаковавъ оныхъ бунтовщиковъ, и въ немалое смятеніе и безпорядокъ привели, которые частью въ бѣгство обратились, прочіе жъ, разсвирѣпѣвъ, подобно сказать, лютые звѣри на подкомандныхъ моихъ (пишетъ Сурновъ), съ отчаяніемъ бросались, рогатинами и дручками по лошадямъ били и казаковъ съ сѣделъ стащить намѣреніе имѣли“. Одна рогатина угодила въ самого Сурнова, и тогда онъ, „не стерпя продерзости таковой и принявъ на свою душу пролитіе крови христіанской“, приказалъ колоть бунтовщиковъ „нещадно“ пиками и стрѣлять въ нихъ изъ ружей. Крестьяне разсвирѣпѣли еще болѣе, и началась общая свалка, въ которой казаки не выдержали и обратились въ бѣгство.

Сурновъ старается благовиднымъ образомъ представить предъ начальствомъ свое отступленіе. Онъ говоритъ, что когда началось „сраженіе“ и многіе изъ крестьянъ были ранены изъ ружей и поколоты пиками, а подкомандные его, „памятуя присягу и ревнуя о славѣ имени своего“, блистательнымъ образомъ и „всякой похвалы достойно одерживали побѣду надъ бунтостными мужиками“, одинъ изъ этихъ мужиковъ, какъ выражается Сурновъ, „съ несказанною грубостію меня по головѣ дручкомъ ударивъ, такъ что и на малое время совсѣмъ памяти лишился“.

Какъ бы то ни было, но крестьяне выгнали изъ своего села казацкую команду. Неудачная экспедиція Сурнова кончилась тѣмъ, что онъ немедленно обратился къ начальству съ просьбою объ увольненіи его отъ „полевой службы за полученными нынѣ тяжкими ранами“.

XI.

Между тѣмъ, розыски поповича Казанскаго не прекращались. Его искали по Волгѣ, по всѣмъ поволжскимъ селеніямъ, станицамъ и въ родномъ городѣ его Дмитріевскѣ, гдѣ жила старушка, мать этого загадочнаго семинариста. Искали его по всей военной царицынской линіи, по границамъ донского войска, по верховымъ русскимъ селеніямъ и по нѣмецкимъ колоніямъ, хотя въ то время услѣдить бродягу, особенно извѣдавшаго всѣ похожденія или, какъ тогда выражались, „воровскіе“ и „злодѣйскіе обороты“ понизовой вольницы, было просто безумнымъ дѣломъ. Опытные проходимцы, чуявшіе, что ихъ ищутъ, рѣдко заглядывали въ населенныя мѣста, особенно же когда имѣли такія видныя примѣты, какъ тотъ семинаристъ, о которомъ мы говоримъ, и рѣдко показывались въ степяхъ, по которымъ иногда могла проѣхать разъѣздная сыскная команда, но, большею частью, прятались на время въ уединенныхъ землянкахъ, вырываемыхъ въ невѣдомыхъ мѣстахъ бродячимъ людомъ, „сходцами“ и всякаго рода подозрительными личностями. Искали его и въ калмыцкой ордѣ. Но всѣ эти розыски были тщетны. Въ то время, кромѣ тайныхъ воровскихъ притоновъ и разбойничьихъ становъ, ютившихся по лѣснымъ балкамъ и по оврагамъ, особенно по гористому волжскому побережью, существовали и открытые притоны: почти каждое село и каждая станица имѣли свои притоны и своихъ пристанодержателей, къ которымъ безопасно шли бездомные люди. Пристанодержателями были сельскія и станичныя власти, станичные атаманы и раскольники. У каждаго цѣловальника были свои, покровительствуемые имъ, „странные добрые люди“, и каждый кабакъ могъ поставить своего грамотника, составителя фальшивыхъ паспортовъ, какого-нибудь бродячаго семинариста или канцеляриста не у дѣлъ. При такомъ положеніи всей страны, розыски были дѣломъ нелегкимъ, особенно, когда по Поволжью цѣлыми сотнями бродилъ посполитый людъ, вышедшій изъ Малороссіи, изъ Запорожья—нигдѣ не пріютившіеся остатки гайдамачины, сѣчевики и „гетманцы“, какъ ихъ называли въ Поволжьѣ.

Одновременно съ этими розысками производились разслѣдованія относительно источника слуховъ, вышедшихъ изъ Дербетевыхъ улусовъ, о томъ, „якобы оказался такой же, какъ прежде былъ, злодѣй“.

Мы уже говорили выше, что не калмыцкій приставъ, коллежскій комиссаръ Везелевъ, ни царицынскій комендантъ Цыплетевъ не могли добиться, какіе именно калмыки были виновниками разглашенія слуховъ и и отъ кого именно изъ Царицына вынесли они, что и тамъ ожидаютъ новыхъ волненій въ народѣ. Такъ прошло лѣто.

Уже осенью, 3-го сентября, Цыплетевъ писалъ астраханскому оберъ-коменданту, генералу Левину: „минувшаго іюня 25-го числа присланнымъ ко мнѣ отъ вашего превосходительства ордеромъ, по сообщенію астраханской губернской канцеляріи велѣно Дербетева улусу попа Баахань-гелюн-

га и доносителей калмыкъ, въ томъ числѣ и бывшаго въ Царицынѣ, у знакомаго человѣка въ дому, въ произносимомъ имъ эхѣ изслѣдовать“.

Для изслѣдованія этого были привезены въ Царицынъ подъ арестомъ калмыки, на которыхъ указывали, какъ на виновниковъ разглашенія. Показаніями этихъ лицъ немногое выяснилось. Вотъ что писали въ Астрахань о результатахъ допроса арестованныхъ (удерживаемъ въ точности фразеологію царицынскихъ властей въ донесеніи ихъ о томъ, что, по ихъ мнѣнію, было причиною разглашенія слуховъ о новомъ Пугачевѣ):

„Калмыки Баханъ-гелюнгъ и Арши-Гецуль показали, что Бурулова зайсанга Хошучи-Банца-Санжима калмыченинъ Лекшитъ, прибывъ изъ Царицына въ улусы, объявлялъ имъ, что въ бытность его въ Царицынѣ у русскаго человѣка, коего имя и прозваніе не знаетъ, въ домѣ, вдругъ пришли въ избу четыре человѣка при шпагахъ, весьма съ суровымъ образомъ, коихъ хозяинъ съ женою испужавшись, не знали, что дѣлать, а потому и онъ, Лекиштъ, отъ страху уѣхалъ въ улусы. А въ дополненіе того калмыченинъ, Хапчинъ показалъ на калмыченина Чазбой Ларинова сына Жалчина, якобы онъ сказывалъ ему Хапчину, что онъ будучи въ Цароцынѣ, слышалъ отъ русскихъ людей, что ожидаютъ скоро Пугачева. А по присылкѣ Жалчинъ на вопросъ клятвою утвердилъ, что онъ вовсе того и ни отъ кого не слыхалъ и разглашенія въ улусахъ не чинилъ, а показано на него напрасно. По какому ихъ вѣтренному состоянію и примѣчуетца одно пустое произношеніе, чему и вѣрить, по неистовству ихъ, не можно, а изъ показанія калмыченина Лекшита примѣчаетца не иное что, какъ въ приходѣ его къ невѣдомому человѣку въ домъ, увидя нечаянно пришедшихъ изъ полевыхъ или гранодиръ при шпагахъ, которые имѣютъ въ страшномъ образѣ усы и свирѣпый видъ и не только со азіатцами, но и съ россіянами, какъ недавно вышедшіе изъ походу, по необыкновенію и безъ свирѣпости обойтитца не могутъ, въ такомъ случаѣ тотъ калмыченинъ Лекшитъ, усмотря полевыхъ солдатъ еще въ первые и по вѣтренству своему не истолкуя и не спрося никого, безпутно уѣхалъ въ улусы, и донынѣ находитца при самимъ своемъ зайсанѣ въ Астрахани“ *).

---

*) Другой варіантъ канцелярской стилистики того времени состоитъ въ слѣдующемъ: „И хотя бъ онаго Лекшита въ дополненіе и надлежало спросить, у ково онъ былъ въ домѣ русскова человѣка, но объ немъ показано, что онъ нынѣ находится въ Астрахани, а со стороны примѣчается не что иное какъ ихъ калмыцкая вѣтренность и конечно тогда вошли въ избу стоящіе тогда въ квартирахъ кабардинскаго полку солдаты да и совсѣмъ изъ онаго матерія ничего не значитъ. Но притомъ же отъ него, Везелева, присланной калмыченинъ Хапчинъ на калмыченина жъ Чазбой Ларинова сына Жалчина показалъ, якобъ Жалчинъ ему Хапчину сказывалъ, что въ бытность въ Царицынѣ отъ русскихъ людей слышалъ, что ожидаютъ вскорѣ Пугачева, но Жалчинъ совсѣмъ отъ онаго отперся, и какъ въ Царицынѣ не слыхалъ, такъ и ему, Хапчину, не сказывалъ, то изъ сего видно, что съ которой ни есть между ими стороны дѣло затаенное, но однако жъ все сіе предано въ разсмотрѣніе вашего превосходительства“.

Неудовлетворительность этого объясненія очевидна. Калмыки, напуганные неоднократными примѣрами тяжкой отвѣтственности за какое-нибудь одно слово, некстати и неосторожно произнесенное, видимо, уклонялись отъ признанія. Жалчинъ отказывается отъ своихъ словъ и клятвою „утверждается“, что обвиненіе въ разглашеніи слуховъ введено на него напрасно. Все это тотъ же русскій „поклепъ“, русское „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, особенно когда въ перспективѣ кнутъ, битье батогами или Нерчинскъ. Хапчинъ, тоже напуганный допросомъ и перспективою кнута, въ свою очередь путается и все сваливаетъ на свою „калмыцкую вѣтренность“, на свой испугъ, который нагнали на него „четыре человѣка при шпагахъ весьма съ суровомъ образомъ“ и который, впрочемъ, весьма понятенъ: при входѣ въ избу четырехъ солдатъ даже русскіе люди, хозяинъ съ женою, со страху бросаютъ свой домъ и убѣгаютъ отъ прешельцевъ, „которые имѣютъ въ страшномъ образѣ усы и свирѣпой видъ“ и которые „не только съ азіатцами, но и съ россійскими людьми, какъ недавно вышедшіе изъ похода, по обыкновенію и безъ свирѣпости обойтитца не могутъ“. Во всемъ этомъ въ такихъ живыхъ и неутѣшительныхъ образахъ встаетъ передъ нами наше прошлое, еще такъ недалеко отодвинутое отъ насъ временемъ, и въ то же время такъ мало говорящее въ пользу „златаго на сѣверѣ вѣка“.

Мѣстныя власти, какъ и калмыки, тоже въ недоумѣніи и въ испугѣ, хотя и силятся утѣшить себя и другихъ, что въ толкахъ народныхъ нѣтъ ничего серьезнаго, что все это не что иное, какъ пустое произношеніе „и калмыцкое неистовство“.

Между тѣмъ оказывается, что калмыкъ Хапчинъ, если и испугался солдатъ и ихъ свирѣпой наружности, то собственно потому, что, какъ показала хозяйка, у которой въ домѣ, въ Царицынѣ, это происшествіе случилось, воображеніе калмыка настроено уже было разсказами о чемъ-то ужасномъ. Эта хозяйка, малороссіянка, записанная съ мужемъ „въ семигривенный окладъ“ по городу Царицыну, Мавра Харченкова, содержавшая кабакъ, показала, что въ то время у нея въ кабакѣ были „верховые бурлаки“ и съ ними, какъ она выражалась на допросѣ, „поповичъ Петька, попадьинъ сынъ, Дмитріевской“, который часто заходилъ въ ея кабакъ съ бурлаками и, дѣйствительно, говорилъ свои „неистовыя рѣчи“. Какъ видно, во время разглагольствованія „поповича Петьки, попадьина сына, Дмитріевскаго“, когда этотъ поповичъ говорилъ свои „неистовыя рѣчи“, пришли въ кабакъ гренадеры, а потому всѣ бывшіе въ кабакѣ, принявъ этихъ солдатъ за лица, власть имѣющія, съ испугу разбѣжались. Изъ этого-то кабака калмыкъ Хапчинъ принесъ въ калмыцкую орду вѣсть о томъ, что скоро окажется „такой-же, какъ прежде былъ, злодей“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поповичъ Петька былъ не кто другой, какъ загадочный семинаристъ Казанскій, взбунтовавшій Добринку и изъ-подъ ареста пропавшій безъ вѣсти. Личность эта, такимъ образомъ, имѣла если не прямое, то косвенное отношеніе ко всѣмъ смутамъ, которыя въ то время волновали все нижнее Поволжье.

XII.

Значеніе подобныхъ Казанскому поповичей въ исторіи народныхъ движеній XVIII вѣка не уяснено еще никѣмъ изъ русскихъ историковъ; а оно было не малое. Поповичи являются весьма важными факторами бродившихъ въ народѣ противоправительственныхъ элементовъ и весьма дѣятельными агентами силы центробѣжной, которая составляла замѣтный противовѣсъ силѣ централизующей. Мало того: участіе этого элемента въ упорной и неподатливой борьбѣ силъ правительственныхъ съ силами имъ противоборствующими едва и подозрѣвалось русскими историками, по крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на это весьма знаменательное явленіе въ исторіи нашего медленнаго государственнаго уклада. Борьба этихъ двухъ силъ была дѣйствительно упорна, и обѣ стороны настолько неподатливы, что нерѣдко прибѣгали къ кровавому разрѣшенію своихъ правъ, на преобладаніе или, по крайней мѣрѣ, на законность историческаго существованія той или другой силы. Борьба эта велась на каждомъ шагу, изъ-за каждаго клочка земли, который одна сила, побѣжденная, вынуждаема была уступать другой силѣ—торжествующей и постоянно росшей, и постоянно становившейся болѣе притязательною. Большею частью, борьба велась тихо, негласно и состояла какъ бы только въ пассивномъ, но упорномъ сопротивленіи. Что преслѣдовала одна сила (бродячіе элементы, сходцы, бѣглые, понизовая вольница, не помнящіе родства, безпаспортные, раскольники), то укрывала другая, давая у себя пріютъ всему гонимому и угнетенному: отсюда вошедшее въ народные обычаи, такъ сказать, въ кодексъ народной добродѣтели—укрывательство бѣглыхъ, безпаспортныхъ, пристанодержательство и передержательство воровъ и разбойниковъ, смѣшиваемое съ понятіемъ о христіанскомъ страннопріимствѣ. Напротивъ, что покровительствовалось одною силою (единицы и выраженія правительственныхъ и государственныхъ функцій, представители силы правительственной или экономической)—помѣщики, чиновники, всѣ богатые люди не были любимы другою силою: отсюда — протестъ, выражавшійся то пассивнымъ неповиновеніемъ, то просто уклончивостью отъ исполненія обязанностей, то открытой борьбой — грабежемъ, воровствомъ, поджогомъ, убійствомъ. Однимъ словомъ, это была историческая борьба двухъ силъ діаметрально противоположныхъ: властвующей и подначальной, центростремительной и центробѣжной.

Къ послѣдней силѣ примыкали и поповичи, собственно семинаристы и церковники, по какимъ-либо обстоятельствамъ вытѣсненные или не ужившіеся съ средою, съ которою ихъ связало рожденіе и воспитаніе. Семинаристъ, по винѣ ли своей собственной дурно направленной или злой воли, или по винѣ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ и злого случая, лишенный средствъ къ существованію, — самъ становился уже одною изъ единицъ, изъ которыхъ слагалась сила, враждебная существовавшему и

преобладавшему порядку, и вступалъ въ борьбу съ этимъ порядкомъ. Болѣе подготовленный къ этой борьбѣ, чѣмъ простой крестьянинъ или бродяга, получившій нѣкоторое относительное образованіе и освоившійся болѣе, чѣмъ крестьянинъ съ условіями жизни въ другихъ сферахъ, семинаристъ или церковникъ становился болѣе опаснымъ, чѣмъ крестьянинъ, противникомъ существовавшаго порядка и нерѣдко принималъ на себя руководство въ борьбѣ съ этимъ порядкомъ.

Вотъ почему семинаристы являются не послѣдними коноводами народныхъ движеній XVIII вѣка, и на эту сторону нашей исторіи мы и намѣрены обратить вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что сторона эта до сихъ поръ оставалось положительно въ тѣни. Этотъ типъ народныхъ дѣятелей давно выработанъ исторіею русскаго народа. Въ циклѣ былинъ о богатыряхъ князя Владиміра, Алеша Поповичъ является уже съ своею типичностью, на что мы и указали выше. Алеша Поповичъ не принадлежитъ къ богатырямъ боярской крови, онъ и дѣйствуетъ не по-боярски: онъ уже при Владимірѣ является выраженіемъ силы противоборствующей существовавшему, всѣми принятому порядку. Уже въ былинахъ Алеша Поповичъ является „калѣкой перехожимъ", когда это было для него нужно, то-есть бродягой, непомнящимъ родства, нищимъ, чѣмъ-то въ родѣ поволжскаго бурлака или оборвыша понизовой вольницы, подобно тому, какими являются поповичи XVIII вѣка — Заметаевъ, Казанскій, Найда, когда они не хотѣли, чтобъ ихъ узнали разъѣздныя команды или комендантскія высылки. Напротивъ, когда предстояла необходимость дѣйствовать открыто, Алеша Поповичъ является настоящимъ богатыремъ, подобно тому, какъ Заметаевъ являлся предводителемъ опасной шайки и украшалъ себя всѣми знаками власти, или какъ Казанскій являлся въ видѣ богатаго барина, разъѣзжалъ въ берлинахъ, имѣлъ при себѣ гайдуковъ, одѣвался въ богатое платье, шитое золотомъ. Насколько другіе богатыри являются сторонниками существующаго порядка, защитниками семейныхъ правъ (Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ), настолько Алеша Поповичъ представляется противникомъ и того, и другого: Алеша Поповичъ рисуется радикаломъ по своему времени, не признающимъ того, что признавали другіе богатыри.

Съ этими качествами поповичи переходятъ чрезъ всю русскую исторію и съ этими качествами, только вылившимися въ формы условій другого вѣка, вступаютъ они въ исторію того времени, которому мы посвятили настоящую замѣтку нашу.

Обратимся прямо къ извѣстнымъ намъ атаманамъ понизовой вольницы и къ ихъ шайкамъ. Въ каждой такой шайкѣ мы находимъ или бѣглаго семинариста, или дьякона, или дьячка, попа или другого церковника. Всѣ эти поповичи являются часто людьми съ такою упругою энергіею и съ характеромъ такого закала, которые не всякому доброму молодцу или даже атаману были бы по плечу.

Укажемъ на главныхъ изъ нихъ и передъ нами обрисуется образъ той силы, которая въ XVIII вѣкѣ вела такую упорную и неустанную борьбу

съ силами общественными. Вездѣ, въ этой борьбѣ, мы видимъ фигуру семинариста, иногда рельефно выдающуюся на первый планъ, иногда поставленную въ тѣни; но въ томъ и въ другомъ случаѣ личность семинариста выявится стойкою, неутомимою и опасною.

XIII.

Въ шайкѣ атамана Иванова и есаула Юдина, производившей свои разбои по Волгѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, является весьма замѣтною личность дьякона Никитина.

Этотъ разбойникъ былъ прежде въ Сибири, въ Тобольскѣ, и состоялъ дьякономъ въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ. Бѣжавъ изъ Тобольска по никому неизвѣстнымъ причинамъ, онъ проходитъ тысячи верстъ по всему востоку Россіи и пробирается въ привольное Поволжье, которое и въ Сибири славилось подвигами добрыхъ молодцевъ понизовой вольницы. Въ семидесятыхъ годахъ мы видимъ Никитина въ шайкѣ атамана Иванова. Шайка эта перешла уже съ Волги на Донъ, и съ этой шайкой бродитъ по бѣлу свѣту дьяконъ Никитинъ. Атаманъ съ своимъ есауломъ и другими товарищами живутъ въ Качалинѣ, весьма свободно, на квартирѣ, и платятъ за постой по пяти копеекъ въ сутки. Тутъ живутъ главные разбойники—есаулъ Юдинъ, Лукинъ, Стряхнинъ, Лобановъ и дьяконъ Никитинъ. Затѣмъ они являются на Волгѣ и разбиваютъ суда, плывущія по этой рѣкѣ. Являются въ степи — и разбиваютъ обозы. Въ этой шайкѣ есть и свой секретарь — „бурлакъ Агапъ“, можетъ быть, тоже семинаристъ, потому что онъ, какъ грамотный и опытный въ этомъ дѣлѣ, готовитъ для шайки „воровскіе паспорты“. Въ одно лѣто разбито и ограблено ими восемь судовъ.

Сотникъ Горскій и капитанъ Куткинъ съ отрядомъ казаковъ и солдатъ захватили главныхъ разбойниковъ этой шайки. Взятъ былъ и дьяконъ Никитинъ. Всѣхъ ихъ привели на судъ въ Царицынъ *).

Замѣчательно, что когда судили дьякона Никитина съ прочею шайкою и когда судъ еще не кончился, въ Царицынѣ вспыхнулъ бунтъ во имя самозванца Богомолова, предшественника Пугачева. Въ этомъ бунтѣ также принимало дѣятельное участіе одно духовное лицо, но объ немъ мы скажемъ ниже.

Въ одно время съ атаманомъ Ивановымъ является на Волгѣ другой атаманъ, болѣе знаменитый и болѣе опасный,—это Кулага, котораго и оффиціальныя бумаги того времени величаютъ именемъ *славнаго разбойника*.

Одного изъ первыхъ товарищей и помощниковъ себѣ Кулага находитъ въ семинаристѣ Силантьевѣ. Силантьевъ — это типъ поповича, убившаго свои богатыя силы, — которыя могли бы быть употреблены на что-нибудь

*) См. наши монографіи: „Самозванцы и понизовая вольница“, изд. журнала „Сѣверъ“ 1901 г.

лучшее,— въ борьбѣ съ тѣмъ, противъ чего бились антигосударственные элементы, таившіеся преимущественно на окраинахъ Россіи, вдали отъ правительственныхъ центровъ.

Семинаристъ Силантьевъ—родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа. Онъ получилъ воспитаніе въ казанской семинаріи и, неизвѣстно по какимъ причинамъ, бѣжалъ оттуда, когда ему исполнилось девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый бурсакъ является въ Астрахань, можетъ быть, съ бурлаками по примѣру другихъ бродягъ и семинаристовъ той эпохи, и поступаетъ въ приказчики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занимаетъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшается идти въ разбойники, соединяется съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ и, успѣвъ пригласить въ свою партію только двухъ человѣкъ, прежде всего грабитъ лавку. Мѣшкова. Но первый подвигъ несчастливъ для Силантьева: грабители схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ тюрьму, въ которой уже сидѣлъ „славный“ Кулага, впрочемъ, въ то время еще мало извѣстный. Это была тюрьма Троицкаго монастыря. Надо полагать, что здѣсь Силантьевъ познакомился съ Кулагою, потому что семинаристъ, спасшись изъ тюрьмы, прежде всѣхъ соединяется съ шайкою Кулаги. Силантьевъ и Кулага сидѣли въ острогѣ одинъ около трехъ лѣтъ, другой—около четырехъ, до августа 1774 года. Въ это страшное для Россіи время, когда Пугачевъ, опустошивъ востокъ и Поволжье, взялъ уже Казань, Пензу, Саратовъ и подвигался къ югу, и когда всѣ остроги, набитые арестантами, ждали своего освободителя въ мнимомъ Петрѣ III, Кулага и Силантьевъ, вмѣстѣ съ прочими двадцатью пятью колодниками, ушли изъ Троицкой тюрьмы. Бѣглецы пробрались на взморье. Всю зиму Кулага скрывается въ урочищѣ Бертюлѣ, а Силантьевъ ниже этого урочища въ высокихъ камышахъ.

Весной 1775 года Силантьевъ и Кулага имѣли уже прочно организованную шайку. Атаманъ ея или *батюшка*—Кулага. Товарищи его—Тарабаринъ, юный Шумниковъ, который съ шестнадцати лѣтъ бродилъ по Россіи, другой такой же юный разбойникъ Васильевъ и семинаристъ Силантьевъ. Это — коноводы шайки. Шайка грабитъ Башмаковку и на „досчаникѣ“ (большая лодка) рыщетъ по Каспійскому взморью, грабитъ рыболовныя ватаги, запасается оружіемъ, порохомъ, паспортами, пересаживается въ другія, добытыя оружіемъ лодки. На Болдѣ, у взморья, шайка сталкивается съ разъѣздною командою, начинается перестрѣлка, и „по той пальбѣ было сраженіе“. Побѣда остается на сторонѣ разбойниковъ.

Послѣ этой битвы и Кулага, и Силантьевъ пропадаютъ надолго. Они рыщутъ по морю. Оставивъ море, они снова входятъ въ Волгу и пробираются мимо Астрахани. Они плывутъ на своихъ лодкахъ вверхъ, въ „Русь“. Уже осенью ихъ ловятъ выше Царицына и отправляютъ на судъ въ Астрахань.

Что было дальше съ отважнымъ семинаристомъ—неизвѣстно. Поимка его и Кулаги составляла потомъ гордость и славу волжскаго войска.

Одновременно съ семинаристомъ Силантьевымъ дѣйствуетъ еще болѣе

страшный семинаристъ, атаманъ Заметаевъ. Это была слишкомъ крупная личность, чтобы, — въ видахъ наибольшаго разъясненія степени участія, которое принимали семинаристы въ народныхъ движеніяхъ XVIII вѣка,—не напомнить читателямъ тѣ наиболѣе выдающіеся факты изъ безпокойной жизни этого семинариста, которыми имя его сдѣлалось достояніемъ исторіи.

Въ 1773 году, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, у тамошняго дьячка, неизвѣстно за какія вины, былъ забритъ въ рекруты сынъ, по имени Игнатъ. Съ Кизлярскимъ полкомъ онъ былъ командированъ въ Грузію, и съ тѣхъ поръ ничего не было слышно объ этомъ семинаристѣ-рекрутѣ.

Въ это время надъ Россіей прошла буря пугачевщины и, какъ казалось правительству, улеглась съ казнью Пугачева. Вездѣ, казалось, господствовала тишина послѣ этой страшной бури, только Поволжье волновалось вспышками народныхъ смутъ, которыя раздувались такими личностями, какъ Кулага или семинаристъ Силантьевъ. Но вотъ весною, слѣдовавшею за казнью Пугачева, юго-восточныя окраины Россіи, въ которыхъ еще ни народъ, ни власти не успѣли отдохнуть и успокоиться послѣ погрома пугачевщины, были взволнованы новою вѣстью, что въ скоромъ времени должна явиться какая-то новая страшная личность, которая опять подниметъ на ноги все, что едва успѣло улечься, и опять юго-восточный край будетъ видѣть пожары своихъ городовъ, опять польется кровь, какъ лилась она во время пугачевщины. Говорили, что придетъ какой-то Заметаевъ. Въ воображеніи народа, напуганнаго только что пережитыми имъ смутами, уже рисовалась эта страшная личность въ видѣ *метлы*, которая все *помететъ* и уничтожитъ, отъ которой ничто не спасется *). Загадачная метла является уже въ фантастическихъ образахъ и уже до появленія своего становится чѣмъ-то легендарнымъ, почти миѳическимъ. Метла представляется даже въ видѣ женщины, передъ которой трепещутъ коменданты и воеводы. Нижнее Поволжье передаетъ эту вѣсть о Заметаевѣ сѣверу, и толки о немъ переходятъ въ самыя отдаленныя провинціи.

Саратовъ, Симбирскъ, Астрахань, Енотаевскъ, Черный Яръ, Черкасскъ, Царицынъ, Москва и Петербургъ пересылаютъ и получаютъ ордеры, промеморіи, рапорты, указы, и во всѣхъ этихъ ордерахъ и промеморіяхъ, озаглавленныхъ таинственнымъ „по секрету“, упоминается одно и то же загадочное имя Заметаева. Правительство озабочено этимъ именемъ. Слухи о неистовствѣ шаекъ понизовой вольницы растутъ и раздуваются въ подробности, которымъ вѣрить страшно. Народъ и со страхомъ, и съ новой вспыхнувшей въ немъ надеждой ждетъ чего-то,—ждетъ, конечно, воли, до-

*) Объ этой *Метлѣ* (Заметаевѣ) до сихъ поръ по Поволжью ходятъ баснословные разсказы,—о томъ, напримѣръ, какъ онъ, переряженный женщиною, является къ саратовскому коменданту и воеводѣ, грозитъ имъ *смести* ихъ съ лица земли; какъ комендантъ велитъ схватить эту женщину, но женщина оказывается сильнѣе солдатъ, оберегавшихъ коменданта, и т. п.

вольства, хлѣба, соли, безоброчнаго и безбарщиннаго существованія, и всѣ надежды вяжутся съ именемъ Заметаева, котораго никто не видалъ, но слухомъ о которомъ полны всѣ кабаки и базары, и большіе города, и бѣдныя деревеньки.

Графъ Петръ Панинъ, уже около года командовавшій императорскими войсками, посланными для возстановленія тишины въ провинціяхъ, потрясенныхъ пугачевскимъ бунтомъ, и Суворовъ, державшій въ рукахъ ближайшій рычагъ управленія войсками, растянутыми вдоль всего Поволжья, тревожно должны были слѣдить за народной молвой о какомъ-то невѣдомомъ, но для всѣхъ страшномъ призракѣ Заметаева или Заметайлы, о которомъ никто даже не догадывался, что этой простой семинаристъ,—„съ великимъ оскорбленіемъ“ догадывались, что почти годичная гонка ихъ за призраками, волновавшими народъ, что вѣшанье по всѣмъ городамъ коноводовъ этого волненія и несчастныхъ жертвъ недоразумѣнія, что, наконецъ, все ихъ зданіе умиротворенія края, въ цементъ котораго замѣшано было такъ много человѣческой крови, — что все это можетъ вновь рухнуть на тотъ же самый народъ подъ обаяніемъ имени какого-то семинариста.

И вотъ, въ іюнѣ 1775 года, въ тѣ самые дни, когда черезъ Царицынъ проѣзжалъ въ богатомъ берлинѣ съ гайдуками и въ богатомъ камзолѣ съ золотомъ другой загадочный семинаристъ „Петька“ Казанскій, въ Москвѣ печаталось и разсылалось по всей восточной и юго-восточной Россіи объявленіе о „чудовищѣ“ Заметаевѣ, тоже семинаристѣ, только съ болѣе грозною популярностью.

Вотъ это объявленіе, до сихъ поръ нигдѣ цѣликомъ не напечатанное и приводимое нами сполна, какъ драгоцѣнный историческій документъ для будущихъ историковъ русскаго народа.

„Войскъ ея Императорскаго Величества отъ полнаго генерала и кавалера графа Панина. По всемилостивѣйшему отъ Ея Императорскаго Величества мнѣ препорученію къ пресѣченію минувшаго народнаго возмущенія, сдѣланнаго злодѣемъ и самозванцемъ Пугачевымъ, воспріявшимъ уже на московской площади за свои беззаконія смертную казнь, и по высочайшему продолженію довѣренности Ея Величества къ моему наблюденію надъ доставленною побѣдоносными ея оружіемъ государственною отъ того смятенія тишиною, по истинной моей всеподданнической къ Ея Императорскому Величеству и къ государству вѣрности и усердію, примѣчалъ я съ великою сердечною радостію, что народъ, бывшій отъ онаго злодѣя въ возмущеніи, восчувствуя изъявленное отъ самодержицы своей милосердіе, пощадою по наказаніи самаго того злодѣя всѣхъ оставшихъ и самыхъ винныхъ преступниковъ противу Ея Императорскаго Величества и противу своего отечества, изъявлялъ признаніе свое спокойнымъ во всемъ повиновеніемъ подданнической должности къ своей монархинѣ и учрежденнымъ отъ нея начальствамъ, но нынѣ съ великимъ оскорбленіемъ услышалъ я, что между народомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разглашаются и разсѣваются плевелы таковыя, яко бы какой-то разбойникъ Заметаевъ проявится и будетъ про-

изводить новое народное разоренiе. Я должностiю моею нахожу, по всеподданнической вѣрности къ Ея Императорскому Величеству и усердiю къ сынамъ единаго со мною отечества, чрезъ сiе объявить и увѣщевать, чтобъ тому разглашенiю и подобнымъ оному отнюдь никому не вѣрить и не попускать народу вводить себя въ новое какое-нибудь заблужденiе, къ новой себѣ погибели и къ крайнему разоренiю, не вѣря никакому объ ономъ разглашенiю, и запрещаю имя Заметаева и всякаго другого подобнаго тому чудовища, къ народному устрашенiю, произносить и употреблять, или упоминать. Если же кто дерзнетъ именемъ злодѣя Заметаева или какимъ другимъ возвѣщать новое въ народѣ возмущенiе, съ тѣмъ, конечно, приказано будетъ поступить въ наказанiяхъ и казни, съ равною законовъ государственныхъ строгостiю, какъ было отъ меня поступлено съ возмутительми и сообщниками минувшаго народнаго возмущенiя. Сочинено въ Москвѣ iюня . . дня, 1775 года. Графъ Петръ Панинъ".

Такъ страшно было имя этого семинариста, противъ котораго направлены были всѣ расположенныя въ Поволжьѣ войска. Изъ Симбирска Суворовъ, не стыдившiйся помѣряться силами съ дьячковскимъ сыномъ, выслалъ секундъ-майора Соловьева съ отрядомъ, который долженъ былъ пройти до самой Астрахани нагорнымъ берегомъ Волги и наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось на этой рѣкѣ. Астраханскiй оберъ-комендантъ генералъ Левинъ отряжалъ противъ семинариста свои отряды. Царицынскiй комендантъ Цыплетевъ высылалъ противъ него свои команды. Черноярскiй комендантъ Айдаровъ дѣлалъ подобныя же высылки отрядовъ. Бригадира Пиля съ частью поволжской армiи Суворовъ отрядилъ къ Саратову для прикрытiя отъ семинариста этой стороны Поволжья. Вся Волга отъ Симбирска до моря была заперта войсками. Казацкiе отряды рыскали по степямъ, ища семинариста. Всѣ линейныя крѣпости и форпосты сторожили его. Отряды калмыцкаго нерегулярнаго войска оберегали кумскую степь и границы ея съ Поволжьемъ. Донское войско также ждало страшнаго семинариста.

А семинаристъ былъ въ это время въ морѣ. Онъ наѣзжалъ на взморье, разбивалъ отряды правительственнаго войска и опять удалялся въ море.

Это была въ высшей степени энергическая личность. Обаянiе его было такъ велико, что къ нему въ шайку шли купеческiя дѣти, однодворцы и вообще не простая голытьба. Онъ писалъ прекрасно, бойкимъ, смѣлымъ и твердымъ почеркомъ, несмотря на то, что мы видимъ этотъ почеркъ подъ допросами, въ которыхъ онъ самъ себѣ прописывалъ смертный приговоръ. Онъ подписывался двойною фамилiею—„Запрометовъ и Заметаевъ". Въ шайкѣ его были все большею частью молодые люди. Суворовъ былъ въ высшей степени заинтересованъ загадочною личностью этого семинариста и хотѣлъ знать мельчайшiя подробности его подвиговъ, его наружность, оружiе, которымъ онъ дѣйствовалъ, и, въ особенности, интересовался развѣдать объ „его дальновидномъ политическомъ злонамѣренiи". Объ умѣ и

храбрости этого семинариста говоритъ и историкъ Суворова, Антингъ *).

Читатели, навѣрно, помнятъ изъ нашей монографіи о Заметаевѣ, какая ужасная казнь постигла этого опаснаго семинариста **).

XIV.

Но значеніе семинаристовъ въ исторіи народныхъ движеній XVIII вѣка будетъ не вполнѣ уяснено, если мы не укажемъ и на другихъ извѣстныхъ намъ поповичей и церковниковъ, которыхъ тайная и явная агитація поднимала народъ противъ общественнаго спокойствія.

Уже въ самый годъ восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, одинъ семинаристъ успѣлъ возмутить всю Казанскую губернію, оглашая эмансипацію крестьянъ. Эта сочиненная и провозглашенная семинаристомъ эмансипація едва не послѣдовала на самомъ дѣлѣ ровно за сто лѣтъ до великой эмансипаціи 19-го февраля, послѣдовавшей въ XIX уже вѣкѣ.

Народная смута, подготовленная и возбужденная семинаристомъ за одиннадцать лѣтъ до Пугачева, имѣла такой ходъ.

Осенью 1762 года, въ Казанской губерніи, по заводскимъ деревнямъ и другимъ селеніямъ появился всемилостивѣйшій манифестъ, послѣдовавшій 7-го іюля того года, то-есть въ тотъ именно день, когда послѣдовалъ манифестъ о кончинѣ императора Петра III „отъ прежестокой колики въ геморроидическомъ припадкѣ“. Этотъ новый манифестъ возвѣщалъ также всей Россіи, что, по кончинѣ государя Петра Ѳедоровича, на императорскій престолъ вступила супруга его Екатерина Алексѣевна. Затѣмъ, какъ выражается высочайшій указъ 14-го ноября 1762 года, въ манифестъ этотъ „внесены самыя пасквильныя рѣчи“. Пасквильность этихъ рѣчей заключалась въ слѣдующемъ: „которые-де въ прежнихъ годахъ отданы были во владѣніе собственные ея императорскаго величества крестьяне архіереямъ и по разнымъ монастырямъ и которые подписаны подъ заводы къ разнымъ компанейщикамъ для заводскихъ работъ, таковымъ отнюдъ на оныхъ заводѣхъ не работать и отъ тѣхъ заводовъ, какъ Осокина, такъ Демидова и Петра Шувалова, и быть попрежнему ясашнымъ“, и „сверхъ-де онаго другія вымышленныя непристойности“.

Этотъ пасквильный манифестъ, какъ называетъ его сенатъ въ высочайшемъ указѣ, быстро разошелся по губерніи и произвелъ необычайное волненіе въ народѣ. Въ Казань пришли вѣсти, что крестьяне, добывъ копіи

---

*) „Il était homme d'esprit et de courage“ (Les Campagnes, par Anthing, I v.).

**) „Самозванцы и понизовая вольница“, изд. журнала „Сѣверъ“ 1091 г. „Атаманъ Заметаевъ“.

съ этого манифеста, „ѣздя поприписнымъ къ заводамъ жительствамъ и разглашая, возмущаютъ какъ состоящихъ, такъ и не состоящихъ въ противности приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, чтобы заводскихъ работъ не исправлять, и въ томъ утверждая подписками, желающихъ быть въ работѣ бьютъ смертными побои и разоряютъ, и изъ жительства вонъ выгоняютъ".

Вѣсти эти принесъ въ Казань, крестьянинъ Казанскаго уѣзда, Арской округи, деревни Нижней-Тоймы, приписной къ заводамъ дѣйствительнаго камергера графа Андрея Шувалова, Степанъ Азебаевъ. Онъ предъявилъ и списанную съ пасквильнаго манифеста копію. Азебаевъ объявилъ, что копію эту онъ взялъ въ Казани, „у тамошней рѣшетки", у приписного къ тѣмъ же заводамъ крестьянина деревни Кугубору Данилы Широкова, а Широковъ взялъ ее у пахотнаго солдата пригорода Калмыжа Ивана Ватажникова.

Такъ какъ, по мнѣнію казанскихъ властей, сіе дѣло заключало немалую важность, то, „дабы такое умышленное разглашеніе черезъ самую строгость истреблено быть могло" тотчасъ же велѣно было отыскать Ватажникова и привести въ Казань. Ватажниковъ былъ сысканъ и присланъ въ Казань.

Между тѣмъ, пока производились розыски Ватажникова и сочинителя фальшиваго манифеста, казанскія власти немедленно отправили нарочныхъ во всѣ села, приписанныя къ заводамъ графа Шувалова, съ тѣмъ, чтобы черезъ этихъ нарочныхъ „тѣхъ приписныхъ жительствъ крестьянамъ о вышеписанной сочиненной фальшивой съ манифеста копіи публиковать, дабы оной отнюдь никто не вѣрили и заводскія работы исправляли безостановочно и противности и ослушаній никакихъ не чинили, и въ томъ сотниковъ и крестьянъ обязать подписками, а вышеписанныхъ разглашателей и возмутителей, по той фальшивой копіи крестьянъ сыскавъ, за карауломъ привесть въ губернскую канцелярію".

Но дѣло приняло уже такой серьезный оборотъ, и населеніе до того было взволновано, что одними нарочными бунтъ не могъ быть потушенъ. Требовались войска для усмиренія непокорнаго народа. Возбужденное искомою волею, населеніе явно высказывало, что оно и войскъ не боится.

Нарочные возвратились и объявили, что они „въ показанныя жительства ѣздили, точію до тѣхъ жительствъ приписные къ объявленнымъ заводамъ крестьяне, для публикованія о показанной фальшиво учиненной съ манифеста копіи и для взятья объ ономъ, такожъ и о бытіи въ послушаніи заводскихъ работъ подписокъ, въ жительства не допустили и показанныхъ разгласителей и возмутителей крестьянъ сыскивать не дали, и собравшись каждаго жительства съ дубьемъ и со всякимъ дреколіемъ держали ихъ запертыхъ въ избѣ подъ карауломъ, и угрaживая разными словами, выслали изъ жительствъ вонъ, и при той высылкѣ объявляли, что хотя бы-де губернская канцелярія и больше ихъ команды прислать могла, то-де они такой губернской канцеляріи слушать ни въ чемъ не будутъ и

данную означеннымъ нарочно посланнымъ инструкцію называли фальшивою, и тѣмъ учинились противны".

Растерявшаяся губернская канцелярія спрашивала у сената, „что съ таковыми противниками чинить и какія и ко отвращенію оныхъ вкоренившихся противностей способы употребить".

Сенатъ, публиковавъ во всеобщее извѣстіе высочайшій указъ о фальшивомъ манифестѣ, далъ знать въ Казань: „А чтожъ слѣдуетъ до разглашенія приписными къ заводамъ объявленнаго графа Шувалова крестьянами и выпущенія списываніемъ тѣхъ копій, ѣздя по приписнымъ къ заводамъ жительствамъ и о чиненіи смертныхъ побой и разореній, то дабы они отъ сего воздержались, вышеписаннымъ фальшивымъ копіямъ не вѣрили, и никакихъ бы противностей своимъ командамъ, такожъ своевольствъ и озарничествъ отнюдь не чинили, и поступили бы какъ вѣрно-подданническая должность требуетъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ неупустительнаго по законамъ истязанія, и о томъ не токмо въ тѣхъ ихъ жительствахъ, но и *во всемъ государствѣ* публиковать печатными указами; о чемъ симъ и публикуется" *).

Но не скоро послѣ этой вспышки могло быть усмирено и успокоено населеніе. Оно первое откликнулось и на призывъ Пугачева, объявившаго, что онъ даетъ народу волю.

Оказалось, что фальшивый манифестъ, надѣлавшій столько шуму и причинившій не мало тревоги правительству, а затѣмъ подготовившій населеніе къ окончательному разрыву съ властями, сочиненъ былъ семинаристомъ, именно, дьячкомъ села Красной Горки Свіяжскаго Богородскаго монастыря, Иваномъ Козминымъ. Козминъ сочинилъ этотъ манифестъ, когда за какую-то провинность содержался подъ карауломъ въ казанской духовной консисторіи.

Такъ подготовлялась одна изъ самыхъ кровавыхъ народныхъ смутъ XVIII вѣка, и семинаристы далеко не были чужды этой постепенной, систематической подготовкѣ.

Сейчасъ мы увидимъ, что тѣ же семинаристы и вообще поповичи настойчиво и неуклонно преслѣдовали своеи цѣли, какъ до пугачевщины, такъ и тогда, когда уже вся Россія, послѣ кровавыхъ смутъ, казалась на время успокоенною.

Въ 1772 году въ Царицынѣ и въ войскѣ донскомъ вспыхнулъ бунтъ въ пользу самозванца Богомолова. Самое дѣятельное участіе къ поднятію на бунтъ народа и мѣстныхъ войскъ принимаетъ лицо духовнаго званія, попъ, а впослѣдствіи „распопъ", Никифоръ Григорьевъ. Во время содержанія самозванца подъ арестомъ, отецъ Никифоръ, бывшій священникомъ царицынской соборной церкви, чаще всѣхъ навѣщаетъ таинственнаго аре-

---

*) Указы императрицы Екатерины Алексѣевны съ 28-го іюня 1762 по 1763 годъ. Въ Москвѣ при сенатѣ 1763, стр. 152—155.

станта и въ праздникъ приносить ему просфору. Отецъ Никифоръ предупреждаетъ часовыхъ, стоявшихъ на караулѣ у каземата, гдѣ былъ заключенъ самозванецъ, что ночью за городомъ будутъ бить тревогу и потому часовые „поберегли бы государя: хотятъ его отбить дубовскіе казаки“,—говорилъ онъ:—„а вашъ бы караулъ былъ крѣпокъ... а я стараться буду сколько возможно“. Отецъ Никифоръ ходитъ ночью по городу, по солдатскимъ квартирамъ, и тайно предувѣдомляетъ солдатъ, что ночью у городскихъ воротъ будетъ тревога.

Предсказанія попа сбываются, и бунтъ вспыхиваетъ. Предвидѣть бунта никто не могъ, кромѣ самого попа, котораго поспѣшили арестовать, какъ возмутителя.

Когда арестованнаго попа ведутъ въ полицейскую избу съ караульными, чтобы заковать въ желѣза, онъ вырывается изъ рукъ караульныхъ и кричитъ къ народу: „Братцы! православный народъ! не выдайте!“ Народъ разсвирѣпѣлъ и, разобравъ базарные шалаши и загороди, съ дрекольемъ пошелъ на гауптвахту освобождать попа и самозванца. Послѣдствія царицынскаго волненія и бунта въ донскихъ станицахъ должны быть извѣстны читателямъ изъ нашей монографіи о самозванцѣ Богомоловѣ.

Попъ Никифоръ разстриженъ и переименованъ въ „распопа“. Мнимаго Петра III,—Богомолова, его государственнаго секретаря Долотина, распопа Никифора и множество другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ, постигла жестокая казнь.

Бунтъ въ станицахъ войска донского во имя самозванца Богомолова произведенъ тоже семинаристомъ, малороссіяниномъ Степаномъ Пѣвчимъ, котораго фамилія обличаетъ происхожденіе этого агитатора.

Пѣвчій бывалъ въ Царицынѣ во время содержанія Богомолова подъ арестомъ и тайно бывалъ на аудіенціи у мнимаго императора. Въ первое свое представленіе мнимому царю онъ поднесъ ему „витушку“ (витой хлѣбъ) и тридцать копеекъ денегъ—это подарокъ подданнаго русскому императору. Когда Пѣвчій раскланивался съ лже-императоромъ, этотъ послѣдній сказалъ: „поклонись всей Пятиизбянской станицѣ“. Пѣвчій явился въ станицу и сталъ волновать ее странными рѣчами о государѣ. Онъ кланялся отъ него станичному атаману и казакамъ. Атаманъ собралъ станичный сходъ и требовалъ отъ стариковъ совѣта.

— Что намъ государю послать денегъ?—спрашивалъ атаманъ на сходѣ.

— Дать рубль,—приговорили старики.

Пѣвчій отвезъ эти деньги самозванцу. Въ эту вторую аудіенцію у лже-императора Пѣвчій нашелъ тамъ одного линейнаго казака, который говорилъ самозванцу:

— Присланъ я отъ нашего линейнаго сотника Егора, станицы Букановской.

— Я сотника Егора Букановскаго знаю,—отвѣчалъ самозванецъ и приказалъ кланяться.

— Сотникъ приказалъ вамъ донесть,—продолжалъ казакъ:—что курьеръ

изъ Питербурха пріѣхалъ и стоитъ у него на хватерѣ. Сказывалъ, изъ Питербурха идутъ четыре полка, которые на дорогѣ объѣхалъ, для встрѣчи васъ, государя, и при нихъ же четыре генерала.

Самозванецъ показывалъ присутствующимъ свою грудь со знаками на тѣлѣ въ видѣ креста: „какъ на грудяхъ видишь, такъ на лбу и на плечахъ есть у меня“. Пѣвчій откланялся. Лже-императоръ приказалъ ему благодарить и кланяться станичному атаману, старикамъ и казакамъ всей станицы.

Послѣ этого свиданья съ самозванцемъ Пѣвчій началъ мутить свою станицу. Станичныя власти приняли сторону таинственнаго арестанта, старики тоже всѣ поколебались и повѣрили Пѣвчему.

Когда въ Пятиизбянскую станицу пріѣхалъ съ секретнымъ предписаніемъ фурьеръ Ромашевъ, онъ не смѣлъ арестовать Пѣвчаго—такъ было велико его значеніе въ станицѣ.

— Я и вся наша станица обстоимъ какъ у его высокопревосходительства, такъ и у царицынскаго коменданта и у войскового атамана не подъ командою,—говорилъ фурьеру станичный атаманъ, давая понять, что есть кто-то выше ихъ, которому они подкомандны.

А станичный писарь выразился: „Мы знаемъ, онаго названца (мнимаго Петра III) затѣмъ не выручаютъ и хотятъ уморить, что ея императорское величество желаетъ быть въ супружествѣ за графомъ Орловымъ“.

Какъ бы то ни было, Пѣвчій, какъ возмутитель, былъ взятъ, закованъ въ кандалы и посаженъ на цѣпь. Въ Царицынѣ его постигла казнь вмѣстѣ съ прочими бунтовщиками *).

XV.

Въ рукахъ семинаристовъ, поповъ, поповичей и всякихъ церковниковъ была, такимъ образомъ, громадная сила, о которой никто не подозрѣвалъ ни въ XVIII, ни въ XIX вѣкѣ, и силу эту они удержали въ своихъ рукахъ до настоящаго времени, хотя проявленія ея теперь уже не тѣ, что были въ XVIII столѣтіи. Но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же укажемъ еще на нѣсколько извѣстныхъ намъ поповичей XVIII вѣка.

Душою шайки одного изъ послѣднихъ атамановъ понизовой вольницы, Максима Дегтяренка, былъ тоже поповичъ. Онъ даже носилъ фамилію Поповича, какъ знаменитый богатырь временъ князя Владиміра. Мы говоримъ объ его соименникѣ, поволжскомъ разбойникѣ, часто руководившемъ шайкою Дегтяренка,—Алешкѣ Поповичѣ.

---

*) „Самозванцы и понизовая вольница“, изд. журнала „Сѣверъ“ 1901 г.

Когда Дегтяренко, въ качествѣ атамана, завербовалъ въ свою шайку (въ 1781 году) Алешку Поповича, этотъ послѣдній считался уже старымъ разбойникомъ, имѣвшимъ свои тайныя связи и тайныхъ агентовъ. Алешка Поповичъ, который показывался также и Бурыкинымъ, самъ говорилъ о себѣ, что онъ „съ Дону, чинитъ разбои, гдѣ тамо случится". Дѣйствительно, Алешка Поповичъ зналъ всѣ входы и выходы не только по Поволжью, но по Дону, по Медвѣдицѣ, по донскимъ и медвѣдицкимъ станицамъ и по медвѣдицко-бузулуцкимъ и медвѣдицко-бурлуцкимъ степямъ, которыя для шаекъ понизовой вольницы были почти то же, что „Чорный шляхъ" для гайдамаковъ украинскихъ.

Алешка Поповичъ является не только вожакомъ шайки, но и ея секретаремъ. Соображаясь съ лѣтами и наружностью товарищей, онъ пишетъ имъ паспорты. Пользуясь указаніями Алешки Поповича, шайка колеситъ по волжскимъ и донскимъ степямъ на огромныя разстоянія. Рекомендація Алешки Поповича даетъ разбойникамъ пріютъ не только у пристанодержателей, но и у помѣщиковъ, какъ, напримѣръ, у донского походнаго есаула Маневскаго, которому разбойники дарятъ „отъ своей артели денегъ пятнадцать рублевъ да двѣ лошади". О шайкѣ, въ которой дѣйствуетъ Алешка Поповичъ, молва доходитъ отъ Дона до Саратова, отъ Саратова до Царицына. Шайка эта дѣйствуетъ и за Волгой. Въ ней почти всѣ такія же отчаянныя головы, какъ Алешка Поповичъ. Во время битвы съ арестовавшими ихъ командами, разбойники, за неимѣніемъ пуль, стрѣляютъ не только жеребьями, но и пуговицами.

Наконецъ, Алешку Поповича вмѣстѣ съ атаманомъ Дегтяренкомъ и разбойникомъ Мирошниковымъ, намѣревавшимися пробраться на „гетманщину", казаки схватили на бузулуцкихъ хуторахъ.

Алешка Поповичъ до конца жизни выдержалъ свой характеръ и неподатливую волю. Въ то время, когда на судѣ даже атаманъ Дегтяренко подъ пытками сознался въ своихъ дѣяніяхъ, Алешка Поповичъ ни въ чемъ не сознался даже подъ пытками *).

Въ исторіи самаго послѣдняго извѣстнаго намъ самозванца Ханина, явившагося въ Поволжьѣ уже черезъ пять лѣтъ послѣ казни Пугачева, тоже является не послѣднимъ дѣятелемъ семинаристъ, только вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, священникомъ села Вязовки.

Этотъ семинаристъ вмѣстѣ съ отцомъ и крестьянами первые пріѣзжали въ Морецъ, къ Прохоровой, своею красотою плѣнившей послѣдняго лже-Петра III, и звали эту дѣвушку съ собой, говоря: „Поѣдемъ съ нами къ Петру Θедоровичу (мнимому государю): тебѣ жить будетъ не худо".

Они первые пропагандировали во имя этого самозванца. Они, похитивъ дочь у Прохорова, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее императрицей, утѣшали отца: „Не плачь, мы отвезли ее въ хорошее мѣсто, къ большому

*) Тамъ-же.

боярину Петру Θедоровичу“. Какъ видно, пропаганда, въ которой участвовалъ вязовскій семинаристъ съ отцомъ, принималъ было широкіе размѣры, если бъ обольщенная самозванцемъ дѣвушка, которую Ханинъ обѣщалъ сдѣлать императрицей, не разрушила заговора своимъ признаніемъ. Заговоръ этотъ связывалъ въ одно общее дѣло и Великую, и Малую Россію. Тутъ дѣлались планы на участіе въ общемъ мятежѣ и уральскаго войска (оно уже въ то время называлось уральскимъ, а не яицкимъ), и Запорожской Сѣчи. Уральское войско должно было идти въ Малороссію и побудить къ возстанію Сѣчь Запорожскую, которой въ то время русское правительство уже подрѣзывало крылья. Солдаты тоже обѣщали помощь общему дѣлу, кромѣ своихъ командировъ. Заговорщики мечтали соединенными силами идти прямо на Москву и взять ее. Затѣмъ идти на Петербургъ и тоже взять. Русская армія должна была идти за ними. Въ головѣ ихъ бродили планы чуть ли не шире и отважнѣе плановъ Пугачева. Они надѣялись, что возьмутъ „ея императорское величество подъ свою власть и, сковавъ, посадятъ въ заточеніе, а знатныхъ всѣхъ особъ истребятъ на смерть“.

Вездѣ одна и та же безумная мысль!

Но какую роль въ исполненіи этихъ дерзкихъ плановъ думалъ играть семинаристъ съ отцомъ? Вѣрили-ли они тому, во имя чего вели агитацію, и вѣрили ли даже въ сбыточность своихъ безумныхъ рѣчей?—Этого намъ не говорятъ нѣмые документы прошлаго, а сами виновники событій не открыли своимъ судьямъ и палачамъ своихъ тайныхъ чаяній и надеждъ *).

Вмѣстѣ съ семинаристами и вообще съ поповичами, факторами силы, враждебной существовавшему порядку, являются иногда и не юноши, а уже пожилое духовенство, попы, дьяконы, дьячки и монахи.

Атаману Гаврилѣ Букову и другимъ разбойникамъ, которыхъ напрасно ищетъ правительство черезъ своихъ агентовъ и разъѣздныя команды, даетъ пріютъ монахъ Левъ, въ лѣсу, на своемъ уединенномъ пчельникѣ, въ березовскихъ казацкихъ юртахъ на Медвѣдицѣ **).

Въ Дубовкѣ соборный священникъ Николаевъ находится въ близкихъ отношеніяхъ съ шайкою атамана Брагина и Зубакина. Онъ беретъ разбойниковъ къ себѣ на квартиру, кормитъ ихъ, позволяетъ имъ продавать у себя награбленную „пажить“, беретъ съ нихъ деньги, расписывается за нихъ, когда съ разбойниками входятъ въ сдѣлку власти дубовскаго войска, войсковой атаманъ Василій Персидскій и братъ его Θедоръ Персидскій, а также войсковой старшина Савельевъ и войсковой дьякъ Кріулинъ ***).

Секундъ-майоръ Циммерманъ, посланный княземъ Потемкинымъ съ отрядомъ драгунъ для истребленія шайки атамана Брагина, успѣлъ захватить 86 разбойниковъ, въ числѣ которыхъ было *три попа, три*

*) Тамъ-же.
**) Тамъ-же.
***) Тамъ-же.

церковника и *одинъ дьяконъ*. Такимъ образомъ въ шайкахъ понизовой вольницы духовенство составляло 9-й процентъ.

Мы не говоримъ о пугачевщинѣ, когда духовенство всѣхъ мятежныхъ провинцій пошло за Пугачевымъ, какъ за своимъ законнымъ государемъ. Самозванца вездѣ встрѣчалъ и провожалъ звонъ церковныхъ колоколовъ. Церкви открывали царскія врата, чтобы Пугачевъ могъ свободно проходить до престола, какъ помазанникъ. Рѣдкіе изъ духовенства противились мятежу или бѣжали при приближеніи войскъ Пугачева. Зато молодежь, дьячки и семинаристы охотно шли въ его войско, поступали въ ряды войницы самозванца.

XVI.

Всматриваясь въ проявленіе дѣятельности семинаристовъ, какъ факторовъ силы центробѣжной въ исторіи нашего государства, мы находимъ, что дѣятельность эта обнаружилась въ различныхъ сферахъ, хотя стремленія ихъ во всѣхъ этихъ сферахъ имѣли общую исходную точку—подрывъ существовавшихъ тогда принциповъ.

Императрица Екатерина II, черезъ пять дней по вступленіи своемъ на престолъ, огласила знаменитый манифестъ „о усмиреніи помѣщиковыхъ крестьянъ". Въ этомъ манифестѣ императрица предъявила всей Россіи главные принципы государственности, служеніе которымъ она вмѣняетъ въ непремѣнную обязаность своимъ подданнымъ.

„По восшествіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ, увѣдомились мы (говоритъ она въ этомъ манифестѣ), къ большому нашему неудовольствію, что нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне, будучи прельщены и ослѣплены разсѣянными отъ непотребныхъ людей ложными слухами, отложились отъ должнаго помѣщикамъ своимъ повиновенія, а потому и далѣе поступили на многія своевольства о продерзости".

Вслѣдъ затѣмъ императрица совершенно увѣренно прибавляетъ: „мы твердо увѣрены, что такіе ложные слухи скоро сами собой истребятся, и ослѣпленные оными крестьяне, увидя, что отъ легкомыслія впали въ тяжкое преступленіе, тотчасъ о томъ раскаятся и стараться будутъ безмолвнымъ отнынѣ повиновеніемъ своимъ помѣщикамъ заслужить себѣ прощеніе".

Тутъ императрица оглашаетъ главные принципы государственности, которые заключаются въ слѣдующемъ: „понеже благосостояніе государства согласно божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ требуетъ, чтобъ всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобъ никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности: то и намѣрены мы помѣщиковъ при

ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“ *).

Едва этотъ манифестъ съ его принципами государственности былъ оглашенъ по Россіи, какъ семинаристы, въ родѣ Козмина изъ Красной Горки, сочиняютъ контръ-манифестъ и пускаютъ его въ народъ. Въ этихъ прокламаціяхъ, носящихъ, по силѣ того времени, названіе манифеста, говорятъ крестьянамъ, чтобъ они не повиновались помѣщикамъ и отказались отъ всякихъ обязательныхъ работъ и барщины. Народъ читаетъ или слушаетъ эти ложные манифесты, и принципы государственности тамъ и сямъ колеблются, пока народъ не заставляютъ повѣрить въ неизбѣжность повиновенія этимъ принципамъ и въ нелѣпость ложныхъ манифестовъ.

Эта борьба и колебаніе принциповъ государственности продолжается около десяти лѣтъ, и семинаристы не чужды этой борьбѣ, какъ люди, раньше крестьянъ имѣвшіе возможность прійти къ убѣжденію, „что выступать изъ предѣловъ своего званія и должности“ не противно законамъ божескимъ и человѣческимъ.

Затѣмъ, когда ложные манифесты не помогли и борьба противъ государственныхъ принциповъ не дала побѣды противникамъ этихъ принциповъ, вмѣсто ложныхъ манифестовъ начали являться уже ложные императоры, какъ болѣе вѣрное средство для успѣха борьбы съ сказанными принципами и ихъ примѣненіемъ.

Семинаристы и тутъ являются не послѣдними факторами силы противоправительственной: семинаристы въ конницѣ и въ пѣхотѣ Пугачева, Пѣвчій и распопъ Никифоръ, пропагандисты во имя самозванца Богомолова, вязовскій семинаристъ съ отцомъ, сватающіе красивую крестьянскую дѣвушку Прохорову за лже-императора Ханина, семинаристъ Петька Казанскій, 'разъѣзжающій въ берлинахъ, таскающій кули' на барки, бурлакующій на Волгѣ и въ то же время подготовляющій народъ къ пришествію второго Пугачева—вотъ извѣстные намъ факторы этой силы изъ семинаристовъ.

Далѣе, семинаристы являются атаманами шаекъ понизовой вольницы и разбойниками: сынъ казанскаго протопопа Силантьевъ, „важнѣйшій разбойническій атаманъ“ Заметаевъ, соборный дьяконъ Никитинъ изъ Тобольска, Алешка Поповичъ съ Дону и т. п.

Наконецъ, когда ни составленіе ложныхъ манифестовъ и возмущеніе ими крестьянъ, ни агитація именемъ ложныхъ императоровъ и бунты самозванцевъ, ни руководство понизовою вольницею—ничто не помогло ниспроверженію принциповъ, противъ которыхъ воевали силы центробѣжныя,—семинаристы идутъ на послѣдній и крайній рискъ — на соединеніе силъ Великой Россіи съ силами центробѣжными Малой Россіи, Поволжья съ Поднѣпровьемъ, понизовой вольницы и казачествъ съ Запорожьемъ и гайдамачиною.

*) Указы Имп. Екат. Ал. 7—8.

Но и тутъ борьба оказалсь неровною. Запорожская Сѣчь уничтожена. Поднѣпровье и Поволжье постоянно заселялись и цивилизовались; какъ на Днѣпрѣ, такъ и на Волгѣ развивалась богатая торговля, города росли и богатѣли; населеніе обращалось къ труду, по городамъ открыты училища, а потомъ гимназіи, университеты (въ Казани и Кіевѣ), духовныя академіи (тоже въ Казани и Кіевѣ), семинаріи. Населенію Поволжья и Поднѣпровья, а съ тѣмъ вмѣстѣ и семинаристамъ открылись новыя поприща для дѣятельности и возможность „выступать изъ предѣловъ своего званія и должности“.

Съ тѣхъ поръ Поволжье и Поднѣпровье давало и даетъ лучшихъ дѣятелей мысли, какъ въ средѣ служебной, такъ ученой и литературной, и поволжскіе семинаристы, когда-то бывшіе атаманами понизовой вольницы, занимаютъ нынче не рѣдко самыя почетныя мѣста въ ряду лучшихъ дѣятелей. Имена многихъ изъ такихъ семинаристовъ извѣстны всей Россіи.

XVII.

Причины явленія, о которомъ мы говоримъ и которымъ XVIII столѣтіе рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ столѣтій, лежали въ самой основѣ неудачно сложившейся общественной жизни нашего отечества. Совокупность условій этой жизни была такова, что изъ нѣкоторыхъ сферъ русскаго общества и въ особенности изъ среды духовенста какъ бы силою выдавливались единицы, которыя, чувствуя это давленіе со всѣхъ сторонъ и сознавая безвыходность своего положенія, искали какого бы то ни было для себя исхода, и, не находя его, или погибали, если не имѣли въ себѣ достаточнаго запаса силъ для борьбы съ жизнью и съ повседневною нуждою, или примыкали къ силамъ, враждебнымъ существовавшему порядку вещей, и становились дѣятельными факторами ихъ, особенно если обладали достаточною энергіею. Между этими,— если можно такъ выразиться,—общественными выкидышами было не мало даровитыхъ личностей, и вотъ избытокъ этихъ силъ шелъ иногда на дѣло злое, не оправдываемое никакими разумными и благовидными цѣлями.

Въ XVIII вѣкѣ положеніе русскаго духовенства было незавидное. XVIII вѣкъ представляетъ то замѣчательное въ исторіи Россіи явленіе, что умноженіе числа церквей и приходовъ весьма замѣтно пріостановилось. Набожность и любовь къ церковному благолѣпію, а равно ревность къ умноженію числа церквей, которыми отличалось русское общество до-Петровской Руси, смѣнились другимъ настроеніемъ въ большинствѣ русскаго общества. Благолѣпіе церквей смѣнилось общественною роскошью, особенно въ высшихъ, бывшихъ боярскихъ сферахъ. Набожность уступила мѣсто нахлынувшему съ запада религіозному индифферентизму. Уже Петръ Первый переливалъ церковные колокола на пушки, а если послѣ Петра

и не дѣлалось этого, то съ тѣмъ вмѣстѣ и не особенно заботились о литьѣ новыхъ колоколовъ, когда мѣдь нужна была на пушки.

Но пріостановка въ построеніи новыхъ церквей и открытіи новыхъ церковныхъ приходовъ не остановила увеличенія путемъ естественнаго нарожденія людей духовнаго чина. Духовенство продолжало увеличиваться въ числѣ, и семинаристы, нарождавшіеся далеко не пропорціонально увеличенію числа церквей, приходовъ, а слѣдовательно, и мѣстъ, не рѣдко оставались не при чемъ и должны были внѣ сферы своего сословія искать себѣ дѣятельности, а часто и куска хлѣба.

Ко второй половинѣ XVIII вѣка оказалось уже слишкомъ много семинаристовъ и вообще церковниковъ „не у дѣлъ", безъ мѣстъ, не рѣдко безъ куска хлѣба. Другія сферы дѣятельности для этихъ людей были закрыты, и оставалось или рекрутство, или батрачество, или бурлачество на Волгѣ. Но всѣ эти три рода дѣятельности непривлекательны. Между тѣмъ казенная служба, бюрократическая дѣятельность, которая въ XIX столѣтіи поглащаетъ такъ много свободныхъ силъ и избытка изъ среды духовенства, въ то время была недоступна для семинариста.

Въ настоящее время поповичъ, дьяконовъ и дьячковъ сынъ, идетъ въ писцы, если не достоинъ занятъ лучшее мѣсто, пробирается нерѣдко пѣшкомъ въ университетъ, въ медицинскую академію, въ технологическій институтъ, въ земледѣльческую школу и потомъ пробиваетъ себѣ, иногда путемъ большихъ лишеній и мукъ, дорогу къ полезной дѣятельности, къ безбѣдному существованію, не рѣдко къ славѣ, къ власти, къ богатству. Нынѣшнимъ семинаристамъ сравнительно легче жить, потому что есть возможность выбиться; а въ XVIII вѣкѣ и выбиться нельзя было. Образованіе въ духовныхъ училищахъ было скудное и слишкомъ одностороннее, ни къ чему въ практической жизни непригодное, непримѣнимое. Свѣтскихъ училищъ, гдѣ бы могли учиться семинаристы, почти не существовало — не было ни гимназій въ провинціяхъ, ни университетовъ въ столицахъ.

И вотъ менѣе способныя личности изъ семинаристовъ XVIII вѣка, менѣе даровитые, пробивались кое-какъ всю жизнь, если не устраивались въ сферѣ, присущей имъ по рожденію, или шли въ батраки, въ бурлаки. Люди же съ большимъ запасомъ силъ, натуры безпокойныя, дѣятельныя, не могли мириться ни съ инертною и обидною жизнью бурлака, ни съ зависимымъ положеніемъ наемнаго рабочаго и шли на дѣло смѣлое, рискованное, которое приводило ихъ къ разрыву всякихъ общественныхъ связей, а потомъ къ преступленію, вело на висѣлицу, подъ кнутъ, въ Нерчинскъ. Такими были Заметаевъ, Силантьевъ, Алешка Поповичъ, Петька Казанскій.

Въ виду этихъ явленій, правительственныя власти XVIII столѣтія, полагая видѣть источникъ зла не тамъ, откуда зло въ дѣйствительности исходило, высылали противъ семинаристовъ и руководимыхъ ими шаекъ понизовой вольницы разъѣздныя команды, иногда цѣлыя войска. Но войска не уничтожали зла, которое коренилось глубоко въ самой почвѣ, а не на Волгѣ, не въ приволжскихъ степяхъ. Ловили и казнили однихъ возмутителей об-

щественнаго спокойствія и вмѣсто нихъ являлись другіе, болѣе безпокойные и болѣе опасные, потому что условія жизни не измѣнялись.

Съ этими условіями жизни Россія вступила и въ XIX столѣтіе. Вступили въ XIX столѣтіе и Заметаевы, только подъ другими именами и подъ другою наружностью.

Наконецъ, XIX столѣтіе начало ломать отжившіе порядки и давать больше простора для человѣческой дѣятельности. Семинаристы уже дали Россіи Сперанскаго. Избытокъ духовнаго сословія шелъ на государственную службу, въ гимназіи, въ университеты. Семинаристамъ отдаленнаго Поволжья было гдѣ учиться и пробовать свои силы, начиная отъ астраханской, саратовской и симбирской гимназій и кончая казанскимъ, московскимъ и петербургскимъ университетами и медицинскими академіями. Поволжье богатѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ росли и его умственныя силы. Въ настоящее время нѣкогда дикое разбойничье Поволжье окончательно преобразовалось и становится гордостью и славой Россіи не только производительностью силъ почвенныхъ, но и силъ умственныхъ. Если же въ послѣдніе годы на поволжскую молодежь, въ томъ числѣ и на семинаристовъ, легла тѣнь обвиненія въ томъ, что въ ихъ дѣйствіяхъ проявилась какъ бы историческая, унаслѣдованная отъ XVIII вѣка реакція рядовому ходу общественной жизни, то явленіе это опять-таки обусловливается суммою всѣхъ общественныхъ явленій послѣднихъ лѣтъ. Надо замѣтить, что послѣдніе университетскіе безпорядки исходили преимущественно отъ семинаристовъ, т.-е. отъ людей, наименѣе обезпеченныхъ въ жизни.

XVIII.

Народное движеніе 1776 года, возбужденное главнымъ образомъ разглашеніями Казанскаго, не было, повидимому, усмирено вполнѣ, хотя и не превратилось въ общій мятежъ, какъ того можно было опасаться при томъ настроеніи умовъ, въ которомъ находилось тогда населеніе всего нижняго Поволжья, особенно когда съ одной стороны поднимались калмыки, съ другой—русскія селенія начали выгонять разъѣздныя команды, киргизъ-кайсаки держали въ страхѣ все Заволжье, и, наконецъ, сильно волновалась молодая партія волжскаго войска.

Казанскому, какъ и Заметаеву, не удалось произвести „новое народное разореніе“, какъ выражалось правительство, хотя Казанскій и Заметаевъ, повидимому, имѣли въ виду не народное разореніе, а только поднятіе народныхъ массъ для достиженія задуманныхъ ими цѣлей. Но они все-таки сдѣлали свое дѣло: и тотъ, и другой хотя короткое время имѣли въ рукахъ власть, деньги, вели народъ, куда хотѣли, и не прошли безслѣдно.

Много народа замѣшано было въ смуту, возбужденную Казанскимъ. Въ Царицынѣ свозили бунтовщиковъ изъ разныхъ мѣстъ—волжскихъ ка-

заковъ изъ Дубовки, въ томъ числѣ безпокойнаго Мечникова, крестьянъ изъ села Добринки, калмыковъ—изъ ихъ улуса. Партія бунтовавшихъ бурлаковъ также была пригнана въ Царицынъ. Во главѣ этой партіи стоялъ бывшій гайдамакъ Толока.

Толоку, какъ агитатора и продерзливаго, засадили при гауптвахтѣ, гдѣ уже содержался разбойникъ Топоровъ. Прочихъ же колодниковъ—Мечникова, нѣсколькихъ калмыковъ и добринскихъ крестьянъ съ бурлаками заключили у Предтеченскихъ воротъ и на другой день на канатѣ отправили по городу для сбора милостыни, что было въ обычаяхъ того времени. Только Толоку и Топорова не рѣшались выпустить изъ заключенія и отпускали имъ на содержаніе по двѣ копейки ассигнаціями въ сутки.

Это было уже осенью. Арестантовъ не допрашивали въ Царицынѣ, потому что изъ Астрахани пришелъ ордеръ, чтобы всѣхъ колодниковъ отправить туда за крѣпкимъ и „значительнымъ" карауломъ. Въ Астрахани должны были идти окончательные допросы. О Казанскомъ тоже спрашивали изъ Астрахани: „Оной злу причинитель, именуемый Дмитріевской поповичъ, сысканъ ли?"

Но Казанскаго пока нигдѣ не находили.

Наконецъ, всѣхъ этихъ колодниковъ, замѣшанныхъ въ послѣднюю народную смуту, отправили въ Астрахань. Офицеру, командовавшему отрядомъ, который нарряженъ былъ для сопровожденія преступниковъ въ Астрахань, дано было особое наставленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

1. Всѣхъ арестантовъ принять съ гауптвахты и изъ тюрьмы, заклепавъ въ колодки, а Толоку и Топорова, заковавъ въ ручные и ножные кандалы съ колодками и посадя на подводы, слѣдовать до Астрахани „со осторожностью и всѣмъ быть надлежаще вооруженнымъ".

2. Находясь въ пути „для ночлегу избирать способныя мѣста, окружа колодниковъ конвоемъ, не допуская не только видѣть постороннимъ и разговаривать съ конвойными, но никто бъ не зналъ, кто такіе тѣ подъ стражею у васъ находятся, что и конвойнымъ накрѣпко подтвердить, дабы о ложномъ эхѣ не только не разглашали, но и на вопросы бъ постороннимъ ничего не отвѣчали".

3. „Ночнымъ временемъ всѣхъ колодниковъ класть въ одно мѣсто, ставить два притона воинскихъ, и тѣмъ соблюдать ихъ, а равно и весь свой лагерь; въ случаѣ жъ ненастнаго времени, становиться, по отводу, въ избахъ, выславъ хозяевъ, съ осторожностію, не допуская къ окнамъ никого постороннихъ.

4. Запирая оныхъ колодниковъ въ избы или землянки, въ ночное время безъ огня не оставлять, требуя жиру или лучины.

5. Если на пути отъ разбойниковъ, тамо шатающихся, послѣдуетъ нападеніе къ выручкѣ колодниковъ, таковыхъ оставя подъ конвоемъ, оныхъ нападателей ловить и въ смерть убивать безъ всякаго опасенія".

6. На пути, въ другихъ городахъ. какъ, напримѣръ, въ Черномъ Яру,

при смѣнѣ конвоя свѣжею командою, „наблюдать, какъ новый конвой сбираться будетъ, то бъ сбирались во отдаленіи, и по собраніи, однимъ вступить, а другимъ той же минуты, не вступая ни въ какіе разговоры, выступить, чрезъ что и конвойные не могутъ знать, какіе тѣ колодники, дабы тѣмъ меньше опасаться разглашенія о ложномъ эхѣ".

Мало того, за всякое упущеніе въ дорогѣ конвойному офицеру грозили жестокимъ наказаніемъ и даже смертною казнью. Офицеръ не долженъ былъ „ни на минуту" отлучаться отъ конвоя. „А если паче чаянія (говорилось въ наставленіи), что пренебрежено будетъ, и колодникамъ упускъ или вредъ послѣдуетъ, то за таковое нерадѣніе и жизнью отвѣтствовать будете".

Такъ напуганы были власти всѣми предшествовавшими народными смутами!

Впрочемъ, въ распоряженіи властей проявлялись заботы даже и объ арестантахъ, какъ о людяхъ. Подобно тому, какъ за годъ передъ этимъ велѣно было оберегать дорогой Заметаева, когда его, уже битаго семьюдесятью ударами кнута въ Царицынѣ и Саратовѣ, везли въ Астрахань, чтобъ тамъ опять наказывать кнутомъ, такъ точно велѣно было оберегать и этихъ арестантовъ.

„Оглавленныхъ колодниковъ везти съ поспѣшностью, хранить и призирать отъ стужи и случающейся осенней мокроты, чтобъ оттого въ болѣзни не впадали, отъ ненастья брать у конвойныхъ епанчи или также и шубами накрывать и одѣвать, а въ случаѣ смерти умершихъ не бросать, но зарывать въ землю" *).

Что сталось съ этими арестантами въ Астрахани, какая казнь постигла этихъ участниковъ народной смуты и что правительство узнало новаго изъ допросовъ,— этихъ свѣдѣній нѣтъ въ имѣющихся у насъ документахъ стараго царицынскаго архива.

Найденъ ли былъ главный виновникъ этой смуты, семинаристъ Казанскій, также неизвѣстно.

Въ заключеніе мы должны сказать, что историкъ нашего времени, въ силу честныхъ побужденій столько же своего сердца, сколько и разсудка, относясь съ глубокимъ сочувствіемъ къ судьбамъ русскаго народа, выразившимся въ его исторической жизни, не можетъ не прійти къ непоколебимому убѣжденію, что русскій народъ уже пережилъ тяжелую пору броженія стихійныхъ силъ,—броженія, сказавшагося въ массовыхъ движеніяхъ пугачевщины, гайдамачины и понизовой вольницы, и что всѣ эти стихійныя силы, сообразно удѣльному вѣсу каждой, уложившись въ своихъ есте-

---

*) Замѣтимъ кстати, что когда везли Заметаева, то принимались еще большія предосторожности. Въ наставленіи, данномъ сопровождавшему его конвойному офицеру, сказано было: „въ случаѣ смерти, умершихъ зарывать въ землю, *кромѣ Заметаева, ибо его и мертваго надлежитъ доставить къ командѣ*"

ственныхъ границахъ, вмѣсто безобразныхъ факторовъ силы центробѣжной, каковы Пугачевъ, семинаристы Заметаевы, Силантьевы, Алешки Поповичи, Петьки Казанскіе и проч., выдѣляютъ нынѣ изъ своей среды честныхъ и и полезныхъ общественныхъ дѣятелей и хотя изъ тѣхъ же семинаристовъ, но уже какъ факторовъ силы государственно-центростремительной, почетныя имена коихъ мы не перечисляемъ здѣсь потому, что они извѣстны всей Россіи и съ честью перейдутъ въ исторію нашего отечества.

Конецъ.

ДВИЖЕНІЕ ВЪ РАСКОЛѢ

въ 30—40-хъ годахъ XIX вѣка.

Мы намѣрены разсмотрѣть историческія движенія, послѣдовавшія въ расколѣ во второй четверти XIX столѣтія, преимущественно въ сороковыхъ годахъ, и выявившія особенную самостоятельность въ Поволжьѣ. Пособіемъ для этого мы имѣемъ довольно богатый запасъ не изданныхъ документовъ, относящихся къ данному предмету, извлеченныхъ нами преимущественно изъ архивныхъ дѣлъ судебныхъ мѣстъ, а равно изъ частныхъ бумагъ раскольниковъ, которые, имѣя вездѣ своихъ агентовъ, получали подробныя свѣдѣнія и копіи бумагъ по расколу нерѣдко прежде, чѣмъ подлинники тѣхъ бумагъ доходили до того, кому оффиціально адресовались.

I.

Начало безпокойныхъ движеній въ поволжскомъ расколѣ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда правительствомъ положено было уничтожить главную опору этого раскола, такъ называемые иргизскіе раскольничьи монастыри.

Монастыри эти, числомъ пять, находились на рѣкѣ Иргизѣ, за Волгой, въ нынѣшней Самарской губерніи. Они основаны были раскольниками, вышедшими изъ-за границы, послѣ извѣстнаго манифеста императрицы Екатерины II, отъ 14-го декабря 1762 г., коимъ дозволялось всѣмъ раскольникамъ, бѣжавшимъ изъ Россіи во время разныхъ гоненій и смутъ XVII и первой половины XVIII столѣтій, возвращаться въ отечество и селиться на особо отведенныхъ мѣстахъ.

Мы считаемъ излишнимъ упоминать, какое громадное нравственное значеніе иргизскіе монастыри оказывали на народъ въ смутныя эпохи, ознаменовавшія вторую половину XVIII вѣка; вліяніе это было не въ пользу существовавшихъ государственныхъ порядковъ. Такъ, иргизскіе скиты служили главнымъ рычагомъ, которымъ двигалась извѣстная смута бывшаго яицкаго войска,— смута, предшествовавшая пугачевщинѣ и потомъ слившаяся съ нею. Рычагомъ этимъ скиты служили и во внутреннихъ смутахъ донского войска, которое обнаруживало попытки отложиться отъ прави-

тельства въ пользу Пугачева. Рычагомъ служили иргизскіе скиты въ дѣлѣ измѣны бывшаго волжскаго войска въ пользу самозванца. На Иргизѣ же старецъ Филаретъ далъ первое благословеніе Пугачеву и его посконнымъ съ раскольничьимъ крестомъ знаменамъ, подъ которыя стала цѣлая половина населенія всего юго-востока Россіи и которыя „глупственное дерзновеніе предъявляли развѣваться надъ самымъ императорскимъ трономъ, яко то изрыгали скверныя уста самого злодѣя Емельки Пугачева“.

Въ одномъ изъ иргизскихъ монастырей послѣ того затѣяна была сложная, но неудавшаяся смута, въ которую втянуты были яицкіе и донскіе казаки и даже запорожцы, въ лицѣ гайдамаковъ, похвалявшіеся „россійскую державу вверхъ дномъ поставить“ и получившіе благословеніе отъ старца Питирима.

Наконецъ, на Иргизѣ надѣялся получить благословеніе неизвѣстный самозванецъ, который, опираясь на бывшій заговоръ декабристовъ, принялъ на себя имя великаго князя Константина Павловича и слѣдовалъ за этимъ благословеніемъ изъ Москвы, но послѣ двухъ поднятыхъ имъ въ Саратовской губерніи бунтовъ, въ Ошмятовкѣ и Романовкѣ, былъ схваченъ, не успѣвъ добраться до Иргиза.

Вслѣдъ за этой послѣдней, подавленной въ самомъ началѣ, народной смутой, которая связана была съ именемъ раскольничьихъ общинъ на Иргизѣ, и обращено было особенное вниманіе на этотъ нравственный, весьма опасный центръ раскола, уничтоженіе котораго заняло весьма значительный періодъ времени, отъ тридцатыхъ и почти до конца сороковыхъ годовъ XIX столѣтія.

Въ 1837 году уничтоженъ былъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ раскольничьихъ монастырей на Иргизѣ Средне-Никольскій. Свѣдѣнія объ этомъ важномъ событіи въ исторіи русскаго раскола сдѣлались извѣстными въ литературѣ только недавно *); но свѣдѣнія эти далеко не полны.

Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками драгоцѣнный историческій документъ объ этомъ событіи, ходившій въ рукописи между приверженцами раскола и носящій заглавіе: „Историческое описаніе обращенія Средне-Никольскаго, что на Иргизѣ, раскольничьяго монастыря въ единовѣрческій“. Описаніе это,—есть основаніе полагать, — составлено однимъ изъ самыхъ безпощадныхъ „сокрушителей древняго благочестія на Иргизахъ“ или „хоботомъ десяторожнаго звѣря“, какъ называли раскольники бывшаго саратовскаго епископа Іакова, который дѣйствительно нанесъ роковой ударъ расколу въ Поволжьѣ, или кѣмъ-либо изъ исполнителей его распоряженій. Описаніе это обстоятельно передаетъ подробности уничтоженія монастыря и вмѣстѣ съ тѣмъ разоблачаетъ тѣ ошибки и ту нераспорядительность бывшаго тогда саратовскаго губернатора Степанова (Александръ Петровичъ), которыя едва не подняли на ноги все крестьянское населеніе

*) „Послѣдніе годы иргизскихъ раскольничьихъ общинъ“, изд. журнала „Сѣверъ“ 1901 г.

Поволжья, возставшее, какъ и въ пугачевщину, на защиту раскольничьяго „креста и бороды“, а равно свободнаго пользованія богатыми поволжскими землями.

Главные факты изъ этого періода борьбы съ расколомъ, сгруппированные въ „Описаніи“, заключаются въ слѣдующемъ:

Въ 1836 году, 1-го апрѣля, прибылъ изъ Петербурга въ Саратовъ, на мѣсто состоявшаго въ должности саратовскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Лукича Переверзева, помянутый Степановъ. При отправленіи Степанова, министръ внутреннихъ дѣлъ, съ высочайшаго соизволенія, поручилъ ему, „по пріѣздѣ въ Саратовскую губернію дознать на мѣстѣ о возможности одинъ изъ оставшихся на Иргизѣ раскольничьихъ монастырей, именно Средне-Никольскій, преобразовать въ единовѣрческій и опредѣлить самое время таковаго преобразованія — можно ли исполнить сіе безъ отлагательства времени, или отложить оное до благопріятствующаго ему случая“.

Степановъ, пріѣхавъ въ Саратовъ, самъ отправился на Иргизъ. Ознакомившись съ монахами и съ состояніемъ монастыря, онъ отъ самихъ иноковъ, конечно, отъ нѣкоторыхъ, узналъ „расположенность ихъ къ безпрекословному повиновенію волѣ правительства“. Этого было достаточно, чтобъ донести министру, что означенный монастырь можетъ быть преобразованъ въ единовѣрческій, „безъ всякаго со стороны раскольниковъ противословія, а потому и безъ отлагательства времени“. Насколько Степановъ ошибался въ своемъ заключеніи, это мы увидимъ ниже: обращеніе монастыря затрогивало интересы не монаховъ только, но всего мѣстнаго населенія и могло окончиться очень дурно. Какъ бы то ни было, опрометчивый отзывъ Степанова былъ доложенъ государю Николаю Павловичу. Государь лично разсмотрѣлъ дѣло объ иргизскихъ монастыряхъ и, признавъ возможнымъ немедленно обратить къ единовѣрію Средне-Никольскій монастырь, повелѣлъ примѣнить въ отношеніи къ нему слѣдующія правила:

1) Оставить при монастырѣ всѣ земли и угодья, которыя къ нему были отмежеваны и считались издавна въ его владѣніи.

2) Если кто изъ живущихъ въ этомъ монастырѣ раскольниковъ пожелаетъ присоединиться къ единовѣрію, то всѣхъ таковыхъ оставить на прежнемъ мѣстѣ, а „прочихъ, упорствующихъ въ своемъ заблужденіи“ перевести „къ ихъ собратіямъ“ въ Верхній Спасопреображенскій монастырь, который еще оставался крѣпокъ расколу.

3) Новый единовѣрческій монастырь именовать Никольскимъ и „считать на собственномъ содержаніи отъ оставляемыхъ земель и угодій“; но къ этому добавлялось: „впрочемъ, дабы дать въ немъ богослуженію болѣе благолѣпный видъ, для привлеченія окрестныхъ жителей, уклонившихся отъ православія“, дозволить настоятелей этого монастыря производить въ санъ архимандрита.

4) Для первоначальнаго устройства поручить монастырь во временное

управленіе извѣстнаго опытностью архимандрита единовѣрческаго Высоковскаго монастыря Зосимы, которому вмѣнить въ обязанность, секретно и не объявляя никому о цѣли своего путешествія, прибыть съ двумя или тремя изъ братіи, нужными для священнослуженія, непремѣнно во второй половинѣ января 1837 года въ Саратовъ, гдѣ Зосима долженъ получить отъ епархіальнаго епископа наставленіе для дальнѣйшихъ дѣйствій.

5) Епархіальному архіерею и гражданскому губернатору, по общему совѣщанію, негласно и съ должною осторожностью распорядиться, чтобы архимандритъ Зосима, при помощи полиціи, могъ принять сказанный монастырь въ свое вѣдѣніе со всѣмъ церковнымъ имуществомъ, приведеннымъ въ извѣстность еще бывшимъ саратовскимъ губернаторомъ, княземъ Голицынымъ, а также всѣ земли и угодья, которыми монастырь до того времени пользовался.

Чтобы „открыть удобность“ раскольническимъ инокамъ приступить къ единовѣрію, „съ возможностью сохранить избранный ими образъ жизни“, число монашествующихъ въ монастырѣ опредѣлить до 25, уполномочивъ архимандрита принимать, согласно съ существующими правилами, преимущественно обращающихся изъ раскола.

7) Епархіальному архіерею предоставить „пріуготовить надежнаго архимандрита“, который могъ бы замѣнить временно туда опредѣленнаго (т.-е. Зосиму).

8) Женщинъ, самовольно поселившихся на земляхъ Средне-Никольскаго монастыря и „называющихъ жилища свои женскимъ монастыремъ“, перевести въ другой раскольничій женскій монастырь, называемый Покровскимъ, предоставивъ имъ право дома свои продать или свезти оттуда въ продолженіе 1837 года.

9) За остающимися раскольничь имимонастырями, Верхне-Спасопреображенскимъ мужскимъ и Покровскимъ женскимъ, учредить ближайшій надзоръ и наблюдать правила полиціи, на основаніи высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ 1833 году, и, наконецъ.

10) „Все сіе привести въ исполненіе въ одно время и секретно, по гражданской и духовной власти“.

Преосвященный Іаковъ, получивъ это высочайшее повелѣніе, 28-го января 1837 года, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора графа Протасова, въ тотъ же день сообщилъ объ этомъ губернатору, прося его назначить съ гражданской стороны „надежнѣйшаго“ чиновника для передачи помянутаго раскольничьяго монастыря, прибывшему въ Саратовъ, 27-го января, архимандриту Высоковскаго монастыря, Зосимѣ, при присутствующемъ отъ саратовской духовной консисторіи членѣ, протоіереѣ Гавріилѣ Чернышевскомъ. Въ то же время Іаковъ просилъ Степанова ни въ какомъ случаѣ не переводить изъ Средне-Никольскаго монастыря въ Верхне-Преображенскій ни бѣглыхъ священниковъ, ни бѣглыхъ діаконовъ, такъ какъ ничего объ нихъ не было сказано въ высочайшемъ повелѣніи, а совѣтовалъ оставить ихъ на прежнемъ мѣстѣ до разъясненія этого вопроса, особенно, если они не по-

желаютъ принять единовѣрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, архіерей просилъ прислать ему опись имущества сказаннаго монастыря, упоминаемую въ высочайшемъ повелѣніи, для врученія этой описи архимандриту Зосимѣ, затѣмъ, существующую въ женскомъ Средне-Успенскомъ монастырѣ часовню оставить неприкосновенною и, наконецъ, приказать оставить въ мужскомъ монастырѣ достаточную пропорцію хлѣба и дровъ на зиму и на весну для имѣющихъ быть въ монастырѣ монаховъ.

Степановъ, получивъ въ тотъ же день эту бумагу отъ архіерея, „медлилъ,—какъ сказано въ „Историческомъ описаніи“,—на оную отвѣтомъ, отзываясь то неполученіемъ подобнаго предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то неотысканіемъ нужнаго къ исполненію таковаго порученія чиновника, хотя командированный для сего архимандритъ Зосима, являясь къ нему, г. губернатору, лично, неоднократно напоминалъ ему“.

Такъ прошло девять дней; молчаніе Степанова продолжалось до 5-го февраля. Ниже мы увидимъ, какія послѣдствія имѣло это молчаніе.

Только 5-го февраля губернаторъ прислалъ Іакову описи имуществу всѣхъ пяти иргизскихъ раскольничьихъ монастырей, но о чиновникѣ, необходимомъ съ гражданской стороны для передачи монастыря изъ гражданскаго въ епархіальное вѣдомство, опять „ни словомъ не упомянулъ“. Тогда Іаковъ, приказавъ передать присланную Степановымъ опись архимандриту Зосимѣ, предписалъ духовной консисторіи распорядиться выдачею ему также двухъ древнихъ антиминсовъ, изъ коихъ одинъ долженъ быть во имя Святителя Николая, а другой — во имя Покрова Пресвятой Богородицы, съ тѣмъ, чтобы архимандритъ, по пріемѣ монастыря, освятилъ находящіяся въ немъ двѣ церкви, затѣмъ выдачею святаго мура и достаточной суммы денегъ „на непредвидимыя потребности“ вновь открываемаго монастыря. Такимъ образомъ, — сказано въ „Описаніи“, — „со стороны мѣстнаго духовнаго правительства всѣ зависящія отъ него распоряженія для исполненія высочайшей воли были окончены; недоставало подобныхъ со стороны гражданской; не замедлено, однако жъ, и въ оныхъ“.

6-го февраля губернаторъ увѣдомилъ архіерея, что и онъ, нѣсколько дней тому назадъ, получилъ предписаніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, но что раньше не могъ выслать описи иргизскихъ скитовъ, „отысканныхъ съ трудомъ въ дѣлахъ канцеляріи своей“. При этомъ онъ сообщалъ, что къ исполненію высочайшаго повелѣнія о Средне-Никольскомъ монастырѣ онъ назначилъ николаевскаго городничаго, а въ помощь къ нему придалъ одного изъ частныхъ приставовъ Саратова, Константиновскаго, велѣвъ имъ обоимъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ „наставленіями“ архимандрита Зосимы. Но архіерей, приказавъ вручить Зосимѣ пакетъ на имя николаевскаго городничаго, присланный Степановымъ, предписалъ консисторіи дать знать архимандриту указомъ, „что ему нейдетъ распорядительная часть по дѣламъ, касающимся до гражданской власти, а только по духовной“.

Изъ всего этого ясно видно, что между губернаторомъ и архіеремъ уже возникъ разладъ, что архіерей старается выставить въ невыгодномъ

свѣтѣ дѣйствія Степанова, сваливая на него всю вину въ дальнѣйшей смутѣ, которая возникла въ Поволжьѣ въ этотъ періодъ борьбы съ расколомъ. Кто изъ нихъ правъ—пока трудно рѣшить; но какъ бы то ни было раскольники, воспользовавшись этой размолвкой властей, имѣли право жаловаться, что ихъ обращали въ единовѣріе силой, что ихъ обливали на морозѣ водою изъ пожарныхъ трубъ, вязали и арестовывали тѣхъ, которые будто бы сами вызывались на единовѣріе.

6-го же февраля архимандритъ Зосима съ братіей, протоіерей Чернышевскій и приставъ Константиновскій, въ пять часовъ пополудни, выѣхали изъ Саратова по направленію въ Николаевъ, въ сосѣдствѣ съ которымъ находились иргизскіе монастыри, въ разстояніи отъ Саратова до 250 верстъ. На другой день вечеромъ партія эта остановилась въ селѣ Каменкѣ, не доѣхавъ до мѣста назначенія верстъ семь. Остановка была сдѣлана для того, чтобы, не въѣзжая всею партіею въ городъ въ предотвращеніе могущихъ возникнуть толковъ, снестись съ николаевскимъ городничимъ относительно порядка предстоящихъ дѣйствій. Въ городъ былъ отправленъ Константиновскій, который вмѣстѣ съ городничимъ и долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя подготовительныя распоряженія. Рано утромъ, до свѣту, 8-го февраля, и остальная партія въѣхала въ городъ, прямо въ домъ городничаго Дмитріева. Послѣ короткаго совѣщанія всѣ тотчасъ же отправились въ раскольническій монастырь, взявъ съ собою „для предосторожности" двухъ унтеръ-офицеровъ и десять рядовыхъ изъ мѣстной команды. Въ монастырѣ они явились къ настоятелю, иноку Корнилію, просили также собрать всѣхъ монаховъ и немедленно объявили имъ высочайшую волю. Затѣмъ архимандритъ обратился къ настоятелю и братіи съ увѣщаніемъ о принятіи единовѣрія; но всѣ они отъ единовѣрія рѣшительно отказались. Тогда Дмитріевъ предложилъ Корнилію передать архимандриту все церковное и монастырское имущество. Корнилій и всѣ монахи вновь рѣшительно отъ сдачи имущества отказались, объявивъ, что безъ воли окрестнаго населенія, состоящаго изъ раскольниковъ, они этого сдѣлать не могутъ и ключей сами собой дать не смѣютъ, такъ какъ и монастырь, и церкви построены на суммы не монастырскія, а на суммы усердствующихъ раскольниковъ, „а они, иноки, только стражи сего мѣста".

Между тѣмъ, пока происходили эти объясненія, въ монастырѣ сталъ появляться народъ. Это сдѣлалось такъ быстро, что въ нѣсколько минутъ нахлынуло до ста человѣкъ, потомъ толпа увеличивалась до двухсотъ, до трехсотъ и т. д. Монахи, видя, что народъ за нихъ, стали дѣйствовать смѣлѣе и упорнѣе. Составитель „Историческаго описанія", какъ видно участвовавшій лично въ обращеніи монастыря, прибавляетъ отъ себя: „иноки, оказывая сопротивленіе исполненію высочайшаго повелѣнія, между прочимъ, высказали, что они до пріѣзда нашего имѣли свѣдѣніе объ обращеніи монастыря ихъ въ единовѣрческій, что четыре уже дня ожидаютъ прибытія нашего, что они обдумали уже, какъ поступать имъ при предъявленіи имъ высочайшей воли". Наиболѣе упорными выказались казначей

монастыря инокъ Серапіонъ и иноки Филаретъ и Амвросій. Между тѣмъ, Серапіонъ и другой инокъ Ефремъ возбудили народъ требовать объявленія и имъ высочайшей воли. Архимандритъ Зосима видѣлъ, что надо исполнить требованіе народа, и прочелъ ему текстъ высочайшаго повелѣнія. Тогда народъ рѣшительно объявилъ, что „не допуститъ отдать церковь для единовѣрія, хотя бы то стоило ему даже пролитія крови“.

Ни увѣщанія архимандрита Зосимы, ни убѣжденія Чернышевскаго, Дмитріева и Константиновскаго не въ состояніи были подѣйствовать на непреклонность раскольниковъ: какъ монахи стояли на своемъ, такъ точно стояли на своемъ толпы народа, нахлынувшія на монастырь изъ города и изъ ближайшихъ раскольничьихъ селеній: Каменки, Толстовки, Давыдовки и Пузановки.

Тогда исполнители высочайшей воли на общемъ совѣщаніи рѣшили пригласить уѣзднаго стряпчаго, чиновниковъ земскаго суда и удѣльной конторы, а равно удѣльнаго голову, такъ какъ большинство волновавшагося народа принадлежало къ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства. За этими чинами отправленъ былъ нарочный. Черезъ нѣсколько часовъ въ монастырь съѣхались: удѣльный стряпчій Кизо, земскій засѣдатель Трофимовъ, удѣльный чиновникъ Акшевскій и мѣстнаго удѣльнаго приказа голова Шикинъ. Имъ также предъявлено было высочайшее повелѣніе. Начались новыя увѣщанія со стороны прибывшихъ лицъ: они „кротко“ и усердно уговаривали народъ покориться высочайшей волѣ. Тогда монахи и народъ снова потребовали объявленія имъ высочайшаго повелѣнія, и оно вновь было имъ прочитано. Послѣдовавшія затѣмъ подтвердительныя увѣщанія не привели ни къ чему: народъ и вмѣшавшіеся въ толпу монахи рѣшительно объявили, что монастыря не отдадутъ никому, что вѣрой своей также никому не поступятся. Пока шли эти безполезные переговоры въ монастырской оградѣ, въ толпѣ, въ это время архимандритъ Зосима и Константиновскій, оставаясь въ настоятельскихъ кельяхъ, употребляли послѣднія усилія побѣдить упорство настоятеля и главныхъ чиновъ монастыря. Корнилій, нѣсколько надломленный въ своей неподатливости убѣжденіями архимандрита, а равно прямыми требованіями Константиновскаго о неизбѣжномъ повиновеніи, приказалъ схимнику Паисію принести ключъ отъ церкви. Ключъ принесенъ и положенъ на столъ. Но никто не рѣшался передать ключъ съ рукъ на руки исполнителямъ высочайшей воли. Настоятель объявилъ, что всѣ прочіе ключи отъ другой церкви и отъ ризницы хранятся въ самой церкви; но при этомъ присовокупилъ, что „ни онъ и никто изъ братіи не рѣшится быть предателемъ церкви и своими руками передавать имущество монастырское“, что архимандритъ и всѣ находящіеся съ нимъ въ монастырѣ исполнители высочайшей воли могутъ сами, безъ личнаго его и всей братіи присутствія, пересмотрѣть и принять все церковное и монастырское имущество.

Архимандритъ Зосима, взявъ со стола ключъ и пригласивъ съ собою всѣхъ исполнителей высочайшей воли, рѣшился идти въ церковь, такъ

какъ время приближалось уже къ вечеру. Но едва всѣ стали подходить къ церкви, какъ народъ, подстрекаемый монахами, бросился загораживать имъ дорогу и оцѣпилъ церковь, заслонивъ собою ходъ къ паперти. Въ то же время нѣкоторые бросились на колокольню и ударили въ набатные колокола. Звонъ еще болѣе встревожилъ толпу и окрестныя села. Дѣло принимало слишкомъ дурной оборотъ и становилось далеко не негласнымъ. Особенно буйствовали въ толпѣ крестьяне-раскольники: Широковъ, Кузнецовъ, Алексѣевъ, Кожемякинъ и Стекольщиковъ. Исполнители высочайшей воли не осмѣлились никого изъ нихъ взять подъ арестъ, „дабы, по причинѣ ожесточенія раскольниковъ, въ монастырь набѣжавшихъ, не произвести большаго зла“. За этой послѣдней вспышкой, „страшась остаться въ ночное время въ стѣнахъ монастыря“, они тотчасъ же воротились въ городъ, гдѣ и собрались вторично въ домѣ городничаго для составленія журнала о происшествіяхъ этого дня. Здѣсь, по вторичномъ совѣщаніи, положили на утро, 9-го февраля, собрать 24 человѣка понятыхъ изъ православнаго вѣроисповѣданія, предварительно привести ихъ къ присягѣ, а для безопасности—истребовать отъ военнаго начальника до 25 солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, а изъ ближайшихъ селъ собрать до 200 жителей, снова отправиться въ непокорный монастырь и еще разъ предложить настоятелю, инокамъ и народу о безпрекословномъ исполненіи объявленной имъ высочайшей воли.

Такъ и было исполнено. Въ 11 часу утра все это шествіе, съ духовенствомъ и чиновниками во главѣ, приблизилось къ стѣнамъ монастыря; но оказалось, что ворота его были заперты. Въ стѣнахъ монастыря заперлось до 500 раскольниковъ, наканунѣ сбѣжавшихся изъ окрестныхъ селъ.

Дмитріевъ, именемъ высочайшей воли, приказалъ привратнику отпереть ворота. Приказаніе было исполнено. Когда исполнители высочайшей воли, солдаты, понятые и толпа крестьянъ вступили въ ограду, Дмитріевъ объявилъ, что требуетъ безпрекословнаго исполненія уже объявленной наканунѣ высочайшей воли. Народъ упалъ на колѣна. Тѣ изъ крестьянъ, которые наканунѣ не были въ монастырѣ и, слѣдовательно, не слышали чтенія высочайшаго повелѣнія, просили вновь вычитать это повелѣніе. Но въ это время, когда Дмитріевъ и другіе чиновники уговаривали народъ оказать покорность, иноки Ефремъ, Амвросій и Филаретъ ходили въ толпѣ и „безбоязненно подстрекали народъ къ неповиновенію, и приказанія начальническаго удалиться въ свои келіи не слушали“.

Тогда Кизо вышелъ къ народу и громогласно прочелъ высочайшее повелѣніе.

— Слышали вы высочайшую волю и ясно ли поняли оную?—спросилъ онъ, обращаясь къ народу и къ понятымъ.

— Слышали и поняли,—единогласно отвѣчалъ народъ.

Затѣмъ, обращаясь къ толпѣ раскольниковъ, Кизо сказалъ:

— А когда вы знаете волю государя императора, то должны, не препятствуя исполненію ея, разойтись по домамъ.

— Нѣтъ, не дадимъ нашу церковь! она нашимъ коштомъ строена и украшена!—кричалъ народъ.

„Много и долго“, какъ сказано въ „Описаніи“, исполнители высочайшей воли старались образумить народъ „обольстительно иноками вовлеченный въ преступленіе—противленіе власти“—все было напрасно. Вынесли законы. Кизо прочелъ вслухъ ст. 242, 243, 247 и 248 т. XV уголовныхъ законовъ о сопротивленіи власти. Ничто не помогало.

— Мы всякую казнь претерпимъ, но добровольно не уступимъ нашу церковь!—кричали непокорные.

— Это не высочайшая воля,—кричали нѣкоторые изъ толпы:—она подложная... Она писана не на гербовой бумагѣ, и нѣтъ на ней руки государевой...

Начались крики, брань, оскорбительныя выраженія... Особенною дерзостью отличалась рѣчь ясачнаго крестьянина изъ села Камишкира, Кузнецкаго уѣзда, Семена Лазарева. Его велѣли арестовать; но раскольники вырвали бунтовщика изъ рукъ солдатъ и спрятали въ толпѣ. Другіе кричали тѣмъ, которые находились на колокольнѣ: „бей въ колокола тревогу!“

— Мы никого не послушаемся!—кричалъ расходившійся народъ.

Неоставалось ничего больше, какъ снова обратиться къ настоятелю Корнилію, который, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами, оставаясь въ кельѣ, не выходилъ къ народу. Корнилію представили, что, такъ какъ онъ глава всего раскольническаго общества, то онъ одинъ и можетъ успокоить толпу, внушивъ ей повиновеніе высочайшей волѣ. Его самого убѣждали покориться необходимости, не доводить народъ до бѣды; но Корнилій отвѣчалъ, что онъ не препятствуетъ исполненію воли верховнаго правительства, а что „уже самъ не можетъ остановить буйство народа, страшась и самъ насилія его“.

Послѣ этого исполнители высочайшей воли должны были оставить монастырь. Они воротились въ Николаевъ, донесли обо всѣмъ происшедшемъ и ожидали дальнѣйшихъ повелѣній.

Оставалось послѣднее средство—„сильныя мѣры“. Но къ нимъ не рѣшались прибѣгнуть безъ особаго повелѣнія.

Съ 9-го февраля духовныя власти оставались въ городѣ безвыѣздно: никто изъ нихъ не только не посѣщалъ монастырь, но даже не входилъ въ какія-либо другія сношенія съ раскольниками. Гражданскія же власти, обставивъ монастырь карауломъ изъ жителей православнаго исповѣданія и отправивъ въ Саратовъ нарочнаго, иногда являлись къ непокорному монастырскому населенію и къ толпамъ народа, въ немъ безвыходно остававшимся, вновь приступали къ увѣщаніямъ—но также безполезно. Только весьма немногіе „образумились и тайно ушли изъ монастыря; жестоковыйные оставались тамъ безысходно, получая довольствіе пищею отъ монастыря“.

Видно было, что народъ ждалъ, ко всему приготовившись. Дѣло раскола оказалось дѣломъ опаснымъ; а власти этого не понимали.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до 16-го февраля. Въ этотъ день изъ Саратова прискакали новые чиновники—совѣтникъ губернскаго правленія Зевакинъ и саратовскій исправникъ Микулинъ. Отчего не ѣхалъ самъ губернаторъ—неизвѣстно; но только такая полумѣра, какъ присылка двухъ новыхъ чиновниковъ, еще болѣе портила дѣло, и безъ того уже испорченное. Зевакинъ не въѣзжалъ въ монастырь, а приказалъ явиться къ себѣ въ городъ двумъ или тремъ инокамъ, „давъ имъ слово возвратить ихъ опять въ монастырь". Изъ монастыря явились трое иноковъ и въ числѣ ихъ игуменскій келейникъ Александръ Трофимовъ. Въ „Историческомъ описаніи" сказано при этомъ: „Разговоръ г. совѣтника, бывшій наединѣ, въ сѣняхъ, былъ недолговремененъ, и обстоятельства онаго были неизвѣстны удовлетворительно". Послѣ этого таинственнаго разговора всѣ отправились въ монастырь. „Но бытность ихъ тамъ ничего не произвела лучшаго: раскольники попрежнему не отдавали церкви и монастыря и попрежнему не повиновались". Г-ну совѣтнику тоже не предоставлено было другихъ мѣръ къ возстановленію порядка, кромѣ убѣжденія: „безъ полномочія же (сказано въ „Описаніи") и самыя благоразумныя мѣры были недѣйствительны".

Такъ прошелъ этотъ день безъ всякой пользы. Равнымъ образомъ прошло безполезно для дѣла и 18-е февраля.

Толпы народа продолжали стоять въ монастырѣ, ожидая, чѣмъ все это кончится.

19-го февраля неожиданно прибылъ въ Николаевъ изъ Саратова жандармскій штабъ-офицеръ Быковъ; 20-го числа онъ явился въ монастырь совершенно одинъ. Таково было желаніе архіерея, и по его просьбѣ онъ пріѣхалъ на помощь растерявшимся властямъ. „По весьма долгомъ, начально съ иноками монастыря, а потомъ съ собравшимися туда крестьянами, разговорѣ и при объявленіи имъ противозаконнаго ихъ дѣйствія, ведущаго ихъ къ тяжкому наказанію по законамъ, сопротивляющіеся единогласно объявили Быкову, что высочайшей волѣ государя императора они не противятся и противиться не смѣютъ, но оставить монастырь сами по себѣ, за данною предъ Богомъ клятвою, не могутъ". Тогда Быковъ разъяснилъ имъ, что „воля царя земного, дѣйствующаго по волѣ Царя небеснаго разрѣшаетъ ихъ клятву" и что поэтому они должны исполнить эту волю, но что при дальнѣйшемъ упорствѣ онъ прикажетъ всѣхъ ихъ вывести изъ монастыря. На это раскольники „единодушно" отвѣчали, что, если ихъ выведутъ силою, то тогда они не будутъ виновны передъ Богомъ. „Слѣдовательно,—прибавляетъ „Описаніе",—сіи раскольники держатся буквально словъ клятвы, и выводъ ихъ изъ монастыря силою сниметъ, по разумѣнію ихъ, съ нихъ клятву: ежелибъ они иначе думали, они бы запаслись оружіемъ; и при томъ въ толпѣ сей, простирающейся до трехсотъ человѣкъ, большая часть стариковъ".

Не сдѣлавъ ничего, и Быковъ въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Саратовъ. Онъ не имѣлъ отъ губернатора никакихъ полномочій и потому

не рѣшался дѣйствовать силою. „Но,—прибавляетъ „Описаніе"—появленіе сего чиновника потрясло-было духъ противленія бунтующихъ".

Наконецъ, 21-го февраля, прибылъ къ монастырю и губернаторъ. Это было уже вечеромъ. Еще съ послѣдней станціи онъ отправилъ въ Николаевъ приказъ, чтобы все гражданскіе чиновники, какъ командированные изъ Саратова, такъ и всѣ мѣстныя власти съ полиціею ожидали его въ монастырѣ. При встрѣчѣ съ Степановымъ, совѣтникъ Зевакинъ и нѣкоторые другіе чиновники хотѣли-было напомнить ему о позднемъ времени, „но онъ не сталъ и слушать, велѣвъ всѣмъ слѣдовать за собою въ монастырь". Тамъ, подъѣхавъ прямо къ настоятельскимъ покоямъ и войдя въ кельи, Степановъ „изъявилъ негодованіе" настоятелю Корнилію „на оказанное имъ сопротивленіе высочайшей волѣ государя императора". Затѣмъ вышелъ изъ покоевъ и отдалъ приказаніе силою выводить изъ монастыря народъ. Для этого употреблено было въ дѣло до 800 человѣкъ крестьянъ православнаго вѣроисповѣданія, согнанныхъ къ монастырю еще до пріѣзда губернатора, въ качествѣ понятыхъ. Началась свалка. Не было выведено и половины „бунтовщиковъ", какъ темнота превратила свалку въ какую-то рукопашную битву: понятые смѣшались съ бунтовщиками и, не распознавая другъ друга, схватывались не съ раскольниками, а съ понятыми же; изъ монастыря вытаскивали тѣхъ, которые сами согнаны были для того, чтобы вытаскивать другихъ. Надъ монастыремъ стоялъ гулъ и крикъ, такъ что шумъ и отчаянные голоса побиваемыхъ были слышны въ Николаевѣ и всполошили все городское населеніе. Раздался набатный звонъ всѣхъ колоколовъ. Набатъ отозвался въ сосѣднихъ селахъ и поднялъ на ноги все населеніе. Почти весь городъ бросился на помощь монастырю— иные верхомъ, иные пѣшкомъ, иные на запряженныхъ въ сани лошадяхъ, такъ что въ самомъ городѣ быть было ужасно". Изъ всѣхъ сосѣднихъ селъ народъ тысячами хлынулъ къ монастырю. „Темнота ночи благопріятствовала буйству раскольниковъ, такъ что многіе являлись съ ружьями, пистолетами, копьями, кистенями и дубинками. Понятые, разставленные около монастыря, не выдержали напора бѣжавшихъ въ монастырь". Завязалась еще болѣе ожесточенная свалка. Народъ, приставленный къ воротамъ и оградѣ въ видѣ стражи, старался обезоружить тѣхъ, которые угрожали оружіемъ. Бросивъ ворота, толпа полѣзла чрезъ ограду, словно въ осажденную крѣпость. Тамъ снова завязалась рукопашная битва, и православные на всѣхъ пунктахъ были побиты.

Степановъ былъ въ это время въ покояхъ настоятеля. Узнавъ о критическомъ положеніи дѣла, онъ приказалъ бросить защиту монастыря отъ постоянно прибывавшихъ массъ народа, отперетъ ворота и не раздражать народа. Опасаясь долѣе оставаться въ толпѣ, онъ бѣжалъ въ городъ. За нимъ послѣдовали и всѣ гражданскія власти. Монастырь остался въ рукахъ раскольниковъ.

„Такъ кончилось,—говоритъ „Описаніе":—неблаговременное распоряженіе г. губернатора относительно вывода раскольниковъ изъ мо-

настыря. Но оно бы не произвело такого смятенія, ежели бы было во время дня“..

Даже за бѣгствомъ Степанова, набатный звонъ продолжался почти до полуночи.

На утро губернаторъ велѣлъ распустить по домамъ всѣхъ понятыхъ, число которыхъ, хотя и доходило до 1,000 человѣкъ, однако это была горсть въ сравненіи съ тѣмъ контингентомъ защитниковъ монастыря, который выставили раскольники.

Днемъ Степановъ вновь явился въ монастырь, которые еще былъ полонъ народомъ; богатый монастырь кормилъ эти толпы, и потому имъ нечего было возвращаться по домамъ. Степановъ въ послѣдній разъ обратился къ толпѣ съ вопросомъ, хотятъ ли они добровольно покориться распоряженіямъ верховнаго правительства.

Народъ отвѣчалъ: „нѣтъ“.

Степановъ выѣхалъ изъ монастыря. Изъ Николаева онъ написалъ Зосимѣ, что на представленіе свое ожидаетъ распоряженія министра относительно того, какъ ему дѣйствовать въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а до того времени предлагалъ архимандриту отправиться въ Воскресенскій единовѣрческій монастырь, гдѣ и ожидать особыхъ извѣстій. Уѣзжая въ тотъ же день въ Саратовъ, Степановъ приказалъ воротиться къ своимъ мѣстамъ и всѣмъ чиновникамъ безполезно прожившимъ, подъ стѣнами непокорнаго монастыря 16 дней, и оставилъ тамъ только помощника управляющаго удѣльными имѣніями — Часовникова — „для наблюденія и успокоенія крестьянъ удѣльнаго вѣдомства“.

Прошло еще двѣ недѣли, и раскольники оставались въ неизвѣстности относительно ожидавшей ихъ участи.

Наконецъ, Степановъ получилъ изъ Петербурга отвѣтъ, какъ ему дѣйствовать. Изъ Саратова онъ немедленно отправилъ въ Николаевъ вооруженную команду солдатъ изъ 200 человѣкъ съ надлежащимъ числомъ офицеровъ и съ боевыми запасами. А вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ туда же и команду казаковъ изъ 3-го казачьяго полка астраханскаго войска. Изъ Хвалынска вытребовалъ квартировавшую тамъ конно-артиллерійскую резервную батарею. Послалъ половинное число саратовской пожарной команды съ брантмейстеромъ и пожарными трубами. Затѣмъ приказалъ собрать 2,000 человѣкъ понятыхъ изъ окрестныхъ селеній православнаго исповѣданія.

9-го марта прибылъ изъ Саратова губернаторскій чиновникъ Гороховъ. Онъ явился туда вмѣстѣ съ командиромъ конно-артиллерійской батареи барономъ Дельвигомъ, николаевскимъ исправникомъ Немировымъ и вышеупомянутымъ Часовниковымъ. Гороховъ, отъ имени губернатора, еще разъ спросилъ непокорныхъ монаховъ и державшую въ своей власти монастырь толпу крестьянъ, согласны ли они покориться распоряженіямъ правительства. И тѣ, и другіе отвѣчали, что „они скорѣе умрутъ чѣмъ отдадутъ свою церковь“.

Черезъ три дня явился и губернаторъ. Въ видѣ послѣдней попытки онъ, „желая образумить бунтующихъ мѣрами кротости и убѣжденія“, по-

слалъ въ монастырь барона Дельвига въ послѣдній разъ предложить инокамъ и народу объ изъявленіи добровольной покорности и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, рѣшительно объявить имъ, что послѣ всего этого „употреблены будутъ силы къ водворенію въ монастырѣ порядка, желаемаго правительствомъ“, а что всѣ виновные будутъ преданы строгому суду и потерпятъ наказаніе.

Баронъ Дельвигъ воротился съ отвѣтомъ, что на добровольную покорность нѣтъ никакой надежды. Тогда Степановъ велѣлъ двинуться къ монастырю военнымъ командамъ и согнанному въ городъ народу. Пушки и прикрытыя солдатами пожарныя трубы слѣдовали въ головѣ шествія. Монастырь былъ весь обложенъ толпами непокорнаго народа, собравшагося тысячами.

Приблизились войска. Послѣдовала артиллерійская команда, и вмѣсто ядеръ и картечи на народъ полилась холодная вода изъ пожарныхъ трубъ. Ужасъ овладѣлъ бунтовщиками, особенно когда въ суматохѣ на нихъ бросились солдаты съ крестьянами и стали всѣхъ вязать. Связано было до 1,700 человѣкъ. Остальные всѣ разбѣжались.

Такъ усмиренъ этотъ раскольническій бунтъ—„безъ кровопролитія“. Нѣкоторые изъ монаховъ тотчасъ же отправлены были въ Саратовъ, а монастырь занятъ властями и войскомъ.

Явился и архимандритъ Зосима съ своею духовною свитою. Немедленно отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятіемъ.

II.

Уничтоженіе этого „раскольничьяго гнѣзда“ не принесло, однако, той пользы для государства, какая имѣлась въ виду при возбужденіи систематической борьбы съ расколомъ. Во-первыхъ, тамъ же, на Иргизѣ, оставалось еще два такихъ же „гнѣзда“—скитъ Верхне-Спасопреображенскій мужской и Покровскій женскій, соединявшійся съ первымъ узкою лѣсною тропою. Оставшіеся скиты покрылись еще большею славою въ глазахъ раскольниковъ, какъ единственные, уцѣлѣвшіе „свѣтильники свѣта незаходимаго“. Во-вторыхъ, изъ двухъ разрушенныхъ „гнѣздъ“ старые и юные птенцы разбрелись по всей Россіи и стали опаснѣе тѣмъ, что пропаганда ихъ не ограничивалась уже никакимъ пространствомъ, а съ Иргиза перешагнула на Уралъ, на Обь, на Двину, на Донъ, на Терекъ, на Кубань и т. д. Старцы и старицы, ютившіеся въ „пустынѣ прекрасной“, на „брезѣ новаго Іордана“, какъ иногда называли раскольники рѣку Иргизъ и озеро Калачъ, надъ которымъ стоялъ одинъ изъ монастырей,—превратились въ бродячихъ пророковъ и пропагандистовъ болѣе неуловимыхъ.

Изъ дѣлъ того времени мы видимъ, что выгнанные изъ иргизскихъ монастырей монахи и монахини вдругъ открывали скиты гдѣ-нибудь въ уединенномъ хуторѣ, превращая „овечью избу“ въ раскольничьи святилища, и на сотни верстъ кругомъ между раскольниками шелъ таинственный шо-

потъ: „солнце православія, зашедшее на Иргизѣ, по милости Божіей, возсіяло на Бердеѣ“ — какая-то неизвѣстная рѣченка гдѣ-нибудь у границъ войска донского, гдѣ, напримѣръ, сыновья майора Персидскаго, внуки или племянники бывшаго наказнаго атамана волжскаго казачьяго войска, иноки Герасимъ и Савватій, основываютъ новую святыню, таинственно превративъ въ храмъ „овечью избу“, и къ этой „овечьей избѣ“ съѣзжаются сотни и тысячи сектантовъ. Еще дальше, еще въ большей глуши, въ самомъ далекомъ углу войска донского, гдѣ кончаются станичныя поселенія и начинаются глухія степи, на Тушкановыхъ хуторахъ, возникаетъ новое свѣтило въ казацкой избѣ, въ подпольѣ, и за сотни верстъ бредутъ и ѣдутъ въ это подполье поклонники старой вѣры, „пришибленной на Иргизѣ“.

„Православный народъ! (фанатически взываетъ „тушкановскій святитель“, отставной казакъ) помяните древнихъ учителей и апостоловъ, и укрѣпитеся духомъ на борьбу съ діаволомъ. Мучили насъ, православныхъ, и въ древнемъ Римѣ, извлекали ревнителей вѣры изъ пещеръ и катакомвій, лютымъ звѣрямъ на растерзаніе отдавали, а иныхъ, паклею обмотавши и смолою намочивши, аки факелы въ садахъ мучителей возжигали, а вѣра православная крѣпла и множилася, и царство Римское побѣдила, на престолъ въ багряницѣ возсѣла. Не то же ли и нынѣ совершается? Извлекли насъ изъ нашихъ катакомвій, что на Иргизѣ, и отдали на растерзаніе псовъ голодныхъ и львовъ лютыхъ. Но придетъ время, и побѣдитъ наша святая правовѣрность и древнее благочестіе...“

Въ селѣ Колоярѣ, Вольскаго уѣзда, крестьянинъ Акимовъ говорилъ на базарѣ, что „прежде сего времени однимъ раскольникамъ было житье“, что только они одни были и „денежны и сыты“, но что какъ только стали обращать ихъ въ церковниковъ“, то и они „скудѣть начали“.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ движеніе въ расколѣ проявилось съ такою силою, что все Поволжье, казалось, пошло въ старообрядчество, и потому положено было уничтожить послѣднее „гнѣздо“ на Иргизѣ“ потому что это гнѣздо считалось разсадникомъ раскола въ Поволжьѣ, въ Подоньѣ и въ Поуральѣ. Уничтоженіе это послѣдовало въ 1841 году. Мѣстныя власти, наученныя уже горькимъ опытомъ предшествовавшихъ лѣтъ, постарались обставить дѣло закрытія послѣдняго раскольничьяго убѣжища такою тайною и такими предосторожностями, что раскольники говорили впослѣдствіи объ этомъ послѣднемъ своемъ пораженіи, какъ о „ночномъ нападеніи волковъ на овчарню“. Дѣйствительно, губернаторъ Ѳаддѣевъ съ небольшою командою солдатъ и съ чиновниками неожиданно явился въ стѣнахъ монастыря въ то время, когда весь монастырь молился въ церкви, поставилъ караулъ у воротъ, у колокольни, чтобы отвратить возможность набатнаго звона, неожиданно вступилъ въ церковь, прочелъ растерявшемуся отъ страха собору раскольниковъ высочайшее повелѣніе, въ тотъ же моментъ явилось въ церковь православное духовенство въ облаченіи, тутъ же на глазахъ изумленныхъ раскольниковъ, послѣдовало окропленіе церкви святою водой, послѣ чего раскольничья святыня теряла въ глазахъ ихъ свою святость, взяты

ключи изъ рукъ казначея, и только къ вечеру этого „дня вавилонскаго плѣненія“ окрестное населеніе узнало, что „солнце православія зашло на Иргизѣ“ окончательно. Даже чиновники, взятые съ собою Ѳаддѣевымъ изъ Саратова для закрытія монастыря, не знали зачѣмъ они туда ѣдутъ: имъ сказано, что губернаторъ ѣдетъ для свиданія и переговоровъ съ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ относительно башкирскихъ земель.

Мало того: когда въ мужскомъ монастырѣ читалось въ церкви высочайшее повелѣніе, то для того, чтобы объ этомъ не узнали въ женскомъ монастырѣ, сообщавшемся съ мужскимъ кратчайшимъ путемъ, чрезъ озеро Калачъ, гдѣ находилась перевозная лодка, и чтобы, изъ любопытства или случайно, монахини женскаго монастыря не пробрались въ мужской, у перевозной лодки оставленъ былъ жандармъ, которому и велѣно было, какъ бы для удовольствія, „купаться въ Калачѣ“. Простая мѣра эта была придумана преосвященнымъ Іаковомъ, который въ секретно врученной Ѳаддѣеву записочкѣ сообщалъ: „Если на озерѣ Калачѣ принять лодку, на которой монастырскія бабы переѣзжаютъ въ мужской монастырь, если поставить штыка три-четыре на мосту монастырской мельницы, то доступъ къ мужскому Спасопреображенскому монастырю для постороннихъ людей совершенно будетъ невозможенъ. *Жандармъ можетъ при лодкѣ на Калачѣ покупаться*“.

Насколько, однако, мѣстныя власти тревожились неизвѣстностью относительно состоянія умовъ всего окрестнаго крестьянскаго населенія, видно изъ того, во 1-хъ, что на другой же день послѣ закрытія послѣднихъ раскольничьихъ скитовъ на Иргизѣ ближайшимъ властямъ велѣно было тайно освѣдомляться во всѣхъ селахъ, какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ этотъ совершившійся фактъ, и въ то же время вызвать крестьянскіе приговоры о томъ, что при закрытіи скитовъ не было употреблено военной силы, и во-2-хъ, что военный караулъ, поставленный въ этихъ скитахъ, не снимали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Монахи и монахини этихъ скитовъ, упорно отказывавшіеся принять единовѣріе, были высланы изъ скитовъ въ свои жительства подъ строгій полицейскій надзоръ и при этомъ лишены „ангельскаго вида“, т.-е. обязаны носить свѣтское одѣяніе. Но и „сія послѣдняя Христова инвалидная команда“, какъ называли себя раскольники, не вся дошла до мѣстъ жительства, а большинство монаховъ и монахинь, укрѣпившіеся въ своемъ фанатизмѣ до какого-то моральнаго изступленія, тайно разошлись по всей Россіи и стали новыми бродячими пророками и агитаторами; народъ же слѣпо пошелъ туда, куда вела его эта странная „инвалидная команда“.

На Тушкановыхъ хуторахъ, на границѣ войска донского и саратовской губерніи, захвачена была фабрика раскольничьихъ прокламацій, изготовляемыхъ отставнымъ казакомъ Петровымъ и маленькимъ ученикомъ его, готовившимся принять схиму, казачьимъ „малолѣткомъ“ Алексѣевымъ. Въ подземномъ склепѣ, наполненномъ образами, найдено было 117 набѣло переписанныхъ прокламацій, которыя носили названіе: „Стихъ преболѣз-

неннаго воспоминанія о озлобленіи каѳоликовъ" и которыя распространялись по всему Поволжью, Подонью и Поуралью. Чтобы судить, какое зажигающее свойство могли имѣть эти прокламаціи, приведемъ небольшія выдержки изъ этого любимаго раскольниками „стиха":

По грѣхомъ нашимъ, на нашу страну
Попусти Богъ такову бѣду:
Облакъ темный всюду осѣни,
Небо и воздухъ мракомъ потемни,
Солнце въ небеси скры свои лучи
И луна въ ночи свѣтлость помрачи,
А и звѣзды вся потемниша зракъ,
А и свѣтъ дневный преложися въ мракъ.
Тогда твари вся ужахнушася,
А и бездны вся содрогнушася,
Егда адскій звѣрь узы разрѣши,
Отъ заклепъ твердыхъ нагло искочи:
О, коль яростно испусти свой ядъ
Въ каѳолическій красный вертоградъ;
Зѣло злобно врагъ сей возревѣ,
Каѳоликовъ родъ мучить повелѣ,
Святыхъ пастырей вскорѣ истреби,
Иргизское солнце тучею закры,
Храмы Божіи замкомъ заклепи,
Книги древніи огнемъ попали.
Четы иноковъ уловляхуся,
Злымъ наказаніемъ умерщвляхуся,
Всюду вѣрніи закалаеми,
Аки класове пожинаеми, и т. д.

„Стихъ" прямо указываетъ на иргизскій погромъ и потому не могъ не производить на невѣжественную массу громаднаго впечатлѣнія, особенно когда лиризмъ этого аскетическаго произведенія бьетъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ народнаго міровоззрѣнія:

Охъ, увы, увы, благочестіе,
Увы, древнее православіе!
Кто луча твоя вскорѣ потемни?
Кто блистаніе тако измѣни?
Десятирожный звѣрь сія погуби,
Седмиглавый змій тако учини:
Весь церковный чинъ звѣрски прекрати,
Вся преданія злобно истреби.
Церкви Божія истребишася,
Тайнодѣйствія вси лишишася,
Но и пастыри поплѣнишася,
Жаломъ дьявола умертвишася.
Зѣло горестно о семъ плачемся,
Увы, бѣдніи, сокрушаемся,
Что вси пастыри посмрадилися,
Въ еретичествѣ потопилися.

Бродячіе пророки въ этомъ мистическомъ произведеніи видятъ какъ бы свое собственное изображеніе: изгнанные изъ иргизскихъ скитовъ, они бро-

дить по дебрямъ, не зная, гдѣ голову преклонить — они видятъ себя въ „чужой землѣ“.

Оле, бѣдствія намъ безъ пастырей!
Оле, лютости безъ учителей!
По чужой землѣ вси скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся.
Всюду бѣдніи утѣсняемся,
Изъ отечества изгоняемся.

Изгоняемый изъ скитовъ расколъ укрѣплялся въ городахъ, гдѣ его сторону держали вліятельнѣйшіе купцы-капиталисты. Они на свой счетъ, какъ саратовскій купецъ Рощинъ, развозили бѣглыхъ поповъ изъ города въ городъ, отправляли богослуженіе, вѣнчаніе и проч. гдѣ-нибудь на мельницѣ, въ лѣсу, а иногда и просто въ полѣ, въ степи, въ глухомъ степномъ овражкѣ, гдѣ наскоро разбивали походную церковь, крестили и вѣнчали раскольниковъ.

Оффиціально признаннымъ раскольничьимъ священникомъ на все Поволжье былъ попъ Прохоръ (Дмитріевъ) въ Вольскѣ; но на сотни и тысячи верстъ одного священника было недостаточно. Въ Саратовѣ и Вольскѣ, напримѣръ, были богатыя раскольническія церкви, каменныя; но онѣ были заперты по распоряженію правительства, церковныя главы и кресты сняты, и въ колокола не имѣли права звонить. При этомъ употреблены были особыя старанія, чтобы отнять у раскольниковъ ихъ бродячихъ или, какъ ихъ всегда называли „бѣглыхъ“ поповъ, что и исполнялось довольно успѣшно: въ Поволжьѣ было схвачено нѣсколько такихъ походныхъ священниковъ, а прочіе изъ страха должны были бѣжать изъ Поволжья подъ чужими именами. Нѣкоторые бѣжали въ „Цыцарію“, т.-е. успѣли пробраться за австрійскую границу, а также въ Бессарабію, въ Закавказье и въ Турцію. Оставленные безъ священниковъ, крестьяне требовали, чтобъ кто-нибудь крестилъ ихъ дѣтей, отпѣвалъ умершихъ. О вѣнчаніи они не особенно безпокоились: по всему Поволжью вошелъ въ употребленіе гражданскій бракъ, простое „купножительство“, противъ котораго власти были положительно безсильны. Когда отъ одного изъ саратовскихъ губернаторовъ требовали духовныя власти особыхъ распоряженій относительно селъ, гдѣ раскольники повально сходились на купножительство, онъ отвѣчалъ, что это рѣшительно невозможно, что „нельзя же поставить около каждой дѣвки по человѣку съ ружьемъ“.

Послѣ долгой и безполезной борьбы одно изъ раскольничьихъ селеній, большое удѣльное село Криволучье, находящееся въ сосѣдствѣ съ иргизскими скитами и считавшее до 2,000 душъ населенія, доведенное до крайности, попросило себѣ священника на правахъ единовѣрія. Селу этому дали священника; но „выправу“ все-таки совершалъ бѣглый попъ Пахомій (изъ Высоковскихъ скитовъ), и криволучане продолжали считать себя истыми раскольниками. То же самое вынуждены были сдѣлать и саратовскіе раскольники, у которыхъ къ концу 1843 года распечатали церковь

и позволили избрать себѣ особаго священника, съ тѣмъ, чтобы „табачники“ не смѣли входить въ ихъ церковь.

Какъ смотрѣли въ это время на нравственную силу раскола правительственныя власти, видно изъ особой записки бывшаго тогда въ Саратовѣ губернатора Ѳаддѣева, представленной имъ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Говоря объ обращеніи Криволучья, Ѳаддѣевъ замѣчалъ: „Примѣръ этотъ не могъ имѣть вдругъ быстраго и общаго послѣдованія по той причинѣ, что прочіе старообрядцы колебались разными невѣжественными предположеніями, какъ-то: одни полагали, что это дозволеніе дано лишь для крестьянъ удѣльныхъ, что мѣра сія есть лишь пріуготовленіе, дабы принудить ихъ къ обращенію въ православіе и т. п. Для того, чтобы вывести ихъ изъ сего заблужденія, надлежащія внушенія ихъ старшинамъ и мѣстному начальству сдѣланы; но за всѣмъ тѣмъ утвержденія раскольниковъ въ единовѣріи нужно ожидать отъ времени. Начально раскольники села Криволучья приняли священника, находясь въ увѣренности, что они остаются тѣми же старообрядцами, но не предполагая, что они существенно переходятъ въ единовѣріе. По прибытіи этого священника въ село, какъ о томъ секретно мнѣ николаевскій исправникъ донесъ, приглашены были тайно криволуцкими жителями изъ разныхъ селеній раскольники, и, собравшись въ часовню, они ввели его, по раскольническому обряду, въ выправу (это надо разумѣть въ родѣ пересвященія своимъ духовнымъ лицомъ), чрезъ бѣжавшаго изъ Высоковскаго единовѣрческаго монастыря іеромонаха Пахомія, послѣ сего допустили его къ служенію и отправленію требъ. Преосвященный получилъ такого же рода донесеніе отъ единовѣрческаго архимандрита Платона, въ сосѣднемъ къ тому селенію единовѣрческомъ монастырѣ находящагося. Этотъ іеромонахъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ мною распоряженій, вмѣстѣ съ своимъ причетникомъ въ г. Хвалынскѣ пойманъ, и теперь ожидается, какъ съ нимъ поступить, разрѣшеніе министерства. Это обстоятельство, по мнѣнію моему, такого рода, что знать объ ономъ правительству нужно; но обращать вниманіе, производить о томъ разслѣдованіе и преслѣдовать (кромѣ бѣглыхъ монаховъ и поповъ) едва ли полезно: это болѣе бы ихъ ожесточило. Дѣйствіе сіе наружныхъ отношеній священника къ архіерею не измѣняетъ; заблуженіе же ихъ о надобности таковой выправы уничтожится временемъ и прекращеніемъ бродяжничества бѣглыхъ поповъ и монаховъ“.

Но это-то прекращеніе бродяжничества и было выше силъ, коими располагали власти, и сколько ни хватали бродячихъ пророковъ, пророки продолжали бродить, потому что въ этомъ случаѣ всякая старуха-странница дѣлалась нерѣдко такимъ же дѣйствительнымъ агитаторомъ, какъ и тотъ тушкановскій казакъ, который фабриковалъ раскольничьи прокламаціи.

Ѳаддѣевъ въ своей запискѣ дѣлитъ раскольниковъ на три партіи: „первыя двѣ состоятъ наиболѣе въ классѣ купечества, изъ людей а) близкихъ къ принятію единовѣрія и б) закоснѣлыхъ фанатиковъ, а третья въ народной толпѣ, которая существуетъ дотолѣ, пока первыя двѣ не распадутся,

а вмѣстѣ съ тѣмъ не уничтожится и чаяніе ихъ къ возможности имѣть своихъ бѣглыхъ священниковъ по-старому. Въ первыхъ готовность къ принятію единовѣрія измѣняется и колеблется по видамъ личныхъ интересовъ: напримѣръ, они понимаютъ ничтожность причинъ своего упрямства, готовы рѣшиться на принятіе единовѣрія; но въ то же время встрѣтится имъ надобность въ кредитѣ или въ покровительствѣ какого-либо ихъ собрата-фанатика, и они въ рѣшимости своей удерживаются. Вторая партія состоитъ изъ стариковъ и старухъ, кои упорны единственно потому, что имъ кажется страшно и противно перемѣнять на короткое время, которое имъ жить остается, тотъ образъ мыслей, съ коимъ родились, взросли и прожили до старости. Людей этихъ немного, и они на образъ мышленія слѣдующаго поколѣнія большого вліянія имѣть не могутъ. Третья партія, народная, держится партіи фанатиковъ дотолѣ, пока попъ ихъ въ Вольскѣ есть, пока они видятъ упорствующими купцовъ и почетныхъ людей изъ своихъ единомышленниковъ, пока они находятъ въ нихъ подпору убѣжденіями, пособіями, работами, пока они не совсѣмъ еще разувѣрились въ удобствѣ и возможности имѣть поповъ бѣглыхъ. Коль скоро побужденія сіи разрушатся, то, по всей вѣроятности, и упорство ихъ уничтожится".

Выдержка эта ясно обнаруживаетъ, какъ мало понималъ Ѳаддѣевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другія правительственныя лица, внутреннюю силу раскола. Понятно, что такія лица не могли бороться съ расколомъ, а если и боролись съ видимымъ успѣхомъ, то побѣды ихъ были фиктивныя, кажущіяся, на самомъ же дѣлѣ служили къ укрѣпленію раскола и приданію ему активной силы.

Также узко Ѳаддѣевъ понимаетъ и внѣшніе пріемы раскола въ борьбѣ за свою независимость. „Хитрости раскольниковъ,—говоритъ онъ,—состоятъ не столько въ обращеніи въ свою пользу послабленій правительства, дѣйствующаго по твердымъ и систематическимъ правиламъ, но послабленій мѣстнаго начальства и духовенства. И то, и другое пріобрѣтается деньгами. Первыми ослаблялось доселѣ преслѣдованіе и поимка бѣглыхъ поповъ и вообще точное исполненіе постановленій о законныхъ ограниченіяхъ раскольниковъ, сколько имъ то возможно, не подвергая себя изобличенію предъ начальствомъ; вторыми покрывается наружное ихъ присоединеніе къ православію, а въ существѣ коснѣніе въ расколѣ, и т. п. Я имѣю основаніе предполагать, что нѣкоторые православные приходскіе священники, по видамъ личной корысти, готовы даже тайно противодѣйствовать совершенному уничтоженію раскола. Есть примѣры, что старообрядцы показывались обращенными къ православію и исполняющими всѣ требы онаго лишь по спискамъ; а на дѣлѣ этого вовсе не дѣлали, условившись лишь съ приходскими священниками давать имъ за то двойную плату. Въ Вольскомъ уѣздѣ былъ примѣръ, что священникъ показывалъ совершаемымъ бракосочетаніе раскольника поморской секты по православному обряду, научивъ ихъ ночью пріѣхать въ церковь, гдѣ обряда никакого совершено не было, а пробыли лишь они въ церкви время, на то потребное".

Далѣе Өаддѣевъ высказываетъ, что раскольники желаютъ быть подъ вѣдѣніемъ гражданскаго начальства, а не духовнаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Өаддѣеву, какъ губернатору. Желаніе это, по мнѣнію Өаддѣева, происходитъ отъ „недовѣрія къ архіерею“, такъ какъ раскольники думаютъ, что „цѣль и намѣреніе его есть обратить ихъ къ православію“, „что оказываемая имъ уступчивость есть только временная“, что „архіерей если не по своимъ правиламъ, то по вліянію на него прочаго духовенства, будетъ дѣйствовать въ этомъ духѣ“, что гражданское начальство будетъ всегда равнодушнѣе и не имѣетъ столько времени обращать столько вниманія, какъ духовенство, на дѣйствія ихъ поповъ и на исполненіе ими въ точности всѣхъ правилъ 1800 г., какъ, напримѣръ, на образъ поминовенія императорской фамиліи, и т. п. „Бывшіе въ старообрядческомъ иргизскомъ монастырѣ иноки, когда я ихъ убѣждалъ къ принятію единовѣрія, при уничтоженіи монастыря, между прочимъ, мнѣ говорили, что они затрудняются совѣстію подчинить себя архіерею и потому, что прежде положенная на нихъ клятва на бывшемъ въ XVII столѣтіи, въ Москвѣ, соборѣ снята не таковымъ же соборомъ, а однимъ святѣйшимъ синодомъ“. Всѣ видимые факты и построенные на нихъ соображенія, по мнѣнію Өаддѣева, доказываютъ, что „какъ смышленные раскольники, такъ и невѣжды не принимаютъ единовѣрія не по одной, а по многимъ причинамъ. Тутъ дѣйствуетъ и фанатизмъ, и невѣжество, и корысть, и ложныя понятія, и опасеніе подвергнуться какимъ-либо ограниченіямъ въ томъ образѣ жизни и дѣйствій, къ коему отъ дѣтства привыкли. Иногда препятствуетъ успѣхамъ обращенія самое ничтожное оскорбленіе ихъ самолюбія. Въ 1827 г. былъ примѣръ, что бывшій здѣшній губернаторъ князь Голицынъ, приготовивъ къ тому въ Вольскѣ старообрядцевъ почти окончательно, испортилъ все дѣло лишь тѣмъ, что далъ первому подписать актъ о присоединеніи городскому головѣ, а не Сапожникову (уже умершему), бывшему первостатейнымъ изъ нихъ человѣкомъ по общественному отъ раскольниковъ уваженію. Отзывы умнѣйшихъ изъ нихъ состоятъ въ томъ, что они были продолжительное время гонимы; потомъ видѣли допущеніе къ нимъ снисхожденія; съ 1827 г. почитаютъ себя вновь гонимыми и съ перемѣною обстоятельствъ не отчаиваются въ новомъ снисхожденіи, отзываясь выраженіемъ: „сердце царево въ руцѣ Божіей“. Все это относится къ ихъ, такъ сказать, оракуламъ, къ числу коихъ, весьма вѣроятно, принадлежатъ, сверхъ купцовъ, и высланные на мѣсто жительства иноки, изъ уничтоженныхъ старообрядческихъ иргизскихъ монастырей, кои, хотя и ведутъ себя столь осторожно, что никакого явнаго подозрѣнія въ томъ на себя не подаютъ, но совершенно прекратить ихъ здѣсь сношеній съ ихъ единомышленниками, кои къ нимъ благоговѣютъ, нѣтъ возможности. По этой причинѣ высылку ихъ въ отдаленныя мѣста, если не обратятся къ единовѣрію, почиталъ бы неизлишнимъ“.

Наконецъ, Өаддѣевъ указываетъ и на мѣры, которыя, по его мнѣнію, правительство должно принять для болѣе успѣшной борьбы съ расколомъ,

добавляя, что „эти мѣры въ общемъ объемѣ и въ одно время изложить всѣ нельзя“, что „хитрости и пронырства раскольниковъ, вѣроятно, будутъ изыскивать и еще новыя средства къ поддержанію своего заблужденія, кои могутъ открываться и уничтожаться по мѣрѣ ихъ открытія“, но что имъ лично уже „ослабленъ расколъ“—какъ ошибочно утѣшаетъ себя Ѳаддѣевъ—„воспрещеніемъ ихъ уставщикамъ, подъ видомъ заработковъ въ другихъ мѣстахъ, бродить по раскольничьимъ селеніямъ и способствовать исполненію ихъ богомоленія“.

Вотъ эти мѣры:

1) „Не обращать вниманія и не отказывать раскольникамъ“ въ разрѣшеніи имѣть свою церковь и своихъ священниковъ, потому что раскольники, „существенно единовѣріе принимая, желаютъ между собою именовательно оставаться не единовѣрцами, а старообрядцами“ *).

2) „Усугубить особенное вниманіе мѣстныхъ властей на преслѣдованіе и поимку бѣглыхъ поповъ и монаховъ: для этого архіереи должны извѣщать всѣхъ губернаторовъ, гдѣ находятся раскольники, о каждомъ бѣжавшемъ монахѣ, попѣ или причетникѣ, съ описаніемъ примѣтъ бѣглецовъ, и за каждую поимку назначать награды“.

3) „Строго преслѣдовать совершеніе браковъ у раскольниковъ посредствомъ купножительства и немедленно прекращать судъ и преслѣдованіе за купножительство, какъ только виновные примутъ единовѣріе“.

4) „Дозволять раскольникамъ и даже содѣйствовать къ построенію новыхъ церквей: если они и не всѣ будутъ принимать единовѣріе, а по частямъ, то этимъ они сами будутъ разъединяться, а чрезъ это самъ собою ослабится расколъ“.

5) „Всѣхъ повѣренныхъ и агентовъ, которыхъ раскольники отправляютъ въ Петербургъ, немедленно арестовывать и за карауломъ возвращать въ мѣста жительства, гдѣ и отдавать подъ строгій полицейскій надзоръ“.

6) „Воспретить всякое бродяжничество и отлучку изъ деревень раскольничьихъ старухъ, потому что старухи эти часто замѣняютъ у нихъ причетниковъ и поддерживаютъ расколъ укрѣпленіемъ фанатизма и суевѣрія въ женскомъ полѣ“.

7) „Строжайше запретить всякое стѣсненіе и вмѣшательство православнаго и единовѣрческаго духовенства въ дѣлб внутренняго богослуженія

*) „Здѣшній преосвященный,—говоритъ Ѳаддѣевъ,—полагаетъ это въ особенности нужнымъ для того, дабы предотвратить случаи, подобные бывшему въ Криволучьѣ, совершеніемъ выправы надъ священникомъ послѣ утвержденія его архіереемъ, но я думаю, что, если это, по ихъ заблужденію и фанатизму, признается необходимымъ, то они это будутъ дѣлать и безъ бѣглыхъ монаховъ, чрезъ своихъ уставщиковъ и стариковъ. Преслѣдованіе же и поимка бѣглыхъ поповъ и монаховъ главнѣйше нужно и полезно для уничтоженія людей, поддерживающихъ упорство старообрядцевъ и облегчающихъ имъ средства въ исправленіи духовныхъ требъ“.

новыхъ единовѣрческихъ церквей и, въ особенности воспретить какое-либо шиканство, коему донынѣ они подвергались, какъ, напримѣръ, вчинаніе слѣдствій по неосновательнымъ и ничтожнымъ доносамъ".

Какъ ни ошибочна была подобная система дѣйствій въ борьбѣ съ расколомъ, она была, однако, усвоена всѣми и принята къ руководству. Болѣзнь лѣчили наружными средствами, а болѣзнь гнѣздилась внутри государственнаго организма и постепенно разъѣдала все тѣло.

III.

Въ концѣ 1843 года, какъ мы сказали выше, саратовскимъ раскольникамъ дозволено было имѣть своихъ священниковъ на основаніи правилъ митрополита Платона. Раскольники другихъ городовъ Поволжья, встревоженные этой уступкой саратовскихъ раскольниковъ, назвали ихъ уступку „отпаденіемъ Саратова отъ правой вѣры". Говорили, что Саратовъ долженъ былъ уступить силѣ, но что другіе города „будутъ твердо стоять за святую церковь".

Въ Вольскѣ по этому случаю было собраніе раскольниковъ въ домѣ тамошняго богатаго купца Суетина. Собраніемъ, повидимому, заправлялъ другой вольскій капиталистъ—Курсаковъ. На эту сходку принесены были раскольничьи книги и разные документы, на которыхъ раскольники основывали свои права на неприкосновенность ихъ церкви. Собраніе было бурное. Одинъ изъ ярыхъ раскольниковъ, бывшій крестьянинъ Злобина, Яковлевъ, говорилъ къ собранію: „Если насъ будутъ пугать солдатами, то мы тоже сдѣлать принуждены будемъ, что и кузинцы".

— Какіе кузинцы?—спрашивалъ Суетинъ:—и что̀ они сдѣлали?

— Пострадали за вѣру, какъ и у насъ въ Копенахъ много народу сами себя сожгли, не стерпя гоненія,— отвѣчалъ Яковлевъ.— Мы будемъ жаловаться правительствующему сенату. Сенатъ насъ закономъ прикроетъ, какъ кузинцевъ прикрылъ. Вотъ законъ.

Яковлевъ вынулъ бумагу и показалъ собранію.

— Читай въ голосъ!—закричали раскольники.

Въ указѣ правительствующаго сената изъяснено,—читалъ Яковлевъ:— что въ Оренбургской губерніи, въ деревнѣ Кузиной Исетскаго острога, подвергли себя самосожженію полторы сотни душъ и предъ сожженіемъ себя говорили, что-де предаемъ себя сгорѣнію отъ присылаемыхъ командъ, грабительства и разоренія, для того, что-де многіе изъ насъ безвинно взяты въ Тобольскъ и въ заключеніи претерпѣваютъ голодъ и мученія, и никому-де свободы нѣтъ, при которомъ-де сгорѣніи собравшись многіе обыватели и во многихъ мѣстахъ сгорѣнію себя предадутъ, а между тѣмъ-де дошло извѣстіе, что изъ Тобольска паки слѣдуетъ команда не малая, человѣкъ до ста, и ежели-де, паче чаянія, такая команда туда пришлется, то-де и спору, чтобъ въ руки не даться, учинить некѣмъ, ибо-де крестьяне

и разночинцы всѣ состоятъ въ великомъ страхѣ и многіе домы учинились послѣ того сгорѣнія пусты“.

— Губернаторъ и архіерей и насъ хотятъ разорить, — говорилъ Суетинъ:—я поѣду въ Петербургъ просить защиты у самого государя.

Объ этомъ собраніи раскольниковъ секретно доносилъ Ѳаддѣеву вольскій городничій Григорьевъ и при этомъ присовокуплялъ, что, какъ онъ узналъ подъ рукою, „виною всѣхъ незаконныхъ дѣйствій здѣшнихъ раскольниковъ слѣдуетъ признать старообрядческаго ихъ попа Прохора“.

Равнымъ образомъ „отпаденіе Саратова“ сильно встревожило и раскольниковъ посада Дубовки. Боясь насильственнаго обращенія въ единовѣріе, они собрались у купца Грушенкова и высказывали мысль о необходимости удалиться изъ Поволжья—одни за Кавказъ, другіе въ Австрію. „Чѣмъ дальше, тѣмъ тягостнѣе намъ будетъ жить въ Россіи“,—говорили раскольники. Нѣкоторые предлагали снестись съ царицынскими и вольскими раскольниками и, по общему выбору, послать депутацію въ Петербургъ. Большинство было того мнѣнія, что съ началомъ весны всего безопаснѣе будетъ бѣжать въ Астрахань, а оттуда пробраться въ Баку.

Съ своей стороны царицынскіе раскольники, напуганные „отпаденіемъ Саратова“, рѣшились послать агента къ раскольникамъ войска донского съ вопросомъ: „началось ли и у нихъ гоненіе на правую вѣру“. Агентомъ этимъ былъ избранъ мѣщанинъ Савельевъ, который и отправился въ Пять-Избъ (одна изъ донскихъ станицъ). Царицынскій полицеймейстеръ Розенмейеръ провѣдалъ объ отправленія этого агента и распорядился слѣдить за нимъ въ Пятиизбенной станицѣ. Посолъ царицынскихъ раскольниковъ явился прямо въ домъ казака Петрова и имѣлъ съ нимъ тайное объясненіе. На другой день, въ ночь, у Петрова, слывшаго подъ именемъ „Пятиизбинскаго святителя“, назначено было раскольническое собраніе. Но такъ какъ тамошній станичный атаманъ былъ предувѣдомленъ Розенмейеромъ о посольствѣ Савельева, то это собраніе и было накрыто: большая часть собравшихся у Петрова раскольниковъ разбѣжалась, а Савельевъ былъ схваченъ. При этомъ слѣпая старуха-казачка, тетка Петрова, говорила станичному атаману: „у кого руки поднимутся на святителя — и тѣ руки отсохнутъ“.

Савельева за карауломъ привезли въ Царицынъ и отдали подъ судъ.

Не меньшее волненіе господствовало въ это время и въ Хвалынскѣ. Между раскольниками прошелъ слухъ, что архіерей вытребовалъ именные списки всѣхъ сектантовъ и списки эти передалъ губернатору; что Ѳаддѣевъ съ двумя ротами солдатъ скоро выйдетъ изъ Саратова, чтобы лично обращать всѣхъ раскольниковъ въ единовѣріе, а упорныхъ усмирять войскомъ. Многіе, вслѣдствіе этихъ ложныхъ слуховъ, попрятали все свое имущество и съ семействами перебрались за Волгу—кто въ Балаково, а кто въ другія заволжскія селенія. Въ это время пріѣхалъ изъ Петербурга агентъ ихъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ раскольниковъ, купецъ Кочуевъ. Расколь-

ники собрались къ нему на совѣщаніе: всѣ были того мнѣнія, что обращеніе ихъ въ единовѣріе будетъ произведено силою.

— Иргизскихъ иноковъ крестили водою изъ пожарнымъ трубъ, а насъ будутъ крестить картечью изъ пушекъ, — говорилъ одинъ раскольникъ, купеческій сынъ Кузьминъ.

— Этого не будетъ,—государь не допуститъ,— говорили старики.

— Пока до государя дойдетъ, наши кости сгнить успѣютъ,—горячился Кузьминъ:—лучше все продадимъ и бѣжимъ въ подданство къ турецкому султану.

— Въ Цыцарію бѣжимъ въ бѣло-крымскій (то-есть бѣло-криницкій) монастырь, куда ушли иноки Прохоръ и Паисій,—говорили нѣкоторые.

— Мы не иноки, намъ съ семьями бѣжать не приходится, а придется, вѣрно, здѣсь пропадать,—возражали другіе.

Кочуевъ старался успокоить собраніе, говоря, что „войско у государя опредѣлено на пораженіе враговъ, а не своихъ вѣрныхъ подданныхъ: мы не враги, а дѣти государя, и насъ стрѣлять не будутъ“,—доказывалъ онъ.

— По острогамъ разберутъ,—говорилъ Кузьминъ.

— Весь городъ въ острогъ не посадишь,— возражали другіе.

Сходка продолжалась далеко за полночь, и порѣшено было отправить Кочуева вновь въ Петербургъ и Москву, съ одной стороны, для того, чтобы „подкрѣпиться совѣтомъ отъ тамошнихъ сильныхъ людей, оставшихся въ истинной вѣрѣ“, съ другой — чтобъ добиться аудіенціи у государя, котораго будто бы „чиновники святотатственно обманываютъ“.

Когда Ѳаддѣевъ узналъ объ этомъ рѣшеніи хвалынскихъ раскольниковъ, то велѣлъ тамошнимъ властямъ задержать Кочуева въ Хвалынскѣ, но его извѣстили, что Кочуевъ, по паспорту, выданному ему изъ мѣстной думы, успѣлъ уѣхать „по своимъ дѣламъ“ въ Нижній, въ Москву и Петербургъ.

Одновременно съ этимъ раскольники были встревожены слухами объ участи, постигшей дѣтей майора Персидскаго. „Дѣти майора Персидскаго“ (какъ ихъ называли въ бумагахъ того времени) — это были два старыхъ раскольничьихъ монаха Герасимъ и Савватій, пользовавшіеся большимъ авторитетомъ между раскольниками средняго Поволжья, а равно во всемъ войскѣ донскомъ и уральскомъ, такъ какъ считались „великими свѣтилами правды“ и сами были природные казаки изъ древняго рода наказныхъ атамановъ Персидскихъ. Это были уже очень маститые и почтенные старцы. Первому изъ нихъ было 73 года, а второму, младшему, 71 годъ. Что̀ заставило ихъ отказаться отъ военной службы и пойти въ расколоучители — неизвѣстно, потому что въ дѣлахъ нѣтъ прямого указанія на этотъ предметъ. Но есть основаніе полагать, что исторія этихъ двухъ дворянъ-раскольниковъ тѣсно связана съ исторіею всего волжскаго казачьяго войска.

Извѣстно, что волжскіе казаки во время пугачевщины передались на сторону самозванца. Пушкинъ въ своей „Исторіи Пугачевскаго бунта“ говоритъ объ этой измѣнѣ волжскаго войска, и только мимоходомъ, безъ подкрѣпленія документами. У пишущаго же это въ одной изъ монографій

объ этомъ времени, именно въ „Пугачевщинѣ“, приведенъ даже подлинный документъ, найденный проѣзжими, на другой или третій день послѣ пораженія Пугачева Михельсономъ подъ Чернымъ Яромъ, между трупами убитыхъ пугачевцевъ и возводящій это событіе въ несомнѣнный историческій фактъ. Въ наказаніе за эту измѣну правительство распорядилось переселеніемъ всего волжскаго войска съ Волги на Терекъ. Въ территоріяхъ волжскаго войска, столицею котораго была Дубовка, осталось только нѣсколько казачьихъ семействъ для охраны войсковыхъ станицъ и хуторовъ какъ отъ набѣговъ азіатскихъ хищниковъ, такъ и отъ своей „понизовой вольницы“.

Въ числѣ атамановъ этого оставшагося волжскаго казачьяго войска мы видимъ, въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, одного изъ природныхъ волжскихъ казаковъ— Персидскаго. Далѣе мы видимъ этого атамана замѣшаннымъ въ исторію одного изъ послѣднихъ коноводовъ поволжской понизовой вольницы XVIII вѣка, именно атамана Брагина. Персидскаго обвиняли въ незаконныхъ связяхъ съ атаманомъ шайки Брагинымъ и главнымъ разбойникомъ Зубакинымъ *).

Къ чему привело это обвиненіе — неизвѣстно; Персидскій во время самаго суда, не давъ отвѣтовъ на обвиненіе, уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы.

Вообще всѣ эти непріятности, какъ можно догадываться заставили другихъ Персидскихъ, родственниковъ атамана, которыхъ было не мало, уклоняться отъ государственной службы. Рѣшеніе это было тѣмъ естественнѣе, что волжское войско поголовно состояло въ расколѣ. Раскольниками издавна были и Персидскіе, изъ которыхъ нѣкоторые, послѣ уничтоженія волжскаго казачьяго войска, считались принадлежащими къ астраханскому войску. Имѣнія Персидскихъ, которые были помѣщиками, числились въ Царицынскомъ уѣздѣ, а на рѣчкѣ Бердеѣ находился хуторъ Ильинъ, который весь состоялъ изъ Персидскихъ: хуторъ принадлежалъ одному изъ четырехъ братьевъ Персидскихъ, пятидесятнику астраханскаго казачьяго войска Лукѣ Персидскому, и въ 1842 и 1843 годахъ все населеніе его состояло изъ дѣтей, племянниковъ и внуковъ этихъ четырехъ братьевъ.

Родные братья пятидесятника Луки, сыновья майора Персидскаго, Григорій и Степанъ, въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, вскорѣ послѣ разгрома волжскаго войска, еще мальчиками бросили свою родину и ушли на Иргизъ, гдѣ и постриглись въ монахи Спасопреображенскаго монастыря — первый подъ именемъ Герасима, а послѣдній подъ именемъ Савватія.

Старшій оставался въ иргизскомъ монастырѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, а младшій, поживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, пробрался въ уральское войско, гдѣ и поселился въ раскольничьемъ Бударинскомъ скиту, извѣстномъ тѣмъ, что отсюда Пугачевъ въ первый разъ выступилъ въ качествѣ

*) „Самозванцы и понизов. вольница“, изд. жур. „Сѣверъ“ 1901 г.

будто бы государя, окруженный небольшою толпою бударинскихъ и иргизскихъ раскольниковъ, и пошелъ на Яицкій Городокъ. Инокъ Савватій прожилъ въ Бударинскомъ скиту 46 лѣтъ. Уже въ старости оба брата вновь сошлись на Иргизѣ, передъ самымъ разгромомъ тамошнихъ раскольничьихъ монастырей. Они видѣли, какъ уничтожали одинъ изъ этихъ монастырей — Никольскій, всеобщее волненіе населенія, сосѣдняго съ монастыремъ, когда разнесся слухъ объ уничтоженіи ихъ, набатный звонъ монастырскихъ колоколовъ, бѣгство болѣе робкихъ иноковъ, паническій страхъ, овладѣвшій женскими монастырями, страшные слухи, распускаемые бродячими пророками объ общемъ гоненіи, затѣмъ приводъ къ монастырю войска съ артиллеріею, обливаніе раскольниковъ водою изъ пожарныхъ трубъ, арестованіе болѣе полуторы тысячи народа, на колѣняхъ защиавшго монастырь отъ воображаемыхъ выстрѣловъ изъ пушекъ, — все это проходило передъ глазами старыхъ иноковъ Персидскихъ, которые не могли не знать, что скоро очередь дойдетъ и до ихъ обители, которая была тамъ же, на Иргизѣ.

Персидскіе не дождались, когда возьмутъ и ихъ монастырь, какъ взяли Никольскій. Они рѣшились искать новаго убѣжища, „дабы,—какъ выражался одинъ изъ нихъ, — умереть не въ острогѣ и предстать предъ Господомъ не въ сѣрой свитѣ (въ сѣромъ армякѣ) арестанта, но въ иноческомъ одѣяніи“.

— У отцовъ нашихъ войско (волжское) отняли и насѣки *) атаманской лишили,—говорилъ Савватій:—съ насъ же ризы ангельскія снимаютъ и посохи страннические отнимаютъ. Порушены казацкія вольности на Дону, на Яикѣ и на Волгѣ—нѣтъ болѣе славнаго войска яицкаго и волжскаго, и не возвратится вспять казацкая вольность. Мы сокрыли себя въ пустынѣ (въ иргизскихъ скитахъ), тамъ стали въ ряды воинства Іисусова, но пришелъ врагъ и разогналъ наше войско (изъ донесенія дубовскаго благочиннаго, священника Максима Волковскаго).

Вотъ вслѣдствіе-то этого Персидскіе и воротились въ свое отцовское имѣніе на рѣчку Бердею, гдѣ и основали скромный скитъ; но, чтобы власти не открыли ихъ убѣжища, они превратили въ скитъ и въ храмъ простую „овечью избу“ на своемъ хуторѣ, то-есть такое строеніе, которое на зиму предназначалось для содержанія въ теплѣ маленькихъ ягнятъ. Бывшая же на хуторѣ часовня оставалась запечатанною по распоряженію начальства.

Скоро слава этихъ отшельниковъ распространилась въ окрестномъ населеніи и прошла въ предѣлы войска донского, въ казацкія станицы. Тогда-то и стала расходиться между раскольниками тамошняго края молва, что „солнце православія, зашедшее на Иргизѣ, по милости Божіей, возсіяло на Бердеѣ“. Всѣ жаждали видѣть это солнце, хотя знали, что всякія сборища раскольниковъ строго воспрещены, и потому осторожные сектанты посѣщали Персидскихъ тайно. Также тайно отправлялись на Бердеѣ и

*) Насѣка—атаманская булава.

общественныя моленія. Богослуженіе, повидимому, совершали сами Персидскіе, хотя при молельнѣ и находились лица, которыя, какъ подозрѣвали власти, исполняли обязанности уставщиковъ, — это хвалынскій мѣщанинъ Алексѣевъ и бывшая иргизская монахиня Василиса Макарова, которая жила въ самой молельнѣ, поселившись на хуторѣ у Персидскихъ въ качествѣ ихъ родственницы.

Какъ ни тайно совершались эти моленія, однако въ окрестныхъ селахъ извѣстно было, что на Бердеѣ бываютъ значительные съѣзды раскольниковъ. Такъ, посторонніе, проѣзжавшіе черезъ хоторъ Персидскихъ, видѣли иногда, что происходитъ тамъ общественное моленіе; но такъ какъ весь хуторъ состоялъ изъ Персидскихъ и ихъ родственниковъ, то любопытствовавшіе узнать, что тамъ дѣлается, на вопросы свои ни отъ кого не получали отвѣтовъ. Поэтому, напримѣръ, жители деревни Погожей, отстоявшей недалеко отъ хутора Ильина, показывали разспрашивавшимъ ихъ властямъ—одинъ, что въ 1841 году „въ хуторѣ Ильинѣ собиралось раскольниковъ чрезвычайно много, такъ что пріѣзжавшихъ съ Дону и Бузулуку было повозокъ до ста и проживали тамъ по недѣлѣ и болѣе“; другой—что „ходилъ онъ въ хуторъ Ильинъ и, не доходя до онаго нѣсколько саженъ, услыхалъ громкое пѣніе“, или — „видѣлъ тамъ большой съѣздъ раскольниковъ, но что они тамъ дѣлали, не знаетъ“; третій — что „къ Персидскимъ изъ разныхъ мѣстъ ѣздятъ много „страннихъ раскольниковъ и даже съ младенцами“ и особенно эти съѣзды бываютъ по Великимъ постамъ и на Пасху и т. д.

Слѣдовательно, къ этому новому раскольничьему свѣтилу, силившемуся замѣнить иргизскія общины, начиналъ тяготѣть Донъ, Бузулукъ, Медвѣдица (сношенія хутора Ильина съ хуторами Тушкановыми на Медвѣдицѣ по дѣламъ раскола были постоянны), Бурлукъ, Иловла и та часть Поволжья, которая лежала ниже нѣмецкихъ колоній. Каковъ былъ характеръ этихъ сборищъ (кромѣ богомоленія), неизвѣстно; но уничтоженіе иргизскихъ общинъ, преслѣдованіе бродячихъ пророковъ и опасеніе „предстать предъ Господомъ въ свитѣ арестантовъ“ не могли не усилить того мрачнаго аскетизма въ сектантахъ, который такъ непріятно дѣйствуетъ при чтеніи „стиха преболѣзненнаго воспоминанія“, послужившаго тушкановскому фанатику матеріаломъ для прокламаціи. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ совѣтомъ „стихъ“ этотъ обращается къ людямъ:

Почто въ юности мы не умрохомъ,
Въ самой младости мы не успнухомъ?
. . . .
И чего еще хощемъ ожидать,
Посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія скончавается
И день судный приближается.
Ужахнись, душе, суда страшнаго
И пришествія преужаснаго,
Окрылись, душе, крылы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести,

Ты пари, душе, въ чащи темныя,
От мірскихъ суетъ удаленныя, и т. д.

Такое же мрачное воззрѣніе на жизнь выносили отъ Персидскихъ и тѣ „страннiе“ раскольники, которые пріѣзжали поклониться новому солнцу, возсіявшему на какой-то Бердѣ. Люди должны были заранѣе готовиться къ смерти и шить себѣ саваны. Были и такіе мрачно-безнадежные, которые заблаговременно приготовляли себѣ гробы. Мало того, находились такіе фанатики, которые, подобно Карлу V, ложились въ эти гробы, какъ бы предвкушая переходъ отъ этой жизни въ жизнь неизвѣстную, и переживали всѣ ужасы своего собственнаго напутствованія. На Бузулукѣ, въ лѣсу, „въ чащѣ темной“, на пчельникѣ одного стараго казака Илюшина найдены были двѣ старухи, которыя, одѣвшись въ саваны, лежали въ „каюкахъ“ (въ гробахъ), а Илюшинъ читалъ надъ ними псалтирь, какъ надъ умершими.

Каюки, или маленькія лодки, часто служили раскольникамъ гробами. Гробы не дѣлались изъ досокъ, какъ обыкновенно теперь они изготовляются, а чаще устраивались изъ обрубка дуба, въ которомъ для мертвеца выдалбливалось соотвѣтственное лежанье, а потомъ этотъ цѣльный обрубокъ забивался сверху крышкой. Часто для этой цѣли служили старыя лодки, „каючки“, которыя тоже выдалбливались изъ цѣльнаго дерева и могли вмѣщать въ себѣ одного только сѣдока. Эти же лодки, по своей небезопасности и легкости на водѣ, называются „душегубками“.

Вотъ въ такихъ-то лодкахъ хоронили иногда раскольниковъ. Можетъ быть, это старый русскій обычай, сохранившійся отъ временъ язычества, когда Русь жила по лѣсамъ „звѣрински“ и вѣрила въ переселеніе душъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ загробный міръ. Это переселеніе должно было совершаться черезъ море или черезъ рѣку, какъ это было и у грековъ (черезъ мертвый Стиксъ), и потому умершему, страннику на тотъ свѣтъ, нужно было запастись перевозочной лодкой.

Такое древнее повѣрье могло сохраниться и у раскольниковъ, гдѣ-нибудь на уединенной Бердѣ или на Бузулукѣ, и потому мы видимъ здѣсь эти страшныя, потрясающія приготовленія старухъ-раскольницъ для перехода въ загробную жизнь, что онѣ и думали совершить въ „темной чащѣ“, на пріютившемся въ лѣсу пчельникѣ казака Илюшина.

Старухи лежали въ гробахъ, въ саванахъ, подъ деревомъ и держали въ рукахъ по зажженной свѣчѣ. Тутъ же, подъ деревомъ, вырыты были двѣ могилы, которыя и должны были принять въ себя религіозныхъ маньяковъ, дикое суевѣріе которыхъ, распаляемое ужасами всякаго аскетическаго, горячечнаго лиризма, превратилось въ сумасшествіе.

На эту возмутительную картину случайно набрелъ станичный писарь изъ Березовки, Назаровъ, охотившійся съ ружьемъ въ той мѣстности. Когда онъ подходилъ съ ружьемъ къ пчельнику, то издали услыхалъ протяжное чтеніе псалтири „старообрядческимъ способомъ“, какъ онъ выражался въ рапортѣ станичному правленію, а потомъ увидѣлъ самого Илюшина, два

гроба и двѣ могилы „не нарочитой глубины, вырытыя рядомъ“. На вопросъ писаря, обращенный къ Илюшину: „что онъ дѣлаетъ?“—послѣдній отвѣчалъ: „напутствую въ жизнь вѣчную“. Старухи лежали въ гробахъ съ закрытыми глазами, но когда Назаровъ отнесся къ нимъ съ укоризненнымъ вопросомъ, мнимыя покойницы открыли глаза и перекрестились *). Назаровъ спрашивалъ, по какому праву Илюшинъ осмѣливается напутствовать людей, когда они еще живы, кто позволилъ ему это. Старый казакъ отвѣчалъ, что „Богъ велитъ всегда быть готовымъ къ смерти“, а что „молиться о душѣ никакой законъ не запрещаетъ“.

Назаровъ, воротясь въ станицу, донесъ объ этомъ станичному правленію, и казака Илюшина потребовали къ отвѣту, чрезъ разсыльныхъ казаковъ. Разсыльные, явившись къ Илюшину на пчельникъ, нашли тамъ только самого старика, но ни старухъ, ни гробовъ, ни свѣже вырытыхъ могилъ тамъ уже не было. На вопросы станичнаго атамана, Илюшинъ отвѣчалъ то же, что и Назарову, говоря, что „помышлять о послѣднемъ часѣ самъ Богъ повелѣваетъ“ и что нѣкоторые изъ святыхъ отцовъ „заранѣе смерти приготовляли себѣ гробы, и въ оныхъ, яко въ домахъ на постели, возлежали въ постѣ и молитвѣ“. Убѣжденные этими доводами, станичные начальники въ дѣйствіяхъ Илюшина и старухъ раскольницъ не нашли, повидимому, ничего противозаконнаго, тѣмъ болѣе, что и сами, вѣроятно, втайнѣ придерживались раскола. Старикъ Илюшинъ былъ отпущенъ на свободу.

Замѣчательную сторону этого факта составляетъ то извѣстіе, что найденныя въ гробахъ старухи, по показанію Илюшина, жительство прежде имѣли на рѣчкѣ Бердеѣ, въ Царицынскомъ уѣздѣ, т.-е. въ той именно мѣстности, гдѣ начиналъ пріобрѣтать между раскольниками славу святости хуторъ Персидскихъ.

Всѣ эти обстоятельства были причиною того, что противъ братьевъ-монаховъ Персидскихъ возбуждено было сначала административное, а потомъ судебное преслѣдованіе. И въ этомъ случаѣ борьба противъ усиленія раскола на окраинахъ донскихъ земель, соприкасавшихся съ землями Поволжья, началъ тотъ же саратовскій преосвященный Іаковъ, названный „хоботомъ десяторожнаго звѣря“, который подрубилъ подъ самый корень величіе и силу раскола на Иргизѣ. Отъ глазъ его агентовъ не скрылись дѣйствія „дворянъ-раскольниковъ“ Персидскихъ. Черезъ одного агента онъ узналъ, что въ Царицынскомъ уѣздѣ, на хуторѣ Ильинѣ, принадлежащемъ пятидесятнику астраханскаго казачьяго войчка Лукѣ Персидскому, на рѣчкѣ Бердеѣ, поселились два раскольничьихъ монаха, „выходцы изъ иргизскихъ

*) Призванный, впослѣдствіи, въ станичное правленіе для объясненій, Илюшинъ жаловался на грубость обращенія съ нимъ Назарова, который, будто бы подойдя къ старику, спросилъ: „что ты тутъ дѣлаешь, старый чортъ?“ А потомъ, обратясь къ гробамъ; съ азартомъ воскликнулъ: „а вы что тутъ лежите, старыя вѣдьмы?“

монастырей“, и что эти расколоучители построили себѣ тамъ часовню, въ которой и отправляютъ богослуженіе открыто.

Іаковъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ открытіи губернатору. Этотъ послѣдній, по заведенному порядку, приказалъ мѣстнымъ властямъ уничтожить сказанную часовню и произвести объ этомъ слѣдствіе. Когда на хуторъ Ильинъ явился полицейскій чиновникъ, то онъ нашелъ тамъ уже извѣстныхъ намъ иноковъ Герасима и Савватія. „Старцы эти,—сообщалъ чиновникъ по начальству,—именуютъ себя иноками, носятъ халаты темнаго цвѣта и темныя на головахъ скуфьи, называя халаты мантіями, а скуфьи—камилавками“. Оказалось, что часовня устроена съ 1839 года. Въ ней захвачены были образа, книги, свѣчи и другіе предметы, употребляемые при богослуженіи. Часовня тотчасъ же была запечатана. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ велѣлъ немедленно снять съ Герасима и Савватія монашеское платье и строго наблюдать, чтобы они на будущее время не осмѣливались ходить монахами и возобновлять уничтоженную часовню. Снова на хуторѣ Ильинѣ явился чиновникъ. Герасимъ и Савватій упорно будутъ носить иноческое платье и называться иноками, потому что дали Богу обѣтъ быть монахами. Донесли объ этомъ губернатору. Тогда губернаторъ послалъ третьяго чиновника исполнить то, что слѣдовало исполнить. Этотъ послѣдній нашелъ дворянъ-раскольниковъ опять-таки „въ иноческомъ одѣяніи, отправляющихъ въ домѣ брата своего Луки Персидскаго вечернюю службу, которая отъ громкаго пѣнія была слышна при подъѣздѣ къ дому, гдѣ находились почти всѣ жители хутора Ильина, молящіеся Богу“.

Дворяне-раскольники и тутъ выказали прежнюю неуступчивость. Персидскіе продолжали говорить, что они дѣйствительно монахи, что посвятилъ ихъ въ это званіе покойный іеромонахъ Патермуфій; но они утверждали при томъ, что въ запечатанной часовнѣ богослуженія не отправляли, а молятся въ домѣ брата своего во время вечерни, заутрени и часовъ; что платья монашескаго съ себя не снимутъ и называться иноками не перестанутъ, „хотя за сіе и будутъ подвергнуты законному осужденію“, что богослуженіе ихъ состоитъ только въ чтеніи псалтири и другихъ богослужебныхъ книгъ, но что соблазна этимъ они никому не дѣлали. Они разсказали, какъ судьба завела ихъ прежде на Иргизъ, потомъ на Уралъ, а оттуда вновь на родину. Видя упорное преслѣдованіе ихъ и не желая поступиться своимъ званіемъ ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ, боясь, наконецъ, покончить жизнь въ „свитѣ арестанта“, они просили, чтобы ихъ вновь отправили на Иргизъ, въ единственный оставшійся тамъ раскольничій монастырь, гдѣ они провели свою молодость и гдѣ у нихъ была собственная келья.

Началось формальное слѣдствіе, допросы, справки. На повальномъ обыскѣ дворяне-раскольники были всѣми одобрены. Подтверждали только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей, что служба Персидскими дѣйствительно совершается, что къ нимъ для богомоленій съѣзжаются раскольники изъ Дубовки, Пролейки и проч. Отъ Персидскихъ потребованы были доку-

менты. Это были увольнительные виды „отъ общества дворянъ“:—братья значились слабыми здоровьемъ, неспособными къ государственной службѣ. На документѣ младшаго изъ нихъ, Савватія, была надпись, что въ 1837 году онъ „былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о подачѣ его императорскому высочеству государю наслѣднику уральскими казаками ябеднической просьбы, за что, по волѣ высшаго начальства, висланъ изъ предѣловъ уральскаго войска, съ тѣмъ, чтобы туда никогда не приходилъ и чтобы никому изъ уральскихъ войсковыхъ обывателей его не держать, подъ строжайшею за противное сему отвѣтственностью по законамъ“.

Слѣдственное дѣло поступило въ судъ. Какъ ни строго относились власти къ раскольнической пропагандѣ, но назвать Персидскихъ пропагандистами не представлялось никакихъ прочныхъ основаній, хотя сила ихъ раскольническаго авторитета въ краѣ и казалась несомнѣнною: послушавъ ихъ мрачной проповѣди, люди живьемъ ложились въ гробъ—такъ велика была сила фанатическаго лиризма, которымъ отдавало отъ всей замѣчательной жизни дворянъ-раскольниковъ.

Арестованныхъ Персидскихъ судъ приговорилъ, на основаніи манифеста 16-го апрѣля 1841 года, „учинить свободными“, а за неуступчивость, за непремѣнное намѣреніе остаться на своемъ посту до гроба, во избѣжаніе „соблазна“ для населенія, выслать на Иргизъ въ раскольническій монастырь и ни подъ какимъ видомъ изъ монастыря не освобождать.

Но этимъ дѣло не кончилось. На хуторъ Персидскихъ былъ сдѣланъ четвертый наѣздъ властей, какъ бы случайно, при розыскѣ одного бѣглаго донского попа: этотъ наѣздъ открылъ, что прежнее мѣсто богослуженія брошено а вмѣсто его выстроено новое — это замаскированная „овечья изба“. Въ этой избѣ, въ „образной“, найдена была „старая дѣвка“, жившая прежде въ женскомъ иргизскомъ монастырѣ—это извѣстная уже намъ Василиса Макарова. При новыхъ спросахъ братья Персидскіе упрямо отстаивали свое право быть тѣмъ, чѣмъ они были въ продолженіе всей своей многолѣтней жизни.

Затѣмъ послѣдовалъ пятый наѣздъ властей на Персидскихъ. Молва расходилась объ этихъ наѣздахъ по Дону и по Волгѣ и держала въ крайней агитаціи раскольниковъ Дубовки, Царицына, Камышина, Саратова, Вольска, Хвалынска и всѣхъ городовъ Поволжья. Пятый наѣздъ нашелъ братьевъ Персидскихъ на своемъ посту—въ „овечьей избѣ“. Ее тотчасъ же запечатали. Когда въ пятый разъ отъ нихъ потребовали повиновенія, они и въ пятый разъ рѣшились не повиноваться. Малотого, въ тотъ же день пріѣхалъ изъ своего имѣнія, изъ деревни Чернобуровки, находящейся въ землѣ войска донского, четвертый братъ Персидскихъ, войсковой старшина Ловгинъ Персидскій, и увезъ съ собою братьевъ-монаховъ въ свое имѣніе, гдѣ саратовскія власти имѣли, конечно, менѣе значенія, чѣмъ въ своей губерніи.

Черезъ нѣсколько времени мѣстныя власти въ шестой разъ посѣтили хуторъ Персидскихъ. Тутъ онѣ узнали, что братья-монахи не надолго

ѣздили въ войско донское, а большею частью прожили въ своемъ имѣніи, скрываясь въ землянкахъ, чтобъ только настоять на своемъ рѣшеніи — остаться монахами до смерти и, „скрывъ нѣкоторымъ образомъ слѣды настоящаго своего званія, съ большею ревностью предаться фанатическому своему изувѣрству“, какъ выражались власти. И вотъ, начинаются новые допросы. Къ дѣлу привлечено много лицъ. Отвѣты отбираются отъ всѣхъ прикосновенныхъ и неприкосновенныхъ къ дѣлу. Выясняется связь хутора Ильина съ Тушкановыми хуторами войска донского, однимъ изъ раскольничьихъ центровъ довольно большого района. „Заочное крещеніе младенцевъ“, „заочное погребеніе умершихъ“, вѣнчаніе раскольниковъ братьями Персидскими, наѣзды къ нимъ бѣглыхъ поповъ, съѣзды сектантовъ къ Персидскимъ во время постовъ для говѣнья—все это служитъ матеріаломъ къ обвиненію упрямыхъ расколоучителей, которые вторично приговариваются къ двухнедѣльному тюремному заключенію, а послѣ того—къ ссылкѣ въ раскольническій иргизскій монастырь.

Лѣтомъ 1844 года Персидскіе подъ строгимъ карауломъ были привезены на Иргизъ и водворены въ своей собственной кельѣ. Дальнѣйшая судьба этихъ „великихъ свѣтилъ правды“ неизвѣстна.

IV.

Сейчасъ разсказанная нами исторія дворянъ-раскольниковъ, перенесшихъ центръ сектаторской пропаганды съ Иргиза на окраины донскихъ земель, является однимъ изъ характерныхъ эпизодовъ въ исторіи движенія раскола нашего времени. Вмѣстѣ съ бродячими пророками раскола явились и бродячія „солнца православія“, которыя, какъ блудящіе огоньки, вспыхивали то на какой-нибудь неизвѣстной рѣченкѣ Бердеѣ, то на такомъ же невѣдомомъ до того времени казачьемъ хуторкѣ Тушкановомъ, то въ оврагѣ около села Золотого, то въ лѣсныхъ дачахъ села Ахмата, то на Ахтубѣ и т. д. Но и этого было недостаточно для раскола.

Такъ, когда обращено было особое вниманіе на Тушкановы хутора, то тамъ задержаны были по подозрѣнію двое слѣпыхъ нищихъ съ поводыремъ, маленькимъ мальчикомъ. Подозрѣніе усилилось, когда нищіе, при спросѣ засѣдателемъ усть-медвѣдицкаго сыскного начальства, спутались въ показаніи мѣстности, откуда они пришли. Сначала они показали, что пришли изъ слободы Мариновки, графа Орлова-Денисова, откуда пріѣхалъ и засѣдатель, но гдѣ ихъ, въ бытность засѣдателя въ Мариновкѣ, никто не видалъ. Затѣмъ сбивчивость показаній маленькаго поводыря окончательно убѣдила сыскного чиновника, что подъ видомъ нищихъ скрываются совсѣмъ не тѣ личности, за которыя они себя выдавали.

Оказалось, что оба странника были раскольничьи монахи изъ иргизскаго Никольскаго монастыря, которые подъ видомъ калѣкъ перехожихъ

прошли все Поволжье, распѣвая народу „душеспасительные стихи“ и въ тоже время тайно совершая требы по раскольничьимъ требникамъ. Останавливаясь въ селахъ, они пѣли подходящіе раскольничьи канты и преимущественно (какъ показывалъ мальчикъ-поводырь) пѣсню „Идетъ монахъ изъ пустыни“ или „Идутъ лѣта всего свѣта“. Зажиточные крестьяне зазывали странниковъ въ свои дома, и они тамъ нерѣдко, при толпѣ гостей и любопытныхъ, пѣли по цѣлымъ часамъ, а „люди, слушая таковое пѣніе, нерѣдко плакали“, или, по показанію поводыря, „бранили начальство и поповъ“.

Чтобы понять все значеніе этихъ явленій не столько въ исторіи раскола, сколько въ исторической жизни всего русскаго народа, слѣдуетъ замѣтить, что раскольничьи стихи вообще составляютъ отдѣльный, самостоятельный циклъ въ народной поэзіи. Раскольничій стихъ—это такое сильное и опасное оружіе въ рукахъ раскольника-пропагандиста, что съ нимъ не въ состояніи сравниться вся раскольничья литература, догматическая, историческая и апологетическая, начиная отъ сочиненій протопопа Аввакума, отъ „Вертограда духовнаго или винограда райскаго“, „Вопроса и отвѣта старца Авраамія“, „Исторія о вѣрѣ и челобитной о стрѣльцахъ“, „Исторія о бѣдствующемъ священствѣ“ и кончая „Брачнымъ врачествомъ“ и „Мечомъ духовнымъ“. Поэтому, чтобы понять всю силу раскольничьяго стиха, который возбуждалъ народныя страсти, мы считали бы не лишнимъ указать на самые мотивы, дававшіе особую закваску раскольничьему стиху, и на идею, которой проникнута вся раскольническая поэзія.

Письменная раскольническая литература болѣе или менѣе извѣстна каждому, кого интересуетъ расколъ, какъ историческое явленіе; но устная раскольническая литература, какъ продуктъ поэтическаго творчества самого народа, извѣстна очень мало, и при томъ только людямъ, спеціально изучающимъ народную поэзію. Литература эта какъ бы прячется въ сборникахъ памятниковъ народнаго творчества, потому что раскольничья пѣсня—это не совсѣмъ пѣсня, а духовный стихъ, который вызываетъ къ себѣ въ народѣ солидное и строго-почтительное отношеніе, какъ священная книга, какъ проповѣдь, только болѣе доступная для общаго пониманія, чѣмъ проповѣдь книжная.

Изъ признаній поводыря мнимыхъ нищихъ, задержанныхъ въ Тушканахъ, видно, что эти агитаторы преимущественно пѣли стихи: „Идетъ монахъ изъ пустыни“ или „Идутъ лѣта всего свѣта“. Въ основу каждаго изъ этихъ стиховъ положена идея пустынножительства, которая прикрывала собою не одно только аскетическое восхваленіе „прекрасной пустыни“, но цѣлый рядъ протестовъ народа противъ существовавшихъ порядковъ государственности: стихъ какъ бы освѣщаетъ разрывъ всякихъ связей съ обществомъ, бѣгство изъ городовъ и селъ, гдѣ существовали извѣстные порядки и гдѣ жило начальство, собиравшее подать, судившее народъ за проступки и преступленія. Такъ, въ первомъ изъ этихъ стиховъ говорится о старцѣ, вышедшемъ изъ пустыни, т.-е. о такомъ калѣкѣ перехожемъ,

именемъ котораго прикрывались пойманные въ Тушканахъ бѣжавшіе съ Иргиза раскольничьи монахи, принявшіе на себя роль сектаторскихъ апостоловъ. „Идетъ монахъ изъ пустыни,—говорится въ стихѣ,—идетъ онъ, слезно плачетъ. Навстрѣчу ему самъ Господь Богъ: „ахъ, ты монахъ, монахъ! объ чемъ ты, монахъ, слезно плачешь?“—„Какъ же мнѣ не плакать? недавно меня въ монахи посвятили, а меня одолѣли злыя мысли, потерялъ я ключи отъ пустыни — уронилъ ихъ въ сине-море глубокое“. Опускался монахъ въ море глубокое, но не досталъ ключи золотые. „Мнѣ не жалко ключи золотые—жалко книгу золотую въ пустынѣ“. Вотъ и пишетъ Ефремъ книгу, онъ пишетъ ее со слезами, дружьевъ къ себѣ призываетъ.

Вы послушайте, дружья-братья-христіаны,
Вы такую мою рѣчь не глупу:
Вы пойдемте жить въ горы, во пещоры—
Народился у насъ злой антихристъ.

На послѣднихъ двухъ стихахъ отразилась цѣлая идея, которую практически принялъ къ жизни русскій народъ—это идея бродяжничества, которая вызывалась собственно не аскетизмомъ, а всѣмъ нескладнымъ строемъ общественной и государственной жизни старой Руси—неумѣренною податью, деспотизмомъ правителей, воеводъ и прочихъ государственныхъ функцій, частой рекрутчиной, нагнетеніемъ крѣпостного права, безсудицей, отношеніемъ къ „подлому народу“ исключительно какъ къ служебной и рабочей силѣ, и т. д.

Другой стихъ еще яснѣе указываетъ причины, по которымъ народъ долженъ изъ городовъ и селъ бѣжать „въ горы, во пещоры“.

„Идутъ лѣта всего свѣта,—говоритъ стихъ:—приближается конецъ вѣка. Пришли времена лютыя, пришли года тяжкіе; не стало вѣры истинной, не стало стѣны каменной, не стало столповъ крѣпкихъ, погибла вѣра христіанская:

Стали у насъ судіи неправедные,
Пастыри при церквахъ запоицы и пьяницы,
Отягощаютъ люди даньми тяжкими—
Нѣту у насъ пути спасенія.
Кому повѣмъ печаль мою?
Кого призову въ помощники? и т. д.

Понятно, что, слушая эти стихи, народъ плакалъ или ругалъ начальство, поповъ и т. д., какъ показывалъ поводырь тушкановскихъ бродягъ-раскольниковъ. И самый стихъ выражаетъ эту угрозу: „Падутъ, падутъ многогрѣшницы, всего міра прелестницы“.

Идея пустынножительства, отчужденія отъ общества, бродяжничества, однимъ словомъ, идея непримиримаго протеста противъ существовавшихъ

порядковъ вызвала цѣлый рядъ раскольничьихъ стиховъ, въ которыхъ такой протестъ возводится въ культъ, въ религіозный догматъ.

Ничто же можетъ воспретити
Отъ странства мя отлучити,
Пищи тако не алкаю,
Странствоватися понуждаюсь,
Не такъ жаждою смущаюсь,
Скитатися понуждаюсь,
Всему міру въ смѣхъ явлюся,
Токмо странства не лишуся.
Бѣжи, душа, Вавилона,
Постигай спѣшно Сіона, и т. д.

„Бѣжи, душа, Вавилона“—это понималось и толковалось такъ: „убѣгай, душа, отъ становаго пристава, отъ податей, отъ рекрутчины“. „Сіонъ“—это какой-нибудь лѣсъ за Волгой, степи, Иргизы, Бердея и т. д.

Разумѣется, ко всему этому присоединяется имя „злого антихриста“, котораго агенты—исправники, попы и т. д. Въ виду того, что уже „народился злой антихристъ“, лиризмъ раскольника выражается такъ:

А кто бы мнѣ построилъ
Прекрасную пустыню,
Во темныхъ во лѣсахъ,
Во горахъ бы, въ вертепахъ,
Во пропастяхъ во земныхъ?
Уже бы мнѣ не видати
Житія бы суетнаго,
Уже бы не слыхати
Человѣческаго гласу!.. и т. д.

Оказывается, что самъ Богъ похваляетъ пустыню, потому что пришли „остатошны времена“, „послѣдняя кончина“, потому что народился злой антихристъ:

Какъ рыкнулъ онъ, окаянный,
Во всѣ концы во земные...
Испустилъ онъ свою злобу
По всей поднебесной:
Не будетъ уходу, не будетъ ухорону
Ни въ горахъ, ни въ вертепахъ,
Ни въ разсѣлинахъ земныхъ.

Въ одномъ стихѣ восхваляются всѣ совершенства пустыни, и нѣкоторыя строфы стиха не лишены поэтической окраски: въ нихъ сказывается чутье природы, пониманіе того, что въ пустынѣ есть прекраснаго:

О, прекрасная пустыня!
Нашъ Господь пустыню восхваляетъ,
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
Ангели отцемъ помогаютъ,

Апостоли отцевъ ублажаютъ,
Пророцы отцевъ прославляютъ,
Мученицы отцевъ величаютъ,
А вси святіи отцевъ восхваляютъ.
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
И горъ воды испиваютъ,
Древа въ пустынѣ процвѣтаютъ,
Птицы къ древамъ прилетаютъ,
На кудрявыя вѣтви посядаютъ,
Красныя пѣсни воспѣваютъ,
Отцевъ въ пустынѣ утѣшаютъ, и т. д.

Преслѣдываніе бродяжничества, уничтоженіе скитовъ и пустынь, обращеніе раскольничьихъ монаховъ въ единовѣріе послужили мотивомъ для созданія стиховъ, въ которыхъ пустыня оплакивается какъ мать, отрываемая отъ дѣей:

О, прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Пришли тебя зажигати,
Со мною тебя, мати, разлучати,
Огню ты, мати, предаешися,
Ты со мною нынѣ разстаешися,
Душевное мое спасеніе,
Плотское мое оскорбленіе!
За то я тебя почитаю
И матерью называю,
Что ты льстивую мою плоть оскорбляешь,
Души моей грѣхи очищаешь,
Безмолвная мати-пустыня,
Безмолвная и не празднословная,
Безропотная, не строптива,
Смиренномудренная, терпѣлива, и т. д.

Въ другомъ стихѣ, служащемъ какъ бы варіантомъ вышеприведенному, высказывается боязнь, что „плоть невоздержная" можетъ выгнать раскольника изъ пустыни:

Плоть моя невоздержная,
Я боюсь тебя—погубишь меня,
Выгонишь изъ темныхъ лѣсовъ,
Изъ темныхъ лѣсовъ изъ дремучіихъ,
Изъ зеленой изъ дубравушки,
Изъ прекрасной изъ пустынюшки.

А внѣ пустыни человѣка ожидаютъ ужасы, потому что жизнь на грѣшной землѣ ведетъ къ мукамъ: „Подъ моремъ, подъ землею мучатся души грѣшныя, мучатся и день и ночь; онѣ плачутъ—что рѣки льются, возрыдаютъ—что ручьи ревутъ: „есть ли у насъ отецъ и мать? есть ли у насъ и братъ, и сестра? есть ли у насъ и родъ, и племя? Повѣдали бы мы имъ муку вѣчную; тошно намъ въ огнѣ горѣть, грустно намъ въ смолѣ кипѣть, еще того тошнѣй—черви точатъ, всего-то тошнѣй—на дьявола зрѣть". Какъ

расплачется и растужится мать сыра земля передъ Господомъ: „тяжело-то мнѣ, Господи, подъ людьми стоять, тяжелѣй того—людей держать, людей грѣшныихъ, беззаконныихъ, кои творятъ грѣхи тяжкіе, досады чинятъ отцу, матери! убійства и татьбы дѣлаютъ страшныя. Повели мнѣ, Господи, разступиться и пожрать люди грѣшницы, беззаконницы". Отвѣчаетъ землѣ Іисусъ Христосъ: „О, мати ты, мать сыра земля! Всѣхъ ты тварей хуже осужденная, дѣлами человѣческими оскверненная! Потерпи еще время Моего пришествія страшнаго, тогда ты, земле, возрадуешься, убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй, прекрасный рай порощу на тебѣ, цвѣты райскіе пущу по тебѣ", и т. д.

Это мрачное представленіе жизни—продуктъ историческаго существованія народа: отъ всего вѣетъ грустью, тоскою, безнадежностью; идеалъ у народа—Лазарь убогій, ожидающій не перемѣны къ лучшему въ своей жизни, а могилы. Другихъ идеаловъ и образовъ народъ не знаетъ, не смѣетъ любить, а любитъ только образы, отвѣчающіе его жизненной обстановкѣ. „Не веселы были эти образы,—говоритъ издатель „Русскихъ духовныхъ стиховъ", г. Варенцовъ:—однообразные и тоскливые напѣвы, но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самого, оскорбленнаго, забытаго богатымъ,—себя, убитаго судьбой, съ единственнымъ убѣжищемъ—могилой. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ, ему все грезилась огненная рѣка и страшныя муки, которыя будутъ за ней; все грезились мытарства и грозные ангелы. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнею силы души и развить энергію въ народѣ; но когда онъ не находитъ въ нихъ ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній, когда ему такъ рѣдко слышится слово любви, примиренія—духъ его падаетъ, наконецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ томительныхъ призраковъ; народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ и робко клонитъ голову, не выступая на борьбу. И жизнь, и смерть равно представляются ему чѣмъ-то враждебнымъ, въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, муки, да казни; смерть холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей" *).

Вотъ почему русскій расколъ создалъ такія возмутительно-мрачныя и безнадежныя произведенія, какъ стихи „морельщиковъ". Тутъ уже прямо проповѣдуется самоубійство.

Послушайте мои совѣты:
Послѣднія пришли лѣта.
Народился злой антихристъ,
Напустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Наложилъ печать свою на людей,

---

*) Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Спб., 1860 г., стр. 5—6.

На главы ихъ и на руки,
Что на ноги и на персты.
Кто его печать принимаетъ,
Тому житіе пространно;
А кто его печать не принимаетъ,
Тому житіе гонимо.
Убирайтесь, мои свѣты,
Во лѣса, въ дальныя пустыни,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Рудожелтыми песками,
Вы песками, пепелами!
Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,
За свою браду честную", и т. д.

„Умирать за бороду"—это, повидимому, смѣшно, аскетически-узко. Но съ бородой связано все, чѣмъ нерадостна была жизнь народу: борода—это „двойной подушный окладъ, ношеніе указнаго платья", преслѣдованіе, разореніе, острогъ.

Ту же самую идею, но еще въ болѣе ужасныхъ формахъ, преслѣдуютъ пѣсни „глухой нѣтовщины" и „объ Аллилуевой женѣ". Это такая крайность отчаянья, дальше которой идти нельзя. Идея этихъ стиховъ—самосожигательство, какъ послѣдній взрывъ народнаго безсилія.

„Какъ родился,—говоритъ пѣснь,—Христосъ въ Виѳлеемѣ, какъ крестился нашъ Спасъ въ Іорданѣ, антихристы-жиды его замѣчали, злой смерти его предать хотѣли. И кидался Христосъ въ келью, къ Аллилуевой женѣ милосердой. Аллилуева жена печку топитъ, на рукахъ своего младенца держитъ. Какъ возговоритъ къ ней Христосъ Владыка: „Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда, кидай ты свое дѣтище въ печь, во пламя, примай меня, Царя небеснаго, на бѣлыя руки". Аллилуева жена молосерда кидала свое чадо въ огонь, во пламя, брала Царя небеснаго на бѣлыя руки. Прибѣжали тутъ жидове-архіереи, антихристы, злые фарисеи, говорили Аллилуевой женѣ престрашно: „Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда, ты куда Христа схоронила?" Отвѣчаетъ имъ Аллилуева жена милосерда, что кинула Христа въ печь, во пламя. Жидове-книжницы, архіереи, антихристы, злые фарисеи подходили къ печкѣ, заглянули, Аллилуева младенца въ печкѣ увидали, заскакали они, заплясали, печку заслонками затворили. И скоро тутъ пѣтухи запѣли. Антихристы-жидове тутъ пропали. Аллилуева жена заслонъ отворяла, слезно плакала, громко причитала: „Ужъ какъ я, грѣшница, согрѣшила! чадо свое въ огнѣ погубила!" Какъ возговоритъ Христосъ, Царь небесный: „Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда, загляни-ка ты въ печь, во пламя". Увидала она въ печи вертоградъ прекрасный, въ вертоградѣ травонька муравая, во травонькѣ ея чадо гуляетъ, съ ангелами пѣсни воспѣваетъ, золотую книгу евангельску читаетъ, за отца, за мать Бога молитъ. Какъ возговоритъ Аллилуевой женѣ Христосъ Царь небесный:

Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда,
Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Всѣмъ православнымъ христіанамъ,
Чтобы ради меня въ огонь они кидались,
И кидали бы туда младенцевъ безгрѣшныхъ.
Пострадали бы всѣ за меня Христа свѣта,
Не давались бы въ прелесть хищнаго волка,
Хищнаго волка, антихриста злаго.
Что антихристъ на землѣ взялъ силу большую,
Погубитъ во всемъ свѣтѣ вѣру Христову,
Поставитъ свою злую церковь,
Онъ брады всѣмъ бритъ повелѣваетъ,
Креститься щепотью всѣмъ завѣщаетъ, и т. д.

Подобныхъ стиховъ въ раскольнической литературѣ не мало; всѣ они развиваютъ ту мысль, что милосердая жена спасла Христа отъ жидовъ, бросивъ въ печь своего ребенка, который, однако, остался невредимъ.

Нѣсколько иначе развивается идея самосожигательства въ стихѣ „глухой нѣтовщины". Стихъ этотъ начинается такъ же, какъ и вышеприведенные нами стихи: „какъ шелъ старецъ по дорожкѣ" и т. д.; но дальнѣйшее содержаніе этого стиха возводитъ самосожигательство въ раскольническій догматъ. Встрѣтившійся съ этимъ старцемъ Христосъ говоритъ будто бы ему слѣдующее:

„Ой вы люди, рабы мои Христовы,
Православные христіане,
Не забывъ Бога живите,
Не буянно поступайте,
Не рѣчисто говорите.
Народился духъ нечистый,
Духъ нечистый—злой антихристъ,
И пустилъ онъ свою прелесть
По городамъ и по селамъ,
Людей моихъ изгоняетъ,
Въ свою вѣру принуждаетъ,
Въ свою церковь ходить заставляетъ,
Своихъ поповъ поставляетъ,
Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ,
По прекраснымъ пустынямъ.
Не сдавайтесь вы, мои свѣты,
Тому змію седмиглаву,
Вы бѣгите въ горы, вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы сожгите.
Пострадайте за меня, мои свѣты,
За мою вѣру Христову:
А за то вамъ, мои свѣты,
Отворю райскія свѣтлицы,

И введу васъ въ царство небесно,
И самъ буду съ вами жить вѣковѣчно.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ дикаго лиризма этихъ стиховъ, въ экстазѣ крайняго изувѣрства, раскольники шли на костры, которые сами же готовили, или же сожигали себя въ своихъ собственныхъ домахъ, какъ это было въ деревнѣ Кузиной, Исетскаго острога, или въ селѣ Копенахъ Саратовской губерніи, еще недавно, лѣтъ 65 тому назадъ.

Наконецъ, есть еще отдѣлъ раскольничьей литературы, въ которомъ выразился раціоналистическій догматизмъ одной части сектантовъ, именно послѣдователей Петрова крещенія. Въ стихахъ этого рода проповѣдуется крайній религіозный раціонализмъ и полное отрицаніе всякой обрядности.

Такъ, въ то время, когда иргизскіе раскольники защищали свои церкви и свои монастыри, въ то время, когда они тяготились неимѣніемъ своихъ поповъ, послѣдователи раскольничьяго раціонализма пѣли:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
Съ попами, дьяками хлѣбъ-соль не водитъ,
Къ Богу съ покаяніемъ часто прибѣгаетъ.
Стой-ка съ покаяніемъ предъ святымъ Спасомъ—
Обрадованъ будешь архангельскимъ гласомъ.
Лягъ-ка съ рабой божіей, съ Христовою любовью—
Причаститъ тебя ангелъ Христовою кровью.
Кайся-ка поутру, встань-ка въ умиленьѣ—
Получишь отъ Спаса Петрово крещенье.
Кайся съ воздыханьемъ, запершися въ клѣти—
Избавленъ ты будешь діавольской сѣти.
Самъ Спасъ проповѣдникъ, самъ Спасъ и причастникъ,
Въ Христовой любви есть праздникамъ праздникъ.

Таковы главные мотивы раскольничьей поэзіи, столь возбудительно дѣйствовавшей на народъ.

Взятые на Тушкановыхъ хуторахъ мнимые калѣки перехожіе, распѣвавшіе, какъ видно, по всему среднему Поволжью вышеприведенные возбудительные канты и пробиравшіеся на Донъ, вмѣстѣ съ маленькимъ поводыремъ, отправлены были за карауломъ въ Усть-Медвѣдицу, въ тамошнее сыскное начальство. Раскольники-агитаторы выдавали себя за крестьянъ деревни Пузановки, за Василія Ипатова и Корнила Семенова. Малолѣтній крестьянскій сынъ Илья Борисовъ также былъ взятъ ими изъ Пузановки, одного изъ коренныхъ раскольничьихъ селеній Поволжья.

V.

Между тѣмъ, въ городахъ средняго Поволжья совершалось въ это время видимое пораженіе раскола. Мы говоримъ „видимое“, потому что въ сущ-

ности пораженія этого совершенно не было, а оно представлялось лишь оффиціальному глазу, въ виду тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ казалось, что расколъ уступалъ какъ передъ силою времени, такъ и неотвратимостью обстоятельствъ. Саратовскіе, вольскіе, хвалынскіе, дубовскіе и царицынскіе купцы, когда увидѣли, что у нихъ отнятъ единственный священникъ, попъ Прохоръ, резиденція котораго была въ Вольскѣ, и видя запечатанными свои церкви и часовни, нашлись вынужденными покориться необходимости и выпросили себѣ священниковъ на основаніи пунктовъ митрополита Платона, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу компромисса, исходатайствовали себѣ колокольный звонъ при церквахъ, возстановленіе церковныхъ главъ и крестовъ на своихъ молитвенныхъ зданіяхъ.

Но, повторяемъ, это не было пораженіе раскола. Масса раскольниковъ, мѣщане, крестьяне и все сельское насеніе, охотно слушавшее бродячихъ рапсодовъ, распѣвавшихъ о „пустынѣ прекрасной“, о „судіяхъ неправедныхъ“, о „попахъ запоицахъ и пьяницахъ“, давно отшатнулись отъ богатыхъ горожанъ, отъ купцовъ, „брады честные оскобливших, ради повѣшенія на выяхъ своихъ лика... на огненныхъ лентіяхъ“, т.-е. ради медалей и прочихъ оффиціальныхъ почестей. Расколъ сталъ прятаться по селамъ да по темнымъ закоулкамъ въ городахъ, становясь, такимъ образомъ, исключительнымъ достояніемъ народа.

Народъ, электризуемый бродячими пророками, въ родѣвзятыхъ на Тушканахъ, или просто летучими слухами, неизвѣстно кѣмъ разносимыми, если и не волновался открыто, то воспитывалъ въ себѣ новое недовѣріе ко всему, что исходило изъ городовъ, и ожидалъ то прямыхъ гоненій—отъ кого, за что—онъ самъ не могъ этого сказать, то какой-то бѣды, начиная отъ голода и мора и кончая войною, кровопролитіемъ. Русскій народъ и въ этомъ случаѣ оставался вѣренъ самому себѣ, какимъ онъ былъ еще въ древнія времена, какимъ является въ лѣтописяхъ, когда видѣлъ знаменія несчастій, голода, войны и прочихъ общественныхъ бѣдствій и въ „звѣздахъ хвостатыхъ“, и въ „съѣданіи солнца“ какими-то „волкодлаками“ и въ самопроизвольномъ звонѣ колоколовъ и, наконецъ, въ истеченіи слезъ и крови изъ иконъ.

То же сповторилось и въ описываемое нами время. Такъ, за Волгой въ Николаевкомъ уѣздѣ, „въ краю ериси“, какъ тогда выражались, т.-е. въ районѣ ближайшаго нравственнаго вліянія иргизскихъ раскольничьихъ центровъ, прошелъ слухъ, что на Еланскомъ хуторѣ, въ домѣ вольскаго мѣщанина Мунина, совершилось чудо: „наканунѣ Новаго года изъ образа рождества Богородицы текла кровь“.

Одна уже эта эпическая фраза переноситъ насъ во времена лѣтописныя, когда передъ каждымъ общественнымъ бѣдствіемъ, особенно передъ войной, почти постоянно повторялось въ лѣтописяхъ, что въ такой-то церкви „плакала Богородица“ или „изъ сухаго древа иконы текла кровь“, и проч. Такое же чудо совершилось на Еланскомъ хуторѣ, послѣ уничтоженія иргизскихъ раскольничьихъ общинъ. Естественно, что народъ долженъ

быть ожидать бѣды, „крови“, потому что иначе и нельзя было объяснить страшнаго чуда.

Объ этомъ мнимомъ чудѣ крестьяне объявили священнику Новоузенскаго уѣзда, села Всесвятскаго, Іоанну Симановскому, который около этого времени по дѣламъ службы пріѣзжалъ въ деревню Верхнюю Мечетку. Узнавъ объ этомъ, Симановскій пригласилъ „къ освидѣтельствованію сего чуда“ своихъ церковно-служителей и управляющаго имѣніемъ г. Бибикова. Оказалось, что кровь дѣйствительно текла изъ иконы, и потому лица, свидѣтельствовавшія это странное чудо, собрали въ особый пузырекъ капавшія съ иконы капли крови и пузырекъ этотъ прислали въ Саратовъ къ преосвященному Іакову.

Тотчасъ же наряжено было слѣдствіе. Велѣно было разслѣдовать причины нелѣпой молвы о чудѣ, открыть виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, а икону доставить въ Саратовъ, въ каѳедральный соборъ. Немедленно донесено было объ этомъ также министру внутреннихъ дѣлъ и правительствующему синоду, но не какъ о чудѣ, а о „необыкновенномъ случаѣ“.

Черезъ нѣсколько дней все объяснилось. Слѣдователи доносили губернатору, что „на полку, выше образа сдѣланную, былъ положенъ кусокъ сырой свинины, и мокрота изъ онаго, по случаю покатости полки, стекала на самый образъ рождества Богородицы, въ чемъ созналась частію семейная Мунина — Матрена Гаврилова; это доказывается и тѣмъ болѣе (прибавляли слѣдователи), что по испытанію налитіемъ на полку воды произошло то же самое“. Виновные въ этомъ дѣлѣ, Гаврилова, и прикосновенныя къ дѣлу лица посажены были въ острогъ, но судомъ признаны невиновными; только первой изъ нихъ, искренно повѣрившей въ возможность такого чуда и введшей въ заблужденіе другихъ, сдѣлано было судомъ внушеніе: „какъ о происшедшемъ будто бы чудѣ отъ образа Божіей Матери (говорилось въ опредѣленіи суда) сдѣлалось извѣстнымъ отъ мѣщанки Матрены Муниной, принявшей чудо то за настоящее, то, чтобы не было отъ нея въ послѣдствіи времени о томъ мнимомъ чудѣ толковъ, поручить о семъ имѣть наблюденіе мѣстному сельца Еланки духовенству, а Муниной внушить, что она за противное сему подвергнетъ себя строгому взысканію по законамъ“.

Такова была почва, на которой держался и которой питался расколъ. А между тѣмъ, трудно даже повѣрить, что подобныя дѣла возникали еще такъ недавно, именно въ 1845 году, и что народъ, бывшій причиною возбужденія такихъ дѣлъ, и до сихъ поръ тотъ же, какимъ былъ при Андреѣ Боголюбскомъ.

Но возбужденіе раскольниковъ на этомъ не остановилось. Вслѣдъ за помянутой молвой объ истеченіи крови изъ образа по Заволжью прошла молва о какомъ-то „небесномъ огнѣ“. Достаточно было одного пустого слуха о томъ, что съ неба гдѣ-то сходитъ огонь, чтобъ все населеніе заволновалось самыми неестественными и самыми невѣроятными разсказами, въ которыхъ этотъ огонь игралъ таинственную роль, и чѣмъ неправдопо-

добнѣе, чѣмъ туманнѣе и даже нелѣпѣе были слухи, тѣмъ сильнѣйшимъ было возбужденіе умовъ, уже давно настроенныхъ на что то необычайное и, преимущественно, страшное, гибельное для края. Толковали, что этотъ небесный огонь показывался недалеко отъ свободы Криволучья, на могилѣ какого-то праведнаго человѣка. Сначала суевѣрныя старухи, а за ними не менѣе суевѣрные мужики выходили ночью за слободу и, дѣйствительно, видѣли свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно былъ похороненъ одинъ изъ иргизскихъ скитниковъ, старецъ Іона, высланный изъ Никольскаго иргизскаго скита, по распоряженію начальства. Вскорѣ вѣсть объ этомъ таинственномъ явленіи привлекла въ Криволучье суевѣрныхъ и изъ окрестныхъ селеній, которые тайкомъ посѣщали могилу Іоны и молились на ней. Появленіе мнимаго небеснаго огня суевѣріемъ жителей связано было, конечно, съ послѣдними событіями на Иргизѣ. Затѣмъ прошелъ слухъ, что у криволуцкаго крестьянина Пармена Назарова, въ образной избѣ горитъ лампадка съ неугасимымъ огнемъ, добытымъ будто бы отъ небеснаго огня. Тогда сосѣди криволучане, а равно жители сосѣднихъ селеній, стали сходиться къ Назарову для моленій и для полученія отъ его неугасаемой лампады небеснаго огня. Мнимый небесный огонь разошелся такимъ образомъ по разнымъ селамъ и по возможности поддерживался въ разныхъ раскольничьихъ домахъ. Говорили, что, по случаю приближенія будто бы кончины міра, огонь этотъ будетъ спасительнымъ для тѣхъ, кто сохранитъ его до страшнаго суда: при помощи этого огня, въ ночь страшнаго суда, раскольники надѣялись „найти дорогу въ рай“.

Но слухи о мнимомъ небесномъ огнѣ недолго могли оставаться тайною. Объ нихъ провѣдали власти и тотчасъ же произвели секретное дознаніе, а потомъ слѣдствіе. Въ домѣ Назарова, въ образной половинѣ избы, дѣйствительно, найдена была неугасаемая лампада. При спросѣ хозяинъ дома показалъ, что лампадка зажигается имъ въ праздничные дни, а „при усердіи молящихся святымъ иконамъ огонь въ лампадкѣ не угасаетъ по цѣлымъ недѣлямъ, а и по мѣсяцамъ, особенно въ дни говѣній“. Когда же ему сказали, что онъ ложно называетъ огонь лампады небеснымъ огнемъ, то Назаровъ отвѣчалъ, что всякій огонь, горящій предъ иконой, „есть огонь Божій, а слѣдовательно, и небесный“. Его уличали въ томъ, что онъ распускаетъ слухи о явленіи мнимаго небеснаго огня на могилѣ раскольника Іоны и что будто бы отъ этого огня онъ добылъ и тотъ огонь, который горитъ у него въ образной. Находчивый раскольникъ-казуистъ и на это возражалъ, что слуховъ о мнимомъ огнѣ онъ не распускалъ, но что на могилѣ Іоны не онъ одинъ, а многіе видятъ по ночамъ какой-то свѣтъ, и что этотъ свѣтъ долженъ быть небесный, „ибо, прибавлялъ онъ,—сказано въ писаніи: „свѣтъ свѣтится во тьмѣ и тьма его не объятъ“.

Предполагая, что въ мнимомъ явленіи огня на могилѣ раскольника Іоны кроется какой-нибудь обманъ, слѣдователи отправились на показанную могилу ночью, взявъ съ собой Назарова. Подходя къ могилѣ, они, дѣйстви-

тельно, увидѣли нѣчто похожее на свѣтъ, который слабо мерцалъ въ серединѣ креста, поставленнаго на могильной насыпи. Когда же около самаго креста открыли фонарь съ огнемъ, до той минуты закрытый полстью, то свѣтъ, который виденъ былъ какъ бы стоящимъ надъ могилою, исчезъ. Осмотрѣли крестъ и нашли: въ деревянный осмиконечный крестъ съ одной стороны былъ вдѣланъ небольшой образокъ, мѣдный, складной, какіе обыкновенно пользуются преимущественнымъ уваженіемъ раскольниковъ, а на обратной сторонѣ креста также вдѣланъ былъ въ небольшое выдолбленное углубленіе кусокъ дерева, сильно подверженнаго гнилости, или, какъ объясняли слѣдователи, просто „кусокъ гнилушки". Такъ какъ гнилушка имѣетъ свойство въ темнотѣ издавать отъ себя небольшой фосфорическій блескъ, то этотъ блескъ разлагающагося дерева и принятъ былъ раскольниками за „небесный огонь".

За объясненіемъ этого обстоятельства опять должны были обратиться къ Назарову. Послѣдній объявилъ, что найденный въ крестѣ кусокъ дерева вдѣланъ въ этотъ крестъ по словесному духовному завѣщанію умершаго старца Іоны, который за нѣсколько дней до смерти просилъ Назарова „освятить его могилу", какъ онъ выражался, останками отъ честнаго гроба усопшаго въ Никольскомъ монастырѣ инока Филарета". Кусокъ дерева—это и были „останки" отъ гроба какого-то Филарета, вѣроятно раскольника, давно умершаго на Иргизѣ, принесенные съ собою старцемъ Іоною, когда его выслали изъ Никольскаго скита въ Криволучье.

Вотъ это-то обстоятельство и послужило началомъ легенды о мнимомъ „небесномъ огнѣ", которымъ запасались раскольники, на случай страшнаго суда. Какъ ни нелѣпа была вся эта сказка, въ созданіи которой, повидимому, Назаровъ игралъ не малую роль, однако, сказка нашла вѣрующихъ слушателей и огонь отъ лампадки Назарова переносился „въ горшкахъ" и въ фонаряхъ изъ села въ село, пока не накрыли самого составителя легенды и не препроводили въ Николаевъ на судъ.

Не приводимъ множества другихъ случаевъ, въ которыхъ проявлялись тѣ или другія движенія въ расколѣ. Ясно только одно становится при обобщеніи этихъ отдѣльныхъ явленій, что, несмотря на твердую увѣренность въ административныхъ сферахъ, будто расколъ, „за принятыми мѣрами, самъ собою падаетъ", расколъ не падалъ, а усиливался, находя для своего питанія и роста благопріятную почву въ невѣжествѣ массъ и въ малой обезпеченности ихъ экономическаго благосостоянія. Массы населенія не могли не видѣть, что при относительной нравственной сплоченности раскольниковъ, между которыми всегда проявлялась не только духовная солидарность, но и экономическая общинность, раскольники, сравнительно, живутъ богаче нераскольниковъ, что зажиточные изъ нихъ въ нуждѣ помогаютъ незажиточнымъ, что даже богачи-раскольники, эта аристократія капитала, не чуждается самаго бѣднаго брата-раскольника, и потому, естественно, расколъ сталъ представлять собою центръ тяготѣнія не столько религіознаго, сколько экономическаго. За купцами, мѣщанами и удѣльны-

ми крестьянами въ расколъ стали идти даже помѣщичьи крестьяне, которые въ сектаторствѣ какъ бы смутно искали выхода изъ крѣпостной зависимости, такъ какъ выхода этого они не видѣли нигдѣ, и потому не надѣялись ни на кого изъ тѣхъ, кому можно было придать эпитетъ „барина“ или „богатаго“.

Вотъ почему русскій расколъ остался крѣпокъ и неподатливъ, несмотря на строгія мѣропріятія того времени.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XXII ТОМА.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

ЗАМУРОВАННАЯ ЦАРИЦА

РОМАНЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА.

Томъ XXIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 ноября 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Спб. Фонтанка 95.

I.

Вѣнчаніе на царство фараона.

Въ стовратныхъ Ѳивахъ, въ столицѣ фараоновъ, торжество.

Массы египтянъ всѣхъ возрастовъ и половъ толпятся около гигантскаго съ причудливыми исполинскими колоннами и пилонами храма Аммона-Горуса. Нилъ запруженъ лодками: это народъ стремится съ зарѣчной, съ правобережной стороны Ѳивъ переправиться на лѣвобережную, чтобы видѣть готовящееся торжество. Въ воздухѣ стоитъ невообразимый гулъ и говоръ. Только длинная и широкая аллея сфинксовъ, ведущая къ храму, свободна отъ толпы, потому что ее оберегаютъ отъ наплыва любопытныхъ вооруженные длинными копьями „мацаи"—нѣчто въ родѣ полицейскихъ и сыщиковъ; гранитные великаны-сфинксы, протянувъ передъ собою львиныя лапы, безмолвно глядятъ своими гранитными очами въ невѣдомое пространство. Къ людскому говору присоединяются звонкіе крики орловъ, стаи которыхъ съ Ливійскихъ горъ постоянно налетаютъ къ шумной столицѣ фараоновъ и спиралями кружатся надъ нею въ голубомъ, какъ бирюза, небѣ.

— Дѣдушка!—говорила маленькая, десяти или одиннадцати-лѣтняя дѣвочка съ бронзовымъ личикомъ и курчавой головкой, указывая на рѣзныя изображенія на пилонахъ храма:—кого это бьетъ по головамъ вонъ тотъ страшный человѣкъ?

Дѣвочка обращалась къ старику, державшему ее за руку.

— Это, дитя, самъ фараонъ поражаетъ своихъ враговъ,—отвѣчалъ старикъ, гладя курчавую головку дѣвочки.—А то—видишь—влѣво—великій Аммонъ подаетъ ему боевую сѣкиру.

— А что тамъ, дѣдушка, написано?—любопытствуетъ дѣвочка.

— А то, дитя, начертаны слова самого бога. Аммонъ-Горусъ говоритъ фараону: „сынъ мой, происшедшій изъ чреслъ моихъ, ты, котораго я люблю, господинъ двухъ міровъ, Рамзесъ! я привожу къ тебѣ вождей южныхъ странъ съ дѣтьми ихъ, сидящими на спинахъ ихъ"...

— Да, да, дѣдушка,—смотри—вонъ они на спинахъ, да все маленькія, лепетала дѣвочка.

— Такія же какъ и ты, дитя,—улыбнулся старикъ.

— Зачѣмъ же богъ Аммонъ привелъ ихъ къ фараону?

— А вотъ зачѣмъ, дитя:—богъ говоритъ фараону: „пощади жизнь тѣхъ, которыхъ ты изберешь изъ среды ихъ; убей изъ нихъ столько, сколько ты найдешь нужнымъ“.

— Ахъ, дѣдушка! слышишь музыку?

— Идутъ! идутъ!—пронесся говоръ по аллеѣ сфинксовъ.

Мацаи торопливо стали приводить народъ въ порядокъ, махая копьями.

Въ концѣ аллеи сфинксовъ, противоположномъ храму, показалась процессія.

Впереди шли ряды музыкантовъ и хоры пѣвцовъ. Воздухъ огласился дикою музыкою барабановъ, трубъ и флейтъ. Это былъ военный маршъ великаго Рамзеса-Сезостриса, маршъ подъ ужасную мелодію котораго онъ покорилъ весь тогдашній міръ, заливъ его рѣками крови. Музыка смѣнялась хорами. Въ этой новой мелодіи было что-то еще болѣе ужасное: въ ней слышалось и рыканіе львовъ, и плачъ крокодиловъ Нила, и клекотъ орловъ пустыни.

Такъ открывалась величественная процессія вѣнчанія на царство фараона Рамзеса III или Рампсинита.

За музыкантами и хорами пѣвчихъ выступали въ богатыхъ одѣяніяхъ, блестя золотомъ и пурпуромъ, родственники и приближенные фараона съ верховными жрецами въ полномъ облаченіи.

За ними—высоко въ воздухѣ покачивались съ метрической плавностью, носилки и тронъ самого фараона, предшествуемые старшимъ сыномъ Рамзеса, который сожигалъ передъ царственнымъ отцомъ благоуханія земли Пунтъ.

Величественно-напыщенная фигура Рамзеса хорошо видна была для всей собравшейся толпы. Украшенный всѣми знаками царскаго сана, онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, а голову его осѣняли своими крыльями изображенія правосудія и истины. Тамъ же, у трона—золотыя фигуры сфинкса и льва—эмблемы мудрости и мужества. Левъ, казалось, грозно смотрѣлъ на толпу, охраняя тронъ монарха земли фараоновъ. Длинныя, изъ краснаго и чернаго дерева, носилки, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями, покоились на плечахъ двѣнадцати „эрисовъ“, или военачальниковъ, которыхъ головы украшены были страусовыми перьями. Носилки и тронъ окружали прелестные мальчики—дѣти изъ жреческой касты, которые несли скипетръ фараона, футляръ его лука, колчанъ со стрѣлами и другіе знаки царскаго достоинства.

Но что особенно поражало зрителей—это громадный левъ, который шелъ рядомъ съ носилками, постоянно поднимая свою косматую голову вверхъ, чтобы взглянуть на Рамзеса. Это былъ его любимый, прирученный съ дѣтства левъ—„Смамъ-Хефту“—„раздиратель враговъ“, котораго велъ на золотой цѣпи маленькій внукъ верховнаго жреца Аммона, смугло-

лицый мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Левъ привыкъ къ своему маленькому вожатому, игралъ съ нимъ и позволялъ даже ѣздить на себѣ верхомъ.

Вокругъ всей этой группы — вокругъ носилокъ съ трономъ, фараономъ, вокругъ „эрисовъ“, жреческихъ дѣтей и льва — кольцомъ обвивались сановники, которые своими блестящими опахалами навѣвали прохладу на своего повелителя, насколько могъ дать прохлады знойный воздухъ тропиковъ при мертвой тишинѣ, не колеблемой даже ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтерка съ Нила.

Вслѣдъ за носилками шли восемнадцать царевичей — дѣтей Рамзеса (старшій шелъ впереди носилокъ, куря благовоніями земли Пунтъ). Они шли по два въ рядъ. У младшихъ изъ нихъ, еще не достигшихъ возмужалости, отъ висковъ спускались на щеки черные какъ смоль „локоны юности“—признакъ принца царской крови.

За царевичами, тоже по два въ рядъ, выступали начальники войскъ, а затѣмъ уже колонны воиновъ съ луками и колчанами за плечами.

Не далеко отъ храма, на площади, обведенной полукругомъ изъ сфинксовъ, процессія остановилась. Носилки были поставлены на землю, и Рамзесъ сошелъ съ трона, поддерживаемый эрисами.

Площадь и толпы народа, казалось, дрогнули отъ испуга. Они увидѣли бога!..

Это былъ бѣлый, какъ горный снѣгъ, молодой быкъ — Аписъ. Добродушная морда животнаго, кроткіе, огромные, нѣсколько выпученные глаза, безсмысленно глядѣвшіе на блестящую процессію, — все это какъ то не вязалось съ понятіемъ о грозномъ и всемогущемъ божествѣ. Но такова сила человѣческой глупости: всѣ, исключая жрецовъ, и то немногихъ— вѣрили, что это—богъ, Аписъ-Озирисъ. Всѣ упали на колѣни, кто воздѣвалъ руки къ божеству, кто распростерся ницъ.

Впереди Аписа шелъ жрецъ, куря ѳиміамъ передъ священнымъ животнымъ. Быкъ шелъ послушно: онъ зналъ, куда его ведутъ. Богу долго не давали ѣсть, онъ проголодался, но хорошо зналъ, что если верховный жрецъ идетъ впереди съ курильницей, то, значитъ,—скоро богу дадутъ кушать. Вслѣдъ за Аписомъ двадцать два жреца несли на драгоцѣнныхъ носилкахъ, въ формѣ паланкина, самую статую божества, Аммона-Горуса, изъ чистаго медіанитскаго золота, а другіе жрецы богатыми опахалами и вѣтками олеандровъ въ цвѣту навѣвали свѣжесть на это золотое божество.

Рамзесъ присоединился къ этой священной процессіи. Возложивъ на голову одинъ вѣнецъ—вѣнецъ „нижней страны“, онъ пошелъ вслѣдъ за Аписомъ. За нимъ понесли статую Аммона-Горуса, окруженную жрецами, изъ которыхъ одинъ громко возглашалъ предписанныя на этотъ случай молитвы, другіе девятнадцать жрецовъ несли разные священные предметы, а еще семь выступали съ небольшими золотыми изображеніями предковъ и предшественниковъ Рамзеса, которые символически, въ вещественныхъ образахъ, принимали участіе въ торжествѣ своего дальнѣйшаго потомка.

Миновавъ пилоны, священная процессія, съ быкомъ и фараономъ во

главѣ, вступила во внутренній дворъ храма, съ одной стороны обставленный колоссальными колоннами, капители которыхъ украшены полураспустившимися лотосами, съ другой — пятью массивными каменными пилястрами, къ которымъ прислонены такія же колоссальныя статуи фараоновъ съ аттрибутами Озириса.

Но здѣсь процессія не остановилась. Она прошла этотъ дворъ и другіе пилоны съ изображеніями побѣдъ Рамзеса и вступила во второй, еще болѣе обширный дворъ, окруженный галлереями съ богатыми скульптурными изображеніями и статуями царей.

Вступивъ на этотъ дворъ, Рамзесъ поднялъ голову. Глаза его остановились на западной галлереѣ, и смуглое лицо фараона просвѣтлѣло. Оттуда смотрѣли на него его дочери и жена, царица Тіа. Всѣхъ царевенъ было четырнадцать, изъ которыхъ иныя смотрѣли еще очень юными: ихъ невинныя личики и разгладили суровое чело фараона.

Увидѣвъ Аписа, царица и царевны благоговѣйно преклонили колѣни.

Но вотъ фараонъ уже въ храмѣ, передъ жертвенникомъ Аммона-Горуса. Его встрѣчаетъ первенствующій верховный жрецъ съ амфорой помазанія и елеемъ въ одной рукѣ и съ двойнымъ вѣнцомъ въ другой. Это вѣнецъ „верхней и нижней страны“—Верхняго и Нижняго Египта.

Аписъ, стоящій рядомъ съ фараономъ, начинаетъ изъявлять нетерпѣніе, безпокойство. И причина понятна: проголодавшійся богъ видитъ на жертвенникѣ снопъ зеленой, сочной, съ налитыми колосьями пшеницы и около снопа—золотой серпъ. Быкъ очень хорошо понимаетъ, для чего все это приготовлено: его сейчасъ будутъ кормить этою прелестною пшеницею, и глупый, недогадливый богъ, словно простой смертный, деревенскій бычокъ, протягиваетъ къ снопу свою добродушную морду. Но догадливый, продувной жрецъ кадитъ у него подъ самой мордой благоуханіями, которыхъ быкъ терпѣть не можетъ—и онъ пятится назадъ отъ снопа. Ахъ, какъ ему надоѣли эти куренья! А ничего не подѣлаешь—надо терпѣть, а иначе ѣсть не дадутъ. И наученный горькимъ опытомъ богъ молчитъ и только тихимъ мычаньемъ изъявляетъ свою волю на вѣнчаніе Рамзеса III вѣнцомъ обоихъ Египтовъ—отъ моря и Мемфиса до предѣловъ „презрѣнной страны“ Кушъ-Еѳіопіи. И первенствующій верховный жрецъ, совершивъ обрядъ помазанія на царство, умастивъ голову фараона благовоннымъ елеемъ, возлагаетъ на него двойной вѣнецъ.

А Аписъ все ждетъ... И когда все это кончится!.. Какъ противенъ для него запахъ этого елея! какъ противенъ дымъ куреній!.. То-ли дѣло зеленая сочная пшеница — эти налитые молокомъ колосья!.. А надо ждать....

Послѣ этого вѣнчанный царь совершаетъ возліяніе божеству, Аммону-Горусу.

Тогда начинается обрядъ „четырехъ птицъ“. Изъ внутренней части алтаря, изъ святилища, недоступнаго для смертныхъ, выносятъ четыре золотыя клѣтки съ священными птицами — ибисомъ, кобчикомъ, ворономъ

и орломъ. Верховный жрецъ поочередно вынимаетъ ихъ изъ клѣтокъ и выпускаетъ на всѣ четыре страны свѣта—на сѣверъ, на востокъ, на югъ и на западъ: эти птицы, геніи бога Озириса, должны повѣдать во всѣ концы міра, что Рамзесъ III, слѣдуя примѣру Аммона-Горуса, вѣнчался символами его владычества надъ всею вселенною.

А Аписъ все ждетъ, слѣдя своими добрыми, изумленными глазами за полетомъ птицъ... Зачѣмъ это они дѣлаютъ? А затѣмъ, чтобы потомъ дать ему вонъ тѣ удивительные колосья... Онъ это хорошо понималъ—онъ хорошо помнитъ, что то же самое продѣлывали съ нимъ жрецы, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ вѣнчали на царство фараона Сетнахта-Міамуна... И тогда дали ему вотъ эти удивительные колосья... А гдѣ же дѣвался этотъ Сетнахтъ-Міамунъ? Быкъ ничего не понималъ—и терпѣливо ждалъ...

Наконецъ-то!.. Рамзесъ протягиваетъ руку, беретъ золотой серпъ и срѣзываетъ полную горсть пшеницы. Жрецъ съ противнымъ куреньемъ отступаетъ въ сторону, и Рамзесъ даетъ Апису порядочный пучокъ колосьевъ... Ахъ, какъ вкусно! Съ какимъ наслажденіемъ онъ жуетъ эту прелесть и снова протягиваетъ свою морду къ снопу.

Тогда съ верхней галлереи сходитъ царица Тіа съ царевнами и начинается трогательная сцена: юныя царственныя египтянки обступаютъ Аписа, и благоговѣйно, съ любовью гладятъ мягкую, шелковистую, чистую шерсть священнаго животнаго, то суютъ ему въ ротъ колосья, а онъ ихъ жуетъ и жуетъ съ наслажденіемъ, поглядывая на дѣвочекъ своими кроткими глазами.

Въ это время Аммонъ-Горусъ, сопровождаемый половиною жрецовъ, удаляется въ свое святилище *).

II.

„Священная дѣвочка“.

Когда кончился, такимъ образомъ, обрядъ вѣнчанія на царство Рамзеса III, жрецы Аписа двинулись въ обратный путь съ своимъ богомъ, въ храмъ Аписа-Тума, находившійся не далеко отъ Рамессеума великаго Сезостриса. И на этотъ разъ впереди священнаго быка шелъ жрецъ и на золотомъ блюдѣ сожигалъ благовонія.

При приближеніи Аписа къ крайнимъ пилонамъ храма Аммона-Горуса, гдѣ была особенно многочисленна толпа зрителей, старикъ, который въ предыдущей главѣ разъяснялъ своей маленькой внучкѣ изображенія и надписи на пилонахъ, видимо обнаруживалъ знаки величайшаго волненія. Онъ прижималъ руку къ сердцу, какъ бы стараясь удержать его біенія, то поднималъ глаза къ небу.

---

*) Въ изображеніи обряда вѣнчанія Рамзеса авторъ главнымъ образомъ придерживался Шампольона и Маріетта-бея.

Теперь онъ, при видѣ Аписа, нагнулся къ дѣвочкѣ какъ бы затѣмъ, чтобы пригладить ея волосы.

— Такъ все помнишь, дитя?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Все помню, дѣдушка,—отвѣчала дѣвочка.

— Что жъ ты скажешь?—продолжалъ старикъ.

— Я скажу про себя: великій богъ Аписъ-Тумъ! Освѣти мою невинную душу божественнымъ лучемъ очей твоихъ: дай мнѣ, чистому ребенку, твою силу для добраго дѣла,—пролепетала шопотомъ дѣвочка.

— Хорошо, дитя... Только не забудь взглянуть ему въ глаза.

— Не забуду.

Сказавъ это, дѣвочка, гибкая и тоненькая какъ пальмочка, вьюномъ проскользнула впередъ къ самимъ мацаи, охранявшимъ порядокъ шествія. Старикъ лихорадочно слѣдилъ за ея движеніями. При видѣ бога, толпа снова дрогнула, и кто упалъ на колѣни и протягивалъ руки къ божеству, кто распростерся ницъ. Въ этотъ моментъ дѣвочка, юркнувъ мимо моцаи, очутилась какъ разъ предъ Аписомъ и упала на колѣни, скрестивъ руки. Черные глаза ея съ боязнью уставились въ изумленные глаза священнаго животнаго. Быкъ остановился на минуту. Мацаи было бросились къ дѣвочкѣ, но жрецъ, возжигавшій куренія, остановилъ ихъ.

— Не отгоняйте дѣтей отъ лицезрѣнія бога,—сказалъ онъ повелительно:— самъ великій Аммонъ принимаетъ невинныхъ дѣтей на свое лоно.

Богъ уже нагнулъ было голову, чтобы бодаться—ему одного маленькаго снопа было недостаточно —онъ былъ еще голоденъ, какъ дѣвочка уже юркнула въ толпу.

— Она священная... дѣвочка священная теперь,—прошелъ шопотъ удивленія по толпѣ.

Всѣ старались взглянуть на нее, подойти ближе, заговорить. Она сама теперь чувствовала, что совершила что-то необыкновенное. Она это видѣла въ глазахъ другихъ, слышала это въ шопотѣ удивленія окружавшихъ ее, замѣчала это въ томъ бтагоговѣйномъ удивленіи, съ какимъ глядѣли на нее женщины. Въ ней заговорила безсознательная радость---гордость совершеннаго подвига. Она, казалось, преобразилась—выросла въ одинъ моментъ, возмужала. Хорошенькое смугленькое личико ея стало еще прелестнѣе.

Шествіе между тѣмъ продолжалось. Аписъ уже подходилъ къ колоссальнымъ статуямъ фараона Аменхотепа III, которыя до настоящаго времени слывутъ ошибочно подъ именемъ колоссовъ Мемнона.

Фараонъ Аменхотепъ III былъ царемъ Египта восемнадцатой династіи, около 1680 лѣтъ до христіанской эры. Въ Каирѣ, въ Булакскомъ музеѣ, можно доселѣ видѣть статую строителя этихъ колоссовъ, надпись на которой, между прочимъ, говоритъ отъ лица этого строителя: „Возвысилъ меня царь Аменхотепъ III въ званіе верховнаго строителя. Я увѣковѣчилъ имя царя, и никто съ древнѣйшихъ временъ не сравнялся со мною въ работахъ моихъ. Для царя создана была гора песчаника—онъ есть наслѣдникъ бога Тума (заходящаго солнца). Я дѣйствовалъ на основаніи собственныхъ вычисленій,

когда подъ моимъ руководствомъ высѣкались изъ хорошаго крѣпкаго камня двѣ статуи въ этомъ великомъ зданіи (въ храмѣ Аменофіумъ). Оно подобно небу. Ни одинъ царь не сдѣлалъ ничего подобнаго со времени, когда солнечный богъ Ра владѣлъ страною. И такъ я наблюдалъ за изваяніемъ этихъ изображеній—его, царя, изображеній: они удивительны и по ширинѣ, и въ высоту, по вертикальному направленію; фигура ихъ въ оконченномъ видѣ дѣлала ворота храма низкими—сорокъ локтей мѣра ихъ... Я приказалъ построить восемь кораблей. Статуи на нихъ отвезены и поставлены въ его великолѣпномъ зданіи. Онѣ будутъ вѣчны, какъ небо" *).

И геніальный скульпторъ колоссовъ не ошибся: отъ стовратныхъ Ѳивъ, отъ храма Аменофіума, отъ дворцовъ и храмовъ Рамзеса II — Сезостриса и Рамзеса III — Рампсинита, отъ всѣхъ боговъ Египта остались только обломки на мѣстѣ Ѳивъ, обломки камней, мусоръ да колонны полуразбитыя; имя фараона Аменхотепа III, чью личность изображали эти колоссы, давно забыто въ исторіи; а колоссы все стоятъ въ грозномъ величіи вотъ уже почти 4,000 лѣтъ и будутъ еще стоять долго-долго на удивленіе послѣдующимъ поколѣніямъ...

Старикъ и дѣвочка, между тѣмъ, затерлись въ толпѣ.

— Кто эта дѣвочка?—спрашивали любопытствующіе:—чья она?

— Неизвѣстно... Слышали только, что старикъ назвалъ ее Хену.

— А кто этотъ старикъ: отецъ ея или дѣдушка?

— Это знаетъ только богъ Хоремху всевидящій **): онъ освѣщалъ своими лучами ея дѣтскую колыбель.

А между тѣмъ тѣ, о коихъ говорили въ толпѣ, пробирались къ берегу Нила, выше Мединетъ-Абу. Въ густыхъ тростникахъ ихъ ожидала небольшая лодочка, которую можно было съ трудомъ отыскать. Но старикъ, повидимому, хорошо знакомъ былъ съ мѣстностью. Онъ безъ труда отыскалъ лодку, привязанную къ толстому стволу тростника, отвязалъ ее и взялъ лежавшія на днѣ ея весла.

Дѣвочка съ легкостью котенка вскочила въ лодку.

— Дѣдушка,—сказала она:—дай мнѣ одно весло, я буду грести.

— Хорошо, дитя,—съ улыбкою отозвался старикъ:—только ты не сумѣешь.

Онъ оттолкнулъ лодку, и самъ въ нее вскочилъ съ легкостью юноши. Лодка вышла изъ тростниковъ и направилась къ другому берегу Нила. Дѣвочка гребла усердно, стараясь брать въ тактъ съ дѣдомъ.

— Отчего же, дѣдушка, Аписъ—богъ, а другіе быки не боги?—спросила она, видимо находясь подъ впечатлѣніемъ недавно испытаннаго.

— Оттого, дитя, что въ Аписа вселилась душа Аммона-Горуса,—отвѣчалъ старикъ.

— А какъ же узнать, въ какого быка она вселилась?

---

*) „Исторія фараоновъ". Бругшъ-бея, 393.
**) Хоремху—это Хорусъ или Горусъ „въ солнечномъ блескѣ".

— Это узнаютъ только святые отцы, дитя... Когда прежній богъ Аписъ, житія котораго было двадцать шесть лѣтъ, два мѣсяца и одинъ день, отправился въ прекрасную страну запада и былъ погребенъ въ гробничномъ подземельѣ, на покоѣ, при великомъ богѣ Озирисѣ, при Анубисѣ и при богинѣ подземнаго міра на западѣ, въ вѣчномъ домѣ своемъ, то новаго бога Аписа долго искали по всему Египту, и нашли только въ низовьяхъ Нила, и тогда верховный жрецъ торжественно, при всемъ народѣ, ввелъ его въ храмъ Пта,—отца боговъ.

— Дѣдушка! — перервала его разсказъ дѣвочка:—а когда ты былъ начальникомъ стадъ фараона, въ твоихъ стадахъ ни разу не появлялся богъ Аписъ?

— Нѣтъ, дитя, появлялся,—отвѣчалъ старикъ съ дрожью въ голосѣ:—послѣдній Аписъ, который былъ передъ этимъ, выросъ въ моихъ стадахъ и родился отъ моей коровы.

Дѣвочка задумалась, усердно работая весломъ.

— А что теперь со мной будетъ, дѣдушка? — спросила она вдругъ. — Онъ взглянулъ мнѣ прямо въ глаза... Я чуть не крикнула отъ страху.

— Тебѣ боговъ бояться нечего—ты невинное дитя,—сказалъ старикъ.

— Такъ что жъ со мною будетъ, дѣдушка?—снова спросила дѣвочка.

— Ты теперь стала священная—ты сподобилась великой милости бога, и теперь все, о чемъ ты попросишь у отца бога Аписа, у великаго Пта—все исполнится.

— А когда я выросту большая, тогда что со мною будетъ?

— Все для тебя будетъ достижимо, дитя, если ты не утратишь своей святости.

Въ это время лодка поравнялась съ длинною песчаною отмелью, тянувшеюся вдоль Нила до острова. На отмели виднѣлись какія-то черныя колоды, въ которыхъ дѣвочка, обитательница береговъ Нила, тотчасъ узнала страшныхъ владыкъ водныхъ предѣловъ священной рѣки. Это были два огромныхъ крокодила. Они лежали на отмели, разинувъ свои чудовищныя пасти, а въ нихъ, среди огромныхъ, словно пилы, зубовъ, безбоязненно возились какія-то маленькія птички: это были знаменитые „трохилосы“, о которыхъ говоритъ Геродотъ. Маленькія птички эти—друзья крокодиловъ. Когда нильскія чудовища выходятъ изъ рѣки на берегъ, большею частью на илистыя и песчаныя отмели, и отдыхаютъ, раскрывъ пасти для того, чтобы вѣтерокъ освѣжалъ ихъ, — то трохилосы забираются къ нимъ въ пасти и, ничего не боясь, отыскиваютъ и поѣдаютъ тамъ разныхъ паразитовъ, въ родѣ піявокъ и водяныхъ жучковъ, которые безпокоятъ крокодиловъ. Чудовищамъ это и нравится, и они щадятъ своихъ маленькихъ благодѣтелей, тѣмъ болѣе, что трохилосы крикомъ своимъ пробуждаютъ спящихъ крокодиловъ, предупреждая ихъ объ опасности.

— Смотри, дѣдушка, вонъ крокодилы спятъ,—сказала дѣвочка, увидавъ чудовищъ: — вонъ и птички у нихъ во рту бѣгаютъ—и не боятся.

— Чего жъ имъ, дитя, бояться? Они для крокодиловъ то же, что ты для меня—ихъ утѣха,—замѣтилъ старикъ.

— А говорятъ, крокодилъ тоже богъ. Да, дѣдушка?

— Да, дитя, только у насъ ему не ставятъ храмовъ. А въ Нижнемъ Египтѣ, въ землѣ Таше, крокодилы имѣютъ свои храмы: въ крокодилѣ обитаетъ божество Сетъ (Тифонъ)—страшное, разрушительное божество.

— А недавно, вонъ у того берега, крокодилъ утащилъ одну дѣвочку—я сама видѣла.

— Она, должно быть, близко подошла къ берегу?

— Да, дѣдушка, она водила на водопой осла и стояла у самой воды, а крокодилъ какъ ударитъ ее хвостомъ — мы и не замѣтили, какъ онъ показался изъ воды—дѣвочка упала въ воду, онъ и утащилъ ее... А мы играли дальше отъ берега.

Но вотъ и берегъ. Тѣни отъ гигантскихъ пальмъ, стоявшихъ недалеко отъ Нила, ложившіяся утромъ длинными полосами поперекъ рѣки, теперь укоротились такъ, что, казалось, гигантскія деревья потеряли способность бросать тѣнь, и только зонтикообразныя вершины ихъ нѣсколько оттѣняли раскаленную землю у стволовъ исполиновъ африканской растительности.

Въ то время, когда старикъ и дѣвочка выходили на восточный берегъ Нила, въ западной части Ѳивъ, за Ниломъ, во дворцѣ Рамзеса, въ помѣщеніи, занимаемомъ старшимъ его сыномъ, принцемъ Пентауромъ, происходилъ таинственный разговоръ между этимъ царевичемъ и его матерью, царицею Тіа.

— Ты слышала, матушка, что онъ на завтра объявилъ походъ противъ презрѣнной страны Либу, — сказалъ Пентауръ, сердито сжимая рукоять меча.

Это былъ египтянинъ съ типическими чертами фараоновъ: широкій, низкій какъ у льва лобъ, подвижность пантеры, стройность и подвижность членовъ этого животнаго, широкія ноздри и мясистыя, какъ у негра, губы обнаруживали пламенный темпераментъ. Пентауру было уже лѣтъ подъ тридцать.

— Да, — тихо отвѣчала его мать, женщина лѣтъ подъ сорокъ, смуглая, съ продолговатыми, какъ у сфинкса, глазами:—я слышала, сынъ мой.

— И знаешь, кого беретъ съ собой въ походъ?

— Конечно, сынъ мой, тебя: ты его преемникъ.

— Нѣтъ!—онъ беретъ мальчишку Ментухи—начальникомъ конницы и колесницъ, а Рамессу—начальникомъ пѣхоты.

— Да, я знаю—это его любимцы,—тихо, какъ бы про себя, проговорила Тіа, поправляя на головѣ золотой обручъ, съ изображеніемъ змѣя „уреусъ“ (царскій змѣй).

— А Меритума торжественно объявилъ великимъ жрецомъ Ра, бога солнца, въ Уакотѣ (Геліополисъ), а Хамуса—великимъ жрецомъ бога Пта-Сокара (Озирисъ) въ Мемфисѣ,—продолжалъ Пентауръ еще съ большимъ раздраженіемъ.

— А тебя, сынъ мой, чѣмъ онъ назначаетъ?—чуть слышно спросила царица.

— Меня—бабой! Я какъ женщина долженъ оставаться дома и принимать подати дуррой и полбой и ссыпать ихъ въ магазины. Такъ не быть же этому! Я велю Бокакамону принимать и ссыпать полбу, а самъ уѣду охотиться на львовъ пустыни.

— Не волнуйся, сынъ мой,—все также тихо замѣтила ему Тіа: — за насъ съ тобой и въ особенности за меня, за женщину — великая богиня Сохетъ, мать боговъ! Мы еще посмотримъ, сынъ мой, что скажетъ ея супругъ, великій Пта, отецъ боговъ.

III.

Начало заговора.

Вечеромъ этого же дня царица Тіа, возвратясь въ отдѣленіе женскихъ палатъ дворца фараона, велѣла приближенной рабынѣ, снявъ съ нея нѣкоторыя украшенія, обычныя при торжественныхъ выходахъ, подать и надѣть болѣе легкія ткани.

Накинувъ на госпожу короткую, безъ рукавовъ, бѣлую тунику изъ тонкаго финикійскаго виссона, рабыня поправила ей прическу, обвила низкій лобъ царицы золотымъ обручемъ съ змѣемъ-уреусомъ, надѣла на шею массивную золотую цѣпь съ священными жуками и на руки драгоцѣнные браслеты, когда въ дверяхъ показалась хорошенькая завитая прядями головка съ ясными глазами.

— А! это ты Снатъ?—ласково сказала царица:—Нитокрисъ?

— Я, мама! посмотри, что мнѣ подарилъ великій жрецъ Аммонъ-Мерибастъ! какая прелесть!

Это говорила молоденькая, тринадцатилѣтняя царевна, одна изъ четырнадцати дочерей Рамзеса III, хорошенькая Нитокрисъ, названная такъ въ честь царицы Нитокрисъ, знаменитой красавицы „съ розами на ланитахъ“, которая царствовала за 3,000 лѣтъ до нашей эры и которой приписываютъ третью изъ большихъ пирамидъ на „полѣ мертвыхъ“ въ Мемфисѣ.

— Золотой копчикъ, — сказала Тіа, разсматривая подарокъ великаго жреца съ ласковой улыбкой:—это добрый знакъ, дитя мое.

— Да, мама, отъ святого отца—все доброе,—серьезно сказала юная дочь фараона.

— Это правда, милая Нитокрисъ; но копчикъ отъ служителя бога Аммона—это знаменіе.

— Какое же, милая мама?

— А такое, плутовка, что ты скоро, подобно этому копчику, улетишь отъ насъ.

— Какъ, мама? куда я улечу? — недоумѣвала хорошенькая Нитокрисъ.

— А развѣ ты не знаешь, какой удѣлъ предназначенъ всякой женщинѣ матерью боговъ, великою Сохетъ, супругою Пта?

— Не знаю, мама.

— Быть сосудомъ на жертвенникѣ божества, дающаго жизнь, творящаго, созидающаго.

Юная дочь фараона все еще не понимала намековъ матери.

— Тебѣ уже тринадцать лѣтъ, — продолжала Тіа: — а я тринадцати лѣтъ была уже матерью Пентаура.

— Ахъ, мама, я не хочу замужъ!—вспыхнула Нитокрисъ.

Но въ это время вошелъ евнухъ царицы и поклонился до земли.

— Ты что, Сагарта?—спросила Тіа.

— Господинъ женскихъ палатъ Бокакамонъ желаетъ лицезрѣть твою ясность,—отвѣчалъ евнухъ.

— Пусть войдетъ Бокакамонъ,—сказала царица.

Евнухъ почтительно удалился.

— Поди и ты къ себѣ, милая Нитокрисъ,—сказала Тіа дочери:—мнѣ нужно поговорить съ Бокакамономъ о дѣлахъ дома нашего.

Нитокрисъ горячо поцѣловала мать.

— А все-таки я не улечу отъ тебя, какъ не можетъ улетѣть этотъ золотой копчикъ,—сказала она, уходя изъ помѣщенія царицы.

Въ это время вошелъ тотъ, о комъ докладывалъ евнухъ. Это былъ мужчина лѣтъ шестидесяти, бодрый и прямой, какъ юноша, съ сѣдыми волосами и совсѣмъ черными бровями. На смуглой шеѣ его была золотая цѣпь съ тремя рубиновыми пчелами на ней, подарокъ предмѣстника Рамзеса III, фараона Сетнахта. Бокакамонъ, такъ звали вошедшаго вельможу, былъ начальникомъ женскихъ палатъ фараона, „недремлющимъ окомъ“ царя, „стражемъ сада наслажденій“ своего повелителя.

— Великая Сохетъ да хранитъ вѣчно красоту твоей ясности, разсыпая розы на твои ланиты, — высокопарно привѣтствовалъ свою госпожу Бокакамонъ, подобострастно кланяясь и прижимая черную и жилистую руку къ сердцу.

— Пусть Горусъ изъ свѣтового круга вѣчно освѣщаетъ твои прекрасныя сѣдины, — съ тою же напыщенною любезностью отвѣчала царица.— Сядь на мѣсто свое.

Бокакамонъ сѣлъ противъ Тіи и молчалъ изъ уваженія къ своей повелительницѣ. Жена фараона оглядѣлась кругомъ.

— Ты знаешь, что объявленъ походъ противъ презрѣнной страны Либу (Ливія)?—сказала она тихо.

— Знаю, царица: презрѣнные либу подъ начальствомъ царей своихъ Цамара и Цаутмара, — да поразитъ богъ Монту дерзкихъ своимъ огненнымъ мечомъ! — наступаютъ на границы Египта, и великій Рамзесъ,—да хранитъ его великій Ра!—хочетъ поразить ихъ своимъ гнѣвомъ.

— А знаешь, кого онъ назначилъ военачальниками?

— Это вѣдомо, великая царица, на всѣхъ стогнахъ стовратныхъ Ѳивъ.

— А Пентуаръ, мой первенецъ? Онъ оскорбленъ публично!.. Я оскорблена въ его лицѣ!—съ страстнымъ жестомъ прошептала Тіа.—И ты, мой вѣрный Бокакамонъ, я знаю, давно носишь скорпіона въ своемъ сердцѣ— ты оскорбленъ раньше меня: — это вѣдомо не только Ѳивамъ, но всему Египту.

Какъ ни было смугло лицо Бокакамона, но и оно замѣтно покрылось блѣдностью.

— Да, скорпіонъ тутъ, въ сердцѣ,—прижалъ онъ руку къ груди

Тіа придвинула къ нему ближе свое легкое изъ краснаго дерева сѣдалище, окованное золотомъ, и положила руку на плечо Бокакамона. Отъ этого прикосновенія онъ весь вздрогнулъ.

— Ты знаешь, я всегда была къ тебѣ благосклонна,—чуть слышнымъ шопотомъ начала Тіа:—но моя рука никогда не касалась твоего плеча... Теперь моя рука на тебѣ... Я знаю твое сердце... Твои глаза давно мнѣ это сказали... Если ты поможешь мнѣ въ задуманномъ мною, тогда... ты положишь руки на мои плечи... Я...

Какъ ни былъ выдержанъ въ притворствѣ этотъ старый царедворецъ фараоновъ, но и онъ растерялся отъ такой неожиданности. Онъ не зналъ, что дѣлалось въ сердцѣ Тіа. Онъ зналъ одно, что въ ней оскорблена царица-мать. Но онъ не зналъ, что сердце женщины сложнѣе и неуловимѣе сердца мужчины. Если бы онъ могъ теперь проникнуть въ сердце Тіи, то увидѣлъ бы, что вмѣсто скорпіона тамъ сидитъ и жалитъ больнѣе, чѣмъ сто скорпіоновъ, хорошенькое личико съ типомъ хеттеянки... Этотъ скорпіонъ—Изе, ласкательное слово отъ Изиды, юная дочь хеттеянскаго царя, семитка съ дальняго востока. Эта съ свѣтло-каштановыми волосами Изида, годная во внучки фараону, вытѣснила Тію изъ его сердца. Онъ бралъ теперь ее съ собою въ походъ—эту юную семитку—вмѣстѣ съ тремя старшими дочерьми (что было тогда въ обычаѣ) *), а старшаго сына оставлялъ въ Ѳивахъ, словно слабую женщину. Она, Тіа, очень хорошо понимала, почему фараонъ не бралъ съ собой Пентаура: эта свѣтлокаштановая Изида чаще и охотнѣе засматривалась на сына, чѣмъ на отца.

Ни о чемъ этомъ не догадывался ошеломленный Бокакамонъ. Онъ только чувствовалъ на своемъ плечѣ горячую руку Тіи, и у него закружилась голова... Эта Тіа, которую онъ видѣлъ каждый день, какъ стражъ гарема Рамзеса, давно не давала ему спать. Ея красота была источникомъ его тайныхъ страданій... И вдругъ эта гордая царица, это божество!.. Что она сказала!

Бокакамонъ выпрямился.

— Великій Аммонъ свидѣтель,—сказалъ онъ задыхающимся голосомъ:— если ты повелишь мнѣ низвергнуть колоссальныя изображенія Аменхо-

---

*) Доселѣ можно видѣть изображенія битвъ, гдѣ дочери фараоновъ на колесницахъ, лично участвуютъ въ битвахъ.

тепа—я найду въ себѣ достаточно силы, чтобы опрокинуть ихъ ницъ къ твоимъ стопамъ!

— Нѣтъ, милый Бокакамонъ,—съ ласковой улыбкой прошептала жена фараона:—*онъ* легче изображеній Аменхотепа,—и мы съ тобой опрокинемъ *его*... Ты знаешь Пенхи, бывшаго смотрителя стадъ фараона?

— Знаю, царица.

— А слышалъ ты, что его внучка, маленькая Хену, сегодня во время священнаго шествія бога Аписа, удостоилась получить отъ него божественный огонь?

— Да, великая царица, мнѣ говорили, что какая-то дѣвочка остановила священное шествіе бога, и Аписъ принялъ ея просьбу. Такъ эта дѣвочка—внучка Пенхи?

— Его внучка, Хену... А у Пенхи—ты самъ знаешь—тоже скорпіонъ въ сердцѣ.

— Я знаю это, царица; я знаю больше: у него крокодилъ въ сердцѣ.

Тіа взяла Бокакамона за руку и посадила на прежнее мѣсто.

— Слушай же, мой вѣрный другъ, — продолжала она шопотомъ:— страшная опасность грозитъ намъ, всему Египту и нашимъ безсмертнымъ богамъ. Ты знаешь хеттеянку Изиду, для которой отведено особое помѣщеніе во дворцѣ?

— Знаю, царица: она, какъ и всѣ женщины дворца фараона, въ моемъ вѣдѣніи.

— Знай же и слѣдующее: она, этотъ свѣтлоликій хамелеонъ, не вѣритъ въ нашихъ боговъ. Она поклоняется „единому солнечному диску". Мнѣ достали ея молитву къ этому богу—вотъ она.

Тіа нажала пружинку въ ручкѣ своего сидѣнья, и изъ потайного ящика достала небольшой клочекъ папируса.

— Вотъ ея молитва,—сказала она, развернувъ папирусъ:—„Солнечный дискъ, о ты живой богъ! нѣтъ другого, кромѣ тебя!" Понимаешь?— „нѣтъ другого!"

— Понимаю, царица.

— Слушай же: „лучами своими, — продолжала она читать, — ты дѣлаешь здравыми глаза, творецъ всѣхъ существъ! Восходишь ли ты въ восточномъ свѣтовомъ кругу неба, чтобы изливать жизнь всему, что ты сотворилъ — людямъ, четвероногимъ, птицамъ и всѣмъ родамъ пресмыкающихся на землѣ, гдѣ они живутъ, они смотрятъ на тебя; когда ты заходишь—они всѣ засыпаютъ" *). Такова ея вѣра. Но это бы еще ничего. А вотъ что ужасно, вотъ гдѣ гибель для Египта и его боговъ: она, этотъ свѣтлоликій хамелеонъ съ дальняго востока, склоняетъ къ своей вѣрѣ *того, о комъ* мы говоримъ, не называя *его* по имени... Она—сѣмя того народа, который страшенъ для Египта: этого народа не могъ осилить даже великій Рамзесъ-Сезострисъ.

*) Эта молитва приводится у Бругшъ-бея („Исторія фараоновъ", 411).

— Да, это потомки Іосифа, который когда-то правилъ Египтомъ, и того страшнаго Моше, который поразилъ Египетъ голодомъ, язвами и песьими мухами,—подтвердилъ Бокакамонъ.—Дѣло это серіозное: въ нашей странѣ могутъ повториться времена проклятаго фараона Хунатена, который промѣнялъ истинныхъ боговъ на этотъ „блескъ солнечнаго диска“. Что же мы должны предпринять, чтобы отвратить бѣдствіе отъ страны?

— Надо прибѣгнуть къ помощи боговъ, — отвѣчала Тіа. — Спросимъ великую мать боговъ—ясноликую Сохетъ.

— Да будетъ такъ, — торжественно проговорилъ Бокакамонъ. — Я завтра же переговорю съ почтеннымъ Ири, великимъ жрецомъ богини Сохетъ: пусть онъ спроситъ богиню, и отвѣтъ ея я тотчасъ доложу твоей ясности.

— О, Хунатенъ, Хунатенъ!—проговорила какъ бы про себя Тіа.—Да сохранятъ боги Египетъ отъ повторенія временъ Хунатена.

Хунатенъ былъ однимъ изъ фараоновъ восемнадцатой династіи египетскихъ царей. Онъ представлялъ собою необыкновенное явленіе во всей исторіи страны фараоновъ. Сынъ знаменитаго фараона Аменхотепа III, колоссальныя статуи котораго, извѣстныя подъ именемъ колоссовъ Мемнона, до сихъ поръ стоятъ на развалинахъ Ѳивъ какъ бы стражами развалинъ великаго города и дивными реликвіями, какъ и пирамиды, великаго народа, Хунатенъ является чѣмъ-то загадочнымъ въ исторіи Египта, какимъ-то сфинксомъ-фараономъ. Историки думаютъ объяснить это тѣмъ, что онъ родился отъ матери не египтянки, которая исповѣдывала вѣру въ „единаго бога“: это былъ единый „свѣтовой“ богъ. Мать Хунатена была не царской крови, даже не была дочерью кого-либо изъ родственниковъ фараоновъ. Повидимому, она происходила отъ того народа, который вмѣстѣ съ своимъ вождемъ и пророкомъ Моисеемъ оставилъ Египетъ при такихъ потрясающихъ событіяхъ.

Въ домѣ этой-то чужеземной матери, — говоритъ историкъ фараоновъ, — молодой наслѣдникъ Аменхотепа III, любимый отцомъ, хотя уже тогда ненавидимый жрецами, какъ плодъ незаконнаго брака, воспріялъ ученіе о единомъ свѣтовомъ богѣ и, проникнувшись этимъ ученіемъ въ юности, сдѣлался горячимъ его приверженцемъ, когда достигъ возмужалости. Хунатенъ, сдѣлавшись владыкой Египта, приказалъ на всѣхъ памятникахъ фараоновъ, съ помощью рѣзца и молота, истребить, изгладить, выбить совсѣмъ имена бога Аммона и его супруги, богини Мутъ. Жрецы, а за ними и народъ открыто возстали противъ царя-святотатца. Тогда Хунатенъ бросилъ столицу праотцевъ и основалъ новую резиденцію вдали отъ Ѳивъ и Мемфиса, на восточной сторонѣ Нила, и назвалъ ее своимъ именемъ—„городъ Хунатенъ“ (то же сдѣлалъ впослѣдствіи, почти черезъ 4,000 лѣтъ, далеко отъ Египта, почти на крайнемъ сѣверѣ, другой великій царь, бросивъ старую столицу съ ея старыми жрецами и основавъ вдали отъ нея городъ своего имени). Скульпторы-художники, каменщики, простые рабочіе были согнаны со всего Египта, чтобы съ величайшею по-

спѣшностью строить новый храмъ, по начертанному самимъ Хунатеномъ плану, и огневые жертвенники въ честь бога-солнца, храмъ, совершенно не похожій на древніе египетскіе храмы. Сановники же—„носители опахала“, и гордые жрецы должны были надзирать за ломкою камня въ горахъ и нагрузкою его на суда. Это ли не униженіе, это ли не насмѣшка надъ вѣковѣчными преданіями Египта!

Вотъ имя этого-то Хунатена и стало страшилищемъ во всѣ послѣдующіе вѣка исторіи земли фараоновъ. Его-то и упомянула теперь Тіа, воскликнувъ: „О, Хунатенъ, Хунатенъ!“

IV.

У богини Сохетъ.

На другой день Рамзесъ III съ отборнымъ войскомъ выступилъ въ походъ противъ царей Либу, какъ называлась тогда Ливія,—противъ Цамара и Цаутмара. Похода этого давно ожидали въ Ѳивахъ, и войска выступили по первому же слову новаго фараона.

Рамзесъ выступилъ изъ своей столицы сѣверными воротами, окруженный военачальниками. Рядомъ съ нимъ на такихъ же золоченныхъ, какъ и у отца, колесницахъ ѣхали его два сына и три дочери въ военныхъ доспѣхахъ. Съ ними же была и свѣтлокаштановая хеттеянка Изида, облеченная въ панцырь и шлемъ. Ручной левъ Смамъ-Хефту, выступалъ у лѣваго колеса колесницы фараона. Дикая музыка трубъ и барабановъ потрясала воздухъ.

Когда послѣдніе звуки боевой музыки смолкли въ отдаленіи, у пилоновъ храма богини Сохетъ показалась знакомая намъ стройная фигура Бокакамона.

— А! сама богиня посылаетъ мнѣ навстрѣчу своего служителя,— воскликнулъ онъ, увидѣвъ показавшагося въ воротахъ храма жреца.

— А!—въ свою очередь воскликнулъ старый тучный служитель богини Сохетъ: — стражъ тайныхъ наслажденій фараона! Добро пожаловать. Богиня ждетъ тебя. О себѣ пришелъ просить или о ввѣренныхъ тебѣ сокровищахъ, которыя, и не похищая, можно похитить у ихъ владыки?—спросилъ жрецъ съ лукавою улыбкою.

— Не о себѣ, а о всей землѣ египетской,—отвѣчалъ Бокакамонъ.

Жрецъ сдѣлалъ большіе глаза. Плутоватое лицо его продолжало улыбаться.

— О всей египетской землѣ? — притворно удивился онъ.— Развѣ ты думаешь, что ее, какъ и твоихъ красавицъ, не похищая, могутъ похитить презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ?

— Нѣтъ, хуже того... Ее можетъ похитить тотъ, кто ею владѣетъ,— загадочно отвѣчалъ Бокакамонъ.

— Какъ! у самого себя похитить!

— Не у самого себя, а у другихъ.

— Великая богиня Сохетъ, мать боговъ!— патетически воскликнулъ жрецъ:—вразуми слугу твоего. Я ничего не понимаю: то, чѣмъ я владѣю, я похищаю у себя—не понимаю!

— Похитить у васъ,—почти шопотомъ сказалъ Бокакамонъ.

— У насъ!—у жрецовъ богини Сохетъ?

— И у васъ, и у богини Сохетъ, и у всѣхъ боговъ египетскихъ.

— Какъ же это такъ?—развелъ руками жрецъ.— Мы помѣнялись ролями? Прежде боги нашими устами вѣщали смертнымъ свою волю, а теперь оракулъ Аммона и богини Сохетъ, кажется, переселился въ храмъ тайныхъ наслажденій фараона.

— Да, я пришелъ къ тебѣ отъ царицы,— еще тише сказалъ Бокакамонъ.

— Отъ которой?—съ прежней ироніей въ голосѣ спросилъ жрецъ.

— У насъ одна царица,—отвѣчалъ Бокакамонъ.

— И у насъ одна, — попрежнему загадочно говорилъ жрецъ:—только, можетъ быть, у вашей не то имя, что у нашей.

— Имя нашей—царица Тіа.

— Гмъ... Послушай, другъ Бокакамонъ,—жрецъ понизилъ голосъ:—у меня есть двѣ пары сандалій; одна пара — вотъ эта, что ты видишь у меня на ногахъ; другая пара съ протертыми подошвами валяется подъ моимъ ложемъ, въ пыли, въ забвеніи, и когда я говорю своему рабу: подай мои сандаліи,—рабъ подаетъ мнѣ вотъ эти... Понимаешь?..

— Понимаю,—началъ догадываться Бокакамонъ.

— Такъ войдемъ лучше въ мою келью,—сказалъ жрецъ, взявъ Бокамона за руку:—а то здѣсь неудобно говорить о сандаліяхъ...

Они прошли во внутренній дворъ, гдѣ на гранитномъ пьедесталѣ покоилось сидящее изображеніе богини Сохетъ — женщина съ головою льва, украшенная солнечнымъ дискомъ. И жрецъ, и Бокакамонъ преклонились передъ статуей богини.

— Великая мать боговъ *все* мнѣ повѣдала, — таинственно сказалъ жрецъ.

Они вошли въ келью жреца. Это была обширная комната, въ которую свѣтъ проникалъ сквозь отверстія въ потолкѣ, затянутыя прозрачнымъ какъ стекло сплавомъ изъ бѣлаго финикійскаго песка, въ видѣ дани получаемаго ежегодно отъ царей земли Цаги (часть прибрежной Финикіи). На столикахъ изъ гранита и на пьедесталахъ стояли золотыя и бронзовыя изображенія боговъ, сковородки для куреній въ храмѣ, жертвенныя блюда и систры — родъ металлическихъ трещотокъ, употреблявшихся при богослуженіяхъ.

— Я знаю больше, чѣмъ *та*, которая прислала тебя ко мнѣ,—сказалъ жрецъ, усаживая своего гостя.—Великая богиня все мнѣ открыла... Тотъ, кто хочетъ похитить у насъ Египетъ, идетъ оттуда, съ той стороны свѣта, гдѣ встаетъ Горусъ. Онъ забылъ благодѣянія Египта и его боговъ.

Когда, по исходѣ изъ нашей священной земли, онъ сорокъ лѣтъ скитался въ пустынѣ, оставленный нашими богами, то отчаяніе заставило его вспомнить о нихъ, вспомнить о священномъ Аписѣ. Но въ ихъ стадахъ Аписъ не появлялся,—и тогда они сдѣлали себѣ золотого Аписа, и поклонялись ему. А теперь, вѣроятно, и его забыли, — своего бога нашли, какого-то „единаго“.

Жрецъ говорилъ порывисто, страстно. Куда дѣвалась его скептическая улыбка! Старое, пухлое лицо оживилось, глаза блестѣли.

— Они называютъ себя единственнымъ „народомъ божіимъ“ и забываютъ, какъ ихъ поражали фараоны,—продолжалъ жрецъ.—А теперь они подослали намъ красиваго хамелеона, который ослѣпилъ очи *того*, кого я не хочу называть по имени. И этотъ хамелеонъ уже превратился въ ихневмона, который хочетъ пожрать яица великаго нильскаго крокодила. Но великая Сохетъ не допуститъ до этого, не допуститъ!.. Это говоритъ ея устами, ея верховный жрецъ Ири!

Бокакамонъ былъ пораженъ. Онъ не ожидалъ такой страстности отъ ожирѣвшаго, повидимому, жреца. Въ послѣдніе годы онъ видѣлъ Ири только при богослуженіяхъ и торжественныхъ процессіяхъ, когда лица жрецовъ бываютъ непроницаемы и безстрастны, какъ лица сфинксовъ

— Ты знаешь Пенхи, бывшаго смотрителя стадъ фараона?—спросилъ онъ, когда жрецъ умолкъ.

— Я ли не знаю его?!—съ прежнею страстностью воскликнулъ Ири.— А ты знаешь его внучку, маленькую Хену?

— Слышалъ о ней... Говорятъ, что она удостоилась получить изъ очей великаго бога Аписа божественный огонь?

— Да, получила,—отвѣчалъ жрецъ.—Но этого мало.

— Какъ мало, святой отецъ!—удивился Бокакамонъ.

— Это еще не все, что нужно для нашего дѣла... Что намъ нужно?

— Спасти Египетъ отъ врага.

— А кто его врагъ?

— Ты самъ знаешь, святой отецъ,—уклончиво отвѣчалъ старый царедворецъ. Имени *его* я не назову.

— Имя *его* — нильскій крокодилъ, живущій на сушѣ: я уже назвалъ *его*.

— Такъ что намъ нужно, чтобы... сдѣлать *его* зубы безвредными?

— Намъ нужна та дѣвочка—Хену.

— Но она наша: у ея дѣда Пенхи и у Бокакамона—одно сердце, и въ томъ сердцѣ сидитъ скорпіонъ.

— Крокодилъ!—поправилъ его жрецъ.

Бокакамонъ вздрогнулъ. Неужели этотъ страшный служитель Сохетъ слышалъ его разговоръ съ царицей Тіа? Или эту тайну сообщила ему сама богиня? Вѣдь вчера Бокакамонъ прямо сказалъ женѣ фараона, что у Пенхи въ сердцѣ крокодилъ.

Хитрый жрецъ замѣтилъ смущеніе своего собесѣдника.

— Не бойся, — сказалъ онъ, — крокодилъ и у меня въ сердцѣ... Я сказалъ не все: — божественная дѣвочка вооружена только огнемъ очей Аписа; но это не все.

— Чего же ей недостаетъ, святой отецъ?—спросилъ Бокакамонъ.

— Аписъ далъ ей свое творческое сѣмя, но не далъ поля, гдѣ посѣять это сѣмя, чтобы оно дало плодъ,—загадочно отвѣчалъ жрецъ.

— Кто же можетъ дать это поле?

— Великая богиня Сохетъ: она, которая родила всѣхъ боговъ, дастъ это поле, дастъ сосудъ для оплодотворенія сѣмени бога Аписа. Ты знаешь, гдѣ живетъ Пенхи?—спросилъ жрецъ.

— Знаю, святой отецъ: на восточномъ берегу Нила, за верхнею группою пальмъ Аммона.

— Пришли же его ко мнѣ, но только не теперь.

— Когда же, святой отецъ?

— Когда золотые рога мѣсяца обратятся отъ запада къ востоку.

— Теперь, по ночамъ, на небѣ стоитъ полная темь,—какъ бы соображая что-то, проговорилъ Бокакамонъ.—Дней черезъ семь?

— Онъ самъ это сообразитъ, — Пенхи человѣкъ свѣдущій въ небесныхъ кругахъ.

— Что же мнѣ теперь сказать пославшей меня?—спросилъ Бокакамонъ.

— А то, что я тебѣ сказалъ отъ имени богини Сохетъ.

— Хвала ея жрецу, великому Ири!—сказалъ Бокакамонъ, вставая.

— Да,—какъ бы спохватился жрецъ:—не забудь, Пенхи долженъ придти съ божественной, священной дѣвочкой.

V.

Побѣда.

Прошло семь дней.

Въ стовратныхъ Ѳивахъ снова такое же оживленіе, какое было въ день вѣнчанія на царство Рамзеса III. Народъ снова толпился у храма Аммона-Горуса. Музыка играла торжественный маршъ. Изъ храма показалось несомое жрецами изображеніе божества. Впереди шелъ верховный жрецъ Аммонъ-Мерибастъ, держа въ рукахъ свертокъ папируса.

По знаку жреца, музыка стихла. Тогда Аммонъ-Мерибастъ показалъ народу папирусъ.

— Смотрите!—громко провозгласилъ онъ:—вотъ слово великаго фараона: онъ извѣщаетъ свой народъ о дарованной ему богомъ Монту (богъ войны) побѣдѣ надъ презрѣнными царями земли Либу.

Радостные клики огласили воздухъ.

— Слава великому богу Монту! Слава пресвѣтлому Аммону-Горусу!

Верховный жрецъ снова поднялъ надъ головою папирусъ.

— Слушайте, сыны земли фараоновъ!—громко сказалъ онъ и развернулъ свитокъ.

Водворилась тишина. Слышенъ былъ только клекотъ орловъ въ синемъ небѣ.

Верховный жрецъ читалъ: „Въ мѣсяцъ епиѳи, въ 9-й день, въ первый годъ царствованія царя Рамзеса III, выступилъ фараонъ съ войскомъ въ презрѣнную землю Либу, противъ презрѣнныхъ царей Цамара и Циутмара. Хорошая охрана надъ фараономъ находилась въ станѣ на высотѣ къ югу отъ города Тхамху злого. Вышелъ фараонъ изъ своей палатки, какъ только взошло солнце, и возложилъ на себя военный уборъ отца своего, бога Монту. Съ нимъ были и сыновья его, принцы Рамессу и Ментухи, и дочери его, принцессы Нофрура, Ташера и Аида. Взошедъ на воинскія колесницы, они пошли далѣе внизъ и прибыли къ югу отъ города Тхамху злого. И встрѣтились фараону два презрѣнныхъ либу и говорили фараону такъ: мы братья и принадлежимъ къ старшинамъ племени своего Либу, которое находится подъ властью царей Цамара и Цаутмара; мы хотимъ быть слугами дому фараонову, дабы могли отдѣлиться отъ царей Цамара и Цаутмара. Теперь сидятъ они къ сѣверу отъ города Тхамху злого, ибо они боятся фараона. Такъ говорили два презрѣнные либу; но слова, которыя они говорили фараону, была гнусная ложь:— презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ подослали ихъ, чтобъ вывѣдать, гдѣ находится фараонъ, дабы не приготовило имъ войско фараоново засады. Ибо презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ пришли со всѣми царями всѣхъ народовъ, съ конями и всадниками, которые и стояли въ засадѣ сзади города Тхамху злого. И фараонъ не уразумѣлъ смысла ихъ ложныхъ словъ и и повѣрилъ имъ. И пошелъ фараонъ далѣе внизъ, и пришелъ въ мѣстность, лежащую на сѣверо-западъ отъ Тхамху злого, гдѣ и предался отдохновенію на золотомъ ложѣ. Тогда прибыли соглядатаи фараона и привели съ собой двухъ лазутчиковъ царей Цамара и Цаутмара. Когда ихъ привели предъ фараона, онъ сказалъ имъ:—кто вы такіе? Они сказали: „Мы принадлежали царямъ Цамару и Цаутмару, которые послали насъ чтобы высмотрѣть, гдѣ находится фараонъ. Говоритъ къ нимъ фараонъ:—гдѣ пребываютъ презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ? Ибо я слышалъ, что они находятся къ сѣверу отъ города Тхамху злого. Они говорятъ: „Смотри,— презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ стоятъ тутъ, и много народу съ ними, который они привели съ собою въ великомъ количествѣ изъ всѣхъ странъ, что лежатъ во владѣніяхъ презрѣнныхъ царей Цамара и Цаутмара. У нихъ много всадниковъ и коней, которые везутъ воинскіе снаряды, и ихъ болѣе, чѣмъ песку морского. Смотри, — они стоятъ тамъ въ засадѣ, позади города Тхамху дурного“. Тогда приказалъ фараонъ призвать предъ себя князей своихъ, чтобы они слышали всѣ слова, которыя сказали два лазутчика презрѣнной земли Либу, находившіеся на-лицо. И говоритъ къ нимъ фараонъ: взирайте на мудрость князей земель дома фараонова! Каждый день они говорили фараону: презрѣнные цари Цамаръ и

Цаутмаръ бѣжали отъ лица фараона, какъ только услышали, что идетъ на нихъ фараонъ съ войскомъ. Теперь слушайте, что я узналъ сейчасъ отъ этихъ двухъ лазутчиковъ. Презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ прибыли со многими народами, съ конями и всадниками, многочисленными какъ песокъ пустыни. Они стоятъ тамъ, за городомъ Тхамху злымъ. Значитъ, ничего не знали намѣстники и князья, которые правятъ землями дома фараонова. Имъ надлежало сказать: тѣ, которыхъ ты ищешь, пришли. Тогда говорили князья, бывшіе предъ фараономъ, такъ: „велика вина, которую совершили намѣстники и князья дома фараонова, что не распорядились вывѣдать, гдѣ находились презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ, чтобы каждый день докладывать о томъ фараону“. И когда они говорили это, показались несмѣтныя полчища презрѣнныхъ царей Цамара и Цаутмара съ конями и всадниками. И когда увидѣлъ ихъ фараонъ, то пришелъ въ великую ярость и сдѣлался подобенъ отцу своему, богу Монту. Онъ возложилъ на себя воинскій уборъ, всѣ свои воинскіе доспѣхи и явился какъ богъ Ваалъ. И вступилъ онъ на колесницу свою и ускорилъ быстрый бѣгъ свой рядомъ со львомъ своимъ Смамъ-Хефту, который радостно ревѣлъ, потрясая гривой. И вмѣстѣ съ фараономъ ринулись на враговъ сыны его и дочери его на своихъ колесницахъ, въ воинскихъ доспѣхахъ своихъ. Фараонъ бросился въ середину непріятельскихъ полчищъ и поражалъ и убивалъ ихъ. Ибо радость его есть принять битву и наслажденіе его — броситься въ нее. Удовольствіе его сердцу доставляютъ только потоки крови, когда онъ срубаетъ головы непріятелямъ. Минута битвы съ мужами любезнѣе ему, чѣмъ день наслажденія съ женщинами. Онъ разомъ убивалъ ихъ и никого не щадилъ между ними. Всѣ они плавали въ крови своей. А въ то время презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ стояли полные страха; мужество покинуло ихъ. Они бѣжали скорымъ бѣгствомъ и оставили свои сандаліи, свои луки, свои колчаны впопыхахъ позади себя и все, что при нихъ было. Они, въ тѣлѣ которыхъ не было трусости и тѣло которыхъ оживлялось мужественнымъ духомъ, они бѣжали, какъ женщины. Тогда взяли воины фараона все, что оставили презрѣнные цари Цамаръ и Цаутмаръ—ихъ деньги, ихъ серебро, ихъ золото, ихъ желѣзную утварь, уборы ихъ женъ, ихъ сѣдалища, ихъ луки, ихъ оружіе, и все, что было у нихъ. Все это принесено было къ палаткѣ фараона вмѣстѣ съ плѣнными. Многое множество погибло презрѣнныхъ либу и ихъ союзниковъ“.

При послѣднемъ словѣ верховный жрецъ поднялъ глаза къ небу. Изъ этой необычайно ярко-синей бездны глядѣлъ на него самъ Аммонъ-Ра — знойное африканское солнце. Оно обливало своимъ невыносимо жгучимъ свѣтомъ нестройную толпу, собравшуюся у храма верховнаго бога, гигантскія гранитныя колонны другихъ храмовъ, цѣлый лѣсъ колоннъ, цѣлыя аллеи молчаливыхъ сфинксовъ, стройныя иглы обелисковъ, исполинскія статуи фараоновъ, группы такихъ же исполинскихъ пальмъ, тихія мутныя воды Нила, а тамъ, дальше—ливійскія скалы съ гробницами прежнихъ фа-

раоновъ... Величавая картина, какъ величаво все прошлое Египта—этой заколдованной страны!

Аммонъ-Мерибастъ видимо проникся тою же мыслью. Съ священнымъ волненіемъ онъ глядѣлъ и на этотъ лѣсъ колоннъ, и на аллеи задумчивыхъ полногрудыхъ женщинъ-львовъ, и на возносившіеся къ небу, къ самому Аммону-Ра, обелиски... Папирусъ въ рукѣ его дрожалъ.

Народъ молча ждалъ, что будетъ дальше. Все то ужасное и отвратительное, что было ему прочитано верховнымъ жрецомъ, эти потоки крови, отрѣзанныя руки не смущали его; напротивъ, радовали его національную гордость... Вѣдь это было еще тогда, когда не было даже Рима, когда еще не влачили по землѣ трупъ Патрокла, когда жива была Гекуба, когда еще Гекторъ не прощался съ Андромахой и Троя стояла во всей красѣ своей... Чего же было тогда требовать отъ народа!

Аммонъ-Мерибастъ видѣлъ это по лицамъ слушателей: они ждали еще чего-то. И онъ не обманулъ ихъ ожиданія. Онъ снова перенесъ свой взоръ на папирусъ.

„А это трофеи побѣды великаго фараона надъ презрѣнною страною Либу и ея презрѣнными союзниками,—продолжалъ читать верховный жрецъ:—живыхъ плѣнныхъ—9,364; женъ презрѣнныхъ царей Цамара и Цаутмара, которыхъ они привели съ собой, живыхъ женщинъ—12; юношей—152; мальчиковъ—131; женъ воиновъ — 342; дѣвицъ—65; дѣвочекъ—151. Другая добыча: оружія, находившагося въ рукахъ или отнятаго у плѣнныхъ—мѣдныхъ мечей—9,111; другихъ мечей и кинжаловъ — 120,214; парныхъ колесницъ, возившихъ презрѣнныхъ царей Цамара и Цаутмара, ихъ дѣтей и братьевъ—113; серебряныхъ кружекъ для питья, мечей, мѣдной брони, кинжаловъ, колчановъ, луковъ, копій и другой утвари—3,173 штуки. Все это отдано въ награду воинамъ фараона. Затѣмъ огонь былъ пущенъ на лагерь презрѣнныхъ царей, на всѣ ихъ кожаные шатры и на всѣ ихъ узлы (вьюки?)“.

Жрецъ кончилъ и, обратясь къ изображенію божества, поднялъ руки.

— Слава свѣтоносному Аммону-Горусу!—воскликнулъ онъ.—Слава великому богу Монту, даровавшему побѣду своему сыну, фараону!

— Слава Аммону-Горусу!—подхватилъ народъ.—Слава Монту!

Казалось, заговорили колоннады храмовъ, гигантскіе пилоны, гордые обелиски. Только сфинксы глядѣли молчаливо и загадочно своими гранитными очами.

Поддерживаемое жрецами изображеніе божества скрылось за колоннами храма.

— Гдѣ же богиня Сохетъ?—спросила знакомая намъ „священная“ дѣвочка Хену своего дѣда, повидимому не разлучавшагося съ своей маленькой внучкой.

— Ея здѣсь нѣтъ, дитя: она въ своемъ храмѣ, — отвѣчалъ старикъ.

— Когда жъ мы къ ней пойдемъ?

— Когда Горусъ скроется за горами Либу, въ пустынѣ, а за нимъ будутъ наблюдать съ неба два рога нарождающейся луны.

— А кто эта луна, дѣдушка? Божество?

— Божество, дитя.

— Ахъ, дѣдушка! сколько онъ убилъ людей!

— Кто убилъ, дитя?—спросилъ старикъ, видимо занятый своими мыслями.

— Да фараонъ, дѣдушка, что вотъ читалъ жрецъ.

— Много, дитя, всего 12,535 человѣкъ *).

— А я сегодня ночью, дѣдушка, слышала плачъ крокодила. О чемъ онъ плачетъ?—продолжала болтать невинная дѣвочка, не подозрѣвая въ себѣ „божественности".—Кого ему жаль?

— Онъ не плачетъ, дитя, онъ обманываетъ.

— Кого, дѣдушка?

— Довѣрчивыхъ людей и животныхъ; онъ заманиваетъ ихъ къ рѣкѣ: крокодиловы слезы опасны.

По Нилу скользили лодки то къ восточному берегу, то обратно. Вдали виднѣлись паруса, чуть-чуть надуваемые сѣвернымъ вѣтеркомъ: то шли суда отъ Мемфиса, отъ Цоанъ-Таниса, любимой столицы Рамзеса-Сезостриса.

На набережной кипѣло оживленіе. Плѣнные изъ страны Либу и Кушъ (Нубія), черные, какъ ихъ безлунныя ночи, выгружали на берегъ глыбы гранита и извести. Несмотря на ужасающій зной, они пѣли заунывныя пѣсни своей родины.

Пенхи на набережной зашелъ въ лавку, гдѣ продавались восковыя свѣчи и воскъ. Тамъ онъ купилъ нѣсколько „мна" (фунтъ) воску.

— На что тебѣ воскъ, дѣдушка?—спросила Хену.

— Узнаешь послѣ, дитя,—отвѣчалъ старикъ:—ты же мнѣ и помогать будешь въ работѣ.

— Ахъ, какъ я рада!—болтала дѣвочка.—Что жъ мы будемъ дѣлать?

— Куколки... Только ты объ этихъ куколкахъ никому не говори, дитя, понимаешь?

— Понимаю, дѣдушка,—отвѣчала Хену, гордая сознаніемъ, что ей довѣрятъ какую-то тайну.

VI.

Воскъ отъ свѣчи богини.

Наступилъ, наконецъ, ожидаемый вечеръ. Солнце безжалостно накалявшее въ теченіе дня и гранитныя колонны храмовъ, и головы молчаливыхъ сфинксовъ, и глиняныя хижины бѣдняковъ, нижнимъ краемъ своего огненнаго диска коснулось обожженнаго темени высшей точки Ливійскаго

*) Бругшъ-бей („Ист. фараоновъ", 566).

хребта, когда въ воздухѣ пронесся рѣзкій крикъ орла, спѣшившаго въ родныя горы, и вывелъ изъ задумчивости стараго Пенхи.

— Пора, дитя мое,—сказалъ онъ внучкѣ:—скоро на небѣ покажется то, чего мы ждемъ.

Они пошли по направленію къ гигантскимъ статуямъ Аменхотепа, которыя отбросили отъ себя еще болѣе гигантскія тѣни до самаго Нила и далѣе. Скоро солнце выбросило изъ-за горъ послѣдній багровый свѣтъ, въ видѣ разсѣяннаго снопа лучей, и надъ Ѳивами легла вечерняя мгла. Въ то же мгновеніе на небѣ, надъ Ливійскими горами, блеснулъ золотой серпъ нарождающагося мѣсяца. Онъ такъ отчетливо вырѣзался надъ блѣднѣющимъ закатомъ, что, казалось, висѣлъ въ воздухѣ надъ самыми горами пустынной Ливіи. Въ воздухѣ зарѣяли летучія мыши.

Улицы и площади города, за нѣсколько минутъ столь шумныя; быстро начали пустѣть, потому что около тропиковъ ночь наступала почти моментально, и движеніе по неосвѣщенному городу являлоѣ болѣе чѣмъ неудобнымъ.

Но вотъ и пилоны храма богини Сохетъ.

— Гдѣ начало вѣчности?—спросилъ чей-то голосъ нашихъ путниковъ.

— Тамъ, гдѣ ея конецъ,—отвѣчалъ Пенхи.

Это былъ условленный лозунгъ. Отъ одного изъ пилоновъ отдѣлилась темная фигура.

— Слѣдуйте за мной—богиня ждетъ,—сказалъ тотъ, кто стоялъ у пилона.

— Верховный жрецъ богини, святой отецъ Ири,—пробормоталъ Пенхи въ смущеніи.

— Я его младшій сынъ и посланецъ.

Они всѣ трое вошли во внутренній дворъ храма. Хену испуганно схватила старика за руку.

— Богиня глядитъ,—прошептала она.

Дѣйствительно, изъ мрака тропической ночи выступала, отливая фосфорическимъ синеватымъ свѣтомъ, львиная голова страннаго божества. Голова, въ самомъ дѣлѣ, глядѣла живыми львиными глазами. Пенхи невольно упалъ на колѣни: онъ еще никогда не видѣлъ ночью богини Сохетъ. Пенхи суевѣрно молился страшному божеству. Хену стояла съ нимъ рядомъ и дрожала.

— Божество милостиво: только чистому существу оно открываетъ свой свѣтлый ликъ,—сказалъ тотъ, — который назвалъ себя младшимъ сыномъ верховнаго жреца Ири.— Встань, непорочное дитя, иди за мною.

— Я съ дѣдушкой,—робко проговорила Хену.

— Конечно, съ дѣдушкой. Идите—верховный отецъ нашъ ждетъ Пенхи и его внучку, Хену.

Всѣ трое пошли направо, гдѣ находилось помѣщеніе верховнаго жреца. Оно было ярко освѣщено массивными восковыми свѣчами въ высокихъ канделябрахъ. На небольшомъ бронзовомъ треножникѣ курилось легкое благовоніе.

Верховный жрецъ встрѣтилъ пришедшихъ ласково.

— Какое прелестное дитя! — сказалъ онъ, подходя къ Хену. — Какъ тебя зовутъ, маленькая красавица? — ласково спросилъ онъ, гладя курчавую головку дѣвочки.

— Хену, — отвѣчала она, нисколько не сробѣвъ: старый толстякъ показался ей такимъ добродушнымъ дѣдушкой.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Двѣнадцатый, а потомъ пойдетъ тринадцатый.

— Ого! какъ торопится расти, — разсмѣялся жрецъ: — это пока до семнадцати лѣтъ, а тамъ начнетъ рости назадъ и убавлять свои года. А есть у тебя мать?

— Нѣтъ, мама умерла: она тамъ, въ городѣ мертвыхъ, — печально отвѣчала Хену.

— А отецъ?

Дѣвочка молчала; за нее отвѣтилъ дѣдъ.

— Онъ давно въ плѣну, святой отецъ! Его взяли финикіяне въ морской битвѣ при устьяхъ Нила, уПрисописа, и продали въ рабство въ Троиду.

— Въ Троиду! О, далеко это, далеко — на далекомъ сѣверѣ, — проговорилъ старый жрецъ. — Я знаю ихъ городъ — Трою; я былъ тамъ давно съ порученіями отъ великаго фараона Сетнахта, и царь Пріамъ принялъ меня милостиво. Я тамъ долго пробылъ — и старика Анхиза зналъ, и Гекубу... А теперь — слышно — Трою разрушили кекропиды изъ-за какой-то женщины... О, женщины, женщины! *).

Старикъ разболтался-было, но скоро опомнился: вѣдь, онъ верховный жрецъ и при томъ богини — женщины...

— Бѣдный Пріамъ! — сказалъ онъ, какъ бы про себя. — Сынъ мой, — обратился онъ къ младшему жрецу, приведшему къ нему Пенхи съ внучкой: — поди, приготовь все въ святилищѣ богини.

Младшій жрецъ вышелъ. Ири также удалился въ сосѣднюю комнату, чтобы надѣть на себя священную цѣпь и мантію.

Хену, оставшись одна съ дѣдомъ, съ жаднымъ любопытствомъ и боязнью осматривала помѣщеніе верховнаго жреца. Изображенія божествъ внушали ей суевѣрный страхъ, зато опахала изъ страусовыхъ перьевъ, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями, приводили ее въ восторгъ.

Скоро появился и Ири въ полномъ облаченіи. Въ рукѣ онъ держалъ блестящій бронзовый систръ, который при сотрясеніи издавалъ музыкальный звукъ, похожій на трескъ цикадъ.

— Дитя мое, — обратился Ири къ Хену, смотрѣвшей на него большими изумленными глазами: — ты смотрѣла въ священныя очи бога Аписа?

Дѣвочка не знала, что сказать, боясь отвѣтить невпопадъ. Она посмотрѣла на дѣда.

---

*) Рамзесъ III былъ современникомъ осады и разрушенія греками Трои (около 1,200 лѣтъ до Р. Х.).

—Отвѣчай же, дитя,—сказалъ старикъ.—Тогда, во время священнаго шествія бога Аписа, ты упала передъ нимъ на колѣни и видѣла его глаза?

— Видѣла.

— А что чувствовала ты, когда богъ взглянулъ на тебя?

— Я испугалась.

— Это священный трепетъ—въ нее вошла божественная сила,—пояснилъ верховный жрецъ.—А теперь идемъ.

Ири взялъ длинный посохъ съ золотою головкою копчика наверху, и они вышли на дворъ. Въ темнотѣ снова выступила голова льва, освѣщенная какъ бы извнутри фосфорическимъ огнемъ.

— Богиня благосклонно открываетъ тебѣ свое божественное лицо,—сказалъ жрецъ Хену, снова оробѣвшей.

Преклонивъ колѣна передъ статуей матери боговъ, они прошли дальше и вошли въ самое святилище. И тамъ было изображеніе Сохетъ рядомъ съ изображеніемъ Пта. Отъ жертвенника синеватою струйкою подымался дымъ куренія. Толстыя, какъ колонны, восковыя свѣчи въ огромныхъ подсвѣчникахъ освѣщали жилище богини.

Верховный жрецъ, преклонившись передъ божествомъ и опираясь на посохъ, правою рукою сдѣлалъ движеніе въ воздухѣ, потрясая систромъ. Раздались тихіе музыкальные звуки, словно бы они исходили изъ огромной бронзовой головы матери боговъ. Голова невнятно, глухо проговорила нѣсколько словъ, которыя жрецъ повторялъ за нею:

— Пта, Сохетъ, Монту, Озирисъ, Горусъ, Аписъ...

За жертвенникомъ послышался странный звукъ, точно шипѣнье змѣи. И дѣйствительно, изъ-за жертвенника выползала большая сѣрая змѣя. Увидѣвъ жреца, она свилась спиралью, и только плоская голова ея дрожала и вытягивалась, выпуская черное, раздвоенное жало-языкъ.

Жрецъ стукнулъ посохомъ, и змѣя поползла къ Ири, къ его посоху. Онъ еще стукнулъ, и пресмыкающееся, коснувшись головой посоха, обвилось вокругъ него и стало спиралью подниматься вверхъ, къ рукѣ жреца.

— Священный уреусъ благоволитъ принять жертву изъ рукъ чистаго существа,—проговорилъ Ири, потрясая систромъ.

Тогда изъ-за завѣсы, скрывавшей дверь позади жертвенника, вышелъ младшій жрецъ. Онъ держалъ въ рукѣ какую-то маленькую птичку.

— Хену, чистое дитя, возьми жертву, — сказалъ Ири, обращаясь къ дѣвочкѣ, которая, казалось, застыла въ изумленіи и ужасѣ.

Младшій жрецъ передалъ ей птичку, которая даже не билась въ рукахъ. Змѣя, держась спиралью на посохѣ, повернула голову къ птичкѣ. Глаза пресмыкающагося сверкали.

— Дитя, отдай жертву священному уреусу,—сказалъ Ири.

Дѣвочка не двигалась—она не спускала глазъ съ змѣи.

— Пенхи, сынъ мой, подведи дѣвочку,—сказалъ жрецъ старику.

Тотъ повиновался и подвелъ дѣвочку къ посоху, къ самой змѣѣ. Змѣя потянулась къ птичкѣ.

— Пусть отдастъ,—сказалъ жрецъ.

Рука Хену автоматически потянулась впередъ, и змѣя моментально схватила птичку.

— Ой, дѣдушка, Страшно! Она глотаетъ птичку!—вся дрожа, проговорила дѣвочка, цѣпляясь за старика.

— Жертва принята,—торжественно произнесъ верховный жрецъ, вставая.

Змѣя быстро соскользнула съ посоха и уползла за жертвенникъ. Тогда Ири подошелъ къ Хену и, желая ободрить ее, сталъ гладить и цѣловать ея голову.

— Испугалась, дѣвочка? Ничего, ничего, крошка, теперь все кончилось,—говорилъ онъ нѣжно.

Услыхавъ, что все страшное кончилось, Хену нѣсколько ободрилась.

— Теперь птичка умерла?—спросила она.

— Нѣтъ, дитя, она переселилась въ божество. И ты нѣкогда была такою же птичкою, и вотъ теперь боги превратили тебя въ хорошенькую дѣвочку.

— Такъ и меня змѣя съѣла?—спросила Хену, совсѣмъ ободрившаяся.—Кто жъ меня ей отдалъ?

— Такая же, какъ ты чистая дѣвочка,—лукаво улыбнулся жрецъ.—А теперь подойди вотъ къ этой свѣчѣ, что пониже.

Хену подошла. Свѣча, толстая какъ стволъ молоденькой пальмы, горѣла выше головы Хену.

— Можешь ее задуть?—спросилъ Ири, положивъ руку на плечо дѣвочки.

— Могу,—отвѣчала послѣдняя.

— Такъ да погаснетъ свѣча жизни тѣхъ, чьи имена мы носимъ въ сердцѣ,—торжественно сказалъ верховный жрецъ.—Дуй же, дуй сильнѣй.

У Хену были сильныя, молодыя легкія. Она собралась съ духомъ, дунула, и массивное пламя свѣчи моментально погасло; одна свѣтильня зачадила.

— Да свершится воля божества!—торжественно проговорилъ жрецъ.—Какъ чадитъ эта свѣтильня, такъ пусть чадитъ постыдная память тѣхъ, чьи имена мы носимъ въ сердцѣ. Сынъ мой, подай священный серпъ,—обратился онъ къ младшему жрецу.

Тотъ взялъ съ жертвенника золотой серпъ и подалъ Ири. Святой отецъ, взявъ серпъ, отпилилъ верхнюю часть загашенной свѣчи, длиною вершка въ три, и подалъ Пенхи.

— Возьми этотъ священный воскъ,—сказалъ онъ,—и сдѣлай изъ него то, что повелѣно тебѣ свыше:—Пта, Сохетъ, Монту, Озириса, Горуса и Аписа. Ты слышалъ повелѣніе божества?

— Слышалъ, святой отецъ,—отвѣчалъ Пенхи.

— Ты ихъ изображеніе знаешь?

— Знаю, святой отецъ.

— Хорошо. А изъ простого воску сдѣлай изображеніе тѣхъ, чьи имена мы носимъ въ сердцѣ.

— Будетъ все исполнено, святой отецъ.

— Помни, что она (жрецъ указалъ на Хену) должна во всемъ помогать тебѣ: пусть она мѣситъ воскъ своими руками, согрѣваетъ его своимъ дыханіемъ, но только не тотъ, не простой воскъ, а этотъ, священный. И дѣлай такъ, чтобы Аммонъ-Ра не видѣлъ твоей работы, чтобъ солнечный лучъ не досягалъ туда, гдѣ будешь формовать фигуры, и чтобъ, кромѣ Хену, никто этого не видѣлъ—никто! Это величайшая тайна божества.

Ири взялъ потомъ Хену за руку и подвелъ къ южнымъ дверямъ святилища, гдѣ въ большой глиняной кадкѣ она увидѣла лотосъ съ распустившимся цвѣткомъ.

— Сорви этотъ цвѣтокъ священнаго лотоса и укрась имъ свою головку,— сказалъ жрецъ.

Дѣвочка не заставила долго ждать—она искусно отдѣлила цвѣтокъ отъ стебля и ловкими пальчиками—на что дѣвочки большія мастерицы—вдѣла пышный цвѣтокъ въ свои черные густые волосы.

— Идетъ ко мнѣ?—весело спросила она.

— Очень идетъ,—улыбнулся старый жрецъ.

Молодой мѣсяцъ давно зашелъ за темныя вершины Ливійскаго хребта, когда Пенхи и Хену вышли изъ воротъ храма Сохетъ. На небѣ высыпали миріады звѣздъ, которыхъ яркость и красота особенно поразительны въ тропическихъ странахъ. Въ воздухѣ вѣяло прохладой. Во мракѣ ночи огромныя колонны храмовъ и аллеи сфинксовъ казались чѣмъ-то фантастическимъ. Рѣдко кто попадался на опустѣвшихъ улицахъ и площадяхъ соннаго города.

Проходя мимо колоссальныхъ статуй Аменхотепа, Хену боязливо жалась къ дѣду.

— Они, кажется, дышатъ,—шопотомъ проговорила дѣвочка.

— Я не слышу, дитя,—отвѣчалъ Пенхи.

— А какъ же, дѣдушка, говорятъ, что утромъ, при восходѣ солнца, они тихо плачутъ.

— Да, я самъ слышалъ,—подтвердилъ старикъ.

— О чемъ же плачутъ они?

— Кто это можетъ знать, дитя! Можетъ быть, они не плачутъ, а жалобно привѣтствуютъ бога Горуса, просятъ, чтобы онъ возвратилъ имъ жизнь.

Когда наши путники переѣзжали черезъ Нилъ, имъ послышался въ тростникахъ тихій плачъ, словно дѣтскій.

— Опять плачетъ крокодилъ, слышишь, дѣдушка?

Плачъ умолкъ, и только слышенъ былъ шорохъ въ тростникахъ Нила.

VII.

Троянскій плѣнникъ.

Утро слѣдующаго дня застаетъ насъ въ Нижнемъ Египтѣ, у Мемфиса, на полѣ пирамидъ.

Отъ Мемфиса, по направленію къ большимъ пирамидамъ, шли два путника: одинъ, старикъ, въ обыкновенной одеждѣ египтянина изъ жреческой касты, другой своимъ фригійскимъ колпакомъ и нѣкоторыми особенностями въ одѣяніи скорѣе напоминалъ сѣвернаго жителя изъ Фригіи или Трои. Послѣднему было лѣтъ подъ пятьдесятъ или нѣсколько меньше.

— Такъ ты, говоришь, около десяти лѣтъ не былъ въ Египтѣ?— спросилъ старшій путникъ.

— Да, почти девять,—отвѣчалъ младшій.

— Гдѣ же это ты мыкался?

— Въ неволѣ былъ, добрый человѣкъ.

— У презрѣнныхъ шазу (кочующіе бедуины) или въ Ханаанѣ?

— Нѣтъ, я все время провелъ въ неволѣ въ Троѣ.

— Въ Троѣ! Слышалъ я объ этой странѣ много любопытнаго—богатый городъ Троя!

— Да, былъ когда-то; а теперь отъ Трои остались только камни да груды пепла. Жаль мнѣ этого города; я въ немъ помирился-было и съ неволей.

— Кто же его разрушилъ?—спросилъ заинтересованный старикъ.

— Данаиды, которыхъ называютъ также и кекропидами, и эллинами. И все вышло изъ за пустяка—изъ-за женщины. Видишь ли, сынъ троянскаго царя, по имени Парисъ, сманилъ у одного эллинскаго царя жену, по имени Елену, женщину большой красоты. Эллины и вступились за честь своего царя, приплыли къ Троѣ на корабляхъ и осадили городъ. Почти все время, что я пробылъ въ Троѣ, длилась осада. И небольшой, правду сказать, былъ городъ, не то, что наши Ѳивы или Мемфисъ,—маленькій городокъ, а много выплакалъ слезъ! Я жилъ при дворѣ самого царя Пріама, такъ всего довелось видѣть и слышать.

— Боги, надо полагать, отвратили лицо свое отъ несчастнаго города,— замѣтилъ старикъ.

— Видимое дѣло, что боги покинули ихъ,—подтвердилъ его собесѣдникъ.—Да у нихъ и боги свои, не наши всесильные боги: вмѣсто Аммона-Ра и Пта—у нихъ Зевсъ и Гефестъ, вмѣсто бога Монту—у нихъ Аресъ.

— А великая Сохетъ, матерь боговъ?—спросилъ старикъ.

— Юнона у нихъ; Вакхъ еще, Нептунъ, Геліосъ, Афродита, Хроносъ— много боговъ...

— Много боговъ, да помощи мало,—глубокомысленно замѣтилъ старикъ;—наши боги не то, что ихъ,—Египетъ побѣдить некому. Развѣ можно разрушить такія твердыни!—Онъ указалъ на пирамиды, которыя высились у нихъ передъ глазами какими-то грозными гигантами.—Тысячи лѣтъ стоятъ, а простоятъ еще милліоны.

Въ голосѣ стараго египтянина звучало гордое сознаніе своего величія— величія народа, его боговъ, его титаническихъ построеній.

— Есть что нибудь подобное этому въ мірѣ?—Онъ указалъ на исполинскую голову „великаго сфинкса“, которая вмѣстѣ съ плечами и грудью,

шириною въ нѣсколько саженъ. выступала изъ засыпавшихъ ее песковъ пустыни.—А наши храмы, наши сфинксы! Пока земля стоитъ на своихъ основахъ, пока наши боги будутъ бодрствовать за насъ—будутъ и они стоять на своихъ мѣстахъ въ великой землѣ фараоновъ! Они перестоятъ весь міръ!

Бѣдный энтузіастъ не подозрѣвалъ, что пройдутъ тысячелѣтія, и весь міръ, именно *весь міръ* растащитъ, расхититъ его гордость—его памятники, гробы, муміи царей и жрецовъ, всѣхъ боговъ Египта, его сфинксовъ, его обелиски, колонны, свитки папирусовъ, священные систры, жертвенники, доски съ іероглифами, съ гимнами, вырѣзанными на стѣнахъ храмовъ—*все это весь міръ* растащитъ, безбожно разграбитъ, не оставитъ камня на камнѣ и поставитъ у себя на площадяхъ (обелиски), въ музеяхъ, въ кабинетахъ, и въ каждой столицѣ міра, въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ будутъ открыты „египетскіе музеи“, гдѣ праздные бродяги съ гидами и каталогами въ рукахъ будутъ равнодушно проходить мимо этихъ священныхъ реликвій удивительной страны, мимо этихъ нѣмыхъ свидѣтелей глубочайшей древности человѣчества, свидѣтелей его гордой, померкшей славы, его радостей, страданій, слезъ... А что останется не расхищеннымъ, то засыпятъ пески пустыни... И уцѣлѣютъ, какъ укоръ богамъ, на которыхъ возлагалось гордыми фараонами столько надеждъ, какъ укоръ человѣчеству, ничего не щадящему,—уцѣлѣютъ однѣ пирамиды, да и то памятники не египетскаго народа, не его генія, а памятники народа еврейскаго, вѣчнаго несокрушимаго народа, какъ несокрушимы и вѣчны пирамиды *).

— Да, наши боги не то, что жалкіе боги какой-нибудь Трои или Финикіи!—продолжалъ энтузіастъ.—А съ нашими пирамидами своею древностью можетъ поспорить развѣ одна земля да это безконечное голубое небо!

Онъ поднялъ къ нему руки.

— О, свѣтоносный Горусъ! О, Аммонъ-Ра, отецъ боговъ!

Старикъ упалъ на колѣни и восторженно молился. Это успокоило его волненіе.

— Такъ нѣтъ больше Трои?—спросилъ онъ, продолжая путь.

— Нѣтъ... Однѣ груды камней да пепелъ, разносимый вѣтромъ... Бѣдная Кассандра, бѣдная Гекуба! Какъ тѣни онѣ проходятъ предо мною... Это прекрасное тѣло Гектора, голова котораго колотится о камни... Бѣдная Андромаха... Я все это, кажется, вижу теперь...

— А какъ же ты уцѣлѣлъ?—спросилъ старикъ.

— Я ушелъ вмѣстѣ съ сыномъ царя дарданов Анхиза, съ Энеемъ... Ушло отъ общей гибели нѣсколько сотъ троянцевъ, и море спасло ихъ. Я

---

*) Многіе ученые держатся того мнѣнія, что пирамиды построены не египтянами, не по повелѣнію фараоновъ-египтянъ, а народомъ-пастухами, народомъ, который владѣлъ Египтомъ задолго до Іосифа. Прототипъ пирамидъ—Вавилонская башня.

былъ вмѣстѣ съ ними. Долго носились мы по морю, пока боги не сжалились надъ нами: я увидѣлъ берега родной Африки.

— Къ Египту привели васъ наши боги?—спросилъ снова старикъ.

— Нѣтъ, далеко туда на западъ, гдѣ великій Ра опускается на покой. Мы пристали къ чужому городу—названіе его Карѳаго. Тамъ царствовала тогда добрая царица—Дидона... Бѣдная!

— А что? чѣмъ бѣдная?

— Ея ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

— Умерла? отошла на вѣчный покой?

— Нѣтъ, хуже того: она сожгла себя на кострѣ.

— Живою сожгла себя?

— Живою... И такая еще молодая, прекрасная.

— Это оскорбленіе божества!—воскликнулъ старикъ.—Гдѣ же теперь ея душа?

— Она не могла пережить своего несчастія: она полюбила Энея, она отдавала ему свое царство, а онъ покинулъ ее, хотя и любилъ.

— Зачѣмъ же покинулъ, когда ему, бездомному скитальцу, отдавали цѣлое царство?

— Онъ не могъ ослушаться своихъ боговъ.

— Своихъ боговъ?—съ старческою запальчивостью воскликнулъ египтянинъ.—А что сдѣлали его боги съ его Троей? Несчастный, неразумный человѣкъ—вѣритъ своимъ богамъ!

— Да, онъ продолжаетъ вѣрить; боги внушили ему, что онъ долженъ основать гдѣ-то тамъ, далеко на западѣ, сильное царство, которое покоритъ весь міръ.

— Какъ весь міръ!—вскипѣлъ снова старикъ.—А Египетъ, а наши боги?

— И Египетъ, будто бы, покоритъ и отомститъ эллинамъ, которые разрушили его Трою.

— Это кощунство! это наглая ложь! Его боги—презрѣнные лгуны! Они такіе же, какъ боги необрѣзанныхъ, презрѣнныхъ сыновъ Либу. И ты ему не сказалъ прямо въ глаза, что онъ несчастный безумецъ?

— Нѣтъ, я только тайно ушелъ отъ него, когда онъ отплывалъ въ Уатъ-Уръ („великія зеленыя воды“, какъ называли египтяне Средиземное море).

— И хорошо сдѣлалъ, сынъ мой... Безумецъ! онъ смѣетъ надѣяться, что когда-нибудь Египетъ будетъ побѣжденъ кѣмъ-либо! Никогда! Пока стоятъ вотъ эти пирамиды на землѣ, а по небу ходитъ вотъ этотъ великій Аммонъ-Ра и свѣтоносный Горусъ—царство фараоновъ не исчезнетъ, какъ исчезла его Троя.

Пирамида Хуфу или Хеопса оставалась уже нѣсколько вправо, блестя на солнцѣ своею гладкою гранитною облицовкой. Противъ нихъ уже высилась пирамида Хафра или Хефрена, а ближе къ нимъ—чудовищная голова сфинкса Хормаху („Горусъ въ сіяніи“). Путники шли прямо на сфинксъ. Скоро открылись его полузасыпанныя пескомъ лапы и грудь съ

прислоненною къ ней гранитною доскою, тоже полузанесенной песками пустыни.

— Безжалостная пустыня! она даже великаго Хормаху не щадитъ—засыпаетъ своими песками,—сказалъ старикъ, подходя къ сфинску и падая передъ нимъ на колѣни.—И доску засыпаетъ съ священною надписью фараона Тутмеса IV.

И младшій путникъ упалъ на колѣни.

— О, великій, жизнь дарующій Хормаху!—сказалъ онъ съ благоговѣніемъ.—Тебѣ я молился въ плѣну, въ далекой Троѣ, и ты услышалъ мою молитву—сподобилъ меня снова увидѣть родную страну и питающій ее многоводный Нилъ. Я прежде никогда не видѣлъ твоего свѣтоноснаго образа, а теперь я сподобился лицезрѣть тебя, великій Хормаху!

Старикъ также молился.

— А что это за надпись?—спросилъ тотъ, что былъ въ плѣну у троянцевъ, когда старикъ кончилъ свою молитву.—Тутъ упоминается имя фараона Тутмеса IV.

— Да, это его начертаніе. Вотъ уже два съ половиною вѣка, какъ сдѣлано это начертаніе, а оно совсѣмъ не выветрилось, только песокъ засыпаетъ его.

— „Однажды, —читалъ младшій путникъ:—занимался царь метаніемъ копій, для своего удовольствія, на землѣ мемфисскаго округа, по направленію сего округа къ сѣверу и югу, стрѣляя въ цѣль мѣдными стрѣлами и охотясь за львами въ „долинѣ газелей“. Поѣхалъ онъ туда на своей двухконной колесницѣ, и кони его были быстрѣе вѣтра. Съ нимъ было двое, сопровождавшіе его. Ни одинъ человѣкъ не зналъ ихъ. Насталъ часъ, когда онъ давалъ отдыхъ своимъ слугамъ. Онъ самъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы принести на высотѣ богу Хормаху, близъ храма Сокара, въ „городѣ мертвыхъ“ (Некрополисъ), и богинѣ Ранну жертвоприношеніе, состоящее изъ цвѣточныхъ сѣмянъ, и чтобы помолиться великой матери Изидѣ, госпожѣ сѣверной стѣны и госпожѣ южной стѣны, и богинѣ Сохетъ Ксоитской, и богу Сету. Ибо великое чарованіе лежитъ на этой мѣстности отъ начала временъ даже до мѣстности владѣтелей Вавилона, вдоль по священной дорогѣ боговъ до западнаго свѣтового круга Онъ-Геліополиса, ибо образъ сфинкса есть изображеніе Хепра, весьма великаго бога, живущаго на этомъ мѣстѣ, величайшаго изъ всѣхъ духовъ, существа болѣе всѣхъ почитаемаго, которое покоится на этой мѣстности. Къ нему жители Мемфиса и всѣхъ городовъ, состоящихъ на мѣстности, ему принадлежащей, воздымаютъ руки, чтобы молиться предъ лицомъ его и приносить богатые жертвенные дары. Въ одинъ изъ этихъ дней случилось, что сонъ одолѣлъ царскимъ сыномъ Тутмесомъ...“

— Значитъ, онъ тогда еще былъ только наслѣдникомъ, — замѣтилъ старикъ.

— Вѣроятно.

— Ну, читай дальше; а я это начертаніе знаю наизусть: я жрецъ бога Хормаху.

Младшій путникъ продолжалъ читать:... „когда онъ, послѣ своего странствованія, прибылъ во время полудня и легъ, чтобы отдохнуть въ тѣни великаго бога. Въ самую ту минуту, когда солнце стояло въ высшей точкѣ своей, онъ увидѣлъ сонъ, и ему представилось, какъ будто этотъ прекрасный богъ говорилъ собственными устами своими, какъ говоритъ отецъ къ сыну своему, и сказалъ онъ: „взгляни на меня, смотри на меня, сынъ мой, Тутмесъ. Я есмь отецъ твой Хормаху, Хепра, Ра, Тумъ *). Тебѣ дано будетъ египетское царство, и ты будешь носить бѣлый вѣнецъ и красный вѣнецъ на сѣдалищѣ бога земли Себа, младшаго изъ боговъ. Твой будетъ міръ въ длинѣ своей и въ ширинѣ своей, вездѣ, гдѣ освѣщаетъ его блестящій глазъ господина всего міра. Полнота и богатство будутъ у тебя—лучшее земли сей и богатыя дани всѣхъ народовъ. Дадутся тебѣ долгіе годы для времени жизни твоей. Лицо мое милостиво къ тебѣ и сердце мое принадлежитъ тебѣ: дамъ я тебѣ наилучшее..."

Старый жрецъ не вытерпѣлъ.

— Вотъ какіе наши боги!—воскликнулъ онъ:—они не лгутъ, это не боги Трои. О, великій, прекрасный богъ Хормаху! А читай дальше, что богъ сказалъ Тутмесу.

Собесѣдникъ его читалъ: „Засыпанъ я пескомъ страны, на которой я пребываю. Обѣщай мнѣ, что ты сдѣлаешь то, что я желаю въ моемъ сердцѣ, тогда я познаю, что ты сынъ мой, помощникъ мой. Подойди, да будемъ мы съ тобою въ единеніи". Послѣ сего проснулся Тутмесъ и повторилъ всѣ эти слова и уразумѣлъ смыслъ словъ сего бога и оставилъ ихъ въ своемъ сердцѣ, говоря самъ себѣ: „Я вижу, какъ жители города чествуютъ храмъ этого бога жертвоприношеніями, не думая освободить отъ песка произведеніе царя Хафра (Хефрена), то изображеніе, которое сдѣлано было богу Тумъ-Хормаху" **),

Чтецъ остановился—дальше доска была засыпана пескомъ.

— Вотъ!—сказалъ жрецъ,—пока я былъ въ Ѳивахъ, опять занесло, и никто не позаботился откопать заносимое пескомъ божество. Я нарочно за тѣмъ и пришелъ сюда теперь, чтобы посмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Да, надо велѣть снова откопать.

Путники усѣлись въ тѣни сфинкса. Передъ ними, къ востоку, высились башни и храмы Мемфиса. Кое-гдѣ виднѣлись группы пальмъ, между стволовъ которыхъ просвѣчивали воды Нила. Вправо и влѣво—большія и малыя пирамиды, пирамиды женъ и дочерей фараоновъ. За ними—

---

*) Хормаху—„солнце полудня", Хепра—„полуночи", Ра—„востока", Тумъ—„солнце запада".

**) Эта надпись, переведенная только въ 1877 году, доказываетъ, что „великій сфинксъ", высѣченный изъ скалы при фараонѣ Хефренѣ въ 3666 г. до Р. Х., при Тутмесѣ IV, въ 1533 г., былъ уже занесенъ пескомъ до половины. Я же видѣлъ его, въ 1881 г., занесеннымъ пескомъ до самыхъ плечъ.

безчисленные ряды гробницъ, постоянно заносимыхъ западными песчаными волнами.

— Куда же ты теперь, сынъ мой?—спросилъ жрецъ бога Хормаху.— Въ Θивы?

— Въ Θивы, святой отецъ.

— Что жъ, есть тамъ у тебя кто-нибудь? родные?

— Были и родные, была и семья: отецъ, жена и дочка по третьему году, да не знаю—живы ли.

VIII.

„Прежде ослѣпить льва“...

Въ это время изъ-за пирамиды Хефрена показались двѣ парныя колесницы. Онѣ, повидимому, возвращались изъ пустыни, изъ „долины газелей“. На каждой колесницѣ было по два воина. Они прямо направлялись къ великому сфинксу. По одеждѣ можно было замѣтить, что тамъ были и не воины.

— Это, должно быть, охотники, —сказалъ, замѣтивъ ихъ, старый жрецъ.—Тамъ много газелей, и эти воины, по примѣру покойнаго царя Тутмеса,—да веселится онъ вѣчно въ жилищѣ отца своего, бога Хормаху!— вѣроятно, охотились на этихъ невинныхъ животныхъ.

Колесницы все приближались. Жрецъ оттѣнилъ рукою глаза, чтобы всмотрѣться въ лица незнакомцевъ.

— Да это, если глаза меня не обманываютъ, мои пріятели, ближайшіе слуги дома царицы —Пилока и ливіецъ Инини,—сказалъ жрецъ.

— Какъ! Пилока и Инини, уроженецъ Либу?—обрадовался путникъ, который былъ въ рабствѣ у царя троянскаго Пріама.—Я ихъ когда-то хорошо зналъ.

Колесницы приблизились совсѣмъ.

— А! да это святой отецъ Имери въ гостяхъ у своего бога,—сказалъ одинъ изъ подъѣхавшихъ, что былъ не въ одѣяніи воина, а въ остроконечной шапкѣ съ длинными воскриліями и безъ панцыря.

Это былъ чернокожій ливіецъ Инини. Типъ другого, не воина тоже, былъ чисто египетскій. Воины въ шишакахъ и кожаныхъ панцыряхъ съ мѣдными круглыми бляхами тоже изобличали египтянъ. Остановивъ лошадей, всѣ четверо сошли съ колесницъ. Воины остались при коняхъ, а Пилока и Инини подошли къ жрецу и его спутнику.

— Вотъ счастливая встрѣча, сказалъ Пилока,—худой и загорѣлый египтянинъ лѣтъ тридцати пяти.—Не даромъ намъ богъ Хормаху помогалъ и на охотѣ.

— А что? — спросилъ жрецъ.

— Да мы убили отличнаго, громаднаго льва и нѣсколько газелей,— отвѣчалъ Пилока,—пристально, хотя какъ будто украдкой, всматриваясь въ незнакомца въ фригійскомъ колпакѣ.

— Ты не узнаешь меня, Пилока, и ты, Инини? — сказалъ этотъ послѣдній.

— Адирома!—воскликнули оба въ одинъ голосъ.—Откуда ты? Изъ царства мертвыхъ? О, боги!

— Да,—улыбнулся тотъ, кого назвали Адирома:—истинно изъ царства мертвыхъ.

— Но вѣдь говорили, что ты утонулъ въ битвѣ при Просописѣ, вмѣстѣ съ кораблемъ и всѣми воинами, — сказалъ Пилока.

— Да, сначала погрузился въ море, а потомъ вынырнулъ, совсѣмъ обезсиленный, — меня и подхватили финикіяне на свой корабль, — отвѣчалъ Адирома.

— А вотъ я такъ не узналъ тебя,—обратился жрецъ къ Адиромѣ:—старъ становлюсь.

— А я самъ боялся признаться тебѣ, святой отецъ, хотя и узналъ сразу,—сказалъ Адирома:—думалъ, что я такъ измѣнился на чужбинѣ и въ рабствѣ, что меня и родные мои не признаютъ за своего.

Начались разспросы: гдѣ онъ былъ, что это за Троя такая, далеко ли за великимъ моремъ Уатъ-Уръ, какова была его жизнь въ рабствѣ, похожи ли тамошніе цари на египетскихъ, какіе тамъ боги и храмы, какъ пала Троя, кто были ея героями и какъ спасся онъ самъ? На все это отвѣтилъ имъ Адирома, хотя самъ не успѣлъ да и боялся задать имъ вопросъ — единственный вопросъ, который всего труднѣе сходилъ съ устъ. Но онъ подошелъ къ нему окольнымъ путемъ.

— А что въ Ѳивахъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— Въ Ѳивахъ, сынъ мой, новый фараонъ, Рамзесъ III,—отвѣчалъ жрецъ.

— Я это слышалъ въ Мемфисѣ,—сказалъ Адирома.—А что мои тамъ—жена, дочь, отецъ? — спросилъ онъ нерѣшительно.

— Отецъ твой, благодареніе богамъ, здравствуетъ: бодрый старикъ; а изъ дочки твоей вышла славная вострушка, любимица боговъ.

— О, великій Хормаху! — съ благодарною мольбою поднялъ Адирома глаза на сфинкса.—А жена?

— Мудрые боги взяли ее въ свои обители — ихъ на то воля была, отвѣчалъ жрецъ, поднимая глаза къ небу.—Рѣшенія ихъ—тайна для смертныхъ. Когда въ Ѳивы дошла вѣсть, что вашъ корабль погибъ при Просописѣ и всѣ воины съ нимъ, тогда, сынъ мой, жена твоя, убитая горемъ, поболѣла душою съ годъ, а потомъ отошла въ область бога Озириса, на западъ, за великую рѣку, и погребена въ своемъ вѣчномъ жилищѣ.

Адирома закрылъ лицо руками.

— Не скорби, сынъ мой, не намъ судить велѣнія боговъ,—сказалъ жрецъ наставительно, — она была оплакана въ продолженіе семидесяти дней плача по закону нашихъ боговъ.

Зная, что утѣшенія для Адиромы были бы теперь безполезны, Пилока и Инини старались свести разговоръ на другую почву. Они велѣли своимъ воинамъ-возницамъ подъѣхать ближе.

— Полюбуйтесь нашей добычей,—сказалъ Пилока.

На одной колесницѣ лежалъ, прикрѣпленный къ ней ремнями, огромной величины мертвый левъ; на другой—нѣсколько газелей.

— Какъ вы могли осилить такое чудовище! — удивился жрецъ, подходя и осматривая льва.

— Мы молились богу Монту, и онъ помогъ намъ, — отвѣчалъ добродушно Инини.

— Богъ Монту и опытность нашего друга Инини совершили это чудо,—сказалъ Пилока.—Вотъ этими мѣдными стрѣлами (онъ снялъ съ плечъ колчанъ и положилъ на колесницу, гдѣ лежалъ лукъ) нечего и думать сразу положить на мѣстѣ этого фараона пустыни (онъ указалъ на льва); а не срази его однимъ ударомъ, тогда самъ прощайся съ жизнью—прямо отправляйся къ Озирису. Вотъ Инини и говоритъ: чтобы побѣдить сильнѣйшаго врага, надо его прежде ослѣпить: такъ у насъ, говоритъ, въ Ливіи и Нубіи, въ странѣ Кушъ, побѣждаютъ крокодиловъ и бегемотовъ,—ослѣпимъ, говоритъ, и мы льва. И вотъ, помолившись богу Монту, мы приступили къ дѣлу. Мы раньше развѣдали, что левъ каждое утро ходитъ на водопой къ „великому озеру“ (Меридово озеро) Таше по одной и той же тропѣ, чрезъ прибрежные высокіе тростники. Тогда, оставивъ колесницы и коней съ возничими у дальней пирамиды Менкаура (Микерина), мы взяли съ собой одну убитую газель и пошли съ нею въ тростники, окружающіе съ той стороны „великое озеро“. Достигнувъ „тропы льва“, мы положили на самой тропѣ газель такъ, какъ будто бы она спала, а сами, впереди ея, ближе къ озеру, засѣли въ тростникѣ, я по правую сторону тропы, а другъ Инини — по лѣвую, и условились такъ: извѣстно, что левъ при восходѣ солнца всегда привѣтствуетъ восхожденіе бога Ра громкимъ рыканіемъ; услыхавъ этотъ ревъ, мы догадались, что левъ идетъ, и сказали другъ другу: онъ будетъ идти по этой тропѣ и, увидавъ нечаянно спящую газель, удивится и остановится, чтобы приготовиться къ прыжку; онъ будетъ пристально глядѣть на нее; тогда, по знаку, по легкому свисту, мы разомъ должны спустить натянутыя тетивы, и наши стрѣлы должны вонзиться ему въ глаза — моя въ правый глазъ, его—въ лѣвый. Мы такъ и сдѣлали. По шороху и треску тростника мы догадались, что левъ приближается. Скоро мы увидѣли его, и онъ моментально остановился, увидѣвъ впереди себя, не болѣе какъ на одинъ прыжокъ, спящую газель. Глаза его сверкнули зеленымъ огнемъ, онъ приснулся, чтобы сдѣлать прыжокъ... Свистъ—и стрѣлы вонзились ему въ оба глаза! Надо было слышать его ревъ, его стонъ, надо было видѣть его страшный прыжокъ вверхъ! Онъ упалъ навзничъ и сталъ лапами выбивать стрѣлы изъ глазъ... Въ этотъ моментъ мы разомъ метнули въ него свои тяжелыя мѣдныя копья—и они угодили ему подъ лѣвую лопатку, рядомъ, копье къ копью— и прямо въ сердце... Левъ задрожалъ весь и въ судорожныхъ конвульсіяхъ вытянулся. Онъ былъ мертвъ, онъ былъ нашъ!

Адирома тоже подошелъ къ мертвому льву.

— Такъ это я его ревъ слышалъ сегодня на зарѣ,—сказалъ онъ задумчиво.

— Вѣроятно его, — отвѣчалъ Инини. — Но какая величина! Знаешь, другъ, что мы сдѣлаемъ съ этимъ львомъ? — обратился онъ къ Пилока.

— А что?

— Мы его шкуру подаримъ нашей доброй царицѣ, госпожѣ Тіа.

— Правда, мысль хорошая: пусть она топчетъ своими ногами шкуру фараона...

Онъ не договорилъ и лукаво взглянулъ на жреца.

— Да, шкуру фараона... пустыни, — добавилъ Имери тоже не безъ лукавства.—Такъ прежде надо ослѣпить врага?—многозначительно взглянулъ онъ на Инини.

— Ослѣпить... а потомъ — въ сердце, — отвѣчалъ тотъ.

— Но прежде надо газель убить,—добавилъ Пилока.

— Да, да... и положить ее на тропѣ къ водопою,—согласился Инини.

— Ну, газель не легко убить,—замѣтилъ старый жрецъ.

— Нѣтъ, отчего же?—Намъ нетрудно... пробраться въ стадо газелей,—загадочно проговорилъ Пилока, обмѣнявшись съ Инини мимолетнымъ взглядомъ.

— Да, правда, на то мы записные охотники,—согласился послѣдній.

Адирома не понималъ, о какомъ „врагѣ“ идетъ рѣчь и что это за „газель“, которую слѣдуетъ убить. Ясно, что они говорили намеками и всѣ трое понимали другъ друга. Очевидно, у нихъ была какая-то тайна, и вѣроятно серьезная, если въ нее, повидимому, посвящена такая почтенная личность, какъ старый жрецъ бога Хормаху. Да и Пилока, и Инини занимали очень солидныя мѣста въ государстkенной іерархіи Египта: первый былъ совѣтникомъ и секретаремъ казнохранилища фараоновъ, а послѣдній—совѣтникъ двора царскаго. Вѣроятно, что-нибудь затѣвается при дворѣ,—что-то похожее на заговоръ. Неужели противъ Рамзеса? Не даромъ они говорили о львѣ, какъ о „фараонѣ пустыни“. Не онъ ли „врагъ“? Только кто же его противникъ? И кто эта „газель“? Адирома такъ долго находился въ отсутствіи, что для него совершенно неизвѣстно было настоящее политическое состояніе Египта. Очевидно, въ странѣ образовались партіи, и одна партія что-то замышляетъ противъ Рамзеса.

Адирома, однако, не высказалъ своихъ подозрѣній, тѣмъ болѣе, что при немъ говорили намеками, загадками, не посвящая его въ свою тайну, хотя, для заговорщиковъ, и говорили слишкомъ откровенно. Безъ сомнѣнія, они не боялись Адиромы или увѣрены были, что онъ сдѣлается ихъ союзникомъ.

— Когда же ты въ Ѳивы, сынъ мой?—спросилъ его жрецъ.

— Сегодня, святой отецъ, — отвѣчалъ Адирома. — Нынче къ вечеру отходитъ туда судно очень удобное, помѣстительное.

— О, да,—сегодня отходитъ въ Ѳивы большой корабль—„Восходъ въ Мемфисѣ“,—замѣтилъ Пилока.—На немъ и мы отправляемся.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ Инини:—значитъ—всѣ вмѣстѣ. А ты, святой отецъ?

— И я тоже ѣду,—отвѣчалъ Имери:—у меня есть дѣло до верховнаго жреца богини Сохетъ.

— Это Ири? Достойный старецъ,—замѣтилъ Пилока:—онъ нашъ разумъ и свѣтъ.

IX.

Лаодика, дочь Пріама.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого и жрецъ Имери, и Адирома, а равно и Пилока и Инини были уже на пристани, на берегу Нила. Мѣдная корабельная труба кормчаго уже два раза прозвучала въ воздухѣ, возвѣщая о скоромъ отплытіи корабля. Матросы густились около снастей и парусовъ, перекидываясь остротами и бранью. По сходнямъ толпились пассажиры и рабы, нубійцы, финикіяне, фригійцы, пафлагоняне, ахеяне и данаи, таская на корабль тюки съ товаромъ, отправляемымъ въ Верхній Египетъ, въ Ѳивы и въ попутные по Нилу города. Пронесли туда же и шкуру убитаго утромъ около Меридова озера льва, а равно пожитки стараго жреца, Пилока и Инини. За пожитками и сами они послѣдовали на корабль.

Въ это время къ корабельнымъ сходнямъ подъѣхали двѣ колесницы, съ которыхъ сошли—съ одной, молодой египтянинъ въ богатомъ одѣяніи съ золотыми обручами на голыхъ кистяхъ и такою же цѣпью на шеѣ, съ другой — старая негритянка, обитательница земли Кушъ, а съ нею молодая стройная дѣвушка подъ прозрачнымъ покрываломъ; негритянка несла за ней опахало изъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ, которое и держала надъ дѣвушкой, какъ щитъ отъ солнца.

— О, боги! неужели это ты, добрая Херсе?—воскликнулъ Адирома при видѣ негритянки.

— Адирома! — воскликнула, въ свою очередь, послѣдняя въ величайшемъ изумленіи.

Дѣвушка подъ покрываломъ вздрогнула при этихъ возгласахъ и остановилась.

— Кто съ тобой, добрая Херсе?—спросилъ Адирома, глядя на дѣвушку.

Послѣдняя нѣсколько приподняла покрывало съ лица, и на изумленнаго египтянина глянуло прелестное личико съ золотистыми волосами Ганимеда.

— О, Горусъ! — еще съ большимъ изумленіемъ воскликнулъ египтянинъ: — богоравная Лаодика, дочь божественной Гекубы и Пріама!

Но въ третій разъ прозвучала мѣдная труба кормчаго, и надо было торопиться на корабль. Молодой египтянинъ съ золотой цѣпью на шеѣ повелительнымъ жестомъ приказалъ негритянкѣ и той миловидной дѣвушкѣ,

которую Адирома назвалъ Лаодикой, дочерью Пріама и Гекубы, слѣдовать за собою на корабль. За нимъ рабы несли тюки и связки съ пожитками.

— Кто эта бѣлая дѣвушка?—спросилъ у Адиромы Пилока, тоже спѣша на корабль.

— О, другъ Пилока,—грустно отвѣчалъ Адирома:—какая превратность судьбы!— Это младшая дочь троянскаго царя Пріама—да будетъ чтима его память во вѣки! Но какъ юная царевна попала въ Египетъ вмѣстѣ съ своей няней-рабыней—я, видятъ боги, не постигаю... Я помню только тотъ ужасный часъ, когда по Троѣ разнеслась вѣсть, что изъ деревяннаго коня, изъ его утробы, неожиданно вышли данаи — Одиссей, Менелай, Неоптолемъ, сынъ Ахилла...

— Изъ какого деревяннаго коня?—спросили и жрецъ, и Инини.

— Да, вы ничего не знаете,—спохватился Адирома.—Десять лѣтъ данаи напрасно осаждали Трою; много храбрыхъ мужей пало съ той и съ другой стороны—Патроклъ, Гекторъ, Ахиллъ; напослѣдокъ коварные данаи, по совѣту хитроумнаго Одиссея, царя Итаки, соорудили огромнаго деревяннаго коня и въ утробу его пустую, съ потайной дверью, посадили нѣсколько сотъ своихъ храбрѣйшихъ витязей и, оставивъ коня у воротъ Трои, сами сожгли свой станъ, показывая видъ, что совсѣмъ снимаютъ осаду, и отплыли отъ Трои, чтобы по близости укрыться со своими кораблями. Тогда троянцы, видя деревяннаго коня, оставленнаго врагами, и думая, что это—жертва богамъ, имѣли неосторожность ввести это чудовище въ стѣны города...

— Боги ихъ ослѣпили,—замѣтилъ жрецъ:—боги ихъ безумны, какъ и они сами.

— Что же было дальше?—спросилъ ливіецъ Инини.

— Такъ когда ввели въ городъ этого деревяннаго коня, — продолжалъ Адирома,—то, едва настала ночь, спрятанные въ утробѣ коня данаи тотчасъ вышли изъ своей засады, и тогда началось ужаснѣйшее дѣло: Троя запылала со всѣхъ концовъ; данаи нападали на обезумѣвшихъ отъ неожиданности и страха троянцевъ, безпощадно убивали ихъ, а сокровища ихъ и женщинъ выносили за городъ, куда уже подоспѣли съ кораблями и другіе, скрывавщіеся по близости, ихъ союзники. Это была страшная ночь! Пламя пожара освѣщало сосѣднія горы и море; кровь въ городѣ лилась потоками; стоны и вопли доходили до самаго неба... Кто могъ спастись—убѣгали въ другія ворота, обращенныя къ горамъ... Я видѣлъ, какъ на моихъ глазахъ одинъ за другимъ падали доблестные защитники Трои. Вездѣ, при заревѣ пожара, сверкали мѣдные шлемы, копья и щиты сражавшихся. Я видѣлъ, какъ погибли всѣ шестьдесятъ сыновъ Пріама и всѣ мужья его дочерей-царевенъ.

Корабль между тѣмъ, отчалилъ отъ берега. Сѣверный вѣтерокъ надувалъ парусъ, и „Восходъ въ Мемфисѣ“ тихо шелъ вверхъ, словно гигантская птица, разсѣкая грудью мутныя воды Нила. Высившіяся вправо на горизонтѣ пирамиды, казалось, медленно двигались на сѣверъ.

— А это его же дочь?—спросилъ Пилока, указывая на Лаодику: — царевна?

Лаодика сидѣла на палубномъ возвышеніи у ногъ молодого египтянина съ золотой цѣпью на шеѣ. Надъ ними рабы держали опахала въ видѣ зонтиковъ, для защиты отъ солнца. Негритянка Херсе заботливо навѣвала прохладу своимъ опахаломъ на юную царевну.

— Царевна—это младшая дочь Пріама и Текубы,—отвѣчалъ Адирома.

— А что сталось съ старикомъ Пріамомъ?—спросилъ жрецъ.

— Не вѣдаю, святой отецъ,—отвѣчалъ Адирома.—Я видѣлъ только, какъ увлекали въ плѣнъ его двухъ дочерей—Кассандру-прорицательницу...

— Прорицательницу?—перебилъ его Имери.

— Да, святой отецъ: она имѣла даръ пиѳіи—она предрекла гибель Трои изъ-за Елены.

— А кто была эта Елена?—спросили Пилока и Инини.

— Елена была жена могущественнаго царя Менелая, красавица; но ее плѣнилъ одинъ изъ сыновей Пріама—Парисъ, и она убѣжала съ нимъ отъ мужа въ Трою. Такъ вотъ изъ-за нея-то и возгорѣлась война между данаями и троянцами.

— О, красота женская!—вздохнулъ старый жрецъ:—сколько въ ней есть пагубнаго.

— Что жъ, отецъ святой,—возразилъ Пилока: — красота — созданіе боговъ; вѣчные боги знали, для чего сотворили красоту: безъ красоты родъ бы человѣческій прекратился, и некому было бы молиться и приносить жертвы богамъ... Красота—великій даръ земли бога Аммона-Ра и богини Сохетъ.

Жрецъ грустно покачалъ головой: онъ вспомнилъ, что и въ его жизни красота женщины играла роковую роль...

— Такъ Елену отняли у троянцевъ?—спросилъ Инини.

— Отняли—я видѣлъ, какъ ее уносили изъ пылавшей Трои вмѣстѣ съ царевной Лаодикой.

— Вотъ этой самой?

— Да.

— Боги! какъ она прекрасна!—тихо проговорилъ Пилока.—Но какъ она попала сюда и кто этотъ молодой богатый египтянинъ? Вѣроятно, онъ купилъ ее гдѣ-нибудь.

— Не знаю,—отвѣчалъ Адирома.

— А кто эта старая негритянка, съ которою ты говорилъ и которая, повидимому, знаетъ тебя?—спросилъ снова Пилока. — Она назвала тебя по имени.

— Это рабыня царя Пріама и воспитательница Лаодики: она ходила за маленькой царевной съ колыбели. Херсе—такъ зовутъ негритянку — наша, египтянка, изъ племени Кушъ, и была взята въ плѣнъ финикійцами лѣтъ тридцать тому назадъ и продана въ Трою. Тамъ она взята была ко двору царя Пріама, гдѣ и я съ нею познакомился, будучи ра-

бомъ въ этомъ же царскомъ домѣ. Херсе научила говорить по-египетски и свою питомицу-царевну, а теперь это очень пригодится царевнѣ, разъ что она попала въ Египетъ,—сказалъ Адирома.

Молодой богатый египтянинъ, съ своей стороны, повидимому, разспрашивалъ черную рабыню, кто этотъ Адирома, который заговорилъ съ нею, потому что и египтянинъ, и Херсе часто поглядывали на него и на его собесѣдниковъ.

Наконецъ молодой египтянинъ всталъ и направился въ сторону послѣднихъ. Подойдя къ нимъ, онъ сказалъ всѣмъ обычное ходячее привѣтствіе и обратился къ Адиромѣ.

— Боги да дарують тебѣ здоровье и счастье, благородный Адирома!— сказалъ онъ...—Моя рабыня говоритъ, что она была въ чужихъ странахъ вмѣстѣ съ тобою и что ты взятъ былъ въ плѣнъ при Просописѣ въ морской битвѣ?

— Она сказала правду,—отвѣчалъ Адирома.

— А на какомъ кораблѣ ты сражался?—снова спросилъ египтянинъ.

— На кораблѣ „Ибисъ“,—былъ отвѣтъ.

— О, боги!—воскликнулъ молодой египтянинъ: — значитъ ты зналъ моего отца.

— А кто твой отецъ?—спросилъ Адирома.

— Онъ былъ начальникомъ корабля „Ибиса“ въ морской битвѣ при Просописѣ: имя моего отца—Аамесъ.

— Я зналъ благороднаго Аамеса, — сказалъ Адирома: — онъ былъ моимъ начальникомъ.

— Но „Ибисъ“ былъ потопленъ финикіянами?

— Да, это было ужасное наказаніе, посланное намъ немилосерднымъ богомъ Сета, грознымъ сыномъ Озириса.

— И мой отецъ погибъ тогда, утонулъ?

— Не знаю, мой молодой другъ,—отвѣчалъ Адирома.

— Но какъ же ты спасся?—спрашивалъ молодой египтянинъ.

— Великій Озирисъ сжалился надо мною: меня выбросила морская пучина, и я взятъ былъ плѣнникомъ на финикійскій корабль,—отвѣчалъ Адирома.

— Но, быть можетъ, великій Озирисъ помиловалъ и моего отца? Быть можетъ, что и онъ взятъ былъ въ плѣнъ?—продолжалъ спрашивать молодой египтянинъ.

— Не знаю, сынъ благороднаго Аамеса,—отвѣчалъ Адирома:—я его потомъ нигдѣ не видѣлъ.

Сынъ Аамеса постоялъ, подумалъ и хотѣлъ-было уйти; но остановился.

— Такъ ты, благородный Адирома, знавалъ и мою молодую рабыню?— спросилъ онъ.

— Да, зналъ,—былъ отвѣтъ.

— И дѣйствительно—она дочь троянскаго царя Пріама?

— Да, она царевна изъ несчастной Трои. А какъ она тебѣ досталась?

— Я купилъ ее на рынкѣ въ Цоанъ-Танисѣ вмѣстѣ съ старой негритянкой: она мнѣ понравилась своей красотой — такихъ бѣлыхъ кошечекъ у насъ въ Египтѣ нѣтъ... Любопытно имѣть наложницей такую бѣленькую кошечку, — цинично сказалъ сынъ Аамеса, скаля свои бѣлые зубы.

Глаза Адиромы сверкнули гнѣвомъ; но онъ сдержалъ себя.

— Юная царевна достойна лучшей участи,—сказалъ онъ:—боги велятъ намъ уважать несчастіе.

— Какое же это несчастіе — раздѣлять ложе съ сыномъ славнаго Аамеса?—высокомѣрно возразилъ молодой египтянинъ.

— Но прелестное дитя могло бы быть и женой,—замѣтилъ какъ бы про себя жрецъ, все время молчавшій,—женою царя.

— Да, святой отецъ; но кувшинъ безъ воды, какъ бы ни былъ хорошъ, все же пустой кувшинъ,—возразилъ сынъ Аамеса: — а жена безъ придачи—тотъ же пустой кувшинъ.

Жрецъ пожалъ плечами. Молодой египтянинъ хотѣлъ было уйти; но опять остановился въ нерѣшительности.

— Я не знаю, какъ же быть съ гробомъ отца?—сказалъ онъ, глядя на Адирому.

— А что?—спросилъ тотъ неохотно.

— Да вотъ въ чемъ дѣло: отправляясь въ походъ изъ Цоанъ-Таниса, отецъ мой заказалъ тамъ для себя, по обычаю предковъ, гробъ, и продиктовалъ самъ мастеру искусства изображеній знаковъ Аммона то, что именно онъ долженъ былъ вырѣзать на гробѣ. Его воля была исполнена; но онъ съ похода не воротился — быть можетъ, утонулъ или взятъ въ плѣнъ. Теперь, согласно договору отца съ мастеромъ, я долженъ былъ взять гробъ—онъ давно былъ готовъ—и вотъ везу его съ собой въ нашу родовую усыпальницу, въ городъ Нухебъ. Какъ же мнѣ быть съ этимъ гробомъ, если отецъ не воротится изъ плѣна, чтобы снизойти въ подземный міръ въ нашей усыпальницѣ, или если его тѣло не будетъ отыскано?—вопросительно обратился молодой египтянинъ къ жрецу.

— А гдѣ этотъ гробъ?—спросилъ Имери.

— Вонъ тамъ стоитъ подъ пологомъ.

Жрецъ, а за нимъ и другіе пошли къ кормовой части корабля, гдѣ они и увидѣли богатый гранитный саркофагъ, весь исписанный красивыми гіероглифами.

— А прочитайте, какіе подвиги совершилъ мой отецъ, — хвастливо проговорилъ молодой египтянинъ.

Жрецъ сталъ читать вслухъ:

„Умершій начальникъ корабельнаго экипажа Аамесъ, сынъ Абана, говоритъ такъ:

„Я говорю къ вамъ, всему народу, и объявляю о почетной наградѣ, мною полученной.

„Я восемь разъ былъ одаренъ золотымъ дяяніемъ передъ лицомъ всей страны, и рабами, и рабынями въ великомъ множествѣ.

„Я владѣлъ многими полями земли. Наименованіе „храбраго“, которое я заслужилъ, никогда не забудется въ этой землѣ.

„Я провелъ свою молодость въ городѣ Нухебѣ. Отецъ мой былъ военачальникомъ покойнаго царя Рамзеса II Міамуна.

„И сдѣланъ я былъ начальникомъ на его мѣсто на кораблѣ „Телецъ“ во время господина земли Минепты II Хотепхимы.

„Я былъ еще молодъ и не женатъ и опоясанъ одеждой молодежи. Но послѣ того какъ я приготовилъ себѣ жилище, я былъ взятъ на корабль „Сѣверъ“, потому что я былъ силенъ.

„Должность моя была сопровождать великаго господина — жизнь и счастье и здоровье да будетъ его удѣломъ—пѣшкомъ, когда онъ ѣздилъ на колесницѣ.

„Обложили городъ Аварисъ. Служба моя была пребывать пѣшкомъ передъ его святѣйшествомъ.

„Тогда я былъ переведенъ на корабль „Восходъ въ Мемфисѣ“...

— Этотъ самый, на которомъ мы плывемъ,—пояснилъ молодой египтянинъ.

Жрецъ продолжалъ читать.

„Сражались на водѣ, на озерѣ Пацетку, близъ Авариса. Я сражался въ рукопашную и взялъ одну руку. Это было сказано докладчику царя. Мнѣ дали золотой даръ за храбрость.

„Потомъ возгорѣлся на этомъ мѣстѣ новый бой, и я снова сражался въ рукопашную и взялъ одну руку. Мнѣ во второй разъ дали золотой даръ.

„Сражались при мѣстности Такемъ, на югъ отъ города Авариса. Здѣсь я взялъ живого плѣннаго, взрослаго человѣка. Я влѣзъ въ воду, и ведя его, чтобы остаться въ сторонѣ отъ пути, ведущаго къ городу, шелъ я водою, держа его крѣпко. Обо мнѣ сказали докладчику царя. Тутъ я получилъ еще разъ золотой даръ.

„Взяли Аварисъ. Я взялъ тамъ плѣнныхъ—взрослаго человѣка и трехъ женщинъ, всего четыре головы. Его святѣйшество отдалъ мнѣ ихъ въ собственность, какъ рабовъ.

„Обложили городъ Шероханъ. Его святѣйшество взялъ его. Тамъ я взялъ добычу—двухъ женщинъ и одну руку. Мнѣ дали золотой даръ за храбрость. Къ тому отданы были мнѣ плѣнницы, какъ рабыни.

„Послѣ того, какъ его святѣйшество искрошилъ сирійцевъ земли Азіи, поѣхалъ онъ вверхъ по Нилу въ Хонтъ-Хонъ-Ноферъ, чтобы разбросать горныхъ жителей Нубіи. Его святѣйшество весьма много поразилъ между ними. И я тамъ взялъ добычу: двухъ женщинъ, двухъ живыхъ взрослыхъ людей и три руки. И мнѣ снова дали золотой даръ, къ тому дали мнѣ двухъ рабынь.

„И его святѣйшество поѣхалъ внизъ по рѣкѣ. Сердце его было радостно

по храбрымъ и побѣдоноснымъ дѣламъ. Онъ взялъ во владѣніе земли юга и сѣвера.

„Тогда пришелъ врагъ съ юга и приблизился. Его преимущество заключалось во многочисленности его народа. Божества юга были противъ его силы. И его святѣйшество нашелъ его при водѣ Тентъ-та-тотъ. Его святѣйшество увелъ его въ плѣнъ живымъ. Всѣ люди царя возвратились съ добычей. Я увелъ двухъ молодыхъ людей, отрѣзавъ имъ отступленіе отъ корабля. Мнѣ дали пять головъ, кромѣ удѣла въ пять мѣръ пахатной земли, которыя дали мнѣ въ моемъ городѣ. То же самое дали и экипажу корабля.

„Тогда пришелъ тотъ же врагъ—имя ему Тетаанъ (имя вождя?). Онъ собралъ около себя шайку злыхъ людей. Его святѣйшество уничтожило его и слугъ его, такъ что не стало ихъ. Тогда были мнѣ даны трое людей и пять мѣръ пахатной земли въ моемъ городѣ.

„Я везъ водою покойнаго царя Сети II Минепту, когда онъ ѣхалъ вверхъ по рѣкѣ противъ Куша, чтобы расширить границы Египта. Онъ поразилъ нубійца въ средѣ его воиновъ. Загнанные въ тѣснину, не могли они бѣжать. Въ замѣшательствѣ стояли они, какъ будто они были ничто. Я тогда стоялъ впереди нашихъ воиновъ и сражался, какъ слѣдовало. Его святѣйшество удивлялся моей храбрости. Я взялъ двѣ руки и принесъ ихъ къ его святѣйшеству. Разыскивали жителя нубійца и его стада. Я привелъ живого плѣннаго и привелъ его къ его святѣйшеству.

„Я привезъ его святѣйшество въ два дня въ Египетъ отъ верхняго колодца Хнумъ-хиртъ. Тогда подарили мнѣ золотой даръ. Тогда я привезъ двухъ рабынь, кромѣ тѣхъ, которыхъ я привелъ передъ его святѣйшество. И я былъ возвышенъ на степень *витязя царя*.

„Я везъ покойнаго царя Сетнахта-Мереръ-Міамуна, когда онъ ѣхалъ водою въ Хентъ-хонноферъ, чтобы подавить распрю между жителями и чтобы отразить нападеніе со стороны суши. И я былъ храбръ передъ нимъ на водахъ. При нападеніи на карабли было намъ плохо вслѣдствіе перемѣны вѣтра. Я былъ возвышенъ на степень начальника карабельныхъ экипажей.

„Снова встали презрѣнные жители страны Кушъ. Тогда возгорѣлся гнѣвомъ его святѣйшество какъ пантера, и онъ бросилъ свою первую стрѣлу, которая осталась въ тѣлѣ непріятеля, который упалъ безъ чувствъ передъ его царскимъ вѣнцомъ. И тогда произошло великое пораженіе непріятеля, и увезли весь народъ въ плѣнъ живыми.

„И поѣхалъ внизъ его святѣйшество. Всѣ народы были въ его власти. И этотъ презрѣнный царь нубійскихъ народовъ былъ привязанъ къ носу корабля его святѣйшества и выложенъ на землю, въ городѣ Ѳивахъ.

„Послѣ того отправился его святѣйшество въ страну Рутенну, чтобы охладить жаръ своего мужества на жителяхъ страны той. И достигъ его святѣйшество земли Нахараина. Его святѣйшество—да будетъ жизнь, счастье и здоровье его удѣломъ!—нашелъ этихъ непріятелей. Онъ назначилъ порядокъ битвы. Его святѣйшество нанесъ великое пораженіе имъ.

„Безчисленно было множество живыхъ плѣнныхъ, которыхъ его величество увелъ побѣдами своими. И вотъ я былъ впереди нашихъ воиновъ. Его святѣйшество удивлялся моей храбрасти. Я взялъ и увелъ военную колесницу съ конями и того, который на ней находился, живымъ плѣннымъ и представилъ ихъ его святѣйшеству. Тогда я былъ одаренъ золотомъ".

— Здѣсь онъ велѣлъ оставить мѣсто для будущихъ дѣлъ своихъ и подвиговъ, замѣтилъ молодой египтянинъ.

— Да,—иронически вставилъ слово Инини:—здѣсь придется вырѣзать: „при Просописѣ я погибъ вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ".

Но сынъ храбраго Аамеса не понялъ ироніи.

— А вотъ конецъ надписи,—показалъ онъ внизу гробовой доски.

„Я сдѣлался высокоуважаемымъ,—прочелъ жрецъ,—и достигъ старости. Со мной будетъ то, что есть удѣлъ всѣхъ людей на землѣ. Я снизойду въ подземный міръ и буду положенъ во гробѣ, который я для себя самъ велѣлъ сдѣлать" *).

Жрецъ кончилъ и задумался.

— Кого же ты положишь въ этотъ богатый гробъ, если твой отецъ съѣденъ акулами Великой зеленой воды (Уатъ-Уръ)?—спросилъ онъ сына Аамеса.

— Не знаю, святой отецъ,—отвѣчалъ молодой египтянинъ.

— Надо будетъ положить его изображеніе, исполнивъ надъ нимъ всѣ похоронные обряды бога Озириса,—сказалъ жрецъ.

X.

Воспоминаніе о Троѣ.

Юная Лаодика, между тѣмъ, съ глубокою тоскою смотрѣла, какъ корабль все болѣе и болѣе удалялся отъ тѣхъ мѣстъ, которыя, казалось ей, омываемы были ея роднымъ моремъ. Эти мутныя воды рѣки, такъ не похожей на родной Ксанѳъ или Скамандръ, эти пугающіе ее гиганты-пирамиды, высившіяся къ незнакомому небу, эти молчаливые звѣри-люди, сфинксы, эти храмы чудовищные, непохожіе на ея родные храмы ея боговъ, отвернувшихъ отъ нея лицо свое, эти выжженныя солнцемъ горы съ мрачными въ нихъ пещерами-гробницами, хранилищемъ старинныхъ мумій, эти гигантскія пальмы, такъ непохожія на милые лавры и мирты ея родины,—все это еще больше заставляло ея мысль и ея изболѣвшее сердце тянуться къ милому сѣверу, къ грустнымъ теперь, опустошеннымъ берегамъ бѣдной

*) Эта замѣчательная эпитафія—не измышленіе автора. Ее до сихъ поръ можно видѣть въ Верхнемъ Египтѣ, въ Эль-Кибѣ, въ гробничномъ покоѣ Аамеса. Это цѣлый некрологъ, и некрологъ хвастливый, отъ своего лица. А развѣ—„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный"—не то же самое? Не то говорятъ надписи на памятникѣ Гамбетты, въ Парижѣ, противъ Лувра.

Трои, къ ея задумчивымъ рощамъ, къ озаряемой роднымъ солнцемъ, а теперь затуманившейся облаками Идѣ, къ священному Иліону.

Милое, золотое, невозвратное дѣтство, когда она съ братьями и сестрами и съ этимъ обломкомъ ея прошлаго, съ доброю, черною нянею Херсе бѣгала по берегу родного моря! Никого изъ нихъ не осталось. Нѣтъ и Кассандры, которую она видѣла послѣдній разъ въ эту ужасную ночь—жива-ли она? Можетъ быть, подобно ей, томится въ неволѣ, въ чужой сторонѣ. И никого-то не пришлось ей оплакать, какъ оплакала она когда-то добраго Гектора—милаго Гектора, который ее, маленькую Лаодику, часто носилъ на рукахъ или пугалъ ее, надѣвъ свой страшный, косматый и блестящій шлемъ, какъ въ послѣдній день своей жизни онъ испугалъ этимъ шлемомъ своего маленькаго Астіанакса. Никого не осталось!

А милый родной домъ — дворецъ ея отца? Что съ нимъ: остался ли онъ цѣлъ или сгорѣлъ въ эту ужасную ночь вмѣстѣ съ остальною Троей?

Лаодика глянула туда, гдѣ сидѣлъ Адирома съ своими спутниками и гдѣ былъ теперь ея господинъ—господинъ Лаодики, любимой дочери царя Пріама, а теперь рабыни!

При видѣ Адиромы на нее повѣяло чѣмъ-то роднымъ, милымъ. Вѣдь столько лѣтъ она видѣла его въ своемъ дворѣ, въ числѣ рабовъ своего отца. Когда она была много меньше, Адирома часто дѣлалъ ей игрушки—лѣпилъ изъ глины сфинксовъ и бога Аписа, или пѣлъ египетскія пѣсни. Какъ онъ спасся изъ Трои, когда все тамъ погибло? Какъ онъ попалъ въ Египетъ? Можетъ быть, онъ знаетъ что-нибудь о судьбѣ ея отца, матери, братьевъ и сестеръ.

— Надо бы поговорить съ Адиромой, няня, — сказала Лаодика своей черной Херсе:—онъ такими добрыми глазами посмотрѣлъ на меня.

— Да, милая царевна, я постараюсь поговорить съ нимъ,—отвѣчала старая рабыня.

— Поговори—онъ добрый.

— Да, онъ, можетъ быть, знаетъ что-нибудь о Троѣ.

— О, всемогущіе боги!—тихо вздохнула дѣвушка:—за что вы послали на насъ гнѣвъ свой? Развѣ мы мало приносили вамъ жертвъ? Развѣ не часто бѣдный, милый отецъ мой возжигалъ вамъ костры съ цѣлыми гекатомбами? А не я ли сплетала вамъ вѣнки изъ лавровъ и миртовъ? Не я ли курила передъ вами благовоніями Востока? О, безжалостные боги!

Слезы тихо струились по щекамъ обездоленной жертвы неумолимаго рока.

— Не плачь, дорогая, свѣтлая царевна, не тумань своихъ ясныхъ глазокъ: боги милостивы, они воротятъ тебѣ и родину, и родной кровъ,—утѣшала ее старая негритянка.—Вотъ я давно ужъ и забывать стала свою горную страну, свою жаркую Нубію и этотъ Египетъ, куда я вывезена еще дѣвочкой, а вотъ боги, хоть я ужъ и не просила ихъ, а опять привели меня въ страну солнца, къ пирамидамъ, къ моему великому богу Горусу.

— Нѣтъ, добрая няня, сердце мнѣ говоритъ, что не видать ужъ мнѣ

больше священнаго Иліона,—грустно говорила Лаодика.—Какъ перелетѣть черезъ эти безбрежныя моря?

— Не говори этого, милая царевна: наши боги всесильны, и если ты будешь молиться матери боговъ, великой Сохетъ, то она обратитъ тебя въ ласточку, и тогда ты перелетишь черезъ всѣ моря, сядешь на кровлю родного дома и защебечешь: всѣ тебя сейчасъ узнаютъ.

— Э, няня! это сказки для малыхъ дѣтей. Для меня ужъ нѣтъ возврата: я такъ умру здѣсь рабыней.

Рабство—удѣлъ женщины древняго міра, разъ что она взята въ плѣнъ побѣдителемъ или пиратомъ и потомъ продана на рынкѣ, какъ товаръ. И вотъ перелестная Лаодика, царевна священнаго Иліона, Лаодика, которую впослѣдствіи Гомеръ воспѣваетъ въ своихъ наивныхъ рапсодіяхъ, эта Лаодика, по словамъ творца „Энеиды" и „Одиссеи", „миловиднѣйшая дщерь Гекубы", теперь рабыня, невольница сластолюбиваго египтянина.

— Ну, а если боги не превратятъ тебя въ ласточку, то все же ты не будешь рабыней: нашъ теперешній господинъ, Абана, сынъ, Аамеса, сдѣлаетъ тебя своей женой; а Абана изъ знатняго египетскаго роду,—утѣшала ее Херсе.

— Я не хочу быть и женой его,—проговорила Лаодика.

— Отчего же милая, царевна? Онъ такой красивый, молодой, богатый.

Лаодика отрицательно покачала головой: она охотнѣе желала бы быть женою троянскаго пастуха, чѣмъ египетскаго сановника. Абана казался ей такимъ грубымъ и, несмотря на свою молодость и статность, физически противнымъ.

— Нѣтъ, няня, если ужъ боги не судили мнѣ вновь увидѣть священный Иліонъ, то ужъ я лучше желала бы скорѣе сойти въ область Аида: тамъ я увижу милаго Гектора, моихъ добрыхъ братьевъ Полидора, Ликаона... Ихъ милыя тѣни скитаются теперь, быть можетъ, по берегамъ Леты или Стикса и Флегетона... О, няня! для меня роднѣе и любезнѣе Лета или Ахеронъ, чѣмъ этотъ чужой Нилъ; я бы охотнѣе помогала Сизифу катить на гору его заколдованный камень, чѣмъ быть царицей Египта.

Херсе не могла безъ сердечной боли слышить эти слова своей питомицы и госпожи. Старая рабыня за все время, какъ няньчила Лаодику, съ самой ея колыбели, страстно привязалась къ этому милому, нѣжному ребенку. Сама одинокая, никогда не имѣвшая ни дѣтей, ни родины, она сосредоточила въ Лаодикѣ весь свой міръ, всю страстную, пламенную любовь негритянки. Такъ, вѣроятно, только львицы ея родины и пантеры любятъ своихъ дѣтенышей: она дѣйствительно превращалась въ разъяренную львицу, когда, бывало, ей казалось, что кто-либо обидѣлъ ея маленькую царевну. Въ такіе моменты, бывало, Гекторъ называлъ ее Медузой, у которой волосы превращались въ змѣи, и выражалъ шутливое сожалѣніе, что нѣтъ болѣе Персея, который бы отрубилъ голову этой Медузѣ. Въ послѣднюю ужасную ночь, когда, при свѣтѣ зарева пожара, она увидѣла, что сынъ Агамемнона, Орестъ, схватилъ Лаодику, чтобы нести къ себѣ на корабль, Херсе

змѣей обвилась вокругъ ногъ Ореста и до тѣхъ поръ не выпускала его изъ своихъ цѣпкихъ клещей, пока онъ не обѣщалъ, что возьметъ ее вмѣстѣ съ своей юной плѣнницей, Лаодикой.

Теперь, поставленная злымъ рокомъ на одну доску съ своей царевной, будучи такою же вещью молодого египтянина, какъ и Лаодика, она продолжала считать себя рабынею исключительно этой послѣдней. Для нея она готова была бы съ радостью опять покинуть Египетъ. Что ей Египетъ! Она его забыла, она привыкла къ той жизни, въ далекомъ Иліонѣ. А съ Лаодикой она хоть на край свѣта такъ пошла бы охотно.

А Лаодика, глядя на эти мелькающіе по берегу Нила храмы и дворцы невѣдомыхъ городовъ, вспомнаетъ, какъ когда-то слѣпой пѣвецъ, Креонъ, воспѣвалъ ихъ домъ въ Троѣ, ихъ милыя „палаты, обиталище счастья“:

Все лучезарно, какъ въ небѣ, въ палатахъ царя Иліона,
Старца Пріама, боговъ олимпійскихъ любимаго сына:
Солнце и мѣсяцъ и звѣзды въ палатахъ его обитаютъ.
Солнце—то самъ онъ, Пріамъ богоравный, а ясный тамъ мѣсяцъ,
Ночь превращающій въ день—то Гекуба, богиня средь смертныхъ;
Яркія звѣзды—сыны ихъ и милые дщери и внуки.
Рай въ тѣхъ палатахъ: тамъ мѣдные стѣны идутъ отъ порога,
Сверху жъ увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входныя двери изъ чистаго золота ходятъ на петляхъ
Мѣдныхъ—Гефестъ ихъ ковалъ въ своей кузницѣ молотомъ тяжкимъ.
Аргусы—псы изъ чистѣйшаго золота денно и нощно
Дверь охраняютъ; внутри же тамъ—лавки богатой работы,
Крытыя тканями яркаго пурпура...

Вспоминала Лаодика и садъ свой, гдѣ она такъ любила играть съ своими братьями и сестрами и съ этою преданною Херсе,—„садъ, обведенный высокой оградой“. Росло тамъ, въ этомъ родномъ саду, „много деревъ плодоносныхъ—яблонь, и грушь, и гранатъ, отягченныхъ золотыми плодами“. Все было въ этомъ дивномъ саду: „сладкія смоквы, маслины круглый годъ, и въ знойное лѣто, и въ зиму холодную зрѣли на вѣткахъ...“

Въ это время къ нимъ подошли Абана и Адирома.

— Да хранятъ тебя вѣчные боги, богоравная дочь Пріама! — сказалъ почтительно Адирома.

Онъ заговорилъ на родномъ языкѣ Лаодики, и грустное лицо дѣвочки прояснилось. Уже одно присутствіе здѣсь, въ чужой странѣ, этого человѣка, котораго она съ дѣтства видѣла около себя въ родномъ домѣ, тепломъ повѣяло на ея душу.

— Боги да наградятъ тебя за твою доброту, Адирома, — сказала съ чувствомъ Лаодика. — Разскажи намъ, какъ ты попалъ сюда и что ты знаешь о послѣдующей судьбѣ всѣхъ близкихъ мнѣ и объ участи, постигшей священный Иліонъ?

— О, богоравная дочь Пріама и Гекубы! — съ грустью отвѣчалъ Адирома:—не отрадны будутъ для тебя мои вѣсти. Вотъ все, что я знаю: когда тебя и провѣщательницу Кассандру силою увлекли злодѣи данаи

и когда уже нельзя было сомнѣваться, что пылающая Троя стала добычею ея враговъ, мы всѣ, кто еще остался живъ, рѣшились спасаться бѣгствомъ и вышли изъ города сѣверными воротами, которыя не были заняты врагами. Оттуда дорога шла въ горы, на направленію къ Дарданосу. Съ ближайшихъ высотъ мы увидѣли, что Троя вся объята пламенемъ; пылалъ и вашъ прекрасный дворецъ, нѣкогда подобный Элизію — жилищу боговъ. Кто погибъ отъ меча враговъ и отъ всепоглощающаго пламени, мы не могли знать; мы знали только немногихъ спасшихся, между которыми былъ и Эней, сынъ Анхиза, доблестный вождь храбрыхъ изъ Дарданоса...

— Эней! — тихо сказала Лаодика, и не-то вздохъ, не-то стонъ вырвался изъ ея груди.

— Да, Эней, богоравная дочь Пріама,—продолжалъ Адирома: — онъ на плечахъ своихъ вынесъ изъ пылающаго города престарѣлаго отца, Анхиза, а старая, немощная Креуза несла за ними своихъ пенатовъ.

— Кто же еще спасся съ вами?—спросила Лаодика.

— Вмѣстѣ съ Энеемъ спаслись еще Палинуръ, Энтеллъ...

— А изъ моихъ братьевъ никого съ вами не было?

— Никого, богоравная Лаодика. Можетъ быть, они вышли другими воротами.

— Бѣдные, бѣдные!—прошептала Лаодика.—Что же Эней?

— Эней, увидѣвъ, что для города нѣтъ уже спасенія, собралъ насъ всѣхъ и повелъ прямою дорогою въ свой родной городъ Дарданосъ. Тамъ мы наскоро снарядили корабли и моремъ бѣжали отъ злосчастныхъ береговъ священнаго Иліона... Мы издали видѣли, какъ онъ дымился, догорая.

Лаодика плакала: она оплакивала гибель своего родного города и всего, что ей было дорого.

— А Эней? что съ нимъ сталось?—спросила она, стараясь подавить рыданія. Къ Энею юная Лаодика питала нѣжное чувство: она давно его любила пламенно; онъ первый разбудилъ въ ней, почти ребенкѣ, спавшую женщину, и она полюбила его со всею беззавѣтностью первой пробудившейся страсти. Но объ этомъ чувствѣ никто не догадывался: ласки, которыя она давала Энею въ своемъ саду, въ ночь передъ его единоборствомъ съ Патрокломъ, видѣли съ темнаго неба только молчаливыя звѣзды...

— Эней,—отвѣчалъ на ея вопросъ Адирома,—долго скитался съ своими кораблями по бурному морю, преслѣдуемый жестокимъ Посейдономъ, пока насъ не прибило къ берегамъ Африки.

— Сюда, въ Египетъ?—встрепенулась Лаодика.—Такъ Эней здѣсь?

Казалось, что мгновенно мрачная пелена спала съ ея глазъ, и это чужое небо, сдавалось, глянуло на нее привѣтливо, любовно; Нилъ не казался такимъ мутнымъ; высокія пальмы стали красивѣе, гранитные, задумчивые сфинксы—не такъ строгими.

— Да, богоравная Лаодика, почти въ Египетъ, только туда западнѣе, ближе къ Атланту, гдѣ этотъ гигантъ держитъ на своихъ плечахъ сводъ

небесный,—отвѣчалъ Адирома;—мы пристали къ городу Кареаго, гдѣ царицей была прекрасная Дидона.

— Дидона?—неожиданно вмѣшалась въ разговоръ Херсе, которая до сихъ поръ все молчала.—Она, должно быть, внучка нашего бывшаго ливійскаго царя Дидо, котораго разбилъ фараонъ Минепта II. А какихъ она лѣтъ, добрый Адирома?

— Лѣтъ около двадцати-девятнадцати.

— Такъ это она: я видѣла ея мать еще совсѣмъ ребенкомъ, она опоясывалась тогда еще поясомъ младенчества. О, боги! какъ быстро обращаетъ великій Озирисъ колесо времени! И у нея уже дочь царица! — говорила старая Херсе, качая посѣдѣвшею головою.

— Гдѣ жъ теперь Эней? — съ сдержаннымъ нетерпѣніемъ спросила Лаодика.

— Не знаю, богоравная дочь Пріама,—отвѣчалъ Адирома.

— Что же Дидона?—снова спросила Лаодика:—она приняла васъ?

— Не только приняла, но она отдала Энею и себя, и свое царство.

Замѣтная блѣдность разлилась по миловидному личику дочери Пріама.

— Себя отдала Энею?—спросила она чуть слышно.

— Да, и все царство.

— И онъ взялъ ее? — Адирома только по движенію поблѣднѣвшихъ губъ Лаодики могъ прочесть ея беззвучный вопросъ.

— Нѣтъ, не взялъ. Онъ слѣдовалъ велѣніямъ боговъ: они повелѣли ему отплыть въ землю италовъ, къ самому краю земли.

— И онъ отплылъ?

— Отплылъ, царевна.

— А Дидона?—голосъ Лаодики срывался.

— Дидона сожгла себя на кострѣ.

— Какъ?! что?!—Лаодика привстала, вся дрожа.

— Дидона полюбила Энея и не могла перенести разлуки съ нимъ.

Краска медленно возвращалась на блѣдныя щеки Лаодики.

Вечерѣло. На землю, на Нилъ, на горы спускались тѣни ночи. Въ вечернемъ воздухѣ прозвучалъ мѣдный голосъ трубы кормчаго, и „Восходъ въ Мемфисѣ“ сталъ поворачивать къ берегу, на ночлегъ.

XI.

Похищеніе Лаодики.

„Дидона полюбила Энея и не могла перенести разлуки съ нимъ“. Эти слова неотступно теперь преслѣдовали Лаодику. А она, Лаодика, развѣ не любила его, не любитъ? Онъ вытѣснилъ изъ ея сердца все—родину, отца, мать, братьевъ, сестеръ. Для него забыты боги, храмы, ихъ алтари, жертвенники... Она помнила только одно божество—Афродиту. Ея покровительства она просила, когда, наканунѣ единоборства Энея съ Патрокломъ, шла

ночью въ садъ на свиданіе съ сыномъ Анхиза. И Афродита послала ей свою милость. Развѣ теперь Лаодика можетъ забыть, что было тогда въ эту божественную ночь, когда только безмолвныя звѣзды могли видѣть съ темнаго неба ихъ ласки, ихъ объятія, ея счастливыя слезы.

Неужели же эта африканка, эта царица Кароаго, Дидона, любила его больше? — Да, больше, больше! Она не задумалась пойти на костеръ, когда его не стало, когда онъ покинулъ ее по повелѣнію боговъ: Дидона не перенесла разлуки. А она, Лаодика, которая любила его больше своей жизни, она не была убита разлукой: она не пошла на костеръ. Нѣтъ! не можетъ быть, чтобы Дидона больше любила! Эта гордая африканка погибла оттого, что онъ ее бросилъ, отвергъ ея любовь. Это ясно. Значитъ, она говорила Энею о своемъ чувствѣ? Онъ слушалъ ее?

Болью отдался въ сердцѣ Лаодики этотъ вопросъ. Значитъ, любовь Дидоны къ Энею не была тайной—всѣ знали объ этомъ? Да, конечно, и Адирома зналъ, и всѣ знали.

Эти мысли не давали спать Лаодикѣ въ то время, когда весь корабль погруженъ былъ въ сонъ. Лаодика лежала подъ наметомъ изъ бѣлаго финикійскаго виссона и не могла сомкнуть глазъ. Наметъ былъ полуоткрытъ, и въ отверстіе Лаодика видѣла темное небо, усѣянное звѣздами. Эти звѣзды и тогда смотрѣли на нихъ, когда Эней такъ безумно ласкалъ ее.

Уже одно сознаніе, что онъ живъ, наполняло сердце Лаодики благодарностью къ богамъ. Онъ живъ, онъ думаетъ о ней. И въ невѣдомой землѣ италовъ онъ вспомнитъ о своей Лаодикѣ.

Нилъ тихо журчалъ у киля корабля. На берегу, медленно потухая, иногда вспыхивалъ огонекъ, съ вечера разведенный матросами. За Ниломъ, въ каменоломняхъ, слышался по временамъ крикъ ночной птицы.

Гдѣ же эта таинственная земля италовъ? И неужели можно перелетѣть черезъ море ласточкой?

Въ темнотѣ Лаодикѣ показалось, что пологъ ея намета шевелится. Она стала вглядываться. Скоро пологъ нѣсколько раздвинулся.

— Это я, милая царевна,—послышался осторожный шопотъ старой негритянки.

— Что тебѣ, Херсе? Развѣ ты не около меня спала? — также осторожно спросила Лаодика.

— Тише... Богиня Гаторъ посылаетъ тебѣ спасеніе.

— Что ты, няня!

— Богиня Гаторъ покровительствуетъ молодости и красотѣ... Твоя красота растопила сердце добраго божества: богиня хочетъ спасти тебя отъ Абаны, котораго ты не любишь.

— О, боги! но какъ она спасетъ меня?

— Вставай и иди за мною: пока всевидящее око Аммона-Ра глянетъ на землю, мы будемъ уже далеко—Абана не догонитъ насъ.

Вся дрожа отъ волненія, Лаодика встала. Вѣрность свою и глубокую преданность старая Херсе такъ много разъ имѣла возможность доказать,

что Лаодика вѣрила ей слѣпо. Она знала, что Херсе желаетъ ей добра.

— Сандаліи на тебѣ?—спросила негритянка.

— На мнѣ, няня.

— А вотъ тебѣ плащъ—закутайся имъ плотнѣе.

Лаодика повиновалась. Оставивъ наметъ, бѣглянки тихо пробрались мимо спавшихъ рабовъ своего господина. Въ темнотѣ онѣ дошли до сходней и никѣмъ не замѣченныя вышли на берегъ.

Въ темнотѣ, словно изъ земли, выросла еще одна тѣнь.

— Это я —не бойся, богоравная дочь Пріама, я—Адирома; слѣдуйте за мной.

Бѣглянки удалились отъ берега. Невидимая тропинка вела черезъ пальмовую рощу. Въ темнотѣ послышалось фырканье лошадей.

— Вотъ мы и дошли,—сказалъ Адирома.

Въ темнотѣ вырисовывалась группа коней и неясныя очертанія людей. Ночной сумракъ и таинственность наводили на Лаодику невольный страхъ, хотя она и увѣрена была въ добрыхъ намѣреніяхъ Херсе и Адиромы.

— Боги намъ покровительствуютъ,—послышался въ темнотѣ чей-то голосъ.

Это былъ голосъ Имери, стараго жреца бога Хормаху. Съ нимъ было еще нѣсколько человѣкъ, и тутъ же стояли двѣ парныя колесницы. Жрецъ подошелъ къ Лаодикѣ.

— Благородная дочь Пріама,—сказалъ онъ ласково:—пусть боги вселятъ въ твою юную душу мужество! Я, жрецъ великаго бога Хормаху, желаю тебѣ добра. Несчастье твоего дома предало тебя въ руки и въ рабство недостойному человѣку. Ты не заслужила этой участи, и боги внушили мнѣ благую мысль. Я хочу избавить тебя отъ того, кто называется твоимъ господиномъ. Я и мои друзья, слуги царицы Тіи, благородные совѣтники фараона, Пилока и Инини,—мы хотимъ, чтобы ты и твоя вѣрная Херсе сейчасъ же, не дожидаясь, пока солнце пошлетъ свой первый лучъ на землю, отправлялись на этихъ колесницахъ прямо въ Ѳивы. Эти мужественные воины (онъ указалъ на молчаливыя фигуры, стоявшія у лошадей) будутъ сопровождать и охранять васъ. Въ Ѳивахъ вы явитесь къ начальнику женскаго дома, къ Бокакамону, который и доложитъ о васъ царицѣ, — жизнь, счастье и здоровье да будутъ ея удѣломъ! Вотъ тебѣ золото на дорогу, благородная отроковица.—Жрецъ подалъ Лаодикѣ кошелекъ.—Мы же сейчасъ воротимся на корабль, чтобы сынъ Аамеса, когда утромъ обнаружится ваше исчезновеніе, не заподозрилъ васъ въ чемъ-либо.

— Я скажу Абанѣ, недостойному сыну Аамеса,—прибавилъ съ своей стороны Адирома,—что тебя, богоравная царевна, и добрую Херсе похитилъ твой богъ, Гермесъ.

Лаодика со слезами цѣловала руки стараго жреца.

— Да наградятъ тебя боги, святой отецъ,—шептала она.

— А тебя, милое дитя, пусть хранитъ великій Хормаху и всемогущая Сохетъ, мать боговъ,—сказалъ жрецъ, цѣлуя ее въ голову.

Лаодику и Херсе усадили въ одну колесницу на мягкія шкуры газелей и велѣли ихъ возницѣ не жалѣть коней. Въ другой колесницѣ помѣстились три воина, служившіе подъ начальствомъ Пилока и Инини. Имъ же принадлежали и колесницы съ конями.

Скоро бѣглянки исчезли во міракѣ тропической ночи, а жрецъ и Адирома воротились на корабль, гдѣ никто и не замѣтилъ ихъ временнаго отсутствія.

Лаодика очень удивилась, когда, проснувшись утромъ подъ ласкающими лучами солнца, она увидѣла себя въ незнакомой мѣстности. Все совершившееся ночью казалось ей сномъ.

— Гдѣ мы, няня?—спросила она.

— Мы на дорогѣ благополучія,—лаконически отвѣчала старая негритянка.

Лаодика тотчасъ вспомнила событія предшествовавшаго дня: разсказъ Адиромы, Эней, Дидона на кострѣ, земля италовъ, невѣдомое море...

— Ахъ, няня, какъ бы я хотѣла быть ласточкой!—прошептала она.

XII.

Возвращеніе безъ вѣсти пропавшаго.

Прошло около десяти дней. Рамзесъ все еще не возвращался изъ похода; но въ Ѳивахъ его и не ждали скоро. Говорили, что онъ предпринялъ походъ далеко на сѣверъ.

Солнце только что опустилось за Ливійскія горы, окаймлявшія у Ѳивъ долину Нила съ запада; но Ѳивы были все еще такъ же шумны, какъ и днемъ. Обыватели, которыхъ вечеръ застигалъ вдали отъ своихъ жилищъ, спѣшили по домамъ. Буйволы, коровы, ослы и козы съ пастбищъ возвращались въ свои хлѣвы и закуты. Ихъ сопровождали крики пастуховъ и лай собакъ.

Въ этотъ часъ, въ задней половинѣ дома Пенхи, въ восточной, занильской части города, сквозь небольшое окошко, выходившее на Нилъ и завѣшенное извнутри полосатою занавѣсью, едва замѣтно просвѣчивалъ огонекъ.

Войдемъ внутрь дома стараго Пенхи. Хозяинъ и его внучка Хену находились въ задней половинѣ дома, въ той именно комнатѣ, изъ маленькаго окошка которой просвѣчивалъ слабый лучъ огонька на Нилъ. Это была довольно просторная комната, освѣщенная висячею бронзовою лампою съ четырьмя горѣлками въ видѣ наклоненныхъ цвѣтковъ лотоса. На столѣ стояли двѣ свѣчи въ бронзовыхъ же шандалахъ съ изображеніями филиновъ. Тутъ же лежали куски воска, ножи и лопаточки изъ пальмоваго дерева.

Старикъ Пенхи, наклонившись надъ столомъ, усердно лѣпилъ изъ воска какую-то фигурку въ видѣ женщины, но съ головою льва. На другомъ кон-

цѣ стола маленькая Хену тоже лѣпила какія-то фигурки, вся углубившись въ свое занятіе.

Поднявъ голову и взглянувъ на работу дѣда, она радостно захлопала въ ладоши.

— Ахъ, дѣдушка, настоящая богиня Сохетъ! воскликнула она, подходя къ старику.—Ахъ, какъ хорошо!

— Да, дитя, она удалась мнѣ,—задумчиво сказалъ старикъ:— сама богиня помогла.

— Она еще лучше, чѣмъ Озирисъ,—сказала дѣвочка, подходя къ нишѣ и вынимая оттуда другую восковую фигурку.—А развѣ ты меньше молился Озирису?

— Нѣтъ, дитя, я усердно и ему молился.

— А посмотри, что я тебѣ покажу.

Хену подбѣжала къ другому концу стола и взяла слѣпленныя ею восковыя фигурки.

— Смотри, дѣдъ: это—богъ Аписъ, а это—я!

И дѣвочка весело, звонко расхохоталась: ее смѣшили сдѣланныя ею безобразныя фигурки.

— Видишъ, какая я? ха-ха!

Старикъ добродушно улыбался, разсматривая произведеніе своей шалуньи-внучки.

— А какой Аписъ! какіе рога! Вотъ онъ сейчасъ меня забодаетъ.

И дѣвочка снова заливалась, прыгая вокругъ стола.

— Постой, дѣдъ, я теперь слѣплю самого фараона,—говорила она, принимаясь за воскъ.

Въ это время съ берега Нила донесся рѣзкій звукъ мѣдной трубы.

— Это корабль откуда-то пришелъ,— замѣтилъ Пенхи.

Затѣмъ и старикъ, и дѣвочка снова углубились въ свои работы. Слышно было, какъ на дворѣ переговаривались рабыни, которыя доили коровъ и козъ. Съ Нила доносился неясный гулъ голосовъ: это шла спѣшная разгрузка прибывшаго въ Ѳивы корабля.

— Не будетъ ли какихъ вѣстей о фараонѣ?—проговорилъ про себя Пенхи.

— Можетъ быть, онъ еще побѣдилъ какого-нибудь царя въ землѣ Либу,—замѣтила Хену.

На дворѣ послышался лай собаки.

— Не чужой ли кто-нибудь?—замѣтилъ про себя Пенхи.—Надо бы все это спрятать.

Но вслѣдъ затѣмъ собака залаяла радостно, отвѣчая на чей-то призывъ. Въ то же время раздался не-то радостный, не-то испуганный возгласъ старой Аторъ, вѣрной ключницы Пенхи и няньки Хену.

— О, всемогущій Озирисъ! Кого я вижу! Ты ли это? изъ подземнаго царства Озириса?

— Нѣтъ, добрая Аторъ, я не былъ въ подземномъ царствѣ, — отвѣчалъ чей-то знакомый голосъ.

— Кто бы это? Чей это голосъ?—удивился Пенхи.

— А какъ боги милуютъ отца? Что маленькая Хену? — послышался тотъ же голосъ.

— Обо мнѣ спрашиваетъ!—съ удивленіемъ воскликнула Хену.—Кто это?

Пенхи какъ-то задрожалъ и весь вытянулся, превратившись въ слухъ. Дрожащими руками онъ сталъ собирать и прятать куски воска, фигурки восковыя, лопаточки. Лицо его сначала вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло.

— Не можетъ быть!—прошепталъ онъ.—О, боги!

— Кто, дѣдушка?—спрашивала Хену, схвативъ дѣда за руку.

— Я не знаю, дитя... Мнѣ почудилось... Онъ говоритъ—что отецъ...

— О, великая Гаторъ!—слышался радостный голосъ рабынь на дворѣ.— Нашъ господинъ!

— Гдѣ отецъ? гдѣ моя Хену? — снова говорилъ тотъ же знакомый голосъ.

— О, боги! это онъ! это мой сынъ!—проговорилъ старый Пенхи и бросился къ двери.—Это твой отецъ, дитя. Онъ воротился изъ подземнаго царства!

Пенхи быстро отворилъ дверь. Тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, стоялъ Адирома.

— Адирома! сынъ мой! ты ли это!—воскликнулъ Пенхи, протягивая руки.

— Отецъ мой! отецъ! я опять тебя вижу!

И отецъ, и сынъ бросились другъ другу въ объятія. Одна Хену стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи, словно забытая. Но въ это мгновеніе въ комнату съ радостнымъ визгомъ влетѣла собака Шази и бросилась лизать лицо дѣвочки.

— Хену! дитя мое!—нагнулся къ ней Адирома, освободившись отъ объятій отца.—Ты не узнаешь меня? Я твой отецъ! Какая ты большая выросла! О, Гаторъ, она у меня красавица!

Дѣвочка, пораженная неожиданностью, совершенно растерялась. Давно освоившись съ мыслью, что ея отецъ погибъ въ морѣ, что его давно нѣтъ на свѣтѣ, привыкнувъ думать о немъ, какъ о какомъ-то нетлѣнномъ духѣ, превращенномъ, какъ ей казалось, въ орла или въ ястреба, она не могла теперь сразу освоиться съ мыслью, что этотъ большой мужчина, который обнимаетъ и цѣлуетъ ее, и есть ея отецъ. Она представляла его себѣ какимъ-то божествомъ, непохожимъ на людей, и потому какъ бы чуждымъ ей, и вдругъ онъ—сильный, высокій, красивый мужчина.

А между тѣмъ Адирома поднялъ ее и, держа подъ мышки, то подносилъ къ себѣ ея раскраснѣвшееся личико, то отдалялъ.

— Дѣвочка! красавица! вылитая мать! моя Хену, моя крошка!—повторялъ онъ.

Эта пламенная нѣжность сообщилась дѣвочкѣ. Хену страстно обхватила шею отца.

— Такъ ты мой отецъ? Да, отецъ? Ахъ, какъ я люблю отцовъ,—лепетала она.

— Отцовъ?—невольно разсмѣялись и Адирома и Пенхи.

— Отца! тебя люблю! и дѣда люблю!

— Вотъ она и права, говоря, что любитъ „отцовъ“: она любитъ тебя, своего отца, и меня, твоего отца,—поспѣшилъ поправить свою внучку Пенхи.

Старая, сморщенная Аторъ стояла въ дверяхъ, и слезы умиленія текли по ея смуглымъ щекамъ. Изъ-за нея выглядывали другія рабыни: ихъ всѣхъ трогала эта нѣжная семейная сцена—трогала до слезъ. Каждая изъ нихъ, можетъ быть, думала, что, если бъ и ей удалось когда-либо воротиться на далекую родину, куда-нибудь въ горную Ливію, или въ милую приморскую Финикію, или въ знойную Нубію, то, быть можетъ, и ихъ встрѣтили бы родные съ такими радостными слезами... Но гдѣ ужъ бѣднымъ рабынямъ думать о возвратѣ! Онѣ всѣ здѣсь, въ неволѣ, въ стовратныхъ Ѳивахъ, сложатъ свои кости и рабынями перейдутъ въ подземное царство.

Только дворовая собака Шази была довольна и счастлива за всѣхъ: она раньше всѣхъ, раньше даже старой Аторъ узнала бывшаго своего господина, который столько лѣтъ пропадалъ гдѣ-то. Она узнала его по глазамъ. Вотъ почему теперь она суетилась и бѣгала отъ одного къ другому.

— Но, дитя, дай же намъ поговорить,—сказалъ Пенхи внучкѣ, которая теперь помѣстилась на колѣняхъ у отца и не позволяла ему шевельнуться.

— Слушай: самъ богъ Аписъ глядѣлъ мнѣ въ глаза,—болтала она.

— Ой ли? И ты не испугалась? —улыбнулся Адирома.

— Сначала испугалась, а потомъ нѣтъ.

— Да постой же, сиди смирно, дай отцу слово сказать,—говорилъ Пенхи, стараясь унять расходившуюся внучку.—Но раскажи, что съ тобой было, какъ ты спасся отъ смерти, гдѣ находился всѣ эти почти десять лѣтъ?—спрашивалъ онъ сына.

— Боги были милостивы ко мнѣ,—отвѣчалъ Адирома, лаская голову дѣвочки.

Онъ разсказалъ все, что намъ уже извѣстно, а потомъ прибавилъ:

— Въ Мемфисѣ, по волѣ боговъ, я встрѣтился съ почтеннымъ Имери, жрецомъ бога Хормаху, а также съ почтенными Пилока и Инини, съ которыми и прибылъ сюда на кораблѣ „Восходъ въ Мемфисѣ“, и они познакомили меня со всѣмъ (на словѣ „всѣмъ“ онъ сдѣлалъ удареніе), что происходило въ мое отсутствіе въ Египтѣ и въ Ѳивахъ и что совершается теперь... О, великій Аммонъ-Горусъ!

Пенхи, ничего не сказавъ, велѣлъ старой Аторъ и другимъ рабынямъ приготовить ужинъ для дорогого гостя.

— А гдѣ теперь Лаодика?—спросила Хену... Ахъ, какъ бы я хотѣла ее видѣть!

— Она теперь, милая дочка, должна быть уже въ домѣ царицы, въ женской палатѣ,—отвѣчалъ Адирома.

— Бѣдная Дидона!—продолжала болтать дѣвочка.—Зачѣмъ же она сожгла себя?

— Съ печали по Энеѣ, дѣвочка.

— Вотъ глупенькая! Я бъ никогда не сожгла себя.

И дѣдъ, и отецъ разсмѣялись. Они видѣли, что пока Хену не уснула, она не дастъ поговорить имъ о дѣлѣ. Она болтала безъ умолку; но о томъ, что считала она секретомъ, о томъ, что они съ дѣдомъ для чего-то лѣпили изъ воску фигуры боговъ, фараона и царевичей, — она даже отцу не заикнулась. И Пенхи хорошо зналъ съ этой стороны свою умненькую внучку: то, что велятъ ей хранить въ тайнѣ, она никому не выдастъ.

— А кто лучше—Дидона или Лаодика?—спросила она, соображая что-то.

— Лаодика лучше,—отвѣчалъ Адирома:—Лаодику я зналъ такою же маленькою, какъ ты.

— А какіе у ней волосы? Черные, курчавые?

— Нѣтъ, милая дочка, у Лаодики волосы золотистые.

— Какъ золото? Вотъ прелесть!

— А у Дидоны?

— У Дидоны черные, какъ у тебя.

— Пхе! я не люблю черные.

И опять она разсмѣшила и дѣда, и отца. Послѣдній началъ гладить и цѣловать ее.

— А вотъ я такъ люблю черные, такіе, какъ у тебя,—говорилъ Адирома, перебирая курчавыя пряди своей дѣвочки.

— А глаза какіе у Лаодики?—спрашивала Хену.

— Такіе же хорошенькіе, какъ у тебя.

— А знаешь, когда я упала на колѣни передъ Аписомъ и онъ поглядѣлъ мнѣ въ глаза, такъ всѣ сказали, что я священная дѣвочка.

— Да ты и такъ священная,—улыбнулся Адирома.

— Отчего священная?

— Оттого, что ты невинная.

— А Лаодика тоже священная?

— Да, и Лаодика священная.

— А Дидона?

Адирома разсмѣялся.

— Ну, едва ли она священная.

— Да перестань, дитя, болтать глупости,—замѣтилъ Пенхи:—ты сегодня совсѣмъ съ ума сошла, должно быть, отъ радости.

— А развѣ отъ радости съ ума сходятъ? Вотъ ты, значитъ, не радъ моему отцу, ты совсѣмъ не сошелъ съ ума.

Пенхи только рукой махнулъ, а Адирома еще нѣжнѣе сталъ ласкать болтунью.

— Вотъ я такъ тоже схожу съ ума, — сказалъ онъ: — изъ Трои да въ Ѳивы!

XIII.

Лаодина въ семьѣ Рамзеса.

Рамзесъ III Рампсинитъ былъ уже далеко не молодъ, когда вступилъ на престолъ своего отца, Сетнахта Міамуна II, которому, еще при жизни послѣдняго, онъ помогалъ управлять Египтомъ.

Какъ выше было замѣчено, Рамзесъ III имѣлъ уже восемнадцать сыновей и четырнадцать дочерей. Конечно, это были дѣти не одной царицы Тіи, его законной жены, но многія прижиты имъ отъ другихъ женщинъ его гарема, называвшагося просто „женскимъ домомъ фараона“. Хотя всѣ эти дѣти считались принцами и принцессами крови и хотя всѣ они содержались одинаково, какъ дѣти фараона, однако, въ силу господствовавшаго въ Египтѣ „утробнаго права“, не всѣ были равны передъ закономъ и передъ страною.

„Утробное право“ состояло въ томъ, что первая, законная жена фараона пользовалась особымъ значеніемъ и ей воздавались почести, отличныя отъ другихъ: она являлась преимущественною представительницею законнаго престолонаслѣдія. Обыкновенно, женатый на принцессѣ-наслѣдницѣ фараонъ возводилъ на престолъ для совмѣстнаго съ собою царствованія малолѣтняго сына своего, какъ бы упрочивая и узаконяя его именемъ соединеннымъ со своимъ именемъ всѣ свои дѣйствія и распоряженія передъ народомъ и страною. При назначеніи фараонами удѣльныхъ князей и намѣстниковъ обыкновенно наслѣдникомъ удѣла считался внукъ царя, рожденный отъ дочери его, но не сынъ его и не сынъ сына его. Такимъ образомъ, законъ лежалъ на сторонѣ „женской утробы“. Геродотъ говоритъ даже, что въ обычаѣ египтянъ было возлагать попеченіе о престарѣлыхъ и дряхлыхъ родителяхъ на дочерей, а не на сыновей.

Въ утро, слѣдовавшее за прибытіемъ Адиромы въ Ѳивы, вся многочисленная семья Рамзеса находилась въ саду, примыкавшемъ къ женскому дому и обнесенномъ высокою каменною оградою. Стройныя пальмы, сикоморы и громадные бананы давали достаточную тѣнь саду, хотя солнце подобралось уже довольно высоко. Младшіе члены семьи фараона, мальчики съ локонами юности на щекахъ и дѣвочки съ золотыми обручами на головахъ, въ видѣ змѣя-уреуса, затѣяли шумную игру, соотвѣтствовавшую ходячимъ интересамъ своего вѣка: они изображали двѣ воюющія стороны, изъ которыхъ одна сторона представляла собою египтянъ, а другая—презрѣнныхъ обитателей страны Либу. Нѣкоторыя дѣвочки-принцессы плакали, когда на ихъ долю выпало быть презрѣнными либу, и жаловались своимъ черномазымъ статсъ-дамамъ, что мальчики-принцы хотятъ отрѣзывать у нихъ руки по праву побѣдителей.

Сторону обиженныхъ сестренокъ приняла хорошенькая Сиатъ или Ни-

токрисъ. Она сказала, что превращать египтянъ и египтянокъ въ презрѣнныхъ либу можетъ только богиня Изида.

— Гдѣ же, милая Снатъ, мы возьмемъ Изиду?—спросила самая маленькая принцесса, Гаторъ, названная такъ по имени богини красоты и любви.

— Я буду Изидой,—отвѣчала Нитокрисъ.—Принесите мнѣ цвѣтокъ лотоса и нѣсколько колосьевъ пшеницы.

Маленькія принцессы бросились исполнять приказаніе старшей сестры, и скоро явились съ цвѣткомъ лотоса и колосьями.

Шалунья Нитокрисъ приняла на себя важный видъ богини.

— Становитесь на колѣни передъ божествомъ!—сказала она повелительно.

Дѣвочки тотчасъ же исполнили приказаніе богини; но нѣкоторые юные принцы заупрямились, боясь превратиться въ презрѣнныхъ либу. Однако, Нитокрисъ продолжала свою роль.

— Начинаю съ младшихъ,—сказала она.—Гаторъ! выбери себѣ одинъ колосъ.

Юная принцесса дрожащею рукою вынула одинъ колосъ изъ общей связки.

— Теперь отрывай отъ колоса одно зерно за другимъ и говори: Египетъ-либу, Египетъ-либу, такъ до послѣдняго зерна. Если послѣднее зерно будетъ Египетъ, то значитъ ты египтянинъ; если же послѣднее зерно будетъ либу, то и ты будешь презрѣннымъ либу.

Дѣвочка со страхомъ начала отрывать зерно за зерномъ. Руки ея дрожали.

— Египетъ-либу, Египетъ-либу,—шептала она.

Всѣ фараонята собрались вокругъ и съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за процессомъ отрыванія отъ колоса зеренъ, повторяя вслухъ: „Египетъ-либу, Египетъ-либу“.

— Египетъ-либу, Египетъ-либу, Египетъ...

Гаторъ вся вспыхнула отъ неожиданности, отъ счастья: послѣднимъ зерномъ у нея было—Египетъ.

— Милая Снатъ!—закричала она радостно:—я—египтянинъ!

Она вся свѣтилась восторгомъ, глазки ея блестѣли. Это заинтересовало и мальчиковъ.

— Теперь я! теперь мнѣ!—приставали они къ важной Изидѣ.

Нитокрисъ всѣхъ отстранила повелительнымъ жестомъ.

— Теперь тебѣ, Рамзесъ-Горусъ, — сказала она, протягивая руку съ колосьями младшему братишкѣ.

Юный принцъ не безъ страха вынулъ колосъ.

— Египетъ-Либу, Египетъ-либу, Египетъ-либу, — шепталъ онъ, отрывая зерно за зерномъ.

Интересъ зрителей возросталъ все больше и больше.

— Египетъ-либу, Египетъ-либу, Египетъ...

— Либу! либу!—захлопала въ ладоши счастливица Гаторъ.

— Либу! либу!—повторили другія дѣвочки:—ты—презрѣнный либу! либу!

— Я не хочу! Я не либу! — обидѣлся юный принцъ и бросилъ свой ощипанный колосъ.

Всѣ юные фараоны пришли въ волненіе. Начались протесты. Дѣвочки держали сторону Изиды.

— Теперь кому вынимать колосъ?

— Теперь Міамуну-Аммону.

— Нѣтъ, теперь Путифарѣ—она моложе Міамуна.

— Неправда! и мнѣ восемь лѣтъ, и тебѣ!

— Мнѣ восемь лѣтъ было давно—я старше!

— Нѣтъ, я старше: я изъ утробы царицы, а ты изъ утробы рабыни.

— Неправда! Моя мама тоже была царевна.

Дѣти слышали отъ старшихъ объ „утробномъ правѣ", и теперь препирались о старшинствѣ не по возрасту, а по праву рожденія.

Но въ это время въ саду показалась сама царица Тіа въ сопровожденіи своего первенца, Пентаура.

— А! мама! — радостно проговорила Нитокрисъ, сбрасывая съ себя всю напускную важность богини.—А съ нею и Лаодика!

— Лаодика! Лаодика!—взволновались юныя принцессы, а за ними и юные принцы, и всѣ бросились навстрѣчу царицы и Лаодики.

Послѣдняя попрежнему смотрѣла задумчиво и грустно, хотя въ выраженіи лица замѣчалось менѣе тоски и подавленности. Жена Рамзеса, когда Бокакамонъ представилъ юную дочь Пріама ко двору, приняла ее очень ласково, совершенно съ материнскою нѣжностью: грустная судьба молодой дѣвушки и несчастія, постигшія царство ея отца, расположили сердце царицы Египта въ пользу бѣдной сиротки. Самая наружность Лаодики очаровала всѣхъ. Красота ея являлась чѣмъ-то невиданнымъ подъ знойнымъ солнцемъ тропиковъ, гдѣ лица почти такъ же смуглы, какъ и лица нубійцевъ, между тѣмъ какъ юная троянка была бѣленькая и съ такимъ цвѣтомъ волосъ, который казался чѣмъ-то необычайнымъ черноволосымъ египтянамъ.

На мужчинъ дома Рамзеса Лаодика произвела еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на женскую половину двора фараона. Пентауръ, которому нравилась свѣтло-каштановая хеттеянка Изида, теперь былъ до безумія очарованъ бѣлолицею и золотистоголовою троянкою. Онъ готовъ былъ не отходить отъ нея, ловилъ каждый ея взглядъ, жадно любовался ея плавными, граціозными движеніями и восхищался нѣжной мелодіей ея голоса. Онъ уже мечталъ, что, если сбудется то, что онъ задумалъ съ матерью, то Лаодика будетъ сидѣть съ нимъ рядомъ на престолѣ Аммона-Горуса, украшенная двойнымъ вѣнцомъ и змѣемъ-уреусомъ.

Красавица и любимица матери, юная Снатъ-Нитокрисъ, точно также смотрѣла на задумчивую и грустную троянку, какъ на божество. Ничего подобнаго, ничего прелестнѣе Лаодики она не видала въ жизни. Вся страсть пробудившейся въ ней женщины обратилась на Лаодику: она полюбила ее первою любовью пламенной дочери знойнаго африканскаго юга.

Она теперь первая подбѣжала къ ней.

— Лаодика! милая Лаодика! дай мнѣ поцѣловать тебя!—говорила она, ласкаясь къ троянкѣ.—Я тебя сегодня не цѣловала... Я всю ночь видѣла тебя во снѣ: мы съ тобой рвали на берегу Нила цвѣты лотоса, и сама богиня Гаторъ, въ видѣ бѣлой голубки, принесла тебѣ лучшій цвѣтокъ.

— Ахъ, я забыла, какъ у васъ называется богиня Гаторъ,—болтала Нитокрисъ, не давая никому сказать слова.

— У насъ она называется Афродита, милая Снатъ,—отвѣчала Лаодика.

— А Горусъ?

— Горусъ—Ѳебъ, солнце.

Юные принцы и принцессы окружили Лаодику, и всѣ старались наперерывъ заговорить съ ней, приласкать ее. Она стала какой-то игрушкой въ семьѣ фараона. Ее хватали за руки, съ любовью гладили ея шелковистые волосы, заглядывали въ глаза.

Болѣе взрослые юноши изъ сыновей Рамзеса выражали свой восторгъ сдержаннѣе, но все же видимо любовались ею. Особенно плѣнила она сердце молодого Меритума, который уже считался великимъ жрецомъ солнца въ Геліополисѣ, хотя этому юному жрецу предстояло еще много учиться жреческой мудрости. Онъ уже ревновалъ Лаодику къ старшему своему брату, къ принцу Пентауру, любимцу матери-царицы, и въ сердце его уже закрадывалось недоброе чувство по отношенію къ сопернику, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ тягаться со старшимъ братомъ, который былъ вдвое старше его:—на Меритума все еще смотрѣли какъ на мальчика, да и локонъ юности, висѣвшій у него на смуглой щекѣ, обнаруживалъ его предательскій возрастъ.

— Когда жъ тебя повезутъ, наконецъ, въ Уакитъ (Геліополисъ) учиться быть жрецомъ?—высокомѣрно спросилъ его Пентауръ, замѣтившій бросаемые Меритумомъ на Лаодику страстные взгляды.

Меритумъ вспыхнулъ—онъ почувствовалъ оскорбленіе.

— Когда?—вызывающе посмотрѣлъ онъ на брата.—А тогда, когда ты всѣ наши житницы наполнишь дуррой и полбой.

Это былъ оскорбительный намекъ на то, что Рамзесъ не взялъ съ собою Пентаура въ походъ противъ непріятеля, а приказалъ ему наблюдать за поступленіемъ податей въ казну фараона.

— Этого тебѣ пришлось бы долго ждать,—сердито сказалъ Пентауръ:—до того времени твой локонъ юности успѣетъ посѣдѣть.

Это значило, что —„ты еще молокососъ — нечего тебѣ заглядываться на троянку“.

Женское чутье подсказало Лаодикѣ, изъ-за чего горячатся братья, и она подарила Меритума ласковымъ взглядомъ, отъ котораго юноша вспыхнулъ еще больше, но вспыхнулъ уже краской счастья. Лаодикѣ стало жаль его, между тѣмъ какъ грубость Пентаура возмущала ея кроткое сердце.

И Нитокрисъ съ своей стороны оказалась союзницей младшаго брата, Меритума: юная египтянка тоже уловила женскимъ чутьемъ причину ссоры

между братьями и приняла сторону младшаго, потому что и она ревновала Лаодику къ грубому гиппопотаму, какъ она въ душѣ называла иногда Пентаура.

Зато мать-царица осталась вѣрна своему любимцу.

— Вы бы, дѣти, пошли играть хоть „въ крокодила“,— сказала она юной ватагѣ:—и ты, Меритумъ, иди съ ними.

— Я уже выросъ изъ этой игры!— гордо отвѣчалъ великій жрецъ солнца:—я—жрецъ бога Горуса!

— Но вѣдь ты еще не выросъ изъ локона юности, мальчикъ,—замѣтила Тіа.

— Ахъ, мама! все же онъ большой,—заступилась за брата своенравная Нитокрисъ:— ему ужъ пора охотиться на львовъ, а не играть „въ крокодила“.

— Нѣтъ, мама, мы будемъ играть не „въ крокодила“, а въ войну,— залепетала самая младшая дочка Рамзеса, Гаторъ:—мы будемъ играть въ египтянъ и въ презрѣнныхъ либу. Знаешь, мама,—меня богиня Изида уже сдѣлала мальчикомъ-египтяниномъ.

Эта удивительная новость всѣхъ разсмѣшила, и даже Лаодика не могла удержаться отъ смѣху: такъ наивно все это было сказано.

Въ это время одна изъ рабынь доложила царицѣ, что ее желаетъ видѣть господинъ женскаго дома, Бокакамонъ, — и Тіа воротилась во дворецъ.

XIV.

„Я возстановлю троянское царство“.

— Вѣрь мнѣ, прекрасная дочь Пріама, что я возвращу тебѣ потерянную Трою, я самъ съ тобою буду на твоей родинѣ, возстановлю троянское царство и отомщу всѣмъ врагамъ твоего отца,—говорилъ Пентауръ, продолжая, повидимому, прерванный съ приходомъ въ садъ разговоръ.

Сынъ Рамзеса, увлеченный красотою Лаодики, задумалъ обширный планъ—планъ покоренія Финикіи, Фригіи, Киликіи и Пафлагоніи и всѣхъ странъ, лежавшихъ на восточномъ берегу „великихъ зеленыхъ водъ“ (Средиземное море) вплоть до Трои и Дарданоса — царства Анхиза и сына его Энея.

Въ этомъ молодомъ львѣ Африки давно пробудились инстинкты его великаго прадѣда, Рамзеса II Сезостриса, и поддерживаемый любовью честолюбивой матери, а съ другой стороны возбуждаемый явною нелюбовью къ нему отца,— онъ обдумывалъ въ душѣ рискованное дѣло, сущность котораго онъ не могъ, конечно, довѣрить юной Лаодикѣ, а потому говорилъ ей общими мѣстами.

— Ты видѣла въ Рамессеумѣ, въ домѣ моего прадѣда Рамзеса II, изображенія четырнадцати царей, которыхъ побѣдилъ онъ?—спросилъ Пентауръ, когда они удалились вглубь сада.

— Да, мнѣ показывалъ ихъ Бокакамонъ,—отвѣчала Лаодика.

— Только я не буду воевать ни землю Кушъ, ни землю Либу; я пойду на сѣверъ; часть моихъ войскъ будетъ слѣдовать берегомъ „великихъ зеленыхъ водъ", чтобы покорить Финикію, Идумею, Амморею и Фригію до твоей родины, а другая часть воиновъ пойдетъ моремъ прямо до Трои и Дарданоса, чтобъ оттуда идти на враговъ твоего отца,—съ воодушевленіемъ продолжалъ Пентауръ.—Я уже говорилъ сегодня утромъ съ великимъ жрецомъ богини Сохетъ, который знаетъ Трою и всѣ тамошнія страны.

Лаодика была поражена послѣдними словами царевича.

— Какъ! Неужели здѣсь есть кто-нибудь, кто бывалъ въ Троѣ?—невольно вырвалось у нея.

— Есть, милая Лаодика: это — Ири, верховный жрецъ богини Сохетъ. Онъ былъ въ Троѣ.

— Давно?—спросила Лаодика, вся взволнованная.

— Больше десяти лѣтъ тому назадъ.

— Значитъ, до осады данаями нашего милаго города?

— Вѣроятно, до осады: онъ былъ у твоего отца посломъ отъ моего дѣда, фараона Сетнахта Міамуна.

— О, боги!—какъ бы я хотѣла видѣть этого человѣка.

— Ты его увидишь!—милая дѣвушка.—Онъ помнитъ твоего отца, твоихъ братьевъ и сестеръ и, вѣроятно, видѣлъ тебя маленькую на рукахъ у твоей доброй Херсе.

За это одно извѣстіе она готова была полюбить Пентаура, какъ онъ ни былъ для нея несимпатиченъ по многимъ причинамъ, а главное потому, что онъ добивался ея взаимности, когда всѣ помыслы ея принадлежали одному, котораго она, казалось, навѣки потеряла.

И неужели этотъ Пентауръ исполнитъ свое обѣщаніе?—Неужели она опять увидитъ родныя мѣста—берегъ родного моря, знакомыя горы, рощи и на горизонтѣ—острова, которые она видѣла съ дѣтства?—Кого найдетъ она тамъ въ живыхъ?—Не найдетъ только Энея! Онъ далеко, далеко гдѣ-то, въ землѣ италовъ.

— Да, я отмщу врагамъ твоего отца—твоимъ врагамъ!—увлекаясь собственною мыслью, говорилъ сынъ Рамзеса III:—я въ цѣпяхъ приведу въ Ѳивы всѣхъ царьковъ, о которыхъ ты говорила моей матери-царицѣ—Агамемнона, Ахилла, Одиссея, Нестора, Аяксовъ, Неоптолема, Ореста. Я помѣщу изображенія ихъ рядомъ съ изображеніями царей земли Кушъ, Либу, Цита и другихъ, которыхъ ты видѣла въ Ремессеумѣ.

Лаодика невольно поддалась честолюбивымъ мечтаніямъ своего собесѣдника. Вѣра его въ свои силы вливала и въ ея юную душу увѣренность.

— А ты знаешь, благородный царевичъ, гдѣ земля италовъ?—робко спросила она.

— А на что тебѣ, милая Лаодика?—въ свою очередь спросилъ Пентауръ.

Лаодика нѣсколько замялась: не могла же она выдать ему своихъ чувствъ, которыя глубоко хоронила въ своемъ сердцѣ.

— Туда, въ землю италовъ, послѣ разоренія Трои, отплылъ лучшій другъ моего отца, Анхизъ, престарѣлый царь Дарданоса,— отвѣчала покраснѣвшая дѣвушка, умолчавшая объ Энеѣ.

— Этой земли, милая Лаодика, я не знаю,—сказалъ Пентауръ:—но я спрошу у Ири—онъ исполненъ всевозможныхъ знаній.

Лаодика немного помолчала. Ее видимо подмывало еще что-то спросить. Наконецъ она рѣшилась.

— А въ городѣ Карѳаго ты бывалъ, царевичъ?—спросила она.

— Это гдѣ царствуетъ женщина?

— Да, Дидона.

— Знаю. Я тамъ былъ въ третьемъ году съ побѣдоносными воинами моего покойнаго дѣда, фараона Сетнахта Міамуна,— жизнь, здоровье и счастье да будутъ ему вѣчнымъ удѣломъ въ подземномъ мірѣ!

— И видѣлъ царицу Дидону?

— Видѣлъ, прекрасная дочь Пріама: царица Дидона повергласъ въ прахъ, принося дань моему дѣду и прося пощадить ея жизнь, такъ какъ она была союзницей презрѣнныхъ либу.

— Она, говорятъ, прекрасна, какъ Афродита-Гаторъ,—съ дрожью въ голосѣ сказала Лаодика.

— Кто такъ говоритъ, тотъ не имѣетъ глазъ,—сказалъ Пентауръ.

Этотъ лаконическій отвѣтъ былъ по душѣ Лаодикѣ; но она умолчала о томъ, что слышала отъ Адиромы о томъ, что изъ любви къ Энею Дидона сожгла себя на кострѣ.

— Отецъ, вѣроятно, пройдетъ съ войскомъ и до Карѳаго, чтобы получить вновь дань отъ Дидоны,—прибавилъ Пентауръ.

Какъ ни заманчивы, однако, были обѣщанія Пентаура—возстановить царство Иліона, отмстить всѣмъ врагамъ Трои и дать Лаодикѣ возможность воротиться на родину, какъ ни самоувѣренны были рѣчи объ этомъ наслѣдника египетскаго престола,—только Лаодикѣ казалось все это едва ли возможнымъ. Для нея непонятно было многое изъ того, что вокругъ нея происходило. Чуялось присутствіе какой-то тайны во дворцѣ фараона, собственно на женской половинѣ двора Рамзеса, и во главѣ этой тайны, повидимому, стояли сама царица Тіа и ея любимецъ Пентауръ. Что-то похоже было на заговоръ, и при томъ противъ самого фараона, все еще находившагося въ отсутствіи. Это сквозило изъ намековъ, изъ недосказанныхъ рѣчей. Часто упоминались имена Бокакамона, Пенхи, какой-то дѣвочки Хену, верховнаго жреца богини Сохетъ и многихъ другихъ: о нихъ говорилось, какъ о „недовольныхъ“ кѣмъ-то, какъ о „своихъ“. Упоминались еще какія-то „восковыя изображенія“. Что все это означало?

Лаодика вѣрила послѣ всего того, что она видѣла въ Египтѣ, что этотъ всемогущій Египетъ со своими фараонами можетъ возстановить Трою, что онъ въ силахъ уничтожить всѣхъ враговъ Иліона, что силы этихъ Агамемноновъ, Ахилловъ, Аяксовъ ничтожны передъ силами одного фа-

раона; но захочетъ ли этого самъ Рамзесъ, котораго Лаодика представляла себѣ какимъ-то страшнымъ крокодиломъ?

Лаодика, слушая своего собесѣдника, не рѣшалась, не смѣла задавать ему прямыхъ вопросовъ. Она могла остановиться на единственной мысли: если боги были такъ милостивы къ ней, къ ничтожной единицѣ священнаго Иліона, то отчего милость ихъ не можетъ снова излиться на всю бѣдную Трою? И отчего орудіемъ этой милости не избрать всемогущихъ фараоновъ?

— Но захочетъ ли его святѣйшество, великій Рамзесъ, помочь бѣдной Троѣ?—проговорила какъ бы про себя Лаодика.

Пентауръ сдѣлалъ энергичное движеніе.

— Не захочетъ! Боги повелятъ—и будетъ исполнено,— сказалъ онъ загадочно.

Въ это время изъ-за ствола ближайшей пальмы выступила молодая, красивая женщина. Глаза ея съ какимъ-то особеннымъ блескомъ остановились на Лаодикѣ.

— Ты что, Атала?—недовольнымъ голосомъ спросилъ Пентауръ.

— Я пришла сказать господину, что царскій копчикъ, бросивъ одну добычу, устремился за другой: — я боюсь, что стрѣла охотника поразитъ жаднаго копчика,—таинственно отвѣчала молодая женщина.

— Скорѣе копчикъ поразитъ охотника,—гордо сказалъ Пентауръ.

Молодая женщина что-то пробормотала и удалилась. Лаодикѣ показалось, что она сказала какую-то угрозу, да и красивые глаза ея смотрѣли недружелюбно. Сердце или инстинктъ подсказали юною троянкѣ, что она должна остерегаться этой красивой египтянки.

— Кто эта женщина?—невольно спросила Лаодика.

— Это одна изъ дѣвушекъ дома царицы,—неохотно отвѣчалъ Пентауръ.

— А о какомъ копчикѣ и какомъ охотникѣ говорила она?

— Смыслъ этихъ словъ дочь Пріама узнаетъ послѣ,—былъ неопредѣленный отвѣтъ.

Изъ него Лаодика поняла только, что въ женскомъ домѣ и при дворѣ Рамзеса затѣвается что-то неладное.

Атала была дочь начальника гарнизона въ Ѳивахъ, Таинахтты, и состояла при женскомъ домѣ Рамзеса въ качествѣ почетной дѣвицы—нѣчто въ родѣ современной фрейлины. Она отличалась отъ прочихъ почетныхъ дѣвицъ женскаго дома красотою и всѣми, если можно такъ сказать, африканскими качествами—огненнымъ темпераментомъ, подвижностью молодого тигренка и рѣзвостью. Эти качества очаровали сердце наслѣдника престола, и Пентауръ передъ всѣми оказывалъ ей предпочтеніе, которое и перешло скоро въ бурную страсть. Ему отвѣчали тѣмъ же.

Но съ тѣхъ поръ, какъ при дворѣ Тіи появилась Лаодика, Пентауръ, видимо, охладѣлъ къ своей страсти, и Атала уже не разъ втайнѣ изливала слезы передъ изображеніемъ богини Гаторъ въ видѣ иносказательной жалобы, что „сердце ея осиротѣло, а постель ея не согрѣвается солнцемъ

ея души“. На бѣду Пентаура, Атала была посвящена въ тайну придворнаго заговора, потому что это былъ преимущественно „женскій заговоръ“.

Впрочемъ, Пентауръ вполнѣ надѣялся на свои силы, а главное—на союзъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ жрецовъ, которые всегда были всесильны въ Египтѣ, до того всесильны, что всѣ фараоны заискивали передъ ними, осыпая ихъ богатствами подъ видомъ жертвоприношеній божествамъ. На сторонѣ Тіи и Пентаура находились такіе жрецы, какъ Аммонъ-Мерибастъ, верховный жрецъ Аммона-Горуса, Ири, верховный жрецъ богини Сохетъ, и Имери, верховный жрецъ свѣтоноснаго Хормаху.

Въ это время стремительно, какъ вихрь, подбѣжала къ Лаодикѣ хорошенькая Нитокрисъ.

— Ахъ, милая Лаодика! — заторопилась она:—вѣтеръ твоего сѣвера шепнулъ мнѣ въ ухо хорошую новость для тебя.

— Какую, милая Снатъ?—удивилась Лаодика.

— А что ты мнѣ дашь, если я тебѣ скажу?

— У меня, милая, ничего нѣтъ, чтобы дать тебѣ—у меня есть только сердце, которое я уже отдала тебѣ съ перваго дня, какъ узнала тебя.

— Нѣтъ, Лаодика: еще есть что-то у тебя.

— Что же?—я не знаю.

— А твои губы—дай мнѣ ихъ.

— Возьми.

Плутовка не заставила себя просить: она жарко прильнула своими губами къ губамъ Лаодики.

— Ахъ, какъ сладко!—Теперь скажу: вчера въ Ѳивы пріѣхалъ кто-то, кто носилъ тебя на рукахъ.

Эти слова удивили Лаодику и встревожили: въ несчастіи люди всегда ожидаютъ скорѣе дурныхъ вѣстей, чѣмъ хорошихъ.

— Кто же, дорогая Снатъ!—Меня Херсе носила на рукахъ.

— Нѣтъ—это мужчина. — И плутовка коварно посмотрѣла на своего брата: — она хотѣла мстить ему хоть чѣмъ-нибудь за то, что онъ отнимаетъ у нея Лаодику.

— Кто же?—снова недоумѣвала послѣдняя.

— Сынъ стараго Пенхи, Адирома изъ Трои!—почти крикнула шалунья.

— Да? Я очень рада... Боги наградили его свободой за то, что онъ добрый,—серьезно сказала Лаодика, у которой въ душѣ при одномъ имени Адиромы шевельнулось и встало все прошлое, далекое, невозвратное, встало какъ живое.

Но тутъ же она вспомнила своего господина, Абану, сына Аамеса, у котораго ее похитилъ Адирома съ помощью того стараго, добраго жреца, котораго и имени она не знала.

Неужели Абана не разыскиваетъ ее? А если узнаетъ, гдѣ она?

XV.

Отвергнутая Ниломъ жертва.

Между тѣмъ въ Ѳивахъ распространился слухъ, что фараонъ возвращается съ войскомъ изъ похода. Возвращеніе это было неожиданно. Говорили, что въ походѣ на сѣверъ, послѣ пораженія войскъ Цамара и Цаутмара, опасно заболѣла старшая и любимѣйшая дочь Рамзеса, прекрасная Нофрура.

Это было дѣйствительно такъ. Въ одинъ изъ переходовъ по знойной степи Ливіи, Нофрура почувствовала сильныя недомоганія. Къ ночи она лежала уже въ жару. Тотчасъ же призваны были находившіеся при войскѣ врачи и искуснѣйшіе „хиръ-сешта“ — учители таинственныхъ наукъ, которые и приступили къ лѣченію юной царевны. По совѣту ихъ, одинъ изъ находившихся при войскѣ жрецовъ Изиды обвязалъ пылавшую голову больной намоченной въ священной водѣ лентой отъ покрова Изиды, произнося заклинаніе: „Свяжу я злой недугъ семью узлами бога Шу, сына великаго Ра; я свяжу его силу, его дѣла, его злобу страшными узлами мрачною ночью, пока не глянетъ на землю свѣтлый ликъ великаго Горуса“.

Больная металась на постели и умоляла, чтобъ ее бросили въ Нилъ: видно было, что внутренній жаръ пожиралъ ее, и оттого ей казалось, что прохладныя воды Нила исцѣлили бы ее.

Отецъ и сестры не отходили отъ больной. Рамзесъ, который безъ содроганія видѣлъ вокругъ себя тысячи смертей, которому доставляло несказанное наслажденіе смотрѣть на горы отрѣзанныхъ у непріятелей рукъ и членовъ, возвышавшіяся у его походной палатки, этотъ желѣзный человѣкъ при видѣ страданій своей любимицы плакалъ какъ ребенокъ.

— Это презрѣнные либу наслали на нее огневой недугъ,—шепталъ онъ, чувствуя свое безсиліе.

Къ утру жаръ у больной нѣсколько уменьшился, и Рамзесъ рѣшился немедленно возвратиться въ Ѳивы подъ покровительство своихъ боговъ и ихъ служителей.

Больную царевну уложили въ покойную колесницу, запряженную восемью мулами. Нофрура лежала въ колесницѣ подъ богатою тентою изъ бѣлаго финикійскаго виссона, затканнаго золотомъ, а четыре рабыни, находившіяся съ нею въ колесницѣ, безпрестанно махали надъ больною опахалами изъ страусовыхъ перьевъ. Самъ Рамзесъ, его сыновья, дочери и Изида-хеттеянка слѣдовали за колесницею больной въ своихъ походныхъ колесницахъ. Не слышно было ни военной музыки, ни воинственныхъ возгласовъ, потому что войска фараона съ своими военачальниками и тысячами плѣнныхъ двигались поодаль отъ царскаго кортежа.

— Сестра не даромъ просила бросить ее въ Нилъ,—говорила вторая

дочь фараона, стройная и большеглазая Ташера, сидя въ своей колесницѣ рядомъ съ Изидой.

— А что, милая Ида-Ташера?—спросила послѣдняя.

— Это ей, конечно, боги внушили,—замѣтила третья дочь Рамзеса, Аида.

— Что же они ей внушили?—недоумѣвала хеттеянка.

— Боги внушили ей, что Нилъ требуетъ жертвы, чтобъ исцѣлить больную,—отвѣчала Аида.

— Какой жертвы?—снова спросила Изида.

— Человѣческой. А развѣ ваша священная рѣка не требуетъ жертвъ? У васъ какая рѣка священная, въ вашей странѣ?—спросила Ташера.

— У насъ священная рѣка Іорданъ,—отвѣчала хеттеянка:—когда наши предки съ пророкомъ Моисеемъ и Іисусомъ Навиномъ возвращались изъ Египта, то Іорданъ самъ разступился передъ израильскимъ народомъ. Но нашъ Іорданъ меньше Нила. Только я не знаю,—у насъ, кажется, не приносятъ жертвъ Іордану, а только одному Іеговѣ, и то не человѣческія жертвы, а только овновъ и тельцовъ.

— А у насъ и Нилу приносятъ,—сказала Аида.

— Какимъ же образомъ?—спросила хеттеянка.

— Жертву Нилу приносятъ по указанію священнаго бога Аписа: на какую невинную дѣвочку онъ укажетъ, ту отдаютъ Нилу.

— Какъ же? Ее топятъ въ Нилѣ?

— Нѣтъ, бросаютъ ему въ объятія.

На четвертый день, наконецъ, показались и Ѳивы, и Нилъ.

Больной не было легче. Печальный кортежъ тихо приближался къ роскошной столицѣ фараоновъ. Гонцы Рамзеса давно принесли печальную вѣсть о болѣзни царевны и о возвращеніи фараона. Населеніе Ѳивъ было извѣщено объ этомъ черезъ мацаевъ, которые строго наказывали жителямъ столицы соблюдать тишину при вступленіи въ городъ печальной процессіи, подъ опасеніемъ жестокой смертной казни.

Возвращеніе Рамзеса съ дочерью, пораженною тяжкимъ недугомъ, встрѣчено было всѣми жрецами Ѳивъ. Они вышли за сѣверныя ворота съ изображеніями боговъ, которыхъ несли въ золотыхъ ладьяхъ. Къ небу поднимались цѣлыя облака куреній.

Вышла и Тіа навстрѣчу больной дочери. Повидимому, Нофрура не узнала матери. Въ горячечномъ бреду она бормотала невнятныя слова... „Все руки, руки... кровь засохла"...

Въ тотъ же день во дворецъ фараона созваны были главные верховные жрецы всѣхъ боговъ Египта и главные „хиръ-сешта", мудрецы египетской земли: „учители таинственныхъ наукъ", „учители тайнъ неба", „учители тайнъ земли", „учители тайнъ бездны", „тайнъ глубины" и „учители таинственныхъ словъ". На общемъ совѣтѣ положено было принести жертвы для умилостивленія боговъ и въ то же время принести „живую жертву" Нилу.

На слѣдующее утро и совершился самый обрядъ выбора этой „живой жертвы". Процессъ выбора совершился слѣдующимъ образомъ.

Едва первые лучи солнца, поднявшагося за холмами восточнаго берега Нила, позолотили вершины Ливійскаго хребта, отъ храма Аммона-Горуса двинулась процессія жрецовъ. Служители этого бога несли его изображеніе—Горусъ съ головою копчика—на золотой ладьѣ. У ногъ божества помѣщались золотыя изображенія царей Нила—крокодила и гиппопотама. Процессія, подъ дикое завываніе мѣдныхъ трубъ, двигалась къ священной рѣкѣ.

Въ тотъ моментъ, когда шествіе достигло колоссовъ Аменхотепа (колоссы Мемнона), солнечные лучи озарили головы этихъ гигантовъ, которые подъ вліяніемъ этихъ лучей издали протяжный, какъ бы жалобный стонъ.

Печальное завываніе трубъ всполошило населеніе города. Всѣ спѣшили взглянуть на процессію, хотя никто не зналъ, что она означала и по какому поводу предпринята. Догадывались только, что процессія имѣетъ что-то общее съ болѣзнью старшей дочери фараона, о чемъ слухъ со вчерашняго дня наполнялъ всѣ Ѳивы.

Впереди процессіи шелъ верховный жрецъ Аммонъ-Мерибастъ, куря передъ божествомъ благовонія священной земли Пунтъ и зорко поглядывая на прибывавшую толпу.

— Первый даръ божества,—вдругъ сказалъ онъ, указывая на смуглую хорошенькую дѣвочку лѣтъ одиннадцати-двѣнадцати, которая съ свойственнымъ ея возрасту любопытствомъ смотрѣла на процессію своими блестящими глазками, держась за руку взрослой дѣвушки, вѣроятно, своей сестры, нѣсколько выступившей изъ толпы.

Вслѣдъ затѣмъ выступавшіе рядомъ съ Аммономъ-Мерибастомъ два жреца подошли къ этой дѣвочкѣ.

— Дитя!—сказалъ одинъ изъ нихъ, взявъ ее за руку и ласково гладя по головкѣ:—иди, тебя призываетъ богъ.

Дѣвочка смутилась и не знала, что ей дѣлать.

— Иди, дитя, не бойся,—повторилъ жрецъ.

— Иди же, Ина,—подсказала взрослая дѣвушка:—такъ надо.

Дѣвочка повиновалась и послѣдовала за жрецами. Ее подвели къ Аммону-Мерибасту. Верховный жрецъ взялъ одинъ изъ цвѣтковъ лотоса, находившихся въ золотой ладьѣ Горуса, и подалъ его дѣвочкѣ.

— Свѣтоносный Горусъ благословляетъ тебя, дитя,—сказалъ онъ:—иди со мною.

Процессія двинулась дальше. Дѣвочка, и испуганная, и обрадованная, пошла рядомъ съ верховнымъ жрецомъ, поглядывая то на толпу, то на цвѣтокъ лотоса.

— Второй даръ божества,—снова произнесъ Аммонъ-Мерибастъ, указывая на толпу, гдѣ виднѣлась другая дѣвочка одного возраста съ первою.

Жрецы подошли и къ этой. Дѣвочка хотѣла-было убѣжать, но ее кто-то придержалъ сзади.

— Не бойся, дурочка, тебѣ ничего не будетъ. Видишь, вонъ той дѣвочкѣ дали священный цвѣтокъ, и тебѣ дадутъ.

— Да, да, милое дитя,—подтвердилъ жрецъ.

И эта дѣвочка позволила себя увести. И ей верховный жрецъ подалъ цвѣтокъ лотоса. Въ толпѣ зрителей чаще стали показываться такія же дѣвочки: ихъ, видимо, привлекало любопытство, а также и зависть:—всѣмъ хотѣлось играть роль въ торжественной процессіи, получить цвѣтокъ лотоса и обращать на себя всеобщее вниманіе. Этотъ возрастъ едва ли не тщеславнѣе взрослыхъ, по крайней мѣрѣ, наивнѣе и искреннѣе и, во всякомъ случаѣ, правдивѣе.

— Третій даръ божества,—продолжалъ, между тѣмъ, провозглашать верховный жрецъ.

Взяли и третью дѣвочку, которая съ дѣтской гордостью посматривала на толпу.

Трубы между тѣмъ продолжали завывать: зловѣщая мелодія ихъ покрывала смѣшанный гулъ отъ сдержаннаго говора зрителей.

— Четвертый даръ божества.

Послѣднія слова относились къ нашей знакомой Хену, дочери Адиромы и внучкѣ Пенхи, которая съ жаднымъ любопытствомъ протискалась сквозь толпу, сверкая своими оживленными глазками и всѣмъ своимъ прелестнымъ личикомъ.

— Пятый даръ божества.

Хену, торжествующая и гордая, тоже присоединилась къ процессіи, держа въ рукѣ цвѣтокъ лотоса.

— Шестой даръ божества. Седьмой и послѣдній даръ божества.

Но въ этотъ моментъ въ толпѣ произошло смятеніе. Какая-то женщина протискивалась сквозь сплошныя массы зрителей, съ ужасомъ повторяя: „о, моя Аи, моя маленькая Аи! о, боги!“

Ей удалось протискаться сквозь толпу, которая съ удивленіемъ разступалась передъ нею. Съ отчаяніемъ на лицѣ она бросилась-было къ дѣвочкамъ, выступавшимъ въ процессіи съ цвѣтками лотоса, но, по знаку верховнаго жреца, мацаи удержали ее. Это была еще молодая египтянка. Она силилась вырваться изъ рукъ державшихъ ее мацаи.

— О! отдайте мнѣ мою дѣвочку! отдайте! О, боги! о, всемогущій Горусъ!—вопила несчастная.

Одна изъ дѣвочекъ съ лотосомъ рванулась-было къ ней, но жрецы удержали ее.

XVI.

Испуганный богъ Аписъ.

Человѣческія жертвоприношенія Нилу совершались очень рѣдко, да и то въ исключительныхъ только, въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда Египетъ посѣщало какое-либо страшное бѣдствіе, какъ, напримѣръ, всеобщій голодъ, когда, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ, скрывающихся въ какихъ-либо невѣдомыхъ атмосферическихъ явленіяхъ гдѣ-то тамъ, далеко на югѣ, подъ экваторомъ, у истоковъ Нила, эта священная многоводная рѣка не

совершала своего обычнаго періодическаго разлитія и страну постигалъ неурожай. Тогда только Нилу, этому живому и все оплодотворяющему богу, приносились человѣческія жертвы для умилостивленія всемогущаго божества. Но это случалось, можетъ быть, разъ въ одно или два столѣтія, и потому послѣдующія поколѣнія египтянъ забывали объ этомъ, и рѣдко кто зналъ о существованіи страшнаго и внушительнаго по своей обстановкѣ обряда приношенія „живой жертвы“ Нилу. Знали объ этомъ, конечно, только жрецы.

Теперь насталъ для Египта такой исключительный случай. Это не былъ всеобщій голодъ—Нилъ въ этомъ году разливался съ обычнымъ многоводіемъ. Напоенная имъ земля дала странѣ фараоновъ обильную жатву. Великое бѣдствіе постигло не Египетъ, но лично самого фараона: его любимая дочь Нофрура лежала на смертномъ одрѣ. Для спасенія ея рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему, страшному испытанію—принести Нилу „живую жертву“.

Для этого жрецы, не оповѣщая заблаговременно населеніе Ѳивъ о принятомъ рѣшеніи, чтобы не навести страхъ на египтянокъ-матерей, неожиданно устроили торжественную процессію шествія Горуса къ Нилу. Во время шествія жрецамъ предстояло взять семь невинныхъ дѣвочекъ, какія первыми встрѣтитъ Горусъ на своемъ пути къ священной рѣкѣ: это—указаніе самого божества, его дары. Изъ этихъ семи жертвъ жребій долженъ былъ пасть на одну, избранную самимъ Аписомъ.

Итакъ, семь чистыхъ дѣвственницъ взяты и съ цвѣтками лотоса въ рукахъ сопровождаютъ шествіе божества. Но въ толпѣ зрителей никто не знаетъ, что ожидаетъ ихъ. Узнала случайно одна египтянка: ея маленькая дочь Аи, тайно прижитая отъ одного изъ жрецовъ бога Аписа, случайно, по недосмотру матери, выбѣжала взглянуть на процессію Горуса и была взята въ число семи жертвъ. Мать знала, чѣмъ должна была кончиться процессія, и потому, увидавъ, что ея дѣвочка убѣжала изъ дому, бросилась за нею; но было уже поздно. Маленькая Аи шла въ процессіи съ цвѣткомъ лотоса въ рукѣ.

— Отдайте мнѣ мою дѣвочку!—кричала несчастная мать; но мацаи, предупрежденные жрецами, схватили ее и, зажавъ ротъ, увели подальше отъ процессіи, гдѣ и заперли въ домѣ заключенія.

Скоро процессія приблизилась къ берегу Нила. Тамъ ее ожидали другія толпы народа, привлеченныя къ священной рѣкѣ таинственными приготовленіями. Съ ранняго утра изъ храма Аписа, съ помощью нѣсколькихъ десятковъ рабовъ этого храма, привезена была и спущена на воду большая лодка съ позолоченнымъ возвышеніемъ на носовой части, украшенная разноцвѣтными яркими флагами и лентами, убранная пальмовыми вѣтками и цвѣтами лотоса. Спускомъ на воду этой священной лодки распоряжались жрецы Аписа; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ были небольшіе снопы свѣжей, зеленой, только что выколосившейся пшеницы.

Жрецы Аписа встрѣтили процессію Горуса пѣніемъ священнаго гимна. Процессія остановилась. Тогда верховный жрецъ Аммонъ-Мерибастъ роздалъ

каждой изъ семи дѣвочекъ по снопу пшеницы, бывшей въ рукахъ жрецовъ Аписа, и поставилъ ихъ въ рядъ лицомъ къ западу, такъ что Нилъ находился у нихъ позади.

Въ это время невдалекѣ раздалась другая музыка, еще болѣе, казалось, дикая и раздирательная. Толпы зрителей колыхнулись.

— Аписъ! Аписъ!—послышались испуганные и радостные возгласы.— Самъ богъ идетъ.

Это двигалась къ Нилу отъ храма Аписа другая процессія. Между рядами жрецовъ, которые махали въ воздухѣ опахалами, шелъ Аписъ. Ему предшествовалъ главный жрецъ, возжигавшій передъ четвероногимъ божествомъ куренія изъ благовоній священной земли Пунтъ. Быкъ шелъ, повидимому, безпокойно: расширенными ноздрями онъ усиленно вдыхалъ въ себя воздухъ, который теперь казался особенно знойнымъ и душнымъ, какъ передъ грозой. Поравнявшись съ изображеніемъ Горуса, который въ своей золотой ладьѣ покоился на плечахъ жрецовъ, Аписъ остановился, какъ бы ища чего-то. Глаза его упали на пучки зеленой пшеницы, и быкъ, радостно замычавъ, двинулся прямо къ лакомому корму: онъ былъ голоденъ, потому что его мучители, жрецы, со вчерашняго дня морили свое кроткое и глупое божество голодомъ.

Аписъ направился прямо къ стоявшимъ рядомъ семи дѣвочкамъ съ пучками сочной пшеницы. Дѣвочки невольно дрогнули и попятились.

— Не бойтесь, священныя дѣти,—громко сказалъ верховный жрецъ:— богъ къ вамъ милостивъ.

Случилось такъ, что храбрая Хену, когда дѣвочки со страху попятились, очутилась нѣсколько впереди прочихъ. Аписъ шелъ прямо на нее...

— Избранница, счастливая избранница! — послышался говоръ среди жрецовъ.

Хену стояла неподвижно, хотя, видимо, руки ея дрожали, а на миловидномъ личикѣ отразился испугъ, хотя она и старалась его скрыть.

Подойдя къ ней, Аписъ съ видимымъ наслажденіемъ сталъ жевать сочные колосья.

— Богъ сподобилъ избранницу!—громко возгласилъ верховный жрецъ:— на нее палъ выборъ божества. Слава всемогущему Апису.

— Слава! слава! слава!—повторили хоромъ жрецы.

— Слава! слава!—подхватила безсмысленная толпа.

Аписъ между тѣмъ ѣлъ жадно, и скоро отъ небольшого пучка, бывшаго въ рукахъ Хену, не осталось ничего.

— Готовьте жертву!—обратился Аммонъ-Мерибастъ къ другимъ жрецамъ.

Нѣкоторые изъ нихъ подошли къ Хену, держа въ рукахъ разноцвѣтныя ленты и золотые обручи, а священное животное, покончивъ съ однимъ пучкомъ пшеницы, обратилось къ другимъ дѣвочкамъ и продолжало утолять свой голодъ. Дѣвочки сдѣлались смѣлѣе и сами совали въ морду богу лакомое кушанье.

Хену между тѣмъ украсили лентами и золотыми обручами, а Аммонъ-

Мерибастъ вылилъ на ея курчавую головку нѣсколько капель благовонія. Дѣвочка, казалось, свѣтилась удовольствіемъ и гордостью. Толпа напряженно слѣдила за всѣмъ, что происходило передъ ея глазами. Слышались возгласы, вопросы, наивныя замѣчанія.

Аммонъ-Мерибастъ подалъ знакъ, и воздухъ огласился дикими звуками трубъ и соединенными хорами жрецовъ. Пѣли торжественный гимнъ Горусу.

Между тѣмъ съ востока, изъ-за Нила, наближалась гроза. Синее, какъ лазурь, небо до половины затянулось черною, зловѣщею тучею. Послышались глухіе, далекіе раскаты грома, и Нилъ принялъ зловѣщій видъ.

Верховный жрецъ взялъ Хену за руку и повелъ къ лодкѣ, стоявшей у берега съ гребцами, которые держали весла наготовѣ. Дѣвочка не понимала, что съ нею дѣлали, но уже, видимо, начинала чего-то бояться. Трубная музыка и хоръ жрецовъ завывали все громче и неистовѣе.

Верховный жрецъ, вступилъ на лодку, провелъ свою невинную жертву на позолоченное возвышеніе въ носовой части и поставилъ ее у самаго края помоста.

Лодка отчалила отъ берега и, отплывя нѣсколько саженъ къ срединѣ рѣки, повернулось носомъ къ зрителямъ, любопытство которыхъ, смѣшанное съ невольнымъ страхомъ, достигло крайняго напряженія.

Зрѣлище было странное, пугающее воображеніе. Многіе начали догадываться, въ чемъ дѣло.

А Хену, вся убранная цвѣтными лентами и золотыми обручами, и высокій жрецъ въ бѣломъ одѣяніи, стоявшій съ нею рядомъ и державшій ее за руку, казались издали какимъ-то видѣніемъ, чѣмъ-то фантастическимъ. Всѣ напряженно и испуганно глядѣли туда, на это видѣніе.

Жрецъ поднялъ къ небу руки—и вдругъ въ воздухѣ мелькнуло что-то...

Въ толпѣ послышался крикъ ужаса... На золоченномъ возвышеніи священной лодки высилась одна только фигура жреца... На поверхности Нила мелькнули яркія ленты—и исчезли подъ водой...

— Онъ столкнулъ ее въ Нилъ!.. Онъ утопилъ ее!..

Но въ этотъ же моментъ что-то сверкнуло въ воздухѣ. Раздался страшный, какой-то металлическій трескъ, отъ котораго земля и Нилъ дрогнули. Это была молнія, упавшая съ неба на Ѳивы: привлеченная металлическимъ изображеніемъ Горуса и его ладьей, она, казалось, на секунду остановилась на нихъ—и въ одно мгновеніе золотой богъ расплавился отъ небеснаго огня... И ладья Горуса, и поддерживавшіе ее жрецы упали на землю...

Все замерло въ ужасѣ...

Аписъ, оглушенный ударомъ грома, обратился въ бѣгство, поднявъ кверху свой священный хвостъ и спѣша спастись въ своемъ храмѣ—въ стойлѣ...

Все бросилось бѣжать, крича и толкаясь...

Мокрая голова Хену показалась надъ водою. Къ ней кто-то плылъ на помощь: это былъ ея отецъ, Адирома.

— Боги не приняли жертвы,— весь блѣдный и растерянный сказалъ верховный жрецъ, поднимая руки къ небу:— о, всемогущій, гнѣвный Аммонъ-Ра! ты поразилъ своего сына, Горуса... Горе, горе намъ!

XVII.

Похороны дочери фараона.

Нофрура не перенесла тяжкаго недуга—на девятый день она скончалась. Ни всѣ боги Египта, ни могущество и богатство фараона—ничто не спасло его любимой дочери отъ смерти.

Естественная смерть юной царевны, въ силу простой случайности, казалось чѣмъ-то страшнымъ, ужасающимъ: воображенію египтянъ представлялось, что это не простая смерть, а какое-то роковое предзнаменованіе.

Да и въ самомъ дѣлѣ: для умилостивленія боговъ приносится небывалая почти въ лѣтописяхъ страны жертва — и боги не принимаютъ ея. Мало того, какая-то высшая сила посылаетъ на землю небесный огонь, повергаетъ въ прахъ изображеніе Горуса, превращая его силою небеснаго огня въ безобразную, безформенную массу; жрецы и самъ великій богъ Аписъ поражены ужасомъ!

Нѣтъ, это не простая смерть — это какое-то страшное знаменіе, знаменіе гнѣва боговъ. Но на кого они излили свой гнѣвъ? На самого фараона! За что? За какія преступленія?

Всѣ Ѳивы въ тревогѣ. Вѣсть о страшномъ событіи облетаетъ весь Египетъ.

А юная покойница лежитъ на своемъ богатомъ смертномъ ложѣ, окруженная многочисленною семьею своею, братьями, сестрами. Смерть придала ея прекрасному лицу выраженіе глубокой, кроткой задумчивости и покорности волѣ боговъ.

Теперь для семьи фараона и для всего его многочисленнаго двора наступили „дни плача"—семьдесятъ дней плача вплоть до самаго погребенія отшедшей на лоно Озириса юной царевны.

Еще не успѣло остыть тѣло умершей и первыя слезы горя не успѣли высохнуть на щекахъ окружавшей ее семьи, какъ во дворецъ явился Аммонъ-Мерибастъ съ цѣлымъ сонмомъ другихъ жрецовъ и богатыми погребальными носилками изъ храма Озириса, чтобъ взять новую жертву подземнаго міра и приготовить ее къ переходу въ этотъ таинственный міръ. Надо было торопиться съ началомъ бальзамированія, потому что послѣ неожиданной грозы, разразившейся надъ Ѳивами въ тотъ день, когда приносилась „живая жертва", настали вдругъ дни знойнаго самума, и тѣло умершей должно было быстро подвергнуться разложенію.

Подъ пѣніе погребальныхъ гимновъ, среди куреній ѳиміама и общаго плача, тѣло умершей, покрытое дорогимъ виссономъ, было положено на носилки и въ сопровожденіи несмѣтной толпы народа, подъ звуки печальной музыки, направилось къ храму Озириса, гдѣ въ особой лабораторіи, обставленной глубочайшею тайною, совершалось обыкновенно бальзамированіе умершихъ.

За печальными носилками шелъ самъ Рамзесъ въ траурномъ одѣяніи, безъ меча и безъ всякихъ украшеній, съ открытою головою, посыпанною пепломъ съ жертвенника Озириса, и съ распущенными волосами въ знакъ глубочайшей скорби. Его окружало все его многочисленное семейство. Въ ближайшей группѣ придворныхъ женщинъ, слѣдовавшихъ непосредственно за семьею фараона, шли Изида-хеттеянка и Лаодика. Воздухъ оглашался рыданіями—всѣ Ѳивы плакали! Это было что-то потрясающее.

Близъ храма Озириса, вдоль широкой аллеи сфинксовъ, расположены были войска. Военные музыканты и воины, при приближеніи печальнаго шествія, огласили воздухъ трубными звуками и ударами копій о щиты въ знакъ отданія послѣдней чести усопшей передъ вступленіемъ ея въ царство подземныхъ силъ.

У внутреннихъ пилоновъ храма Озириса носилки съ тѣломъ царевны были опущены на землю для послѣдняго цѣлованія тѣла передъ его „преображеніемъ“, когда оно должно было превратиться въ мумію съ невидимымъ для смертныхъ лицомъ.

Прощаніе было трогательное, раздирающее душу. Трудно было предположить, чтобы у суроваго Рамзеса оказалось столько нѣжности и любви: съ искаженнымъ отъ душевнаго страданія и слезъ лицомъ онъ страстно припадалъ къ холодному лицу дочери, обливая его слезами, гладилъ и цѣловалъ голову, покрывалъ поцѣлуями руки. Болѣе сдержанна въ своей печали была мать умершей. Тіа нѣжно отерла лицо дочери, смоченное слезами фараона, и поцѣловала ее въ блѣдный лобъ и закрытые глаза.

Изъ сестеръ умершей больше всѣхъ плакала хорошенькая Снатъ-Нитокрисъ.

— О, милая сестра! зачѣмъ я не пошла вмѣстѣ съ тобой въ загробный міръ, въ прекрасную страну запада, въ Ливійскую пустыню! Ты бы не скучала тамъ одна... Но подожди—и я приду къ тебѣ, милая сестра!— плакала Нитокрисъ, припадая къ груди умершей.

Лаодика плакала тихо, молча: столько смертей проносилось въ ея памяти, столько дорогихъ тѣней. Ея милые братья—Гекторъ, Полидоръ, Ликаонъ—всѣ убитые ужаснымъ Ахилломъ... А гдѣ другіе?.. Гдѣ тотъ, дорогія черты котораго она носитъ въ своемъ осиротѣвшемъ сердцѣ?

Наконецъ всѣ простились съ умершей, и жрецы, поднявъ носилки, унесли мертвую царевну въ очистительную палату, куда, кромѣ нихъ, никто не смѣлъ вступать и откуда черезъ семьдесятъ дней должна выйти прекрасная Нофрура въ видѣ нетлѣнной муміи, для погребенія ея въ семейномъ склепѣ фараона Рамзеса Третьяго.

Фараонъ и всѣ провожавшіе умершую двинулись обратно. Теперь не слышно было ни музыки, ни потрясающихъ воздухъ ударовъ копій о щиты. Казалось, Ѳивы потеряли нѣчто большее, чѣмъ любимую дочь Рамзеса,—такъ все казалось мертво кругомъ.

Приближаясь вмѣстѣ со всѣми ко дворцу, Лаодика нечаянно взглянула на стоявшую около первыхъ пилоновъ толпу, и вздрогнула: среди другихъ знатныхъ египтянъ, почтительно ожидавшихъ прохода во дворецъ фараона

и его семейства, она узнала своего господина, Абану. Ей стало страшно. Неужели онъ потребуетъ ее къ себѣ? А Пентауръ? Неужели онъ отдастъ ее.

Боясь встрѣтиться съ его взглядомъ, Лаодика быстро опустила глаза. Но ей оставалось неизвѣстнымъ видѣлъ ли ее Абана. Можетъ быть и нѣтъ. По крайней мѣрѣ, когда она его нечаянно замѣтила, онъ смотрѣлъ не на нее, а на самого фараона.

Съ чувствомъ тревоги Лаодика вмѣстѣ со всею семьею Рамзеса вступила во дворецъ, гдѣ, ей казалось, она менѣе была подвержена опасности снова попасть въ рабство къ ненавистному сыну Аамеса.

Съ этого момента начались во дворцѣ фараона „дни плача". Это былъ обрядовый плачъ: каждый день слышны были причитанья женщинъ, съ плачемъ восхвалявшихъ красоту умершей царевны, ея доброту, ея набожность; въ загробномъ мірѣ ей обѣщалось блаженство, счастье, вѣчная жизнь.

Въ то же время, по повелѣнію Рамзеса, придворные скульпторы или, какъ они назывались, „скульпторы съ жизни", т.-е. живой натуры, изготовляли богатый саркофагъ для муміи Нофруры, украшенный рѣзными изображеніями самой царевны и выдающихся эпизодовъ ея жизни: походъ на колесницѣ въ Ливію, битва ея съ презрѣнными либу, гдѣ Нофрура изображалась въ военныхъ доспѣхахъ, на боевой колесницѣ, рядомъ съ колесницею отца, поражающая своимъ копьемъ непріятелей, и т. д.

Наконецъ, прошли эти томительные семьдесятъ „дней плача": все готово къ погребенію—и мумія, и саркофагъ.

Снова собрались несмѣтныя толпы передъ храмомъ Озириса, отъ котораго въ двѣ линіи растянуты были войска вплоть до самаго озера Харона, или озера мертвыхъ, черезъ которое должна была переправиться мумія царевны въ жилище вѣчнаго упокоенія. Озеро Харона, или Ахеронъ, отдѣлялъ Ѳивы отъ „города мертвыхъ", отъ великаго ѳивскаго кладбища, находившагося у подошвы Ливійскаго хребта.

Рамзесъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ. и высшіе сановники страны у преддверія храма ожидали выноса муміи. Наконецъ распахнулась таинственная завѣса храма, и жрецы подъ заунывное пѣніе хора показались съ носилками, на которыхъ покоилась мумія Нофруры, обвитая драгоцѣнными тканями. Золотая цѣпь съ священнымъ жукомъ украшала ея грудь.

При видѣ муміи воздухъ снова огласился рыданіями.

Шествіе двинулось къ озеру мертвыхъ. Рамзесъ и теперь шелъ въ траурномъ одѣяніи съ распущенными волосами. За нимъ слѣдовала его семья, высшіе сановники и почти все населеніе Ѳивъ.

Скоро блеснули воды Ахерона. Процессія остановилась. На берегу этого священнаго озера долженъ былъ происходить судъ надъ умершей.

Носилки поставили на землѣ такъ, чтобы лицо муміи обращено было къ озеру и къ грознымъ изображеніямъ судей подземнаго царства, которые возвышались на берегу Ахерона въ видѣ огромныхъ гранитныхъ статуй. Далѣе, на водѣ, у самаго берега виднѣлась лодка Харона.

Статуи изображали собою Истину и Правосудіе. За ними утверждены были вѣсы, на одной чашкѣ которыхъ изображены были добрыя дѣла умершей въ видѣ символа богини Правосудія, на другой — злыя дѣла въ видѣ глинянаго сосуда.

— А кто это около вѣсовъ?—спросила Лаодика стоявшую около нея Нитокрисъ.

— Это божества—то, что съ головою ястреба—это Горусъ, а съ головою шакала—это Анубисъ,—отвѣчала Нитокрисъ, утирая покраснѣвшіе отъ слезъ глаза.

— А что они дѣлаютъ, милая Нитокрисъ?

— Они смотрятъ на стрѣлку вѣсовъ, какая чашка перевѣситъ — съ добрыми дѣлами или съ злыми... Ахъ! бѣдная сестра никому не дѣлала зла!—еще сильнѣе расплакалась Нитокрисъ.

Дѣйствительно, едва верховный жрецъ Аммонъ-Мерибастъ поднялъ къ изображенію Правосудія руки, какъ чашка вѣсовъ съ добрыми дѣлами моментально опустилась.

Въ толпѣ пронесся радостный шопотъ: „Боги принимаютъ ее! Озирисъ къ ней милостивъ!“

Торжественный хоръ жрецовъ огласилъ воздухъ.

Скоро лодка Харона приняла мумію вмѣстѣ съ носильщиками-жрецами и отплыла къ тому берегу озера мертвыхъ.

XVIII.

Лаодика открыта.

Едва лодка съ муміей царевны отчалила отъ берега, какъ верховный жрецъ, приблизившись къ изображенію Озириса, произнесъ краткую молитву: онъ благодарилъ этого всемогущаго владыку подземнаго міра за правый и милостивый судъ надъ умершей. Потомъ Аммонъ-Мерибастъ, а съ нимъ вмѣстѣ Рамзесъ и вся его семья вошли въ другую, болѣе помѣстительную лодку и отплыли вслѣдъ за лодкой съ муміей Нофруры. Вмѣстѣ съ ними отплыла и Лаодика, которая принята была въ семьѣ Рамзеса, какъ родная, потому что, несмотря на свою скорбь объ умершей дочери, фараонъ замѣтилъ Лаодику, красота которой и печальная судьба тронули сердце повелителя Египта.

На томъ берегу Ахерона мумія Нофруры, при мрачномъ пѣніи жрецовъ, была внесена въ фамильный склепъ Рамзеса и, послѣ трогательнаго прощанія съ родными, положена была въ богатый саркофагъ и накрыта гранитной крышкой съ высѣченнымъ на ней изображеніемъ усопшей.

Весь этотъ погребальный обрядъ произвелъ на Лаодику глубокое впечатлѣніе. Она вспомнила, какъ погребали ея брата Гектора, убитаго Ахиллесомъ. О! какое это было страшное погребеніе, какая страшная ночь, предшествовавшая послѣднему моменту! Всю ночь троянцы сооружали гро-

мадный костеръ изъ сосноваго лѣса, который рубили въ сосѣднихъ горахъ и свозили къ Троѣ. На утро костеръ былъ готовъ, и на него возложили бездыханное тѣло ея брата. Какъ ярко вспыхнуло ужасное пламя, пожирая зеленыя иглы сосенъ и дорогое тѣло Гектора! И скоро отъ милаго тѣла остался только сѣрый пепелъ съ обгорѣлыми и перетлѣвшими костями, которыя и собраны были въ урну.

Гдѣ теперь эта урна съ дорогимъ прахомъ? Отъ нея, какъ и отъ всей Трои, не осталось, вѣроятно, и слѣда.

А здѣсь не то. Тѣло Нофруры осталось не тронутымъ—и его не коснулось ужасное пламя.

Такъ думала Лаодика, возвращаясь съ похоронъ дочери фараона. А между тѣмъ, молодыя мечты ея забѣгали впередъ. Слова и обѣщаніе Пентаура глубоко запали въ ея сердце, жаждавшее того, что обѣщалъ сынъ фараона. Неужели для нея возможно возвращеніе на родину? Онъ, вѣдь, говорилъ такъ увѣренно. Да и отчего не исполниться этому? Она не могла не видѣть, какъ велико могущество фараоновъ. Что значила маленькая Троя передъ громаднымъ, многолюднымъ Египтомъ! Она видѣла, сколько войскъ возвратилось изъ похода вмѣстѣ съ Рамзесомъ. Однѣ Ѳивы обширнѣе всего царства троянскаго. А Мемфисъ, а Цоанъ-Танисъ! А всѣ эти города на берегахъ Нила!

Если ея милая Троя и разрушена, уничтожена пламенемъ, то все же она желала бы взглянуть хоть на ея развалины, на священный пепелъ священнаго Иліона, на его небо, на море, омывавшее ея родную землю. А, можетъ быть, она и найдетъ тамъ кого-либо изъ своихъ, кого пощадила смерть или стрѣла и мечъ данаевъ.

А земля италовъ? А милый образъ того, кто ей дороже всего на свѣтѣ?

Но когда же Пентауръ исполнитъ свое обѣщаніе? Когда объявленъ будетъ походъ?

Вдругъ она вздрогнула и невольно ухватилась за руку Нитокрисъ, съ которой шла рядомъ.

— Что съ тобой, милая Лаодика?—спросила юная дочь Рамзеса.

— Я такъ испугалась, милая Снатъ,—отвѣчала Лаодика, сжимая руку Нитокрисъ.

— Чего, милая?

— Его—моего господина.

— Какого господина? Твой господинъ—мой отецъ, фараонъ Рамзесъ.

— Мой бывшій господинъ — Абана, что купилъ меня на рынкѣ въ Цоанъ-Танисѣ и отъ котораго мы бѣжали вмѣстѣ съ Херсе. Я его увидѣла вонъ тамъ, среди носителей опахала фараона.

— Чего жъ тебѣ его бояться?

— Онъ узналъ меня—онъ возьметъ меня къ себѣ,—о, боги!

— Онъ не посмѣетъ взять!—гордо сказала юная дочь Рамзеса:—ты моя сестра.

— Да хранятъ тебя боги, милая Снатъ!—съ чувствомъ сказала Лао-

дика, пожимая руку Нитокрисъ:—у тебя доброе сердце, а доброе сердце—лучшій даръ боговъ.

— А покажи мнѣ, гдѣ онъ? Видно его теперь?—спросила Нитокрисъ.

— Видно; но я боюсь взглянуть на него... Вонъ онъ—около сѣдого воина въ панцырѣ.

— А!—это Таинахтта, вождь гарнизона, отецъ нашей Аталы—ты ее знаешь?

— Знаю, милая Снатъ... Я ее боюсь....

— Почему?—удивилась Нитокрисъ.

— Не знаю. Она меня, кажется, не любитъ.

— О! понимаю: она ревнуетъ тебя къ брату, къ Пентауру. Да и я тебя къ нему ревную,—наивно говорила хорошенькая царевна.—Такъ который же Абана?

— Тотъ, что съ золотою цѣпью на груди и съ тремя кольцами у предплечья.

— А! какіе злые у него глаза!—какой нехорошій. Онъ что-то говоритъ Таинахттѣ и показываетъ сюда.

— Онъ показываетъ на меня.

— Ничего, не бойся.

— Милая Снатъ! какъ же мнѣ не бояться? Я такъ виновата передъ нимъ.

— Чѣмъ, дорогая?

— А какъ же! Вѣдь я—воровка.

— Что ты! Какъ?

— Я же бѣжала отъ него и увела съ собой свою старушку Херсе. А, вѣдь, онъ насъ купилъ: значитъ, я украла у него цѣну двухъ рабынь.

— А сколько онъ заплатилъ за васъ?

— За меня десять „мна", а за Херсе пять „кити" серебра *).

— Пустяки, милая Лаодика: мы ему заплатимъ вдвое.

Лаодика не даромъ опасалась: Абана, дѣйствительно, узналъ ее сразу.

Когда, проснувшись утромъ на кораблѣ „Восходъ въ Мемфисѣ", онъ узналъ, что за ночь исчезли и Лаодика, и старая Херсе, онъ пришелъ въ ужасную ярость. Никто на короблѣ не могъ сказать ему, что съ ними сталось; никто не видѣлъ ихъ бѣгства, потому что всѣ спали. Рабы, которымъ поручено было стеречь ихъ, также ничего не могли сказать о бѣглянкахъ, и на нихъ обрушился весь гнѣвъ молодого египтянина. Несчастные рабы подверглись жестокимъ истязаніямъ, но и истязанія ихъ ни къ чему не привели: они говорили только, что злые духи нагнали на нихъ мертвый сонъ, и они ничего не слыхали, что дѣлалось ночью.

Естественно, что въ исчезновеніи Лаодики Абана долженъ былъ подозрѣвать Адирому; но послѣдній отрицалъ свое участіе въ ихъ бѣгствѣ; въ противномъ случаѣ онъ не оставилъ бы ихъ однѣхъ, беззащитныхъ женщинъ. Адирома, напротивъ, высказалъ предположеніе, что Лаодика и Херсе,

*) „Мна"—фунтъ серебра, „кити"—унцъ.

не желая оставаться въ рабствѣ, бросились въ Нилъ и погибли въ его волнахъ. Онъ считалъ это тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что гордая дочь троянскаго царя ни въ какомъ случаѣ не могла помириться съ участью рабыни, и сама прекратила свое горькое и унизительное существованіе; дочь Пріама, богоравная Лаодика, не могла быть рабынею сына Аамеса!

И вдругъ Абана видитъ ее среди дочерей фараона!—Она не утонула въ Нилѣ—она бѣжала.

— Это она, клянусь Озирисомъ!—невольно воскликнулъ онъ.

— Кто она?—удивился стоявшій около него Таинахтта, вождь гарнизона въ Ѳивахъ.

— Моя рабыня, дочь троянскаго царя Пріама.

— Гдѣ? которая?

— Та, что идетъ рядомъ съ царевною Снатъ. Я купилъ ее на рынкѣ въ Цоанъ-Танисѣ, и на дорогѣ отъ Цоана, выше Мемфиса, она ночью бѣжала съ корабля, воспользовавшись оплошностью моей стражи.

— Такъ это Лаодика?—въ раздумьѣ замѣтилъ Таинахтта.—Мнѣ о ней много говорила дочь моя, Атала, которая состоитъ при женскомъ домѣ его святѣйшества, фараона Рамзеса: эта рыжеволосая троянка всѣмъ тамъ головы вскружила; и неудивительно—она такъ прекрасна.

— Но она моя рабыня!—съ негодованіемъ сказалъ Абана:—она бѣглянка—я долженъ взять ее къ себѣ, какъ собственность,

— Ну!—замѣтилъ Таинахтта съ улыбкой:—львы не уступаютъ никому своей добычи.

— Но какъ она попала ко двору его святѣйшества?

— Ее представилъ ко двору Ири, верховный жрецъ богини Сохетъ.

Извѣстіе это еще болѣе поразило Абану.

— Но откуда онъ ее досталъ?—спросилъ онъ.

— Ее прислалъ къ нему Имери, верховный жрецъ великаго бога Хормаху.

— А! Имери!—воскликнулъ сынъ Аамеса. — Теперь я понимаю: эта старая лиса...

— Не говори такъ о служителѣ божества, сынъ Аамеса! — прервалъ его Таинахтта.

— Но онъ—воръ!—онъ похитилъ у меня рабыню!—горячился Абана.— Это онъ похитилъ ее съ корабля „Восходъ въ Мемфисѣ“ и отправилъ къ Ири. А гдѣ замѣшаются жрецы, тамъ не жди добра. Я понимаю теперь, почему Имери еще тамъ, на кораблѣ, узнавъ, кто такая эта рабыня, сказалъ: „прелестное это дитя могло бы быть и женою царя“.

— Что жъ удивительнаго?—возразилъ Таинахтта.—Она—дочь славнаго царя, и боги судили ей быть царицей. Верховный жрецъ великаго Хормаху, вѣроятно, и дѣйствовалъ по внушенію боговъ.

Но эти доводы не убѣдили Абану. Подумавъ нѣсколько, онъ спросилъ:

— А что говоритъ о ней твоя дочь, достойная Атала?

Вождь гарнизона пожалъ плечами.

— Развѣ женщина можетъ говорить что-либо хорошее о женщинѣ?—

отвѣчалъ онъ.—Скорѣе крокодилъ пощадитъ свою жертву, чѣмъ женщина другую женщину, красотѣ которой она завидуетъ.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, понравился Абану — это можно было прочесть у него въ глазахъ. Онъ, видимо, что-то замышлялъ.

Но ни Лаодики, ни Нитокрисъ уже не было видно: Рамзесъ и его дворъ скрылись за пилонами дворца.

XIX.

Смерть Лаодики.

Послѣ похоронъ Нофруры прошло нѣсколько дней. Надъ Ѳивами только что забрежжило утро. Въ саду при женскомъ дворѣ фараона слышенъ чей-то говоръ.

— Посмотри, Неху, что я нашла!

— Что это?.. Мечъ?.. да какой красивый. Гдѣ ты его нашла, Урза?

— Вонъ тамъ... Я поливала цвѣты лотоса, и вдругъ что-то блеснуло въ землѣ. Я нагибаюсь и вижу—что-то золотое. Я начинаю откапывать—и вытащила вотъ этотъ мечъ.

— Ахъ, Урза, милая! да онъ въ крови.

— И точно въ крови—и кровь свѣжая! Великая Изида! что жъ это такое?

— Брось его, милая Урза, забрось.

— Я боюсь...

Вдругъ воздухъ огласился страшнымъ, раздирающимъ душу крикомъ какой-то женщины.

— О, боги! что это?

Урза, уронивъ на землю мечъ, и Неху (это были рабыни, поливавшія цвѣты въ саду при женскомъ домѣ Рамзеса) бросились по направленію крика, который исходилъ изъ помѣщенія, занимаемаго съ недавняго времени Лаодикою. Это кричала старая Херсе, которая металась у входа помѣщенія Лаодики и рвала на себѣ волосы.

— Ее убили! ее зарѣзали!—кричала она:—о, вѣчные боги!

— Кого зарѣзали?

— О! мое сокровище!.. мое дитя!.. мою госпожу!

Херсе бросилась внутрь комнаты и, упавъ на полъ, билась въ судорогахъ.

На высокомъ позолоченномъ ложѣ, покрытомъ бѣлыми тканями, лежала мертвая Лаодика: въ широко раскрытыхъ глазахъ ея выражался ужасъ—это былъ ужасъ смерти, такъ нагло постигшей ее. Подъ лѣвымъ сосцомъ ея чернѣлась продольная рана, кровь изъ которой окрасила бѣлый покровъ ложа и стояла запекшейся лужей на полу.

Вопли Херсе разбудили все населеніе женскаго дома. Всѣ бѣжали къ тому мѣсту, откуда неслись эти вопли. На лицахъ видны были растерянность, испугъ. Всѣ толпились у входа въ помѣщеніе Лаодики, и никто,

повидимому, ничего не понималъ. Да и какъ понять! Ничего подобнаго никогда не случалось въ царскихъ покояхъ. Убита невинная дѣвушка, любимица царицы, гордость женскаго дома, дочь славнаго царя Трои. Кто убилъ? Какой извергъ могъ рѣшиться на такое злодѣяніе, когда ни одинъ мужчина, исключая дѣтей фараона, не смѣлъ переступить порогъ этого святилища, состоящаго подъ покровительствомъ богини Сохетъ?

Вопли Херсе достигли и покоевъ царицы.

— Что это?—спросила Тіа свою постельную рабыню.—Что случилось?

Испуганная рабыня не смѣла сказать страшной истины.

— Что же?—повторила жена фараона.—Говори!

— О, святѣйшество! я боюсь поразить твои уши страшными словами,—отвѣчала рабыня.

— Говори же! я повелѣваю! Мои уши раскрыты для добраго и злого,—говорила Тіа, сама встревоженная.

— О, госпожа! у насъ въ домѣ убійство.

— Убійство! Кто убитъ?

— Троянская царевна Лаодика.

— О, боги! Кто ея убійца?

— Не знаю, госпожа,—никто не знаетъ,—говорила рабыня поспѣшно одѣвая царицу.

Тіа торопливо вышла въ садъ, куда выходило помѣщеніе Лаодики. Ей попалась навстрѣчу вся заплаканная Нитокрисъ.

— О, мама!—вскричала юная царевна.—Вотъ мечъ—онъ въ крови.

— Какой мечъ, дитя?

— Я нашла его въ саду, на землѣ,—онъ въ крови... Это кровь Лаодики... О, мама, мама!

Тіа съ содроганіемъ взглянула на мечъ. Это было издѣліе изящной работы: тонкій, длинный клинокъ съ золотою рукояткою, изображавшею какое-то невѣдомое божество—женщину съ львиной головой, стоящую на колесницѣ, запряженной двумя конями.

— Это не египетскій мечь,—сказала жена фараона:—въ нашей землѣ нѣтъ такихъ.

Тіа взяла мечъ.

— Его надо сохранить,—сказала она:—мечъ укажетъ намъ убійцу... О, боги!

— Мама! пойдемъ взглянемъ на нее—я одна боюсь,—говорила Нитокрисъ, вся обливаясь слезами.

У входа въ помѣщеніе Лаодики толпились придворныя женщины и рабыни, выражая сожалѣніе объ ужасной смерти юной троянской царевны и общее недоумѣніе, кто могъ быть убійцей такого прелестнаго, невиннаго существа, и при томъ въ домѣ, охраняемомъ богинею Сохетъ.

Лаодика лежала на своемъ ложѣ, какъ мраморное изваяніе. Золотистые волосы ея, разметавшись, покрывали собой бѣлую подушку изъ тонкаго финикійскаго виссона. Около ея изголовья съ глухимъ стономъ причитала

обезумѣвшая отъ горя Херсе, покачиваясь, словно автоматъ, изъ стороны въ сторону.

— Я убила тебя, божество мое! Я достойна смерти,—хрипло причитала она:—я не доглядѣла, я заспала!

Завидѣвъ приближеніе Тіи, всѣ разступились. Говоръ и шопотъ смолкли. Слышны были только причитанія старой Херсе.

— Не на своей милой родинѣ нашла смерть ты, мое божество... Далеко отъ праха Гектора будетъ покоиться твое чистое тѣло... Слезы родныхъ не оросятъ твоего прекраснаго лица... О, всемогущіе боги!

Весь запыхавшись, смущенный, растерянный, торопился къ мѣсту ужаснаго происшествія Бокакамонъ, управляющій женскимъ домомъ Рамзеса: въ его домѣ, въ домѣ его вѣдѣнія, совершилось это страшное, неслыханное дѣло.

— О, святѣйшество!—поднялъ онъ руки къ небу, при видѣ жены фараона, своей повелительницы:—какіе немилосердные боги судили мнѣ это несчастіе!

— Вотъ мечъ, которымъ совершено злодѣяніе,—сказала Тіа, подавая мечъ пришедшему.—У этого желѣза есть языкъ—онъ назоветъ намъ злодѣя. Допроси желѣзо!

Рука Бокакамона дрожала, когда онъ бралъ протянутый къ нему клинокъ съ пятнами крови.

— Это мечъ не египетской работы,—съ удивленіемъ замѣтилъ онъ.— Какъ онъ попалъ сюда?

— Его сейчасъ подняла въ саду Нитокрисъ,—отвѣчала Тіа.—Но какъ онъ попалъ въ мой домъ помимо стражи? Не самъ онъ, конечно, вошелъ сюда—его внесла чья-нибудь злодѣйская рука; но чья?

— Только не рука мужчины—я въ этомъ ручаюсь, великая царица,— отвѣчалъ Бокакамонъ.

— Такъ рука женщины?

— Женщины, царица.

Тіа и Нитокрисъ молча приблизились къ ложу, на которомъ лежала мертвая Лаодика. Утренній свѣтъ, падавшій сверху на лицо убитой косою полосою и отражавшійся бликами въ широко раскрытыхъ глазахъ умершей, придавалъ застывшему лицу ея выраженіе изумленія, смѣшаннаго съ ужасомъ, точно то, что она видѣла тамъ, въ загробномъ мірѣ, внушало ей этотъ ужасъ. Съ глубокою скорбью глядѣла на это милое мертвое лицо жена фараона, и слезы текли по ея смуглымъ щекамъ. Нитокрисъ плакала, припавъ къ плечу матери.

Вдругъ Херсе перестала причитать и, несмотря на присутствіе царицы, нагнулась близко къ лицу умершей.

— Я вижу ее... я вижу убійцу!—съ ужасомъ проговорила она.

— Гдѣ? кто?—съ удивленіемъ спросилъ Бокакамонъ.

— Вонъ она... въ глазахъ у нея... Смотрите! смотрите!—говорила старая негритянка, впиваясь глазами въ открытые, уже остеклѣлые глаза Лаодики.—Я вижу ее.

Съ изумленіемъ и страхомъ всѣ смотрѣли на старуху, полагая, что разсудокъ ея помѣшался отъ горя. Но Бокакамонъ приблизился къ ложу и тоже взглянулъ въ глаза умершей.

— Видишь, господинъ?—глухимъ шопотомъ спросила его Херсе, какъ бы боясь спугнуть то, что она видитъ.—Тебѣ извѣстно, господинъ, что когда кто убиваетъ другого и тотъ, кого убиваютъ, видитъ убійцу, то лицо убійцы, словно въ зеркалѣ, навсегда остается въ глазахъ убитаго... Убійца стоитъ въ ясныхъ очахъ моего божества, моей Лаодики... Вонъ она... это женщина... я узнаю ее.

— Кто же она?—съ суевѣрнымъ страхомъ спросили Бокакамонъ и Тіа.

— Я не знаю ея имени... но я видѣла ее здѣсь, въ этомъ домѣ.

Всѣ съ изумленіемъ и страхомъ посмотрѣли другъ на друга.

— И ты узнаешь ее?—спросилъ Бокакамонъ.

— Узнаю... Она такая красивая... злая... глаза василиска...

— Посмотри, нѣтъ ли ея здѣсь,—сказалъ Бокакамонъ.

Женщины этого дома, столпившіяся сзади царицы и жадно прислушивавшіяся къ безсвязнымъ словамъ старой негритянки, при словахъ Бокакамона съ ужасомъ попятились назадъ. А что, если безумная старуха укажетъ на на которую либо изъ нихъ?

Херсе отвела глаза отъ мертваго лица Лаодики и лихорадочнымъ взоромъ стала осматривать присутствующихъ. Всѣ невольно потупляли глаза подъ ея пытливымъ взоромъ.

— Видишь ее? она здѣсь?—спросилъ Бокакамонъ.

— Не я! не я! о, боги!—вдругъ закричала одна изъ рабынь, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Это была Урза, которая на зарѣ, поливая цвѣты лотоса, замѣтила въ землѣ конецъ рукоятки предательскаго меча и вынула его, а потомъ показала другой рабынѣ, ливійкѣ Неху.

Крикъ Урзы произвелъ общее смятеніе. Всѣ глядѣли на нее, сторонясь съ испугомъ. Бокакамонъ приблизился къ ней.

— Говори, что ты знаешь?—грозно спросилъ онъ.

— О, благородный господинъ,—трепеща всѣмъ тѣломъ, заговорила рабыня.—Я встала рано вмѣстѣ съ Неху, и мы пошли поливать цвѣты на зарѣ... Я поливала вонъ тамъ цвѣты лотоса... Вдругъ вижу что-то блеститъ въ землѣ... Я нагнулась... Вынимаю изъ земли... Это - вижу—мечъ... въ крови... И показываю его Неху... Вдругъ она закричала (указывая на Херсе)... я испугалась...—Она замолчала.

— Ну, и что же?—спросилъ Бокакамонъ.

— Я испугалась... я уронила мечъ... мы побѣжали сюда... О, великіе боги!

Ломая руки, она замолчала, все еще вздрагивая. Бокакамонъ обратился къ Херсе.

— Это она?—спросилъ онъ, указывая на Урзу.—Узнаешь ее?

— Нѣтъ! нѣтъ! не она... Та молоденькая, красавица... Вонъ она,—и

Херсе опять уставилась въ глаза умершей.—Глаза василиска... О, не гляди такъ... я—я твоя злодѣйка, я не доглядѣла... я заспала... О, мое божество! я недостойна служить тебѣ въ загробномъ мірѣ!

Скоро вѣсть объ ужасномъ происшествіи въ женскомъ домѣ облетѣла весь дворецъ фараона. Прежде всѣхъ явился въ помѣщеніе Лаодики царевичъ Пентауръ, который былъ глубоко очарованъ красотою несчастной дочери Пріама и мечталъ сдѣлать ее царицей Египта.

Видъ мертвой Лаодики произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ не вѣрилъ, чтобы это была та Лаодика, которая еще наканунѣ мечтала съ нимъ о возвращеніи въ Трою, о возстановленіи царства предковъ.

— Убита! убита! О, боги!—вырвался у него крикъ отчаянія.—О, прекрасный, нѣжный цвѣтокъ лотоса! Кто сорвалъ тебя? гдѣ тотъ злодѣй? О, вѣчные, безжалостные боги!

Онъ бросился къ матери и заплакалъ.

— О, матушка! ты ее такъ любила...

— Дорогой мой! ты видишь—я сама плачу,—говорила Тіа, прижимая къ себѣ голову сына.

— Но кто же рѣшился убить ее?

— Боги то вѣдаютъ... Вонъ мечъ, а чья рука направила его въ сердце—никто не знаетъ.

— Какой мечъ? гдѣ?

Бокакамонъ подалъ Пентауру мечъ.

— Его нашли здѣсь, въ саду.

— Это мечъ мужчины,—удивился царевичъ.—Какъ могъ мужчина попасть въ домъ женщинъ!

— Нѣтъ, царевичъ, я головой ручаюсь, что мужчина не могъ попасть сюда,—робко возразилъ Бокакамонъ:—мечъ внесенъ въ этотъ домъ рукою женщины,—и эта же рука злодѣйски поразила несчастную дочь Пріама.

— Женщина, женщина убила мою голубку чистую,—словно автоматически повторяла старая негритянка.—Она сидитъ въ ея глазахъ, она смотритъ оттуда...

— Что она говоритъ?—спросилъ Пентауръ.

— У нея, кажется, помутился разсудокъ, — тихо отвѣчалъ Бокакамонъ.—Она убита горемъ: говоритъ, что лицо убійцы всегда отражается, какъ въ зеркалѣ, въ глазахъ убитаго. Старуха видитъ тамъ убійцу.

Пентауръ робко подошелъ къ ложу Лаодики и нагнулся къ ея неподвижному лицу.

— О, боги! я не могу видѣть этихъ глазъ!—съ ужасомъ отшатнулся онъ отъ мертвой.

— Его святѣйшество идетъ! Фараонъ! Фараонъ!—послышался шопотъ среди женщинъ.

Всѣ съ боязнью разступились. Рабыни упали ницъ. Это шелъ самъ Рамзесъ.

XX.

Верховное судилище.

Въ тотъ же день Рамзесъ приказалъ нарядить строжайшее слѣдствіе по дѣлу о таинственномъ убійствѣ троянской царевны. Преступленіе казалось такимъ загадочнымъ, что для раскрытія его призваны были высшія слѣдственныя и судебныя власти столицы фараоновъ. Во главѣ ихъ стоялъ хранитель царской казны Монтуемтауи. Въ помощь ему придали носителя опахала Карѳ, царскаго переводчика Пенренну, знаменоносца гарнизона Ѳивъ—Хора и нѣсколько фараоновыхъ совѣтниковъ.

Въ именнюмъ повелѣніи, данномъ слѣдователямъ, между прочимъ, выражено было: „виновные и прикосновенные къ неслыханному злодѣянію въ самомъ сердцѣ моего дворца должны пріять смерть отъ собственной руки своей; да обрушится ихъ преступленіе на главу ихъ“,—и добавлялось въ концѣ: „я есмь охраиа и защита всего навѣки и есмь носитель царскаго символа справедливости предъ лицомъ царя боговъ, Аммона - Ра, и предъ лицомъ князя вѣчности—Озириса“.

Въ этотъ же день начались допросы. Слѣдователи открыли засѣданіе въ палатѣ суда, въ самомъ дворцѣ Рамзеса, передъ изображеніемъ божествъ высшаго судилища — Горуса съ головою копчика и Анубиса съ головою шакала, между которыми находились вѣсы правосудія. Изображеніе князя вѣчности и судіи вселенной, Озириса, помѣщалось на тронѣ; въ одной рукѣ его былъ скипетръ, а въ другой бичъ для злыхъ и преступниковъ; тутъ же на жертвенникѣ находился цвѣтокъ лотоса, стерегомый чудовищами—символами владыкъ Нила—крокодиломъ и гиппопотамомъ.

Слѣдователи и судьи помѣщались на возвыщенныхъ сѣдалищахъ.

Первою вызвана была къ допросу Херсе, которая неразлучно находилась съ Лаодикою и спала всегда въ преддверіи помѣщенія юной царевны. Убійца могъ проникнуть къ ложу Лаодики только черезъ тѣло старой негретянки.

— Я убійца моего божества, солнца очей моихъ,—каялась Херсе передъ слѣдователями.—Пусть меня поразитъ своимъ бичемъ великій Озирисъ. Я не уберегла мое сокровище, я потушила свѣтъ очей моихъ — я заспала царевну, дочь богоравнаго Пріама.

— Отвѣчай на вопросы,—остановилъ ее Монтуемтауи, поправляя на груди золотую цѣпь съ изображеніемъ священнаго жука.—Ты сама готовила ложе царевнѣ вчера на ночь?—спросилъ онъ.

— Сама, господинъ. Я никого не допускала къ ея чистому ложу,—былъ отвѣтъ.

— А что дѣлала царевна съ вечера? Съ кѣмъ была?

— Подъ вечеръ, когда свѣтоносный ликъ Горуса уже клонился къ закату, а тѣни отъ пальмъ теряли свой конецъ за Ниломъ, ея ясность Лао-

дика ходила по саду съ ея ясностью, царевною Снатъ,—да будетъ счастье и здоровье во вѣки ея удѣломъ,—и разсказывала ей о своей родинѣ, о священномъ Иліонѣ, о томъ, какъ его осаждали данаи и атриды, о смерти брата своего Гектора,—говорила Херсе.

— А послѣ того?—перебилъ ее Монтуемтауи.

— Послѣ того пришелъ его ясность, царевичъ Пентауръ, и его ясность, царевичъ Меритумъ, и царевичъ Пентауръ спрашивалъ ея ясность Лаодику о вождѣ данаевъ Агамемнонѣ и о храбромъ Ахиллесѣ, и о томъ, какъ братъ ея ясности Лаодики Парисъ поразилъ на смерть въ пятку Ахиллеса,—продолжала свое показаніе Херсе.

— А ты что дѣлала въ то время?—спросилъ главный слѣдователь.

— Я заплетала вѣнокъ изъ цвѣтовъ, чтобъ украсить имъ головку ея ясности.

— И царевна при тебѣ легла потомъ на ложе сна?

— Я ее и уложила и повѣяла надъ нею опахаломъ, пока она не заснула.

— А сама когда легла спать и гдѣ?

— Я легла у ея порога, утоливъ жажду изъ своего кувшина водою Нила, и тотчасъ же заснула, какъ мертвая... О, великій Озирисъ!—всплеснула вдругъ руками старая негритянка:—меня опоили водою сна! Я теперь все поняла: кто-нибудь влилъ въ мой кувшинъ сонной воды... Это такъ, такъ! Оттого я и заснула какъ мертвая, чего со мною всю жизнь не было... О, боги! — это вѣрно, вѣрно!.. Я всегда, бывало, такъ чутко сплю, что слышу, кажется, всякое дыханіе ея ясности, каждое ея движеніе на ложѣ сна... А тутъ я не слыхала, какъ умирала она, какъ истекала кровью... О, праведные боги!

Слѣдователи молча переглянулись между собой.

— Такъ ты думаешь—съ умысломъ кто-нибудь усыпилъ тебя?—спросилъ Монтуемтауи.

— Съ умысломъ—я теперь вижу: оттого и вода показалась мнѣ на вкусъ какою-то странною.

— Кого же ты подозрѣваешь въ этомъ?

— О! это та, которую я видѣла въ мертвыхъ зрачкахъ моей голубицы, ея ясности Лаодики.

— Въ мертвыхъ зрачкахъ царевны ее видѣла?

— Да, въ зрачкахъ, какъ въ зеркалѣ.

— И то была женщина?

— Женщина—красивая, съ глазами василиска.

— И ты можешь назвать ея имя?

— Не могу... не знаю... но я ее видѣла.

— Здѣсь, въ женскомъ домѣ?

— Должно быть, здѣсь—больше негдѣ.

Тогда Монтуемтауи предложилъ засѣдавшимъ съ нимъ судьямъ: — не предъявить ли предъ лицо этой допрашиваемой всѣхъ женщинъ дома фараона? Всѣ изъявили согласіе.

Рѣшеніе это тотчасъ же было объявлено въ женскомъ домѣ высочайшимъ именемъ фараона, и Бокакамону приказано было вводить въ палату верховнаго суда, по одиночкѣ, сначала ближайшихъ рабынь, имѣвшихъ право ночевать въ женскомъ домѣ, а потомъ почетныхъ женщинъ и дѣвицъ.

Эта поголовная очная ставка не привела, однако, ни къ чему. Въ нѣкоторыя лица вступавшихъ въ палаку суда женщинъ, особенно въ молодыя и красивыя лица, Херсе всматривалась пристально, настойчиво, какъ бы пожирала ихъ глазами; но потомъ въ отчаяніи повторяла: „нѣтъ, нѣтъ... не та... не то лицо... не тѣ глаза“...

Отъ одного лица она долго не могла оторвать глазъ—это прекраснаго лица Аталы, къ которой, видимо, охладѣлъ Пентауръ съ той минуты, какъ увидѣлъ Лаодику. Атала была блѣднѣе обыкновеннаго, когда предстала предъ судилищемъ; глаза ея были заплаканы, и она, казалось, избѣгала взгляда старой негритянки. Херсе вздрогнула, когда увидѣла ее, и отступила назадъ. Она давно замѣчала, какъ Атала недружелюбно смотрѣла на обожаемую ею дочь Пріама. Чутьемъ женщины старая негритянка угадала, что Атала ревнуетъ Лаодику къ Пентауру, и сама стала не долюбливать гордую дочь Таинахтты. И вотъ обѣ эти женщины съ глазу на глазъ передъ страшнымъ судилищемъ... Не она ли убійца? — не у нея ли глаза василиска, что отпечатались на мертвыхъ зрачкахъ несчастной дочери Пріама?.. Лицо прекрасное, но не доброе, такое, какое поразило ее въ мертвыхъ зрачкахъ... Херсе вспомнила эти безжизненные, остеклѣлые, когда-то прекрасные глаза, вспомнила это мертвое юное личико, вспомнила счастливое дѣтство Лаодики, потомъ печальную судьбу ея родного города, ея семьи, свою неволю, съ которою она давно сжилась...

— О, боги! помогите мнѣ!—простонала она.

— Ну, что же? Говори!—напомнилъ Монтуемтауи.

— Кажется... она... кажется,—прошептала допрашиваемая.

— „Кажется“—не имѣетъ силы утвержденія: говори безъ „кажется“,— повторилъ Монтуемтауи.

— Не знаю... не знаю... о, боги!

— Атала, дочь Таинахтты, можетъ удалиться отъ лица суда,—сказалъ Монтуемтауи.—Такъ и запиши показаніе допрашиваемой: не дано обвиненія,—обратился онъ къ писцу палаты суда.

Атала, видимо шатаясь, удалилась. Херсе провожала ее долгимъ, какимъ-то растеряннымъ взглядомъ.

По окончаніи повальной очной ставки, вызваны были къ допросу, одна за другой, рабыни Арза и Неху, первыя нашедшія предательскій мечъ въ саду. Но и отъ нихъ не узнали ничего болѣе, кромѣ того, что было уже извѣстно.

Съ своей стороны Бокакамонъ съ помощникомъ своимъ Аххибсетомъ допросили всѣхъ женщинъ дома, не замѣтили ли они ночью, чтобы кто-либо ходилъ въ саду или около помѣщенія троянской царевны; но и это

ни къ чему не привело: всѣ спали по своимъ мѣстамъ, и никто ночью не въ урочный часъ не бродилъ по саду.

Тогда стали призывать къ допросу привратниковъ женскаго дома: кто сторожилъ въ эту ночь ворота дома и не было ли впущено въ домъ постороннее лицо.

И тутъ всѣ подъ страшною клятвой подтвердили, что никто изъ постороннихъ женщинъ, не только мужчинъ, ни въ эту ночь, ни днемъ, и никогда, — никто не входилъ въ женскій домъ, въ это недосягаемое для посторонняго глаза святилище богини Сохетъ.

Гдѣ же искать преступника?

Когда слѣдователи остались одни послѣ произведенныхъ ими допросовъ, Монтуемтауи взялъ въ руки мечъ преступленія, лежавшій передъ нимъ на столѣ.

— Живые люди ничего намъ не открыли,—сказалъ онъ, глядя на мечъ:—такъ все откроетъ это мертвое желѣзо.

— Правда, правда,—подтвердили прочіе слѣдователи:—допросимъ желѣзо.

— Это мечъ—рѣдкой работы, дорогой мечъ,—сказалъ медленно Монтуемтауи:—онъ будетъ дважды, сугубо краснорѣчивъ въ опытныхъ рукахъ:—во-первыхъ, это рѣдкій мечъ; онъ не египетскаго издѣлія; такихъ я не видалъ въ землѣ фараоновъ; да и божество на рукояткѣ меча — не египетское; я полагаю, что это — финикійское божество, изъ сѣверной страны Рутенъ; это — богиня Астарта, какъ мнѣ кажется; это — одинъ языкъ нашего меча; во-вторыхъ, такое драгоцѣнное оружіе могло принадлежать только богатому, знатному лицу, которое бывало въ походахъ если не само, то его отецъ, его предки; но, быть можетъ, мечъ этотъ купленъ и въ Египтѣ:—у кого?—это второй и самый краснорѣчивый языкъ.

— Хвала твоей мудрости!—воскликнули слѣдователи.—У тебя глаза и умъ бога Хормаху.

— Какъ же мы допросимъ это желѣзо?—продолжалъ риторически Монтуемтауи:—какъ развяжемъ ему языкъ? А вотъ какъ: — вызовемъ сюда, предъ лицо судныхъ божествъ, всѣхъ продавцовъ оружія и всѣхъ оружейныхъ мастеровъ города Ѳивъ:—они развяжутъ языкъ желѣзу.

Мнѣніе предсѣдателя было принято, и на другой день всѣ оружейники Ѳивъ были вызваны въ судъ.

Мечъ долго переходилъ изъ рукъ въ руки, но ни одинъ продавецъ не могъ сказать, чтобъ это дорогое оружіе было куплено у него или сдѣлано въ Ѳивахъ: такого меча въ столицѣ Египта никто не видалъ. Только одинъ старый мастеръ долго разсматривалъ клинокъ и рукоятку меча и повидимому что-то соображалъ.

— Это мечъ финикійской работы,—сказалъ онъ наконецъ:—рукоятка его изображаетъ богиню Астарту.

— Такъ я и говорилъ,—замѣтилъ Монтуемтауи.—Но какъ онъ попалъ сюда?

— Онъ купленъ въ Мемфисѣ, или въ Цоанъ-Танисѣ; послѣднее вѣроятнѣе,—отвѣчалъ старый мастеръ.—Въ Цоанъ-Танисѣ я самъ видѣлъ такіе мечи.

На основаніи этого показанія рѣшено было тотчасъ же отправить носителя опахала Каро въ Мемфисъ и въ Цоанъ-Танисъ. Тамъ онъ долженъ былъ предъявить роковой мечъ всѣмъ продавцамъ оружія и узнать, кому и когда былъ проданъ финикійскій мечъ.

Въ Цоанъ-Танисѣ Каро, дѣйствительно, напалъ на слѣдъ того, что ему поручено было разыскать. Одинъ оружейникъ этого города узналъ предъявленный ему мечъ. Онъ сказалъ, что это дорогое оружіе досталось ему по наслѣдству отъ отца и хранилось въ его лавкѣ вмѣстѣ съ прочимъ оружіемъ, но что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ зашелъ къ нему молодой египтянинъ, и, увидавъ мечъ, который ему очень понравился, купилъ его за весьма дорогую цѣну.

— Кто же былъ этотъ молодой египтянинъ? — спросилъ Каро съ затаенною радостью, которую боялся обнаружить передъ продавцемъ: — онъ здѣшній?—изъ Цоанъ-Таниса?

— Нѣтъ, господинъ, — онъ пріѣзжій и, какъ я узналъ, отправлялся отсюда въ Ѳивы,-- отвѣчалъ торговецъ.

— А имя его?—спросилъ снова Каро.

— Имени его, господинъ, я не спрашивалъ; знаю только, что онъ купилъ здѣсь на рынкѣ двухъ рабынь—одну молоденькую, а другую старуху, изъ племени Кушъ.

— А молодая изъ какого племени?

— Этого не умѣю сказать, господинъ; а говорили, будто она изъ царскаго рода.

— А какая она изъ себя?

— Очень красивая и съ золотистыми волосами; говорили, что она привезена изъ-за Зеленаго моря.

— А какой изъ себя египтянинъ, который купилъ ее?

— Высокій и красивый и, должно быть, изъ знатнаго рода—съ золотою цѣпью на груди.

Больше этого ничего не могъ узнать Каро отъ продавца оружія. Тогда онъ обратился къ торговцамъ невольниками. Здѣсь слѣдъ того, чего онъ доискивался, выяснился еще болѣе. Одинъ изъ работорговцевъ припомнилъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ продалъ одному знатному молодому египтянину изъ Ѳивъ двухъ рабынь — одну юную красавицу изъ сѣверныхъ странъ, дочь царя, городъ котораго былъ разрушенъ и сожженъ врагами, а дѣти его, дочери, отвезены въ разныя мѣста; одна изъ нихъ съ своею рабынею и была отбита на морѣ финикійскими пиратами и продана въ Цоанъ-Танисъ.

— А не знаешь, какъ звали этого царя, ея отца? — спросилъ Каро.

— Не помню, господинъ,—отвѣчалъ работорговецъ.—Старая ея рабыня, изъ страны Кушъ, называла имя этого царя и ихъ городъ, но я забылъ.

— Не Троя ли этотъ городъ?

— Такъ-такъ, господинъ,—именно Троя.

— А царь назывался Пріамъ?

— Кажется, что такъ; но навѣрное не помню.

— А какъ звали эту дочь его, что купилъ у тебя знатный египтянинъ.

— Я ее звалъ просто „царевной“ или „золотой царевной“, потому что у нея волосы такого цвѣта, какъ золото священной страны Пунтъ?

Для Каро не оставалось теперь никакого сомнѣнія, что это была несчастная Лаодика, дочь такого же злополучнаго Пріама, а купившій ее знатный египтянинъ—Абана, сынъ Аамеса.

Съ этими свѣдѣніями онъ и поспѣшилъ воротиться въ Ѳивы.

Всю дорогу его мучили вопросы: неужели Абана зарѣзалъ Лаодику?— А если онъ—то какъ онъ могъ пробраться ночью въ женскій домъ?—Но старая негритянка утверждаетъ, что Лаодику зарѣзала женщина, но только мечомъ, принадлежавшимъ Абанѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, думалъ Каро, что Абана, злобствуя на Лаодику за ея бѣгство, подкупилъ одну изъ женщинъ дома фараона зарѣзать невинную дѣвушку: пусть же не достается никому другому, если не досталась ему. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ отдавать свой мечъ для совершенія убійства? Мечъ этотъ — прямая улика. Развѣ нельзя было найти другой мечъ или простой ножъ? Подкупленная убійца могла совершить свое гнусное дѣло всякимъ острымъ ножомъ, которые всегда находятся подъ рукой въ женскомъ домѣ. Зачѣмъ же понадобился именно мечъ Абаны и при томъ такой рѣдкій и замѣтный?

Эти вопросы такъ и остались не разрѣшенными въ головѣ Каро.

XXI.

Убійца Лаодики.

Въ тотъ же день, когда Каро воротился въ Ѳивы, Абана, подъ наблюденіемъ мацаевъ, былъ приведенъ въ палату верховнаго суда. Появленіе въ его домѣ мацаевъ сначала встревожило его, но онъ тотчасъ же ободрился и смѣло явился въ судъ. Онъ даже держалъ себя высокомѣрно, зная, какимъ уваженіемъ въ странѣ и лично у фараоновъ пользовался его отецъ.

— Абана, сынъ Аамеса!—торжественно обратился къ нему Монтуемтауи:—предъ лицомъ Озириса говори только правду. Скажи, что ты знаешь о дочери троянскаго царя Пріама, Лаодикѣ, которую ты купилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Цоанъ-Танисѣ вмѣстѣ съ ея рабынею?

— Я знаю только то, что обѣ онѣ на пути отъ Мемфиса къ Ѳивамъ, пользуясь темнотою ночи и оплошностью моихъ рабовъ, постыднымъ образомъ бѣжали съ корабля „Восходъ въ Мемфисѣ“,—гордо отвѣчалъ Абана.

— И ты ихъ потомъ не могъ найти?

— Не могъ.

— И не зналъ, гдѣ онѣ?

— Не зналъ.

— И никогда больше не видѣлъ Лаодики?

— Не видѣлъ.

— Абана, сынъ Аамеса!—возвысилъ вдругъ голосъ одинъ изъ судей, знаменоносецъ гарнизона, Хора:—ты говоришь неправду въ лицо Озирису,— ты видѣлъ царевну Лаодику.

— Абана, сынъ Аамеса, ты сознаешься, что сказалъ неправду въ лицо Озирису?—спросилъ Монтуемтауи.

— Не сознаюсь,—былъ дерзкій отвѣтъ:—я сказалъ правду.

— Уличи же его во лжи, знаменоносецъ Хора! — сказалъ предсѣдатель суда.

— Вотъ какъ это было, — началъ Хора: — когда послѣ отбытія ея ясности, царевны Нофруры, въ загробный міръ, въ прекрасную страну Озириса, его святѣйшество фараонъ Рамзесъ со всею своею благородною семью возвращался съ похоронъ царевны во дворецъ и царевна Лаодика шла рядомъ съ ея ясностью, царевною Снатъ-Нитокрисъ, ты, Абана, сынъ Аамеса, стоялъ рядомъ съ моимъ начальникомъ, съ вождемъ воиновъ гарнизона, Таинахттою, а я, знаменоносецъ гарнизона, Хора, стоялъ позади васъ, и ты, Абана, говорилъ Таинахттѣ: „она, царевна Лаодика, моя рабыня и бѣглянка, и я возьму ее обратно къ себѣ, какъ мою собственность“. Вотъ что говорилъ ты, Абана, сынъ Аамеса.

Абана не ожидалъ удара съ этой стороны и растерялся; но скоро обычная дерзость воротилась къ нему, и онъ презрительно сказалъ:

— Судьи также могутъ говорить ложь въ лицо Озирису: того, что на меня взводитъ знаменоносецъ гарнизона и мой судья Хора, я не говорилъ и Лаодики, послѣ ея бѣгства, не видалъ.

— Ты утверждаешься на этомъ предъ лицомъ Озириса?—строго спросилъ Монтуемтауи.

— Утверждаюсь,—былъ отвѣтъ.

Монтуемтауи сдернулъ со стола свитокъ папируса, которымъ прикрытъ былъ предательскій мечъ.

— А это что такое?—вдругъ спросилъ онъ.

— Мечъ,—сказалъ отрывисто допрашиваемый и чуть замѣтно вздрогнулъ.

— А чей онъ?

— Не знаю.

— А не былъ онъ прежде твоимъ?

— Не былъ.

Такіе дерзкіе отвѣты возмутили судей; носитель опахала Каро даже привсталъ съ негодующимъ видомъ и сверкающими глазами.

— Абана, недостойный сынъ благороднаго Аамеса, ты снова солгалъ предъ лицомъ Озириса,—сказалъ онъ рѣзко.—Ты купилъ этотъ мечъ въ Цоанъ-Танисѣ, у торговца оружіемъ Аади, въ лавкѣ на невольничьемъ рынкѣ.

— Сознаешься въ этомъ?—спросилъ Монтуемтауи.

Улики были слишкомъ подавляющаго свойства, и Абана оторопѣлъ. Ему сразу представилось, что его подозрѣваютъ въ убійствѣ Лаодики. Про-

пасть открывалась подъ его ногами, и онъ понялъ, что надо спасать свою шкуру.

— Сознаешься?—повторилъ вопросъ председатель.

— Сознаюсь—мечъ мой, но его у меня украли.

— Давно?

— Недѣли двѣ тому назадъ.

— Почему же ты не заявилъ въ свое время о покражѣ? Это такое рѣдкое и дорогое орудіе.

Абана молчалъ. Онъ чувствовалъ, что болѣе и болѣе запутывается; судьи, повидимому, знали больше, чѣмъ онъ предполагалъ, и больше, чѣмъ сами высказывали.

— Приблизься къ столу, — сказалъ ему Монтуемтауи: — взгляни на мечъ—видишь на немъ слѣды крови?

— Вижу,—хрипло отвѣчалъ Абана.

— Это кровь дочери троянскаго царя, Лаодики: она зарѣзана твоимъ мечомъ. Кто ее зарѣзалъ?

— Не знаю,—чуть слышно отвѣчалъ Абана, дерзость котораго уступила мѣсто страху.

— Какъ же твой мечь очутился въ женскомъ домѣ фараона, его святѣйшества Рамзеса?

— Я подарилъ его Аталѣ, дочери Танахтты.

Слова эти разомъ пролили свѣтъ на все, что казалось доселѣ темнымъ. Атала, эта прекрасная дѣвушка, въ лицо которой такъ пристально всматривалась старая Херсе. Неужели Атала убійца? Неужели она усыпила старую негритянку въ ночь убійства? А что побудило ее къ этому злодѣянію? А то, чѣмъ единственно живутъ женщины: чувство, страсть, ревность... Ревность! вотъ гдѣ разгадка всему. Атала, вѣроятно, неравнодушна къ этому долговязому сыну Аамеса и, боясь, что прекрасная Лаодика опять будетъ возвращена ему, какъ его собственность, и можетъ плѣнить его сердце, что было очень возможно съ ея красотой,—рѣшила отдѣлаться отъ опасной соперницы и выпросила у Абаны мечъ, которымъ и поразила бѣдную, невинную жертву. Такъ думалъ Монтуемтауи, пораженный этимъ неожиданнымъ открытіемъ. Но, быть можетъ, Абана, позлобѣ на бѣглянку, самъ подговорилъ Аталу убить Лаодику, чтобы она не досталась другому?

— А твоя воля участвовала въ убіеніи троянской царевны? — спросилъ, послѣ небольшого размышленія, Монтуемтауи.

— Какъ?—какъ бы очнулся допрашиваемый.

— Ты велѣлъ или совѣтовалъ Аталѣ убить Лаодику?

— Нѣтъ, не я,—съ запинкой отвѣчалъ Абана.

— И ты на этомъ показаніи утверждаешься?

— Утверждаюсь.

— Уведите допрашиваемаго въ комнату ожиданія,—сказалъ Монтуемтауи, обращаясь къ писцамъ.

Абану увели въ ближайшую комнату.

— Теперь надо подвергнуть допросу Аталу, — продолжалъ предсѣдатель, когда закрылась дверь за Абаною.

За Аталой недалеко было ходить, такъ какъ она жила во дворцѣ, въ въ женскомъ домѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ прекрасная дѣвушка стояла предъ судьями.

— Атала, дочь Таинахтты, вождя воиновъ гарнизона!—торжественно обратился къ ней предсѣдатель,—отвѣчай истинную правду на всѣ вопросы, которые будутъ заданы тебѣ предъ лицомъ великаго Озириса.—Что тебѣ извѣстно по дѣлу объ убіеніи дочери троянскаго царя Пріама, Лаодики?

Атала стояла спокойно, но лихорадочный блескъ ея глазъ обнаруживалъ внутреннюю тревогу. Она молчала, нервно сжимая руки.

— Отвѣчай на вопросъ,—подтвердилъ Монтуемтауи.

— Я узнала о смерти Лаодики только утромъ,—отвѣчала дѣвушка глухо.

— Можетъ быть... А ночью ты не была въ ея опочивальнѣ?

— Нѣтъ, я спала.

Предсѣдатель показалъ допрашиваемой роковой мечъ.

— Тебѣ знакомо это оружіе?—спросилъ онъ.

— Да, я видала его въ рукахъ смотрителя дома, Бокакамона, въ утро смерти Лаодики.

— А прежде этотъ мечъ не былъ у тебя въ рукахъ?

— Никогда не былъ!

— Введите сюда Абану, сына Аамеса, для очной ставки,—обратился предсѣдатель къ писцамъ.

При этихъ словахъ на прелестномъ лицѣ дѣвушки выразился ужасъ.

Ввели Абану. Трудно изобразить взглядъ, которымъ моментально обмѣнялись допрашиваемые: сколько въ глазахъ каждаго было тревоги и взаимнаго недовѣрія.

— Атала!—сказалъ предсѣдатель:—Абана показываетъ, что онъ подарилъ тебѣ этотъ мечъ. Какъ-же ты утверждаешь, будто онъ никогда не былъ у тебя въ рукахъ? Абана! ты подтверждаешь свое показаніе?

— Подтверждаю,—былъ отвѣтъ.

— Атала! говори правду,—настаивалъ предсѣдатель:—великій Озирисъ обнаружилъ твою ложь.

— Да... онъ подарилъ мнѣ свой мечъ,—чуть прошептала дѣвушка.

— На какое употребленіе?

— Такъ... мнѣ понравился мечъ.

— А что ты съ нимъ сдѣлала?

— Ничего... Его у меня украли...

— Ты говоришь ложь!—возвысилъ голосъ предсѣдатель. — Въ ночь убійства Лаодики видѣли, какъ ты вышла изъ ея опочивальни и зарыла мечъ въ саду подъ кустомъ лотоса.

Какъ громомъ поразили эти слова прелестное созданіе. Она зашаталась и упала на колѣни.

— О, великая Сохетъ! ты покарала меня!... Вселюбящая Гаторъ! спаси меня!... Любовь заставила меня сдѣлать это... Я такъ любила Пентаура, а онъ измѣнилъ мнѣ для Лаодики... Великая Гаторъ! во имя твое я это сдѣлала... Чужая дѣвушка похитила у меня любовь и душу царевича... О, боги!

Такъ рыдала Атала, предаваясь отчаянію. Но предсѣдатель продолжалъ допросъ.

— Для чего же ты взяла его мечъ, когда могла убить твою жертву простымъ острымъ ножемъ?—спросилъ онъ.

— О, великіе боги!—рыдала дѣвушка:—я взяла этотъ мечъ потому, что Абана говорилъ, что остріе его ядовито и отъ одной царапины человѣкъ можетъ умереть, не вскрикнувъ... А простой ножъ... О, великая Гаторъ! зачѣмъ ты отступилась отъ меня?

Но вдругъ она вскочила на ноги. Какая-то новая мысль внезапно озарила ее.

— Я должна была убить ее!—заговорила она особенно страстно.—Я убила ее, чтобы спасти отъ смерти его святѣйшество, фараона Рамзеса.

Предсѣдатель даже приподнялся на своемъ сидѣньѣ. Тревога охватила остальныхъ судей.

— Спасти отъ смерти его святѣйшество, фараона Рамзеса, сына Аммона-Ра?—почти шопотомъ проговорилъ Монтуемтауи.—Что ты сказала, несчастная!

— Я сказала правду,—отвѣчала Атала, дрожа всѣмъ тѣломъ.—*Они* рѣшились погубить его святѣйшество!

— *Они*, ты говоришь? Кто *они?*

— Царица Тіа, царевичъ Пентауръ, Лаодика...

— Остановись, несчастная!—тихо, но съ силой сказалъ предсѣдатель:—хула на ея святѣйшество, на царицу, на наслѣдника престола!

— Да, да, да! — точно въ изступленіи твердила убійца Лаодики:—царица, царевичъ, Лаодика, Бокакамонъ, Пенхи, Адирома, Ири... всѣ, всѣ!

Можно было подумать, что она лишилась разсудка, что она говоритъ въ бреду. Между тѣмъ она продолжала съ прежнею страстностью:

— Лаодика... ее полюбилъ Пентауръ и бросилъ меня... Ее полюбилъ и его святѣйшество, фараонъ, и хотѣлъ взять на свое ложе, въ жены... Она была чаровница—околодовала всѣхъ злыми чарами... *Они* велѣли ей лишить жизни его святѣйшество, когда бы онъ взялъ ее на свое ложе... Я это знала, я знаю *все*—и я убила ее, чтобы спасти фараона.

Дѣло принимало оборотъ, котораго никто не ожидалъ, и замять его было невозможно.

— Безумная!—воскликнулъ предсѣдатель:—чѣмъ ты подтвердишь твой ужасный извѣтъ?

— Я еще не все сказала... Спрашивайте ихъ... Я еще многое скажу...

Атала не могла больше говорить—она лишилась чувствъ.

XXII.

Напали на слѣдъ.

Когда Атала пришла нѣсколько въ себя, то продолженіе допроса оказалось немыслимо.

Поддерживаемая однимъ изъ писцовъ, старичкомъ Маи, она говорила какъ бы сама съ собой, въ какомъ-то горячечномъ бреду, повторяя безсвязно и, повидимому, безсмысленныя слова: „восковой фараонъ"... „боги изъ воску"... „старый Пенхи сдѣлалъ восковыхъ боговъ"... „маленькая Хену"... „Аписъ глянулъ въ очи Хену"... „воскъ отъ свѣчи богини Сохетъ"... „жрецъ Ири далъ воскъ"... „фараона Рамзеса лишатъ души, а фараонъ Пентауръ меня посадитъ рядомъ съ собой на престолѣ"... „Лаодика чаровница"... „фараонъ не любитъ царицу Тіу"... „Изида хеттеянка украла сердце фараона"... „единый богъ"... и тому подобное.

Но этотъ болѣзненный бредъ ясно обнаруживалъ, что существуетъ какой-то заговоръ, и заговоръ противъ самого фараона. Дѣло принимало страшный оборотъ, и судьи не могли не видѣть всей опасности своего положенія: они нечаянно открыли чудовище, и это чудовище могло поглотить ихъ самихъ. Надо было разобраться во всемъ этомъ, обдумать, взвѣсить и рѣшить—что предпринять. Было несомнѣнно, что они ощупью напали на слѣдъ государственнаго заговора. Но слѣдъ этотъ терялся въ безумныхъ словахъ потрясенной до потери разсудка молодой дѣвушки.

Приказавъ увести ее домой и отославъ подъ стражу Абану, судьи начали обсуждать положеніе, въ которомъ они очутились. Положеніе было критическое.

Многое стало теперь для нихъ яснымъ. Они, да и многіе въ Ѳивахъ, давно замѣчали, что между фараономъ и царицей Тіей существуетъ холодность. Тайно поговаривали въ городѣ и при дворѣ, что Рамзесъ слишкомъ приблизилъ къ себѣ бѣлокурую, съ свѣтло-каштановыми волосами хорошенькую Изиду хеттеянку (еврейка) и, видимо, оттолкнулъ отъ себя Тіу и ея любимца—сына, царевича Пентаура. Эта немилость къ наслѣднику престола еще болѣе огласилась въ самый день вѣнчанія на царство Рамзеса: въ этотъ день онъ назначилъ младшихъ сыновей—принца Рамессу начальникомъ всей пѣхоты, принца Прахіунамифа—главнымъ начальникомъ военныхъ колесницъ, юнаго Меритума—великимъ жрецомъ солнца въ Геліополисѣ, и, объявивъ походъ въ Либу, взялъ ихъ съ собою на войну, равно и трехъ царевенъ — Нофруру, Ташеру и Аиду, а также еврейку Изиду, тогда какъ Пентаура оставилъ въ Ѳивахъ для наблюденія за поступленіемъ государственныхъ податей, за ссыпкою въ царскіе магазины полбы, дурры и другихъ припасовъ.

Вырвавшееся въ болѣзненномъ бреду Аталы упоминаніе о старомъ Пенхи, бывшемъ когда-то начальникомъ стадъ фараона и удаленномъ отъ

должности по доносу, о „восковомъ фараонѣ“, о „богахъ изъ воску“ и проч.—имѣло также глубокое тайное значеніе. Это—намекъ на страшное колдовство, на смертоносныя чары. Маленькая его внучка—Хену, которой въ очи глянулъ богъ Аписъ,—и тутъ дѣло идетъ о страшной таинственной силѣ. Бредъ Аталы о томъ, будто Пентауръ обѣщалъ посадить ее съ собою на тронѣ фараона—это не бредъ, а указаніе на новую тайну.

Очевидно также, что заговору этому причастенъ и Бокакамонъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находилось все женское населеніе дворца фараона. Несомнѣнно, что и убійство Лаодики находилось въ связи съ заговоромъ! Выгораживая себя въ этомъ преступленіи, Атала давала знать, что она дѣйствовала по внушенію другихъ лицъ.

А при чемъ тутъ Ири, верховный жрецъ богини Сохетъ? Атала и его имя упомянула. Какое отношеніе имѣетъ къ заговору Адирома? Впрочемъ, онъ сынъ стараго Пенхи и отецъ этой дѣвочки Хену. Онъ же былъ и въ плѣну у троянцевъ и жилъ во дворѣ отца Лаодики. Все это такъ сложно и запутано. Нити заговора, повидимому, разбросаны широко. А въ рукахъ судей только одна ниточка—это Атала, хрупкое существо, которое окончательно можетъ потерять разсудокъ, и тогда нитка эта окончательно порвется, и клубокъ, ядро заговора, къ которому можно было бы добраться съ помощью этой нитки, совсѣмъ укатится, пропадетъ изъ виду. Остается развѣ Абана? Но онъ, можетъ быть, и не причастенъ къ заговору.

Вообще судьи находились въ большомъ недоумѣніи. Тревога отражалась на лицѣ каждаго. Въ этой тревогѣ, въ той неожиданности, съ которою Атала поставила ихъ лицомъ къ лицу съ таинственнымъ и, повидимому, обширнымъ заговоромъ, они не замѣтили одного страннаго обстоятельства. Когда Атала заговорила о какой-то опасности, угрожавшей будто бы жизни Рамзеса, на лицѣ одного изъ судей выразилось глубокое волненіе, скорѣе даже ужасъ. Это былъ именно Хора, знаменоносецъ гарнизона, который уличилъ Абану въ томъ, что онъ видѣлъ Лаодику во время возвращенія процессіи съ похоронъ царевны Нофруры и говорилъ о бывшей своей рабынѣ съ вождемъ воиновъ гарнизона, съ Таинахттою, отцомъ Аталы. Когда эта послѣдняя въ припадкѣ отчаянія сказала, что „они рѣшились погубить его святѣйшество, фараона Рамзеса“,—Хора задрожалъ и поблѣднѣлъ. Вѣроятно, онъ зналъ что-нибудь о заговорѣ, даже, быть можетъ, принималъ въ немъ участіе,—и вдругъ онъ—членъ верховнаго судилища!

Разсуждая о неожиданномъ, поразившемъ всѣхъ открытіи, судьи, однако, не могли не видѣть противорѣчій въ словахъ и дѣйствіяхъ Аталы. Въ самомъ дѣлѣ, если существовалъ заговоръ въ женскомъ домѣ, — а что оттуда именно исходили его нити, въ этомъ они не сомнѣвались, — то какое отношеніе къ этому заговору могла имѣть Лаодика, совершенно чужое лицо и при томъ почти дѣвочка, недавно принятая въ женскій домъ? А главное—какое отношеніе къ заговору имѣло убійство Лаодики? Вѣдь нельзя же было вѣрить словамъ Аталы, будто бы Лаодика готовилась

стать орудіемъ гибели фараона. Тутъ нѣтъ истинной логики; логика тутъ чисто женская—ревность, и по этой логикѣ надо было избавиться отъ соперницы. Въ самомъ дѣлѣ, если Лаодику кто-то предназначилъ быть орудіемъ погибели Рамзеса, то ближе всего и естественнѣе было—выдать головой это самое орудіе или его руководителей, — и фараонъ спасенъ. Для чего же убивать?

Остановившись на самомъ вѣроятномъ предположеніи, что Лаодика сдѣлалась жертвой женской мести изъ ревности, судьи неизбѣжно должны были придти къ такому заключенію. Атала, получивъ отъ Абаны мечъ, напитанный смертельнымъ ядомъ, убила свою соперницу; преступленіе открылось; преступница видитъ свою гибель — все кончено! преступленіе ни къ чему не привело: Атала чувствуетъ, что тонетъ. И вотъ тутъ-то въ ней проснулась чисто женская логика—инстинктъ не умѣющаго плавать: она хватается за другихъ. Атала ухватилась за тѣхъ, кто участвовалъ въ извѣстномъ ей заговорѣ: пусть же всѣ тонутъ! А если они не утонутъ, то и она спасена.

Теперь оставалось передопросить Абану, не найдется ли въ его показаніяхъ той нитки, которая съ болѣзненнымъ припадкомъ Аталы ускользнула изъ рукъ судей.

И Абану вновь ввели въ палату суда.

— Абана, сынъ Аамеса!—снова началъ Монтуемтауи:—ты видѣлъ и понялъ, что многое открылось предъ лицомъ Озириса изъ того, что ты хотѣлъ скрыть отъ насъ и отъ всевидящаго божества. Теперь скажи, что тебѣ извѣстно изъ того, что открыла предъ очами суда Атала?

— Я все сказалъ, что знаю,—отвѣчалъ Абана.

— Да, ты признался въ томъ, что скрывалъ предъ нашими очами и въ чемъ тебя уличили, а уличили тебя въ томъ, что ты видѣлъ Лаодику уже въ Ѳивахъ и для убійства ея далъ свой мечъ Аталѣ. А что ты знаешь о томъ, будто ее подвинули на убійство, кромѣ тебя, еще и другіе? Кто они?

— Я не знаю.

— Какія твои отношенія къ женскому дому?

— Никакихъ: изъ всего женскаго дома я лично зналъ Аталу, съ которой познакомился въ домѣ ея отца.

— А какія твои отношенія были къ ея святѣйшеству, царицѣ Тіи?

— Никакихъ: я видѣлъ ее только издали, въ священныхъ процессіяхъ.

— А съ начальникомъ женскаго дома, Бокакамономъ?

— Никакихъ.

— А съ Пенхи, бывшимъ смотрителемъ стадъ фараона?

— Никакихъ: я его совсѣмъ не знаю.

— Скажи еще, Абана, сынъ Аамеса, какое участіе въ убійствѣ Лаодики могъ принимать верховный жрецъ богини Сохетъ, Ири? Его имя также упомянула Атала, твоя сообщница. Признавайся.

— Я ничего не знаю—больше мнѣ не въ чемъ сознаваться,—угрюмо отвѣчалъ Абана, видимо утомленный и физически, и нравственно.

Монтуемтауи помолчалъ нѣсколько. Изъ отвѣтовъ Абаны онъ могъ за-

ключить, что этотъ преступникъ или упорно отмалчивается, или изворачивается, или же совсѣмъ непричастенъ къ заговору, а замѣшанъ въ одномъ лишь убійствѣ Лаодики. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ заговору его ни въ чемъ нельзя было уличить или поймать на противорѣчіи, на сбивчивомъ показаніи.

И Монтуемтауи снова приказалъ отвести его въ комнату ожиданія.

Но надо же было что-нибудь предпринять для раскрытія заговора. Но что предпринять? Атала указала на такихъ лицъ, что даже страшно было подумать о привлеченіи ихъ къ слѣдствію. Тутъ замѣшаны супруга фараона, наслѣдникъ престола, верховный жрецъ богини Сохетъ и начальникъ женскаго дома.

Необходимо объ этомъ страшномъ открытіи доложить Рамзесу.

— Но имѣемъ ли мы какія-либо основанія заподозрить ея святѣйшество?—рѣшился возразить Хора.

— Это правда,—согласился Монтуемтауи:—но имѣемъ-ли мы право скрыть что либо отъ его святѣйшества, фараона?

— А если Атала говорила все это въ болѣзненномъ бреду? — снова возразилъ Хора.—Или еще хуже: если она думала свое преступленіе взвалить на плечи такихъ особъ, о которыхъ намъ и думать страшно?

— Какъ же быть?—спросилъ носитель опахала, Каро.

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ Хора:—надо прежде потребовать отъ Аталы доказательствъ, фактовъ.

— Но ужъ и безъ фактовъ слова ея слишкомъ важны.

— Потому намъ и слѣдуетъ быть еще болѣе осмотрительными,—настаивалъ на своемъ Хора:—надо Аталу допросить обстоятельнѣе; въ ея показаніи я не вижу смысла. Дѣвчонка убила соперницу изъ ревности, и вдругъ къ своему личному дѣлу припутываетъ священныя имена.

— Мнѣ также кажется, что докладывать объ этомъ теперь же его святѣйшеству—преждевременно,—замѣтилъ еще одинъ изъ судей, худой и сморщенный, какъ финикъ, по имени Пенренну, занимавшій должность царскаго переводчика.

— Въ такомъ случаѣ надо допросить Аталу,—сказалъ предсѣдатель.— Пригласите сюда Бокакамона, смотрителя женскаго дома,—обратился онъ къ писцамъ.

Вскорѣ въ палату суда вошелъ Бокакамонъ. При входѣ онъ обмѣнялся съ знаменоносцемъ Хора быстрымъ тревожнымъ взглядомъ.

— Судъ Озириса снова требуетъ предъ лицо свое дѣвицу Аталу, дочь Таинахтты,—сказалъ пришедшему предсѣдатель.

— Дочь Таинахтты не можетъ явиться предъ лицо Озириса,—отвѣчалъ Бокакамонъ.

— Почему?

— Боги помѣшали ея разсудокъ.

— Что жъ она—заговаривается?

— Да, говоритъ несообразности... Полное безуміе...

— Какія же несообразности?—допытывалъ предсѣдатель.

— Говоритъ рѣчи, противныя богамъ,—уклончиво отвѣчалъ Бокакамонъ.

— Какія же? Все относительно убійства дочери троянскаго царя?

— И другія рѣчи, которыхъ я не смѣю повторить.

— Отчего же? Предъ лицомъ Озириса мы обязаны все говорить.

— Но она бредитъ.

— Мы, смертные, бредомъ называемъ иногда то, что устами смертнаго говоритъ само божество; боги говорятъ къ смертнымъ иносказательно, таинственно,—и мы должны разгадывать скрытый въ этомъ таинственномъ смыслѣ—волю божества. Что же Атала говоритъ?—настойчиво спросилъ Монтуемтауи, слѣдя за выраженіемъ лица Бокакамона.—Мы должны все знать — такова воля его святѣйшества, носителя царскаго символа справедливости предъ лицомъ царя боговъ, Аммона-Ра, и предъ лицомъ князя вѣчности, Озириса, священное изображеніе котораго глядитъ теперь на тебя и ждетъ твоего отвѣта.

Бокакамонъ съ тревогой взглянулъ на изображеніе Озириса.

— Она говоритъ о какихъ-то восковыхъ фигурахъ, о богахъ изъ воску, о маленькой дѣвочкѣ, которой великій богъ Аписъ передалъ, черезъ очи, свою божественную силу,—говорилъ Бокакамонъ въ глубокомъ смущеніи.

— Она говорила это и здѣсь предъ лицомъ Озириса,—сказалъ Монтуемтауи: - это не бредъ—это въ ней говорилъ духъ божества. А что еще говоритъ она?

— О богинѣ Сохетъ и ея верховномъ жрецѣ Ири... а потомъ о Пенхи, объ Имери...

— Объ Имери! о верховномъ жрецѣ бога Хормаху?

— Да, о немъ... Упоминала и о совѣтникахъ его святѣйшества—о Пилока и о ливійцѣ Инини, что участвовали въ похищеніи у Абаны дочери троянскаго царя, Лаодики...

Въ это время стражъ, стоявшій у двери суда, тревожно воскликнулъ:

— Сюда жалуетъ его святѣйшество фараонъ Рамзесъ!

Минута была критическая. Какъ должны поступить судьи?

XXIII.

Проводы тѣла Лаодики.

Смерть Лаодики многихъ поразила своею неожиданностью и глубокимъ трагизмомъ. Думала ли несчастная дочь злополучнаго Пріама, сестра Гектора и Кассандры, послѣ всѣхъ пережитыхъ ею и ея бѣдною родиною ужасовъ, найти смерть въ далекомъ Египтѣ отъ руки убійцы? Дѣйствительно, печальнѣе участи, какая постигла Пріама и весь родъ его, едва ли найдется другой примѣръ въ исторіи.

Даже Рамзесъ, для котораго ничего не стоило опустошать цѣлыя страны,

вырѣзывать или забирать въ плѣнъ ихъ населеніе, ихъ царей, женъ и дочерей, даже Рамзесъ-Рампсинитъ былъ глубоко огорченъ трагической кончиной юной дочери Пріама, нѣжная красота которой такъ очаровала его, что онъ готовъ былъ для нея пожертвовать не только своею законною женою, царицею Тіей, но и прелестной Изидой, обворожившей его своею іудейскою красотою. Но неутѣшнѣе всѣхъ были юная Снатъ-Нитокрисъ и царевичи Пентауръ и Меритумъ. Для нихъ, послѣ потери сестры Нофруры, начались новые „дни плача", какъ и для старой Херсе.

Едва Рамзесъ увидѣлъ мертвымъ прелестное личико Лаодики, какъ тотчасъ же приказалъ жрецамъ приготовить ея тѣло къ погребенію съ царскою пышностью, а придворнымъ зодчимъ и другимъ мастерамъ изготовить для нея богатый саркофагъ изъ краснаго порфира, а равно вырубить въ своемъ семейномъ склепѣ погребальную камору рядомъ съ каморою недавно погребенной дочери своей, Нофруры, и деревянную рѣзьбу каморы приготовить изъ лучшихъ породъ деревьевъ--изъ драгоцѣннаго „кетъ", изъ краснаго и чернаго дерева и изъ сикомора.

Въ самый день смерти Лаодики, когда во дворецъ явились съ своими носилками жрецы храма Озириса, чтобы отнести тѣло убитой въ очистистительную палату этого храма, Херсе едва могли оторвать отъ трупа ея любимицы. Неутѣшно плакала и юная Нитокрисъ, слѣдуя за тѣломъ безвременно погибшей сиротки, къ которой прелестная дочь фараона успѣла такъ горячо привязаться. Почти какъ и за тѣломъ Нофруры, за носилками Лаодики слѣдовала толпа народа.

Вниманіе всѣхъ обращала на себя также одна маленькая, горько плакавшая дѣвочка.

— Чья это дѣвочка, что такъ горько плачетъ?—спросилъ Инини, тотъ энергическій ливіецъ, котораго мы видѣли подъ Мемфисомъ, когда онъ и другъ его Пилока возвращались изъ „долины газелей", гдѣ они охотились на льва, а потомъ въ тѣни храма Хормаху, подъ гигантскимъ сфинксомъ, встрѣтили жреца этого храма Имери и Адирому, возвращавшагося изъ троянскаго плѣна, вѣрнѣе, изъ города Кареагого послѣ отплытія оттуда Энея.— Какъ плачетъ бѣдненькая!

— Это дочка Адиромы,—отвѣчалъ Пилока.

— А! это того, что былъ около десяти лѣтъ въ Троѣ?

— Да, который, помнишь, когда мы въ Мемфисѣ садились на корабль „Восходъ въ Мемфисѣ", узналъ эту бѣдную дочь Пріама и помогалъ намъ и жрецу Имери похитить ее у Абаны, сына Аамеса.

— Дѣвочка, вѣроятно, отъ отца узнала печальную судьбу Лаодики, и вотъ теперь плачетъ о ней.

— Конечно. Вонъ отецъ старается утѣшить ее, но и самъ плачетъ.

И въ толпѣ многіе узнали маленькую Хену.

— Вонъ та священная дѣвочка, которой богъ Аписъ передалъ небесный огонь,—говорила одна молодая египтянка съ голенькимъ черненькимъ мальчикомъ на плечѣ.

— Гдѣ?—спросила старая египтянка.

— Да вонъ прямо, плачетъ такъ.

— Да, да! Я помню, какъ она упала на колѣни передъ Аписомъ... Ахъ, какъ страшно было!

— А еще страшнѣе было, когда ее хотѣли принести въ жертву Нилу.

— Ахъ, да! Я никогда не забуду этого... Стоятъ это семь дѣвочекъ съ пучками зеленой пшеницы въ рукахъ...

— И съ цвѣтками лотоса,—поправила молодая египтянка.

— Да, да, и съ цвѣтками лотоса... И вдругъ Аписъ идетъ прямо на нихъ... Всѣ испугались...

— Только одна не испугалась, вотъ эта,—снова поправила молодая.

— Да, да, только одна не испугалась, вотъ эта... И Аписъ сталъ жевать ея пшеницу...

— А еще страшнѣе было, когда повезли ее на лодкѣ топить,—вмѣшалась третья египтянка.—Какъ грянетъ громъ...

— Это не громъ, — поправила и эту молодая египтянка: — это самъ Аммонъ-Ра, который поразилъ своего сына, бога Горуса, такъ и верховный жрецъ сказалъ.

— Да, да... И огонь Аммона-Ра растопилъ золотого Горуса, а дѣвочку вытащили изъ Нила.

Это говорили о Хену, которая шла за тѣломъ Лаодики и плакала. Отецъ, дѣйствительно, разсказалъ ей все о печальной судьбѣ дочери Пріама, говорилъ объ осадѣ Трои, объ единоборствѣ Гектора съ Ахилломъ, о смерти прекраснаго и мужественнаго брата Лаодики, о разореніи ея родного города, и впечатлительная дѣвочка всею душою полюбила ту, которую несли теперь въ храмъ Озириса. Еще недавно она видѣла ее живою, такую нѣжную и прекрасную, когда она, рядомъ вонъ съ той плачущей теперь царевной Нитокрисъ, возвращалась съ похоронъ Нофруры.

Въ толпѣ, слѣдовавшей за тѣломъ Лаодики, шли разнообразные толки о таинственной смерти несчастной чужеземной царевны. Молва объ этомъ событіи быстро облетѣла всѣ Ѳивы: убійство въ женскомъ домѣ фараона— да, это, дѣйствительно, событіе изумительное. Многіе придавали этому мистическое, сверхъестественное значеніе. Но женщины въ этомъ отношеніи болѣе проницательны, чѣмъ мужчины. Египтянки хорошо знали, какую роль въ жизни человѣческой играетъ чувство, особенно чувство женщины, существа, менѣе свободнаго въ дѣлѣ выбора привязанности, и оттого ревность ея является болѣе подавляющимъ чувствомъ, чѣмъ ревность мужчины.

— Ее непремѣнно убили изъ ревности,—говорила старая египтянка, качая головой какъ бы въ знакъ укоризны по адресу ревнивыхъ.

— Да, наша сестра не любитъ дѣлиться лакомымъ кускомъ, — соглашалась младшая съ ребенкомъ на плечѣ.

— Кто любитъ! а все жъ приходится дѣлиться.

— Но вотъ съ этой, съ чужеземной, не подѣлились.

— Охъ, дѣла, дѣла! и у самаго фараона не могутъ подѣлиться.

— Что жъ, и по-дѣломъ—не отбивай.

— Да кто тебѣ сказалъ, что она кого отбивала? Знаешь мужчинъ — иного не хотѣла бы, такъ самъ вяжется, пристаетъ. Можетъ, и съ ней такъ было.

— А какъ царевна-то плачетъ! такъ и разливается.

— Да, молоденькая еще—не зачерствѣла.

— Ну, не говори: вонъ какъ старуха разрывается.

— Она ее, говорятъ, на рукахъ выносила, какъ вонъ и ты же своего. Что жъ! боги и у насъ, старыхъ, не отнимаютъ сердца, и мы умѣемъ любить.

Между тѣмъ шедшіе за тѣломъ Лаодики Пилока и Инини нѣсколько иначе объясняли смерть несчастной дочери Пріама.

— Это дѣло рукъ Абаны,—говорилъ Пилока:—не хотѣлъ, чтобъ красавица досталась другому.

— Но какъ онъ могъ проникнуть въ женскій домъ?—возражалъ Инини.

— Да онъ, конечно, не самъ ее зарѣзалъ, а подкупилъ убійцу.

— Да, отъ него станется: такое грубое и высокомѣрное животное,— согласился Инини.—А какъ жаль! Такое прелестное существо, и боги не пощадили.

— Какъ не жаль! Вонъ и царевна Снатъ такъ плачетъ.

— А Пентауръ? Тотъ, говорятъ, разъяренъ, какъ левъ, на неизвѣстную убійцу.

— Но чей мечъ, которымъ ее зарѣзали? Говорятъ, дорогой мечъ.

— Да, вѣроятно, все того же Абаны.

— Но неужели же боги до того ослѣпили его, что онъ отдалъ убійцѣ свой мечъ? Вѣдь по этому мечу непремѣнно доберутся до него.

— Конечно: боги всегда ослѣпляютъ тѣхъ, кого хотятъ погубить. Такъ мы съ тобой и льва ослѣпили въ „долинѣ газелей“, а потомъ и убили его.

— Да, правда. Но мы еще не ослѣпили другого льва.

— Ослѣпимъ,—хотя для этого другого мало двухъ стрѣлъ.

— О, не безпокойся, мой другъ:— нашъ главный охотникъ говоритъ, что въ нашей облавѣ на льва примутъ участіе почти всѣ Ѳивы — главные совѣтники и казнохранители.

— А святые отцы?

— Конечно: это опытные псари и ловкіе стрѣльцы, хотя и стрѣляютъ не стрѣлами ядовитыми, а словами.

За внутренними пилонами храма Сераписа носилки съ тѣломъ Лаодики были поставлены на землю.

Прощанье съ невинной жертвой ревности было такъ же трогательно, какъ и прощанье съ Нофрурой; но только старая Херсе и Адирома, видѣвшіе когда-то Лаодику въ другой средѣ, среди иныхъ людей, могли чувствовать всю трагичность этого послѣдняго прощанія, послѣдняго цѣлованія.

Скоро бездыханное тѣло несчастной дочери Пріама скрылось за глухою дверью очистительной каморы.

XXIV.

Обыскъ и арестъ.

Надъ Ѳивами стояла ясная лунная ночь. Полный мѣсяцъ обливалъ молочнымъ свѣтомъ всю громаду колоссальныхъ храмовъ и дворцовъ царственнаго города фараоновъ, которые бросали отъ себя короткія, совершенно черныя тѣни. Особенно фантастичны были тѣни, которыя ложились у подножія колоссовъ Аменхотепа.

Тихо катившіяся струи Нила отражали въ себѣ длинную полосу растопленнаго серебра, а прибрежные гигантскіе тростники, казалось, о чемъ-то шептались, словно разсказывая другъ другу о томъ, что означалъ доносившійся по временамъ съ далекой отмели тихій плачъ крокодила, точно плачъ ребенка.

Въ эту позднюю пору, когда всѣ Ѳивы погружены были въ сонъ, къ дому стараго Пенхи приблизилась небольшая группа людей, на мѣдныхъ шлемахъ которыхъ и на остріяхъ копій отражался свѣтъ мѣсяца. Люди эти приблизились къ дому тихо, словно крадучись, и окружили его со всѣхъ сторонъ.

Скоро въ ворота кто-то громко застучалъ, и на стукъ раздался хриплый лай старой собаки Шази, любимицы маленькой Хену. Стукъ повторился еще сильнѣе.

— Кто тамъ стучитъ въ часы сна и покоя?—послышался голосъ старой рабыни, Аторъ.

— Именемъ его святѣйшества фараона, отоприте!—раздался повелительный возгласъ, въ которомъ можно было узнать голосъ Монтуемтауи.

— А кто смѣетъ говорить именемъ его святѣйшества? — отозвалась мужественная Аторъ, стараясь заставить умолкнуть лаявшую неистово собаку.

— Я, Монтуемтауи, хранитель казны фараона и предсѣдатель верховнаго судилища,—былъ отвѣтъ.

Старая Аторъ не откликалась больше, и только собака продолжала лаять и скребстись въ ворота.

Стукъ и лай собаки подняли на ноги весь домъ. Слышались голоса рабынь, стукъ отворявшихся и затворявшихся дверей. Въ одномъ окошкѣ дома показался огонь.

— Отоприте! или отвѣтите передъ лицомъ закона за сопротивленіе волѣ фараона!—снова повторилъ свое требованіе Монтуемтауи.

— Отпираю,—былъ отвѣтъ изнутри.

Запоръ щелкнулъ, и дверь растворилась. Это былъ Адирома, который вышелъ встрѣтить нежданныхъ гостей.

— Домъ Пенхи открытъ по слову его святѣйшества,—сказалъ Адирома, впуская во дворъ Монтуемтауи, носителя опахала Каро и нѣсколько вооруженныхъ воиновъ и мацаевъ.

Адирома былъ блѣденъ, но спокойно встрѣтилъ сыщиковъ.

Монтуемтауи, поставивъ у воротъ стражу, вмѣстѣ съ Каро и Адиромой вошелъ въ домъ. У порога ихъ встрѣтилъ старый Пенхи, лицо котораго было холодно, но съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія.

— Я открываю мой домъ силѣ, но не закону боговъ,—сказалъ онъ гордо:—гдѣ законъ?

— Вотъ онъ!—холодно отвѣчалъ Монтуемтауи, показывая перстень съ картушемъ фараона.

— А зачѣмъ фараонъ прислалъ въ мой домъ свои глаза и свои уши, и при томъ тогда, когда всѣ люди и звѣри вмѣстѣ съ богомъ Хормаху предаются покою?—спросилъ Пенхи.

— Такова его воля, а воля фараона—воля боговъ,—былъ отвѣтъ.

— Что же ищетъ фараонъ?—снова спросилъ Пенхи.

— То, что ты сотворилъ тайно на пагубу фараону.

— Что же именно?

— Восковыя изображенія,—грозно сказалъ Монтуемтауи:—я присланъ за ними—покажи ихъ.

— У меня нѣтъ того, что ты спрашиваешь,—отвѣчалъ Пенхи.

— Гдѣ же они?—спросилъ слѣдователь.

— Не знаю—спроси у боговъ,—былъ отвѣтъ.

Тогда Монтуемтауи и Каро, взявъ въ руки свѣтильники, начали обыскъ. Они тщательно перерыли весь домъ, осматривали каждый уголъ, каждую нишу. Въ одной глубокой продолговатой нишѣ, закрытой легкой завѣсой, они увидѣли спящую Хену. Свѣтъ отъ свѣтильни упалъ на прелестное личико дѣвочки, которая спала, разметавшись и подложивъ одну руку подъ голову. Улыбающіяся губки ея что-то шептали во снѣ. Свѣтъ заставилъ ее открыть глаза.

— Милое дитя, гдѣ восковыя изображенія?—ласковымъ голосомъ неожиданно спросилъ Монтуемтауи.

— Въ храмѣ богини Сохетъ, — отвѣчала не вполнѣ проснувшаяся дѣвочка.

Пенхи вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— А гдѣ дѣдушка? дѣдушка?—громко позвала Хену, приходя въ полное сознаніе.

— Я здѣсь, дитя,—отвѣчалъ Пенхи дрожащимъ голосомъ.

Хену вскочила съ своего ложа, стараясь натянуть на плечи сползшую на грудь рубашенку.

— Устами младенца возгласило божество,—сказалъ Монтуемтауи, отходя отъ ниши:—мы теперь знаемъ, гдѣ искать то, что мы ищемъ.

Хитрый царедворецъ и разсчитывалъ на то, что дѣвочка спросонокъ проговорится. Онъ и спросилъ ее неожиданно, хотя ласково, точно о самой обыкновенной вещи. И Хену, никѣмъ не предупрежденная, выдала тайну дѣда и отца. Она, впрочемъ, и не догадывалась объ ея важности и сопряженной съ нею опасности: ей сказали, что восковыя изображенія

дѣлались по повелѣнію божества, и она думала, что это такъ и должно быть. А для чего они изготовлялись — она не знала: „на великое и святое дѣло", говорилъ ей дѣдушка, и этого съ нея было довольно. Въ послѣдніе мѣсяцы съ дѣвочкой случилось столько непонятнаго, что она и не старалась въ немъ разбираться. Встрѣча съ Аписомъ во время процессіи въ день вѣнчанія на царство Рамзеса, испугъ Хену при видѣ наступавшаго на нее священнаго быка, эпитетъ „священной дѣвочки", приданный ей послѣ этого случая, ночное посѣщеніе храма богини Сохетъ, таинственный свѣтъ, исходившій во тьмѣ отъ изображенія этой богини, непонятная бесѣда съ ея жрецомъ, Ири, таинственное происшествіе въ алтарѣ богини: эта страшная змѣя, пожиравшая хорошенькую птичку, потомъ — изготовленіе восковыхъ боговъ и людей, наконецъ—эта послѣдняя процессія на берегу Нила, когда ее, Хену, бросили въ Нилъ, а въ это время разразился страшный громъ, отъ котораго со страху бѣжалъ самъ богъ Аписъ, а золотое изображеніе Горуса расплавилось отъ небеснаго огня,— все это спутало въ головѣ дѣвочки представленія о понятномъ и непонятномъ, о томъ, что естественно и что выходило за предѣлы естественнаго и возможнаго. Вѣроятно, все такъ и должно было быть, думалось ей. Она видѣла только, что ей предназначено было играть какую-то роль въ томъ, что совершалось вокругъ нея; а что это было такое — объ этомъ зналъ дѣдушка, а дѣдушка, даже при отцѣ, былъ для нея—все: она выросла на его рукахъ.

— Нить найдена,—сказалъ Монтуемтауи, отведя Каро въ сторону:— теперь надо добираться до клубка.

— Я такъ и подозрѣвалъ, что клубокъ въ рукахъ святыхъ отцовъ,— тихо сказалъ носитель опахала.

— И я то же думалъ, да ихъ трудно взять,—отвѣчалъ на это Монтуемтауи:—они прячутся за спины божества.

Послѣ этого, онъ тотчасъ же приказалъ всѣмъ собираться.

— И ты, милая дѣвочка, пойдешь съ нами,— сказалъ онъ, глядя на Хену, которая теперь стояла съ широко раскрытыми глазами.

— Куда?—спросила она.

— Куда зовутъ тебя боги,—отвѣчалъ Монтуемтауи.

— И съ дѣдушкой?

— Да, и съ дѣдушкой, и съ отцомъ,—отвѣчалъ коварный слѣдователь, ласково улыбаясь.

— А няня Аторъ?

— Это старая рабыня?

— Да, добрая Аторъ.

— И она пойдетъ съ нами.

— А другія рабыни?

— Тѣ пока останутся здѣсь, милое дитя.

Наивные вопросы дѣвочки, видимо, забавляли суроваго судью, и онъ любовался прелестнымъ, смѣлымъ ребенкомъ, который такъ много помогъ

имъ въ ихъ дѣлѣ. Старый слуга фараоновъ готовъ былъ расцѣловать ее.

Оставивъ караулъ при домѣ Пенхи, слѣдователи вмѣстѣ со своими арестантами и небольшимъ конвоемъ отправились на другую сторону Нила, на западную, гдѣ расположены были дворцы фараоновъ.

Ночь была все та же — ясная, лунная. Мѣсяцъ стоялъ въ зенитѣ и освѣщалъ спящій городъ и Ливійскій хребетъ фантастическимъ свѣтомъ. Всѣ шли молча, какъ бы очарованные таинственностью тропической ночи.

— Дѣдушка!—заговорила вдругъ Хену, держась за руку дѣда:—богъ Аписъ спитъ теперь?

— Не знаю, дитя,— отвѣчалъ Пенхи, сжимая маленькую ручку дѣвочки,— вѣроятно спитъ.

— Вамъ нельзя теперь разговаривать другъ съ другомъ, милая, — остановилъ Монтуемтауи Хену, положивъ ей руку на плечо.

— Отчего нельзя?—удивилась дѣвочка.

— Васъ раздѣляетъ теперь божество, — уклончиво отвѣчалъ Монтуемтауи.

— Нѣтъ, не раздѣляетъ,—наивно возразила Хену: — меня дѣдушка держитъ за руку.

Монтуемтауи невольно разсмѣялся. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, потому что порученное ему Рамзесомъ слѣдствіе началось такъ удачно, что обѣщало скорую развязку, а потому наивная болтовня Хену только забавляла его. При томъ же онъ надѣялся узнать отъ этой болтливой дѣвочки еще что-нибудь посущественнѣе. Надо только ласковѣе обращаться съ ней, не запугивать: маленькая заговорщица сама шла въ пасть крокодила, словно птичка въ силокъ.

— А съ отцомъ можно разговаривать?—спросила она.

— Съ отцомъ можно, — отвѣчалъ Монтуемтауи, стараясь не разсмѣяться.

— А отчего же съ дѣдушкой нельзя?

— Теперь можно и съ дѣдушкой.

Монтуемтауи махнулъ рукой. Онъ видѣлъ, что болтунью не остановишь, а, между тѣмъ, своей болтовней она могла выдать что-нибудь важное для дѣла.

— О чемъ же ты хочешь говорить съ дѣдушкой?—самъ заговорилъ Монтуемтауи.

— О мѣсяцѣ,—она указала на блестящій дискъ луны.—Онъ тоже богъ?

— Богъ,—отвѣчалъ Монтуемтауи, совсѣмъ не того ожидавшій.

— Отчего же онъ не всегда круглый? Вонъ солнце — оно всегда круглое.

— И мѣсяцъ всегда круглый, а только его иногда нельзя всего видѣть.

— Отчего?—не унималась Хену.

— Оттого, что, когда онъ не весь виденъ, то значитъ, что онъ прикрытъ завѣсой бога Себа, который есть сынъ бога Шу и внукъ бога Ра, а самъ есть отецъ Озириса.

— Зачѣмъ же онъ прикрываетъ его своей завѣсой, этотъ богъ Себъ?

— А чтобы онъ шелъ на покой, и когда его не видно совсѣмъ, то значитъ—онъ на покоѣ; а солнце—богъ Ра—отходитъ на покой ночью, съ вечера до утра.

— А! понимаю, понимаю, — радостно заговорила Хену: — значитъ, когда солнце спитъ, тогда мѣсяцъ долженъ не спать и стеречь землю, какъ наша собака Шази.

И Монтуемтауи, и Каро не могли не разсмѣяться при этомъ сопоставленіи мѣсяца съ дворовою собакою.

— Вѣрно, вѣрно,—согласился Монтуемтауи.

— А кто же стережетъ землю, когда мѣсяцъ спитъ?—снова допытывалась Хену.

— Тогда стерегутъ звѣзды.

— А звѣзды—кто онѣ?

— Звѣзды—дѣти бога Ра, внучки бога Пта, какъ ты—внучка Пенхи.

Но вотъ и дверецъ Рамзеса.

XXV.

Показанія „священной дѣвочки".

Утромъ начались допросы. Это уже было новое слѣдствіе—слѣдствіе объ обширномъ придворномъ заговорѣ на жизнь самого фараона Рамзеса. Новое дѣло какъ бы вытекало изъ дѣла объ убійствѣ Лаодики. Слѣдственные чины оставались прежніе, только отсутствовалъ Хора, знаменоносецъ гарнизона, да къ прежнимъ судьямъ, по повелѣнію Рамзеса, было придано еще нѣсколько приближенныхъ совѣтниковъ.

На предварительномъ совѣщаніи рѣшено было прежде всѣхъ допросить маленькую Хену, которая, по дѣтской наивности, могла выдать многое, чего нельзя было бы добиться отъ опытныхъ подсудимыхъ. Она могла навести на слѣдъ—дать новыя нити въ руки. Поэтому на ночь она помѣщена была отдѣльно отъ отца и дѣда вмѣстѣ съ одною изъ служительницъ женскаго дома, на которую не падало никакого подозрѣнія.

Эта женщина и поставила маленькую заговорщицу предъ верховное судилище. Дѣвочка, очутившись въ обширной палатѣ передъ сонмомъ чиновниковъ, сначала смутилась-было, но, когда къ ней подошелъ Монтуемтауи и съ ласковой улыбкой потрепалъ ее по пухленькой смуглой щечкѣ, Хену, по природѣ смѣлая, сразу пріободрилась. Ее уже ничто особенно не поражало: она знала только, что „такъ должно быть", а къ чему все это—она не задавалась этимъ замысловатымъ вопросомъ.

— Ты знаешь, милое дитя, чье это изображеніе?—спросилъ Монтуемтауи, показывая на статую Озириса.

— Знаю, это богъ Озирисъ, — бойко отвѣчала Хену:—его дѣдушка сдѣлалъ изъ воску.

Судьи переглянулись.

— Такъ онъ и воскового Озириса сдѣлалъ? — поторопился спросить Монтуемтауи, многозначительно взглянувъ на товарищей-судей,

— Да, и его сдѣлалъ—очень похоже.

— А для чего, милая?

— Для великаго и святого дѣла.

— Для какого же именно?

— Не знаю, для великаго и святого.

Судьи снова переглянулись. Они поняли, что дѣвочка едва ли знала что-либо о сути и цѣли заговора.

Монтуемтауи сѣлъ на предсѣдательское мѣсто и началъ формальный допросъ.

— Ты умная и хорошая дѣвочка, Хену, — сказалъ онъ съ прежнею ласковостью:—предъ лицомъ великаго Озириса ты должна говорить только правду, о чемъ бы тебя ни спросили. Будешь говорить правду?

— Буду,—отвѣчала маленькая подсудимая:—дѣдушка не велѣлъ мнѣ никогда говорить неправду. Онъ всегда говорилъ: никогда не лги—всегда говори правду; если же почему-нибудь не можешь сказать правду,—смолчи, но никогда не лги.

Судей невольно подкупала эта наивная, бойкая рѣчь прелестной дѣвочки, которая всѣхъ очаровала.

— Твой дѣдушка хорошій человѣкъ, что такъ училъ тебя,—сказалъ Монтуемтауи:—оттого и ты вышла такая хорошая дѣвочка.

Хену была польщена въ своемъ дѣтскомъ тщеславіи и теперь готова была болтать безъ конца.

— Я священная дѣвочка,—сказала она со скромностью, за которой звучала плохо скрытая гордость.

— Да?.. священная?—выразилъ на своемъ лицѣ притворное удивленіе предсѣдатель суда.

— Да... Мнѣ богъ Аписъ глядѣлъ въ глаза во время процессіи.

— Правда: это тогда, когда онъ отдавалъ тебя въ жертву Нилу?—спросилъ Монтуемтауи.

— Да, и тогда, и еще раньше, когда фараонъ вѣнчался на царство: я упала предъ нимъ на колѣни, а онъ глянулъ мнѣ въ глаза... Я не испугалась... И тогда мнѣ сказали, что я священная дѣвочка.

— Такъ, такъ,—подуськивалъ Монтуемтауи.—Скажиже теперь, священная дѣвочка, какъ и для чего твой дѣдушка дѣлалъ боговъ изъ воску?

— Онъ и фараона сдѣлалъ,—поправила Хену.

— И фараона?

— Да... Мы разъ вечеромъ пришли съ дѣдушкой въ храмъ богини Сохеть... У нея огненные глаза... А верховный жрецъ повелъ насъ къ себѣ...

— Жрецъ Ири?

— Да, онъ,—такой добрый.

— Ну? а потомъ?

— Потомъ онъ облачился, взялъ въ руки систръ и повелъ насъ въ храмъ... Тамъ змѣя съѣла птичку... Я эту птичку сама ей отдала—жрецъ велѣлъ... А мнѣ ее такъ было жаль.... А змѣя такая страшная.

Хену даже вздрогнула.

— А дальше что было?—допрашивалъ Монтуемтауи.

— Дальше — жрецъ отрѣзалъ священнымъ ножомъ огромный кусокъ воску отъ свѣчи богини и велѣлъ дѣдушкѣ сдѣлать изъ этого воску боговъ.

— А фараона?

— Фараона онъ велѣлъ сдѣлать изъ простого воску.

Судьи опять молча переглянулись.

— Я и свѣчу богини задула—жрецъ велѣлъ,—продолжала Хену:—а потомъ жрецъ далъ мнѣ цвѣтокъ лотоса.

— И дѣдушка сдѣлалъ изъ воску боговъ и фараона?

— Сдѣлалъ—очень хорошо.

— А потомъ?

— Потомъ ночью отнесъ ихъ въ храмъ богини Сохетъ.

— Зачѣмъ?

— Для великаго и святого дѣла.

Больше отъ нея ничего нельзя было добиться. Она знала только внѣшнюю сторону дѣла; но и то, что она открыла, было очень важно для суда. Судьи теперь знали, что заговоромъ руководилъ верховный жрецъ богини Сохетъ, лукавый Ири, а что изготовленіе волшебныхъ фигуръ изъ воска принялъ на себя старый Пенхи; царица Тіа и царевичъ Пентауръ были тѣ лица, въ пользу коихъ совершался преступный заговоръ.

— А отецъ твой дѣлалъ боговъ?—спросилъ далѣе Монтуемтауи послѣ непродолжительнаго раздумья.

— Нѣтъ, онъ не дѣлалъ... Онъ недавно воротился изъ Трои, гдѣ былъ въ плѣну... Онъ тамъ на рукахъ носилъ Лаодику, когда она была маленькая.—Потомъ, какъ бы желая похвастаться, Хену сказала: — и я дѣлала боговъ изъ воску.

— Ты, дитя?

— Да, вмѣстѣ съ дѣдушкой... Я разминала воскъ въ рукахъ—такъ велѣлъ верховный жрецъ.

— А кто бывалъ у дѣдушки, когда онъ дѣлалъ боговъ?—снова спросилъ Монтуемтауи.

— Приходилъ Бокакамонъ изъ женскаго дома, жрецъ Имери, совѣтники Пилока и Инини... Многіе приходили.

— Кто жъ еще?

— Не помню... забыла.

— А о чемъ они говорили съ дѣдушкой?

— О великомъ крокодилѣ Египта. Они говорили, что его надо прежде ослѣпить, а потомъ убить.

— Какой же это великій крокодилъ Египта?

— Не знаю... Должно быть тотъ, что плачетъ по ночамъ... Онъ еще съѣлъ одну мою знакомую дѣвочку — она играла на берегу Нила, у самой воды.

— А о фараонѣ говорили?

— И о фараонѣ говорили.

— Что же именно, припомни, дѣвочка хорошая, — вѣдь тебя зовутъ Хену?

— Да, Хену.

— Припомни же, милая Хену, что они говорили о фараонѣ?

— Они говорили, что его наказалъ Аммонъ-Ра, что Аммонъ-Ра сердитъ на фараона—отнялъ у него любимую дочь, Нофруру, что Нилъ не принялъ его жертвы.

— А говорили, за что на него сердитъ Аммонъ-Ра?

— За то, что онъ молился чужому богу—еврейскому, и хочетъ еврейку Изиду сдѣлать царицей.

Показанія Хену принимали болѣе опредѣленный характеръ; ясно было, что предметомъ заговора былъ самъ фараонъ Рамзесъ, что его подозрѣваютъ въ измѣнѣ богамъ Египта; а это подозрѣніе могло исходить, конечно, отъ жрецовъ; они же и руководители заговора. А Бокакамонъ? Онъ довѣренное лицо царицы. Тіа, видимо, ревнуетъ фараона къ Изидѣ, къ красавицѣ еврейкѣ... И здѣсь женская ревность. Теперь понятными становились смутныя показанія Аталы, тоже изъ ревности зарѣзавшей Лаодику: она прямо называла и Тіу, и Пентаура... Несомнѣнно, Пентаура прочили, вмѣсто отца, на престолъ фараоновъ.

Въ воображеніи Монтуемтауи да и всѣхъ остальныхъ судей рисовалась теперь картина обширнаго государственнаго заговора. Допросы и показанія Пенхи, Адиромы, Бокакамона, жрецовъ Ири и Имери, совѣтниковъ Пилока и Инини должны, конечно, указать на массу другихъ лицъ, участвующихъ въ заговорѣ. Но какъ привлечь къ допросу царицу? Ее долженъ допросить самъ фараонъ.

XXVI.

Египетскія казни.

Послѣдствія подтвердили вѣрность предположеній Монтуемтауи и его товарищей по суду.

Заговоръ принималъ угрожающіе размѣры, и если бъ роковая смерть Лаодики не обнаружила самаго мельчайшаго зерна въ этомъ дѣлѣ — участія въ заговорѣ Аталы, то въ Египтѣ совершился бы кровавый переворотъ.

Слѣдствіемъ было раскрыто, что сторону царицы Тіи и старшаго царевича Пентаура приняли высшіе сановники земли фараоновъ и многіе изъ военачальниковъ. Рѣшено было или убить Рамзеса, или извести его съ по-

мощью колдовства, посредствомъ восковыхъ изображеній, которыя изготовилъ Пенхи изъ воску священной свѣчи богини Сохетъ, по благословенію ея верховнаго жреца Ири.

Заговоромъ руководилъ Бокакамонъ съ двумя помощниками по управленію женскимъ домомъ, или гаремомъ фараона. Въ число заговорщиковъ вступили: семь ближайшихъ совѣтниковъ Рамзеса, семь писцовъ, семь землемѣровъ женскаго дома, четыре военачальника, изъ нихъ одинъ вождь гарнизона столицы фараоновъ, вождь иноземнаго легіона Куши, Банемусъ, сестра котораго была наперсницею Тіи, одинъ государственный казнохранитель, два верховныхъ жреца, знаменоносецъ гарнизона Ѳивъ и смотритель стадъ фараона. Все это были самыя вліятельныя лица въ государствѣ. Надо замѣтить, что совѣтники, „абенпирао", стояли у самаго кормила правленія; они были ближе къ фараону, чѣмъ „великіе князья" или намѣстники царя въ областяхъ; такимъ „абенпирао" былъ когда-то еврей Іосифъ, сынъ Іакова. „Писцы" также играли важную роль въ управленіи Египтомъ: это были ученые законники, имѣвшіе огромное вліяніе на народъ.

Такимъ образомъ все, казалось, готово было обрушиться на Рамзеса, и только смерть прелестной дочери Пріама открыла глаза фараону.

Главныхъ заговорщиковъ постигла страшная казнь. Сохранился папирусъ, находящійся нынѣ въ Туринѣ и прочитанный французскимъ ученымъ, Th. Deveria: „Le papyrus judiçiaire de Turin", на которомъ записанъ былъ судебный приговоръ по дѣлу нашихъ героевъ—царицы Тіи, царевича Пентаура, Бокакамона и ихъ соумышленниковъ.

Приговоръ, между прочимъ, гласитъ слѣдующее:

„Сіи суть люди (это заговорщики), которые приведены были за великое свое преступленіе предъ сѣдалище правосудія, чтобы быть судимыми казнохранителемъ Монтуемтауи, казнохранителемъ Панфроуи, носителемъ опахала Каро, совѣтникомъ Пибесатъ, писцомъ канцеляріи Маи и др., и которые были судимы и найдены виновными, и къ которымъ примѣнили наказаніе, дабы искуплено было ихъ преступленіе:

„Главный виновникъ—Бокакамонъ. Онъ былъ управляющимъ домомъ. Онъ былъ приведенъ за фактическое соучастіе въ дѣяніяхъ госпожи Тіи и женщинъ гаремнаго дома. Онъ съ ними заключилъ клятвенный союзъ и переносилъ ихъ словесныя порученія изъ дома къ ихъ матерямъ и сестрамъ, съ цѣлью уговаривать людей и собирать противниковъ, чтобы совершить злодѣяніе противъ ихъ господина (Рамзеса). Поставили его передъ старѣйшими судилища, и они нашли его виновнымъ въ томъ, что онъ таковое дѣлалъ, и онъ былъ совершенно уличенъ въ своемъ преступленіи. Судьи примѣнили къ нему наказаніе. Они положили его на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, передъ судилищемъ. Онъ умеръ самъ".

Какой это родъ казни—Бругшъ-бей не объясняетъ, равно не объяснилъ его и Деверія. Бругшъ-бей по-нѣмецки переводитъ текстъ папируса такъ: „Sie legten ihn nieder, wo er stand. Er starb von selber". Совер-

тенно непонятно! Неужели долженъ былъ самъ себя убить обвиненный? Но какъ? чѣмъ?

А вотъ приговоръ, постигшій другихъ нашихъ знакомыхъ, Пилока и Инини, которые такъ ловко убили въ „долинѣ газелей“ страшнаго льва, предварительно ослѣпивъ его, и хвалились, что такимъ же способомъ покончатъ и съ Рамзесомъ:

„Главный виновникъ—Пилока. Онъ былъ совѣтникомъ и писцомъ казнохранилища. Онъ былъ приведенъ за фактическое соучастіе за Бокакамона. Онъ слушалъ его сообщенія, не донося о томъ. Онъ былъ поставленъ передъ старѣйшими судилища; они нашли его виновнымъ и положили на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Онъ умеръ самъ.

„Главный виновный—ливіецъ Инини. Онъ былъ совѣтникомъ. Онъ былъ приведенъ за фактическое соучастіе за Бокакамона. Онъ слушалъ его сообщенія, не донося о томъ. Поставили его передъ старѣйшими судилища. Они нашли его виновнымъ. Они положили его на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Онъ умеръ самъ“.

Братъ наперсницы Тіи, вождь иноземнаго легіона, Банемусъ, погибъ тою же ужасною смертью. Папирусъ говоритъ о немъ:

„Главный виновный—Банемусъ. Онъ былъ вождемъ иноземнаго легіона Куши (Еѳіопіи). Онъ былъ приведенъ за посланіе, полученное имъ отъ отъ сестры его, которая была на службѣ въ женскомъ домѣ, чтобы онъ уговаривалъ людей, которые были противниками царя: — „иди, соверши злодѣяніе противъ господина своего“. Онъ былъ поставленъ предъ судилище. Его судили и признали его вину. Они положили его руками своими, гдѣ онъ стоялъ. Онъ умеръ самъ“.

И верховныхъ жрецовъ Ири и Имери не спасли ихъ божества — перваго богиня Сохетъ, второго—богъ Хормаху. „Судьи положили ихъ руками своими, гдѣ они стояли. Они умерли сами“.

Та же участь постигла и царевича Пентаура: вмѣсто вѣнцовъ обоихъ Египтовъ, Верхняго и Нижняго, и вмѣсто любви Лаодики, которую онъ погубилъ своимъ вниманіемъ, возбудивъ ревность Аталы, старшій сынъ Рамзеса не удостоился даже погребенія.

Самыя тяжкія обвиненія обрушились на старую голову дѣдушки Хену—на Пенхи. Приговоръ надъ нимъ сохранился на двухъ клочкахъ папирусовъ, попорченныхъ временемъ, на папирусахъ Lee и Rollin.

Сохранившійся отрывокъ папируса Lee гласитъ: „... всѣмъ людямъ этого мѣста, въ которомъ я (кто это я?) пребываю, и всѣмъ жителямъ земли“. Тогда говорилъ къ нему Пенхи, бывшій смотрителемъ стадъ: „Если бы я только имѣлъ писавіе, которое давало бы мнѣ крѣпость и силу“. Тогда онъ (кто онъ? Бокакамонъ? или жрецъ Ири? или Имери?) далъ ему писаніе изъ книжныхъ свертковъ Рамзеса III, великаго бога, господина его. Тогда на него нашло божественное волшебство, очарованіе для людей. Онъ проникъ до женскаго дома и въ другое то великое и глубокое мѣсто. Онъ создалъ человѣческія фигуры изъ воска, имѣя намѣ-

реніе, чтобы онѣ были внесены рукою Адиромы, чтобы совратить одну изъ служанокъ и чтобы навести очарованіе на другихъ. Внесены были нѣкоторые разговоры, вынесены были другіе. Тогда, однако, былъ онъ взятъ къ допросу ради ихъ разговоровъ, и открылось тогда его участіе во всякой злобѣ и всякихъ дурныхъ дѣлахъ, которыя онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать. И все оказалось правдою, что онъ все это сдѣлалъ въ союзѣ съ другими главными виновными, которые, какъ и онъ, были безъ бога и безъ богини. Это были тяжкія, смерти достойныя преступленія и тяжелые грѣхи на землѣ, которые онъ содѣлалъ. Онъ былъ обличенъ въ этихъ тяжелыхъ, смерти достойныхъ преступленіяхъ, кои онъ совершилъ. Онъ умеръ самъ. Ибо старѣйшины, которые были передъ нимъ, познали, что онъ долженъ умереть самъ отъ себя (von selber по Бругшъ-бею), съ другими главными виновными, которые, какъ и онъ, безъ бога солнца Ра были, сообразно тому, какъ таковое высказали священныя писанія, что съ нимъ совершиться должно". Темный переводъ папируса!

Въ отрывкѣ же папируса Роллена приговоръ надъ дѣдушкой Хену переданъ такъ:

„Онъ (Пенхи) сдѣлалъ нѣкоторыя магическія писанія, чтобы отвратить бѣдствіе; онъ сдѣлалъ нѣкоторыхъ боговъ изъ воска и нѣкоторыя человѣческія фигуры, чтобы обезсилить одного человѣка (Рамзеса?) и отдалъ ихъ въ руки Бокакамона, безъ позволенія на совершеніе сего отъ бога Ра ни ему, управляющему домомъ, ни другимъ главнымъ виновнымъ, ибо онъ (жрецъ Ири, передавшій фигуры Бокакамону) говорилъ: „да возможете вы проникнуть симъ, дабы вы пріобрѣли основаніе въ нихъ проникнуть". И такъ онъ пробовалъ привести въ исполненіе постыдныя дѣла, которыя онъ приготовлялъ, но солнечный богъ Ра не разрѣшилъ имъ исполниться. Его взяли къ допросу, и открыта была сущность дѣла, состоящая изъ разныхъ преступленій и всякихъ дурныхъ дѣлъ, которыя сердце его изобрѣло, чтобы исполнить ихъ. И это была истина, что все это онъ имѣлъ намѣреніе исполнить въ союзѣ съ главными виновными, которые были какъ и онъ. И было этими тяжкими, смерти достойными преступленіями и тяжкими злобами для земли то, что онъ сдѣлалъ. Но они (судьи) познали тяжкія, смерти достойныя преступленія, которыя онъ содѣлалъ. Онъ умеръ самъ" *).

Подобная участь постигла болѣе тридцати сановниковъ. Менѣе важные преступники подверглись сравнительно легкой карѣ: имъ отрѣзаны были носы и уши.

Но главная виновница заговора—Тіа?

Ученые законники Египта не нашли въ „священныхъ книгахъ" указанія, какой казни должна была подвергнуться царица. Надо было обратиться къ богамъ.

*) „Лѣтописи и памятники древнихъ народовъ. Египетъ Исторія фараоновъ" Бругша. Переводъ І. К. Властова. Спб. 1880 г., стр. 582—584. Языкъ переводовъ Бругшъ-бея очень теменъ; не яснѣе и языкъ г. Властова.

Истолкователемъ воли боговъ явился верховный жрецъ Аммона-Горуса, всемогущій Аммонъ-Мерибастъ.

— Кто тебѣ была провинившаяся предъ тобою женщина?—спросилъ Рамзеса великій жрецъ.

— Она была моя жена,—отвѣчалъ фараонъ.

— Ея дѣти—чьи созданія?—продолжалъ Аммонъ-Мерибастъ.

— Мои,—былъ отвѣтъ.

— И они также и ея: ихъ плоть—ея и твоя плоть, ихъ душа—ея и твоя душа?

Рамзесъ согласился.

— И ты намѣренъ лишить ее жизни, изгнать изъ нея душу въ пустыни Ливіи?—продолжалъ жрецъ.

— Да, я хочу ее казнить,—упрямо отвѣчалъ Рамзесъ.

— Но въ ней частица твоей души—ты передалъ ей свою душу, соединяясь съ ней: какъ же изгонишь ты и свою душу въ пустыни Ливіи?—допрашивалъ жрецъ.

Рамзесъ не зналъ, что отвѣчать.

— Что же мнѣ дѣлать, святой отецъ?—спросилъ онъ смиренно.

— Отдать ее на волю боговъ,—отвѣчалъ Аммонъ-Мерибастъ.

— Какъ же? оставить ее свободной?

— Нѣтъ, пусть злые боги сами вынутъ изъ нея душу и бросятъ въ пустыни Ливіи, гдѣ бродятъ только львы и шакалы: пусть и она бродитъ вѣчно.

— Какъ же это сдѣлать?

— Замуровать ее живою.

Глаза Рамзеса сверкнули радостной злобой.

— О! я это исполню: я прикажу вырубить въ моемъ погребальномъ Рамессеумѣ обширный склепъ для нея,—заговорилъ онъ быстро:—этотъ склепъ я велю вырубить рядомъ со склепомъ моей дорогой Нофруры... Пусть она бьется головой въ своей могилѣ о стѣны, о гранитъ, пусть стонетъ тамъ такъ, чтобы стоны эти слышала ея родная дочь, моя дорогая Нофрура! О, я исполню волю боговъ!

Когда исполнилось семьдесятъ „дней плача“ послѣ смерти Лаодики и ея стройненькую, обвитую богатыми тканями мумію торжественно хоронили въ царственномъ склепѣ Рамзеса III, рядомъ со склепомъ его любимой дочери Нофруры, среди печальнаго погребальнаго пѣнія жрецовъ слышны были иногда глухіе стоны, исходившіе изъ одного мѣста гранитныхъ стѣнъ усыпальницы фараона. Это были стоны Тіи, замурованной царицы Египта.

Скоро Рамзесъ женился на прекрасной хеттеянкѣ-еврейкѣ Изидѣ, родное имя которой было Хемароцатъ, и свѣтло-каштановая правнучка Аарона сдѣлалась царицею Египта.

Безутѣшная Нитокрисъ долго оплакивала замурованную мать, сестру и сиротку Лаодику.

Любимицей и наперсницей ея стала маленькая Хену, тоже осиротѣвшая: въ женскомъ домѣ фараона всѣ полюбили эту „священную дѣвочку“.

Старая Херсе до самой смерти оплакивала свою питомицу—„богоравную дочь Пріама“, и съ любовью вспоминала о своей бывшей неволѣ—о жизни въ Троѣ до ея грустнаго конца.

XXVII.

Эпилогъ.

Лѣтомъ 1881 года я посѣтилъ Египетъ.

Послѣ восхожденія на пирамиду Хеопса, съ вершины которой я долго созерцалъ разстилавшееся передъ моими очарованными глазами это мрачное „поле пирамидъ“ и мутный Нилъ съ исполинскими стволами пальмъ, а взволнованная мысль моя, казалось, переживала безконечныя тысячелѣтія удивительной исторіи этой удивительной страны, этой колыбели знаній послѣдующихъ поколѣній человѣчества,—я, послѣ того, посѣтилъ и египетскій музей, что въ Булакѣ, подъ Каиромъ.

Директоръ этого музея, знаменитый египтологъ Масперо, только что воротился изъ своей ученой экскурсіи, изъ Верхняго Египта, гдѣ онъ открылъ гробницы фараоновъ и ихъ муміи, въ томъ числѣ муміи Рамзеса II Сезостриса и Рамзеса III Рампсинита. При мнѣ эти драгоцѣнныя сокровища разставлялись въ музеѣ и приводились въ порядокъ.

Меня сопровождалъ по музею одинъ изъ второстепенныхъ помощниковъ Масперо, родомъ грекъ, любезно показывая мнѣ все достопримѣчательное и объясняя непонятныя для меня гіероглифическія изображенія.

— А это—самая драгоцѣнная для насъ, современныхъ потомковъ Перикла, реликвія,—сказалъ онъ, останавливаясь передъ изящнымъ саркофагомъ изъ порфира.

— Почему же?—спросилъ я.

— Въ этомъ саркофагѣ покоится тѣло Лаодики, одной изъ дочерей Пріама,—отвѣчалъ грекъ.

— Какъ! какимъ образомъ?—не довѣрялъ я.

Г. Масперо, открывъ гробницы Рамзесовъ, нашелъ въ ихъ усыпальницѣ этотъ саркофагъ съ муміею Лаодики, а недалеко отъ нея, въ замурованномъ склепѣ, скелетъ царицы Тіи, первой жены Рамзеса III.

Онъ приказалъ служителямъ приподнять крышку съ саркофага, и я увидѣлъ тамъ мумію.

— Почему же вы знаете, что это Лаодика?—спросилъ я съ недовѣріемъ.

— Это говоритъ папирусъ, который г. Масперо нашелъ на груди муміи,—отвѣчалъ грекъ.

Я долго смотрѣлъ на это почернѣвшее высохшее тѣло, обвитое темными, какъ бы просмоленными тканями... Столько вѣковъ пролетѣло надъ нимъ!

И это Лаодика, „миловиднѣйшая дщерь Пріама и Гекубы", какъ называлъ ее Гомеръ:—это сестра Гектора, Париса, Кассандры!...

Въ какомъ-то благоговѣйномъ умиленіи я думалъ: „что мнѣ Гекуба и что я Гекубѣ", но меня душили невыплаканныя слезы, и я готовъ былъ разрыдаться.

Я поспѣшилъ уйти изъ музея.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ. СТР.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

АВАНТЮРИСТЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Томъ XXIV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 декабря 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб. Фонтанка 95

I.

Доносъ.

Лѣтомъ 1783 года, князь Потемкинъ, слѣдуя изъ Петербурга въ только что пріобрѣтенный отъ Турціи Крымъ, заѣхалъ въ гости къ Зоричу, бывшему фавориту „Семирамиды Сѣвера", въ знаменитый Шкловъ, подаренный ему императрицею.

Зоричъ съ величайшими почестями принялъ могущественнаго временщика въ своемъ роскошномъ дворцѣ, въ которомъ три года тому назадъ онъ принималъ коронованныхъ гостей—императрицу Екатерину Алексѣевну и австрійскаго императора Іосифа II. Потемкинъ, для котораго Зоричъ уже пересталъ быть соперникомъ, своею любезностью старался показать, что все прошлое забыто.

Высокому гостю отведены были тѣ именно комнаты, въ которыхъ останавливалась Екатерина, и онъ скоро отправился на свою половину, чтобы отдохнуть съ дороги послѣ представленія мѣстныхъ властей. Видъ изъ отведенныхъ ему аппартаментовъ былъ великолѣпный: подъ горою, на которой стоялъ дворецъ, протекалъ Днѣпръ, широкою лентою разстилавшійся вправо и влѣво и исчезавшій за далекими гористыми берегами; за Днѣпромъ темнѣлъ зеленый боръ, и дымчатая даль терялась въ безконечности. Во всемъ ландшафтѣ было что-то тихое, успокоивающее.

— Нѣтъ, мнѣ бы этого не довольно было послѣ всего того, что было,—какъ бы про себя сказалъ князь, задумчиво стоя у окна.—А можетъ, онъ ждетъ еще, надѣется... Напрасно! Я знаю ее: вонъ съ глазъ — вонъ изъ сердца... Орловъ, Понятовскій, Зоричъ и другіе—давно забыты... Одинъ я держусь...

Онъ отошелъ отъ окна и хотѣлъ позвонить, какъ въ комнату вошелъ дежурный адъютантъ.

— Ты что?—спросилъ князь.

— Какой-то еврей проситъ аудіенціи у вашей свѣтлости,— отвѣчалъ адъютантъ.

— Что ему нужно?

— Не говоритъ, ваша свѣтлость.

— Такъ прогнать его, если не хочетъ сказать.

— Онъ говоритъ, что имѣетъ сообщить, и только лично вашей свѣтлости, величайшую тайну, государственной важности, говоритъ.

— Какую-нибудь кляузу.

— Не могу знать, ваша свѣтлость... Клянется и дрожитъ весь.

— Ну, пусть войдетъ.

Адъютантъ вышелъ, а черезъ минуту въ дверяхъ показался старый еврей, съ длинными пейсами. Онъ робко поклонился, чуть не до земли, и, словно по горячимъ угольямъ, сдѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ.

— Ты что хотѣлъ сообщить мнѣ?—спросилъ князь.

Еврей вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, торопливо пошарилъ въ немъ и дрожащими руками подалъ князю сторублевую ассигнацію.

— Что это?—спросилъ Потемкинъ, брезгливо отстраняясь отъ бумажки.

— Ассигнація, ваша пресвѣтлость.

— Что жъ изъ того, что ассигнація?

— А узнаетъ ваша свѣтлость—настоящая она, или фальшивая?

Потемкинъ взялъ бумажку и сталъ ее внимательно разсматривать.

— Это настоящая,—сказалъ онъ, наконецъ: — вотъ и подписи сенаторовъ, и знаки.

Еврей болѣе смѣлыми шагами подошелъ къ князю.

— Ну, что же тутъ?—спросилъ послѣдній.—Покажи, гдѣ фальшь?

— Изволь, ваша пресвѣтлость, прочесть слово „ассигнація".

Потемкинъ поднесъ бумажку къ глазамъ.

— Ну, что-жъ! ясно напечатано: „ассигнація".

Еврей лукаво улыбнулся и смѣло посмотрѣлъ въ глаза всесильному вельможѣ: онъ понялъ, что заинтересовалъ его таинственностью.

— И мнѣ казалось, что ясно, ваша пресвѣтлость,—улыбнулся еврей:— а вотъ на тысячу серебряныхъ карбованцевъ меня и раззорили на этихъ бумажкахъ.

— Гдѣ же фальшь?—уже нетерпѣливо спросилъ Потемкинъ.

— А въ томъ фальшь, ваша пресвѣтлость, что здѣль напечатано не ассигнація, а ассигиація.

— Какъ, ассигиація?

— Такъ точно, ваша пресвѣтлость, замѣсто нашъ напечатано иже.

Князь снова сталъ разсматривать бумажку.

— И точно, я самъ теперь вижу, — сказалъ онъ, разсматривая бумажку на свѣтъ.

Онъ подошелъ къ столу, раскрылъ лежащій на немъ портфейль и досталъ оттуда другую сторублевую бумажку. Сравнивъ ее съ принесенною евреемъ, онъ сказалъ:

— Да, теперь я все вижу: моя—настоящая, а твоя—фальшивая: на моей не иже, а нашъ.. Гдѣ ты ее взялъ?

— А здѣсь, ваша пресвѣтлость, въ замкѣ.

— Какъ! у Зорича?—и по лицу Потемкина скользнулъ не-то свѣтъ не-то тѣнь.

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, не у господина генерала Семена Гаврило-

вича, а у его карлы... Если вашей свѣтлости вгодно, я вамъ черезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ.

Потемкинъ быстро заходилъ по комнатѣ.

— Кто же ихъ дѣлаетъ? — спросилъ онъ, остановившись передъ евреемъ.

— Если бъ бѣдный еврей зналъ кто, онъ бы сейчасъ доложилъ вашей пресвѣтлости

— Такъ кто же ихъ пускаетъ въ обращеніе?

— А пускаетъ ихъ, ваша свѣтлость, камердинеръ его сіятельства, графа Зановича, и карлы его превосходительства, генерала Зорича.

Потемкинъ опять заходилъ по комнатѣ. Еврей не спускалъ глазъ съ его мужественной фигуры.

— Хорошо, посмотримъ,—сказалъ какъ бы про себя князь.

Онъ подошелъ къ столу, открылъ стоявшую на немъ шкатулку и вынулъ изъ нея горсть золота. Затѣмъ онъ сложилъ изъ него на столѣ нѣсколько колоннокъ.

— Возьми это. Тутъ ровно тысяча,—сказалъ онъ еврею, внимательно слѣдившему за складываніемъ золотыхъ колоннокъ.—Промѣняй ихъ на фальшивыя ассигнаціи и завтра же привези ихъ ко мнѣ въ Дубровну. Знаешь?

— Знаю, ваша пресвѣтлость.

— Бери же.

Къ еврею снова воротилась робость. Онъ, словно бы крадучись, боязливо подошелъ къ столу, нагнулся къ золотымъ колонкамъ, точно хотѣлъ ихъ понюхать или полизать, опытнымъ глазомъ пересчиталъ червонцы. досталъ изъ кармана кожаную сумку, и колонку за колонкой, осторожно, безъ всякаго звону, переложилъ золото въ свою мошну.

— Ступай же. Завтра я жду тебя въ Дубровнѣ,—сказалъ Потемкинъ, когда еврей бережно положилъ мошну въ карманъ.—Смотри же, никому ни слова!

— Слушаю, ваша пресвѣтлость.

— Иди же.

Еврей хотѣлъ поцѣловать край княжескаго кафтана, но Потемкинъ быстро отошелъ.

— Не надо.

Еврей низко поклонился и подвинулся къ двери, не оборачиваясь къ ней лицомъ.

— Постой! какъ тебя зовутъ?

— Берхомъ Изаксономъ, ваша пресвѣтлость.

— Хорошо. Ступай,

Еврей беззвучно выскользнулъ за дверь, точно воръ, и такъ же беззвучно притворилъ ее. Потемкинъ остался одинъ. Открытіе, сдѣланное евреемъ, поразило его.

Такъ вотъ откуда эти новые дворцы, эта царственная роскошь! Со всего свѣта стекаются сюда ласкатели и прихлебатели, да еще какіе! — графы,

князья, дѣти султановъ... Графы Зановичи, друзья и пріятели Казанова, Вольтера и Даламбера... А этотъ князь Изанъ-бей?—онъ султановъ племянникъ, а живетъ на хлѣбахъ у Зорича, какъ и эти же Зановичи...

— Вотъ порадую матушку императрицу!.. Бывшій ея фаворитъ и мой совмѣстникъ—фальшивый монетчикъ!.. Да полно, онъ ли? Надо это дѣло хорошенько разслѣдовать... Ужъ не Зановичи ли это? Они теплые ребята: не даромъ, говорятъ, въ Венеціи за ихъ жульничество публично, черезъ палача, повѣшены были ихъ портреты, когда они сами поторопились улизнуть изъ рукъ правосудія... То-то обрадую матушку императрицу... Хорошъ паренекъ!..

Потемкинъ нетерпѣливо грызъ ногти, что было признакомъ волненія.

— Но какъ же это сдѣлать? Подумаютъ, что я изъ ревности хочу упечь своего совмѣстника... Нѣтъ, надо это осторожно обдѣлать, да по горячимъ слѣдамъ ловить звѣря... Нуженъ обыскъ, а при мнѣ это дѣлать неудобно: за гостепріимство — да обыскъ!.. Надо уѣхать осторожнѣе отсюда—но какъ? Какую причину показать? А уѣхать безпричинно, подозрѣніе возбудишь, тогда и концы въ воду спрячутъ...

Онъ заходилъ по комнатѣ. Невозможность найти причину немедленнаго отъѣзда бѣсила его. Наконецъ, онъ рѣшился и позвонилъ. Вошелъ адъютантъ.

— Я сейчасъ долженъ оставить Шкловъ,—сказалъ Потемкинъ, продолжая ходить по комнатѣ:—распорядись насчетъ лошадей.

— Слушаю, ваша свѣтлость,—былъ отвѣтъ.

— Только не на могилевскій трактъ, а на смоленскій, — пояснилъ свѣтлѣйшій.

Адъютантъ выразилъ безмолвное удивленіе.

— Я ѣду на нѣсколько дней къ себѣ, въ Дубровну,—отвѣчалъ князь на безмолвный вопросъ адъютанта: — мнѣ сегодня нездоровится, и я бы былъ плохимъ гостемъ у нашего хлѣбосольнаго хозяина... Пойди, поблагодари его за гостепріимство и извинись за меня.

— Слушаю-съ.

— Да скажи генералу, что, какъ только я получу облегченіе отъ болѣзни, я пріѣду къ нему тотчасъ, а ужъ отъ него проѣду въ Крымъ.

Черезъ полчаса шестерка лучшихъ коней Зорича мчала всесильнаго временщика по дорогѣ къ Дубровнѣ, по тракту на Смоленскъ. За нимъ скакалъ губернаторъ и другія власти, не понимая въ чемъ дѣло, но вполнѣ увѣренные, что любимцу императрицы пришла какая-нибудь блажь въ голову... Но какая—этого никто не зналъ, хотя каждый трепеталъ за свою шкуру.

II.

Фальшивыя ассигнаціи.

На другой день въ пріемной залѣ потемкинскаго дома въ Дубровнѣ мѣстныя власти ожидали выхода князя. Былъ тутъ и могилевскій губерна-

торъ, Николай Богдановичъ Энгельгардтъ, и предводитель дворянства, и нѣкоторые изъ помѣщиковъ.

Въ это время къ крыльцу подъѣхала почтовая телѣга тройкой, и изъ нея вышелъ знакомый уже намъ еврей, Берко Изаксонъ, весь въ пыли. Торопливо отряхнувъ съ себя пыль, онъ взошелъ на крыльцо мимо стоявшихъ тамъ часовыхъ и смѣло вступилъ въ пріемную. Адъютантъ узналъ его.

— А! Берко! и ты къ его свѣтлости?—обратился къ нему губернаторъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— А отчего не ко мнѣ? Вѣдь, я твой губернаторъ.

Еврей нѣсколько замялся.

— Извините, ваше превосходительство... Я до самихъ, до свѣтлѣйшаго... У меня государственной важности дѣло... Сами ихъ пресвѣтлость знаютъ...

— А-а!—протянулъ губернаторъ.

— Онъ и вчера былъ у свѣтлѣйшаго,—пояснилъ адъютантъ.—Доложитъ?—спросилъ онъ еврея.

— Прошу пана... Прошу ваше превосходительство...

Адъютанъ прошелъ въ кабинетъ и чрезъ минуту воротился.

— Его свѣтлость ждетъ,—обратился онъ къ еврею.

Когда Изаксонъ вошелъ въ кабинетъ, то увидѣлъ, что Потемкинъ лежитъ на диванѣ и разсматриваетъ большую карту, растянутую у дивана на полу. То была карта Крыма и Чернаго моря.

Еврей низко поклонился.

— Ну, что, досталъ?—спросилъ Потемкинъ.

— Досталъ, ваша пресвѣтлость.

— А сколько?

— О, много, очень много.

И еврей, вынувъ изъ-за пазухи толстую пачку, обернутую бумагой, досталъ изъ нея свертокъ сторублевыхъ ассигнацій и робко поднесъ ихъ къ князю.

— А! все новенькія...

— Прямо съ завода, ваша пресвѣтлость.

— Хорошо,—положи на столъ.

Еврей исполнилъ приказаніе и остановился въ нерѣшительности.

— А дозволитъ мнѣ свѣтлѣйшій князь еще доложить? — заговорилъ онъ робко, замѣтивъ, что Потемкинъ какъ бы забылъ про деньги и весь сосредоточился на лежащей передъ нимъ на полу картѣ.

— Что?—спросилъ онъ разсѣянно:—по этому же дѣлу?

— По этому, ваша свѣтлость.

— Ну?

— Изволитъ видѣть свѣтлѣйшій князь... Сегодня ночью младшій графъ Зановичъ и учитель Салморанъ куда-то тайно уѣхали...

— Какъ? куда?—удивился князь.

— Должно быть, въ Москву, а то и за границу... Я догадываюсь, не провѣдали ли онѝ чего...

— Можетъ быть, ты былъ неостороженъ?

— О, нѣтъ, ваша пресвѣтлость! — я осторожнѣе кошки. А ихъ, кажется, напугалъ отъѣздъ вашей свѣтлости.

— Такъ ты говоришь, что уѣхалъ младшій Зановичъ?

— Такъ точно, ваша пресвѣтлость,—и съ нимъ Салморанъ.

— Этотъ кто жъ?

— Онъ же въ Шкловѣ учителемъ, ваша пресвѣтлость, и графамъ пріятель.

— А самъ Зоричъ въ Шкловѣ остался?

— Онъ въ Шкловѣ, ваша свѣтлость,—онъ всегда въ Шкловѣ.

— Такъ ты думаешь, онѝ въ Москву поѣхали?

— Наши такъ говорятъ, ваша свѣтлость.

— Хорошо,—сказалъ Потемкинъ, подумавъ немного:—если твой извѣтъ подтвердится, я тебя не забуду, да и всемилостивѣйшей государынѣ о твоемъ усердіи доложено будетъ. А теперь можешь идти и дожидаться особыхъ распоряженій въ Шкловѣ.

— Слушаю, ваша пресвѣтлость.

Когда еврей ушелъ, Потемкинъ велѣлъ позвать къ себѣ губернатора, который приходился ему сродни.

— Какъ же это, любезный Николай Богдановичъ, въ твоей губерніи существуетъ экспедиція государственныхъ бумагъ, а ты доселѣ не донесъ о томъ государынѣ?—спросилъ князь, приподнимаясь съ дивана.

Энгельгардтъ смотрѣлъ на него и не зналъ, что отвѣчать.

— Экспедиція, ваша свѣтлость?.. какая экспедиція?

— Говорю какая: заготовленія государственныхъ бумагъ.

— Не понимаю, ваша свѣтлость, простите.

— У тебя въ губерніи дѣлаются ассигнаціи.

Энгельгардтъ растерялся-было, но скоро оправился.

— Не можетъ быть, ваша свѣтлость!

— А вонъ, посмотри самъ, — и Потемкинъ указалъ на кипу ассигнацій, что принесъ еврей.

Энгельгардтъ взялъ ихъ въ руки и сталъ разсматривать. Лицо его прояснилось.

— Вы изволите шутить, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ весело:—это настоящія банковыя.

— Нѣтъ, не настоящія, государь мой... Есть съ тобой сторублевая?

— Помнится, есть.

— А достань да сравни.

Энгельгардтъ вынулъ бумажникъ и досталъ изъ него сторублевый билетъ.

— Вотъ такая же точно.

— А покажи, какая?—спросилъ Потемкинъ.

Энгельгардтъ подалъ.

— Э! да и у тебя фальшивая,—засмѣялся князь:—ужъ не принадлежишь ли и ты, государь мой, къ числу фабрикантовъ?

Энгельгардтъ совсѣмъ смѣшался.

— Помилуйте, ваша свѣтлость,—я всегда служилъ вѣрой и правдой ея императорскому величеству и за ея интересы готовъ голову сложить,—сказалъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Такъ-то такъ, государь мой, а все жъ у тебя ассигвація фальшивая, такая же, какъ и всѣ эти.

— Я не знаю, — оправдывался растерявшійся губернаторъ: — это не фальшивыя.

Потемкинъ досталъ изъ стола еще одну бумажку и подалъ ее губернатору.

— Вотъ настоящая,—сказалъ онъ.

Энгельгардтъ сталъ сличать.

— Какъ хотите, ваша свѣтлость, а я никакой между ними разности не нахожу,—говорилъ онъ, возвращая бумажку.

— А вотъ: на моей напечатано ассигнація, а на твоей ассигиація... Вотъ что, государь мой.

Тутъ только Энгельгардтъ понялъ, въ чемъ дѣло—и остолбенѣлъ: страшное открытіе поразило его. Онъ смекнулъ, что фальшивыми билетами наводнена вся губернія, если ужъ и у него, у губернатора, фальшивые въ карманѣ. А тутъ на столѣ цѣлая кипа. Между тѣмъ онъ, хозяинъ губерніи, ничего не знаетъ... Это позоръ. А все этотъ пархатый жидъ: не донесъ ему, а полѣзъ прямо къ свѣтлѣйшему... Это его штуки!

Въ нѣмомъ смущеніи онъ стоялъ и не зналъ, куда дѣвать глаза. Лицо его покрылось багровыми пятнами, которыя затѣмъ замѣнились мертвенною блѣдностью.

— Успокойся,—сказалъ ему Потемкинъ дружески:—еще не все потеряно... Надо только накрыть птицу въ гнѣздѣ.

— Да я не знаю, гдѣ гнѣздо, ваша свѣтлость!—смущенно проговорилъ Энгельгардтъ.

— А я знаю—въ Шкловѣ, и гнѣздо очень высоко свито,—замѣтилъ Потемкинъ.

— Ужели въ замкѣ!

— Можетъ, въ замкѣ, можетъ, около замка, только птицы эти и въ замокъ летаютъ.

— И Зоричъ знаетъ объ этомъ гнѣздѣ?

— Знаетъ, не знаетъ, а яйца изъ гнѣзда таскаетъ.

Энгельгардтъ чуть не вскрикнулъ.

— Такъ вотъ откуда у нихъ милліоны!

Потемкинъ остановилъ его.

— Вотъ что, государь мой, надо тотчасъ же разставлять силокъ и ловить птицу на гнѣздѣ,—говорилъ онъ медленно.—Лишь только я проѣду Могилевъ, то въ ту же минуту поручи уголовной палаты предсѣдателю... Кто у васъ председатель?

— Малѣевъ, ваша свѣтлость.
— Надежный человѣкъ.
— Вполнѣ надежный.
— А уменъ? расторопенъ? Это главное.
— Человѣкъ умный... Но отчего бы не мнѣ самому?
— А оттого, государь мой, чтобъ не подумали, что въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ я велѣлъ якобы слѣдовать Энгельгардту, моему родственнику, по моей якобы къ Зоричу непріязни.
— Понимаю... Такъ оно, дѣйствительно, лучше будетъ.
— Всеконечно. Только ты хорошенько внуши этому Малѣеву, чтобъ онъ въ своемъ слѣдствіи не смотрѣлъ на лица—ни на чины, ни на титулы.
— Понимаю... А ежели, паче чаянія, до самого Зорича что касаться будетъ?
— Не щади и Зорича, если окажется въ подозрѣніи.
— Слушаю.
— Да отряди съ нимъ приличную команду, чтобы оцѣпить замокъ... Ты карловъ Зоричевыхъ видывалъ.
— Какъ же: кто ихъ не знаетъ?
— Они мѣняли ассигнаціи, черезъ нихъ дѣйствовала экспедиція, а еще показываютъ на камердинера Зановичева. Знаешь его?
— Знаю и его,—отвѣчалъ Энгельгардтъ: —черненькій, изъ итальянцевъ, съ нимъ и изъ-за границы пріѣхалъ.
— Да вотъ еще что: сегодня ночью младшій Зановичъ и какой-то тамъ учитель...
— Салморанъ?
— Да, онъ... И его знаешь?
— Знаю—ловко въ банкъ играетъ, правая рука Зорича въ сей игрѣ.
— Такъ видишь ли, государь мой, этотъ Санморталь, что ли...
— Салморанъ...
— Ну, ладно... Салморанъ и младшій Зановичъ ночью ускакали по московской дорогѣ...
— Ахъ, плуты!
— То-то, я догадываюсь не пронюхали ли они.
— Возможно, очень возможно... Не заподозрѣли ли они чего въ вашемъ внезапномъ изъ Шклова отъѣздѣ?
— Признаюсь, и меня это безпокоитъ... Можетъ, они всѣ слѣды увезли съ собой.
— Такъ ихъ, ваша свѣтлость, можно еще настигнуть въ дорогѣ.
— И я такъ думаю... Такъ вотъ что, государь мой: пошли тотчасъ же курьера въ Москву къ главнокомандующему и проси задержать ихъ.
— Слушаю... Только я двухъ пошлю: одного, чтобъ упредилъ ихъ и донесъ главнокомандующему, а другого—для надзиранія за бѣглецами.
— Ладно... Ступай же... А то они, плуты, можетъ, и инструменты для

дѣланія ассигнацій захватили съ собой, а здѣсь пустое гнѣздо покинули, хоть и тепленькое, да ни пташекъ, ни яичекъ въ немъ уже нѣтъ.

— Возможно... Такъ ужъ я постараюсь... Моя оплошность—я и поправить ее долженъ, чтобы заслужить помилованіе всемилостивѣйшей государыни.

И Энгельгардтъ, раскланявшись, торопливо вышелъ.

III.

Зоричъ въ Шкловѣ.

Зоричъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ одною изъ тѣхъ падучихъ звѣздъ, какія въ царствованіе Екатерины II часто появлялись на придворномъ горизонтѣ и, пронесшись яркимъ метеоромъ, исчезали за горизонтомъ безслѣдно, оставляя лишь слѣды въ государственномъ казначействѣ да въ инвентарѣ государственныхъ имуществъ.

Симеонъ Гавриловичъ Зоричъ было родомъ сербъ, слѣдовательно „братъ славянинъ“, поступившій въ русскую службу изъ ненависти къ туркамъ. Турки его и вывели въ люди: онъ отличился въ первую турецкую войну, представленъ былъ ко двору — и здѣсь нашелъ свое счастье... Статный, живой, съ смуглымъ лицомъ, съ жгучими южными глазами, онъ былъ замѣченъ... И вотъ, онъ—флигель-адъютантъ императрицы съ 8-го іюня 1777 года... Яркая звѣзда показалась; но и это была падучая звѣзда, какъ и всѣ предыдущія... Симеонъ былъ глуповатъ, а Потемкинъ хитеръ, и падучая звѣзда серба скоро скатилась съ горизонта... Ему пожаловали, при увольненіи, мѣстечко на Днѣпрѣ, Шкловъ, съ тринадцатью тысячами душъ...

И зажилъ сербъ въ своемъ Шкловѣ по-царски: тринадцать тысячъ душъ родимичей и кривичей кормятъ его единственную сербскую душу— есть на что пожить! Но сербской душѣ скучно быть одной. И вотъ, на зовъ его, словно бабочки на огонь, полетѣли съ разныхъ концовъ Россіи и Европы искатели приключеній, рыцари наживы и всякая темная сила.

Прежде всѣхъ пожаловалъ къ нему братецъ его по матери, такой же черномазый сербъ, по фамиліи Неранчичъ. Прежде шлялся онъ по Европѣ, прожигалъ свою молодость въ Парижѣ, сорилъ деньгами и хвастался тѣмъ, что его братецъ обрѣтается у русской императрицы „въ случаѣ“. Понятно, что черезъ „случай“ братца къ нему льнули такія свѣтила, какъ Даламберъ и Мармонтель, въ чаяніи щедрыхъ подачекъ отъ „Семирамиды Сѣвера“, которая своими подарками да лестью впрягла въ свою тріумфальную колесницу такихъ даже брыкливыхъ коней, какъ Вольтеръ и Дидро. И вотъ, протеревъ глаза своимъ денежкамъ, Неранчичъ является къ братцу въ Шкловъ. Съ нимъ являются и еще два братца, тоже „братья славяне“, далматинскіе графы, Марко и Аннибалъ Зановичи. Эти молодцы также прожигали свою молодость и сорили славянскими деньгами во всѣхъ столицахъ и въ игорныхъ домахъ Европы; а когда разсорили все, то стали

шулерничать и бродить отъ одного казино къ другому и добродились, наконецъ, до того, что въ Венеціи ихъ накрыли на мошенничествѣ, и при томъ очень крупномъ, но они успѣли улизнуть изъ тюрьмы, а вмѣсто нихъ венеціанская прокуратура велѣла палачу публично, на площади Марка, повѣсить ихъ портреты, подобно тому, какъ царь Петръ Алексѣевичъ приказалъ повѣсить портретъ гетмана Ивана Степановича Мазепы, да еще съ андреевской лентой черезъ плечо. Младшій Зановичъ былъ іезуитомъ раньше, оттого и вышелъ изъ него геніальный мазурикъ. Они знали множество языковъ, много читали, отлично танцовали и еще лучше владѣли шпагами и родными ятаганами. Мало того: и они, подобно Неранчичу, были въ дружбѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ и переписывались съ этими міровыми свѣтилами ума человѣческаго. Они были въ дружбѣ и съ такимъ же, какъ они пройдохой и землепроходомъ—съ знаменитымъ Казановой и попали въ его „Записки". Бѣжавъ изъ Венеціи, милые братцы на время разстались. Марко скоро появился въ Потсдамѣ, называясь Стефаномъ, господаремъ албанскимъ, а Аннибалъ, подъ именемъ Предислава, началъ продолжать свои подвиги во Флоренціи. Въ Потсдамѣ Марко оплелъ своимъ титуломъ и своимъ мнимымъ богатствомъ принца прусскаго и его супругу, которымъ онъ наговорилъ, что у него триста тысячъ червонцевъ годового дохода и что въ его распоряженіи находится постоянная тридцатитысячная армія. Впрочемъ, слава его прежнихъ подвиговъ проникла въ газеты, и мнимаго албанскаго господаря не только изгнали изъ Потсдама, но выпроводили и изъ Берлина. Но Марко не унывалъ даже и тогда, когда прусскій король, провѣдавъ объ его продѣлкахъ почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ, велѣлъ задержать опаснаго бродягу. Марко успѣлъ скрыться въ Голландіи. Тамъ онъ предъявилъ рекомендательное письмо венеціанскаго посланника въ Неаполѣ, и передъ нимъ открылись и салоны аристократіи, и конторы банкировъ. Послѣднія особенно были для него заманчивы. Выманивъ въ нѣсколько мѣсяцевъ у довѣрчивыхъ банкировъ болѣе 300,000 гульденовъ, онъ исчезъ съ этими деньгами, подобно сновидѣнію. Банкиры спохватились, да поздно: лови вѣтеръ въ полѣ, щуку въ морѣ. Банкиры предъявили свои претензіи къ рекомендовавшему его венеціанскому посланнику, но тотъ имъ отвѣчалъ, что рекомендательныя письма—не кредитивы, и онъ не намѣренъ платить за рекомендованнаго имъ, оказавшагося мазурикомъ. За банкировъ вступилось голландское правительство: оно предъявило искъ къ венеціанскому правительству. Венеція отвѣчала, что она платить не намѣрена за того, кого она—in effigie—публично повѣсила. Голландія усматриваетъ въ этомъ отвѣтѣ обиду и объявляетъ войну Венеціи! И только посредничество австрійскаго императора Іосифа II помирило противниковъ. А виновникъ всей этой бури—Марко, точно въ воду канулъ...

Нѣтъ, не канулъ въ воду: онъ очутился въ Шкловѣ!

Бѣжавъ изъ Голландіи съ банкирскими гульденами, онъ, разумѣется, пробрался туда, гдѣ всего легче живется всякой темной силѣ—въ Парижъ... Тамъ судьба столкнула его съ такимъ же молодцомъ—съ Неранчичемъ, и

бни махнули въ Шкловъ. Въ Шкловѣ же очутился и младшій Зановичъ, постыдно изгнанный изъ Флоренціи.

Вотъ кто были друзья и собутыльники Зорича.

Но этого мало. У Зорича проживала еще одна темная личность: родной племянникъ турецкаго султана!

Въ тотъ вѣкъ, въ эпоху всевозможныхъ самозванствъ, когда на всероссійскій престолъ претендовали и крестьянинъ Богомоловъ, и каторжникъ Ханинъ, и какой-то „братъ славянинъ" Степанъ Малый, когда Пугачевъ отнялъ у Екатерины почти половину царства, а разныя невѣдомыя дѣвки, въ родѣ княженъ Таракановыхъ и принцессъ Владимірскихъ, лѣзли въ сестрицы къ Пугачеву, когда кавалеры, въ родѣ Д'Эона, оказывались дѣвками, а дѣвки кавалерами, въ это время трудно было разобраться, кто самозванецъ и кто не самозванецъ.

Такой таинственный бродяга гостилъ и у Зорича, въ Шкловѣ, подъ именемъ князя Изанъ-бея, племянника падишаха.

Зоричъ познакомился съ нимъ еще въ Турціи, когда находился тамъ въ плѣну. Вся жизнь этого Изанъ-бея представлялась какою-то таинственною интригою. Говорили, что онъ—второй сынъ сестры царствовавшаго тогда султана. Онъ будто бы воспитанъ былъ тайно, подъ чужимъ именемъ, ибо, по турецкимъ якобы законамъ, сестра султана можетъ имѣть въ живыхъ только одного сына, а второго, третьяго и всѣхъ послѣдующихъ должна душить, какъ щенятъ. Но мать Изанъ-бея будто бы не задушила его, а скрыла. Когда же стали догадываться объ его происхожденіи, то мать, боясь, чтобы ея тайна не дошла до султана, тихонько отправила его въ чужіе края, гдѣ онъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Но скоро деньги, которыя онъ вывезъ изъ Турціи, были прожиты, а новыхъ не присылали; тогда онъ вспомнилъ о Зоричѣ и явился къ нему въ Шкловъ.

Современникъ Зорича, Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, сынъ упомянутаго выше губернатора Энгельгардта, въ своихъ „Запискахъ" оставилъ намъ интересныя замѣтки объ самомъ Зоричѣ, о его характерѣ и жизни въ Шкловѣ.

Когда Зоричъ,—какъ выражается Энгельгардтъ,—„выбылъ изъ случая", то ему пожалованъ былъ Шкловъ съ тринадцатью тысячами душъ. „Первое употребленіе монаршей милости было то, что онъ завелъ въ Шкловѣ училище, выписалъ хорошихъ учителей: въ ономъ и я учился одинъ годъ. Впослѣдствіи сіе училище названо кадетскимъ корпусомъ, и въ немъ было до трехъ сотъ кадетовъ". Корпусу этому императрица дала привилегію: кончившіе въ немъ кадеты поступали въ армію офицерами.

Когда, въ 1780 году, Екатерина предприняла путешествіе въ новопріобрѣтенный отъ Польши Бѣлорусскій край, она заѣзжала къ Зоричу въ Шкловъ, гдѣ и ночевала. Бывшій фаворитъ на славу угощалъ свою коронованную гостью. Но еще торжественнѣе былъ пріемъ государыни, когда она на возвратномъ пути посѣтила своего бывшаго фаворита вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. „Зоричъ, — говоритъ Энгель-

гардтъ, — къ пріѣзду ея построилъ преогромный домъ, богато убранный, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій болѣе шестидесяти тысячъ рублей. Благородные представили пантомиму на театрѣ, бывшемъ въ томъ же домѣ, съ чрезвычайными декораціями, которыхъ было до семидесяти. Сочинилъ оную, а также и музыку, костюмы и декораціи баронъ Ванжура, отставной ротмистръ австрійской службы. Императоръ его тотчасъ узналъ и объявилъ ему сожалѣніе, что онъ оставилъ его службу. Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ, дѣланный нѣсколько мѣсяцевъ артиллеріи генералъ-маіоромъ Петромъ Ивановичемъ Мелиссино: павильонъ изъ 50,000 ракетъ былъ достоинъ своего мастера и стоилъ чрезвычайно дорого“.

„Ни одного не было барина въ Россіи, — говоритъ Энгельгардтъ въ другомъ мѣстѣ,—который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй: многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивѣніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы—французы, итальянцы, нѣмцы, сербы. греки, молдаване, турки, словомъ всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ. Единственно для веселья съѣзжалось изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній лучшее дворянство къ 1-му сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе. Въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектакля; между прочимъ, французскія оперы играли княгиня К. А. Долгорукая, генералъ-поручица графиня Мелина и прочія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи — князь П. В. Мещерскій съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими; польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей, и много отъ него наживались игрою“...

Вотъ какъ бывшему фавориту жилось въ Шкловѣ на счетъ дреговичей, сѣверянъ и кривичей!

Понятно, что въ Шкловъ валила всякая темная сила — самозванцы, бѣглецы, рыцари темной наживы, все промотавшееся, тунеядствующее. паразитное.

Такая репутація Шклова слишкомъ хорошо была извѣстна при дворѣ, и въ кабинетѣ императрицы, когда докладывалъ генералъ-прокуроръ Вяземскій по уголовнымъ и секретнымъ дѣламъ, часто можно было слышать такой разговоръ между Вяземскимъ и Екатериной:

— Ну, что, Александръ Алексѣевичъ, нашелъ сорванца, что казначейство обокралъ?

— Нѣту, матушка государыня, доселѣ не сыскали.

— Плохо ищете.

— Помилуй, матушка, всѣ мышиныя, кажись, норки перерыли.

— И въ Москвѣ искали?

— Искали, государыня, — какъ въ воду канулъ: ужъ думаю, не за границу ли бѣжалъ.

— Гдѣ за границу! А ты вели Шешковскому поискать его въ Шкловѣ.

— И то правда, матушка,—велю.

И сорванца, дѣйствительно, находили въ Шкловѣ...

IV.

Накрыли.

Темная, душная лѣтняя ночь. Шкловъ давно спитъ. Спятъ даже темныя деревья въ тѣнистомъ паркѣ шкловскаго зоричевскаго замка, раскинувшемся по крутому берегу Днѣпра. Не слышно ни лая собакъ, ни пѣнія пѣтуховъ. Слышно только тихое журчанье фонтана, что выбрасываетъ воду изъ открытой пасти тритона въ мраморный водоемъ, изъ котораго струи, переливаясь черезъ края, съ тихимъ шопотомъ скатываются въ канавки парка, да гдѣ-то за паркомъ, надъ обрывомъ, спускающимся къ рѣкѣ, выкрикиваетъ иногда ночная птица. И Шкловъ, и замокъ съ его флигелями и башнями погружены въ сонъ. Нигдѣ не видно огонька, только на террасѣ замка, выходящей въ паркъ и обвитой гирляндами дикаго винограда, мерцаетъ свѣтъ, бросая яркіе блики на темную зелень винограда, на бѣлую голову мраморнаго тритона и на опустившіяся, тяжелыя вѣтви липы, осѣняющей фонтанъ; но свѣтъ этотъ еще болѣе усиливаетъ мракъ, господствующій вокругъ террасы.

На террасѣ слышны голоса.

— А помнишь, князь, — говоритъ мягкій, пріятный баритонъ: — такую же вотъ ночь въ Скутари?

— Какую ночь?—спрашиваетъ гортанный голосъ:—я много ночей помню—и въ Скутари, и въ Стамбулѣ... Аллахъ не далъ мнѣ забвенья...

— Ну, полно, ты опять толковать... Подожди, еше поживешь въ своей Туретчинѣ... Нѣтъ, я говорю—помнишь, когда вотъ въ такую же темную ночь мы съ той изъ Стамбула тихонько перебрались въ твоемъ каикѣ въ Скутари и тамъ подъ балкономъ караулили гречаночку?

— А! Зою,—помню... Давно это было... Не воротится...

— Да, хорошо тогда было, хоть я и въ плѣну у васъ обрѣтался.

— А чѣмъ теперь худо?—спросилъ третій голосъ.

— Все не то...

— Да, правда,— это Шкловъ, а не Венеція, когда бывало въ гондолѣ, подъ „Мостомъ вздоховъ“ вздыхаешь по итальяночкѣ...

— Ну, что въ ней хорошаго, въ этой Венеціи!—вода да вода...

Голоса смолкли. Опять слышался только шопотъ фонтана да монотонные, тоскливые выкрики ночной птицы.

— А что-то нашъ графъ рано завалился спать,— опять слышится мягкій баритонъ.

— Голова, говоритъ, разболѣлась.

— То-то! Некому и банчишко метать.

— Какъ некому? А Неранчичъ на что? Онъ и въ Парижѣ считался лучшимъ банкометомъ. Эй, Неранчичъ, ты спишь?

— Нѣтъ.

— Али вспоминаешь свою дѣвойку Мару црнокосу?

Собесѣдующіе разсмѣялись. Но если бъ они пристально вглядѣлись въ одну густую гирлянду винограда, опутавшаго церилы террасы, то увидѣли бы, какъ изъ-за темной зелени смотрятъ на нихъ сквозь золотую оправу очковъ два черныхъ глаза.

Глазамъ этимъ представляется такая картина. Посреди террасы большой круглый столъ покрытъ дорогимъ персидскимъ ковромъ съ шелковой бахромой и кистями. На столѣ въ безпорядкѣ разметаны карты, кучки золотыхъ монетъ и пачки ассигнацій. Тутъ же на серебряномъ подносѣ нѣсколько бутылокъ и недопитые стаканы съ виномъ. Вокругъ стола сидятъ четверо мужчинъ. Старшій изъ нихъ, плотный, широкоплечій, съ черными курчавыми волосами, закинутыми на широкій затылокъ и оканчивающимися небольшою косою, въ темномъ съ широкими рукавами и золотыми пуговицами камзолѣ, обшитомъ кружевами, съ маншетами—былъ очень красивъ собою, хотя и въ черныхъ блестящихъ глазахъ, и въ толстыхъ губахъ проглядывала чувственность здороваго южнаго организма. Широкія ноздри его, раздувавшіяся словно у норовистой лошади, изобличали, что могучія легкія его работали исправно, какъ кузнечные мѣха. Добрая улыбка толстыхъ губъ смягчала нѣкоторую животность, вѣрнѣе, плотоядность, этого красиваго лица, извѣстнаго тогда всей Россіи.

Это былъ Зоричъ, случайный баловень судьбы. Положивъ одну руку, украшенную алмазными перстнями, на столъ, другою онъ придерживалъ длинный чубукъ, съ огромнымъ янтарнымъ мундштукомъ, и лѣниво пускалъ въ воздухъ мелкія колечки бѣлаго дыму.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ блѣдный, съ бронзированнымъ лицомъ, молодой человѣкъ, въ темно-малиновой турецкой фескѣ и въ албанской зеленой, шитой золотомъ курткѣ. Худое лицо его выражало какую-то внутреннюю усталость, которая какъ будто теплилась въ его черныхъ, задумчивыхъ глазахъ. Около него, на особомъ столикѣ, курился кальянъ, но молодой человѣкъ какъ бы забылъ о немъ, грустнымъ взглядомъ и мыслью потонувъ не-то во мракѣ разстилавшагося передъ нимъ парка, не-то въ своемъ прошломъ, которое было такъ загадочно. Зоричъ, говоря съ нимъ, называлъ его княземъ.

Это и былъ таинственный князь Изанъ-бей, сынъ сестры турецкаго султана. Онъ жилъ у Зорича уже нѣсколько лѣтъ и хорошо выучился говорить по-русски.

По другую сторону Зорича, облокотясь обѣими руками на столъ и

запустивъ пальцы въ черные вьющіеся на вискахъ волосы, сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина въ голубой шелковой блузѣ, съ алмазными на груди застежками, перетянутой черкесскимъ, съ серебромъ подъ чернетью, поясомъ, за которымъ торчалъ въ такой же оправѣ кинжалъ. Лицомъ онъ напоминалъ Зорича, но только цвѣтъ кожи у него былъ смуглѣе, а глаза сѣрые, съ большими, какъ у негра, бѣлками. Онъ былъ и худѣе Зорича, которому приходился роднымъ братомъ по матери. Его звали Неранчичемъ.

Глаза, тайно наблюдавшіе изъ-за зелени винограда за тѣмъ, что происходило на террасѣ, пытливо остановились теперь на четвертомъ лицѣ, присутствовавшемъ на террасѣ. Тотъ, кому принадлежали эти подсматривавшіе изъ-за зелени глаза, зналъ въ лицо и Зорича, и его брата, и Изанъ-бея; но четвертаго, сидѣвшаго съ ними, онъ ни разу не видалъ. Это былъ молодой человѣкъ, повидимому, высокій и стройный, съ свѣтлыми прямыми волосами, и бѣлымъ нѣжнымъ, какъ у дѣвушки лицомъ; съ свѣтло-голубыми глазами, которые смотрѣли насмѣшиво и дерзко. На груди у него блестѣлъ какой-то орденъ, только не русскій. Въ говорѣ его слышалось, и даже очень, иностранное произношеніе. Онъ сидѣлъ и машинально тасовалъ въ рукахъ нѣсколько картъ.

У внутреннихъ дверей террасы, которыя вели въ домъ, у каждаго косяка стояло по маленькому карлику, которые одѣты были, повидимому, арабчатами и, стоя у притолокъ, дремали.

Въ ночномъ воздухѣ было такъ тихо, что горѣвшія на столѣ въ большомъ канделябрѣ восковыя свѣчи даже не оплывали.

— Что жъ! метать, такъ метать, — сказалъ Неранчичъ, ероша волосы:—ей, Черноморъ, подай новую колоду картъ!—крикнулъ онъ на дремавшихъ карликовъ.

Карлы встрепенулись, и одинъ изъ нихъ, доставъ изъ кармана куртки нераспечатанную колоду картъ, подалъ ее Неранчичу.

Въ этотъ моментъ глаза таинственно наблюдавшіе изъ-за зелени винограда за тѣмъ, что дѣлалось на террасѣ, скрылись, и вдоль стѣны замка тихо проскользнула темная фигура и вскорѣ появилась на замковомъ дворѣ. Тамъ, въ темнотѣ, безмолвно стояли и двигались человѣческія фигуры. Одна изъ нихъ тотчасъ подошла къ тому, кто сейчасъ наблюдалъ за происходившимъ на террасѣ и теперь вышелъ изъ парка на дворъ.

— Ну, что видѣли?—спросили шопотомъ,

— Видѣлъ: сидятъ на балконѣ и мечутъ банкъ, — отвѣчали шепотомъ же.

— А кто?

— Самъ Зоричъ, его братъ и этотъ турецкій князекъ, а четвертаго— кто онъ—не знаю, только сдается мнѣ—не русскій.

— А Зановича развѣ нѣтъ тамъ?

— Нѣтъ... Изъ разговора ихъ я узналъ, что онъ раньше ушелъ спать— на голову будто жаловался.

— Такъ значитъ правда: и караульный говоритъ то же...

— Какой караульный?

— Да когда фельдфебель разводилъ часовыхъ, такъ они взяли у крыльца караульнаго: заснулъ — его накрыли... Такъ и онъ сказывалъ, что Зановичъ къ себѣ ушелъ.

— А онъ гдѣ живетъ?

— Вонъ въ томъ флигелѣ, гдѣ тополи темнѣются.

— А часовыхъ вездѣ разставили?

— Вездѣ—скрозь по драгуну.

— И въ паркѣ?

— И тамъ: и за балкономъ смотрятъ... А гдѣ жъ карлы?

— Карлы тамъ же... служатъ тамъ.

— Значитъ, всѣ въ сборѣ, потому подозрительный камердинчикъ, изъ итальянцевъ,— тотъ пошелъ спать съ Зановичемъ—караульный говоритъ.

— Ну, такъ къ дѣлу: главное, этого надо накрыть.

— Да, да,—и камердинчика также, а карлы не уйдутъ.

— Потайной фонарь съ вами?

— Со мной.

— Идемте же... Только захватите парочку драгунъ.

Черезъ нѣсколько минутъ четыре темныя фигуры приблизились къ флигелю, гдѣ жилъ Зановичъ. Онѣ тихо взошли на крыльцо. Дверь оказалась незапертою, и таинственные посѣтители безъ шуму пробрались въ домъ.

— Освѣтите, а то мы можемъ на что-нибудь наткнуться,— сказали шопотомъ.

Комната мгновенно освѣтилась. Освѣтились и дѣйствующія лица, таинственные посѣтители графа Зановича. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ, въ золотыхъ очкахъ, что изъ-за зелени наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось въ паркѣ на террасѣ. Это былъ средняго роста пожилой мужчина, плотный, на тоненькихъ и жидкихъ ножкахъ, которыя не шли къ его плотному корпусу, и въ большомъ рыжемъ парикѣ, который не шелъ къ его красному, гладко выбритому и лоснящемуся лицу. Другой былъ жиденькій, поджарый старичокъ, въ сѣдомъ паричкѣ и съ сѣденькой, въ родѣ крысинаго хвоста, косичкой. Подъ мышкой у него былъ потертый портфейль. Сѣренькіе, моргающіе глазки его смотрѣли пытливо и лукаво. За ними, таращa сонные глаза, стояли два драгуна, одинъ съ рыжими бровями, другой съ черными.

Таинственные посѣтители, пытливо оглядывая комнату съ барскою обстановкою и дорогими коврами, устилавшими полъ, съ тою же осторожностью двинулись дальше. Прошли вторую комнату, третью. Вмѣсто дверей были тяжелыя портьеры—малиновыя, зеленыя. Наконецъ, они остановились передъ запертою дверью и стали прислушиваться. За дверью слышался тихій, ровный храпъ спящаго человѣка.

— Это онъ—тутъ,—шепнули золотыя очки.

— Должно полагать,—шопотомъ же отвѣчалъ старичокъ.

Золотыя очки взялись за ручку двери. Заперто изнутри. Постучали—еще и еще. Храпъ за дверью прекратился. Еще постучали.

— Кто тамъ?—послышался за дверью сонный мужской голосъ.

— Отоприте, графъ,—отвѣчали золотыя очки.

— Я спрашиваю: кто тамъ? какой чертъ?—сердито переспросили за дверью.

— По указу ея императорскаго величества—отоприте!—торжественно выкрикнули золотыя очки.

— Скажи—кто и зачѣмъ?—повторили за дверью.

— Могилевской уголовной палаты предсѣдатель Малѣевъ и стряпчій Небосклоновъ,—былъ отвѣтъ.

— По какому праву?

— По высочайшему указу... Отпирайте немедленно, графъ!—не чините противности указу ея императорскаго величества и не думайте скрываться: вашъ домъ и весь замокъ оцѣпленъ стражею... Отоприте!

— Да дайте же мнѣ и моему слугѣ одѣться,—отвѣчали изнутри.

Дѣйствительно, немного погодя, щелкнулъ замокъ у двери и дверь отворилась. Слѣдователи вошли въ спальную графа. Это была просторная, хорошо меблированная комната, съ пунцовыми занавѣсками на окнахъ, съ каминомъ и стоящими на немъ массивными бронзовыми часами въ видѣ рыцаря въ шлемѣ и латахъ. Одинъ простѣнокъ занимало большое венеціанское зеркало, въ которомъ во весь ростъ отражались вытянутыя фигуры застывшихъ отъ удивленія драгунъ. По отраженію въ зеркалѣ имъ казалось, что въ комнату набралось человѣкъ двадцать.

Но что особенно бросалось въ глаза въ спальной графа, это богатая двухспальная кровать, стоявшая изголовьемъ къ стѣнѣ, съ блѣдно-розовымъ кисейнымъ пологомъ, закинутымъ на позолоченный балдахинъ. По обѣ стороны кровати, у изголовья, стояло по темному, отороченному бронзою, шкафику, а на коврѣ, у кровати, съ одной стороны брошены были голубыя мужскія туфли, а съ другой,—повидимому, женскія, крошечныя, розовыя. Но еще болѣе останавливала на себя вниманіе самая постель: по формѣ вдавленности широкаго матраца, а равно по измятости подушекъ, положенныхъ рядомъ въ изголовьѣ, можно было видѣть, что на постели этой спали рядомъ два человѣка...

Стряпчему Небосклонову это первому бросилось въ глаза. Онъ такъ и впился въ постель своими рысьими глазками... Неужели слуга спалъ вмѣстѣ съ графомъ?..

Онъ разомъ обѣжалъ всю комнату моргающими глазками. Графъ, красивый, южнаго типа мужчина, въ малиновомъ шлафрокѣ, стоялъ у камина, гордо поднявъ голову и играя кистями черняго шелковаго пояса. За кроватью же у стѣны стоялъ блѣдный, какъ полотно, миловидный юноша, съ черными роскошными кудрями, въ костюмѣ турка, албанца или грека, въ красивой фустанелѣ.

— Извините, графъ, что въ такое время...—началъ-было Малѣевъ.

— Что вамъ угодно?—вызывающе перебилъ его графъ.

— Вотъ указъ... До свѣдѣнія его свѣтлости, князя Григорія Александровича Потемкина доведено...

— О чемъ же указъ, государь мой?—снова перебилъ его графъ.

— Объ учиненіи обыска.

— Въ чемъ меня подозрѣваютъ?

— Въ выпускѣ фальшивыхъ сторублеваго достоинства ассигнацій.

— А!—презрительно замѣтилъ Зановичъ:—его свѣтлость опоздалъ... не ту ноту взялъ — это не его дѣло... Я давно уже послалъ брата въ Петербургъ — заявить высшему правительству, что за границей жиды въ огромныхъ размѣрахъ занимаются выдѣлкою...

— Поддѣлкою,—поправилъ его Малѣевъ.

— Да, поддѣлкою россійскихъ ассигнацій и распространеніемъ оныхъ, и братъ мой, въ намѣреніи обнаружить сіе злоупотребленіе въ глазахъ россійскаго правительства, пріобрѣлъ таковыхъ ассигнацій болѣе семисотъ тысячъ и нынѣ повезъ оныя въ Петербургъ, дабы явить верховной власти и тѣмъ избавить отъ ущерба казенный интересъ... Вотъ все, что я счелъ за нужное сказать вамъ.

— Такъ-съ... А этотъ малый кто же будетъ? — спросилъ Малѣевъ, глянувъ на хорошенькаго юношу, трепетно стоявшаго за кроватью.

— Это Антоніо, мой камердинеръ... Я его ребенкомъ привезъ изъ Италіи и очень привыкъ къ нему, какъ къ родному,—отвѣчалъ графъ, не глядя на юношу.

— Такъ-съ, хорошо-съ... Только ужъ извините, ваше сіятельство,—затрудняясь въ словахъ, заговорилъ Малѣевъ:—я не сомнѣваюсь въ правдивости изложеннаго вами... но, по силѣ указа, исполняя святость долга и присяги, я обязуюсь литерально исполнить высочайшій указъ.

— То-есть, какъ же, государь мой, литерально?

— Насчетъ, то-есть, обыска.

— Кого?.. меня?

— Такъ точно,—и вашего сіятельства, и слуги вашего, и занимаемаго вами помѣщенія... Хотя мнѣ и тяжко, по питаемому мною къ его превосходительству, Симеону Гавриловичу Зоричу, и къ вашему сіятельству глубочайшему уваженію, чинить обыкъ въ жилищѣ Симеона Гавриловича, тѣмъ паче, что обиталище сіе, такъ сказать, освящено временнымъ милостивымъ пребываніемъ здѣсь священной особы ея императорскаго величества, однако, свято исполняя...

— Что жъ, господинъ!—нетерпѣливо перебилъ графъ:—ищите, домъ въ вашемъ распоряженіи.

— Такъ-съ, извините... государь мой... долгъ, служба... Эй, драгуны!

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Обыщите вонъ того малаго.

— Слушаемъ-ста.

Драгуны двинулись съ своихъ мѣстъ, гремя палашами. Юноша съ крикомъ забился въ уголъ.

— Зачѣмъ же его?—вступился-было графъ.

— Какъ же-съ... по указу.

Драгуны между тѣмъ ощупывали карманы юноши, который заливался слезами...

— Пустите! пустите меня! У меня ничего нѣтъ! О, Езусъ, Марія!.. О-ой!

— Ваше благородіе! да это дѣвка,—заявилъ рыжебровый.

— Что ты! пьянъ что ли!—осадилъ его Малѣевъ.

— Пьянъ! Али я бабьяго тѣла не отличу? У меня чай руки,—обидѣлся рыжебровый.

— Что ты врешь спьяна!

— Спьяна! Да у меня маковой росинки во рту не было... съ самаго Могилева не ѣмши, не пимши... ни синь пороху... а то—спьяна!.: Вотъ сами пощупайте... чай руки тоже...

— Ой-ой! Езусъ, Марія!

Хорошенькій Антоніо, дѣйствительно, оказался дѣвушкой. Закрывъ лицо руками, она горько плакала.

V.

Теплые ребята.

Между тѣмъ весь замокъ поднялся на ноги. На дворѣ слышались разные голоса, оклики, мелькали огни. Конюхи, повара, лакеи—все высыпало на дворъ и галдѣло; никто ничего не понималъ. Собаки, до этого момента покойно спавшія, отчаянно лаяли, такъ что всполошили собакъ во всемъ Шкловѣ.

Малѣевъ, оставивъ стряпчаго и драгунъ около графа и плачущей дѣвушки, поспѣшилъ на шумъ. Люди, кричавшіе на дворѣ и размахивавшіе кто фонаремъ, кто вилами, увидѣвъ незнакомаго господина въ казенной формѣ, при шпагѣ и въ треугольной шляпѣ съ перьями, съ удивленіемъ и страхомъ давали ему дорогу, догадываясь, что у ихъ барина или у его гостей что-то неладно.

На крыльцѣ главнаго дома, освѣщенный горящими факелами, которые держали карлики, стоялъ Зоричъ и громко кричалъ на кого-то...

— Я васъ въ острогѣ сгною! Я вами Сибирь заселю! Повѣшаю, какъ собакъ!

Въ это время къ крыльцу, на которомъ вмѣстѣ съ Зоричемъ стояли и видѣнные уже нами его гости, торопливо приблизился Малѣевъ и почтительно приподнялъ шляпу.

— Прошу извиненія у вашего превосходительства, — началъ онъ видимо заученную роль:—хотя мнѣ и весьма прискорбно, по питаемому мною къ особѣ вашей глубочайшему почтенію, въ столь необычный часъ нару-

шать спокойствіе вашего превосходительства въ семъ жилищѣ вашемъ, тѣмъ паче, что обиталище сіе, такъ сказать, освящено временнымъ милостивымъ здѣсь пребываніемъ священной особы ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни нашей, однако, свято исполняя долгъ службы и присягу...

— Да въ чемъ дѣло, государь мой?—нетерпѣливо перебилъ его Зоричъ.

— Я явился сюда по указу ея императорскаго величества.

— Зачѣмъ? По какому дѣлу?—голосъ Зорича дрогнулъ.

„Сибирь... Енисейскъ... Березовъ",—мелькнуло у него въ умѣ:—„это Потемкинъ... Не даромъ онъ, какъ угорѣлый, ускакалъ отъ меня"...

— Извините, ваше превосходительство,—прервалъ его мрачныя мысли Малѣевъ:—я затрудняюсь... здѣсь ваши люди... огласка... Позвольте мнѣ войти въ вашъ домъ.

— Войдите... Милости прошу... Посвѣтите господину предсѣдателю.

— Нижайше благодарю... Я уже коликократъ пользовался гостепріимствомъ вашимъ.

Всѣ вошли въ домъ, предшествуемые карлами съ факелами. Прислуга осталась на дворѣ и продолжала галдѣть, но уже тише. Удивлялись только, какъ никто ничего не слыхалъ, когда драгуны оцѣпляли дворъ и замокъ.

— Больше бы пьянствовали,—порѣшила за всѣхъ старшая ключница:—диви, какъ у васъ еще самого барина-то не выкрали.

— У тебя, у старой карги, выкрадешь,—проворчала судомойка:—ты и подохнешь въ ключахъ.

— И подохну, а тебѣ, неумытой рожѣ, не дамъ: умойся прежде.

— Что ей мыться-то! — сострилъ кривой конюхъ Кирюшка:—знамо, чернаго кобеля не вымоешь до бѣла.

— У! ты! кобылья ладонница, огурешна плѣснеть! Зналъ бы кобыльи хвосты, а то на! туда же...

Малѣевъ, войдя въ домъ, снова извинился, что безпокоитъ генерала въ неурочный часъ.

— Говорите, сударь мой, въ чемъ же дѣло?—спросилъ Зоричъ, приглашая гостя сѣсть.

— Симъ указомъ (Малѣевъ подалъ Зоричу бумагу) повелѣвается мнѣ учинить у проживающаго у вашего превосходительства графа Зановича обыскъ по дошедшимъ до его свѣтлости, князя Григорія Александровича Потемкина, свѣдѣніямъ въ выпускѣ якобы графомъ Зановичемъ фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій.

— Такъ, государь мой. А при чемъ же тутъ я?—спросилъ Зоричъ.

— А въ указѣ ваше превосходительство изволили усмотрѣть, что подлежатъ допросу находящіеся у васъ въ услуженіи карлы.

Присутствовавшіе при этомъ карлики переглянулись, и Черноморъ сильно поблѣднѣлъ; другой же, постарше, котораго звали Мухоморомъ, лукаво улыбнулся и оперся о притолку.

— Въ чемъ же они подозрѣваются?—спросилъ Зоричъ.

— Въ сбытѣ фальшивыхъ ассигнацій.

— Но эти ассигнаціи они получали отъ насъ, отъ играющихъ, за карты.

— Точно такъ-съ

— Такъ вы насъ считаете фальшивыми монетчиками?—спросилъ Зоричъ, гордо обводя глазами комнату, гдѣ, кромѣ его и Малѣева, находились князь Изанъ-бей, Неранчичъ и неизвѣстный блондинъ съ иностраннымъ орденомъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—возразилъ Малѣевъ:—не вы, а васъ могли ввести въ обманъ другіе.

— А! это другое дѣло,—протянулъ Зоричъ.—Такъ вамъ угодно будетъ теперь же приступить къ допросу карловъ моихъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я только обязуюсь произвести дознаніе: такъ и въ указѣ значится.

— Хорошо. А потомъ что?

— А потомъ, по обстоятельствамъ дѣла, выясненнымъ путемъ дознанія, подозрѣваемыхъ будутъ допрашивать чины губернскаго правленія.

— А развѣ и чины губернскаго правленія прибыли съ вами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, а я обязуюсь представитъ карловъ и другихъ, кои по дознаніи окажутся прикосновенными къ дѣлу, въ губернское правленіе, въ Могилевъ, подъ арестомъ.

Услыхавъ слово арестъ, Черноморъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, шарикомъ подкатился къ Зоричу и повалился ему въ ноги.

— Ваше превосходительство! заступитесь!—молилъ онъ.—Вы знаете, что я тутъ не причемъ.

— Хорошо, хорошо, встань!—строго замѣтилъ Зоричъ.—Если ты не виноватъ, то тебя и не тронутъ.

— Я не виноватъ, видитъ Богъ,—плакался карликъ, стоя на колѣняхъ;—почемъ мнѣ знать, какія бумажки фальшивыя и какія не фальшивыя? Я не грамотный...

— Хорошо, говорятъ тебѣ! Устай, Богъ т'убіо, момче!—не утерпѣлъ Зоричъ и заговорилъ на родномъ языкѣ:—устай, вуци те заколью!

Мухоморъ продолжалъ улыбаться. Изанъ-бея, видимо, мучала эта сцена, и онъ хмурился. Неранчичъ же, сидя въ сторонѣ, беззаботно игралъ своимъ кинжаломъ: то вынималъ его изъ ноженъ, то вновь вкладывалъ, а при послѣднихъ словахъ брата засмѣялся и проговорилъ:

— Что жъ ты, братку, все кричишь—устай, устай! Ужъ ты лучше запой по-сербски, какъ поютъ юнаки:

Устай, устай, србине,
Устай на оруже!

— А то еще лучше:

Устай, устай, Черноморе,
Ходи до острога!

— Полно тебѣ паясничать, братъ!—разсердился Зоричъ и хотѣлъ-было еще о чемъ-то спросить Малѣева.

Но въ это время походкою крадущейся кошки вошелъ въ комнату стряпчій Небосклоновъ, держа въ рукѣ треуголку, а подъ мышкой портфейль и почтительно кланяясь присутствующимъ.

— Имѣю честь рекомендовать: губернскій стряпчій, господинъ Небосклоновъ,—сказалъ Малѣевъ.

Стряпчій еще разъ поклонился и таинственно сказалъ, обращаясь къ послѣднему:

— На пару словъ, Иванъ Ивановичъ.

Малѣевъ подошелъ къ нему, сказавъ остальнымъ: „извините, господа“.

— Вамъ что угодно?—спросилъ онъ.

— Нашелъ-съ,—шепнулъ стряпчій, лукаво улыбаясь:—еврика-съ.

Они отошли за драпировку.

— Что нашли?—спросилъ Малѣевъ.

— И товаръ-съ, и фабрику-съ.

— Какъ! У Зановича?

— У него-съ: товарцу немного—нѣсколько сотенокъ сторублевыхъ-съ... Зато фабрика-съ...

— Инструменты.

— Инструментики-съ и бумажечки съ иголочки-съ, только не доконченныя-съ.

— А гдѣ нашли?

— Подъ поломъ-съ, въ ванной комнатѣ, подъ ковромъ-съ.

Малѣевъ задумался-было, но тотчасъ сказалъ:

— Значитъ, въ силу секретной инструкціи, мы должны и съ генерала, и съ его гостей взять подписку о невыѣздѣ.

— Такъ точно-съ, обязуемся-съ, а графчика съ метрессой и карловъ— въ Могилевъ подъ конвоемъ.

Малѣевъ воротился къ Зоричу и къ его гостямъ.

— Я долженъ сообщить вамъ, господа, прискорбное извѣстіе, — началъ онъ.

— Что такое?—тревожно спросилъ Зоричъ.

— По произведенному въ помѣщеніи графа Марка Зановича обыску, оказалось, что онъ занимался поддѣлкою россійскихъ ассигнацій, — отвѣчалъ Малѣевъ.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ Зоричъ, съ трудомъ скрывая волненіе.—Не повѣрю.

— Инструменты найдены...

— Доски и краски-съ,—добавилъ стряпчій.

— И не додѣланныя еще ассигнаціи.

Изанъ-бей вскочилъ и съ блестящими глазами подошелъ къ Зоричу.

— Хвала Аллаху!—радостно сказалъ онъ.—Я радъ, что онъ попался...

Помнишь, я тебѣ всегда говорилъ, что Зановичи — нехорошіе люди... Хвала Аллаху и его пророку!

Зоричъ ничего не отвѣтилъ. Онъ былъ очень взволнованъ. Прочіе всѣ молчали.

— Извините, господа, — прервалъ молчаніе Малѣевъ: — въ силу данной мнѣ инструкціи, я обязуюсь взять со всѣхъ васъ подписки о невыѣздѣ изъ Шклова впредь до рѣшенія дѣла.

— Какъ! и съ меня? — вспылилъ-было Зоричъ.

— И съ васъ, ваше превосходительство, и съ вашихъ гостей, — твердо произнесъ Малѣевъ.

— Ни за что! — закричалъ бывшій фаворитъ.

Но вдругъ въ умѣ шевельнулось опять: „Березовъ... Пелымъ... Березовъ... можетъ быть, совсѣмъ хотятъ отдѣлаться отъ меня... сгноить въ Сибири“...

— Впрочемъ, что же! — сказалъ онъ, опомнившись: — все равно я никуда не выѣзжаю изъ Шклова — развѣ только на охоту... Дайте бумаги и чернилъ!

Черноморъ, утирая слезы, принесъ и то, и другое. Ему стало легче, когда онъ узналъ, что и господинъ его „въ отвѣтѣ“.

— Вотъ вамъ! — размахнувшисъ подъ подписью, сказалъ Зоричъ: — на, братъ, пиши и ты.

— Изволь, нацарапаю.

Подписавшись, онъ подалъ бумагу Изанъ-бею.

— На, князюшка, катай по-бусурмански, что хочешь: никто не разберетъ, — засмѣялся онъ: — напиши — Аллахъ керимъ! — и баста.

— Я не знаю, что писать, — серьезно отвѣчалъ Изанъ-бей, обращаясь къ Малѣеву.

— Подпишите только ваше званіе, титулъ и имя подъ ихъ роспискою, — отвѣчалъ послѣдній: — можете подписаться и по-турецки.

Изанъ-бей присѣлъ къ столу и вывелъ на бумагѣ нѣсколько каракуль отъ правой руки къ лѣвой.

Малѣевъ обратился къ молчавшему дотолѣ блондину съ инстраннымъ орденомъ.

— Съ кѣмъ имѣю честь? — началъ-было онъ.

— J'ai l'honneur... Я баронъ Фридрихъ Іоганнъ фонъ-Вульфъ...

— Баронъ фонъ-Вульфъ, — перебилъ его Зоричъ: — капитанъ по службѣ его цесарскаго величества и маіоръ по службѣ прусскаго королевскаго величества, кавалеръ ордена де-ля-Провидансъ, вояжируетъ нынѣ по Россіи съ намѣреніемъ вступить въ службу ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни.

Фонъ-Вульфъ и Малѣевъ поклонились другъ другу.

— Не угодно ли и вамъ, господинъ баронъ, приложить руку подъ подпиской его превосходительства, — сказалъ послѣдній.

— Avec plaisir, monsieur... съ удовольствіемъ... mais je ne sais pas...

— Ничего, баронъ, подпишите вашъ титулъ и фамилію, — пояснилъ ему

Зоричъ:—votre nom avec votre titre et décoration... „de la Providance“.

Баронъ фонъ-Вульфъ также присѣлъ къ столу и расписался.

— А теперь выпьемъ за здравіе государыни императрицы... Эй, Черноморъ и Мухоморъ!—скомандовалъ Зоричъ:—шампанскаго!

VI.

„Муха въ паутинѣ“.

— Ну что, Александръ Васильевичъ, готова?

— Готова, ваше величество,—свѣженькая, мокренькая еще, сейчасъ изъ печати, изъ-подъ станка.

— Самъ въ типографіи былъ?

— Самъ, ваше величество, и съ княгиней Екатериной Романовной Дашковой.

— Спасибо... А покажи.

Такими словами, утромъ 7-го августа того же года, императрица Екатерина Алексѣевна встрѣтила Храповицкаго, вошедшаго въ ея кабинетъ съ портфелемъ въ рукахъ. Въ кабинетѣ уже находились Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-адъютантъ и фаворитъ императрицы, и другой ея любимецъ, „Левушка“, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Первый со словъ императрицы писалъ письмо Потемкину о томъ, что было раскрыто слѣдствіемъ по дѣлу графовъ Зановичей и Зорича, а „Левушка“ противъ своего обыкновенія не дурачился, но серьезно сидѣлъ за особымъ столомъ и исполнялъ обязанность Храповицкаго: занимался „перлюстраціей“ чужихъ секретныхъ писемъ.

Храповицкій вынулъ изъ портфеля небольшую книжку и подалъ ее государынѣ. То была только что отпечатанная одна изъ книжекъ издававшагося тогда подъ наблюденіемъ княгини Дашковой журнала „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“. Стоя у стола, Храповицкій, весь красный, вытиралъ фуляромъ вспотѣвшій лобъ.

Екатерина стала перелистывать книгу; и потомъ, какъ бы вспомнивъ что, обратилась къ Ланскому, который сидѣлъ противъ нея съ перомъ въ рукѣ.

— Спасибо, мой другъ,—сказала она ласково:—положи перо, а мнѣ передай разрѣзной ножикъ... Письмо ужъ мы послѣ допишемъ князю; оно и лучше: сегодня дѣло Зановичей князь Вяземскій будетъ докладывать съ мнѣніемъ сената.

Ланской подалъ черезъ столъ разрѣзной ножъ и, ставъ съ своего мѣста, обошелъ вокругъ письменнаго стола императрицы и сталъ у ея кресла, чтобы ближе видѣть принесенную Храповицкимъ новую книжку журнала.

— Вотъ та ода,—сказала она, вскинувъ глаза на Ланского:—о которой говорила мнѣ княгиня Дашкова.

Ланской пригнулся ближе къ книгѣ.

— Ода великому боярину и воеводѣ Рѣшемыслу, писанная подражениемъ одѣ къ Фелицѣ 1783 году,—прочелъ онъ вслухъ.

— Рѣшемыслъ—это князь Потемкинъ,—пояснила императрица.

— Ну, признаюсь, удружилъ! — кинулъ словцо изъ-за своего стола „Левушка“.

— Кто удружилъ, Левушка?—спросила Екатерина.

— Да Державинъ, матушка, Потемкину.

— Чѣмъ же, мой другъ?

— Да Рѣшемысломъ, матушка... Я бъ на мѣстѣ князя Григорія Александровича обидѣлся.

— Да что же тутъ обиднаго, Левушка? Вѣдь, я не обидѣлась, когда Державинъ назвалъ меня Фелицею, киргизъ-кайсацкою царевною.

— То Фелица, государыня, значитъ — счастливая или счастливящая подданныхъ; а воевода Рѣшемыслъ—это воевода, который рѣшился смыслу.

Екатерина улыбнулась.

— Ну, ты всегда что-нибудь вздумаешь,—сказала она и стала читать оду вслухъ.

Всѣ внимательно слушали. Екатерина читала эффектно, красиво, съ декламаторскимъ умѣньемъ, но слишкомъ отчетливо выговаривала слова—каждый слогъ, каждую букву, такъ что привычный слухъ сразу могъ уловить, что русскій языкъ—не ея родной, не материнскій языкъ, не Muttersprache, что дѣтскій слухъ ея воспитывался на иныхъ звукахъ, на чуждой фонетикѣ.

Кончивъ оду, она положила книгу на столъ и сказала:

— Хорошо, очень хорошо... только—далеко до Фелицы.

— Понятно: гдѣ же Рѣшемыслу тягаться съ самой Фелицей!—замѣтилъ Левушка, лукаво подмигнувъ Ланскому.

Ланской взялъ книгу и прочелъ:

— Сочинялъ З.....—Земля съ точками, а не сказано Державинъ. Что же означаетъ земля съ точками?

— А сколько точекъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— Пять,—отвѣчалъ Ланской.

— Ну, такъ и есть: это онъ въ пику Потемкину написалъ за то, что Потемкинъ потемнилъ его славу: Державинъ побѣдилъ Пугачева и завоевалъ у него Саратовъ, а Потемкинъ побѣдилъ самого султана и завоевалъ у него цѣлый Крымъ... Вотъ онъ и настрочилъ на него оду, да и подписался: „Сочинялъ З.....“, сирѣчь Злючка.

Всѣ разсмѣялись.

— А, вѣдь, Державинъ въ самомъ дѣлѣ презлой, очень строптивъ и самолюбивъ,—серьезно замѣтила Екатерина:—теперь все ссорится съ княземъ Вяземскимъ. Онъ вездѣ и со всѣми перессорится. Вонъ еще, когда онъ, какъ ты, Левушка, говоришь, завоевалъ у Пугачева Саратовъ, такъ

и тамъ съ Бошнякомъ поссорился, а самъ, все-таки, бѣжалъ отъ Пугачева. Теперь съ Вяземскимъ не уживется никакъ.

— А знаешь, государыня, за что онъ на Вяземскаго-то адомъ дышитъ?—спросилъ Нарышкинъ.

— Не знаю.

— А за то, что Вяземскій якобы сказалъ, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу. А все якобы изъ-за Фелицы.

— Какъ изъ-за Фелицы?

— А вотъ какъ, матушка, дѣло было: когда была напечатана ода къ Фелицѣ, ты послала ему подарокъ.

— Какъ же, послала, да еще и надписала на пакетѣ: „Изъ Оренбурга отъ киргизъ-кайсацкой царевны Фелицы мурзѣ Державину.“

— Такъ, помню, матушка... Такъ вотъ, когда курьеръ привезъ ему эту посылку, онъ въ это время обѣдалъ у Вяземскаго. Онъ и показываетъ ее князю. А тотъ, будто бы, взглянувъ гнѣвно на надпись, проворчалъ: „что-де за подарки отъ киргизовъ!“ Но когда потомъ увидалъ, что въ пакетѣ золотая, осыпанная бриллiантами табакерка, а въ ней пятьсотъ червонныхъ, да когда узналъ, какiе это киргизцы прислали подарокъ такой,— и воспылалъ якобы на него гнѣвомъ изъ зависти, что ты такъ высоко почтила стихотворца *).

— Что жъ, онъ заслужилъ это,—сказала императрица.— А теперь вотъ, сердясь на Вяземскаго, просится въ отставку.

— И хорошо дѣлаетъ, матушка.

— Почему?

— Да потому, что какъ началъ онъ служить въ ассигнацiонномъ банкѣ. у насъ и завелись ассигнацiонные сочинители.

— Какiе ассигнацiонные сочинители?—удивилась императрица.

— А графы Зановичи, матушка, что сочиняютъ свои ассигнацiи.

Императрица улыбнулась.

— Да, такихъ сочинителей я не жалую,—сказала она.

— А еще и то, государыня,—продолжалъ Нарышкинъ:—ты сама видишь, что когда Державинъ сталъ чиновникомъ, онъ потерялъ даръ стихотворства: сама ты находишь, что его ода Рѣшемыслу плоховата. А перестань онъ быть чиновникомъ, муза-то и воротится къ нему. Помнишь, что говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ стихотворенiи—Благодарность Фелицѣ—за табакерку-то:

Когда отъ должности случится
И мнѣ свободный часъ имѣть,
Я праздности оставлю узы,
Игры, бесѣды, суеты,—
Тогда ко мнѣ прiидутъ музы,
И лирой возгласишься Ты!

*) „Записки Державина“, изд. Бертенева, стр. 242.

— Видишь, матушка,—онъ тебѣ тогда другую Фелицу настрочитъ.

— И то правда.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ видный, лѣтъ подъ шестьдесятъ, но очень бодрый мужчина, съ сановитою наружностью, съ строгими глазами и матово-блѣднымъ лицомъ. За нимъ курьеры внесли нѣсколько полновѣсныхъ портфейлей.

— Ну, этотъ задавитъ матушку своими докладами,—комично проворчалъ подъ носъ Нарышкинъ.

Вошедшій поклонился. Это былъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій.

— Здравствуй, князь, — отвѣчала на поклонъ императрица. — Здоровъ ли?

— Здравствую, матушка государыня,—поклонился еще разъ Вяземскій.

— Что такую гору приволокъ?—улыбнулась Екатерина.

— Все дѣла, государыня, и законы: ты холостыхъ докладовъ не любишь—тебѣ на все подавай законы.

— Такъ, такъ,—продолжала улыбаться императрица:—люблю, чтобъ все было заряжено хорошо — не по воробьямъ, самъ знаешь, стрѣляемъ, а по государственнымъ нуждамъ. О чемъ же сегодня?

— По дѣлу Зановичей, государыня, и Зорича.

По лицу императрицы скользнула не-то тѣнь, не-то полоса свѣта — и исчезла. Оно опять стало мраморное, словно застывшее.

Вяземскій сталъ доставать бумаги, а Екатерина вскинула глаза на Ланскаго,—ея глаза скользнули по его стройной фигурѣ и скрылись подъ опущенныя вѣки.

Въ кабинетъ вошелъ Захаръ, любимый камердинеръ императрицы, съ полотенцемъ подъ мышкой и съ метелкой въ рукѣ. Онъ былъ мраченъ какъ туча. Екатерина сразу замѣтила это и постаралась скрыть невольную улыбку.

— Что, Захаръ?—спросила она, какъ бы не замѣчая его угрюмости.

— Увольте меня, государыня, — глядя на свои штиблеты, мрачно отвѣчалъ онъ.

— Какъ уволить?

— Совсѣмъ увольте, государыня, отъ службы.

— Что такъ?

— Неугоденъ я сталъ вашему величеству... Увольте-съ.

— Помилуй, Захаръ! Чѣмъ я провинилась передъ тобой? — она лукаво взглянула на Ланского и Нарышкина.

Вяземскій съ бумагами въ рукахъ приблизился къ столу. Захаръ быстро поворачивается къ нему и съ дрожью въ голосѣ говоритъ:

— Помилуйте, ваше сіятельство! разсудите вы насъ сами... Уволилъ я вчера истопника Илюшку: курицу хохлатую въ государственномъ птичникѣ укралъ — я его, неголяя, и прогналъ, чтобъ и духу его во дворцѣ не было... А теперь вотъ узнаю стороной: нынче чуть свѣтъ онъ поймалъ государыню на прогулкѣ, да въ ноги ей, прикинулся казанской сиротой:

семья-де большая, дѣти, слышь, малъ-мала меньше, такъ онъ де-дѣткамъ и взялъ курочку, чтобъ яички несла... А! каковъ плутъ!.. А она (Захаръ презрительно покосился въ сторону императрицы),—нѣтъ, чтобы примѣрно наказать плута, — она же не токмо подлеца помиловала, взяла опять въ истопники, да еще и пѣтуха ему дала!

— Ну, прости, Захарушка, — упрашивала Екатерина: — впередъ никогда не буду.

Захаръ угрюмо повернулся къ выходу.

Въ это время къ нему робко, на цыпочкахъ, подошелъ Нарышкинъ.

— Захаръ Константиновичъ! — заискивающимъ шопотомъ просилъ онъ:—будь отецъ родной!

— Что изволите, сударь? — все съ тою же угрюмостью спросилъ Захаръ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Захарушка! будь другъ!—умолялъ Левушка:—достань мнѣ живую муху въ паутинѣ.

— Какую, сударь, муху?—спросилъ тотъ.

— Да простую муху, голубчикъ: знаешь—которая попадетъ въ паутину и бьется, жужжитъ, а паукъ ее все больше запутываетъ.

— На что вамъ, сударь?

— Да нужно, дружокъ, вотъ сюда въ кабинетъ; а то я искалъ и тутъ, и вездѣ—хоть бы тебѣ паутинка!—а мнѣ до зарѣзу нужно.

— У насъ, сударь, паутины нѣтъ, развѣ на чердакѣ.

— Такъ не достанешь?

— Не достану, сударь... Вамъ бы все шутить, а мнѣ не до шутокъ.

И, не проронивъ больше ни слова, Захаръ сердито удалился.

— Матушка!—трагически воскликнулъ Левушка, такъ, чтобы и Захаръ слышалъ: — прогони ты этого варвара Захарку! Ни одной мухи и ни одного паука у тебя во дворцѣ не оставилъ: все какъ помеломъ вывелъ.

— А на что тебѣ муха?—спросила императрица.

— Да нужно, матушка; не нужно было бы—не просилъ бы.

Екатерина съ ласковой улыбкой обратилась къ Ланскому, а потомъ къ Вяземскому:

— А вѣрно Левушка какую-нибудь проказу затѣваетъ: его проказы и дурачества часто бываютъ умнѣе многихъ умныхъ затѣй другихъ умниковъ.

Но видя, что Вяземскій ждетъ, а Храповицкій потѣетъ надъ грудой „перлюстрованныхъ“ писемъ и депешъ, сдѣлала видъ, что ждетъ доклада.

— Я слушаю тебя, князь Александръ Алексѣичъ, — сказала она Вяземскому, превративъ за минуту веселое лицо въ холодный мраморъ.

VII.

Спасеніе мухи.

Императрица пригласила Вяземскаго знакомъ сѣсть противъ нея, а сама откинулась на спинку кресла, чтобы внимательнѣе слушать. Наискосокъ отъ нея усѣлся Ланской. Нарышкинъ же, усѣвшись за особымъ столикомъ, рядомъ съ Храповицкимъ, взялъ листъ бумаги и карандашъ и сталъ что-то прилежно чертить, повидимому, не слушая доклада, какъ это дѣлаютъ дѣти, но, въ сущности, не проронявъ ни одного слова изъ того, что говорилось въ кабинетѣ.

Вяземскій сжато, но обстоятельно изложилъ сущность дѣла о графахъ Зановичахъ, Зоричѣ, Неранчичѣ, Изанъ-беѣ и баронѣ фонъ-Вульфѣ.

— Такъ младшій Зановичъ тотчасъ ускакалъ въ Москву, какъ Потемкинъ изъ Шклова выѣхалъ въ Дубровну?—спросила императрица, что-то соображая.

— Въ ту же ночь, государыня,—отвѣчалъ Вяземскій.

— Такъ... Я полагаю, что они догадались, зачѣмъ уѣхалъ Потемкинъ,—сказала она, какъ бы размышляя вслухъ.

— Да и еврея, вѣрно, видѣли, какъ онъ приходилъ къ его свѣтлости,—добавилъ Вяземскій.

— Да, точно... Особливо же, когда еврей, побывавъ у Григорія Александровича, тотчасъ же сталъ покупать фальшивыя ассигнаціи. Теперь это для меня ясно: понявши опасность, братья стакнулись, и вотъ меньшой поскакалъ въ Петербургъ, якобы объявить... Но разумнымъ распоряженіемъ Энгельгардта онъ, младшій Зановичъ, былъ схваченъ?

— Точно такъ, государыня, — у самой заставы, и съ нимъ найдено болѣе семисотъ тысячъ сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій.

— Шутка сказать! На семьдесятъ слишкомъ милліоновъ! Да у меня и въ казнѣ столько нѣтъ въ наличности, — глядя въ красивые глаза Ланского, говорила императрица.—Такъ онъ сказалъ Шешковскому, что везъ эти ассигнаціи предъявить?

— Такъ точно, государыня.

— Ахъ, плутъ! А когда онъ воротился изъ-за границы?

— Еще зимой, государыня.

— Что жъ онъ тогда же не предъявилъ? А вотъ догадался, что еврей...—какъ его?

— Берко Изаксонъ.

— Такъ вотъ, когда Изаксонъ донесъ на нихъ, предъявилъ Потемкину ихъ плутни, такъ тогда и они вздумали предъявлять.

— Да вѣдь станокъ, государыня, печатный нашли у нихъ по обыску и доски.

— А ты видѣлъ станокъ?

— Видѣлъ, государыня; онъ у насъ при дѣлѣ.

— Искусно сдѣланъ?

— Съ такимъ, государыня, мастерствомъ сдѣланъ, что превосходитъ наши казенные станки. Видно, что искусный рѣзчикъ за границей дѣлалъ. Только видно, что не русскій: смѣшалъ литеру н а ш ъ съ литерою и ж е — и вышло а с с и г и а ц і я.

Вяземскій досталъ изъ папки одну фальшивую ассигнацію и подалъ императрицѣ.

— Вотъ, государыня, изволь сама видѣть.

— Вижу, вижу,—приглядывалась она къ бумажкѣ:—искусная поддѣлка... Да, точно, а с с и г и а ц і я.

Өна черезъ столъ подала ее Ланскому.

— Посмотри, какіе мастера.

Подошли взглянуть на бумажку и Нарышкинъ съ Храповицкимъ.

— Матушка, отдай мнѣ эту бумажку, сказалъ первый изъ нихъ, разсматривая ассигнацію.

— А зачѣмъ тебѣ? - спросила Екатерина.

— Державинской тещѣ подарю: она все беретъ, ничѣмъ не брезгуетъ *).

Императрица погрозила ему пальцемъ, а по строгимъ глазамъ Вяземскаго скользнула усмѣшка.

— Говорятъ, князь, будто ты тѣснишь Державина? — взглянула на него императрица.

— Помилуй, государыни!—мнѣ ли его тѣснить? Онъ всѣхъ тѣснитъ,— лукаво отвѣтилъ генералъ-прокуроръ:—я бы посадилъ его на мѣсто Шешковскаго —всему бы Парнассу досталось.

Екатерина только улыбнулась.

— Ну, а этотъ, что съ Зановичемъ въ Москвѣ накрыли при ассигнаціяхъ?—спросила она. — Какъ его?.. Санмораль, кажется?.. Monsieur Sans-moral!?

— Салморанъ, государыня.

— Ну, Салморанъ, Sans-moral—все равно. Это что за птица?

— Онъ, государыня, состоитъ учителемъ въ Зоричевомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И былъ соучастникомъ этихъ плутовъ Зановичей?

— Такъ точно, государыня. Онъ Шешковскому во всемъ признался. Какъ извѣстно тебѣ, государыня, Зоричъ замотался, вошелъ въ неоплатные долги—при его-то богатствѣ. Вотъ Зановичи и обѣщались выплатить за него всѣ долги...

— Вотъ такими-то денежками, — замѣтила императрица, указавъ на фальшивую ассигнацію.

— Именно. Такъ Зановичи и обѣщались расплатиться съ кредиторами Зорича, съ тѣмъ, чтобы онъ отдалъ имъ Шкловъ съ принадлежащимъ

*) „Дневникъ Храповицкаго“, стр. 389, 392 и 395.

къ нему имѣніемъ въ ихъ управленіе на столько лѣтъ, пока они не получатъ своей суммы съ процентами; Зоричу же обязывались давать въ годъ по сту тысячъ на прожитіе.

— Каковы молодцы! Именно все messieurs Sans-morals...

— Такъ точно, государыня.—Такъ вотъ этотъ Салморанъ и открылъ Шешковскому, что Зановичи просиживали съ Зоричемъ, запершись, цѣлыя ночи, уговаривая его по сему предмету.

— Значитъ, онъ не поддавался, что его должно было уговаривать?—живо спросила императрица.

— Должно полагать, государыня... Такъ вотъ этотъ Салморанъ и употребленъ былъ въ посредство, ибо Зоричъ ему довѣрялъ.

— Что же Зоричъ?—съ тою же живостью допрашивала Екатерина.

— А Салморанъ, государыня, Зорича оправляетъ, якобы онъ не зналъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

У Екатерины точно камень съ сердца свалился.

— Не зналъ?.. Я такъ и думала... Зоричъ, можно сказать, двѣ души имѣетъ: любитъ доброе, но дѣлаетъ худое, храбръ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но лично трусъ *).

Вяземскій поклонился.

— Но съ другой стороны, ваше величество,—продолжалъ онъ докладывать:—въ дѣлѣ имѣются указанія, будто Зоричъ неоднократно говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что и подало сенату подозрѣніе, что самъ Зоричъ участвовалъ въ дѣланіи ассигнацій или же былъ о томъ свѣдомъ **).

— Подозрѣніе это, однако, — возразила императрица, — ничѣмъ не подтверждается, какъ я вижу изъ доклада: Салморанъ, самъ же ты говоришь, оправилъ его.

— Точно, государыня, оправилъ.

— А Зановичи?

— И они, государыня, оправили.

— Значитъ, Зоричъ могъ и на самомъ дѣлѣ говорить, что онъ скоро расплатится съ долгами и снова будетъ богатъ отъ Зановичей, положимъ; но все же онъ могъ не знать, что его и вызволятъ изъ долговъ, и обогатятъ фальшивыми ассигнаціями.

— Точно, ваше величество, могъ и не знать.

— Зналъ, значитъ, только Салморанъ, яко посредникъ, и братья Зановичи, яко совершители и затѣйщики всего сего гнуснаго замысла. — А Неранчичъ?—спросила она.

— Неранчичъ, ваше величество, тоже могъ ничего не знать,—отвѣчалъ Вяземскій.

*) Подлинныя слова императрицы („Дневникъ Храповицкаго", 435).

**) „Записки Энгельгардта", 31.

— Я то же думаю,—сказала Екатерина:—онъ не смотритъ плутомъ: онъ простота.

— И игрокъ, ваше величество. Это всѣ скажутъ, государыня. Еще когда онъ болтался по Парижу, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, то Фонвизинъ встрѣчался съ нимъ тамъ и писалъ о немъ, что Неранчичъ-де „никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ“ *).

Императрица улыбнулась.

— Это на него похоже... А этотъ князь Изанъ-бей? Точно ли онъ племянникъ султана? Не изъ авантуровъ ли, какихъ нынѣ развелось немало: и Пугачевы, и Богомоловы... Можетъ, онъ такой же родня султану, какъ мнѣ княжна Тараканова?

— Не могу сказать, государыня; но Зоричъ зналъ его еще въ Константинополѣ и пользовался его благодѣяніями. Да и изъ дѣла значится, что когда Зановича накрыли съ инструментами, бей радостно выкликнулъ при всѣхъ и при слѣдователяхъ: „хвала Аллаху! что его поймали“. А потомъ, обратясь къ Зоричу, сказалъ: „помнишь, я тебѣ всегда говорилъ, что Зановичи нехорошіе люди“.

— Я рада за него, — сказала императрица. — А что этотъ, четвертый, какъ его?

— Баронъ фонъ-Вульфъ, государыня.

— Да, онъ.

— Изъ дѣла видно, государыня, что онъ тутъ не при чемъ.

— А откуда онъ?

— Изъ его словъ и изъ документовъ видно, что родился онъ въ Голландіи, въ городѣ Амстердамѣ. Отецъ его экипажъ-мейстеръ и вице-адмирасъ въ голландской службѣ, баронъ Іоганнъ фонъ-Вульфъ, и нынѣ живъ. Этотъ же фонъ-Вульфъ, что прикосновенъ къ настоящему дѣлу, въ малолѣтствѣ посланъ былъ отцомъ въ Цесарію для наукъ и жилъ въ Вѣнѣ, и записанъ былъ кадетомъ, гдѣ и дослужился до капитана; а въ 1777 году отставленъ былъ отъ службы...

— А за что?

— По своей волѣ, государыни; а въ 1778 году, поѣхалъ онъ въ Пруссію и записалъ былъ тамъ въ службу, а черезъ годъ отставленъ маіоромъ, и отъ владѣтельнаго графа резиденціи Нассау-Саарбрюкъ, Мондфорта, пожалованъ ему орденъ „de la Providence“. По отставкѣ изъ прусской службы онъ много вояжировалъ по разнымъ странамъ, а въ 1782 году пріѣхалъ въ Россію, чтобъ опредѣлиться въ службу.

— И попалъ къ Зоричу—зачѣмъ?—спросила Екатерина.

— Я полагаю, государыня, для протекціи: ему, видно, наговорили, что Зоричъ въ силѣ.

---

*) Подлинныя слова Фонвизина о Неранчичѣ (Сочин. Фонвизина, 1866 г., стр. 343).

Императрица торопливо, словно украдкой, глянула на Ланского, а потомъ на Нарышкина, и замѣтила, что они съ Храповицкимъ что-то разсматриваютъ тамъ на письменномъ столѣ и смѣются, желая это скрыть.

— Ты чему тамъ, повѣса, радуешься?—спросила она Нарышкина.

— Я не радуюсь, матушка, а плачу, — отвѣчалъ тотъ, скорчивъ плаксивую рожу.

— Надъ чѣмъ?—улыбнулась Екатерина.

— Надъ мухой, государыня.

— Надъ какой мухой?

— А вотъ, матушка; въ тенета къ паукамъ попалась.

— А покажи, повѣса.

Онъ всталъ и подалъ императрицѣ листъ, на которомъ было что-то нарисовано карандашомъ.

— Это что такое?—спросила Екатерина.

— А это, государыня,— вонъ Александръ Васильевичъ (онъ указалъ на Храповицкаго, который сидѣлъ красный какъ ракъ), — онъ это, при перлюстраціи, нашелъ въ одномъ пакетѣ.

Императрица невольно разсмѣялась.

— Ахъ ты, шпынь! И точно: муха въ паутинѣ... Посмотри-ка (она подозвала къ себѣ Ланского): и муха, и пауки, что запутали ее— видишь?

— Вижу, государыня, — отвѣчалъ Ланской: — а у мухи лицо человѣческое.

— А на кого похожъ, узнаешь?

— Ахъ, государыня, да это самъ Зоричъ... двѣ капли воды.

— А пауки?

— Это, должно быть, Зановичи, государыня.

— Они и есть... Посмотри-ка, князь, это твои подсудимые, — подозвала она Вяземскаго.

Вяземскій подошелъ и долго вглядывался въ рисунокъ. Серьезное лицо его кривилось улыбкой.

— Искусно, искусно,—шепталъ онъ: — и Захаръ съ метлой тутъ же.

— Гдѣ Захаръ? —спросила императрица:—я и не замѣтила.

— А вотъ, государыня, изъ двери показывается.

Вяземскій показалъ на нарисованную фигуру Захара, съ полотенцемъ подъ мышкой и съ метлой въ рукѣ. Вглядѣвшись поближе въ рисунокъ, императрица громко расхохоталась.

— Ахъ разбойникъ! ахъ ты шпынь! — Да вѣдь это не Захаръ — это онъ меня нарисовалъ, только нарядилъ Захаромъ... Мое лицо—вылитая...

Рисунокъ произвелъ положительный эффектъ. Всѣ смѣялись. Храповицкій плакалъ отъ слезъ, сморкался и утирался фуляромъ. Императрица блестящими отъ слезъ глазами смотрѣла то на Вяземскаго, то на Ланского.

— А! меня-то — Захаромъ, съ метлой... Ну, Левушка! буду жъ я Захаромъ: убью пауковъ метлой, а муху выручу изъ бѣды.

Она обернулась къ Нарышкину. Слезы радости сверкали на ея повеселѣвшихъ глазахъ.

— Иди ко мнѣ, Левушка, мой старый, мой лучшій другъ! Я говорила, что твои дурачества несравненно умнѣе многихъ умныхъ затѣй другихъ умниковъ... Дурачествомъ ты часто спасалъ меня отъ неправды; отъ жестокихъ приговоровъ... Ты лучше другихъ знаешь мое сердце... Спасибо же тебѣ, мой другъ!.. Вѣдь я чуть не погубила человѣка невиннаго.

Левушка обнималъ ея колѣни, цѣловалъ край платья...

— Матушка! ты —великая, ты—премудрая!..

Она выпрямилась и подошла къ столу.

— Князь! подай опредѣленіе сената.

Вяземскій почтительно подалъ требуемое. Екатерина взяла перо, обмокнула въ чернила и нагнулась къ столу.

— Графовъ Зановичей заключить въ Нейшлотскую крѣпость безъ сроку,—сказала она и написала это.

Вяземскій молча поклонился.

— Учителя Салморана сослать въ Сибирь на вѣчныя времена.

Вямемскій еще разъ поклонился.

— Зорича освободить отъ всякихъ подозрѣній.

Снова Вяземскій кланяется.

— Что касается Изанъ-бея, Неранчича и барона фонъ-Вульфа,—сказала Екатерина, передавая сенатскій журналъ Вяземскому:—то я совѣтовала бы имъ бросить совсѣмъ карты.

VIII.

На мѣстѣ храма Ифигеніи въ Тавридѣ.

Прошло около четырехъ лѣтъ.

Зоричъ продолжалъ праздно жить въ своемъ Шкловѣ и съ грустью вспоминать о томъ времени, когда онъ былъ наверху славы и могущества, когда Милліонная, противъ его дворца, была запружена каретами его хвалителей и льстецовъ, съ утра до ночи толпившихся въ его пріемной и ждавшихъ его милостиваго взгляда... Давно все прошло...

Теперь на его мѣстѣ другой счастливецъ, гдѣ другой!—третій или четвертый... Ланской скоропостижно умеръ, и какъ о немъ горько, безутѣшно плакали!.. Но, все-таки, утѣшились съ Ермоловымъ...

Но и его скоро сбыли... Теперь тамъ уже Мамоновъ... А объ Зоричѣ и не вспомнили...

И вотъ онъ тоскуетъ въ своемъ Шкловѣ. Зановичи продолжаютъ сидѣть въ нейшлотскихъ казематахъ, Салморанъ—изнывать въ далекой, холодной Сибири. Неранчичъ нашелъ себѣ дѣло—молодечествуетъ въ гусарахъ, шибко идетъ въ гору и попрежнему не выпускаетъ изо рта трубки, а изъ рукъ—картъ. У Изанъ-бея умеръ старшій братъ, и султанъ, узнавъ

о существованіи Иванъ-бея, повелѣлъ ему возвратиться въ Константинополь и даже приблизилъ его къ своей особѣ: Иванъ-бею поручена была одна изъ высшихъ и почетнѣйшихъ придворныхъ должностей — подавать султану умываться.

Гдѣ же баронъ фонъ-Вульфъ?..

Перенесемся мысленно на югъ, подъ ясное, бирюзовое небо только что пріобрѣтеннаго отъ Турціи Крыма, къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Севастополь, Георгіевскій монастырь и Херсонесъ, бывшій Корсунь.

Роскошный майскій вечеръ. Жаркое солнце, которое немилосердно жгло днемъ, съ самаго утра, подбившись далеко къ западу, уже не палитъ, а только нѣжитъ теплотою юга. Спокойное, какъ зеркало, бирюзовое море дышитъ только у берега, неустанно набѣгая на острые зубья прибрежныхъ скалъ и на отшлифованные вѣчнымъ треніемъ приливовъ и отливовъ валуны и гальки. Отъ этого спокойнаго дыханія великана вѣетъ на берегъ тихимъ, ласкающимъ вѣтеркомъ. Надъ моремъ вьются чайки, оглашая тихій воздухъ жалобнымъ крикомъ. Дальше, изъ бирюзы моря бѣлѣются кое-гдѣ небольшіе паруса, словно поднятыя крылья тѣхъ же бѣлыхъ чаекъ. На небѣ хоть бы облачко. На дальнемъ востокѣ высится гигантскою спиною, какъ бы подпирающею небо, исполинскихъ размѣровъ продолговатая скала: это Чатырдагъ—земной тронъ Аллаха.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ надъ исполинскимъ обрывомъ къ морю ютится Георгіевскій монастырь, въ концѣ XVIII столѣтія еще ничего не было. Валялись кое-гдѣ обломки каменныхъ плитъ, проросшихъ колючею травою, да кусочки мрамора, какъ бы осколки отъ какихъ-либо зданій, невѣдомо когда здѣсь стоявшихъ и невѣдомо когда разрушившихся и сравнявшихся съ землею. Нѣкоторые русскіе академики, посѣтившіе тогда въ первый разъ Крымъ, утверждали, что на этомъ самомъ мѣстѣ, когда еще Крымъ населяли полудикіе листригоны-разбойники, о которыхъ говоритъ Гомеръ въ одной изъ рапсодій своей „Одиссеи", и тавроскиѳы,—на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ храмъ Діаны, тотъ именно храмъ, главною жрицею въ которомъ была Ифигенія.

Въ описываемый нами вечеръ, 22-го мая 1787 года, на мѣстѣ развалинъ этого храма, надъ глубочайшимъ обрывомъ, на скалистое подножіе котораго тихо, гармонически набѣгали волны бирюзоваго моря и также тихо, гармонически, съ шопотомъ трущихся одна о другую галекъ и съ бѣлоснѣжною пѣною снова уходили въ это спокойное бирюзовое море, сидѣли какіе-то двое мужчинъ, повидимому, военные, и, казалось, предавались мечтательному созерцанію разстилавшейся передъ ними картины, прислушиваясь къ тихому плеску моря у подножія обрыва и къ жалобнымъ крикамъ чаекъ.

— Такъ бы, кажись, и не сошелъ съ этого мѣста, вѣкъ бы глядѣлъ на это синее море, на скалы, на эти лиловыя горы, вѣкъ бы слушалъ, какъ шепчется о чемъ-то море у берега, никому не повѣдая своихъ тайнъ, и все думалъ бы, думалъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ, задумчиво глядя въ

— А о чемъ думалъ бы?—спросилъ другой, чертя палкой по обломкамъ камней.

— О чемъ? Я и самъ, братъ, не знаю: о томъ, что шепчетъ это море, о чемъ плачутъ эти чайки.

— Эка выдумалъ! Да море ничего не шепчетъ, такъ зря плещется. А о чемъ плачутъ чайки, да просто рыбки захотѣли: они вить жадныя—все имъ жратвы мало.

— А все же думается,—возражалъ первый.

— Чудакъ ты,—посмотрю я на тебя,— качалъ головой его собесѣдникъ:—мечтатель ты!

— А развѣ тебѣ ни о чемъ не думается?

— Ни о чемъ... ну, конечно, поѣсть это хорошенько, выпить, переглянуться съ пригоженькой.

— Ну, да я не о томъ... я вотъ сижу тутъ съ тобой, а мнѣ и думается многое, многое: какъ когда-то смотрѣла на это же синее море Ифигенія, какъ присталъ къ берегу ея братъ, какъ Одиссея прибило къ этимъ берегамъ.

— Да, можетъ, этого никогда и не было, а ты свои мозги бередишь.

— Нѣтъ, было... Вотъ и чайки всегда такъ кричали... Да и чего не видѣлъ этотъ берегъ!—и генуэзскіе, и венеціанскіе корабли, что пріѣзжали въ Крымъ за невольниками, и чубатыхъ казаковъ на ихъ лодочкахъ, и Одиссея...

— А ты все со своимъ Одиссеемъ! Ты скажи лучше, что теперь эти татарскіе берега видятъ: великую русскую царицу, цесарскаго императора, разныхъ посланниковъ, весь генералитетъ! Вонъ посмотри, какъ въ Севастопольской бухтѣ расцвѣчены всякими флагами корабли.... А то Одиссей, Ифигенія! Да эти полуголые грекосы ничего подобнаго и не видывали.

Вдругъ внизу, значительно правѣе того мѣста, гдѣ сидѣли собесѣдники, за обрывомъ крутой скалы послышался отчаянный женскій крикъ.

— Спасите! спасите!—доносились откуда-то вопли невидимой женщины.

Собесѣдники вскочили на ноги и стремительно бросились къ тому мѣсту обрыва, откуда неслись крики. Когда они обогнули одинъ выступъ скалы, то за нимъ, у края бездны, неровными зубьями и отвѣсною потомъ стѣною спускавшейся прямо въ море, увидѣли мечущагося въ отчаяніи пожилого толстаго мужчину, который заглядывалъ внизъ, въ бездну, и въ ужасѣ кричалъ невѣдомо кому:

— Батюшки, помогите! батюшки, погибла! Кто въ Бога вѣруетъ,— спасите!

— Что, гдѣ? кто упалъ?—спрашивали прибѣжавшіе на помощь.

— Голубчики! родимые! жена моя оборвалась, Маша моя!— вопилъ толстякъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и падая на колѣни передъ прибѣжавшими:—спасите, спасите!

Тотъ изъ прибѣжавшихъ, котораго собесѣдникъ его называлъ „чудакомъ“ и „фантазеромъ“, высокій, стройный и плечистый блондинъ, съ смѣ-

лымъ, даже дерзкимъ взглядомъ голубыхъ глазъ, схватилъ толстяка за плечи и сталъ трясти.

— Гдѣ, гдѣ она? Куда упала?

— Спасите! спасите!—вновь послышался женскій, но уже болѣе слабый крикъ, и, казалось, очень близко, почти подъ ногами.

„Чудакъ", бросивъ толстяка, повернулся на крикъ и глянулъ съ крутизны внизъ; но за торчащими надъ обрывомъ камнями ничего не увидѣлъ. Тогда онъ легъ на землю и поползъ къ краю обрыва.

— Милашевичъ!—крикнулъ онъ:—держи меня за ноги, оба держите!

Тотъ, кого онъ называлъ Милашевичемъ, и толстякъ исполнили его приказаніе: они уперлись колѣнями въ землю и стали держать того, который ползъ къ обрыву.

— Отпустите немного!.. Такъ... будетъ... держите крѣпче!

Онъ вытянулся во весь ростъ, придерживаясь за край обрыва, и глянулъ въ бездну.

— Вижу, вижу,— проговорилъ онъ радостно:— сударыня, держитесь! подержитесь нѣсколько секундъ, только не оглядывайтесь въ пропасть и не шевелитесь.

Ему представилось страшное зрѣлище, отъ котораго леденѣла кровь. Молодая, красивая женщина, смертельно блѣдная, упершись ногами въ край отвѣснаго обрыва, нависшаго надъ моремъ, и прижавшись къ такой же отвѣсной стѣнѣ, отчаянно держалась руками за выдающійся изъ скалы камень. И надъ нею, и подъ нею—изрытыя бороздами стѣны скалъ. Малѣйшее движеніе, слабость въ рукахъ или ногахъ, головокруженіе, и она неминуемо должна была низринуться въ бездну, съ страшной высоты. Изъ-подъ ногъ ея выскользали камни и скатывались въ море. Но ей подняться на скалу не было никакой возможности, хотя до уступа, съ котораго она упала, скорѣе сползла, на этотъ ужасный карнизъ, руки ея не доставали на нѣсколько вершковъ. Но и тамъ уцѣпиться было не за что, кромѣ скатывающихся внизъ камней.

Бѣлокурый смѣльчакъ во мгновеніе ока сообразилъ, какъ ему начать дѣйствовать.

— Держитесь! — крикнулъ онъ снова: — я сейчасъ къ вамъ... Потяните меня!

Его потянули за ноги. Съ вздувшимися на лбу жилами, съ налившимися кровью глазами, поднялся онъ на ноги и торопливо пошелъ вправо, въ обходъ остраго выступа. Тамъ вела влѣво внизъ, узенькая покатость въ родѣ карниза. Онъ пошелъ по этому карнизу, обрушивая камни, которые скатывались съ кручи, прыгали по острымъ выступамъ скалъ и съ гуломъ низвергались въ море. Нѣсколько ниже онъ уже долженъ былъ ползти, чтобы приблизиться къ краю обрыва, къ тому самому мѣсту, гдѣ нѣсколькими четвертями ниже онъ уже видѣлъ оцѣпенѣвшіе на камнѣ пальцы молодой женщины, а еще ниже—ея мертвенно-блѣдное лицо и глаза, въ которыхъ виднѣлся невыразимый ужасъ. Черные волосы ея въ безпоряд-

бѣ падали на бѣлое платье, а соломенная шляпа, съ голубыми лентами, глубоко-глубоко внизу, колыхалась на гладкой синевѣ моря.

Смѣльчакъ былъ у цѣли. Онъ опустился на колѣни, уперся этими колѣнями въ выдавшійся передъ нимъ камень, и нагнулся.

Въ одно мгновеніе жилистыя руки его вцѣпились въ прикипѣвшія къ камню руки молодой женщины, словно тисками сжали кисти ихъ, и потянули...

Но опора для смѣльчака, колѣни, была слишкомъ слаба въ наклонномъ положеніи, а тяжесть повисшаго въ его рукахъ тѣла слишкомъ велика... Онъ собралъ всѣ свои силы; лицо его побагровѣло отъ натуги... Еще мгновеніе, и двѣ жертвы разомъ, стремглавъ полетятъ въ море...

Но онъ осилилъ! Женщина была поднята на уступъ; только она была уже безъ сознанія.

— Она спасена! Молитесь Богу!—огласилъ скалы и море радостный крикъ.

— Маша моя! Маша моя! — рыдалъ отъ счастья мужъ; но выступъ скалы мѣшалъ ему видѣть, что дѣлалось внизу. — Маша! голубка! иди скорѣй!

— Она въ обморокѣ! погодите!—отвѣчали снизу.

Обморокъ продолжался, впрочемъ, недолго. Она открыла глаза. Надъ нею, стоя на колѣняхъ, склонился кто-то незнакомый и держалъ ее за руку. Надъ нею, выше нависли скалы, а тамъ, глубоко внизу, синѣло ужасное море. Сознаніе вернулось къ ней, она все поняла и все вспомнила. Она вспомнила эти голубые глаза, которые глядѣли на нее въ самую страшную минуту жизни.

— Вы спасли меня... Кто вы, добрый ангелъ?—слабо спросила она.

— Я, сударыня, странствующій воинъ-иностранецъ.

— Ваше имя, государь мой?

— Баронъ фонъ-Вульфъ, къ вашимъ услугамъ.

Она притянула его руку къ губамъ и поцѣловала.

— Что вы, сударыня!—вырвалъ онъ руку.

— Я должна ноги ваши цѣловать... Я такъ хочу жить!

Поддерживаемая своимъ спасителемъ, она поднялась.

— Да, я здѣсь-было погибла... Тутъ камни осунулись...

— Дайте руку, вотъ такъ... держитесь... сюда ступайте... не глядите внизъ...

— Съ вами я не боюсь.

— Ступите ногой вотъ сюда, такъ... Придержитесь за этотъ уступъ...

— Благодарю, вы—мой спаситель!

— Вотъ мы и выбрались!—радостно сказалъ, наконецъ, фонъ-Вульфъ.— Вотъ ваша супруга, государь мой! Берегите ее...

Толстякъ бросился на колѣни, плакалъ и не зналъ, чьи ноги обнимать—женины ли отъ радости, или ея спасителя...

— Машурочка моя! голубушка!.. Государь мой! спаситель! милостивецъ!

— Поздравляю!—обнималъ своего друга Малашевичъ.—Ты герой!

Толстякъ не скоро пришелъ въ себя. Онъ порывисто обнималъ и жену, и ея спасителя.

— Государь мой! кому я обязанъ спасеніемъ моего сокровища?—бормоталъ онъ.—Кого я долженъ благодарить, за кого молиться?

— Имѣю честь рекомендоваться: маіоръ прусской службы, баронъ фонъ-Вульфъ, а это мой другъ — корнетъ Милашевичъ, — отвѣчалъ блондинъ.

— Очень радъ, очень радъ! Службы ея императорскаго величества генералъ-маіоръ Ляпуновъ, Ляпуновъ-съ... сочту за честь... жена моя, Марія Дмитріевна-съ... Ахъ ты, ласточка моя!.. да какъ ты туда угодила? Я и опомниться не могу... вдругъ слышу — крикъ... Ахъ ты, Господи!.. ахъ вы, благодѣтели мои!

— У меня до сихъ поръ руки и ноги дрожатъ,—сказала молодая генеральша:—я сяду.

— Садись, садись, Маша! Ишь бѣдная!.. И какъ это тебя угораздило?

— Въ самомъ дѣлѣ, сударыня, — вѣжливо обратился къ ней фонъ-Вульфъ:—разскажите, какъ вы тамъ очутились?

— Стыдно и признаться, —отвѣчала молодая женщина, краснѣя: — просто по глупости, по капризу... Въ Крыму я первый разъ теперь: къ мужу вотъ изъ Москвы пріѣхала.

— А я, государи мои, — пояснилъ генералъ: — командированъ былъ сюда по подводной части, насчетъ поставки лошадей подъ государынинъ вояжъ, а жена въ Москвѣ оставалась.

— Такъ вотъ я и пріѣхала сюда на-дняхъ, а сегодня мы съ мужемъ променадъ учинили сюда — хотѣлось мнѣ всѣ эти мѣста видѣть. Мы и пріѣхали сюда, вышли изъ коляски и подошли вотъ къ этому мѣсту. Мы и сѣли здѣсь полюбоваться моремъ и этой бездной. Все это мнѣ такъ понравилось, такъ понравилось, что я, кажется, не ушла бы отсюда.

Милашевичъ украдкой, но многозначительно взглянулъ на своего друга.

— Сижу я и любуюсь,—продолжала генеральша:—а онъ и вздремнулъ.

— Да, государи мои, согрѣшилъ,—перебилъ ее мужъ:—задумался это, заглядѣлся на сіи красоты—и заснулъ грѣшнымъ дѣломъ.

— А я сижу и слушаю, какъ чайки кричатъ,—снова продолжала генеральша:—и вижу я, что вонъ тамъ, у того обрыва, одна чайка все садится: я и догадалась, что тамъ у нея гнѣздо и дѣти — я видѣла, какъ она ихъ кормила. А я молодыхъ чаекъ никогда не видала, и захотѣлось мнѣ взглянуть на гнѣздо. Я же въ дѣвушкахъ ужасная была шалунья— въ деревнѣ у себя и по горамъ, и по оврагамъ, и по деревьямъ лазила, и вообще лазить мастерица.—Вотъ я и спустилась туда вонъ, откуда вы меня втаскивали наверхъ, — обратилась она къ фонъ-Вульфу, вся вспыхнувъ: — хотѣла я шагнуть туда дальше, на ту сторону, чтобъ добраться до чайкина гнѣзда, а подо мной камни и обсыпались, — я и покатилась внизъ, да, слава Богу, зацѣпилась за выступъ, гдѣ вы меня и спасли...

Замедли вы минуту—и меня не стало бы въ живыхъ: я ужъ и такъ отдавала душу свою Богу.

— А я-то, представьте себѣ, вдругъ слышу — крикъ! Просыпаюсь — нѣтъ Маши!.. Это она кричитъ, а гдѣ—не вижу! Я чуть съ ума не сошелъ, хотѣлъ съ кручи броситься прямо въ море: думалъ—она тамъ... А тутъ вы прибѣжали... А я-то съ моею тучностью... да гдѣ бы мнѣ!

Генералъ только руками развелъ.

Между тѣмъ вечерѣло. Солнце все ниже и ниже опускалось къ бирюзовому морю, которое принимало теперь другую окраску — лиловую. Тѣнь отъ небольшого скалистаго островка, торчавшаго изъ моря въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега, становилась гигантскою и широкой полосой всползала на обрывистые утесы. Чайки отлетая на ночлегъ, какъ бы прощались съ заходящимъ солнцемъ жалобными криками. Скалистая вершина Чатырдага ярко горѣла отраженнымъ свѣтомъ опускавшагося въ море огненнаго шара. Вотъ уже часть его диска погрузилась въ воду. Остальная его часть, постоянно утопая въ далекой безднѣ, все болѣе и болѣе багровѣла. Вотъ-вотъ остается только небольшой окраекъ багроваго шара, изъ котораго, казалось, брызгали огненные лучи, зажигавшіе цѣлую треть опрокинувшагося надъ моремъ голубого, все болѣе и болѣе темнѣвшаго неба. Вотъ и послѣдній окраекъ багроваго диска все таетъ, таетъ, все глубже утопаетъ въ далекой пучинѣ—свѣтится лишь одна огненная точка, брызжущая огненными лучами. Наконецъ, и она утонула, брызнувъ въ послѣдній разъ золотыми нитями.

— Что же мы?—какъ бы спохватилась генеральша:—что мы не просимъ нашихъ дорогихъ... знакомыхъ... къ намъ... на чашку чаю?

Генералъ встрепенулся.

— Да, да, душа моя! Милости просимъ, осчастливьте, господинъ баронъ...

— Благодарю... я...

— Нѣтъ, нѣтъ! И вы, молодой человѣкъ.

— Merci... Я очень радъ...

— Да, да!—суетился генералъ:—мы ваши вѣчные должники и не отпустимъ васъ...

— Но мы въ такомъ костюмъ...

— Въ охотничьемъ?—Что жъ!—не на балъ ѣдемъ.

— Мы и ружья тамъ оставили въ суматохѣ.

— Что жъ! и ружья заберемъ.

— Только ужъ мнѣ не взять своей шляпки,—слабо улыбнулась генеральша:—бѣдненькая!

— Да, ужъ шляпочка твоя тю-тю!... поминай, какъ звали... Слава Богу, что уцѣлѣло то, на что шляпочку надѣваютъ,—сострилъ генералъ.— Ну, съ Богомъ, господа,—коляска недалеко: кстати же она и четверомѣстная—хватитъ на всѣхъ.

Стали собираться. Милашевичъ побѣжалъ за ружьями.

— А вы меня, баронъ, ужъ и до коляски доведите,— обратилась генеральша къ фонъ-Вульфу.

— Съ удовольствіемъ,—и онъ подалъ ей руку.

— У меня и теперь руки и ноги дрожатъ... Вонъ я какая... Вамъ тяжело?

— Нисколько, увѣряю васъ.

— Ужъ если господинъ баронъ вытащилъ тебя изъ могилы,—радостно болталъ генералъ:—такъ до коляски довести—плевое дѣло.

IX.

Роковая минута.

Черезъ нѣсколько дней, изъ Севастополя, по направленію къ тому мѣсту, гдѣ были развалины храма, въ которомъ жрицей была Ифигенія ѣхалъ всадникъ рядомъ съ амазонкой.

Въ высокомъ, бѣлокуромъ всадникѣ можно было узнать барона фонъ-Вульфа. Красивая посадка, умѣнье обращаться съ лошадью и безпечный видъ, съ которымъ онъ управлялъ горячимъ скакуномъ, сразу изобличали въ немъ хорошаго кавалериста. Въ амазонкѣ, красиво перетянутой чернымъ кушакомъ, и съ розою на пышной груди, также нетрудно было узнать молоденькую генеральшу Ляпунову.

Она весело болтала о послѣднихъ событіяхъ, которыми былъ взволнованъ весь полуостровъ и весь югъ Россіи—о посѣщеніи Крыма и Севастополя императрицею въ сопровожденіи австрійскаго императора Іосифа II, скрывавшаго, ради этикетныхъ мелочей, свой императорскій санъ подъ инкогнито графа Фалькенштейна, и съ блестящею свитою, состоявшею изъ посланниковъ, министровъ и придворной знати.

Ляпунова была полненькая брюнетка, съ большими черными глазами и смуглою, немножко цыгановатаго цвѣта кожею кругленькаго личика, съ крупными какъ у египетскихъ сфинксовъ губами и нѣсколько вздернутымъ носикомъ. Черная коса, полуприкрытая полями шляпки, отливала вороновымъ крыломъ.

— Мамонова, говорятъ, она не отпускаетъ отъ себя ни на шагъ,— болтала молоденькая генеральша, играя хлыстикомъ.

— Да... говорятъ, она очень ревнива: мнѣ Зоричъ разсказывалъ, а ему говорилъ Гарновскій, близкое лицо къ Потемкину,—какъ за Мамонова досталось однажды великой княгинѣ, цесаревнѣ,—отвѣчалъ фонъ-Вульфъ.

— За что же ей-то?

— За то, что цесаревна позвала къ себѣ зачѣмъ-то Мамонова, а онъ и попросился у самой. Такъ такая буря вышла, что страхъ! И Мамонову досталось, и цесаревнѣ: цесаревнѣ послано было сказать—какъ она смѣла звать къ себѣ Мамонова! зачѣмъ? и чтобъ этого впредь не было! *)

— Однако! строгонько! А Зорича ужъ совсѣмъ забыли?

— Что Зорича! Послѣ Зорича сколько было—и тѣхъ уже перезабыли.

---

*) „Записки Гарновскаго“, стр. 15—17 (въ „Русской Старинѣ“).

— Къ одному Потемкину, кажется, неизмѣнны.

— Да, потому что онъ нуженъ и умнѣй ихъ всѣхъ... А вотъ мы и пріѣхали къ тому мѣсту, гдѣ вы...

— Не я, а вы!—засмѣялась генеральша.

— Что я?—улыбнулся фонъ-Вульфъ.

— Гдѣ вы показали себя героемъ.

— Помилуйте! какое это геройство! А хотите, сударыня, удовлетворить ваше любопытство?—спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Какое любопытство?—спросила амазонка.

— Да взглянуть на молоденькихъ чаекъ? Слышите, какъ онѣ опять кричитъ? Хотите?

— Ай, нѣтъ! нѣтъ! Будетъ и одного разу.

— Я ихъ покажу вамъ?

— Какъ покажете, баронъ?

— Достану изъ гнѣзда.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! ни за что! Я умру со страху.

— Помилуйте, Марья Дмитріевна, это совсѣмъ не опасно.

Они остановились поодаль отъ обрыва. Фонъ-Вульфъ сошелъ съ сѣдла и помогъ спрыгнуть на землю своей хорошенькой спутницѣ.

— Ахъ, какъ я рада! Мы здѣсь посидимъ, поглядимъ на море, помечтаемъ... Я такъ люблю мечтать,—болтала она.

— О чемъ же вы мечтаете?

— Ахъ, да развѣ можно все припомнить!.. Вы говорили, что здѣсь когда-то былъ храмъ Діаны: гдѣ же это мѣсто?

— Да вотъ тутъ, гдѣ мы стоимъ.

— Такъ тутъ была жрицей Ифигенія?

— Да, ученые утверждаютъ, что тутъ именно.

Амазонка разсмѣялась.

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Такъ... Мнѣ пришло въ голову... Вѣдь Ифигенія любила купаться въ морѣ.

— Полагаю, что любила: вѣдь она была гречанка, а для грека море—его стихія.

— Какъ же она тутъ сходила къ морю, съ такой крутизны—развѣ это можно?

— Значитъ, она была только храбрѣе васъ,—улыбнулся фонъ-Вульфъ.

— А можетъ быть, у нея былъ свой баронъ, какой нибудь Ахиллесъ, который помогалъ ей взбираться сюда по скаламъ,—засмѣялась амазонка.

Вульфъ отвелъ лошадей въ сторону, и такъ какъ привязать ихъ было не къ чему, то онъ къ концамъ поводьевъ привалилъ по тяжелому камню и, возвратившись къ своей спутницѣ, сказалъ:

— Ну, теперь я готовъ удовлетворить ваше любопытство,—и смѣло сталъ спускаться по обрыву.

— Ай-ай! Куда вы, баронъ?—испуганно воскликнула Ляпунова.

— Къ Ифигеніи, сударыня,—отвѣчалъ тотъ, продолжая спускаться.

— Ахъ, Боже мой! что вы дѣлаете? Вернитесь, вернитесь!

Но фонъ-Вульфъ спускался все ниже. У одного выступа онъ повернулъ нѣсколько вправо и сталъ взбираться на отдѣльно выдававшійся утесъ съ уступами. Ляпунова съ испугомъ слѣдила за его движеніями; она даже поблѣднѣла.

— Ради Бога, баронъ!—умоляла она:—не рискуйте вашею жизнью!

— Моя жизнь пустая—не стоитъ объ ней жалѣть,—отвѣчалъ тотъ, продолжая карабкаться.

— Но ваша жизнь... понимаете... я...

Она не договорила. Фонъ-Вульфъ былъ уже на верхушкѣ скалы. Съ отчаяннымъ крикомъ чайки кружились надъ нимъ, чуть-чуть не задѣвая крыльями его головы.

— Нашелъ! нашелъ!—кричалъ онъ оттуда.

— Что нашли?

— Гнѣздо молодыхъ чаекъ... Ахъ, какія онѣ смѣшныя!

Онъ вынулъ изъ кармана платокъ, положилъ въ него одного птенца, привязалъ концы платка къ пуговицѣ камзола и сталъ спускаться съ утеса. Чайки продолжали метаться надъ нимъ и кричать. Сойдя съ отдѣльнаго утеса, онъ сталъ подниматься вверхъ, къ тому мѣсту, гдѣ все еще въ страхѣ ожидала его Ляпунова.

— Какъ вамъ не стыдно! Какъ вамъ не грѣхъ пугать меня!—укоряла она.

Но онъ скоро взобрался на вершину.

— Вотъ она—извольте любоваться Ифигеніей.

И отцѣпивъ отъ камзола платокъ, онъ положилъ его около Ляпуновой и расправилъ. Испуганная чайка, еще не оперившаяся, сидѣла неподвижно, сжавшись въ комочекъ.

— Ахъ, бѣдненькая! да какая она жалкая... И зачѣмъ вы ее отняли у матери?

— Чтобъ вамъ показать.

— Но мнѣ ее жаль, баронъ.

— Я ее опять отнесу въ гнѣздо.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! мнѣ страшно за васъ.

— Да вы же видѣли, какъ я легко взобрался туда.

— А все же мнѣ страшно.

Она была взволнована. Лицо горѣло. Вульфъ, ничего не замѣчая, снова свернулъ платокъ вмѣстѣ съ чайкой, привѣсилъ его къ пуговицѣ и сталъ спускаться.

Онъ скоро опять воротился наверхъ. Утомленный двукратнымъ подъемомъ, онъ тяжело дышалъ и опустился на землю около своей спутницы, которая полулежала и любовалась разстилавшеюся передъ нею морскою далью.

— Какъ хорошо здѣсь,—тихо сказала она.

— Да... жаль будетъ уѣзжать отсюда.

— Но вѣдь вы еще поживете здѣсь.

— Нѣтъ, добрая Марья Дмитріевна,—я завтра ѣду.

— Какъ завтра?—испуганно спросила она.

— Къ сожалѣнію—да.

— Кто же васъ гонитъ отсюда?

Фонъ-Вульфъ, глядя вдаль, не замѣтилъ, какъ она поблѣднѣла и продолжалъ тѣмъ же равнодушнымъ тономъ, нѣсколько задумчиво:

— Я, вѣдь, бродяга, Марья Дмитріевна, мнѣ не сидится на мѣстѣ. Я говорилъ вамъ, что родился въ Голландіи, но меня не тянетъ туда, можетъ быть, потому, что дѣтство и раннюю молодость я провелъ въ Цесаріи. Потомъ служилъ въ Пруссіи. Служба надоѣла, и я сталъ скитаться, какъ цыганъ. Вояжировалъ я по Франціи, Гишпаніи, по Италіи. Соскучился и тамъ. Дай, думаю, проберусь въ Россію—страна невѣдомая, обычаи мнѣ незнакомые. И вотъ я уже пять лѣтъ въ Россіи. Русскій языкъ, хоть и труденъ онъ, но мнѣ дался скоро, и видите, что я говорю, какъ русскій. Много за это время я успѣлъ перечитать по-русски, многое изъ Державина наизусть знаю... Но сталъ я и въ Россіи скучать... Не знаю, гдѣ и дѣваться. И надумалъ я закатиться въ Турцію, только не знаю, какимъ путемъ. Хотѣлось бы вотъ такъ, по этому синему морю, да боюсь, что опять Россія начнетъ войну съ Турціей, и тогда я не знаю, какъ и быть.

Онъ замолчалъ. Далеко въ морѣ бѣлѣлись паруса.

— Вонъ подъ тѣми бы парусами и улетѣть далеко-далеко,—продолжалъ онъ задумчиво:—не даромъ Милашевичъ называетъ меня мечтателемъ... Можетъ быть, это и правда... Но меня всегда тянетъ къ чему-то невѣдомому...

— И вамъ никогда не жаль разставаться?—тихо спросила молодая женщина.

— Съ кѣмъ?

— Ну... съ знакомыми... съ родными...

— У меня нѣтъ родныхъ—одинъ отецъ, да и съ тѣмъ я чуть ли не съ дѣтства не видался.

— А друзья?—спросили еще тише.

— Какіе у бродяги друзья!

— Ну... хоть бы Милашевичъ.

— Милашевичъ—добрый малый, только... да что объ этомъ говорить!—я вѣдь отпѣтый.

Занятый своими собственными думами, онъ ничего не замѣчалъ. Между тѣмъ, Ляпунова нервно теребя свой платокъ, съ трудомъ удерживалась, чтобъ не заплакать.

— А развѣ вы никого не любили?—спросила она чуть слышно.

— Э! добрая Марья Дмитріевна, эта роскошь не для бродягъ.

Онъ машинально поднималъ съ земли камни и сбрасывалъ ихъ съ

обрыва. Брошенные камни, стремительно низвергаясь по отвѣсу, срывали на пути другіе камни, и все это съ грохотомъ падало въ море.

Вдругъ ему показалось, что около него кто-то тихо всхлипываетъ. Поднявъ голову, онъ увидѣлъ, что Ляпунова, припавъ лицомъ къ платку, беззвучно рыдала.

— Марья Дмитріевна, что съ вами?—испуганно спросилъ онъ.

Молодая женщина не отвѣчала. Только голова ея и плечи вздрагивали.

— Ради Бога! Марья Дмитріевна! вамъ нездоровится?

Онъ хотѣлъ-было отнять ея руки отъ лица, но она еще съ большей силой припала къ нимъ и продолжала плакать.

— Дорогая! Марья Дмитріевна!

— Оставьте меня! Вамъ никого не жаль...

— Милая! добрая моя! я не зналъ, я не смѣлъ...

— Поѣзжайте въ Турцію!.. тамъ найдете себѣ турчанку...

Блѣдный, съ дрожащими губами, онъ вскочилъ на ноги, въ одно мгновеніе поднялъ съ земли рыдающую женщину и понесъ ее, самъ не зная куда, осыпая поцѣлуями ея плечи и щеки...

— Милый! милый!.. Развѣ ты не видѣлъ...

Море продолжало съ ровнымъ, гармоническимъ рокотомъ набѣгать на скалистый берегъ, чайки кричали, бѣлые паруса убѣгали все дальше-дальше...

X.

„Я червь, я рабъ“...

Фонъ-Вульфъ не уѣхалъ въ Турцію.

Напротивъ... Ровно черезъ годъ послѣ описанной нами сцены на мѣстѣ бывшаго храма Ифигеніи въ Тавридѣ, мы встрѣчаемъ этого барона въ странной, неожиданной обстановкѣ, и при томъ въ странномъ видѣ... Баронъ въ Москвѣ, подъ арестомъ...

Онъ пьянъ и бушуетъ въ арестантскомъ помѣщеніи московскаго нижняго надворнаго суда. Одѣтъ онъ въ гусарскую форму. Вмѣстѣ съ нимъ бушуетъ другой офицеръ.

— Какова сторонка!—кричитъ фонъ-Вульфъ, шагая изъ угла въ уголъ довольно просторной комнаты, „офицерской“, и ероша свои пепельные волосы:—меня, барона фонъ-Вульфа, капитана австрійской, маіора прусской службы, ротмистра русскаго венгерскаго гусарскаго полка, кавалера ордена „de la Providence“,—меня ни за что, ни про что схватить и держать пять дней подъ арестомъ!

— Какъ ни за что, ни про что!—приступалъ къ нему товарищъ по заключенію:—а просрочилъ отпускъ.

— Плевалъ я, братъ Алеша, на просрочку,—отстранялъ его Вульфъ, продолжая шагать.

— Ну, нѣтъ, Ѳедя, не плюй! Это, можетъ, у васъ, въ Цесаріи, либо въ Голландіи—наплевать; а у насъ, братъ, шалишь!

— Толкуй!

— Да, толкую... У насъ на этотъ счетъ, братъ, строго: у насъ ежели бы вашъ цесарскій императоръ просрочилъ,—такъ и его, раба Божія, въ кутузку.

— Хороша сторонка! И чортъ меня дернулъ остаться въ ней... А все баба...

— Какая, Ѳедя, баба? — заинтересовался Алеша, подпоручикъ Дорожинскій.

— Генеральша одна.

— Тьфу!.. старуха?

— Врешь, подлецъ, молодая.

— Постой, Ѳедя, я поиграю на гусляхъ, а ты попляши.

— Убирайся ты къ чорту съ твоими гуслями!

Но пьяненькій Алеша не унывалъ. Онъ подсѣлъ къ стоявшимъ въ комнатѣ гуслямъ и сталъ играть. Гусли поставлены были въ офицерской для развлеченія арестованныхъ господъ офицеровъ.

— Ѳедя! а Ѳедя!—переставъ играть, заговорилъ онъ.

— Что? Какого тебѣ еще черта?—сердито спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Какъ зовутъ твою генеральшу?—не Катенькой?

— Отвяжись! Машенькой.

Дорожинскій заигралъ модный тогда гусарскій романсъ на стихи Державина „Пѣсенка", которая напечатана была въ августовской книжкѣ „Санктъ-Петербургскаго Вѣстника" за 1780 годъ, и запѣлъ довольно пріятнымъ теноромъ:

Цари! вы свѣтомъ обладайте,
Мнѣ не завидна ваша часть,
Стократъ мнѣ лестнѣе, вы знайте,
Надъ нѣжнымъ сердцемъ сладка власть;
Деритесь, славьтесь, устрашайте,
А я подъ тѣнью миртъ стою
И—Машеньку мою пою.

Пѣніе вызвало въ фонъ-Вульфѣ нѣжныя чувства, и онъ бросился обнимать своего друга.

— Алеша! голубчикъ! вотъ удружилъ! Никогда не забуду! Знаешь что?

— А что?

— Поѣдемъ ко мнѣ.

— Куда?

— Да въ мой домъ... Вѣдь, у меня въ Москвѣ, братъ, свой домъ, барскій.

— Да насъ, Ѳедя, отсюда не выпустятъ.

— Кто смѣетъ не пустить!— закричалъ фонъ-Вульфъ.—Эй, вахмистръ!— крикнулъ онъ, отворивъ дверь.

На зовъ явился старикъ солдатъ и остановился у притолоки.

— Чего изволите, ваше благородіе?—спросилѣ онъ.

— Кликнуть сейчасъ карету!

— Какую карету, ваше благородіе?

— Мы вотъ съ Алешей поѣдемъ ко мнѣ.

— Этого, ваше благородіе, нельзя-съ.

— Какъ нельзя? Пошелъ вонъ! Покликать карету!

— Я вамъ съ учтивствомъ, ваше благородіе, докладываю: я васъ не пущу—не приказано.

— А! не пустишь! не пустишь, гарнизонная крыса!

Фонъ-Вульфъ схватилъ старика за шиворотъ и „трясъ, какъ грушу“. На выручку старика вбѣжалъ капралъ.

— Что здѣсь за шумство!—крикнулъ онъ:—я солдатъ позову.

— А! солдатъ позовешь!—накинулся на него Алеша.

— Безпремѣнно позову, здѣсь не кабакъ.

— Вонъ! видишь, гнилая крупа!

И Алеша вынулъ изъ-за пояса пистолетъ. Другой торчалъ у него тамъ же.

— Вонъ! а не то... Ты знаешь, каналая, что мы офицеры?—кричалъ онъ.

— Вонъ!—повторилъ и Вульфъ, бросивъ трепать вахтера:—налѣво кругомъ,—марршъ!

И вахтеръ, и капралъ должны были удалиться, потому что они справедливо опасались, какъ бы арестованные офицеры не пустили въ дѣло пистолетовъ.

Оставшись вдвоемъ, буяны успокоились. Дорожинскій опять присѣлъ къ гуслямъ и запѣлъ:

Цари! вы свѣтомъ обладайте...

А фонъ-Вульфъ опять сталъ шагать изъ угла въ уголъ и разговаривать самъ съ собою.

— Это онъ изъ ревности, старый башмакъ... Онъ давно догадывался, что Маша ему рога приставила... Еще бы, старый тюфякъ! ein plumter Kerl!.. А холуямъ его отъ меня еще достанется—не доноси!.. Нѣтъ, уѣду опять въ Цесарію, а оттуда въ Турцію... Въ этой варварской странѣ жить нельзя, за всякій пустякъ арестуютъ, Donner-Wetter!.. И Маша уйдетъ со мной, теперь онъ ее, plumte Kerl, поѣдомъ ѣстъ,—à belles dents... Домъ продамъ, и уѣдемъ...

— Эй, господинъ баронъ! вы что меня не слушаете?—переставъ играть, заговорилъ Дорожинскій.

— А ты что пѣлъ?—спросилъ фонъ-Вульфъ.

— Что? А развѣ ты не слыхалъ?

— Не слыхалъ, Алеша.

— Я... я Машеньку твою пою.

Въ это время въ комнату вошелъ дежурный офицеръ съ секретаремъ надворнаго суда и съ шестью стоявшими на караулѣ солдатами.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ офицеръ.

— Здравствуйте,—отвѣчалъ фонъ-Вульфъ.—Что вамъ угодно?

— Мнѣ приказано отобрать у васъ оружіе.

— Со мной нѣтъ оружія.

— Но у господина Дорожинскаго за поясомъ пистолеты.

— Да-съ!—отвѣчалъ Дорожинскій запальчиво:—есть, только я ихъ не отдамъ вамъ, господинъ офицеръ. Они мнѣ нужны для защиты.

— На васъ никто не нападаетъ.

— Сейчасъ нападали.

— Кто же?

— Нахалъ капралъ и вахмистръ.

Не успѣлъ онъ это выговорить, какъ солдаты бросились на него и схватили за руки. Началась борьба. Дорожинскій успѣлъ повалить двухъ солдатъ, но другіе держали его за руки.

— Баронъ! Өедя! другъ! на выручку!—кричалъ арестуемый.

— Пустите его,—вмѣшался было фонъ-Вульфъ; но офицеръ съ секретаремъ и двумя солдатами заступили ему дорогу.

— Подлецы! канальи! разбойники!—кричалъ Дорожинскій.

Но его повалили на полъ и отняли пистолеты. Пистолеты оказались заряженными. Дорожинскій продолжалъ наступать на солдатъ.

— Перестаньте буйствовать!—закричалъ на него секретарь:—а то я велю васъ обоихъ связать.

— Связать! меня?—подступилъ къ нему фонъ-Вульфъ.

— Да, и тебя, не посмотрю, что ты баронъ, можетъ быть, ты бродяга!

— Я—бродяга!

— Да, праздношатающійся, можетъ быть, самозванецъ.

— Такъ вотъ же тебѣ, н-на!

Звонкая пощечина огласила комнату, и секретарь, схватившись за щеку, стремительно убѣжалъ въ „судейскую камеру".

Офицеръ старался успокоить расходившагося барона, говорилъ, что секретарь самъ виноватъ въ полученіи удара по щекѣ, что онъ не смѣлъ говорить такъ дерзко офицеру и что онъ за это будетъ наказанъ; но что и господину барону не слѣдовало прибѣгать къ самоуправству. Пистолеты же ни въ какомъ случаѣ нельзя было оставить у господина подпоручика, что это строго воспрещено закономъ.

Буяны опять успокоились, и офицеръ увелъ съ собою солдатъ.

— А чортъ съ ними!—махнулъ рукой Дорожинскій:—давай лучше пѣть, Өедя.

— Я не хочу пѣть, мнѣ не до пѣнія,—отвѣчалъ фонъ-Вульфъ.

— Что такъ? Ты все по своей Машенькѣ убиваешься, Өедя? Эхъ, плюнь на все! Вѣдь когда-нибудь помремъ... Помнишь?

Глаголъ временъ! металла звонъ!

— Такъ-то, Ѳедя... И не такіе были, какъ мы, да помирали...

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?..
Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ, конечно...

— Вотъ что, Ѳедя, голубчикъ... Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ, а я что? — Я подпоручикъ... Ты вотъ баронъ, и маіоръ, и ротмистръ, и кавалеръ ордена „de la Providence"; а я что? Подпоручикъ! Вонъ говорятъ: курица — не птица, подпоручикъ — не офицеръ... А ты птица, орелъ!

— А онъ смѣлъ меня бродягой назвать!

— Плюнь на это, Ѳедя... Помни это, голубчикъ:

Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.

Но фонъ-Вульфъ не могъ успокоиться. Онъ быстро всталъ и направился въ судейскую камеру. Тамъ, кромѣ секретаря, никого не было. Смирновъ сидѣлъ, пригнувшись къ столу, и что-то писалъ, не оборачивая головы. Фонъ-Вульфъ подошелъ къ нему и, схвативъ за воротъ, приподнялъ со стула.

— Что ты! что ты!—испуганно вскрикнулъ тотъ.

— А! знаешь, кто я?—трясъ его Вульфъ.

— Какъ же... ой! знаю, Ѳедоръ Ивановичъ Вульфъ...

— А! теперь Ѳедоръ Ивановичъ!

— Ой, пустите!

— То-то, пустите... У меня чины, баронскій титулъ, а ты назвалъ меня бродягой!

— Караулъ!

— Меня императоръ Іосифъ II лично зналъ...

— Батюшка! Ѳедоръ Ивановичъ! простите!

Фонъ-Вульфъ выпустилъ свою жертву изъ рукъ и ушелъ въ свою комнату.

— Вотъ что, Ѳедя, — обратился къ нему Дорожинскій: — ты тамъ, я слышалъ, тово? Нѣтъ, Ѳедя, ты помягче будь къ народу-то... Вить они, приказные, что!—чернь, народъ... А Державинъ что говоритъ?

Пускай въ подсолнечную трубитъ
Тиранъ своимъ богатствомъ страхъ:
Когда кого народъ не любитъ,
Полки его и деньги—прахъ!

— Вотъ что, братъ Ѳедя... Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ... А мы что!

Я червь, я рабъ...

— А я!—ударилъ себя въ грудь фонъ-Вульфъ:

Я царь! я Богъ!

— И вдругъ—какой-нибудь секретаришка нижняго надворнаго суда! да я его, тррръ! Donner-Wetter!

XI.

Въ тайной экспедиціи.

Утромъ слѣдующаго дня передъ крыльцомъ нижняго надворнаго суда стояла страннаго вида карета, въ видѣ глухой звѣриной клѣтки. По бокамъ у нея оконъ не было, равно не было и дверецъ, и только позади кузова чернѣло небольшое квадратное окошечко съ желѣзною рѣшеткою. Карета была запряжена въ одну лошадь, а на козлахъ сидѣла черная фигура, какія ходятъ только рядомъ съ катафалками.

Въ церквахъ звонили медленно, глухо, какъ звонятъ обыкновенно въ великій постъ, потому что эта была пятница вербной недѣли.

Прохожіе, завидя странную карету, останавливались, но ходившій у крыльца съ алебардою часовой отгонялъ ихъ, сурово приговаривая:

— Проходите, проходите,—не ваше дѣло.

Вскорѣ на крыльцѣ показался солдатъ съ ружьемъ и съ кожаной сумкой черезъ плечо. За нимъ шелъ Вульфъ. За Вульфомъ еще солдатъ съ ружьемъ, но безъ сумки. Сойдя съ крыльца, первый солдатъ отворилъ дверцу въ задней части короба мрачной кареты, пропустилъ въ нее фонъ-Вульфа, захлопнулъ и засунулъ наружнымъ желѣзнымъ засовомъ.

— Въ тайную!—скомандовалъ онъ, и карета двинулась.

Солдаты шли за каретою. Въ рѣшетчатое окошечко виднѣлось блѣдное лицо Вульфа. Онъ глядѣлъ задумчиво, сосредоточенно, какъ бы не видя того, что дѣлалось на улицахъ, по которымъ его провозили. А на улицахъ было большое оживленіе. Москва готовилась встрѣчать Лазареву субботу. Одни шли къ часамъ, другіе на рынки. Бабы и мальчишки тащили вороха вербъ съ бумажными цвѣтами и херувимами. Сбитенщики выкрикивали сбитень горячій. Какой-то старикъ тащился за каретой, позади солдатъ, и протяжно, нараспѣвъ выкрикивалъ:

Макъ медовый,
Для сна бѣдовый.

Вульфъ, казалось, внимательно прислушивался къ тому, что кричалъ старикъ, но мысль его была далеко отсюда... Думалъ ли онъ, загадывая о Россіи, что его съ такимъ позоромъ повезутъ по улицамъ Москвы? И того ли онъ ожидалъ, когда тамъ, на далекомъ югѣ, на мѣстѣ храма Ифигеніи, онъ, охваченный порывомъ неудержимой страсти, рѣшился остаться въ Россіи?

— Въ тайную экспедицію, — тихо шепталъ онъ себѣ: — за что? въ чемъ мое преступленіе?

Нѣкоторые изъ прохожихъ съ любопытствомъ и со страхомъ заглядывали къ нему въ окошечко и долго провожали глазами; но никто, повидимому, не осмѣливался спросить, кого везутъ, хотя многіе догадывались, что везутъ „въ тайную“, „въ бѣдность“.

Колокола продолжали звонить медленно, протяжно, и Вульфу представлялось, что это звонятъ по мертвому... Кто же мертвый?

Иногда онъ взглядывалъ на лица конвоировавшихъ его солдатъ, желая прочитать, что написано на этихъ лицахъ, и не могъ... Думаютъ ли они о немъ и что думаютъ?

При поворотѣ черной кареты съ улицы въ переулокъ, онъ видѣлъ, какъ по улицѣ проѣхала коляска, въ которой сидѣла дама съ дѣвочкой. Дама была въ траурѣ и очень грустная. Онъ зналъ ее: это была Ляпунова съ Дуней Бубновой, ея воспитанницей. Онъ хотѣлъ крикнуть имъ, но у него не достало голосу — горло сдавило... Коляска остановилась около церкви...

— Молиться пріѣхала... обо мнѣ... А знаетъ ли она, что со мной?

Черная карета снова поворотила въ людную улицу и остановилась.

— Тайная... пріѣхали...

Онъ хорошо помнилъ ощущенія тоскливой боли передъ боемъ, когда ожидается атака или когда просвистятъ первыя пули. Но здѣсь не то, здѣсь больше мучительной неизвѣстности, чѣмъ тамъ.

Заскрипѣлъ ржавый засовъ, дверца отворилась, и солдаты вытянулись. Онъ вышелъ. Казалось, онъ ничего не видѣлъ вокругъ себя. Только по странному капризу памяти онъ хорошо запомнилъ, что, когда онъ выходилъ изъ кареты, то глаза его упали на бѣдненькую вывѣску на углу переулка, на которой бѣлымъ по синему было написано: „кислощейное“; но что — онъ дальше не могъ разобрать.

Солдатъ, что былъ съ кожаной сумкой черезъ плечо, сдѣлавъ налѣво кругомъ, сталъ подниматься на крыльцо. Фонъ-Вульфъ послѣдовалъ за нимъ... Разъ-два, разъ-два—даже по лѣстницѣ солдаты отбивали тактъ.

Вотъ они на площадкѣ лѣстницы, передъ дверью. Дверь отворяется, и они вступаютъ въ прихожую, въ которой тоже сидятъ солдаты на конникѣ. Дверь въ слѣдующую комнату растворена, и тамъ виднѣются столы, за которыми сидятъ приказные и пишутъ.

Конвойные ввели фонъ-Вульфа въ эту комнату. Тотъ солдатъ, что былъ съ сумкой, снялъ съ себя эту сумку, досталъ изъ нея засаленную книжку и подалъ сидѣвшему за первымъ столомъ приказному. Приказный, взявъ со стола табакерку, стукнулъ пальцемъ по ея крышкѣ, досталъ щепоть табаку и медленно втягивая эту канцелярскую амврозію въ обѣ ноздри, пристально посмотрѣлъ на Вульфа, а потомъ уже развернулъ книжку, досталъ изъ нея пакетъ, вскрылъ его, медленно пробѣжалъ бумагу, снова взглянулъ на Вульфа и вѣжливо сказалъ:

— Не угодно ли, государь мой, присѣсть вонъ тамъ.

И показалъ на стулъ, стоявшій у стѣны. Вульфъ сѣлъ. Приказные перестали писать и взглядывали на него, какъ бы желая угадать, что онъ за человѣкъ.

— Квитокъ, ваше благородіе, пожалуйте,—выпалилъ вдругъ солдатъ, что былъ съ сумкой.

— Квитокъ?—спросилъ приказный, вынимая перо изъ-за уха.

— Такъ точно-съ, ваше благородіе.

— Сейчасъ, братецъ.

И, расписавшись въ книжкѣ, подалъ ее солдату.

— Вотъ тебѣ и квитокъ.

— Счастливо оставаться, ваше благородіе.

Оба солдата сдѣлали налѣво кругомъ и, стуча въ тактъ сапогами, вышли.

Приказный, росписавшійся въ полученіи пакета отъ солдата, взялъ вынутую изъ пакета бумагу, всталъ изъ-за стола и, оправивъ фалды камзола, на цыпочкахъ подошелъ къ двери, которая вела въ судейскую и предсѣдательскую камеры. У этой двери стояли часовые съ ружьями. Часовые пропустили приказнаго, и онъ скрылся за дверью.

— Тамъ,—съ тревогой думалъ про себя Вульфъ:—тамъ оно...

Но онъ самъ себѣ не могъ представить, что такое это оно... Приказный снова появился, но уже безъ бумаги.

— Пожалуйте, господинъ баронъ.

Фонъ-Вульфъ машинально всталъ со стула и, какъ автоматъ, пошелъ туда, куда ему указывали. Вступивъ въ большую свѣтлую комнату, онъ увидѣлъ длинный столъ, покрытый чернымъ сукномъ, и нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ за этимъ столомъ. На стѣнѣ—два большихъ портрета во весь ростъ: Екатерины II и Петра I.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, съ живыми, блестящими, нѣсколько холодными глазами. Нѣсколько взбитый, сильно напудренный парикъ придавалъ его свѣжему лицу почти юношескую моложавость.

Это былъ московскій главнокомандующій, Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, усмиритель московскаго мятежа во время чумы.

Онъ окинулъ Вульфа бѣглымъ взглядомъ и спросилъ:

— Кто вы такой?

— Ротмистръ венгерскаго гусарскаго полка, баронъ фонъ-Вульфъ, ваше превосходительство.

— Господинъ секретарь! снимите съ подсудимаго допросъ по пунктамъ—по содержанію рапорта московскаго губернатора и согласно показаніямъ доносителя,—сказалъ Еропкинъ черезъ столъ господину, сидѣвшему на другомъ концѣ этого стола передъ кипами бумагъ.

Секретарь, сухой старикъ, словно сова глядѣвшій черезъ огромныя круглыя очки, поклонился и вскинулъ свои совиные глаза на Вульфа.

— Гдѣ и когда вы родились?—спросилъ онъ.

— Родился я въ Голландіи, въ городѣ Амстердамѣ, въ 1753 году,— отвѣчалъ допрашиваемый.

— Скажите, кто былъ вашъ родитель и когда и какія обстоятельства привели васъ въ Россію?

— Отецъ мой—экипажъ-мейстеръ и вице-адмиралъ голландской службы, баронъ Іоганнъ фонъ-Вульфъ, и нынѣ живъ. Ва малолѣтствѣ моемъ онъ послалъ меня въ Цесарію для наукъ, и жилъ я въ Вѣнѣ, и записанъ былъ кадетомъ, гдѣ и дослужился до капитана. Въ 1777 году я, по прошенію, отставленъ былъ отъ службы, а въ 1778 году поѣхалъ въ Пруссію и записался въ службу. Черезъ годъ, по прошенію же, отставленъ отъ службы, съ чиномъ маіора.

— А патенты на эти чины имѣете?

— Имѣю; они находятся при дѣлѣ въ нижнемъ надворномъ судѣ.

— Чѣмъ вы занимались послѣ отставки?

— Вояжировалъ по разнымъ странамъ.

— А потомъ?

— А потомъ пріѣхалъ въ Россію.

— Въ которомъ году?

-- Въ 1782 году.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Россію?

— Чтобъ опредѣлиться въ военную службу.

— И опредѣлились?—когда?

— Сперва я жилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, чтобъ поучиться русскому языку. Жилъ и въ другихъ городахъ. Въ Херсонѣ, потомъ чрезъ двухъ знакомыхъ венгерскаго гусарскаго полка офицеровъ, Данилова и Милашевича, опредѣлился въ тотъ венгерскій полкъ ротмистромъ. Спустя же двѣ недѣли, командиръ полка, князь Любомирской, отпустилъ меня, для моихъ нуждъ, въ Москву на шесть мѣсяцевъ. За неокончаніемъ своихъ дѣлъ въ срокъ, я отпускъ просрочилъ, а въ это время на меня подалъ жалобу генералъ-маіоръ Ляпуновъ въ томъ, что я побилъ его людей. Губернаторъ, генералъ-маіоръ Архаровъ, потребовалъ мой паспортъ и, найдя оный просроченнымъ, приказалъ задержать меня и, какъ праздношатающагося, отослалъ подъ карауломъ въ военную контору, въ которой я числился подъ стражею четыре мѣсяца, и въ это время производилось обо мнѣ слѣдствіе, а жилъ я дома подъ присмотромъ. Потомъ изъ-подъ присмотра уѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ получить изъ военной коллегіи отставку. Въ Петербургѣ навѣдался я въ канцеляріи князя Потемкина, что по спискамъ я, невѣдомо почему, въ службѣ не числюсь. Поживя въ Петербурдѣ нѣсколько недѣль, пріѣхалъ обратно въ Москву, явился въ военную контору, изъ которой меня отослали въ губернское правленіе къ слѣдствію, что я будто бы самозванно именую себя ротмистромъ венгерскаго гусарскаго полка. Слѣдствіе это и нынѣ производится въ нижнемъ надворномъ судѣ, который меня тогда же освободилъ на роспиську, и я жилъ все время въ Москвѣ.

— А какой это на васъ орденъ?—заинтересовался Еропкинъ.

— Орденъ „de la Providence“, ваше высокопревосходительство.

— А кто его вамъ пожаловалъ?

— Владѣтельный графъ резиденціи Нассау-Саарбрикъ, Мондфортъ, съ которымъ я былъ лично знакомъ. Орденъ мнѣ былъ присланъ уже сюда съ нарочнымъ курьеромъ.

— А дипломъ на оный имѣете?

— Имѣю, ваше высокопревосходительство; онъ находится при дѣлѣ въ надворномъ судѣ.

— Хорошо, государь мой... Господинъ секретарь! продолжайте вашъ допросъ по пунктамъ.

Совиные глаза секретаря перенеслись съ Еропкина опять на Вульфа.

— На какія средства вы проживали въ Россіи?—спросилъ онъ.

— На собственныя: я привезъ съ собою до ста восьмидесяти тысячъ рублей; но большую часть изъ нихъ прожилъ раздачею разнымъ людямъ на векселя за указные проценты и неполученіемъ обратно; нѣкоторую сумму проигралъ въ карты, при томъ купилъ себѣ домъ здѣсь, въ Москвѣ. Нынѣ же осталось у меня тысячъ съ пятнадцать, изъ коихъ долженъ мнѣ иностранный купецъ Карлъ Штремъ тринадцать тысячъ, а прочіе по мелочамъ.

— А какой это 5-го апрѣля былъ у васъ случай въ надворномъ судѣ?

Вульфъ подумалъ нѣсколько, посмотрѣлъ на Еропкина и отвѣчалъ:

— Назадъ тому дней съ пять пріѣхалъ я въ надворный судъ за своимъ дѣломъ и въ ономъ судѣ былъ задержанъ...

Онъ остановился, какъ бы не рѣшаясь продолжать, но потомъ вдругъ сказалъ:

— Я полагаю, что меня задержали затѣмъ, чтобъ вынудить съ меня взятку...

— Ну!—не-то удивленіемъ, не-то съ угрозой спросилъ Еропкинъ:—взятку?

— Да, ваше высокопревосходительство... Дѣло было такъ: по выходѣ изъ суда 5-го числа, присутствующіе пришли ко мнѣ, по знакомству, для навѣщанія; пришелъ асессоръ уголовной палаты Стоговъ, второго департамента судьи — Писаревъ, Дубовицкой и Есиповъ и секретарь перваго департамента Смирновъ. Были также иностранцы Штремъ, Штаадъ и мой управляющій, поручикъ Штокъ.

— Управляющій чего?—спросилъ Еропкинъ.

— Моего дома, ваше высокопревосходительство... И принесли они съ собою три штофа полпива, для угощенія, и закуски. Всѣ мы пили, и я нѣсколько опьянѣлъ и въ разговорѣ говорилъ о своей службѣ, когда былъ въ Цесаріи и въ Пруссіи, какъ я въ бывшую у прусскаго короля съ цесаремъ войну на баталіи былъ раненъ, и говорилъ, что ежели меня здѣсь не примутъ на службу, то я пойду служить къ императору Іосифу Второму. Потомъ они всѣ ушли, а меня оставили подъ карауломъ: я сталъ шумѣть

и побилъ секретаря Смирнова за то, что онъ назвалъ меня бродягой.— Вотъ и все.

— А не называли вы себя не принадлежащимъ вамъ именемъ?

— Какимъ?

— Императоромъ Іосифомъ.

Вульфъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на секретаря, то на Еропкина, то на остальныхъ безгласныхъ членовъ судилища.

— Какъ! императоромъ! я?

— Да, вы.

— Никогда! Я и въ помышленіи не имѣлъ, чтобъ такія рѣчи говорить—я не безумецъ: только такой дуракъ, какъ Пугачевъ, могъ думать или показывать, что онъ императоръ.

Судьи переглянулись.

— Привести на очную ставку доносителя, — сказалъ Еропкинъ секретарю.

Тотъ всталъ и вышелъ. Фонъ-Вульфъ стоялъ блѣдный и злой... „Вотъ до чего дошло... Это ужъ моей головы ищутъ за то только, что мало далъ... О, чумная, постыдная страна!..“

Черезъ нѣсколько минутъ ввели „доносителя“. Это и былъ Смирновъ. Вся фигура его, весь обликъ, бѣгающіе глазки — все обличало въ немъ самую низменную, подлую и трусливую продажность. На Вульфа, однако, онъ взглянулъ съ тупымъ нахальствомъ.

— Разскажи, какъ было дѣло,—съ нескрываемымъ презрѣніемъ глянулъ на него Еропкинъ.

„Доноситель“ кашлянулъ куда-то въ сторону, заёрзалъ на мѣстѣ и началъ:

— Дѣло было такъ, ваше высокопревосходительство: когда ушли господа судьи отъ Вульфа, а я сидѣлъ въ судейской камерѣ на своемъ мѣстѣ, въ это время въ камеру взошелъ Вульфъ и схватилъ меня за воротъ.— Что ты это дѣлаешь?—говорю я.—„А знаешь ли, кто я?“—отвѣчаетъ онъ.— А я говорю: знаю, что ты Ѳедоръ Ивановичъ Вульфъ.—„Нѣтъ, — говоритъ: — я Іосифъ Второй императоръ и царской крови! Я великой человѣкъ!“—Что вы,—я говорю,—говорите? Въ своемъ ли вы умѣ?—„Право такъ“, говоритъ...

— Онъ лжетъ!—не вытерпѣлъ подсудимый.

— Не перебивайте,—остановилъ его Еропкинъ.—Продолжай ты!

— „Право такъ“, говоритъ, и вынувъ изъ-за пазухи свернутую ассигнацію, предлагалъ ее мнѣ.— На что это?—говорю я:—я не возьму, а скажу. Одначе Вульфъ положилъ мнѣ ассигнацію, а я вышелъ изъ судейской камеры въ сѣни, показалъ ассигнацію случившемуся тамъ канцеляристу и объявилъ обо всемъ члену, князю Енгалычеву.

„Доноситель“ замолчалъ и опять заерзалъ на мѣстѣ, какъ бы желая забиться въ щель.

— Что вы на это скажете?—повернулся Еропкинъ къ Вульфу.

— Повторяю, ваше высокопревосходительство! — сказалъ тотъ съ силой:—во всемъ этомъ наглая ложь! Кто свидѣтель?

„Доноситель" заметался, но ничего не сказалъ.

— Я одно долженъ добавить, — заключилъ Вульфъ: — что въ ту же ночь у меня тамъ украли золотые часы, ассигнацію въ двадцать пять рублей... Не ее ли вы показывали въ сѣняхъ господину канцеляристу?— съ злою ироніею обратился онъ къ „доносителю":—и не показывали ли ему моихъ часовъ да тогда же пропавшій полуимперіалъ?

„Доноситель" молчалъ какъ убитый.

— Вы кончили?—спросилъ Еропкинъ, вставая.

— Кончилъ, ваше высокопревосходительство.

— А вы, господинъ секретарь, все записали?

— Все-съ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ пускай господинъ Вульфъ подпишетъ допросъ, а вы (онъ глянулъ на одного изъ членовъ) объявите ему о тайности сего мѣста и изготовьте донесеніе государынѣ императрицѣ.

И, не взглянувъ ни на кого, московскій главнокомандующій вышелъ.

— Можете идти,—сказалъ секретарь Смирнову, и тотъ на цыпочкахъ вышелъ. — А вы, — сказалъ онъ Вульфу: — садитесь здѣсь и подпишите допросъ.

Вульфъ сѣлъ, внимательно прочелъ свои показанія и хорошимъ, крупнымъ почеркомъ, по-русски подписалъ допросъ по листамъ.

Онъ всталъ. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ. Встали и члены тайнаго судилища, и старшій изъ нихъ, указывая на зерцало, торжественно произнесъ:

— Обвиняемый! въ присутствіи сего священнаго символа высочайшей ея императорскаго величества особы, въ священномъ семъ мѣстѣ милостиваго и праваго суда ея, клянитесь, что о чемъ вы здѣсь спрашиваны были и что въ допросѣ показали, того вы во всю свою жизнь никому, никогда и ни подъ какимъ видомъ не объявите и не разгласите, подъ опасеніемъ, ежели кому объявите, не только тягчайшаго по законамъ наказанія, но и лишенія живота. Клянитесь!

— Клянусь,—былъ глухой отвѣтъ.

— Отвести его подъ стражу впредь до полученія высочайшаго повелѣнія *).

---

*) Весь этотъ допросъ, какъ и вся послѣдующая исторія злоключеній Вульфа и генеральши Ляпуновой, протокольно взяты мною изъ сообщенныхъ мнѣ редакторомъ „Историческаго Вѣстника", С. Н. Шубинскимъ, выписокъ изъ подлиннаго дѣла тайной канцеляріи архива министерства юстиціи (связка 3ъ9). *Авт.*

XII.

Красное яичко.

Пасха въ 1788 году приходилось 16-го апрѣля. Это подтверждаетъ и Храповицкій. Въ его „Дневникѣ“ подъ 16-мъ апрѣля записано:

„День свѣтлаго Христова воскресенія. Подносилъ, вмѣсто генералъ-прокурора, вазы съ фарфоровыми яйцами“ *).

Фарфоровыя яйца, которыя поднесъ Храповицкій императрицѣ, — это для христосованья ея съ придворными.

Государынѣ съ вечера нѣсколько нездоровилось, и потому большой выходъ въ Свѣтлое Воскресенье назначенъ былъ попозже—въ 12 часовъ. До выхода же государыня оставалась въ кабинетѣ и занималась дѣлами.

— Это мое лѣкарство, — сказала она Храповицкому, съ помощью Захара разставлявшему вазы съ яйцами, указывая на кипу пакетовъ, лежавшихъ на ея письменномъ столѣ.

— Хорошо лѣкарство,—проворчалъ про себя Захаръ.

— Ты что, старый воркунъ?—улыбнулась императрица.

— Не бережете вы себя—вотъ что!

— Какъ не берегу?

— А такъ—все бумаги да бумаги: и день, и ночь читаете и пишете... Иной бы хоть для свѣтлаго Христова воскресенья постыдился съ бумагами-то возжаться, а у тебя вонъ что наложено на столѣ!

Императрица улыбнулась: она знала привычки стараго слуги—постоянно ворчать, для ея же пользы.

— Какъ же быть-то; Захарушка?—оправдывалась она,—Всякій хозяинъ долженъ свое хозяйство блюсти. А у меня хозяйство, самъ знаешь, не маленькое.

— А слуги на что? Слугъ у тебя немало: вонъ князь Григорій Александровичъ, Вяземскій князь, Александръ Алексѣевичъ, Безбородко графъ, Александръ Андреичъ, вотъ ихъ милость Александръ Васильевичъ (онъ указалъ на Храповицкаго)—слуги все хорошіе.

— Такъ-то такъ, Захаръ, —отвѣтила императрица:—да у каждаго изъ нихъ свое дѣло есть.

— Что жъ, и пущай—только бы не тебѣ самой все писать да читать.

— А что?

— Тяжелое это дѣло—читать: у меня заразъ голова заболитъ.

— У меня не болитъ.

— Сказывай! Пущай бы они, министры, читали да писали, а вы бы, матушка, только приказывали: на то вы и царица. Вонъ блаженныя памяти

---

*) „Дневникъ Храповицкаго“, стр. 75.

государыня Елисавета Петровна—та ничего не читала и не писала, а вонъ же царствовала.

Императрица не нашлась, что отвѣчать на это, и постаралась перемѣнить разговоръ.

— Что это Марья Савишна долго нейдетъ,—сказала она, о чемъ-то задумавшись.

— У нея, матушка государыня, дѣло есть,—отвѣчалъ Захаръ.

— Какое дѣло?

— Она тамъ Александру Матвѣичу голову мылитъ.

— За что?

— Не знаю... Слышалъ только, проходя мимо, что бранитъ его за плащаницу.

— Какъ за плащаницу?

— Да говоритъ, что, стоя вчера у плащаницы, въ церкви, съ кѣмъ-то перемигивался, да и къ плащаницѣ, говоритъ, вмѣстѣ прикладывались: это, говоритъ, только безстыдники дѣлаютъ такъ во храмѣ Божьемъ.

Слова Захара, видимо, произвели на императрицу тяжелое впечатлѣніе. Ей самой вчера въ церкви показалось, что Мамоновъ часто переглядывался съ молоденькою фрейлиною, съ княжною Дарьею Щербатовой, и, дѣйствительно, они вмѣстѣ прикладывались къ плащаницѣ, и очень близко другъ къ дружкѣ, а когда они, приложившись къ плащаницѣ, поднялись, то онъ былъ очень блѣденъ и взволнованъ, избѣгалъ взглядовъ императрицы, а княжна поднялась вся пунцовая: молодое, хорошенькое личико пожаромъ пылало. Вечеромъ же онъ сказался больнымъ и совсѣмъ не приходилъ.

Такъ не отъ дѣлъ нездоровилось государынѣ, какъ думалъ Захаръ, а отчего-то другого.

„Можетъ, это и неправда... такъ—пошутилъ... Впрочемъ—молодость... Лучше примусь за свои лѣкарства—вонъ ихъ сколько на столѣ“...

И императрица взяла верхній пакетъ.

— Въ собственныя руки,—тихо прочла она:—отъ московскаго главнокомандующаго.

Она торопливо вскрыла пакетъ и пробѣжала бумагу. На лицѣ ея показалась улыбка.

— Въ москвѣ австрійскій императоръ,—сказала она Храповицкому.

У того на лицѣ выразилось почтительное изумленіе, почти столбнякъ.

— Іосифъ Второй въ Москвѣ,—съ улыбкой повторила императрица.

То же тупое изумленіе на лицѣ Храповицкаго. Однако Захара это не удивило.

— Понравилось, значитъ, матушка, у насъ,—сказалъ онъ, еще разъ обтирая полотенцемъ вазы съ яйцами.

— Ну, теперь ужъ не понравится больше.

— Отчего, государыня?

— Тамъ его Еропкинъ подъ арестъ засадилъ.

Теперь пришла очередь и Захару удивляться.

— Какъ же такъ, государыня? Онъ намъ за это войну объявитъ.

— Не бойся, Захарушка, это такой же императоръ, какъ у насъ былъ Емелька Пугачевъ.

— Такъ стало самозванецъ, матушка?

— Самозванецъ, какой-то баронъ фонъ-Вульфъ спьяну назвалъ себя австрійскимъ императоромъ, и его за это и заарестовали.

— И подѣломъ.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, въ полной парадной формѣ, а за нимъ четыре камеръ-лакея несли на носилкахъ исполинское красное яйцо, аршина въ два длиной и полтора въ округлости,

— Что это, Левушка?—улыбнулась императрица.

— Красное яичко вамъ, матушка государыня, — отвѣчалъ серьезно Нарышкинъ:—пришелъ похристосоваться съ вами.

— Очень рада... Только и яйцо ужъ у тебя...

— Большое яйцо—великое, какъ и сама ты, матушка, великая.

— Охъ, льстишь ты мнѣ, разбойникъ,—смѣялась Екатерина.

— Не льщу, матушка, а правду говорю.

Камеръ-лакеи бережно положили яйцо на столъ и удалились.

— Ну, похристосуемся же,—сказала Екатерина:—Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе!

— А вотъ тебѣ яичко.

— А вотъ тебѣ матушка.

Всѣ подошли къ чудовищному яйцу. Вдругъ верхняя половина его сама собой открылась, и оттуда выглянуло прелестное розовое личико бѣлокураго мальчика лѣтъ десяти.

— Баба!—радостно закричалъ мальчикъ, выскакивая изъ яйца и бросаясь со стола прямо на шею императрицѣ:—баба милая!

— Саша! голубчикъ мой!—воскликнула со слезами государыня.

Это былъ великій князь Александръ Павловичъ, любимый внучекъ Екатерины. Ему шелъ теперь одиннадцатый годъ, и онъ былъ очень живой, очаровательный ребенокъ. Сама императрица говорила однажды Храповицкому:

— Александръ сколько ростомъ, столько же душевными качествами и остротою превосходитъ Константина, который и въ ростѣ, и въ ученіи отъ него отстаетъ *).

Повиснувъ у бабушки на шеѣ, онъ твердилъ:

— Ахъ, баба милая, какъ я радъ, какъ радъ, что раньше всѣхъ похристосовался съ тобой.

Императрица гладила и цѣловала его.

— И точно—ужъ лучшаго яичка мнѣ никто не дастъ,—говорила она.—Спасибо, Левъ Александровичъ.

*) „Дневникъ Храповицкаго“, стр. 355.

— Не за что, государыня: я зналъ, что порадую васъ этимъ.

Захаръ стоялъ и только головою качалъ.

— Ужъ и затѣйникъ же у насъ Левъ Александровичъ,—разсуждалъ онъ:—коли бы не Левъ Александровичъ, у насъ во дворцѣ помирать надо отъ скуки да отъ дѣловъ: одинъ Левъ Александровичъ, спасибо ему, развлекаетъ государыню.

— Правда, правда, Захаръ,—подтвердила императрица.—А какъ это ты, Левъ Александровичъ, надумалъ этотъ сюрпризъ?

— Да сами его высочество подали мысль; хвалятся какъ-то на-дняхъ: я,—говорятъ:—раньше всѣхъ поздравилъ бабу съ принятіемъ святыхъ таинъ, потому что въ церкви близко стоялъ, да и говорятъ: ахъ, еслибъ мнѣ и похристосоваться удалось съ бабушкой раньше всѣхъ! Мнѣ и приди въ голову заказать яйцо.

Въ кабинетъ является еще одно лицо—высокій мужчина съ крупными чертами лица южнаго типа, съ нѣсколько угловатыми, бурсацкими манерами и очень умными, подкупающими глазами. Это—вице-канцлеръ, графъ Безбородко, бывшій дѣйствительно когда-то бурсакомъ Кіевской академіи. Въ рукахъ у него папка съ бумагами. На ходу онъ неловко кланяется.

— А! Александръ Андреевичъ! съ праздникомъ,—привѣтствуетъ его императрица.—Что у тебя тамъ?—вѣрно, депеши?

— Депеши, государыня, французскія—сейчасъ курьеръ пригналъ.

— Ну что пишутъ?

— Франція ожидаетъ отъ насъ обстоятельнаго изъясненія о связи съ нею.,.

— Какого еще ей обстоятельнаго!—вспылила императрица.

— Она, государыня, недовольна...

— Недовольна! Я знаю, это все продѣлки прусскаго двора!

Она встала и подошла къ самому лицу докладчика.

— Ну, чѣмъ она недовольна?

— Она недовольна, ваше величество, краткимъ отзывомъ на ея предложеніе и требуетъ...

— Она требуетъ!.. ну?

— Она проситъ, для медіаціи съ Портою—на чемъ рѣшимся мы остановиться въ войнѣ турецкой, подозрѣвая des vues d'agandissements, по случаю отправленія флота нашего въ Архипелагъ.

Екатерина задумалась. Великій князь, воспользовавшись дѣловымъ разговоромъ бабушки, ускользнулъ вмѣстѣ съ Нарышкинымъ и Захаромъ въ другіе аппартаменты.

Екатерина прошлась по кабинету и опять остановилась противъ вице-канцлера.

— Я увѣрена,—сказала она:—такія мысли вперяетъ ей прусскій дворъ, который желаетъ взять кусокъ изъ Польши *).

---

*) „Дневникъ Храповицкаго", стр. 75—76.

Безбородко молчалъ. Онъ боялся перебивать размышленія своей повелительницы, хорошо изучивъ ея женскую находчивость.

— Только же не удастся прусскому двору поймать окуня въ мутной водѣ,—сказала, наконецъ, Екатерина весело.—Кстати,—улыбаясь, продолжала она: — тебѣ, какъ вице-канцлеру, предстоитъ немало хлопотъ съ Австріею.

Безбородко опять молчалъ; какъ истый хохолъ, онъ не былъ разговорчивъ—онъ охотнѣе слушалъ другихъ.

— Императоръ Іосифъ въ плѣну,—сказала она весело.

— У кого, государыня?—спросилъ ошеломленный хохолъ.

— У Еропкина... На, прочти бумагу.

И она подала ему рапортъ Еропкина о нашемъ злополучномъ героѣ—о баронѣ фонъ-Вульфѣ. Затѣмъ подошла къ своему столу, взглянула на исполинское яйцо, справилась тутъ же, который часъ, и сказала обращаясь къ Храповицкому, который давно сидѣлъ за своимъ столикомъ и усердно перлюстрировалъ почту:

— Что, ничего не нашелъ?

— Ничего, ваше величество.

— Такъ возьми перо и бумагу, а я тебѣ продиктую объ этомъ Вульфѣ: надо его выслать изъ Россіи... Онъ уже былъ разъ замѣшанъ по дѣлу Зановичей и Зорича.

Храповицкій приготовился писать.

— Пиши:—Петръ Дмитріевичъ! На донесеніе ваше о случившемся происшествіи у содержащагося подъ стражею иностранца Вульфа съ секретаремъ нижняго надворнаго суда Смирновымъ... Написалъ?

— Написалъ, государыня.

— Пиши дальше: не можемъ мы инаго сказать, кромѣ одобренія резолюціи, вами данной, примѣчая, что ежели бы лучшій былъ присмотръ за подстражными, то не могло бы и того случиться. Готово?

— Готово, ваше величество.

— Подай.

Храповицкій подалъ написанное. Императрица прочла, обмакнула перо въ чернильницу и крупно подписалась: Екатерина.

Въ дверяхъ показалась полная и красная физіономія Марьи Савишны.

— Что, Савишна.

— Пора чесаться, государыня.

— Иду.

XIII.

Изгнанникъ.

Морознымъ зимнимъ утромъ 1790 года, изъ Москвы по смоленской дорогѣ ѣхали, одинъ за другимъ, два крытыхъ дорожныхъ возка, и тотъ, и другой запряженные тройкою почтовыхъ.

Неприглядна зимняя ѣзда на лошадяхъ. Неприглядны, однообразны, скучны до тоски открывающіяся глазамъ путника картины. Куда ни обратится взоръ,—вездѣ бѣлыя, слѣпящія глазъ, равнины. Овражки, бугорки, горки, жалкій кустарникъ, оголенный лѣсъ—на всемъ этомъ снѣгъ, какъ саванъ мертвеца. Вѣчно мертвая ель чернѣетъ изъ-за хлопьевъ снѣга, какъ болѣзненные струпья на бѣломъ тѣлѣ. Однообразная, тоскливая равнина тянется до самаго горизонта, до края неба, которое тоже смотритъ какою-то тускло-снѣжною пеленою, изъ которой при порывахъ вѣтра сыплется все тотъ же снѣгъ и снѣгъ. Изрѣдка, грубо, какъ-то удушливо каркая, въ холодномъ воздухѣ пронесется ворона, словно и она ищетъ улетѣть куда-нибудь изъ этого снѣжнаго царства. Стебли засохшаго бурьяна, торчащіе изъ снѣгу, кажутся такими жалкими, покинутыми.

Однообразно, тоскливо позвякиваютъ колокольчики подъ дугами коренныхъ. Визгъ полозьевъ отдается въ сердцѣ, словно бы и тѣмъ стало снѣжно и холодно.

Плотно закутавшись въ медвѣжью шубу и надвинувъ почти до глазъ бобровую шапку, скучающими глазами глядитъ на бѣлую равнину изъ передняго возка бѣлокурый мужчина, и въ глазахъ этихъ какъ бы отражается воспоминаніе о другихъ мѣстахъ, о другихъ картинахъ. Рядомъ съ нимъ сидитъ молодая женщина въ богатой куньей шубкѣ, съ головою, плотно укутанною бѣлымъ пуховымъ платкомъ. Красивые, черные глаза ея видимо заплаканы.

— А ты весной упроси мужа за границу, на воды,—говоритъ мужчина, украдкой взглядывая на свою спутницу.

— Нѣтъ, мужъ не поѣдетъ—онъ догадается,—грустно отвѣчаетъ женщина.

— Почему же ты думаешь?

— Я его знаю: онъ и то упрекалъ меня этимъ.

— Какъ упрекалъ?

— Онъ говорилъ: ты бы навѣрное, говоритъ, ускакала за своимъ любовникомъ, да только никто тебѣ, говоритъ, паспорта не дастъ.

Читатель догадался, конечно, что это былъ фонъ-Вульфъ и Ляпунова.

По опредѣленію сената, утвержденному императрицею, фонъ-Вульфъ высылался изъ Россіи, съ тѣмъ, чтобъ впредь никогда въ нее не въѣзжать. Ляпунова была въ отчаяніи. Болѣе года она не осушала глазъ, пока ея возлюбленный судился и сидѣлъ подъ арестомъ. Но тогда она хоть надѣялась, что рано ли, поздно ли, а увидитъ его. Теперь же она разставалась съ нимъ навѣки. Ей казалось, что она не перенесетъ этой потери. Какъ ни бдительно слѣдилъ за ней старый, ревнивый мужъ, однако ей удалось усыпить его подозрительность, и теперь она вырвалась, чтобы проводить своего идола, чтобъ хоть лишній часокъ побыть съ нимъ, видѣть его, слышать его голосъ. Вотъ почему она теперь и ѣхала съ нимъ въ одномъ возкѣ. Но дальнія проводы—лишнія слезы: почти всю дорогу она проплакала.

Въ другомъ возкѣ тоже сидѣли двое—мужчина и женщина, скорѣе дѣ-

вочка, очень молоденькая дѣвушка. Мужчина былъ полицейскій офицеръ, командированный Еропкинымъ для сопровожденія Вульфа до границы, а дѣвушка—это Дуня Бубнова, воспитанница Ляпуновой.

— А помнишь Крымъ?—снова заговорилъ фонъ-Вульфъ, желая развлечь свою спутницу.

— Да,—отвѣчала она:—развѣ можно это забыть?

— Правда... А здѣсь-то, куда ни глянешь—куда какъ непригоже! Тамъ и теперь, поди, тепло.

— А помнишь, какъ ты доставалъ мнѣ молоденькую чайку?

— Какъ не помнить!

— А я какъ боялась за тебя... И какъ это давно было!—скоро три года.

Она опять заплакала. Теперь особенно острою показалась ей горечь воспоминаній.

— Не плачь, Машечка,—утѣшалъ онъ ее:—мы не навѣкъ разлучаемся.

— Какъ не навѣкъ?

— А такъ: что бы тамъ ни было, а я побываю у тебя.

— Ахъ милый, нельзя этого сдѣлать.

— А я сдѣлаю. Развѣ долго купить у кого-нибудь паспортъ, и съ этимъ паспортомъ, подъ чужимъ именемъ, пріѣхать? Все можно. А до того времени мы будемъ переписываться... А тамъ умретъ твой тиранъ...

— Нѣтъ, не бывать тому—онъ двужильный.

— Нѣтъ, Маша, что ни говори, а ему подъ семьдесятъ.

— Ахъ, Ѳедя!—глотая слезы, воскликнула она:—пойми,—мнѣ и на мѣсяцъ тошно разлучаться съ тобой.

Въ заднемъ возкѣ шелъ разговоръ другого рода.

— А мужъ не узнаетъ, что она ѣздила провожать его?—спрашивалъ полицейскій Дуню.

— Нѣтъ, генералъ уѣхалъ въ Знаменки, — отвѣчала дѣвушка: — въ свое имѣніе.

— А люди не скажутъ?

— Нѣтъ, Марья Дмитріевна закупила ихъ.

— То-то... А то и мнѣ достанется.

Оба помолчали. Подъ однообразное позвякиванье колокольчика и скрипъ полозьевъ дѣвушка начала-было задремывать.

— Что жъ, генералъ-то знаетъ все?—снова заговорилъ полицейскій.

— Что такое?—очнулась дѣвушка.

— Генералъ, говорю, знаетъ, что генеральша съ господиномъ барономъ-то?..

— Онъ давно узналъ,—отвѣчала нехотя Дуня.

— И что жъ—поди досталось ей?

— Очень досталось... поплакала-таки.

— А барону?

— Барона въ судъ взяли, а теперь вотъ ссылаютъ.

Разговоръ плохо вязался и, наконецъ, порвался совсѣмъ. По сторонамъ— все тѣ же однообразныя, скучныя картины зимней природы. Мысль, не отвлекаемая ничѣмъ внѣшнимъ, прячется куда-то внутрь, въ прошлое, въ воспоминанія, въ то, что пережито, что потеряно. Вульфъ чувствовалъ, что и у него на сердцѣ какая-то ссадина, тупая, щемящая боль. Эту тупую боль вызываетъ не разлука, а что-то другое, какія-то болѣе сложныя причины, болѣе глубокія: со дна души поднимается вся муть, вся тина цѣлой жизни. Онъ радъ былъ бы, если бъ это чувство, чувство внутренней боли, было такое опредѣленное, какъ у его спутницы: у нея острое, но опредѣленное страданіе—она любитъ его и боится потерять; у нея одно жгучее желаніе—удержать его. А у него и этого нѣтъ. Онъ опять глубоко чувствовалъ, какъ тогда, въ Крыму, что онъ—бродяга; что вся жизнь его была безцѣльнымъ скитаньемъ по свѣту. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Россію? Искать дѣла, карьеры, славы... А что нашелъ онъ?—Одинъ позоръ... На время страсть отуманила его голову; въ порывѣ этой страсти ему казалось, что горизонтъ его жизни расширяется до безконечности, что тамъ, гдѣ-то впереди, онъ найдетъ и великое дѣло, и карьеру, и славу. И вдругъ — горизонтъ этотъ сузился до размѣровъ „офицерской“ камеры въ надворномъ судѣ, а борьба, которой искали его дремлющія силы, нашла свой постыдный исходъ въ борьбѣ съ трусливымъ приказнымъ, съ секретаремъ Смирновымъ!..

И вотъ, теперь его выталкиваютъ въ Европу, какъ безполезнаго праздношатающагося...

Что онъ будетъ дѣлать тамъ, откуда самъ же онъ бѣжалъ восемь лѣтъ тому назадъ? Тогда онъ былъ богачъ,—теперь почти нищій...

Это бѣлесоватое, мутное небо давило его. На душѣ было холодно. Куда теперь нести тоску одиночества, безцѣльности жизни?—Къ отцу, на родину?—Да онъ почти и не помнитъ этой родины. И какъ ему показаться на глаза отцу въ роли блуднаго сына? А когда-то отецъ возлагалъ на него большія надежды, посылая его учиться въ Вѣну. А какъ оправдалъ онъ эти надежды? Его выметаютъ изъ Россіи, какъ негодный и вредный соръ. Куда жъ ему кинуться? Гдѣ преклонить одинокую, уже сѣдѣющую голову? Въ Австрію? Но онъ давно порвалъ съ нею связи, и воспоминанія о школьныхъ годахъ, проведенныхъ тамъ, не вносятъ въ его душу ничего, кромѣ горечи... Пуститься въ совершенно невѣдомый океанъ—на Востокъ, въ Турцію, въ Египетъ? Попытать счастья подъ тропическимъ солнцемъ Африки? Это онъ могъ сдѣлать прежде, но не теперь...

Невдалекѣ, вдоль плоскаго косогорья, раскинулось село. Небольшія черныя избы издали казались накрытыми огромными, бѣлыми шапками. Надъ шапками этими вился кое-гдѣ бѣлый дымокъ.

При видѣ села ямщикъ тронулъ вожжами, дико вскрикнулъ, и лошади рванулись, чуя близкій отдыхъ.

— Соколики, грабютъ!

Лошади узнали привычный окрикъ ямщиковъ того времени, когда на

большихъ дорогахъ, дѣйствительно, грабили, — и понеслись какъ бѣшеныя.

— Не выдай, соколики! рѣжутъ! унесите душеньку!

Спутники поняли, что близко была станція—разстанный ихъ пунктъ, и у обоихъ сжалось сердце.

— Вотъ ужъ скоро намъ и прощаться, — нерѣшительно проговорилъ Вульфъ:—не будемъ думать о томъ, что мы разстаемся, милая, а будемъ о томъ загадывать, какъ мы опять свидимся.

Ляпунова молчала, только по щекамъ ея тихо текли слезы.

— Не плачь, Маша,—уговаривалъ онъ ее:—а то мнѣ горько будетъ о тебѣ вспоминать... Не плачь, милая! Мнѣ бы хотѣлось, когда ужъ я не буду видѣть тебя, думать, что моя Marie ждетъ своего Теодора веселенькая, радостная... Помни и помяни мое слово, что мы еще возьмемъ свое...

Она принужденно улыбнулась и утерла слезы.

— Да и неловко плакать при чужихъ,—прибавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, мой дорогой.

Они говорили вообще такъ тихо, что ямщикъ ничего не могъ понять, да онъ и не интересовался тѣмъ, о чемъ господа говорятъ, тѣмъ больше, что почти весь разговоръ ихъ перемѣшанъ былъ французскимъ языкомъ, которымъ и Вульфъ, и Ляпунова владѣли отлично. Ямщика гораздо болѣе занимала мысль, сколько ему дадутъ на водку, а потому, при видѣ станціи, онъ изъ кожи лѣзъ, чтобъ угодить господамъ.

— Эй, соколики, живѣй, чтобы баринъ былъ добрѣй, чтобъ на водку не жалѣлъ—ямщикъ-де соколомъ летѣлъ... Эхъ вы!

Лошади рванули еще и еще—и возокъ быстро подлетѣлъ къ станціонному двору.

Фонъ-Вульфъ и Ляпунова вышли изъ экипажа и направились на крыльцо станціоннаго дома. Къ нимъ подошелъ сопровождавшій ихъ квартальный.

— Долго, господинъ баронъ, вы намѣрены остаться здѣсь на станціи?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ, только пока заложатъ лошадей.

— Такъ приказывать запрягать?

— Прикажите, пожалуйста... Только въ задній возокъ — обратныхъ до Москвы.

— А ихъ превосходительство не поѣдутъ дальше?

— Нѣтъ.

— Слушаю-съ.

Ляпунова и не замѣтила, какъ заложили лошадей. Она слишкомъ поглощена была своимъ горемъ, чтобы думать объ этомъ. Но когда прописана была подорожная фонъ-Вульфа и когда она услыхала, какъ зловѣще на дворѣ зазвякали колокольчики, встряхиваемые нетерпѣливыми конями, сердце ея упало. Она бросилась на шею своему возлюбленному, да такъ и застыла. Съ трудомъ удалось ему вновь одѣть и закутать ее.

Когда Вульфъ направился къ дверямъ, она порывисто перекрестила его

и вышла съ нимъ вмѣстѣ. У крыльца стояли двѣ тройки, изъ которыхъ головы одной были обращены къ Москвѣ, другой — по направленію къ Смоленску.

Видъ этотъ заставилъ поблѣднѣть Ляпунову, и она чуть не упала въ обморокъ; но фонъ-Вульфъ поддержалъ ее, бережно довелъ, почти донесъ до ея возка и усадилъ, тщательно закутавъ ей ноги.

У воротъ столпились ямщики и посторонніе зрители и въ недоумѣніи смотрѣли на эти невиданныя проводы.

Вульфъ поцѣловалъ въ послѣдній разъ свою печальную подругу, тихонько что-то шепнулъ ей, поцѣловалъ Дуню, и быстро усѣлся въ свой возокъ, но уже рядомъ съ квартальнымъ.

— Трогай, съ Богомъ!—крикнулъ этотъ послѣдній, и тройка рванулась впередъ.

Вульфъ оглянулся назадъ — ему махали платкомъ. Онъ также вынулъ платокъ и сталъ махать.

Но тройка скоро повернула въ сторону—и того маленькаго мелькавшаго въ воздухѣ бѣленькаго платка не стало видно.

XIV.

Въ Петербургѣ „стряпаютъ“.

Прошло два года.

Фонъ-Вульфъ продолжалъ оставаться за границей, Ляпунова же за это время успѣла сдѣлаться вдовой. Толстякъ „тиранъ“ ея умеръ еще въ 1791 году, черезъ годъ послѣ высылки Вульфа изъ Россіи, и теперь Марья Дмитріевна предалась радужнымъ мечтамъ: она надѣялась скоро стать супругою своего обожаемаго барона.

Но какъ это сдѣлать? Ему возвратъ въ Россію запрещенъ, ей же ѣхать къ нему и неудобно, и страшно. Неудобство представляется въ видѣ маленькаго сына Пети, который принадлежалъ—она сама не знала кому, „тирану“ ли мужу, или очаровательному барону. Прислуга и всѣ въ домѣ называли маленькаго барина Петромъ Николаевичемъ, ибо законный мужъ мамаши маленькаго Пети былъ Николай Θедоровичъ Ляпуновъ, толстый, съ картофельнымъ носомъ генералъ-маіоръ; самой мамашѣ казалось, да и всѣмъ это бросалось въ глаза, что маленькій Петя не похожъ ни на папашу, ни на мамашу: „ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца“; впрочемъ, мамаша очень хорошо знала, на кого похожъ ея Петя, и знала, почему именно. Только три человѣка на свѣтѣ знали это или догадывались: знала, конечно, одна мамаша, и знала навѣрняка; догадывались же—покойный „тиранъ“ и фонъ-Вульфъ. Послѣдній потому и засаженъ былъ „тираномъ“ въ арестантскую при нижнемъ надворнымъ судѣ и обвиненъ въ самозванствѣ.

Какъ же бросить Петю и ѣхать за границу? Оставить его? Но не на кого: въ домѣ у нея только двѣ молоденькихъ дѣвушки—Маша Лебе-

дева и Дуня Бубнова, да цѣлая орава дворни, которая по смерти „тирана“ совсѣмъ отъ рукъ отбилась. А ѣхать съ Петей за границу — совершенно невозможо, хоть фонъ-Вульфъ и звалъ ее туда настоятельно. Получивъ извѣстіе о смерти старика Ляпунова и о томъ, что его возлюбленная осталась владѣтельницей имѣнія съ 370 ревизскими душами и капитала въ 170,000 рублей, кромѣ бриллiантовъ и серебра, и о томъ, что его возлюбленная страстно желаетъ соединиться съ нимъ бракомъ, онъ, не имѣя права въѣзда въ Россію, тотчасъ же прислалъ за ней изъ Силезіи свой экипажъ и своихъ людей съ тѣмъ, чтобъ, покончивъ съ дѣлами, она ѣхала немедленно къ нему, а онъ встрѣтитъ ее въ Митавѣ. Мало того, ожидая ее къ себѣ, онъ тогда же ходатайствовалъ у прусскаго короля о пожалованіи ему „инконата“, то есть дозволенія покупать въ Пруссіи имѣнія,—и „инконатъ“ вскорѣ же былъ полученъ.

Но Марья Дмитріевна не знала, на что рѣшиться: голова ея шла кругомъ; она и мечтала о блаженствѣ, и плакала, боясь, сама не зная чего, и посовѣтоваться было не съ кѣмъ. Модное французское воспитаніе сдѣлало изъ нея на всю жизнь ребенка. Такова была женщина XVIII вѣка—кукла, а въ то же время и раба въ семьѣ, или тиранка, потому что испоконъ-вѣка существуетъ аксіома, добытая исторіей, что всякій рабъ есть тиранъ, а всякій тиранъ—есть рабъ.

При всемъ томъ Марья Дмитріевна додумалась, какъ ей поступить.

Она написала императрицѣ самое краснорѣчивое, вѣрноподданнически чувствительное письмо о томъ, чтобы она помиловала фонъ-Вульфа и дозволила ему возвратиться въ Россію, вступить въ русскую службу и жениться на ней, на Марьѣ Дмитріевнѣ.

Довести этотъ вопль любящаго сердца до самой императрицы вызвался одинъ бѣдный офицеръ, облагодѣтельствованный Ляпуновою и уже ѣздившій отъ нея съ порученіемъ за границу къ Вульфу, — нѣкто Красовскій, оказавшійся впослѣдствіи негодяемъ самаго низкаго разбора, какимъ онъ, впрочемъ, былъ всегда, хотя Марья Дмитріевна, по своему добродушію, чтобы не сказать просто по глупости, считала его отличнѣйшимъ человѣкомъ.

Красовскій этотъ, по имени и отчеству Андрей Петровичъ, былъ, какъ онъ себя называлъ, „уроженецъ бѣлорусскій“; служилъ прежде въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку, дослужился до прапорщика; потомъ служилъ въ Тобольскомъ полку, гдѣ дослужился до подпоручиковъ, и поступилъ затѣмъ экзекуторомъ въ московскій почтамтъ. Тамъ, кажется, проворовался и со службы выгнанъ. По изгнаніи, жилъ въ Москвѣ, „профитуясь помощію родственниковъ своихъ“ и обманами такихъ особъ, какъ мечтательная Марія Дмитріевна.

До чего наивна была Марья Дмитріевна, видно хотя бы изъ слѣдующаго. Когда умеръ ея „тиранъ“, то, желая хоть чѣмъ-нибудь угодить своему возлюбленному, она послала къ нему Красовскаго въ Силезію съ письмомъ и презентомъ—500 червонцев и богатый куній мѣхъ. Красовскій

положилъ червонцы себѣ въ карманъ, и фонъ-Вульфу вручилъ только письмо и куній мѣхъ; о червонцахъ же сказалъ, что ихъ у него украли, и еще у Вульфа выпросилъ себѣ на обратный путь 70 червонцевъ.

И Марья Дмитріевна объ немъ же, бѣдномъ, пожалѣла!

— Ахъ, бѣдняжка! каково же тебѣ было въ чужой землѣ безъ денегъ!

Этотъ-то молодецъ и увѣрилъ Марью Дмитріевну, что почтъ-директоръ Пестель въ немъ, Красовскомъ, души не чаетъ, что онъ познокомитъ его съ графомъ Безбородкою, а тамъ до самой императрицы—рукой подать.

И вотъ Марья Дмитріевна отсыпала ему тысячъ около двадцати и отправила его въ Петербургъ „стряпать" и „подмазывать", какъ онъ самъ выражался.

Прошло недѣли двѣ, какъ онъ уѣхалъ, и Марья Дмитріевна лихорадочно ожидаетъ или его самого, или письма отъ него.

— Нѣтъ, онъ обѣщалъ писать о дѣлѣ, — разсуждала сама съ собой Марья Дмитріевна:—надо, значитъ, ждать письма...

Она подходила къ окну и глядѣла, нейдетъ ли почталіонъ по улицѣ. А домъ ихъ наискосокъ отъ почтамта, такъ оно и видно, когда проходятъ почталіоны. Домъ Ляпуновыхъ — богатый, барскій, старинный домъ. Комнатъ много, мебель хорошая — вездѣ свѣтло, чисто, красиво. А Марьѣ Дмитріевнѣ, въ ея вдовьемъ одиночествѣ, этотъ богатый домъ кажется монастыремъ.

— Нѣтъ, не видно почталіона.

Она отошла отъ окна, сѣла на софу и стала раскладывать карты на кругломъ столѣ, покрытомъ шитою шелками скатертью.

— Ахъ, вотъ сюда бы бубноваго туза... Такъ и есть!

Въ это время изъ передней, а потомъ изъ залы донеслись веселыя голоса.

— Марья Дмитріевна! радость!—кричалъ одинъ голосъ.

— Письмо, Марья Дмитріевна!—кричалъ другой.

Не успѣла Марья Дмитріевна выскочить изъ-за стола, какъ въ комнату влетѣли двѣ молоденькія дѣвушки. Это были ея воспитанницы—бѣдныя дворяночки, считавшія Марью Дмитріевну своею благодѣтельницею — Дуня Бубнова и Маша Лебедева. Дуня была высокенькая, стройненькая, шестнадцатилѣтняя брюнеточка, съ живыми сѣрыми глазами и капризновздернутымъ носикомъ. Маша же, рыженькая, съ необыкновенно бѣлымъ веснущатымъ лицомъ, была некрасива и смотрѣла болѣе возмужалой.

— Вотъ вамъ письмо!—радостно, чуть не захлебываясь словами, говорила Дуня, показывая письмо.

— Мы все утро ждали почталіона,—перебила ее Маша:—и я первая увидѣла его.

— А я перегнала тебя!—торжествовала Дуня.

— Да! почти изъ рукъ вырвала письмо, безсовѣстная! — дулась на нее Маша.

Но Марья Дмитріевна, не слушая ихъ препирательствъ, а торопливо распечатавъ письмо, вся пунцовая отъ волненія, жадно читала его.

„Порадуйтеь, матушка!—писалъ Красовскій.—Дѣло мое, слава вышнему Богу, хотя съ трудностію, но уже началось, и весьма успѣшно стряпается, по причинѣ вамъ извѣстнаго, розданнаго по рукамъ старательства*), и навѣрное въ послѣднихъ дняхъ этого мѣсяца совершенно съ пользою окончится, почему и буду обратно въ Москву скоро. Дѣло мое отъ бумажекъ пуще загорѣлось, нежели отъ березовыхъ дровъ, только по требованію необходимо еще 600 рублей, которые ради самого Бога пришлите на первой почтѣ мнѣ; не сдѣлайте мнѣ остановки и разстройки и не испортите мнѣ дѣла; для того не замедлите, что въ двѣнадцать дней все будетъ готово и мнѣ нечего будетъ дожидаться, какъ этихъ денегъ, которыхъ я не имѣя при себѣ, обѣщалъ черезъ 12 дней имъ доставить. Обо всемъ обстоятельно я сей же день писалъ къ моему другу: пускай онъ порадуется и утѣшится своимъ благополучіемъ"!..

Марья Дмитріевна еще болѣе вспыхнула.

— Это онъ къ Ѳедѣ, къ моему Теодору писалъ,—радостно подумала она:—нарочито эти слова подчеркнулъ, чтобъ я знала.

Она продолжала читать:

„Я думалъ въ Москвѣ иначе, а пріѣхавши, здѣсь нашелъ самые вѣрнѣйшіе способы къ полученію желаемаго чрезъ трехъ особъ, которыя всѣ сильны и между собою пріятели и всѣ денежки требуютъ. Вы пришлите черезъ почту, только отдайте вѣрному человѣку на почту отнести. А я стою въ Большой Мѣщанской, во 2-й части, у купца Ильина. До полученія денегъ обѣщаются, чтобъ все было готово, а я, получа деньги, изъ рукъ въ руки перемѣняемся. До скораго свиданія, благодѣтельница, Вашъ усердный и вѣрный слуга Андрей Красовскій. Санктпетербургъ, 13-го мая 1792 года".

— Слава Богу!—радостно перекрестилась Марья Дмитріевна.

— Слава Богу! слава Богу!—подхватили въ одинъ голосъ барышни.

— Такъ хорошее письмо, милая Марья Дмитріевна?—спросила Маша.

— Хорошее, хорошее, душечка.

— Ахъ, какъ я рада! — теперь ужъ я слѣдующее письмо перехвачу раньше,—сказала Маша, обращаясь къ Дунѣ.

— Посмотримъ! старуха на двое сказала,—засмѣялась эта воструха.— А когда, душечка мамочка, вы ждете второго письма?—спросила она свою благодѣтельницу.

— Не знаю, милая... Надо бы ожидать на-дняхъ,—отвѣчала послѣдняя, что-то соображая.—Да, деньги, деньги надо завтра же послать.

Съ этого дня молоденькія воспитанницы генеральши Ляпуновой всякое утро поджидали почталіона у воротъ: каждой хотѣлось первой порадовать свою благодѣтельницу. Воструха Дуня пустилась даже на такую хитрость.

---

*) Письмо Красовскаго передается съ дипломатическою точностью, подчеркнуты нѣкоторыя слова самимъ Красовскимъ.

Завидѣвъ на второй или на третій день почталіона, возвращавшагося въ почтамтъ, слѣдовательно, въ такой часъ, когда ея соперницы, Маши, не было у воротъ, она подбѣжала къ нему и, сверкая своими жемчужными зубами, смѣло заговорила:

— Вы носите письма къ генеральшѣ Ляпуновой?

— Я, барышня,—развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ, знаю... Только вы не отдавайте ихъ Машѣ.

— Какой Машѣ, красавица?

— Нашей — Лебедевой, что третьеводни хотѣла перехватить у васъ письмо къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

— Зачѣмъ вамъ это, красавица?

— А я хочу первая обрадовать ее.

— Хорошо, милая... А что же вы мнѣ дадите за это? — улыбался почталіонъ, любуясь дѣвушкой.

— Что?—у меня ничего нѣтъ... У Марьи Дмитріевны...

— Что мнѣ Марья Дмитріевна!—вы дайте...

— У меня ничего нѣтъ,—совсѣмъ вспыхнула дѣвушка.

— А поцѣловать дадите?

Дуня засмѣялась и убѣжала... Почталіонъ былъ не дуренъ собой, а все же—ахъ, какъ стыдно!

Черезъ нѣсколько дней почталіонъ, дѣйствительно, показалъ ей письмо тихонько отъ Маши, которую за чѣмъ-то позвала ключница Ѳекла Китовна. Увидавъ письмо, Дуня вся вспыхнула. Но почталіонъ не отдавалъ пакета, лукаво улыбаясь.

— Отдайте,—просила дѣвушка.

— Поцѣлуйте прежде,—шепталъ почталіонъ Меркурій.

— Нѣтъ, прежде отдайте,—настаивала дѣвушка.

— А потомъ поцѣлуете?

— Поцѣлую.

— Честное слово?

— Честное слово.

Но едва хитрячка коснулась пакета своими ловкими, поколотыми иголкой пальчиками, какъ письмо мигомъ очутилось въ ея рукахъ, и она стрѣлой, съ звонкимъ хохотомъ, убѣжала.

— Добро же, воструха!—проворчалъ обманутый донъ-жуанъ:—не увернешься отъ меня.

Вся запыхавшаяся, толкая Ѳеклу Китовну и Машу, попавшихся въ дверяхъ будуара навстрѣчу летѣвшей шалуньѣ, Дуня съ крикомъ радости вбѣжала въ будуаръ генеральши.

— Еще письмо! еще письмо!

У Марьи Дмитріевны даже руки задрожали, и строчки письма наскакивали одна на другую...

„Дѣло, къ счастью, течетъ весьма порядочно, какъ лучше требовать нельзя“...

Она взглянула на конецъ письма, и только тутъ сообразила:

— А! восемнадцатаго мая... Онъ еще не получилъ денегъ.... Ну, что дальше?

„Только боюсь, чтобъ за деньгами, о которыхъ я писалъ, не сдѣлалось остановки... Умоляю прислать поскорѣе“...

— Послала ужъ.

— Ну, что, душечка Марья Дмитріевна, — это письмо лучше того?— спросила Дуня, видя волненіе на лицѣ генеральши.

Съ нынѣшняго дня Дуня сама начала понимать, что такое есть „волненіе“...

— Нѣтъ, не лучше,—отвѣчала генеральша:—а ужъ слѣдующее должно быть самое хорошее.

— А когда вы его получите?—спросила вдругъ Маша, входя въ это время въ будуаръ.

— Да не раньше недѣли, думаю,—отвѣчала взволнованная вдовушка.

Дуня лукаво улыбнулась, украдкой взглянувъ на свою подругу... „Не видать тебѣ, умница, письма, какъ своихъ ушей“,—сказала она про себя, а у самой сердце точно росло и пухло отъ сладкаго „волненья“...

Раньше недѣли дѣвушки и не ждали письма, а потому и не караулили почталіона.

Но, къ вящщему изумленію и огорченію ихъ, черезъ день, когда онѣ обѣ помогали Марьѣ Дмитріевнѣ расчесывать роскошныя ея косы, въ будуаръ, смѣясь и отбиваясь отъ барченка, отъ Пети, хорошенькаго бѣлокураго мальчика лѣтъ трехъ или четырехъ, ввалилась Китовна и торжественно подала барынѣ письмо. Барыня поблѣднѣла отъ неожиданности, а Дуня, вспыхнувъ до слезъ, уронила на полъ гребенку и разсыпала всѣ шпильки... „Пропустила—ахъ!“—сжалось ея сердчишко...

— Проворонила,—коварно шепнула ей Маша.

Марья Дмитріевна почти не понимала, что она читала.

„Дѣло къ окончанію приходитъ. Пожалуйте, не замедлите прислать означенныя деньги на додачу, за которыми теперь только вся остановка: получу жъ отъ васъ деньги, немедленно совершу конецъ“...

— Ахъ, все еще не получилъ денегъ! — досадовала Марья Дмитріевна.

— Теперь ужъ навѣрно получилъ,—успокоивала ее Маша,—и скоро, скоро будетъ самое лучшее письмо.

Она опять украдкой взглянула на Дуню. Та казалась огорченною, но уже не за Марью Дмитріевну, а за себя... „Такъ и не видала его... Какой дерзкій!“...

Съ этого момента Маша задумала во что бы то ни стало перехитрить проворную Дуню и посмѣяться надъ ней. Каждою утро она уходила подъ какимъ-нибудь предлогомъ изъ дому: то зайти въ лавочку за шелкомъ для шитья, то въ сосѣдній магазинъ за гарусомъ для подушки, и непремѣнно раньше того часу, когда Дуня выходила встрѣчать почталіона. Вмѣсто ма-

газина она всякій разъ заходила на почту, какъ разъ въ то время, когда почту разсортировывали и раздавали приходящимъ получателямъ.

— Нѣтъ ли письма къ генеральшѣ Ляпуновой? — всякій разъ спрашивала она.

— Нѣтъ-съ.

Но черезъ нѣсколько дней ей письмо, дѣйствительно, подали. Схвативъ его, она стремглавъ бросилась бѣжать домой. У воротъ уже стояла ея соперница и ждала больше почталіона, чѣмъ письма.

Маша издали показала ей свой трофей. Дуня вся покраснѣла.

— Откуда ты?

— Изъ магазина—за шелкомъ да за гарусомъ ходила.

— А письмо гдѣ взяла?

— Почталіонъ далъ.

— Гдѣ?—въ голосѣ и на рѣсницахъ Дуни дрожали слезы.

— Тамъ на улицѣ, около магазейна.

— Самъ отдалъ?

— Самъ, знамо, самъ.

Дуня совсѣмъ растерялась, готовая расплакаться.

— И онъ ничего не говорилъ?—со слезами въ голосѣ спросила она.— Не спрашивалъ обо мнѣ?

— Съ какой это стати!—насмѣшливо отвѣчала обманщица:—про здоровье Марьи Дмитріевны спрашивалъ и про мое, а объ тебѣ и не подумалъ.

Сказавъ это, она шмыгнула въ ворота, оставивъ Дуню въ глубокомъ смущеніи и въ горѣ... „Это за то, что я обманула его—обѣщала поцѣловать и не далась... Противный!..“

На этотъ разъ, увидавъ письмо, Марья Дмитріевна была вполнѣ увѣрена, что дѣло ея, наконецъ, кончилось, что скоро надо будетъ готовиться подъ вѣнецъ, шить платье, заказывать цвѣты... Въ смущеніи она разломала сургучъ...

„Матушка! ожидаю отъ васъ присылки для пользы кровопійцевъ, которую, отъ васъ получа, долженъ имъ вручить...“

— Господи! да когда жъ онъ ихъ получить!—въ отчаяніи проговорила она:—почти двѣ недѣли какъ послала... Ужъ не пропали ли?

— Зачѣмъ пропадать, матушка, — успокоивала ее случившаяся тутъ Китовна:—вить деньги не то что письмо—онѣ не скоро ходютъ... А пропасть имъ гдѣ же?—на то есть росписка.

Ляпунова продолжала читать письмо, но ужъ съ меньшимъ интересомъ, съ разочарованіемъ.

„Да, матушка, они напросились два раза ко мнѣ обѣдать. Что жъ бы, вы думали, эти обѣды съ напитками стоили? —девяносто два рубля“...

— Владычица!—и ихъ не разорвало!—воскликнула Китовна, услыхавъ эту сумму.—На троихъ-то!

— Да это съ шампанскимъ, Китовна,—оправдывала Марья Дмитріевна своего адвоката.

— Что жъ! и я шампанское давывала вашимъ господамъ, да не по бочкѣ же,—волновалась старая ключница.

„Отговориться никакъ не могъ, — продолжала читать генеральша,—и отъ того я вошелъ въ долгъ. Денегъ у меня почти не осталось расходныхъ. Для того, матушка, прошу прислать, кромѣ 600 рублей, которые обѣщаны въ жертву, еще 200 рублей для заплаты этихъ великолѣпныхъ питерскихъ обѣдовъ и для прогоновъ мнѣ возвратиться въ Москву“.

— Бочки бездонныя!—ворчала Китовна.

Марья Дмитріевна продолжала читать про себя:

„Дѣло идетъ исправно и хорошо, лишь только не дѣлаютъ конца для того, пока не получатъ 600 рублей, — думаютъ, что я ихъ обману; получа же оные, изъ рукъ въ руки размѣняемся; да получу же отъ васъ на первой почтѣ 200 рублей и, расплатясь, пріѣду въ Москву. Къ другу своему я вторично и обстоятельно обо всемъ писалъ и увѣдомилъ его“.

Дуня пришла, когда письмо было прочитано. Хорошенькіе сѣрые глазки ея казались заплаканными.

XV.

Напрасное ожиданіе.

Время шло, и Марья Дмитріевна со дня на день все ожидала изъ Петербурбурга рѣшительнаго письма. Но оно не приходило. По разсчету времени Красовскій долженъ былъ получить деньги, какъ тѣ, которыя предназначены для „кровопійцевъ“, для „сильныхъ“, людей, такъ и тѣ, которыя посланы ему были на прогоны. Марья Дмитріевна не знала, что и подумать объ этомъ.

И ея воспитанницы поджидали письма. Хитрая Маша продолжала каждое утро бѣгать на почтамтъ къ разбору петербургской почты, и Дуня то и дѣло выбѣгала за ворота... Ей такъ хотѣлось отмстить чѣмъ-нибудь обманщику...

Между дѣвушками, бывшими до того въ дружбѣ, поселилась маленькая холодность: Дуня въ чемъ-то подозрѣвала Машу и къ чему-то ревновала.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рокового утра, когда ловкая Маша провела свою подругу, заполучивъ письмо на почтѣ, Дуня выглянула за ворота и столкнулась лицомъ къ лицу съ почталіономъ. Дѣвушка очень обрадовалась, но еще болѣе сконфузилась.

— Здравствуйте, Авдотья Никитишна,—ласково сказалъ почталіонъ.

Дѣвушка удивилась, что онъ назвалъ ее по имени. Ей было пріятно узнать, что онъ интересуется ея именемъ, и она еще болѣе покраснѣла.

— Здравствуйте,—отвѣчала она.—Вы къ намъ съ письмомъ?

— Да,—отвѣчалъ почтамтскій донъ-жуанъ, улыбаясь:—только я его вамъ не дамъ.

— Отчего же?

— Оттого, что вы обманщица.

— А зачѣмъ вы прошлое письмо не мнѣ отдали?

— Какъ не вамъ?

— Конечно не мнѣ, а Машѣ.

Почталіонъ догадался, что какое-то письмо прошло помимо рукъ, и тотчасъ же сообразилъ, какъ ему дѣйствовать.

— Да, правда,—сказалъ онъ:—я отдалъ его Машѣ, потому что она не обманщица.

Эти слова кольнули дѣвушку въ сердце. Она сама не догадывалась, что въ ней заговорила ревность. Хорошенькое личико ея разомъ затуманилось.

— Ну, такъ и отдавайте ей всѣ ваши письма,—быстро проговорила она и убѣжала. Но на сердцѣ у нея было смутно. Она вошла въ домъ и ждала, что вотъ-вотъ принесутъ письмо. Но вошла откуда-то Маша, а письма не было. Не приходилъ и почталіонъ. Дуня догадалась, что письма не было совсѣмъ, и нѣсколько успокоилась.

Изъ словъ дѣвушки почталіонъ понялъ, что ея подруга сама заходила на почту и взяла письмо, которое потому и не попало въ его сумку. А такъ какъ письма къ Ляпуновой, благодаря ея хорошенькой воспитанницѣ, очень стали интересовать его, то онъ сталъ являться къ сортировщику въ самый разборъ петербургской почты, чтобы письма къ Ляпуновой не проходили мимо его рукъ.

Вскорѣ, дѣйствительно, оказалось письмо на ея имя. Почталіонъ взялъ его въ свою суму вмѣстѣ съ другими и направился къ дому Ляпуновой. Но у воротъ никого не было. Онъ постоялъ—никто не выходилъ. Разочарованный, онъ пошелъ прямо въ домъ. Въ передней его встрѣтилъ лакей и взялъ письмо. Ни Дуни, ни Маши не было. Дуня сидѣла у себя и вышивала, а Марья Дмитріевна опять гадала на картахъ. Маша же опять отлучилась за какими то иголками.

Когда вошелъ лакей и подалъ письмо, Марья Дмитріевна уже не обрадовалась, а испугалась. Щеки же Дуни вспыхнули пожаромъ, а въ глазахъ засвѣтилась радость... „Не отдалъ противной Машкѣ“.

Вошла и Маша, но, увидѣвъ въ рукахъ у генеральши письмо, остолбенѣла. Это замѣтила Дуня и убѣдилась, что почталіонъ не хотѣлъ отдать письмо „противной Машкѣ“, а припасалъ его для нея; но она, къ сожалѣнію, не вышла за ворота... „Дура я, дура“!..

— Что же вы не читаете, душечка наша?—подошла она къ генеральшѣ.

— Да, боюсь, милая.

— Ну, дайте, я прочитаю.

— Нѣтъ, я сама.

„Дѣло все порядочно устроено и дѣла,—писалъ адвокатъ,—лишь только съ минуты на минуту дожидаюсь рѣшительнаго конца, который непремѣнно долженъ былъ скоро. Только дожидаюсь одного человѣка, мнѣ нужнаго, который изъ Петербурга на нѣкоторое время отлучился. Я къ своему другу два раза писалъ“.

Генеральша съ досадой бросила письмо на полъ.

— Кровопійцы!.. des hommes sanguinaires! — волновалась она:— деньги взяли, а дѣла не дѣлаютъ... Низкіе люди!

Но она все еще не подозрѣвала, что тутъ кроются штуки ея повѣреннаго.

Она опять ждала. Потянулись дни за днями. Повѣренный ея выѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ мая, а теперь уже вторая половина іюня. Она хотѣла ѣхать въ деревню, чтобы туда ждать своего жениха и тамъ съ нимъ обвѣнчаться; но лѣто проходило, а дѣло ея не двигалось впередъ. Она забросила всѣ знакомства, ни къ кому не ѣздила. Домъ ея, дѣйствительно, казался теперь совсѣмъ монастыремъ, и если бъ его молчаливость не оживлялась голосами двухъ молоденькихъ дѣвушекъ, то это была бы совершенная пустыня: вѣчно спящій въ передней лакей, постоянно молчаливая горничная Аннушка—только Маша да Дуня казались живыми существами.

Теперь между дѣвушками шла скрытая, глухая борьба изъ-за ожидаемаго послѣдняго, радостнаго письма. Кто то обрадуетъ имъ Марью Дмитріевну?—Дуня рѣшилась пожертвовать, наконецъ, своей недоступностью и дать поцѣлуй почталіону, тѣмъ болѣе, что онъ ей нравился, лишь бы письмо прошло черезъ ея руки.

— Пускай же тихоня останется съ носомъ,—часто думала она:—а то вонъ какая—съ почталіономъ цѣлуется, а еще говоритъ, что терпѣть не любитъ мужчинъ, притворщица:

И она опять начала выбѣгать за ворота — все же развлеченіе для живой рѣзвушки, которой не сидѣлось на мѣстѣ. И почти всякій разъ она ловила возвращающуюся съ почты свою пріятельницу, теперь же — воображаемую ею соперницу.

— Изъ магазейна, Марья Семеновна?—спрашивала она ехидно.

— Изъ магазейна.

— Все шелки да гаруса подбираете къ подушкѣ?

— Нѣтъ, за конвовой иголкой ходила — вотъ она, — отвѣчаетъ не менѣе ехидная Маша.

А сама думаетъ съ лукавой усмѣшкой: „дожидайся.. получишь послѣ дождика въ четвергъ... я ужъ была на почтѣ“.

Разъ какъ-то Дуня опять столкнулась съ почталіономъ.

— Есть письмо?

— Зачѣмъ вамъ, Авдотья Никитишна?—Вить вы не хотите отъ меня брать ихъ.

— Нѣтъ, пожалуйста.

— А обѣщаніе исполните?

— Исполню.

— Побожитесь.

— Ей Богу, исполню... Только не отдавайте Машѣ.

— А задатка не дадите?

Дуня со смѣхомъ убѣжала. Въ душѣ она была довольна своею смѣлостью... „Вотъ какая я храбрая... Что жъ! если тихоня цѣлуется, от-

чего жъ и мнѣ не поцѣловаться? Вить это все для благодѣтельницы, для Марьи Дмитріевны".

Наконецъ, какъ разъ на Іоанна Предтечу, утромъ, не дождавшись письма, она собралась идти къ обѣднѣ, и только вышла въ сѣни—почталіонъ въ дверяхъ! — Она такъ и обмерла и отъ неожиданности, и отъ тайной радости, и отъ страху.

— Авдотья Никитишна! вотъ вамъ письмо, — сказалъ почталіонъ тихо и нерѣшительно подалъ письмо.

— Спасибо вамъ... merci...

Не успѣла она опомниться, какъ кто-то обнялъ ее...

Въ какомъ-то туманѣ, вся пылающая, она вырвалась и убѣжала въ комнату. Щеки ея пылали, сердце колотилось...

Она наткнулась на генеральшу и чуть не сбила ее съ ногъ.

— Что ты! что ты! ополоумѣла?

— Марья Дмитріевна!—письмо!—сказала дѣвушка, задыхаясь:—вотъ оно... теперь все...

Думая, что въ самомъ дѣлѣ уже все сдѣлано, Марья Дмитріевна также растерялась отъ радости.

— Давай, Дунюшка, скорѣй! — охъ, и обрадовала, и напугала...

Письмо вскрыто. У Дуни подкосились ноги, и она сѣла. Марья Дмитріевна съ жадностію стала читать.

„Матушка! Дѣло мое по сю пору шло весьма хорошо и съ отмѣннымъ успѣхомъ; но теперь остановилось"...

Марья Дмитріевна сѣла. И ея ноги подкосились. Краска, покрывшая было ея щеки, стала уступать мѣсто смертельной блѣдности.

.... „Но теперь остановилось, — машинально читала она, — однакожъ на хорошемъ пути, и это потому, что проявились опять требованія, на которыя я не смѣлъ дать обѣщанія безъ воли вашей, зная, сколь много уже стоитъ. Итакъ, теперь мнѣ нечего здѣсь будетъ дѣлать: до времени я рѣшился въ Москву отправиться, и если вы согласитесь на ихъ требованія, то, такъ какъ дѣло уже не токмо зачато, но почти уже совершено, лишь только на волоску виситъ, то буде согласитесь еще на потерю, въ мигъ кончится; но объ этомъ надобно весьма вамъ пораздуматься, рѣшиться или нѣтъ; къ тому жь предстали новыя препятствія... я здѣсь размучился, имѣя дѣло съ людьми весьма... Итакъ, я послѣ этого письма, которое есть послѣднее, самъ чрезъ два дня выѣду изъ Петербурга въ Москву и подробно обо всемъ васъ увѣдомлю и изъясню. Я къ дѣлу прилагалъ всѣ свои силы, въ чемъ васъ послѣдствія дѣла могутъ увѣрить".

Марья Дмитріевна въ раздумьѣ опустила голову.

— Горько. Однако, ничто еще, кажется, не потеряно. Нужны только деньги. Что жъ! Двадцать тысячъ уже пожертвовано — можно и еще: счастье дороже денегъ.

— Только надо его подождать: пишетъ, что уѣзжаетъ. Можетъ, скоро

и здѣсь будетъ. Тогда узнаю все, да и денегъ сколько нужно — скажетъ. Нечего дѣлать—надо ждать.

А Дуня, казалось, дохнуть не смѣла. Она чувствовала, что на лицѣ у нея огненные слѣды, что слѣды эти всѣ узнаютъ...

— Ну, Дунюшка, пойдемъ къ обѣднѣ, помолимся,—грустно и задумчиво сказала Марья Дмитріевна.

Дуня встала и машинально пошла за своей благодѣтельницей. Куда дѣвалась ея рѣзвость, озорничество!

И снова потекли дни за днями. Ждали Красовскаго; но онъ не пріѣхалъ. Ляпунова все чаще и чаще стала плакать, особенно, когда къ ней приводили ея Петю... „Вылитый онъ"!..

Она уже стала сомнѣваться въ вѣрности Красовскаго. Дуня боялась уже выбѣгать за ворота, но вся ея мысль была тамъ, а чаще всего—въ сѣняхъ... Она какъ-то сразу, казалось, возмужала и похорошѣла. Чаще и чаще стала она задумываться, и стала какою-то разсѣянною, путала счетъ въ узорахъ, мѣшала цвѣта въ гарусахъ...

— Добрая Дунюшка!—говорила, глядя на нее Марья Дмитріевна:—она за моимъ горемъ убивается.

— Я такъ... ничего...

И Дуня бросилась цѣловать свою благодѣтельницу, плакала.

— Письмо! письмо!—торжественно провозгласила рыженькая Маша.

Всѣ встрепенулись. Марья Дмитріевна поблѣднѣла, но, повидимому, обрадовалась. Дуня подбѣжала къ Машѣ.

— Гдѣ взяла письмо?—торопливо спросила она.

— У почталіона... Вотъ еще ломака!.. Не хотѣлъ мнѣ отдать.

Дуня свободно вздохнула, и сѣрые глаза ея вспыхнули: въ нихъ засвѣтилась радость.

Ляпунова читала: „Долго не писалъ вамъ, матушка, потому что двѣ недѣли былъ боленъ горячкою, которую прервали кровопусканіемъ".

— Такъ вотъ отчего онъ не писалъ.

„Объ обстоятельствахъ прежняго моего дѣла, за которымъ я сюда пріѣхалъ, доношу вамъ, что тѣ люди, которые прежде заумничали кожу содрать по своей привычкѣ, но теперь усовѣстились нѣсколько, хотя немногимъ, стали поблагосклоннѣе; но лишь военныя обстоятельства и прочія, которыя послѣ начатія сего дѣла случились, препятствуютъ, и ихъ ничѣмъ какъ терпѣніемъ возможно превозмочь. Если вы захотите потерпѣть нѣсколько мѣсяцовъ, да и должно, для того, что перемѣнить нельзя. Теперь я поздоровѣе и скоро буду и, пріѣхавши, обо многомъ вамъ имѣю что говорить, того всего на бумагѣ описать невозможно" *).

— Что дѣлать! надо ждать,—сказала несчастная вдова со вздохомъ.

Но ни конца дѣла, ни своего адвоката она не дождалась: послѣдняго она больше въ глаза не видала.

*) Всѣ письма Красовскаго приведены дословно.

XVI.

Возвращеніе изгнанника.

Прошло еще два года.

Въ началѣ сентября 1794 года съ митавскаго тракта переѣхалъ черезъ русскую границу какой-то путешественникъ въ небольшой дорожной коляскѣ, запряженной тройкой сытыхъ рослыхъ коней.

При пропискѣ вида въ пограничной таможенной конторѣ оказалось, что ѣхалъ въ Москву по торговымъ дѣламъ митавскій купецъ Эвальдъ Эрнестъ Юргенсонъ, видный, бѣлокурый мужчина, лѣтъ за сорокъ. На таможнѣ онъ говорилъ по-русски, повидимому, хорошо владѣя этимъ языкомъ. Съ ямщикомъ также говорилъ по-русски.

Видно было, что это богатый купецъ. Когда дорогой, въ какомъ-нибудь селѣ, онъ останавливался на постояломъ дворѣ, чтобъ покормить лошадей или переночевать, то изъ его дорожнаго сундучка появлялись на столъ не простые серебряные ножъ, ложка и вилка, но позолоченные; когда онъ писалъ что-либо на ночлегѣ, то вынималъ изъ того же сундучка хрустальную чернильницу и песочницу въ золотой оправѣ и богатомъ футлярѣ; а когда брился—вынималъ бритвы съ дорогими черенками.

Когда они доѣхали уже до Московской губерніи, то въ Звенигородскомъ округѣ Юргенсонъ завелъ съ своимъ ямщикомъ такой разговоръ:

— Карпъ, а Карпъ!—ты дремлешь?

— А? что такое?

— Дремлешь, говорю.

— Нѣту, господинъ купецъ,—съ чево мнѣ дремать?

— Ну, ладно Карпъ... А ты вотъ что мнѣ скажи: есть у тебя тутъ по дорогѣ, поближе къ Москвѣ, знакомые мужики?

— Есть—какъ не быть?—второй десятокъ ѣзжу.

— Гдѣ же? въ какомъ селѣ?

— Да хоть бы въ селѣ Перхушкинѣ—Сирота Степанъ.

— А знаетъ онъ Москву?

— Какъ не знать!—что свою ладонь знаетъ: десять лѣтъ ванькой на Москвѣ былъ.

— Славно, зэръ гутъ! Такъ во что, Карпъ: хочетъ онъ заработать лишній рубль?

— Какъ не хотѣть! И я хочу.

— Вотъ что, Карпъ: я хочу его послать въ Москву съ грамоткой впередъ, чтобъ мнѣ навстрѣчу выслали хорошую карету четверней. А то въ Москвѣ меня знаютъ богатые купцы, такъ мнѣ стыдно, не годится такъ-то просто въѣзжать—попышнѣе надо, для кредиту.

— Ладно, господинъ, понимаю-ста.

— Ну, такъ вези меня въ это Перхушкино, къ Сиротѣ.

Пріѣхали въ Перхушкино. На счастье, и Сирота былъ дома. Купецъ началъ говорить съ Сиротой.

— Вотъ что, любезный другъ, можешь ты съѣздить въ Москву?

— Для-че не съѣздить, баринъ?—живой рукой.

— Знаешь ты тамъ церковь Николы Столпа?

— Знаю, баринъ,—частенько стаивалъ у колоды.

Разговоръ шелъ въ избѣ у Сироты. Юргенсонъ вынулъ изъ дорожнаго сундучка перо и чернильницу, досталъ бумаги и что-то написалъ на ней.

— Такъ малость,—говорилъ послѣ Сирота знакомымъ мужикамъ:—словно мачкомъ посыпалъ.

Потомъ вынулъ изъ того же сундучка восковую свѣчку въ серебряной коробочкѣ, зажегъ эту свѣчку, досталъ палочку сургуча и запечаталъ письмецо своимъ перстнемъ.

— На,—говоритъ,—любезный другъ,—катай съ этимъ въ Москву, къ Николѣ Столпу, и отдай тамъ дьячку Алексѣю.

— Ладно, найдемъ.

— Тотъ дьячекъ дастъ тебѣ отписку ко мнѣ, такъ ты ее и привези ко мнѣ въ Сетунь—знаешь?

— Для-че не знать?—Сетунь-ту—знаю.

— Въ Сетуни я буду ночевать; спроси тамъ митавскаго купца Юргенсона. Понялъ.

Сирота почесался въ затылкѣ.

— Ну, ужъ это, баринъ, запамятую.

— Такъ спроси тамъ: гдѣ тутъ остановился господинъ тройкой съ ямщикомъ Карпомъ.

— Ну, это будетъ поспособнѣе.

На томъ и порѣшили. Сирота поѣхалъ въ Москву, а Юргенсонъ въ Сетунь.

Въ Сетуни они остановились на ночлегъ. Юргенсону отвели на постояломъ дворѣ особую комнату. Такъ какъ скоро наступилъ вечеръ, то пріѣзжій попросилъ себѣ на ужинъ молока, а послѣ ужина, какъ выражался впослѣдствіи хозяинъ постоялаго двора, „все читалъ въ книжку".

Скоро подъ окномъ, выходившимъ на улицу, послышался стукъ.

— Кто тамъ?—спросилъ проѣзжій.

— Изъ Москвы,—отвѣчали подъ окномъ.

— А кого вамъ надо?

— Здѣся остановился господинъ тройкой?

— Здѣсь. А ты кто?

— Я Сирота буду.

— Такъ иди въ избу.

Это былъ, дѣйствительно, Сирота. Войдя въ избу, онъ перекрестился, шибко тряхнулъ волосами, поклонился и полѣзъ за пазуху.

— Вотъ, сударь, дьячекъ прислалъ грамотку.

— Спасибо, любезный.

Прочитавъ записку, проѣзжій сказалъ Сиротѣ:

— Вотъ что, любезный: завтра пораньше поѣзжай ты опять въ Москву, къ дьячку Алексѣю. Онъ тебя проводитъ къ моей сестрѣ, а ты ужъ съ нею пріѣзжай сюда: она хочетъ встрѣтить меня въ каретѣ четверней.

— Ладно, баринъ, все будетъ какъ по-писанному.

— Хорошо, ступай.

— А не будетъ ли, ваша милость, на водочку?—Страхъ какъ умаялся.

Проѣзжій далъ ему серебряную монету.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, къ постоялому двору, дѣйствительно, подъѣхала богатая карета четверней. На козлахъ рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ Сирота. Изъ кареты выпрыгнула хорошо одѣтая—не-то барынька, не-то барышня.

— Прахъ ее знаетъ,—толковали мужики, собравшіеся вокругъ кареты:—должно, барыня.

— Евоная сестра,—пояснилъ Сирота.

Пріѣхавшую провели прямо въ ту половину, гдѣ остановился Юргенсонъ.

— А, милая барышня!—обрадовался этотъ послѣдній:—здравствуйте.

— Здравствуйте,—смущенно отвѣчала пріѣхавшая, доставая изъ ридикюля записку.

— Вы отъ Марьи Дмитріевны?

— Да.

— Какъ я радъ! позвольте васъ поцѣловать.

Онъ поцѣловалъ смущенную дѣвушку и пробѣжалъ записку.

— Чудесно! наконецъ-то я опять буду въ Москвѣ. Что Марья Дмитріевна?

— Онѣ здоровы, слава Богу.

— А Петя?

— И Петя здоровъ.

— И Дуня, и Китовна?—А васъ нечего спрашивать: вы и выросли, и похорошѣли. Ѣдемте же.

Онъ расплатился съ хозяиномъ, съ Сиротою, велѣлъ своему ямщику ѣхать въ Москву, а самъ съ барышней сѣлъ въ карету и помчался къ Дорогомиловской заставѣ.

— И чудно все это, паря,—толковали оставшіеся мужики:—ни онъ купецъ, ни онъ баринъ.

— Нѣмецкой купецъ, сказываютъ.

— Нѣтъ, паря,—тутъ что-то неладно.

— А намъ што?—не пачпортъ спрашивать: въ Москвѣ разберутъ.

— Знамо, разберутъ... Вона кака каретина царска.

— Што и говорить! Онъ, може, прынецъ какой, а мы—пачпортъ!

Карета, въѣхавъ въ Москву и исколесивъ верстъ пять по шумной столицѣ, въѣхала во дворъ дома генеральши Ляпуновой.

На крыльцо выбѣжала Дуня, радостная, сіяющая. Вышла и Китовна.

— Батюшка баринъ! Ѳедоръ Иванычъ! заждались мы васъ.

Фонъ-Вульфъ,—это былъ онъ,—со всѣми расцѣловался. Въ этомъ домѣ всѣ его знали, тѣмъ болѣе, что онъ былъ прежде другомъ покойнаго генерала.

Марья Дмитріевна встрѣтила его въ залѣ, да такъ и повисла у него на шеѣ.

— Ѳедя! Теодоръ! другъ мой! наконецъ-то.

— Да, больше четырехъ лѣтъ не видались.

— Какое время! какое ужасное время я пережила!

— А давно государыня соизволила на нашъ бракъ?

Этотъ вопросъ засталъ Марью Дмитріевну врасплохъ. Она смѣшалась, покраснѣла. Но ее выручилъ маленькій Петя. Онъ влетѣлъ въ комнату, таща за собой деревянную лошадь. Увидавъ незнакомаго мужчину, онъ остановился въ недоумѣніи.

— Петичка! Пьеръ, иди поздоровайся съ дядей, — заговорила Марья Дмитріевна:—не правда ли, какой милый мальчикъ?

Что-то неуловимое пробѣжало по лицу Вульфа, когда онъ увидѣлъ этого ребенка.

Почему-то моментально память его перенеслась въ далекое дѣтство. Въ Амстердамѣ, въ домѣ своего отца, онъ часто, каждый день, видѣлъ въ трюмо отраженіе вотъ такого же точно мальчика: мягкіе льняные волосы, необыкновенно бѣлое, нѣжное личико и точно такіе свѣло-голубые глаза. И какъ молнія пронеслась передъ нимъ вся его кочующая жизнь съ ея треволненіями и несбывшимися надеждами.

Онъ всталъ и приблизился къ мальчику. Онъ хотѣлъ улыбнуться и не могъ. Ребенокъ попятился назадъ, глядя съ боязнью на незнакомца.

— Ахъ, Петичка! чего ты боишься? Дядя добрый.

Мальчикъ, заворотивъ своего коня, бѣгомъ пустился въ другія комнаты.

— У насъ никто не бываетъ изъ мужчинъ, оттого онъ и дикій такой,— пояснила Марья Дмитріевна:— а не правда ли (она оглянулась кругомъ, въ комнатѣ, кромѣ нихъ, никого не было), не правда ли, — сказала она тихо:—какъ онъ на тебя похожъ?—вылитой!

— Да, — отвѣчалъ Вульфъ, задумчиво: — я какъ увидалъ его, такъ сейчасъ же вспомнилъ, что я такого же точно мальчика постоянно видѣлъ въ трюмо въ домѣ моего отца.

— Это ты, конечно, себя видѣлъ?

— Да... Однако, ты мнѣ, все-таки, еще не сказала, получила ли ты отъ государыни позволеніе возвратиться мнѣ въ Россію?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, милый,—перебила его хозяйка:—я не хочу говорить теперь о дѣлѣ, я такъ рада видѣть тебя.

— Кушать готово, пожалуйте, — заспаннымъ голосомъ проговорилъ лакей Макаръ, появившись на порогѣ.

XVII.

Поиски священника.

На другой день, утромъ, въ переднюю генеральши Ляпуновой вошелъ стройненькій, высокенькій юноша въ мундирѣ сержанта. Мундиръ былъ съ иголочки. Юный сержантъ смотрѣлъ совершеннымъ красавцемъ: сѣрые, веселые, смѣющіеся глаза, густыя, черныя брови дугой, чуть пробивающійся пушекъ надъ верхней губою, капризно вздернутый носикъ — все такъ и сверкало молодостью, свѣжестью.

— Генералъ у себя? — смѣло спросилъ сержантикъ полусоннаго Макара, который, какъ говорится, походя спалъ.

— Какой генералъ?—спросилъ, онъ показывая видъ, что стряхиваетъ пыль съ висѣвшаго въ передней платья.

— Генералъ-маіоръ Николай Ѳедоровичъ Ляпуновъ,—пояснилъ хорошенькій сержантикъ.

— Баринъ давно умерши,—отвѣчалъ лакей.

— А генеральша?

— Генеральша у себя.

— Можно ее видѣть?

— А какъ объ васъ доложить прикажете?

— Сержантъ Никитинъ.

— А по какому дѣлу-съ?

— А вотъ по какому: есть у нея лакей, Макаромъ зовутъ—такой лѣнтяй, что походя спитъ. Такъ его велѣно сослать туда, куда онъ телятъ не гоняетъ.

И сержантикъ звонко расхохотался. Ошеломленный Макаръ и руками развелъ.

— Ахъ, барышня!.. вотъ шутница! А я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что сержантъ... Вотъ озорница!

Дуня продолжала заливаться. Это была она, наряженная сержантомъ. Ей сшили на-дняхъ хорошенькое сержантское платье; а когда портной, снимавшій съ нея мѣрку, спрашивалъ, зачѣмъ это барышню наряжаютъ сержантомъ, то Марья Дмитріевна сказала ему, что скоро въ дворянскомъ собраніи будетъ костюмированный балъ, и потому она хочетъ одѣть Дуню сержантомъ. Теперь она нарядилась въ этотъ костюмъ, подвела себѣ сажей брови, нѣсколько начернила усики и подшутила надъ соннымъ Макаромъ.

— А что, испугался?—радовалась она.

— Испужаться, барышня, не испужался, а такъ—сразу-то—и опѣшилъ малость.

— То-то, собирайся же—сейчасъ ѣдемъ.

— Да я, барышня, готовъ-съ: мнѣ еще вчера въ вечеру крѣпко Китовна наказывала.

Между тѣмъ, у крыльца уже ждали готовые въ путь экипажи—карета четверней и рессорная коляска тройкой, та самая, въ которой фонъ-Вульфъ пріѣхалъ изъ-за границы. Вскорѣ на крыльцо вышли Ляпунова съ Вульфомъ, Дуня въ костюмѣ сержанта, Маша и Макаръ въ ливреѣ. Марья Дмитріевна и фонъ-Вульфъ сѣли въ карету, Макаръ всталъ на запятки, а Дуня и Маша помѣстились въ коляскѣ. Китовна съ Петей стояли на крыльцѣ и смѣялись, гляда на переряженную Дуню, которая дѣлала имъ честь по-военному.

Экипажи двинулись. Вульфъ сидѣлъ молчаливо, съ пасмурнымъ видомъ, а Марья Дмитріевна казалась смущенною.

— Все-таки, лучше бы намъ ѣхать въ Шкловъ, къ Зоричу,—говорилъ Вульфъ, глядя въ окно кареты.

— Ахъ, милый, я незнакома съ Зоричемъ,—возражала Марья Дмитріевна:—да мнѣ и совѣстно.

— Чего жъ тутъ совѣститься? Я васъ познакомлю.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

— Но пойми, мой другъ, тамъ всего безопаснѣе вѣнчаться: Зоричъ прикажетъ попу—и насъ въ мигъ повѣнчаютъ.

— Да и въ деревнѣ у меня повѣнчаютъ—священникъ свой.

— А люди донесутъ?

— Не донесутъ.

— Да, легко это говорить! Разъ ужъ я посидѣлъ подъ карауломъ, да и высланъ изъ Россіи; а какъ теперь попадусь, такъ и въ Сибирь, пожалуй, угожу.

— Что ты! что ты!—Когда я буду твоею женой, тогда мнѣ легче будетъ испросить у государыни помилованіе тебѣ, какъ моему мужу.

— Не знаю, Мари, но все лучше было бы подъ крылышкомъ у Зорича: къ нему полиція не смѣетъ носу показать.

— А какъ же, Теодоръ,—ты самъ же говорилъ, что при тебѣ арестовали у Зорича графовъ Зановичей, ихъ любовницу итальянку и Зоричевыхъ карловъ.

— А! то другое дѣло, душа моя:—то за фальшивыя ассигнаціи.

— Нѣтъ, какъ хочешь, Теодоръ, а у меня въ деревнѣ не въ примѣръ безопаснѣе.

День былъ прекрасный. „Бабье лѣто“ въ тотъ годъ стояло великолѣпное. Широкія полосы сжатаго хлѣба золотились подъ теплыми, яркими лучами солнца. Желтѣющій и краснѣющій лѣсъ поражалъ особенною цвѣтностью: листъ всѣхъ цвѣтовъ, начиная отъ темно-зеленаго и блѣдно-желтаго и кончая багрянымъ, придавалъ рощамъ видъ яркихъ цвѣтниковъ. Одуванчики выглядывали изъ зелени, словно по первовесенью. Всходы озимей представляли изъ себя длинныя полосы зеленаго бархата. Въ воздухѣ, на деревьяхъ и по травѣ тянулись и тихо плыли серебряныя нити:—это были тонкія нити паутины, предвѣщавшія продолжительную теплую и ясную осень. Высоко-высоко въ небѣ звонко перекликались хороводы пере-

летныхъ птицъ: то съ крикомъ тянулись къ югу на зимовку длинныя нити дикихъ гусей и журавлей—словно серебряныя выблескивали на солнцѣ ихъ вытянутыя шеи, широко распластанныя и медленно машущія въ воздухѣ крылья. Гладко укатанная послѣ дождей, совсѣмъ не пыльная дорога гулко отдавала подъ ударами копытъ и шинованныхъ колесъ.

Проѣхавъ верстъ сорокъ, наши путешественники остановились покормить лошадей. Они не заѣхали въ село, а остановились въ одномъ живописномъ перелѣскѣ, на берегу небольшой рѣчки, чтобъ избѣжать непріятности быть предметомъ любопытства деревенскихъ зѣвакъ, а овса съ ними было достаточно, чтобы покормить лошадей.

Макаръ разослалъ подъ старой развѣсистой сосной большой коверъ, вынулъ изъ экипажей подушки, притащилъ кульки съ провизіей и винами, и маленькая компанія усѣлась пировать. Щедрая Китовна насовала въ кульки всего вдоволь: „кокурокъ“ съ запеченными въ нихъ яйцами, сыру, колбасъ, коробку сардинокъ, жареную индѣйку, грушъ, яблокъ нѣсколько бутылокъ вина, въ томъ числѣ и шампанскаго; не забыла и небольшой складной дорожный самоваръ со всѣмъ къ нему необходимымъ.

Вынувъ все это, Макаръ, который ожилъ на воздухѣ, началъ ставить самоваръ, а барышня готовить трапезу. Молодой сержантъ болталъ неумолкаемо.

— Я вынулъ ножи, и нарѣзалъ колбасы...

— Смотри же, Дуня, не осрамись въ церкви,—смѣялась Марья Дмитріевна, картинно развалившись на коврѣ.

— Здѣсь, сударыня, нѣтъ Дуни.

— Ахъ, забыла... сержантъ Никитинъ.

— Чево изволите, ваше превосходительство?—стрункой вытягивалась озорница Дуня.

— Не осрамись, говорю, въ церкви.

— Чѣмъ, ваше превосходительство?

— Не подпишись подъ обыскомъ — сержантъ Иванъ Нититинъ руку приложила.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, этого никогда не будетъ.

Фонъ-Вульфъ не могъ не любоваться миловидностью этой бойкой дѣвушки. Какъ охотно онъ промѣнялъ бы на нее свою невѣсту! Послѣ того, что она надъ нимъ продѣлала, въ душу его засѣло чувство недовѣрія къ этой особѣ: онъ не могъ не возмущаться тѣмъ, что она ложью, обманомъ заманила его въ Россію, точно въ западню. Правда, это она сдѣлала изъ любви къ нему; но этимъ она заставила потускнѣть, какъ тускнѣетъ поверхность зеркала отъ дыханія, его дружеское, довѣрчивое чувство къ ней.

Какъ бы то ни было, пиръ вышелъ на славу. Особенное оживленіе трапезѣ придавали неугомонная Дуня и Макаръ. Послѣдній, по своей мѣшковатости и тупости, никакъ не могъ войти въ роль заговорщика, и говоря съ Дуней, постоянно называлъ ее „барышней“.

— Какъ ты смѣешь, олухъ, называть меня барышней! — озадачивала она его:—я сержантъ!

— Виноватъ, барышня... то бишь — сержантъ, — поправлялся Макаръ.

Всѣ смѣялись, и Макаръ приходилъ еще въ большее смущеніе.

Наконецъ, лошади были готовы, и наши путешественники снова двинулись въ путь.

Солнце было еще довольно высоко, когда они пріѣхали въ село Знаменки, имѣніе Ляпуновой. Марья Дмитріевна тотчасъ же послала за священникомъ, небольшой, но чистенькій домикъ котораго стоялъ въ зелени какъ разъ противъ барскаго дома, недалеко отъ церкви. Къ священнику послана была Дуня, которой наказано было, чтобы батюшка захватилъ съ собою обыскныя церковныя книги, такъ какъ генеральша-де пріѣхала въ свою вотчину вѣнчаться.

Отецъ Иринархъ, сухой, съ живыми сѣрыми глазками старичекъ, явился вмѣстѣ съ Дуней, которая очень забавно изображала изъ себя мужчину, бравируя и голосомъ, и движеніями.

Подойдя подъ благословеніе и познакомивъ отца Иринарха съ женихомъ, Марья Дмитріевна сказала о цѣли своего пріѣзда въ вотчину.

— Благое дѣло, матушка, ваше превосходительство, — сказалъ отецъ Иринархъ: — сказано бо не добро быти человѣку едину.

— Да, да, батюшка, у меня же хозяйство, — какъ бы оправдывалась генеральша: — а я женщина, сами знаете.

— Какъ же, какъ же, матушка. Ваше же дѣло молодое, и Господь благословитъ ваше благоначинаніе... Такъ угодно будетъ приступить къ обыску?

— Да, батюшка, сдѣлайте милость. Вонъ на столѣ и чернильница.

Отецъ Иринархъ подошелъ къ столу, разложилъ на немъ обыскную книгу, вынулъ изъ кармана футляръ съ очками, досталъ оттуда нѣчто въ родѣ двухъ огромныхъ стеколъ телескопа и возложилъ эти орудія смотрѣнія на свой сухой носъ, который отъ этого сталъ такимъ жалкимъ, точно онъ попалъ подъ колеса. Умостившись около книги и испробовавъ перо на особой бумажкѣ, начертавъ неизбѣжную въ этомъ случаѣ фразу:

Проба пера и чернила,
Какая въ нихъ сила, —

батюшка сталъ что-то писать въ книгѣ, выставивъ номеръ, мѣсяцъ и число.

— Какъ прикажете ваше сіятельство записать? — обратился онъ къ Вульфу.

— Баронъ Ѳедоръ Ивановичъ фонъ-Вульфъ.

— Холосты или вдовствуете?

— Холостъ.

— Сколько имѣете лѣтъ отъ роду?

— Сорокъ одинъ.

— Въ какомъ чинѣ изволите обрѣтаться и какого вѣроисповѣданія?

— Римско-католическаго.

— Такъ-съ... А чинъ вашего сіятельства?

— Изъ прусской службы я вышелъ маіоромъ.

— Такъ вы изволите быть иностранцемъ—не россійскимъ подданнымъ?

— Да, я иностранецъ.

Отецъ Иринархъ положилъ перо. Онъ былъ въ недоумѣніи и не зналъ, что ему дѣлать.

— Простите, ваше превосходительство,—обратился онъ къ хозяйкѣ:— я въ затрудненіи.

— Почему же, отецъ Иринархъ?—спросила Марья Дмитріевна дрогнувшимъ голосомъ.

— Не дерзаю-съ, матушка.

— Что же? Вѣдь у насъ свидѣтели!

— Не дерзаю-съ преступить консисторскіе указы, законы-съ... Конечно, я не смѣю полагать, чтобы ихъ сіятельство, такъ сказать, сокрыли...

— Что сокрыли?

— Вступленіе въ бракъ... такъ сказать, въ ихней землѣ... потому ежели... Паче же, матушка, во избѣжаніе сумлѣнія, не благоволятъ ли ихъ сіятельство предъявить свой пачпортъ.

И Марья Дмитріевна, и фонъ-Вульфъ замялись.

— Паспортъ, вы говорите?.. Да... Но, къ сожалѣнію, я забылъ его въ Москвѣ,—видимо, сбивался послѣдній.

— Но помилуйте, отецъ Иринархъ,—вступилась Марья Дмитріевна:— развѣ вы меня не знаете?

— Какъ не знать, матушка?—Вы моя госпожа... А только воля ваша... За это меня разстригутъ—въ монастырь на смиреніе сошлютъ, а то и горшее бремя наказанія возложатъ на меня власти, а вы знаете, матушка,— у меня дѣти, самъ—семъ колочусь...

Онъ всталъ и, закрывъ книгу, дрожащими руками всовывалъ свои телескопы въ огромный футлиръ.

— Ну, какъ хотите,—холодно сказала Марья Дмитріевна:—мы найдемъ другого священника.

— Дай Богъ вамъ, дай Богъ, матушка, — бормоталъ растерявшійся отецъ Иринархъ:—а я, видитъ Богъ, не могу, не дерзну... указы святѣйшаго правительствующаго синода... не взыщите...

И, робко поклонившись, онъ незамѣтно скрылся за дверью.

XVIII.

Опять въ тайной экспедиціи.

Увы!—Вмѣсто свадебнаго пира нашихъ героевъ ожидала тайная экспедиція.

Мягкій свѣтъ осенняго солнца ярко освѣщаетъ обширную залу присутствія, играетъ на позолотѣ зеркалъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ и на золотой оправѣ очковъ секретаря съ совинымъ взглядомъ, отливаясь

серебромъ на сѣдыхъ головахъ трехъ судей тайнаго судилища. Всѣ они въ молчанiи ждутъ ввода подсудимаго. Тихо въ обширномъ судилищѣ. Слышенъ только шорохъ бумаги, производимый секретаремъ, да жужжитъ гдѣ въ углу муха, попавшая въ паутину.

Отворяется дверь, за которою сверкаютъ два штыка, и въ залу входитъ Вульфъ. Онъ держитъ себя съ достоинствомъ, но блѣдность и сѣдина, сверкнувшая на солнцѣ, изобличаютъ, что за послѣднiе дни онъ много пережилъ.

— Подсудимый! утверждаетесь ли вы на показанiи, данномъ вами на допросѣ у оберъ-полицеймейстера Козлова?—равнодушнымъ тономъ спросилъ первоприсутствующiй, словно бы онъ говорилъ: „прошу садиться“.

— Утверждаюсь,—былъ такой же равнодушный отвѣтъ.

— Повторите оное здѣсь вкратцѣ.

Вульфъ вздохнулъ. Видно было, что все это надоѣло ему, перемучило, и онъ началъ усталымъ голосомъ, монотонно, изрѣдка останавливаясь, чтобы что-то припомнить.

— Въ мартѣ 1790 года, вывезенъ я былъ изъ Россiи, подъ стражею, чрезъ польскую границу, чрезъ форпостъ Толочинской. Генеральша Ляпунова тайно отъ мужа провожала меня до первой станцiи. Въ Толочинѣ прожилъ я мѣсяца съ три. Оттуда писалъ къ Ляпуновой о присылкѣ денегъ черезъ почту. Адресовалъ письмо на имя живущаго на Стрѣтенкѣ портного, иностранца Еремiя. Ляпунова прислала мнѣ сто четыре червонца, лошадей моихъ и нѣкоторыя вещи чрезъ иностраннаго купца Карла Штрема, и при томъ писала, чтобъ чрезъ портного Еремiя не посылать ей писемъ, а чрезъ камердинера графа Ѳедора Андреевича Остермана-Шмита. Ляпунова должна была мнѣ до сорока тысячъ по векселямъ, которые я возвратилъ ея мужу безденежно, за что Ляпуновъ подарилъ мнѣ пару лошадей, а жена его выдала мнѣ въ той суммѣ росписку. Росписку эту я оставилъ въ прусской Силезiи у капитана Котолонскаго, который мнѣ прiятель, опасаясь, дабы въ случаѣ, когда захватятъ меня здѣсь со всѣми бумагами, оная не утратилась.

Онъ остановился, какъ бы что припоминая. Въ залѣ царствовала мертвая тишина; только слышно было, какъ въ паутинѣ билась муха, а за окномъ гугняво ворковали голуби.

— Получа отъ Ляпуновой деньги,— продолжалъ онъ:—поѣхалъ я въ Силезiю и явился тамъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Гойму, и жаловался на шефа вольнаго корпуса и моего командира, барона Шлихтена, въ томъ, что онъ не доставилъ свѣдѣнiй о моей службѣ къ московскому главнокомандующему, когда меня обвинили здѣсь въ самозванствѣ.

— Свѣдѣнiе было доставлено, — поправилъ его секретарь, вскинувъ на него и на судей свой совиный взглядъ.

— Да, точно,—подтвердилъ и Вульфъ:—баронъ Шлихтенъ оправдался, представя копiи съ своихъ писемъ въ Россiю и отвѣты на нихъ.

— Послѣ того,—продолжалъ онъ:—графъ Гоймъ приказалъ мнѣ остаться въ прусскомъ мѣстечкѣ Гарау и испросилъ у короля позволенiе жить мнѣ

въ Пруссіи. Когда я жилъ въ Гарау, то пріѣзжалъ ко мнѣ отъ Ляпуновой офицеръ Красовскій съ письмомъ. Ляпунова писала, что мужъ ея умеръ, и она послѣ него получила въ наслѣдство болѣе трехсотъ душъ, 170,000 рублей денегъ, кромѣ брилліантовъ и серебра, и что она, въ благодарность за возвращенные ей векселя и за претерпѣнное мною, хочетъ выйти за меня замужъ, и что когда получитъ отъ меня отвѣтъ, то, по раздѣлѣ имѣній съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, пріѣдетъ ко мнѣ, въ Силезію. При этомъ писала, что посылаетъ мнѣ пятьсотъ червонцевъ и куній мѣхъ. Мѣхъ я получилъ, а объ червонцахъ Красовскій сказалъ, что у него ихъ на дорогѣ украли. Красовскій сообщилъ мнѣ, что ни писемъ, ни портрета моего, которые я къ ней послалъ чрезъ камердинера Шмита, она не получала, и предложилъ мнѣ вести переписку съ Ляпуновой чрезъ брата его, Андрея Красовскаго, секретаря въ витебскомъ городовомъ магистратѣ, но чтобъ я не подписывалъ своего имени, потому что на почтѣ письма распечатываютъ. Красовскаго я отправилъ въ Москву, далъ ему на дорогу семьдесятъ червонцевъ и письмо къ Ляпуновой, въ которомъ писалъ, что если она хочетъ за меня замужъ, то пріѣзжала бы ко мнѣ въ Пруссію, и что я, въ ожиданіи ея, на другой не женюсь. Вскорѣ получилъ я отъ нея письмо, что раздѣлъ ея съ сыномъ конченъ, и ничто не препятствуетъ ей пріѣхать ко мнѣ, и чтобы я приблизился къ границѣ для встрѣчи ея. Поэтому и выѣхалъ я въ Митаву 11-го іюля 1793 года, а въ августѣ послалъ въ Москву своихъ людей и камердинера Карла Гензеля съ кучеромъ Юстомъ на своихъ лошадяхъ, съ пашпортомъ изъ Риги, для препровожденія ко мнѣ Ляпуновой...

Въ это время за стѣной послышался стонъ, потомъ женскій хохотъ. Фонъ-Вульфъ остановился. Хохотъ продолжалъ звучать дикими тонами. Секретарь всталъ изъ-за стола и вышелъ, но вскорѣ воротился.

— Съ госпожей Ляпуновой истерика,—сказалъ онъ спокойно.

— Ничего, пройдетъ,—равнодушно замѣтилъ первоприсутствующій:—продолжайте.

Вульфъ, стараясь не слышать хохота и рыданій, продолжалъ.

— Люди мои прожили у Ляпуновой въ домѣ дня три, послѣ чего она отправила ихъ обратно ко мнѣ съ письмомъ, извѣщая, что осталась въ Москвѣ для собранія своихъ денегъ по векселямъ и закладнымъ, и пріѣдетъ ко мнѣ непремѣнно въ январѣ. По полученіи этого письма я писалъ къ королю прусскому, объясняя, что намѣренъ жениться на русской генеральшѣ, вдовѣ, и просилъ о пожалованіи мнѣ инконата, то-есть диплома на право покупать въ Пруссіи деревни, и при томъ просилъ дозволенія носить мундиръ арміи прусской. Король прислалъ мнѣ дозволеніе на все, что я просилъ. Но въ январѣ нынѣшняго года Ляпунова ко мнѣ не пріѣхала, и я послалъ къ ней камердинера своего съ оригинальнымъ отвѣтомъ короля, для удостовѣренія ея въ королевскомъ благоволеніи, и при томъ писалъ, что если она ко мнѣ не пріѣдетъ, то сдѣлаетъ меня передъ королемъ обманщикомъ, и требовалъ отъ нея рѣшительнаго отвѣта.

Онъ остановился и прислушался. За стѣной было тихо, только съ улицы доносилось знакомое протяжное выкрикиванье:

Макъ медовый,
Для сна бѣдовый.

Вульфъ вспомнилъ, что это самое выкрикиванье слышалъ онъ шесть лѣтъ назадъ, когда его первый разъ везли въ тайную экспедицію.

— Въ мартѣ,—продолжалъ онъ, вздохнувъ:—возвратился камердинеръ изъ Москвы и разсказалъ, что вмѣстѣ съ купцомъ Шоу, съ которымъ онъ пріѣхалъ изъ Митавы, онъ стоялъ три дня въ трактирѣ „Царьградъ", гдѣ ихъ обокрали и нѣсколько разъ представляли губернатору. Гензель показывалъ Ляпуновой отвѣтное письмо короля прусскаго, но она не умѣла читать по-нѣмецки, а читалъ ей какой-то лѣкарь. Гензель привезъ мнѣ обратно королевское письмо и письмо отъ Ляпуновой. Она отвѣчала, что намъ въ королевскомъ жалованьѣ нужды нѣтъ, потому что она старается исходатайствовать у императрицы милость, чтобъ позволено мнѣ жить въ Москвѣ. Потомъ писала, что я могу самъ пріѣхать, потому что она выпросила мнѣ высочайшее соизволеніе возвратиться въ Москву и на ней жениться. Она просила меня пріѣхать и остановиться въ Сетуни, въ десяти верстахъ отъ Москвы.

— Хорошо, — остановилъ его первоприсутствующій: — дальше мы знаемъ. А какъ взяли васъ послѣ того, какъ священникъ не согласился на вѣнчаніе?

— Послѣ отказа священника,—отвѣчалъ Вульфъ:—мы переночевали въ Знаменкахъ, и Ляпунова хотѣла, чтобы я ѣхалъ съ нею обратно въ Москву, но я не соглашалася, а хотѣлъ ѣхать обратно за границу. Но какъ у нея былъ одинъ экипажъ, а другой принадлежалъ мнѣ, съ нею же были двѣ дѣвушки, лакей и кучеръ, и всѣмъ имъ въ одномъ экипажѣ помѣститься было невозможно...

— Ну, возможно,—перебилъ его первоприсутствующій:—карета была четвероместная... Ну-съ?

— Такъ Ляпунова рѣшилась ѣхать со мною далѣе по петербургской же дорогѣ въ домъ извозчика, который съ нами ѣхалъ—за Клиномъ, въ 35 верстахъ, а въ какомъ селеніи—не упомню.

— Въ Городищѣ,—подсказалъ секретарь.

— Да, точно. Мы намѣревались, чтобъ мнѣ тамъ остаться, а ей ѣхать съ своими людьми въ обоихъ экипажахъ въ Москву, мнѣ же дожидаться возвращенія моей коляски и потомъ слѣдовать за границу. 12-го сентября, пріѣхали мы въ домъ къ извозчику вечеромъ, гдѣ и ночевали; а на другой день извозчикъ имѣлъ надобность остаться дома, а въ проводники давалъ намъ своего сына, который въ то время былъ на работѣ. Я остался еще день у извозчика. Между тѣмъ, Ляпунова, потихоньку отъ меня, посылала извозчика искать священника, который обвѣнчалъ бы насъ, — и нашелъ такого въ деревнѣ Шошѣ, но онъ не могъ пріѣхать по случаю праздника.

Тогда я, не желая больше тамъ жить, упросилъ Ляпунову ѣхать въ Москву. 14-го числа она уѣхала, и разстались съ тѣмъ, чтобъ она выхлопотала мнѣ дозволеніе служить и быть русскимъ подданнымъ, а въ случаѣ неудачи— чтобы она пріѣхала ко мнѣ, въ Митаву. Но на другой день пріѣхалъ въ то селеніе вѣдомства московской управы благочинія частный приставъ и, взявъ меня, за стражею привезъ въ Москву, представилъ оберъ-полицеймейстеру, а отъ него представленъ къ губернатору, а отъ губернатора я препровожденъ сюда.

Вульфъ кончилъ. Его, видимо, утомило продолжительное показаніе. Солнце довольно высоко поднялось къ полудню и измѣнило картину освѣщенія залы, длиннаго судейскаго стола съ зерцаломъ, которое бросало теперь тѣнь на худое лицо секретаря и ярко горѣло позолотою рамъ и двухглаваго орла.

— Ну, а относительно политическихъ обстоятельствъ?—спросилъ первоприсутствующій, медленно нюхая табакъ изъ дорогой, „пожалованной“ табакерки.

Вульфъ тряхнулъ головой—онъ чувствовалъ, какъ она отяжелѣла.

— Въ бытность мою сей разъ за границею,—началъ онъ усталымъ голосомъ:—во все время нигдѣ я, кромѣ Пруссіи, не жилъ, ни съ кѣмъ никакихъ относящихся до нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ связей, ни переписокъ не имѣлъ, ниже когда-либо мысленно занимался чѣмъ-нибудь на вредъ какой-либо націи; въ Россію же осмѣлился въѣхать, по увѣренію госпожи Ляпуновой, что пребываніе мнѣ здѣсь позволено, въ чемъ я ни мало не сомнѣвался и считалъ себѣ за долгъ вѣрить такой особѣ, которая совсѣмъ мнѣ предана и готовилась быть мнѣ супругою.

— Довольно; можете идти.

Вульфъ вышелъ, шатаясь. Въ дверяхъ опять блеснули штыки.

— Ввести генеральшу Ляпунову.

Секретарь вышелъ, а присутствующіе съ улыбкой переглянулись.

— Видно, какъ кошка влюблена,—бросилъ словцо первоприсутствующій.

— Не мудрено—мужикъ ражій.

— А второй разъ влопался,—замѣтили другіе члены.

— Что жъ!—и баба сытная...

Дверь отворилась, сверкнули штыки, и въ залу вошла Ляпунова подъ густою, черною вуалью.

— Возьмите мѣсто, сударыня,—любезно сказалъ первоприсутствующій, указавъ на стоящее въ сторонѣ кресло:—и потрудитесь приподнять вуаль.

Ляпунова повиновалась. Красивое лицо ея было заплакано.

— Извините, сударыня, долгъ службы,—еще ласковѣе заговорилъ главный судья:—мы васъ долго не задержимъ. Скажите, пожалуйста, вы утверждаетесь на томъ, что изволили показать оберъ-полицеймейстеру?

— Да,—былъ чуть слышный отвѣтъ.

— Прекрасно-съ... Потрудитесь же теперь сказать ваше послѣднее слово.

Не глядя ни на кого, Марья Дмитріевна сказала:

— Я введена въ обманъ... Мнѣ обѣщали высочайшую милость, и я

вызвала сюда барона... Когда же онъ узналъ здѣсь, что милость еще не вышла, то изъ страха быть пойманнымъ хотѣлъ возвратиться за границу... Но моя любовь и убѣжденіе къ нему, кое я почитаю пуще самой смерти, отъ того его удержало, ибо я отпустить его никакъ не соглашалась... Впрочемъ, я совершенно теперь чувствую тотъ сдѣланный мною дерзновенный поступокъ, который я отважилась сдѣлать противъ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, что свела непозволенную переписку съ изгнаннымъ изъ Россіи человѣкомъ...

— Точно, точно, сударыня.

— Но вся наша переписка состояла въ единственномъ увѣреніи съ обѣихъ сторонъ въ любви.

— Прекрасно, сударыня, это вполнѣ должно облегчить вашу участь.

— Я надѣюсь, господа судьи... Все это я дѣлала единственно изъ непосредственной къ Вульфу приверженности и любви, и для того прошу всемилостивѣйшаго отъ ея величества въ томъ помилованія, ибо ей самой сіе нѣжное чувство свѣдомо...

Первоприсутствующій крякнулъ и нетерпѣливо завертѣлся въ креслѣ, а секретарь усиленно зашуршалъ бумагами...

— Я осмѣливаюсь утруждать государыню, — продолжала Ляпунова, ничего не замѣтивъ:—дабы мнѣ дозволено было съ Вульфомъ вѣнчаться, ибо я увѣрена, что если онъ удостоенъ будетъ высочайшаго прощенія и будетъ принятъ въ службу, то совершенно самъ ту свою вину заслужить можетъ.

Марья Дмитріевна окончательно пріободрилась отъ любезнаго обращенія съ ней страшнаго судьи, котораго она воображала себѣ въ видѣ заплечнаго мастера, съ орудіями пытки, вздергивающаго ее на дыбу, и послѣднюю свою рѣчь говорила не безъ кокетства: „о, да тайная совсѣмъ не страшна“,—сквозило въ ея повеселѣвшихъ глазахъ:—„а я-то, дура, боялась“.

— Да, да, сударыня,—ободрялъ ее первоприсутствующій:—надѣйтесь на матернее милосердіе ея императорскаго величества... Мы васъ больше не смѣемъ задерживать.

И Марья Дмитріевна, торжествующая и гордая, кокетливо поклонившись „милымъ старичкамъ“ и опустивъ на лицо вуаль, вышла изъ залы суда королевой.

— А глупешенька-таки барынька,—улыбнулся страшный судья:—ухъ, какъ глупа!

— А смазливая бабенка,—замѣтилъ другой судья.

— У нѣмца-то губа не дура: зналъ, кого слопать.

— Чай, и на тебя довелись, такъ не въ промахъ бы ударилъ.

— Да, да... Ввести Красовскаго! — скомандовалъ главный „милый старичекъ“.

Опять тихо въ тайномъ судилищѣ. Только муха продолжала биться.

— Ишь жужжитъ, окаянная,—замѣтилъ кто-то.

— Да, къ намъ, въ тайную попалась.

Дверь отворилась, и у порога показалась робкая фигура субъекта, повидимому, скромнаго и вкрадчиваго, но по натурѣ хищнаго, способнаго заползать въ чужой карманъ. Это было что-то развинченное или безпозвоночное—такъ легко гнулась его спина.

— Ты Красовскій?—спросилъ первоприсутствующій.

— Красовскій-съ, ваше высокопревосходительство.

— Тебѣ извѣстно, что показываетъ на тебя генеральша Ляпунова?

— Извѣстно-съ, только это поклепъ-съ... Дѣло было такъ-съ, ваше сіятельство: въ 1792 году вознамѣрился я ѣхать въ Польшу для свиданія съ своими родственниками и получилъ-съ пашпортъ. Генеральша Ляпунова, которая крестила у меня дочь, узнавъ объ этомъ, просила меня развѣдать объ иностранцѣ Вульфѣ—живъ ли онъ, гдѣ находится, и въ какомъ состояніи, и дала мнѣ для доставленія къ нему письмо и денегъ ассигнаціями тысячу сто рублей и куній мѣхъ. Деньги я обмѣнялъ въ Москвѣ на червонные и выѣхалъ 10-го января. Проѣзжая городъ Венгровъ, на постояломъ дворѣ у меня украли деньги изъ-подъ подушки. Вульфа я нашелъ въ польскомъ мѣстечкѣ Сховѣ, гдѣ онъ проживалъ. У него я прожилъ-съ съ недѣлю. Потомъ, повидавшись съ своими родственниками, возвратился я въ Москву въ апрѣлѣ-съ. Вскорѣ, когда я вознамѣрился ѣхать въ Петербургъ хлопотать о мѣстѣ-съ, госпожа Ляпунова объявила мнѣ, что она намѣрена просить государыню о дозволеніи ей для поправленія своего здоровья, а тѣмъ паче-съ отъ притѣсненія ея родственниковъ, выѣхать изъ Россіи въ чужіе края, и просила меня написать такого содержанія письмо-съ, которое я тогда же написалъ-съ. Госпожа Ляпунова просила меня исполнить эту комиссію чрезъ петербургскихъ моихъ пріятелей-съ, о которыхъ я ей пересказалъ, увѣривъ ее, что я очень хорошо рекомендованъ отъ почтъ-директора Пестеля графу Безбородкѣ-съ и совершенно надѣюсь все то ея желаніе исполнить-съ. Поэтому, она какъ на проѣздъ мой, такъ равно и на изысканіе случая къ подачѣ того письма передавала мнѣ въ разныя времена до четырехъ тысячъ рублей-съ, а не тридцать тысячъ, какъ она показываетъ, ибо я совершенно могъ бы и большею суммою воспользоваться по хорошему ея ко мнѣ расположенію, но я толикой суммы отъ нея не получалъ. Письмо же къ государынѣ я подать не осмѣлился и, не показывая никому, оное оставилъ у себя, которое и нынѣ у меня находится.

Онъ полѣзъ въ карманъ и досталъ измятый пакетъ, который и положилъ на столъ около секретаря.

— Вотъ оно-съ,—сказалъ онъ, застегиваясь.

— Все?—спросилъ первоприсутствующій.

— Все-съ.

— Можешь идти.

Пріятель Пестеля юркнулъ въ дверь, словно мышь въ нору.

— Жуликъ отъявленный,—замѣтилъ первоприсутствующій:—теперь

остаются дѣвочки... Введите Лебедеву, господинъ секретарь... Вѣдь, это совсѣмъ дѣти.

Секретарь вышелъ, и тотчасъ же въ дверяхъ показалось смущенное, веснущатое личико Маши. Она остановилась и потупилась.

— Подойдите, милая, поближе,—ласково сказалъ первоприсутствующій:—не бойтесь, говорите смѣло все, что знаете.

Маша сдѣлала нѣсколько шаговъ и заплакала: слезы такъ и закапали сквозь пальцы, которыми она закрыла раскраснѣвшееся лицо.

— Объ чемъ же вы плачете, милая? Скажите только все, что знаете о намѣреніи генеральши Ляпуновой тайно обвѣнчаться съ иностранцемъ Вульфомъ.

— Я ничего не знаю,—всхлипывала дѣвушка:—меня Марья Дмитріевна посылала въ Сетунь для встрѣчи Вульфа... я и ѣздила, не посмѣла не поѣхать... она мнѣ какъ мать... А потомъ мы всѣ поѣхали въ Знаменки вѣнчаться, а батюшка не согласился... Тогда мы поѣхали въ Городище и тамъ распрощались, мы съ Марьею Дмитріевною и съ Дунею Бубновою уѣхали въ Москву, а онъ, Вульфъ, остался тамъ. Разговоровъ ихъ я не понимала, потому что они говорили по-французски... Потомъ насъ взяли...

За слезами она не могла больше говорить.

— Перестаньте же плакать,—уговаривалъ ее предсѣдатель:—вѣдь все ужъ... Сейчасъ васъ освободятъ, вы тутъ не при чемъ...

— Какъ не при чемъ!—продолжала рыдать дѣвушка:—я потерпѣла поносное заключеніе... двѣ недѣли... въ тюремномъ замкѣ... не вѣдая за собою никакого... криминальнаго дѣла... Я дѣвушка благороднорожденная... я чувствую всю тягость причиняемаго мнѣ безчестія...

— Полно же, полно, милая!—подошелъ къ ней первоприсутствующій:—идите себѣ съ Богомъ, вы свободны... Господинъ секретарь! прикажите ее вмѣстѣ съ подругою отправить домой въ каретѣ, съ должною честію... Идите же, милая.

Маша вышла вмѣстѣ съ секретаремъ.

— Ну, посмотримъ теперь на сержанта,—улыбнулся первоприсутствующій, нюхая табакъ.

У порога показалась зардѣвшаяся рожица юнаго сержантика. Дуня была все въ томъ же маскарадномъ уборѣ и такая же, какъ и была, хорошенькая.

— А! здравствуйте, господинъ сержантъ!—невольно разсмѣялся первоприсутствующій:—какъ поживаете? какого полка?

Дуня окинула всѣхъ своими большими сѣрыми глазами и, видя добродушныя лица старичковъ, съ любовью, какъ на шалуна ребенка, глядящихъ на нее, невольно улыбнулась, сверкнувъ своими перламутровыми зубами, и эта улыбка какъ бы говорила: „да какіе же они всѣ смѣшные!“

— Ну, господинъ сержантъ, что̀ вы намъ хорошенькаго скажете? а?—допрашивалъ ее „старикашка съ табачнымъ носомъ“, какъ послѣ называла его Дуня:—а?

— Поѣхала я съ Марьей Дмитріевной вѣнчаться,—начала подсудимая храбро.

— Вотъ какъ!—озадачилъ ее „старикашка съ табачнымъ носомъ“:— а намъ облыжно донесли, что она якобы хотѣла вѣнчаться съ Вульфомъ, та за него хотѣла выйти замужъ, а не за васъ... Вотъ такъ новость!

Дуня не выдержала и разсмѣялась совсѣмъ по-дѣтски. Засмѣялись и строгіе судьи.

— Ну-съ, это любопытно,—продолжалъ „табачныя носъ“:—поѣхали вы вѣнчаться...

— Не я, а Марья Дмитріевна... а меня нарядили сержантомъ,— оправдывалась Дуня.

— Для чего же-съ? ради машкараду?

— Нѣтъ... чтобы быть мнѣ при брачномъ обыскѣ росписчикомъ.

— И вы были-съ?

— Нѣтъ, батюшка не захотѣлъ.

— И хорошо сдѣлалъ. Ну-съ?

— А насъ взяли въ тюрьму понапрасну... Это для меня поношеніе и безчестіе...

— Ничего, милая дѣвочка, до свадьбы заживетъ... Все-съ?

— Все...

— Немного же... И то правда: хорошенькаго понемножку... Идите же, милая дѣвочка, съ Богомъ: васъ съ подругой отвезутъ домой въ каретѣ... Прощайте!

— Прощайте-съ...—и юный сержантъ скрылся за дверь.

— Сущіе ребята,—улыбнулся первоприсутствующій:—попались какъ куръ во щи... Въ такомъ духѣ объ нихъ и донесеніе слѣдуетъ изготовить государынѣ императрицѣ. А всему причиной эта баба, Ляпуниха, глупа, какъ карандашъ, что ни вели, то и нацарапаетъ, а какую кашу заварила! А объ государынѣ-то что ляпнула, замѣтили?

— Какъ не замѣтить! еще бы?

— Охъ, глупость, глупость! Не на китахъ, а на ней земля стоитъ...

XIX.

Въ кабинетѣ императрицы.

Угрюмый осенній день нависъ надъ Петербургомъ. Тяжелыя, сплошныя облака обложили все небо. Безпрерывный дождь вотъ уже второй день хлещетъ, а западный вѣтеръ, свистя и завывая гонитъ со взморья тучу за тучей, словно бы земля срывалась съ основанія, а опрокинувшееся море разверзало всѣ свои водныя хляби и заливало бѣдную землю. Съ крѣпости то и дѣло слышались пушечные выстрѣлы. Нева поднялась, вздулась и катила свои свинцовыя воды назадъ, вспять отъ моря. По этой

вспухшей поверхности рѣки безпомощно трепались суда, лодки, барки съ дровами и сѣномъ, разбиваемыя одна о другую и выбрасываемыя на набережную. Выбившіеся изъ силъ люди, мокрые, иззябшіе, метались по палубамъ, мостамъ и набережнымъ, не зная, за что ухватиться, что спасать, гдѣ прятаться. Подвалы залиты водой, торцовыя мостовыя вспучились,—а вѣтеръ и дождь не унимаются, огромныя валы по Невѣ такъ и ходятъ.

Императрица стояла у окна и задумчиво смотрѣла на бушующую Неву, на быстро несущіяся отъ взморья тучи, на безпомощно мечущихся людей. Она была одна въ своемъ кабинетѣ.

— Не легко бѣднымъ людямъ жить на свѣтѣ... А мы вотъ здѣсь въ теплѣ, въ холѣ и волѣ...

Она отошла отъ окна и приблизилась къ столу, чтобы работать, но потомъ снова задумалась.

Почему-то въ это угрюмое осеннее утро у нея изъ головы не выходилъ образъ того человѣка, котораго за то только, что онъ написалъ не понравившуюся ей книгу, ея сенатъ присудилъ къ смертной казни.

— Къ смерти! Неужели сенатъ сдѣлалъ это изъ угодливости мнѣ?.. Да, это несомнѣнно—это, чтобъ мнѣ угодить...

Она почувствовала, какъ краска разомъ залила ея щеки.

— Какъ же господа сенаторы дурно обо мнѣ думаютъ!

И краска все сильнѣе и сильнѣе заливала ея полное, старчески уже обвисавшее лицо.

— Хорошо, что я замѣнила смертную казнь ссылкою въ Сибирь... И то жестоко... Стара стала—оттого...

Она снова подошла къ окну. Вѣтеръ продолжалъ завывать порывами, и дождь хлесталъ косыми полосами въ стекла.

— Нѣтъ!—она улыбнулась:—это сенаторы испугались за свою шкуру,—вотъ что!.. Не даромъ эпиграфомъ своей вредной книги онъ поставилъ:

Чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй.

Тихій шорохъ толстой портьеры заставилъ ее обернуться.

— А!—это ты, Платонъ.

Въ кабинетъ, неслышно ступая по мягкимъ коврамъ, вошелъ молодой человѣкъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ—красивый, ловкій, широкоплечій, съ прекрасными черными, женственно-мягкими глазами. Это былъ Платонъ Зубовъ.

— Что, приняты мѣры для безопасности столицы?—спросила она съ прояснившимся лицомъ.

— Приняты, государыня. Сейчасъ пріѣзжалъ Архаровъ доложить, что вѣтеръ падаетъ и Нева пошла на убыль.

— Ну, слава Богу... А то у меня все сердце переболѣло за бѣдныхъ людей—шутка ли!

Она подошла къ своему любимцу и, положивъ руку на плечо, взглянула ему въ глаза.

— Скажи, Платонъ, откровенно: не слишкомъ ли я жестоко поступила, сославъ автора этой книги въ Сибирь?—спросила она, указывая на лежавшую на столѣ книгу.

— Нѣтъ, государыня, совсѣмъ не жестоко, а больше чѣмъ милостиво,—отвѣчалъ Зубовъ:—вѣдь сенатъ присудилъ его къ смертной казни.

— Такъ-то, такъ, мой другъ,—ласково сказала императрица:—а знаешь, что писалъ по этому поводу графъ Воронцовъ, Семенъ?

— Не слыхалъ, государыня.

— А то, что „если-де за книгу такое наказаніе, то что же должно быть за явный бунтъ?“

— Его, государыня, лорды тамъ въ Лондонѣ избаловали — Питты да Гранвили, оттого онъ и вольнодумничаетъ,—улыбнулся Зубовъ.

— Ты правъ, Платонъ: легко ему оттуда такъ писать... За явный бунтъ! Да Радищевъ хуже бунтовщика, хуже Пугачева! Онъ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ! *)

— Я помню, государыня, я читалъ его книгу: превредная!

Императрица положила руку на книгу.

— Тутъ разсѣваніе заразы французской! Отвращеніе отъ начальства!.. Авторъ—мартинистъ! **).

— Да, государыня, онъ, дѣйствительно, стоилъ казни.

— А не забудь, мой другъ!—волновалась императрица:—когда я приказывала разсмотрѣть его дѣло въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, я велѣла объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я то презираю! Но, мой другъ, j'aime à dire avec Racine:

Celui qui met un frein à la fureur des flots,
Sait aussi des méchants arrêter les complots.
Soumis avec respect à la volonté sainte,
Je crains Dieu—et n'ai point d'autre crainte ***).

Зубовъ молчалъ. Онъ видѣлъ, что государыня взволнована, и не зналъ, какъ отвлечь ее отъ мрачныхъ мыслей, которымъ она въ послѣднее время все чаще и чаще предавалась. Поэтому онъ обрадовался, когда за портьерой услыхалъ голосъ Льва Нарышкина, который говорилъ:

— Ну, Захарушка, говори: слава Богу!

— Что, батюшка, Левъ Александровичъ!—слышался голосъ Захара:—али вода убываетъ?

— Убываетъ, Захарушка, убываетъ.

— Да вы, батюшка, мокрехоньки!

---

*) „Дневникъ Храповицкаго“, 340 (Подлинныя слова Екатерины).
**) Тамъ же, 338.
***) Тамъ же, 344.

— Еще бы! вить поросятъ своихъ спасалъ.

Екатерина улыбнулась. Она ужъ догадалась, что „Левушка“ выдумалъ какую-нибудь проказу, чтобъ отвлечь ее отъ хандры, чаще и чаще посѣщавшей старѣющую императрицу.

Изъ-за портьеры показался Нарышкинъ. Онъ былъ, дѣйствительно, промоченъ дождемъ. Съ парика его скатывались капли.

— Ну, матушка государыня,—заговорилъ онъ, вступая въ кабинетъ:— и не чаялъ живу быть.

— Что такъ?—спросила государыня.

— Да поросятъ своихъ спасалъ, матушка.

— Отъ наводненія?

— Что, матушка, наводненіе!—отъ княгини Дашковой спасалъ.

— Какъ!—и у тебя съ ней ссора изъ-за свиней?

— Нѣту, матушка, какая ссора!—то она у брата моего побила свиней—это старая исторія... И стала она съ той поры сущимъ Емелькой Пугачевымъ: чьихъ бы свиней ни встрѣтила—сейчасъ рубить!.. Вотъ какъ сегодня случилось наводненіе, у меня подвальный этажъ и залило водой. А въ подвальномъ этажѣ у меня выкармливались молочкомъ прехорошенькіе голландскіе поросятки, потомки тѣхъ, что зарубила ея сіятельство, двора вашего императорскаго величества штатсъ-дама, академіи наукъ директоръ, императорской россійской академіи президентъ и кавалеръ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова... Охъ, матушка! дай передохнуть— такой титулъ большой!

— Ну, передохни; никто тебя не гонитъ,—смѣялась императрица.

— Такъ вотъ, государыня,—продолжалъ Нарышкинъ, передохнувъ:— когда это залило у меня подвальный этажъ, мои людишки, спасаючи поросятокъ, возьми да и выпусти на дворъ... А сіи глупые и неистовые мартинисты, завизжавъ и поднявъ хвосты, подобно Радищеву, возьми да и убѣги со двора, да прямо къ академіи наукъ... И на счастье, матушка, случись мнѣ въ сей самый моментъ проѣзжать мимо академіи, коли смотрю—бѣгутъ мои поросятки, словно Густавъ III отъ нашего Грейга, а за ними гонятся съ топорами—кто бы, ты думала, матушка?

— Княгиня Дашкова?

— Да, матушка, точно, да съ андреевской лентой черезъ плечо, а рядомъ съ нею, съ топоромъ же, Державинъ, Гаврило Романовичъ, коммерцъ-коллегіи президентъ, да такъ страшно оретъ:

Почто меня отъ Аполлона,
Меркурій, ты ведешь съ собой?
Средь пышнаго торговли трона
Мнѣ кажешь ворохъ золотой!

Императрица и Зубовъ смѣялись.

— Какъ увидалъ я это, матушка государыня,—продолжалъ Нарышкинъ все съ тою же серьёзною миною:—у меня и духъ заняло отъ страха...

Велю кучеру остановиться; выскакиваю изъ кареты—поросятки бѣгутъ прямо на меня; я разставилъ руки, чтобы ловить ихъ, а они узнали меня—я ихъ самъ часто молочкомъ пою — да ко мнѣ; я ихъ сейчасъ же къ себѣ въ карету, и былъ таковъ! Вотъ меня и замочило.

— Не вѣрьте ему, матушка,—послышался изъ-за портьеры женскій голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ показалось улыбающееся лицо Марьи Савишны Перекусихиной:—самъ на себя клеплетъ... Это онъ сейчасъ выставлялъ подъ дождь вашу любимую камелію, что́ въ Эрмитажѣ, — его и замочило... И хоть бы камеръ - лакеевъ позвалъ — нѣтъ, самъ все это продѣлалъ.

— Ахъ, Лёвушка, другъ мой!—съ сердечностью сказала императрица:—ты меня всегда балуешь.

— Вретъ она, старая вѣдьма!—оправдывался Нарышкинъ.

Но въ этотъ моментъ изъ-за Марьи Савишны выставилось серьезное лицо генералъ-прокурора, и всѣ разомъ примолкли: Перекусихина юркнула за портьеру, а Нарышкинъ отошелъ въ сторону, ворча:

— Ну, эти крючки вракъ не жалуютъ — сейчасъ Шешковскому въ пасть отдадутъ... Душегубы!

Несмотря на всю свою серьезность, Вяземскій при послѣднихъ словахъ улыбнулся.

— Съ докладомъ, Александръ Андреевичъ? — спросила императрица.

— Съ докладомъ, ваше величество.

— А вода убываетъ?

— Убываетъ, государыня,—автоматически отвѣчалъ генералъ-прокуроръ, вынимая изъ портфейля папку съ бумагами.

— Сегодня немного?

— Только одно дѣло изволили приказать доложить сегодня: объ иностранцѣ Вульфѣ и генеральшѣ Ляпуновой, государыня.

— А!.. Это тотъ Вульфъ,—обратилась Екатерина къ Зубову,—что у Зорича съ Зановичами на фальшивыхъ ассигнаціяхъ банкъ метали... Третій разъ молодецъ попадается.

Вяземскій, вынувъ опредѣленіе сената, подошелъ къ столу, за которымъ уже сидѣла императрица.

— Что присудилъ сенатъ?—спросила она.

— Слушали — приказали, — безстрастнымъ голосомъ началъ докладчикъ:—первое: иностранца Вульфа за продерзость его въ пріѣздѣ въ имперію нашу, откуда по именному указу нашему былъ высланъ съ запрещеніемъ впредь входить въ границы Россійской державы, держать шесть недѣль въ смирительномъ домѣ и потомъ выслать за предѣлы имперіи, подтвердя, что въ случаѣ подобнаго его дерзновенія подвергнетъ онъ себя строжайшему наказанію.

Императрица наклонила голову. Вяземскій ждалъ.

— Быть по сему... Что дальше?

— Второе,—продолжалъ Вяземскій:—вдовѣ Ляпуновой опредѣлить пре-

бываніе въ монастырѣ женскомъ, покуда она исправится, препоруча имѣть за поведеніемъ ея пристойное наблюденіе.

— Строгонько,—взглянувъ на Зубова, сказала императрица.

Потомъ она глянула на Вяземскаго съ какимъ-то двойственнымъ свѣтомъ въ глазахъ. Онъ очень хорошо зналъ этотъ лукавый свѣтъ и и сразу догадался, какая мысль прошла по душѣ его повелительницы. Свѣтъ этотъ являлся въ ея умныхъ глазахъ, когда она хитрила, лукавила. И Вяземскій нашелся, что отвѣчать, особенно же въ присутствіи Зубова.

— Сіе наказаніе, ваше величество, налагается на нее не за влеченіе ея сердца,—сказалъ онъ:—а за то, что она предерзостно воспользовалась именемъ вашего величества.

— Совершенно правда,—согласилась императрица.

— А Нелидова-то,—слышали, государыня?—отозвался изъ угла Нарышкинъ:—опять просится въ монастырь...

— Вотъ какъ! Туда ей и дорога,—брезгливо сказала императрица.

— Опять, матушка, хочетъ тамъ жить—dans la maison de demoiselles nobles où elle rapportera son coeur aussi pur, qu'il a été à sa sortie du couvent *),—съ гримасой Нелидовой произнесъ Нарышкинъ.

— Будто бы aussi pur!—пожала плечами императрица:—да оно у нея никогда не было pur... Еще дѣвчонкой, въ Смольномъ, она была ужъ кокеткой... Продолжайте, Александръ Андреевичъ.

— Третье,—читалъ Вяземскій:—дворянской опекѣ взять имѣніе Ляпуновой въ надлежащій присмотръ и управленіе на основаніи учрежденій нашихъ и съ тѣмъ, чтобъ изъ онаго, во-первыхъ, получала она приличное и достаточное содержаніе, и за тѣмъ бы то имѣніе предохранено было отъ разоренія.

— Быть по сему,—подтвердила Екатерина.

— Четвертое,—читалъ Вяземскій:—подпоручика Красовскаго, яко празднаго человѣка и подозрительнаго въ обманѣ ея, Ляпуновой, обѣщаніемъ стряпать о Вульфѣ, получивъ отъ нея и деньги, выслать изъ столицы въ Полоцкую губернію, гдѣ братъ его жительствуетъ, запретя ему выѣзжать въ обѣ столицы.

— И въ Шкловъ,—сошкольничалъ „Левушка“.

— Почему?—спросила императрица.

— А то и Зорича оберетъ.

Императрица на это ничего не сказала, а только улыбнулась.

— А объ дѣвочкахъ никакой резолюціи не положено?—спросила она Вяземскаго.

— Дѣвицы Лебедева и Бубнова тогда же освобождены отъ суда и слѣдствія, ваше величество,—отвѣчалъ онъ и подалъ изготовленное по этому дѣлу высочайшее повелѣніе къ московскому главнокомандующему, князю Прозоровскому.

*) Подлинныя слова Нелидовой („Дневникъ Храповицкаго“, 402).

Екатерина подписала. Вяземскій взялъ бумаги и откланялся. Въ кабинетѣ стало тихо, и Екатерина опять что-то задумалась. Зубовъ, незамѣтно толкнувъ Нарышкина, показалъ на нее глазами.

— Матушка!—заговорилъ Левушка:—а ты скучаешь?

— По комъ?—спросила она.

— По Храповицкомъ, матушка.

Она улыбнулась.

— Право же, матушка, ты по немъ тоскуешь: какъ прогнала его отъ себя, такъ и стала задумываться... Да и въ кабинетѣ у тебя безъ Храповицкаго скучнѣе стало; то ли дѣло бывало при немъ!—сидитъ тутъ да перлюстраціею забавляется...

— Нѣтъ,—серьезно сказала императрица:—я была несправедлива къ Радищеву, а теперь — къ Ляпуновой... Да, тяжело одному быть судьею милліоновъ.

Она встала и подошла къ окну. Нева еще бушевала, но вода пошла на убыль, и пушка стрѣляла все рѣже и рѣже

ЭПИЛОГЪ.

Подъ пирамидами.

Въ 1799 году, въ Египтѣ, въ разгаръ битвы подъ пирамидами, когда Бонапарте сказалъ свою знаменитую фразу о томъ, что на него и на его войско „съ высоты пирамидъ смотрятъ сорокъ вѣковъ“,—въ одну изъ палатокъ на перевязочномъ пунктѣ внесли одного раненаго офицера и положили на свободную койку. Ему только что перевязали смертельную рану, нанесенную въ бокъ копьемъ мамелюка.

На другой койкѣ, рядомъ съ этой, лежалъ другой раненый въ забытьѣ. Около него сидѣлъ другой офицеръ, съ подвязанной рукой, и печально смотрѣлъ въ лицо забывшагося товарища.

— Шведы близко... заходятъ съ той стороны Нейшлота... къ оружію!—заговорилъ вдругъ по-русски, въ бреду, тотъ, что лежалъ въ забытьѣ.

Вновь принесенный раненый слабо повернулъ голову къ тому, который бредилъ, и простоналъ:

— Господи! какъ занесло сюда русскаго?

Тотъ, у котораго подвязана была рука, въ изумленіи повернулся къ вновь принесенному.

— Баронъ!.. это вы?.. баронъ фонъ-Вульфъ?

— Графъ Зановичъ!—слабо простоналъ только что принесенный:—какими судьбами?

— Мы съ братомъ въ арміи Бонапарта... Насъ освободили изъ Нейшлота давно—и вотъ...

— Что же братъ?

— Умираетъ... онъ безнадеженъ... бредитъ Россіей... А вы, баронъ?

Фонъ-Вульфъ не отвѣчалъ—онъ потерялъ сознаніе.

— Зоричъ, Вульфъ, Нейшлотъ, пирамиды, Россія... и эта смерть!— схватившись свободной отъ перевязки рукой за голову, тихо застоналъ старшій Зановичъ и упалъ на колѣни около умирающаго брата.

Въ эту ночь ни барона фонъ-Вульфа, ни графа Аннибала Зановича не стало: нашли, наконецъ, гдѣ сложить свои буйныя головы — подъ пирамидами!

Конецъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ I.

„За чьи грѣхи?"—Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

Томъ II.

Томъ III.

Господинъ Великій Новгородъ. историческая повѣстъ.

Томъ IV.

Кумъ Иванъ, быль.

Царь и Гетманъ, историческій романъ въ 2-хъ частяхъ.

Томъ V.

Томъ VI.

Двѣнадцатый годъ, историческій романъ, въ 3-хъ частяхъ.

Томъ VII.

Томъ VIII.

Томъ IX.

Нашъ Одиссей.

Сила вѣры, быль.

Томъ X.

Соловецкое сидѣніе, историческая повѣсть изъ временъ раскола на Руси.

Томъ XI.

Между Сциллой и Харибдой.

Онъ идетъ, быль.

Томъ XII.

Великій расколъ, историч. романъ въ 3-хъ частяхъ.

Часть I-я.

Томъ XIII.

Великій расколъ. Часть II.

Томъ XIV.

Великій расколъ. Часть III.

Томъ XV.

Наносная бѣда, историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

Часть I.

Томъ XVI.

Наносная бѣда. Часть 2-я.

Томъ XVII.

Самозванцы и понизовая вольница, историческія монографіи въ 2-хъ частяхъ

Часть 1-я.

Томъ XXIV.

Авантюристы, историческая повѣсть.

Stanford University Libraries
3 6105 015 016 608

